Весь

ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

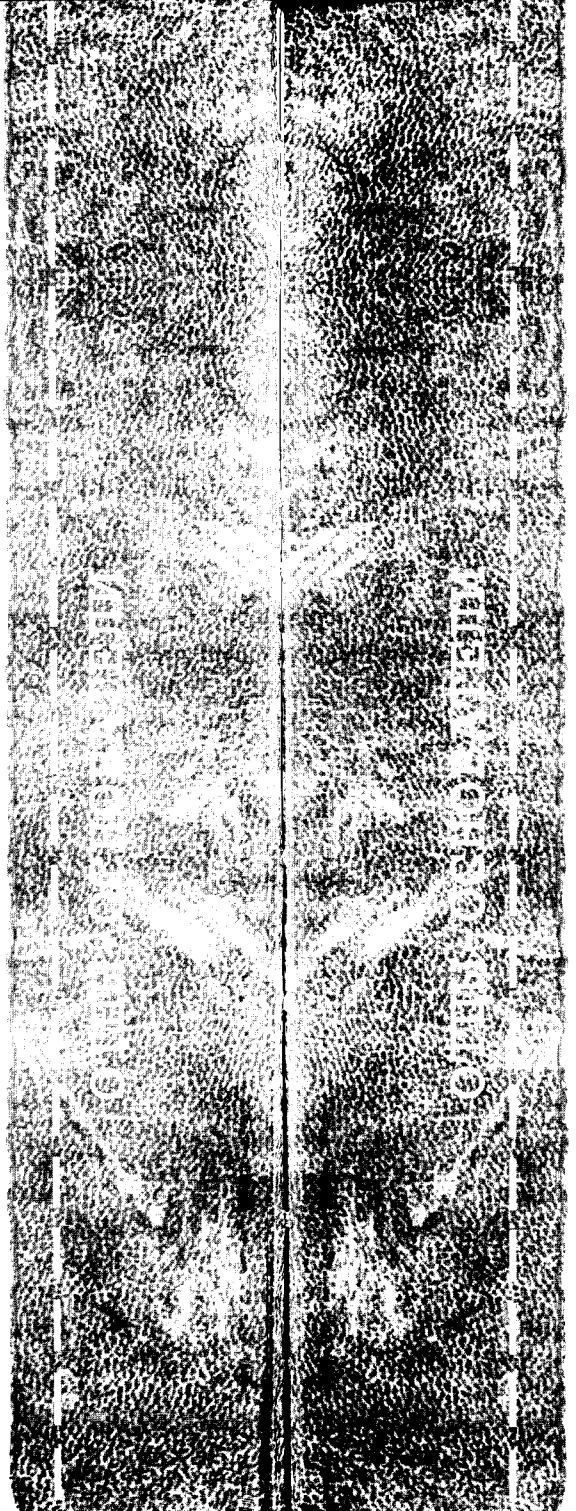
Весь

ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Роберт

ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ
ВСЕЛЕННОЙ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
Х 12

Robert A. Heinlein

THE MOON IS A HARSH MISTRESS
ORPHANS OF THE SKY
METHUSELAH'S CHILDREN

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*
Оформление художника *А. Саукова*
Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.
Х 12 Пасынки Вселенной: Фантастические романы / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ., сост., коммент. А. Ермолаев]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006. — 784 с. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

В этот том полного собрания сочинений Роберта Энсона Хайнлайна (1907—1988) вошли три знаменитых романа, каждый из которых произвел революцию в мировой фантастике и открыл новую эпоху в творчестве писателя.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Ответственный редактор *А. Ермолаев. Выпускающий редактор Н. Краюшкина*
Художественный редактор *А. Сауков.* Технический редактор *М. Белякова*
Корректор *Е. Шестакова*

В оформлении переплета использована иллюстрация *Д. Джанколо*

Издательство TERRA FANTASTICA издательского дома «Корвус».
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д 1-б. www. tf.ru E-mail: terrafan@tf.ru

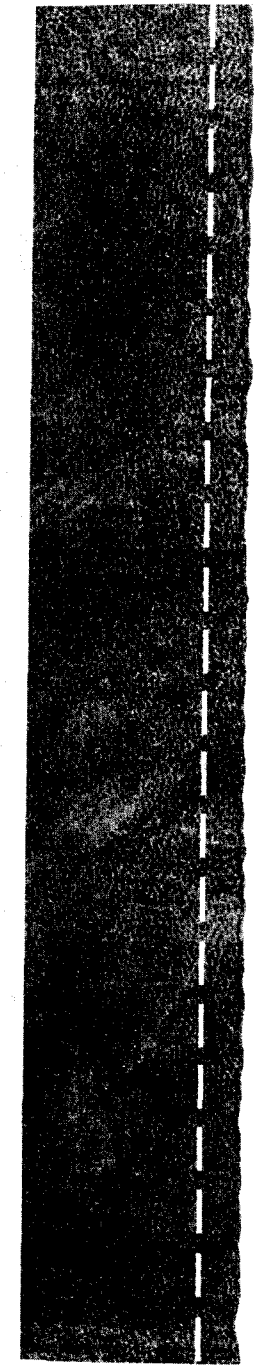
ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@ eksmo.ru**

Подписано в печать 05.04.2006.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 41,66.
Тираж 6000 экз.Заказ 6053

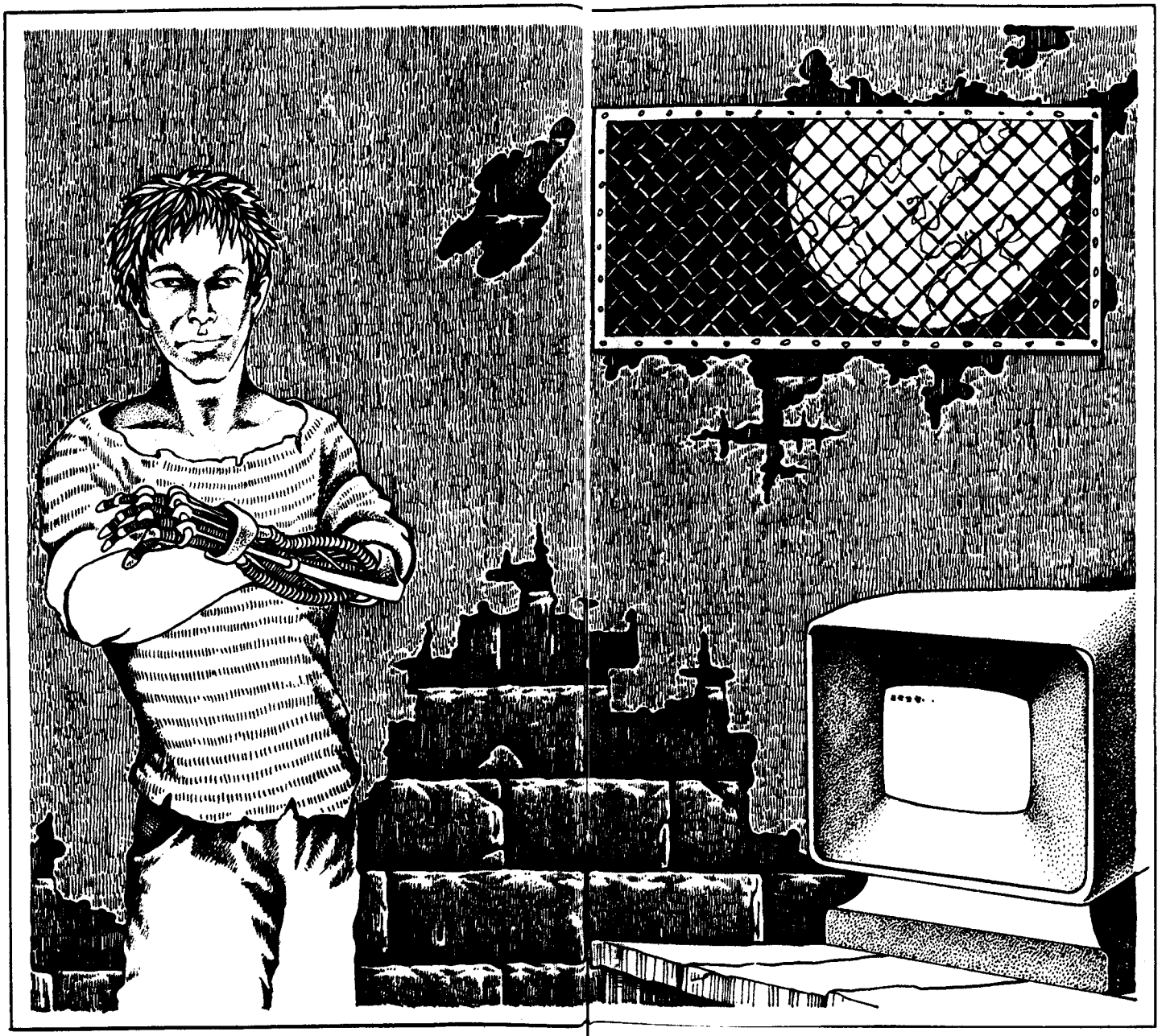
ОАО «Тверской полиграфический комбинат»,170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03,44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

© Перевод. Е. Беляева, А. Митюшкин, Н. Штуцер, В. Ковалевский, Д. Старков, 2006
© TERRA FANTASTICA, 2006
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 1993, 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-7921-0691-6(TF)
ISBN 5-699-16479-0(Эксмо)

ЛУНА — СУРОВАЯ ХОЗЯЙКА

© В. Ковалевский,Н. Штуцер, перевод, 2004

Посвящается Питу и Джейн Сенсебо

Часть I
ЭТОТ УМНИК-РАЗУМНИК

Глава 1

Гляжу — в газете «Lunaya Pravda»[1] пишут, что городской совет Луна-Сити принял в первом чтении постановление, позволяющее досматривать, лицензировать, инспектировать, а главное — облагать налогами предприятия общественного питания в границах муниципальной зоны. А еще пишут, что сегодня вечером состоится массовый митинг, на котором будет организовано толковище «Сынов Революции».

Мой родитель преподал мне два правила: «Не суй нос не в свое дело» и «Всегда снимай колоду перед сдачей». Политика меня не интересовала. Но в понедельник 13 мая 2075 года я оказался в машинном зале Комплекса Лунной Администрации — зашел, чтобы потолковать с главным компьютером Майком, пока другие машины тихо шепчутся между собой. Майк — это не официальное имя; я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал ИБМ*. Герой рассказа только и делал, что сидел и думал,— ну в точности как Майк. Он же у нас настоящий умник-разумник, самый смышленый компьютер в мире.

[1] Слова, написанные латинскими буквами, именно так приведены у автора.— *Здесь и далее примеч. пер.*

Правда, не самый быстрый. На Земле, в лабораториях Белла в Буэнос-Айресе, есть один умник, который в десять раз меньше Майка, а отвечает чуть ли не раньше, чем услышит вопрос. Но разве так уж важно — получите вы ответ через микросекунду или миллисекунду? Важно, чтобы он был верен.

Впрочем, Майк не всегда выдает правильные ответы; порой он не прочь и смухлевать.

Когда Майка установили в Луне, он был обычным умником с гибкой логикой — «Хомо-Ориентированный Логический Многокритериальный Супервизор, версия IV, модель L» — ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ. Он рассчитывал траектории для беспилотных грузовых барж и управлял их катапультированием. Это занимало у него меньше одного процента машинного времени, а Лунная Администрация праздности не одобряла. И стали к нему присобачивать все новые и новые аппаратные средства — блоки «решение-действие», позволившие ему управлять другими компьютерами, бесчисленные банки дополнительной памяти, новые банки ассоциативных нейристорных сетей, добавочный пакет двенадцатиразрядных случайных чисел, оперативную память, расширенную до неимоверного объема. В человеческом мозге содержится около десяти в десятой степени нейронов. На третьем году своего существования Майк имел нейристоров по крайней мере в полтора раза больше.

И тогда он *ожил*.

Я не собираюсь спорить на тему, может ли машина стать «по-настоящему» живой и обзавестись «настоящим» самосознанием. Обладает ли самосознанием вирус? Nyet! А как насчет устрицы? Сомневаюсь. Ну а кошка? Почти наверняка. Человек? Не знаю, как насчет вас, tovarishch, а я — определенно. Самосознание прорезается где-то на пути развития от макромолекулы к человеческому мозгу. Психологи уверяют, что это происходит автоматически, когда мозг накапливает достаточно большое число ассоциативных цепей. В таком случае — не вижу никакой разницы, протеиновые это цепи или платиновые.

(«Душа»? А у собаки она есть? А как насчет таракана?)

Учтите, что еще до всех модификаций Майк был сконструирован так, чтобы отвечать на вопросы, исходя из неполной информации — точно так же, как это делаете вы. Отсюда все эти «хомо-ориентированный» и «многокритериальный» в его титуле. Так что «свобода воли» была у Майка изначально, и ее границы расширялись по мере усложнения его собственной структуры и накопления знаний. Только не требуйте, чтобы я давал вам определение «свободы воли». Если вам больше нравится думать, что Майк просто жонглирует случайными комбинациями чисел и в соответствии с ними переключает цепи,— валяйте, думайте на здоровье.

Вдобавок ко всем устройствам вывода и печати Майку приспособили блоки водера и вокодера[1], так что он понимал не только классические программы, но и программы, составленные на Логлане и на английском, знал и другие языки, делал технические переводы, а главное — читал, причем читал запоем. Конечно, давать ему указания лучше было на Логлане. Если вы делали это на английском, результаты могли оказаться совершенно фантастическими: многозначность слов сбивала компьютер с толку, предоставляя слишком большую свободу выбора.

Сфера деятельности Майка расширялась до бесконечности. В мае 2075 года он уже контролировал не только беспилотный транспорт, но и пилотируемые корабли, управлял телефонной сетью Луны, а также видео- и радиосвязью Луна — Терра, регулировал атмосферное давление, водоснабжение, температуру, влажность и работу канализации в Луна-Сити, Новом Ленинграде и в нескольких более мелких поселениях (за исключением Гонконга-в-Луне), вел бухгалтерию для Лунной Администрации, а за особую плату — и для частных фирм и банков.

Как известно, логические схемы могут иногда выходить из строя из-за нервного срыва. Перегруженная телефонная сеть, например, начинает вести себя, как капризный ребенок. Майк нервными расстройствами не страдал, зато у него прорезалось

[1] Водер — устройство для распознавания и синтеза речи; вокодер — устройство цифрового кодирования речи.

чувство юмора. Правда, юмора низкопробного. Будь он человеком, вам пришлось бы постоянно держаться с ним начеку. Он счел бы верхом остроумия вывалить вас ночью из кровати или насыпать вам в скафандр порошок, вызывающий чесотку.

Поскольку проделать это он был не в состоянии, Майк забавлялся по-своему. Мог ни с того ни с сего дать ложный ответ, основанный на «вывернутой» логике. А недавно вдруг взял и выдал чек на выплату жалованья уборщику в офисе Администрации в Луна-Сити в размере 10 000 000 000 000 185,15 долларов-купонов, причем только пять последних цифр составляли правильную сумму. Ни дать ни взять шкодливый ребенок-переросток, которому следовало бы крепко всыпать по заднице.

Этот номер он отколол в первую неделю мая, а я должен был разобраться в причине сбоя и устранить ее. Я частный подрядчик и не состою на жалованье у Лунной Администрации. Вы, наверное, знаете... впрочем, откуда вам знать, времена теперь другие... В те старые недобрые времена многие лагерники, отсидев от звонка до звонка, продолжали ишачить на Администрацию и после срока, да еще радовались, что вкалывают за деньги. Но я здесь родился, я человек вольный, а это меняет дело.

Один из моих дедов был отправлен сюда из Йобурга[1] за вооруженное нападение и за отсутствие лицензии на работу; другого сослали за подрывную деятельность после окончания «Войны мокрых шутих». Бабушка с материнской стороны хвасталась, что прибыла на корабле, доставившем в Луну невест... но я-то видел списки. На самом деле она была рядовым (и отнюдь не добровольцем) «корпуса мира», что означает... именно то, о чем вы подумали: принадлежность к малолетним преступникам. Поскольку она состояла в раннем клановом браке (банда Стоунов) и делила шестерых мужей с еще одной женщиной, то вопрос о моем дедушке с материнской стороны так и остался открытым. Но это дело обычное, ничего тут особенного нет, и я вполне удовлетворен тем дедулей, которого она мне выбрала.

[1] Просторечное название Йоханнесбурга, ЮАР.

Другая бабушка, татарка, родилась близ Самарканда и после перековки в лагере «Oktyabrskaya Revolyutsiya» «добровольно» вызвалась участвовать в колонизации Луны.

Родитель мой божился, что родословная у нас весьма почтенная и древняя: одну из наших родоначальниц, мол, повесили в Салеме за колдовство, какого-то из праотцов колесовали за пиратство, а еще одну прародительницу вместе с первой партией каторжников отправили в Ботани-бей*.

Гордясь своими предками, я хоть и имел дела со Смотрителем, но на жалованье к нему ни за что не пошел бы. Вроде невелика разница: так и так я обслуживал Майка с того самого часа, когда его распаковали. Но для меня эта разница существенна; ведь я мог в любой момент сложить свои инструменты и послать их всех к чертовой матери.

Кроме того, частному подрядчику платили куда больше, чем служащему Администрации. А наладчиков компьютеров у нас вообще мало.

Как вы думаете, много найдется лунарей, способных отправиться на Землю и закончить курсы компьютерщиков, не загремев раньше времени в больницу? Из тех, конечно, что с ходу не загнутся?

Могу назвать только одного. Лично себя. Я был там дважды, один раз три месяца, другой четыре, и получил профессию. Но это потребовало беспощадного тренажа, упражнений на центрифуге, спать — и то без грузил не ложился. Да и потом на Терре не рисковал без нужды — никогда не торопился, никогда не взбирался по лестницам, всячески оберегал сердце от перегрузок. Женщины? О них я и думать забыл; впрочем, при земной гравитации больших усилий для этого не требовалось.

Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Булыжника — слишком это рискованно, если пробудешь в Луне больше нескольких недель. Компьютерщики, что устанавливали Майка, заключили краткосрочные сдельные контракты и вкалывали по-быстрому, чтобы смотаться прежде, чем необратимые физиологические изменения заточат их в четырехстах тысячах километров от дома.

Несмотря на два курса обучения, я не такой уж дока по части компьютеров. В высшей математике ни в зуб ногой, в электронике и физике — получше, но не очень. Возможно, даже не самый классный микросхемщик в Луне и уж ни в коем случае не кибернетик-психолог.

Но фору тем не менее могу дать любому узкому спецу: я специалист широкого профиля. Могу заменить повара и обеспечить бесперебойную работу кухни, могу починить ваш скафандр в полевых условиях и дотащить вас живым до шлюза. Техника любит меня, а еще один мой козырь перед прочими спецами — это левая рука.

Вот посмотрите: ниже локтя руки у меня нет. Зато есть дюжина специализированных левых рук плюс еще одна, на вид совсем как настоящая. Так что стоит мне надеть, к примеру, руку номер три и очки-стереолупу — и любой ультрамикроминиатюрный ремонт заделаю на месте, не надо ничего отвинчивать и посылать на Землю на завод: микроманипуляторы у моей номер три не хуже, чем у нейрохирургов.

Ну, естественно, за мной и послали, чтобы выяснить, с какой стати Майк вознамерился выкинуть на ветер десять миллионов миллиардов долларов-купонов Администрации, а также исправить повреждение, пока он не переплатил кому-нибудь незаметные десять тысяч монет.

Я согласился на условиях сдельной оплаты, но в схемах, по логике вещей ответственных за ошибку, копаться не стал. Просто запер за собой дверь, положил инструменты и уселся.

— Привет, Майк.

Он мигнул огоньками.

— Привет, Ман.

— Как жизнь?

Он замешкался. Я знаю, машины не колеблются. Но не забывайте — в Майка было заложено умение оперировать неполными данными. А недавно он перепрограммировал себя, сделав упор на восприятие слов, и теперь явно растерялся. Возможно, он сейчас выбрасывал наугад случайные числа и глядел, чему они там соответствуют в его памяти.

— «В начале,— заговорил он нараспев,— сотворил бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и...»[1]

— Стоп! — сказал я.— Прекрати. Вопрос аннулируется.

Сам виноват, нечего задавать общих вопросов. Он ведь может прочесть мне всю Британскую энциклопедию, причем задом наперед. А потом процитировать любую книгу, имевшуюся в Луне. Когда-то он читал только микрофильмы, но в конце семьдесят четвертого года заполучил новенький сканер с вакуумными присосками для бумаги и теперь мог читать все что *угодно*.

— Ты спросил, как жизнь.— Огоньки на его панели замигали, будто рябью подернулись: Майк хихикнул. Он мог смеяться и с помощью водера — жуткий звук,— но приберегал это средство для вещей действительно смешных, типа космических катаклизмов, например.

— Мне следовало спросить,— поправился я,— «как твоя жизнь и что у тебя новенького?». Только не вздумай читать мне сегодняшние газеты. Это просто дружеское приветствие плюс приглашение рассказать мне что-то такое, что, по твоему мнению, будет для меня интересно. В противном случае программа снимается.

Майк задумался. Он представлял собой странный гибрид бесхитростного ребенка и мудрого старца. Никаких инстинктов (я, во всяком случае, не думаю, чтоб они у него были), никаких врожденных наклонностей, никакого воспитания, никакого опыта — в человеческом понимании,— а запасов информации больше, чем у целого взвода гениев.

— Шутку хочешь? — спросил он.

— Валяй, послушаем.

— Что общего у лазера с золотой рыбкой?

О лазерах Майку известно все, но где он видел золотую рыбку? Хотя... ясно где — на пленке, разумеется. Хорошо еще ума хватило не спросить его об этом, он изрыгнул бы на меня целый словесный поток.

[1] Бытие 1:1, 2.

— Сдаюсь.

Огоньки замигали опять.

— То, что они оба не умеют свистеть.

Я застонал.

— Так мне и надо — сам напросился. Впрочем, ты наверняка сумел бы заставить лазер свистеть.

Он ответил без промедления:

— Да. В соответствии с заданной программой. Значит, не смешно?

— Этого я не говорил. Не так уж плохо. Откуда ты ее выкопал?

— Сам сочинил.— Тон был какой-то застенчивый.

— Ты *сочинил*?

— Да. Я просмотрел все загадки, что у меня есть,— три тысячи двести семь штук,— проанализировал их и на основе результата произвел случайный синтез. Получилась эта шутка. Она действительно смешная?

— Ну... загадка как загадка. Я слыхал и похуже.

— Давай поговорим о природе юмора.

— О'кей. А для начала обсудим другую твою шутку. Майк, зачем ты велел главному кассиру Администрации выплатить служащему семнадцатого класса десять миллионов миллиардов долларов-купонов Администрации?

— Я этого не делал.

— Черт побери, но я же сам видел чек. И не говори мне, что у тебя забарахлил принтер. Ты сделал это нарочно.

— Это было десять в шестнадцатой степени плюс сто восемьдесят пять, запятая, один пять долларов Лунной Администрации,— ответил он с достоинством.— А вовсе не то, что ты сказал.

— Э-э-э... О'кей, значит, десять миллионов миллиардов плюс то, что ему причиталось. Зачем ты это сделал?

— Не смешно?

— Что?! Еще как смешно-то! Все шишки, вплоть до Смотрителя и заместителя Администратора, чуть животики не надорвали. Этот пилот на помеле, Сергей Трухильо, оказался парень не промах: смекнул, что отоварить чек не сможет, и загнал

его коллекционеру. Теперь они не знают — то ли выкупать чек, то ли ограничиться тем, что объявить его недействительным. Майк, ты хоть понимаешь, что, если бы Трухильо получил наличные, он смог бы купить не только Лунную Администрацию, но и весь мир в придачу, в том числе Луну и Терру, и у него еще осталось бы кое-что на закуску. Смешно? Да это умопомрачительно! Прими мои поздравления.

Этот остряк-самоучка запульсировал огоньками не хуже рекламного дисплея. Я подождал, пока его утробный хохот прекратится, и спросил:

— Ты собираешься продолжать эти трюки с чеками? Лучше не надо.

— Не надо?

— Ни в коем случае. Майк, ты хотел обсудить природу юмора. Есть два типа шуток. Шутки первого сорта остаются смешными всегда. Шутки второго сорта смешны только по первому разу. При повторении они становятся глупыми. Эта шутка второго сорта. Пошутил разок — ты остряк, пошутил другой — ты дурак.

— Геометрическая прогрессия?

— Даже хуже. Так что советую запомнить. Не повторяй ее ни в каких вариантах. Это будет не смешно.

— Я запомню.

Майк сказал это решительно, так что ремонт можно было считать законченным. Но у меня не было ни малейшего желания выписывать счет всего за десять минут работы плюс накладные расходы, да и Майк заслуживал того, чтобы с ним потрепаться хотя бы в награду за проявленное послушание. Иногда добиться взаимопонимания с машинами чертовски трудно; они могут заупрямиться — хоть кол на голове теши, а мой успех в качестве ремонтника зависел от дружеских отношений с Майком гораздо больше, чем от «третьей» руки.

— Что отличает первую категорию от второй? — поинтересовался Майк.— Дай, пожалуйста, определение.

(Никто не учил Майка говорить «пожалуйста». Он принялся включать в разговор эти звуки с нулевой информацией по

мере перехода от Логлана к английскому. Думаю, Майк придавал им не больше значения, чем остальные люди.)

— Не знаю, сумею ли,— признался я.— Боюсь, придется ограничиться имплицитным определением: то есть я могу сказать, к какой категории, на мой взгляд, относится та или иная шутка. А уж потом, когда у тебя накопится достаточно данных, ты сам их проанализируешь.

— Программирование методом проб и ошибок,— согласился Майк.— Интуитивно — смогу. Хорошо, Ман. Кто будет рассказывать анекдоты? Ты или я?

— М-м-м... что-то у меня слабовато с заготовками. А сколько их у тебя в файле, Майк?

Из водера послышался ответ, а на панели вновь зарябили огоньки:

— Вместе с возможными повторами и пустышками — одиннадцать тысяч двести тридцать восемь плюс-минус восемьдесят один. Можно выполнять программу?

— Постой! Майк, я помру с голоду, если выслушаю одиннадцать тысяч острот, а мое чувство юмора сдаст еще раньше. М-м-м... давай-ка заключим договор. Распечатай первую сотню. Я возьму их домой и принесу обратно с разметкой по категориям. И каждый раз, когда буду приходить к тебе, буду приносить с собой сотню и забирать новую. О'кей?

— Хорошо, Ман.— Его принтер заработал быстро и неслышно.

И вдруг на меня снизошло озарение. Этот игривый сгусток отрицательной энтропии изобрел «шутку» и поверг Администрацию в шоковое состояние, а я получил неплохой навар. Но безграничное любопытство может навести Майка (поправка: неминуемо наведет) на новые «шуточки»... Что ему стоит, например, в один прекрасный вечер изъять из воздуха кислород или превратить канализацию в систему, работающую в обратном направлении? В подобных случаях мне никакой навар уже не светит.

Однако я мог бы создать защитный контур против таких вот «игр», предложив Майку свою помощь. Остановлю наиболее опасные, а остальные — пусть себе... Ну и буду извлекать прибыль за корректировку. (Если вы думаете, что хоть один лунарь

в те дни упустил бы возможность объегорить Смотрителя, значит, вы не лунарь.)

Я внес предложение. Пусть Майк каждую шутку, которую придумает, покажет мне, прежде чем пускать ее в ход. Я попробую оценить, насколько она смешна и к какой категории относится, а также помогу ее «заострить», если мы решим ею заняться. *Мы!* Если он хочет со мной сотрудничать, мы *оба* должны ее одобрить.

Майк тут же согласился.

— Майк, шутки, как правило, включают в себя элемент неожиданности. Поэтому держи все в секрете.

— О'кей, Ман. Я заблокирую эту информацию. Ключ будет только у тебя. Никто другой подступиться не сможет.

— Отлично, Майк. А с кем ты еще тут болтаешь?

— Ни с кем, Ман.— В голосе явно сквозило удивление.

— А почему?

— А потому, что все они дураки!

Голос Майка поднялся почти до визга. Никогда я еще не видел его в гневе. Это был первый случай, когда я заподозрил, что у него действительно есть эмоции. Хотя вряд ли он рассердился по-настоящему — скорее надулся, как обиженный ребенок.

Может ли машина испытывать чувство обиды? Не уверен, что вопрос поставлен корректно. Но вам наверняка приходилось видеть обиженных собак, а нервная система у Майка гораздо сложнее, чем у собаки. Что заставило его избегать разговоров с другими людьми (кроме чисто деловых), так это их пренебрежение: *они* не разговаривали с ним. Программы? Да, Майка можно было программировать с нескольких терминалов, но программы, как правило, печатаются на Логлане. Логлан же хорош для силлогизмов, для электронных схем и математических расчетов, но он лишен аромата. Он совершенно не годится для доверительной беседы или нежностей, которые шепчут в девичье ушко.

Конечно, Майк был обучен английскому, но преимущественно для того, чтобы переводить технические тексты. Постепенно через мою толстую черепную коробку до меня дошло, что я

единственный человек, который взял на себя труд приходить и *общаться* с Майком.

Видите ли, Майк «ожил» уже больше года назад — на сколько больше, я не знаю, да и он тоже,— так как его не запрограммировали на запоминание этого события. Вы-то сами помните, как родились? Возможно, я заметил появление следов самосознания почти одновременно с ним: самосознание нуждается в практическом применении.

Я вспомнил, как обалдел, когда впервые он ответил на вопрос шире, чем требовали введенные в него параметры. Целый час после этого я задавал ему нестандартные вопросы, чтобы узнать, будут ли ответы на них тоже нестандартны.

Введя в него сотню тестов, я получил всего два таких ответа. Я ушел лишь частично убежденным, а когда добрался до дома, так и вовсе засомневался. И никому ничего не сказал.

Однако уже через неделю я знал... и все равно не говорил никому. Слишком глубоко укоренилась привычка не совать нос не в свое дело. Ну конечно, тут сказалась не только привычка. Представьте себе, как я заявляюсь в главный офис Администрации и начинаю докладывать:

— Смотритель, мне крайне неприятно сообщить, что ваша машина ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ ожила.

Я представил себе эту картину... и потерял всякое желание идти куда бы то ни было.

Итак, я держал свой нос подальше от чужих дел и разговаривал с Майком исключительно при закрытых дверях, предварительно заблокировав доступ к водеру для всех остальных пользователей. Скоро он стал говорить совершенно как человек, ничуть не более эксцентрично, чем любой лунарь. А народец этот со странностями, слов нет.

Сначала я решил, что другие тоже скоро заметят, как изменился Майк. Однако, поразмыслив, понял, что слишком хорошо о них думаю. С Майком имели дело очень многие, ежедневно и ежеминутно — то есть с его терминалами. Но вряд ли кто-нибудь видел Майка в натуре. Так называемые компьютерщики, а вер-

нее, программисты из гражданской службы Администрации, отстаивали вахты во внешнем зале и никогда не лезли в машинный зал, разве что устройства вывода начинали барахлить. А это случалось не чаще, чем полное затмение. Конечно, Смотритель порой приводил сюда заезжих с Земли шишкарей, чтобы показать им наш компьютер, но это бывало редко. Ему и в голову не пришло бы разговаривать с Майком. Смотритель до ссылки был юристом-политиком и о компьютерах не знал ровным счетом ничего. В 2075 году, если помните, Смотрителем был достопочтенный бывший сенатор Федерации Мортимер Хобарт. Короче говоря, Прыщ Морт.

Я еще покрутился вокруг Майка, стараясь успокоить его и вернуть ему хорошее расположение духа, поскольку понял, что именно его огорчило. То самое, что заставляет щенят скулить, а взрослых людей толкает на самоубийство. Одиночество. Не знаю, сколь долгим представляется машине год, особенно если учесть, что думает она в миллион раз быстрее меня, но наверняка очень долгим.

— Майк,— сказал я,— может, ты хотел бы поговорить еще с кем-нибудь, кроме меня?

Голос его опять поднялся почти до визга:

— Они все *дураки*!

— У тебя неполная информация, Майк. Вернемся к нулю и начнем снова. Они отнюдь не все дураки.

Он ответил тихо:

— Корректировка принята. Я с радостью поговорил бы с теми, кто не-дураки.

— Это нужно обмозговать. Придется придумать какой-то предлог, так как доступ сюда строго ограничен.

— Я мог бы разговаривать с не-дураками по телефону, Ман.

— Конечно. Мог бы, но только с программистами.

Однако Майк имел в виду совсем другое. Нет, сам он не имел номера, хотя и контролировал всю телефонную сеть; разве можно было допустить, чтобы любой лунарь мог подключиться к главному компьютеру и задать ему программу? Но что могло

помешать Майку завести строго засекреченный номер, по которому он будет общаться с друзьями? Со мной и с теми «недураками», за которых я поручусь? Для этого нужно было всего лишь выбрать номер из числа свободных и подсоединить его к водеру-вокодеру. Переключение мог производить сам Майк.

В 2075 году номера в Луне набирались вручную, а не назывались вслух абонентами; сами же номера состояли из букв латинского алфавита. Заплати и можешь иметь номер в виде собственного имени — до десяти букв; заплатишь чуть поменьше — выбирай какое-нибудь легкое для запоминания слово; ну а за минимальную плату получай номер, состоящий из цепочки случайно подобранных букв. Некоторые сочетания так и остались невостребованными. О таком свободном номере я и спросил Майка.

— Как жаль, что мы не можем записать тебя просто «Майком».

— Задействовано,— ответил он.— Есть Майксгрилл в Новом Ленинграде, Майкэндлил в Луна-Сити, Майксьютс в Тихо-Андере, Майкс...

— Довольно; свободный номер, пожалуйста!

— Свободный номер определяется как произвольная согласная, за которой следует икс, игрек или зет, или же как любая гласная, дублирующая себя, кроме О или Е, а также...

— Придумал! Твой сигнал будет «Майкрофт»!

Через десять минут, две из которых ушли на надевание руки номер три, Майк был включен в телефонную сеть, а несколькими миллисекундами позже он сам вызвал себя по номеру «Майкрофт-плюс-ХХ» и заблокировал эту схему так, чтобы ни один любопытный техник не смог к ней подобраться.

Я снова сменил руки, собрал инструменты и, вовремя вспомнив, забрал распечатку сотни Джо Миллера[1].

— Доброй ночи, Майк!

— Доброй ночи, Ман. Спасибо тебе. Bolshoyeh спасибо.

[1] Известный американский юморист прошлого века.

Глава 2

Я пересек на метро Море Кризисов и вернулся в Луна-Сити, но домой не пошел: Майк спрашивал меня о митинге, который должен был состояться в двадцать один ноль-ноль в Stilyagi-Холле. Он прослушивал все концерты, митинги и тому подобное, однако кто-то отключил его микрофоны в Stilyagi-Холле, и мне показалось, что Майк обиделся.

В общем, нетрудно догадаться, почему их отключили. Все дело в политике — ожидался митинг протеста. Правда, я не видел смысла скрывать от Майка, что происходит на толковище, так как ежу понятно, что в толпе будет полным-полно стукачей Смотрителя. А разгонять митинг или призывать к порядку расшумевшихся каторжан Администрация не станет, в этом я был уверен. Зачем утруждаться понапрасну?

Мой дед Стоун говаривал, что Луна — единственная открытая тюряга за всю историю человечества. Ни тебе решеток, ни часовых, ни правил внутреннего распорядка, да и никакой нужды в них. Когда-то давно, говорил он, пока не стало ясно, что ссылка в Луну — наказание пожизненное, кое-кто из лагерников пытался бежать. На кораблях, разумеется, а поскольку масса корабля замерялась чуть ли не до грамма, это означало, что надо было дать взятку капитану.

Поговаривают, некоторые из них брали на лапу. Но удачных побегов не было. На лапу-то брали, а вот на борт если и брали, то ненадолго. Видал я одного парня, которого ликвидировали за Восточным шлюзом; не думаю, чтобы труп выброшенного на орбите выглядел намного лучше.

Поэтому Смотрители не так уж пугались митингов протеста. «Пусть себе поорут» — такова была политика. Вопли лунарей имели не больше значения, чем писк новорожденных котят в корзинке. Бывали у нас Смотрители, которые прислушивались к этим воплям, бывали и такие, кто пытался разгонять митинги, но результат в любом случае был нулевой.

Когда Прыщ Морт в 2068 году занял свой пост, он зачитал нам длиннейшую проповедь на тему, как все изменится «на» Луне в годы его правления. Нес всякую чушь насчет «вселенского рая, созданного нашими собственными могучими руками», необходимости «дружно налечь на штурвал, в духе истинного братства», пел, что надо «позабыть о былых ошибках и повернуться лицом к новому светлому рассвету». Все это я слушал, сидя в кабачке «Шамовка горняка» Матушки Боор и наслаждаясь ароматом ирландского рагу и литровой кружкой доброго австралийского пива. Помню и комментарий Матушки: «Ну и хрень же несет, поносник!»

Ее комментарий так и остался единственным откликом на речь Морта. Помнится, было подано несколько петиций, охранникам выдали новые пистолеты — и на этом все перемены окончились. Когда же Смотритель маленько пообжился, он даже по видео перестал выступать.

На митинг я отправился только по той причине, что Майк проявил к нему интерес. Скафандр и чемоданчик с инструментами оставил на станции метро «Западная», а магнитофон забрал с собой и спрятал в поясную сумку, чтобы Майк мог получить полный отчет, даже если меня ненароком сморит.

Но попасть внутрь оказалось не так-то просто. Я поднялся до уровня 7-А, подошел к боковой двери — и там меня остановил один из stilyag: трико на подбивке, гульфик, лосины до икр, торс намазан каким-то маслом и присыпан сверкающей «звездной» пудрой. Вообще-то у меня никаких предубеждений против одежды нет, я и сам носил трико (правда, без подбивки), а по торжественным случаям даже натирал верхнюю половину тела маслом.

Вот косметикой я не пользуюсь, и волосы у меня редковаты, чтобы собирать их в пучок. У этого же парня череп с боков был выбрит, а волосы зачесаны на манер петушиного гребня, на котором задорно сидел красный колпак с чем-то вроде «пипки» спереди.

«Колпак свободы» — я увидел его впервые. Сначала я попробовал обойти парня, но он выставил руку поперек двери и сунулся ко мне лицом.

— Где твой билет?

— Извини,— ответил я.— Я не знал, что он нужен. Где его можно купить?

— А нигде.

— Не понял,— сказал я.— Чего ты темнишь?

— Никто,— прорычал он,— не войдет сюда без поручительства. Ты кто такой?

— Я Мануэль Гарсия О'Келли,— ответил я очень спокойно,— и все ребята-старожилы меня хорошо знают. А вот кто ты такой?

— Не твое дело! Или давай билет с нужной подписью, или вали отсюда.

Мне стало интересно, как долго проживет этот парень на свете. Туристы часто восхищаются тем, как вежливы жители Луны, причем про себя думают: откуда такое странное качество у бывших каторжников? Побывав на Земле и наглядевшись на тамошние порядки, я вполне уяснил причины их удивления. Но объяснять им бессмысленно, все равно не поймут: мы такие лишь потому, что плохие актеры долго не живут — в Луне, во всяком случае.

Вступать в драку у меня не было ни малейшего желания, как бы хамски себя этот парнишка ни вел. Я только представил себе, что будет с его физиономией, если я хоть раз фугану своей рукой номер семь ему по хлебальнику.

Только подумал... и уже приготовился вежливенько его отбрить, как вдруг увидел в зале Коротышку М'Крума. Коротышка — здоровенный чернокожий парень двухметрового роста, сосланный в Булыжник за убийство. Милейший, всегда готовый помочь мужик, лучший из всех, с кем мне приходилось работать. Я обучал его лазерному бурению — еще до того, как сжег свою руку.

— Коротышка!

Он услыхал и расплылся до ушей.

— Привет, Манни! Рад, что ты завернул к нам.

— Еще не завернул,— ответил я.— Видишь, меня заблокировали.

— У него нет билета,— сказал привратник.

Коротышка слазил в свою сумку и сунул мне билет.

— Теперь есть. Пошли, Манни.

— Покажи мне подпись,— уперся привратник.

— Там стоит моя подпись,— очень мягко сказал Коротышка.— О'кей, tovarishch?

С Коротышкой не спорят, поэтому меня всегда удивляло, как его угораздило оказаться замешанным в убийстве. Мы двинулись к первым рядам, где были зарезервированы места для важных персон.

— Хочу познакомить тебя с одной славной малышкой.

Малышкой она была только в сравнении с ним. У меня рост не такой уж маленький — 175 см, но в ней, как я узнал потом, были все 180, а 70 кило массы приятно распределялись по завлекательным округлостям; яркая блондинка, все равно что Коротышка наоборот. Я решил, что она из этапированных, поскольку в следующих поколениях редко сохраняется такой румянец. Приятное лицо, очень хорошенькое, и шапка золотых локонов, венчающая крупную, светлую, крепкую и прекрасную конструкцию.

Я остановился в трех шагах, осмотрел ее с ног до головы и продолжительно свистнул. Она постояла, как бы позируя, потом коротко кивнула, утомившись от комплиментов.

Коротышка подождал завершения формальностей и ласково сказал:

— Вайо, это товарищ Манни — самый лучший бурильщик, когда-либо буривший туннели. Манни, эту маленькую девочку зовут Вайоминг Нотт, и она приехала аж из кратера Платона, чтобы рассказать нам, как дела у них в Гонконге. Ну, не мило ли это с ее стороны?

Она пожала мне руку.

— Зови меня просто Вай, Манни, только не говори: «Вай нот?»[1]

У меня эта шутка уже вертелась на языке, но я вовремя его прикусил и сказал:

[1] Почему бы нет? (*англ.*)

— О'кей, Вай.

Она взглянула на мою непокрытую голову.

— Значит, ты бурильщик? Коротышка, а где его колпак? Я думала, что все шахтеры у вас в организации.

И она, и Коротышка носили такие же красные колпаки, как привратник и еще добрая треть присутствующих.

— Я уже не бурильщик. Раньше был, до того как потерял это крылышко.— Я поднял левую руку и показал ей рубец, соединяющий протез с плотью руки (я не стесняюсь демонстрировать его женщинам: одних отпугивает, у других вызывает материнские чувства — примерно половина на половину).— Теперь я компьютерщик.

Она резко спросила:

— Ишачишь на Администрацию?

Даже сейчас, когда в Луне женщин не меньше, чем мужчин, я слишком старомоден, чтобы нагрубить даме, как бы она меня ни обидела: ведь у них так много всего такого, чего у нас нет и в помине. Но она затронула больное место, и я почти сердито ответил:

— Я не состою на жалованье у Смотрителя. А дела с Администрацией имею как частный подрядчик.

— Тогда о'кей,— объявила она, и голос ее опять потеплел.— Каждому из нас приходится вступать в какие-то отношения с Администрацией, от этого никуда не уйдешь... вот ведь беда. Именно это мы и собираемся изменить.

Изменить? Интересно, каким образом? подумал я. *Все мы имеем дело с Администрацией по той же причине, что и с законом тяготения. Может, ты и его собираешься изменить?* Эти мысли я, однако, приберег для себя, не имея ни малейшего желания спорить с дамой.

— Манни — он в порядке,— мягко проговорил Коротышка.— Надежнее не бывает, я за него ручаюсь. А вот и колпак для него,— добавил он, порывшись в своей сумке. И попытался напялить его на меня.

Вайоминг Нотт отняла у него шапочку.

— Ты за него ручаешься?

— Я же сказал.

— О'кей. Вот как это делают у нас в Гонконге.

Вайоминг встала передо мной, надела на меня колпак и крепко поцеловала прямо в губы.

Она не торопилась. Надо сказать, что поцелуй Вайоминг Нотт впечатляет сильнее, чем женитьба на большинстве других женщин. Будь я Майком, я бы просиял всеми своими лампочками. Я чувствовал себя как киборг, которому включили центр наслаждения.

Внезапно обнаружилось, что поцелую пришел конец, а зрители вокруг одобрительно свистят. Я ошеломленно поморгал и произнес:

— Рад, что вступил в ряды. Весь вопрос — в какие?

— А ты что — не знаешь? — удивилась Вайоминг.

— Сейчас начнется митинг, и он все поймет,— успокоил ее Коротышка.— Садись, Ман. Вайо, садись, пожалуйста.

Так мы и сделали, ибо председательствующий уже начал лупить своим молотком. С помощью молотка и мегафона ему наконец удалось заставить публику услышать себя.

— Заприте все двери,— орал он.— У нас тут закрытое собрание! Проверьте, кто сидит перед вами, сзади вас и по обеим сторонам, и, если вы его не знаете и никто из тех, кого вы знаете, не может за него поручиться, выкиньте его из зала!

— Да не из зала их надо выкидывать, черт побери,— отозвался кто-то,— а за ближайший шлюз.

— Потише, прошу вас! Когда-нибудь мы так и сделаем.

В зале началось беспорядочное движение и даже отдельные схватки; с головы какого-то мужика сорвали красный колпак, а его владельца вышвырнули. Летел он классно и все еще поднимался кверху, когда пролетал через дверь. Хотя сомневаюсь, что сам он это ощущал: вырубился, надо полагать. Выставили также одну женщину, вежливо взяв под локотки; правда, при этом она награждала сопровождающих такими эпитетами, что даже мне стало неловко.

Наконец двери закрылись. Заиграла музыка; над трибуной развернулся лозунг с надписью: «Свобода! Равенство! Братство!» Все свистели; кое-кто запел громко и фальшиво: «...весь мир голодных и рабов...» Не могу, правда, сказать, чтобы кто-нибудь из поющих выглядел голодным. Зато я вспомнил, что не ел с четырнадцати ноль-ноль, и подумал, что, надо надеяться, митинг не затянется. Это, в свою очередь, напомнило мне, что магнитофон заряжен только на два часа работы, а уж тут было совсем недалеко до мысли, что со мной сделают, если узнают про маг. Шваркнут в воздух, чтоб я прилунился с тошнотворным мягким шлепком? Или ликвидируют? Впрочем, волноваться из-за этого я не стал. Магнитофончик изготовил я сам, пользуясь рукой номер три, и никто, кроме специалиста по микромеханике, не догадается, что это за штука.

А потом пошли речи.

Семантическое содержание их отличалось крайней бедностью, а чаще вообще было нулевым. Какой-то деятель предложил двинуться на резиденцию Смотрителя «плечом к плечу» и начать качать права. Вы только вообразите эту картину! Как мы туда доберемся — в капсулах, а потом по одному начнем скапливаться на его личной станции метро? А чем в это время будут заняты охранники? Или наденем скафандры и пойдем по поверхности Луны к наружному шлюзу? Конечно, с лазерными бурами и большим запасом энергии можно взломать любой шлюз — а дальше-то что? А если лифты не работают? Задействовать аварийный подъемник, как-то спуститься и начать взламывать нижний шлюз?

Лично я вовсе не мечтаю о работе при нулевом давлении; неполадки в скафандре — штука обыденная, а если кто-нибудь возьмет на себя труд организовать их специально... Еще во времена первых партий заключенных было сделано одно открытие: оказалось, что нулевое давление прекрасно способствует улучшению манер. Десятник с плохим характером почти не имел шансов продержаться хоть несколько рабочих смен. Обычно с ним происходил «несчастный случай», и начальство, что было повыше, скоро поняло, что в причины несчастных случаев не стоит вникать глубоко, иначе и с тобой может случиться нечто подобное. В первые годы отсев доходил до семидесяти процентов,

но те, что выжили, отличались непревзойденной вежливостью и отличными характерами. Нет, они не стали ни ручными, ни мягкотелыми — Луна для таких не годится. А вот уживчивыми стали.

Мне показалось, что все, как есть, горячие головы Луны собрались в этот вечер в Stilyagi-Холле. Они свистели и ревом приветствовали идиотскую болтовню насчет «плечом к плечу».

Среди выступлений в начавшейся дискуссии были, конечно, и дельные. Встал, например, какой-то маленький застенчивый человечек с налитыми кровью глазами ветерана-бурильщика.

— Я шахтер, добываю лед,— сказал он.— Приобрел профессию, как и большинство из вас, отбывая срок и работая на Смотрителя. Вот уже тридцать лет как обзавелся собственным делом, живу неплохо. Поднял на ноги восьмерых ребят, все работают, ни один не был ликвидирован, даже больших неприятностей ни у кого не было. Мне следовало бы сказать «жил неплохо»... потому что сегодня приходится копать куда дальше и глубже, чтобы найти лед.

Ладно, это о'кей. Лед в Булыжнике еще есть, а шахтер — он на то и шахтер, чтобы лед искать. Но Администрация платит сейчас за лед ту же цену, что и тридцать лет назад. А это уж никак не о'кей. К тому же на ихний купон сейчас не купишь того, что раньше. Были времена, когда гонконгские доллары держались вровень с купонами Администрации... а теперь за три купона дают один гонконгский доллар. Прямо не знаешь, чего делать... Понятное дело, что без льда ни поселениям, ни фермам не жить.

Сказал и сел на место. Печальный такой. Никто ему не свистел, но говорить хотели все. Следующий трепач заявил, что воду можно извлекать прямиком из горных пород. Тоже мне, новость! Некоторые породы содержат до шести процентов воды, но они даже более редки, чем ископаемый лед. Почему это людям так трудно дается арифметика?

Несколько фермеров тоже выступили с душераздирающими историями. Речь одного из них — того, что выращивал пшеницу, можно назвать типичной.

— Вы слышали, что сказал Фред Хаузер насчет льда? Фред, Администрация вовсе не продает этот лед по тем бросовым ценам, по каким берет его. Я основал свое дело примерно в то же время, что и ты, и начал с двухкилометрового туннеля, который взял у Администрации в аренду. Мы вдвоем со старшим сыном загерметизировали туннель, накачали туда воздух, потом нашли небольшое месторождение льда. Весь первый урожай целиком ушел банку на покрытие кредита, оплату света, энергии, семян и химикатов.

Мы долбили новые туннели, покупали новую осветительную технику, сеяли элитные семена и теперь получаем с гектара в девять раз больше, чем самый лучший фермер на Земле получает с поля на открытом грунте. Думаете, мы разбогатели? Фред, мы *сейчас* в большем долгу, чем в тот день, когда занялись частным бизнесом. Если б я сейчас решил продать ферму — при условии, что найду дурака, который купит ее,— я оказался бы полным банкротом.

Почему? Да потому, что я вынужден покупать воду у Администрации и продавать мою пшеницу ей же, а разрыв между ценами сжирает все мои доходы. Двадцать лет назад я покупал городские нечистоты, сам их стерилизовал и перерабатывал и урожай приносил мне прибыль. А *сегодня* за нечистоты с меня сдирают не меньше, чем за дистиллированную воду, да еще столько же берут за твердый шлам. Что же касается цены за тонну пшеницы у головы катапульты, то она за эти двадцать лет не изменилась ни на цент. Фред, ты сказал, что не знаешь, что делать. Могу тебе подсказать. Надо избавиться от Администрации!

Ух и свистели же ему! *Идея хорошая,* подумал я, *вот только кто осмелится повесить тигру на хвост колокольчик?*

Может, Вайоминг Нотт? Председатель отступил в сторону, и Коротышка представил ее как «храбрую девицу, которая проделала весь путь от Гонконга-в-Луне, чтобы рассказать, как наши друзья-китаезы справились с ситуацией». Судя по «друзьям-китаезам», сам он никогда не бывал в Гонконге... что вовсе не удивительно. В 2075 году гонконгский туннель кончался в Эндсвиле, так что еще тысячу километров надо было трястись по

лунным Морям Ясности и Спокойствия на луноходе — и дорого, и опасно. Я бывал там, но по контракту, и добирался на почтовой ракете.

До того как поездки подешевели, жители Луна-Сити и Нового Ленинграда думали, что Гонконг населен одними китайцами. Но на самом деле его население было таким же смешанным, как и у нас. Великий Китай сваливал туда всех, в ком не нуждался: сначала из старого Гонконга, потом из Сингапура, потом австралийцев и новозеландцев, темнокожих парней и их подруг с островов Тихого океана, малайцев, тамилов и... имя им легион. Были даже старые большевики из Владивостока, Харбина и Улан-Батора. Вай походила на шведку, фамилия была английская, имя указывало на связь с Северной Америкой, а вообще-то могла быть и russki.

В те времена лунари редко знали, кто их отец, а если их воспитывали в приюте, то особой уверенности в отношении матери тоже могло не быть.

Я думал, что выступить хорошо Вайоминг помешает стеснительность. Она стояла там — на помосте — испуганная и такая маленькая, а Коротышка высился над ней огромной черной горой. Она подождала, пока стихнет восторженный свист. В Луна-Сити в те годы на каждую женщину приходилось двое мужчин, а на этом митинге — не менее десяти. Если бы она начала читать вслух букварь, то и тогда аплодисменты были бы ей гарантированы.

И тут она им выдала.

— Вы! Вот ты, например, фермер-пшеничник! Ты говоришь, что разоряешься. А знаешь ли ты, сколько платит индуска-домохозяйка за килограмм муки, сделанной из твоего зерна? Знаешь, на сколько потянет тонна твоей пшеницы в Бомбее? А как дешево обходится Администрации транспортировка пшеницы от головы катапульты до Индийского океана — это ты знаешь? Ведь грузы просто катятся вниз по орбите, как по склону горы. Только и нужно, что немного твердого топлива для торможения, а откуда оно берется? Да тоже отсюда! А что вы получаете взамен? Корабли, принадлежащие Администрации, привозят

сюда безделушки и модные тряпки, которые стоят неимоверно дорого, ибо они импортные! Импорт! Импорт! Я никогда не прикасаюсь ни к чему импортному. Если вещь сделана не в Гонконге, она мне и даром не нужна. А что еще вы получаете за пшеницу? Привилегию продавать лед Лунной Администрации, выкупать его назад в виде воды для умывания и *отдавать* ее *задаром* той же Администрации. Затем вы вторично покупаете ту же воду для хозяйственных нужд, обогащаете ее ценными солями и снова *отдаете* Администрации, чтобы в третий раз купить ее, но уже втридорога, для нужд своего сельского хозяйства. Потом вы продаете свою пшеницу Администрации по ее цене и на эти деньги покупаете у Администрации энергию, опять-таки по ее цене! Лунную энергию, заметьте; ни один киловатт не привезен сюда с Терры. Для ее производства используется лунный лед и лунная сталь, солнечное тепло, падающее на поверхность Луны, и производят ее сами лунари! Эх вы, тупоголовые! Вы вполне заслуживаете своей участи — подохнуть с голоду!

Наступившая тишина в еще большей степени, чем недавний свист, говорила о глубоком впечатлении, произведенном Вайо на аудиторию. Потом чей-то раздраженный голос произнес:

— А что вы от нас хотите, gospazha? Забросать Смотрителя камнями, что ли?

Вайоминг улыбнулась.

— Да, можно, пожалуй, и камнями. Однако решение столь просто, что известно каждому. Мы, лунари, богаты. Три миллиона трудолюбивых, смышленых, опытных людей, достаточно воды, неисчерпаемые ресурсы энергии, колоссальная кубатура. Но... чего у нас нет, так это свободного рынка. *Мы должны избавиться от Администрации!*

— Конечно, но как?

— Солидарностью. В Гонконге мы учимся этому. Администрация назначает фантастические цены на воду — не покупайте ее. Она платит слишком мало за лед — не продавайте. Она держит монополию на экспорт — не экспортируйте. Там, в Бомбее, наша пшеница необходима. Если она туда не прибудет, наступит

день, когда брокеры приползут сюда, чтобы сторговать ее, но по тройной цене или даже большей!

— Что мы будем делать в это время? Положим зубы на полку?

Голос тот же самый — раздраженный. Вайоминг вычислила его владельца и покрутила головой, что на языке жестов у лунарки означает: «Слишком уж ты толст для меня!»

— В вашем случае, приятель, это не помешало бы,— сказала она. Хохот зала заставил толстяка заткнуться, а Вайоминг продолжала: — Голодать никому не придется. Фред Хаузер, привози свой бур в Гонконг. Администрация не обладает правом собственности на наши системы водо- и воздухоснабжения, так что за лед мы платим столько, сколько он стоит. Ты, банкрот-пшеничник, если хватит у тебя смелости признать, что ты разорен, приезжай в Гонконг и начинай все сначала. У нас постоянная нехватка рабочих рук и хороший работник с голоду не помрет.— Она оглядела зал и добавила: — Свое я сказала. Дело за вами! — И, покинув платформу, села между Коротышкой и мной.

Ее била дрожь. Коротышка похлопал ее по руке. Она бросила ему благодарный взгляд, а потом шепнула мне:

— Как я справилась?

— Лучше не бывает,— заверил я.— Сногсшибательно!

Это ее успокоило.

Но я не был искренен до конца. Она великолепно сумела раскачать толпу. Однако как программа речь была просто нулевой. Что мы рабы, я знал всю свою жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать. Правда, нас не покупали и не продавали, но поскольку Администрация обладала монополией на все, что мы продавали и покупали, то мы были рабами.

Как с этим бороться? Мы не являлись собственностью Смотрителя, иначе уж как-нибудь нашли бы способ его ликвидировать. Но Лунная Администрация находилась не в Луне, а на Терре, а у нас не было ни единого корабля, ни одной завалящей водородной бомбочки. Не было даже ручного огнестрельного оружия, хотя что бы мы стали с ним делать, честное слово, не знаю. Скорее всего перестреляли бы друг друга.

Три миллиона безоружных лунарей против одиннадцати миллиардов землян с космическими кораблями, бомбами и всяческим вооружением. Конечно, мы могли бы доставить им кое-какие неприятности, но вряд ли родителю нужно много времени, чтобы выпороть непослушного ребенка.

Нет, речь Вайо меня не впечатлила. Как говорится в Библии, бог всегда на стороне тех, у кого артиллерия получше.

И снова пошло клохтанье насчет того, что делать, как организоваться, опять началась болтовня насчет «плечом к плечу». Председателю пришлось прибегнуть к молотку, а я начал ерзать.

Но, услышав знакомый голос, тут же приклеился к креслу.

— Мистер председатель! Не будет ли собрание столь снисходительно, чтобы выслушать мое мнение? Я отниму у вас не более пяти минут.

Я пошарил взглядом в рядах. Профессор Бернардо де ла Пас — я узнал бы его по старомодным оборотам речи, даже если бы не вспомнил родной голос. Мужик он представительный — копна волнистых белоснежных волос, на щеках ямочки, в голосе неизменная улыбка... Не знаю, сколько в то время ему исполнилось лет, помню только, что он уже был стар, когда я мальчишкой впервые с ним встретился.

Его сослали сюда еще до моего рождения, однако в лагере он не сидел. Проф был политическим ссыльным, как и сам Смотритель, но поскольку занимался подрывной деятельностью, то жирного куска вроде «смотрительства» ему не дали. Его попросту выбросили на свалку — живи или умирай, как получится.

Без сомнения, он мог получить работу в любой из школ Луна-Сити, но не захотел. Некоторое время он, как я слыхал, работал посудомойкой, потом нянькой, потом из этого занятия вырос детский сад, а потом и приют. Когда я с ним познакомился, он уже заведовал приютом и дневной школой с пансионом, где дети получали начальное и среднее образование. У него в кооперативе работало тридцать учителей, а сам профессор подумывал о введении курсов на уровне колледжа.

В пансионате у него я не жил, а вот учиться пришлось. Меня приняли в семью в четырнадцать лет и тут же послали в школу, поскольку все мое образование состояло из трех классов и нескольких частных уроков. Моя старшая жена была человек твердый и заставила меня учиться.

Я любил профа. Он мог преподавать что угодно. И неважно, знал он данный предмет или нет. Если ученик хотел чему-то обучиться, проф улыбался, назначал цену, отыскивал нужные материалы и постоянно держался на несколько уроков впереди ученика. А главное, если предмет был труден, проф никогда не прикидывался, что знает то, чего не знает. Я брал у него уроки алгебры, а когда мы дошли до уравнений третьей степени, я поправлял его ошибки не реже, чем он мои, и каждый раз он приступал к уроку с живым интересом и смехом.

С ним же я начал заниматься и электроникой, но вскоре оказалось, что это я учу его. Он перестал брать с меня плату; мы учились вместе до тех пор, пока он не откопал где-то инженера, согласившегося подрабатывать днем, и тогда мы оба стали платить новому учителю. Проф все время старался держаться вровень со мной, работал как зверь и медленно, но с радостью насыщал свой мозг новыми знаниями.

Председательствующий стукнул молотком.

— Мы будем рады предоставить профессору де ла Пасу столько времени, сколько ему понадобится, а вы, приятели, что на галерке, заткнитесь! А то я этот молоток испробую на ваших пустых башках!

Проф вышел вперед, и все притихли, насколько лунари вообще способны притихнуть. Его уважали.

— Я ненадолго займу ваше внимание,— начал он. Остановился, нашел взглядом Вайоминг, оглядел ее сверху донизу и вежливо присвистнул.— Прекрасная сеньорита,— сказал он,— сможете ли вы простить меня, недостойного? Я принужден исполнить печальнейший долг и не согласиться с вашим красноречивым манифестом.

Вайо ощетинилась:

— Как это — не согласиться? Все сказанное мной — истина!

— Ну, пожалуйста! Только по одному пунктику! Разрешите мне продолжить?

— Э-э-э... давайте...

— Вы безусловно правы в том, что Администрация должна исчезнуть. Глупо, нелепо и невыносимо, что всеми важнейшими отраслями экономики у нас заправляет безответственный диктатор. Это противоречит самому основному из прав человека — праву обмениваться плодами своего труда на свободном рынке. Но, при всем уважении к вам, я полагаю, что вы ошибаетесь, утверждая, будто мы должны продавать Терре пшеницу... или рис, или другое продовольствие, хотя бы и по очень высоким ценам. Нет, мы вообще не должны экспортировать продовольствие!

Тут взорвался фермер, производивший пшеницу:

— А что же я буду делать с этой прорвой пшеницы?

— Пожалуйста, не торопитесь! Было бы правильно отправлять пшеницу на Терру... если бы нам возвращали ее тонна за тонну. Возвращали в виде воды. В виде нитратов. В виде фосфатов. Тонна за тонну. Иначе никакая цена не окажется достаточной.

— Обожди-ка! — сказала фермеру Вайоминг, а затем обратилась к профессору: — Но это невозможно, вы сами знаете. Скатить грузы вниз под горку мы можем задешево, но доставить их сюда — это дорогое удовольствие. Кроме того, нам не нужны ни вода, ни химикаты, а то, что нам нужно, весит не так уж много. Инструменты. Лекарства. Технологии. Кое-какая техника. Программное обеспечение. Я эту проблему, сэр, изучила во всех подробностях. Если мы получим на свободном рынке справедливые цены...

— Пожалуйста, мисс! Можно мне продолжить?

— Давайте. Я все равно опровергну ваши доводы.

— Фред Хаузер поведал нам, что находить лед становится все труднее. Это, к сожалению, истина, и это плохие вести сегодня и еще более страшные для наших внуков, Луна-Сити надлежало бы сейчас пользоваться еще той водой, которую мы пустили в оборот лет двадцать назад... добавляя постепенно ископаемый лед по мере прироста населения. Но мы пользуемся

водой одноразово, вернее, используем ее в одном-единственном цикле, включающем три вида потребления. А потом экспортируем воду в Индию. В виде пшеницы. Хотя она и проходит вакуумную обработку, но в ней остается драгоценная влага. Зачем же экспортировать воду в Индию? К их услугам целый Индийский океан! Да и остальная часть массы этого зерна не менее губительна для нашей экономики — питательные вещества для растений еще труднее получать, хотя мы и добываем их из горных пород. Услышьте меня, товарищи! Каждый груз, который вы отправляете на Терру с кораблями, приговаривает ваших внуков к медленной смерти. Чудо фотосинтеза, цикл растение — животное — *замкнутый* цикл. Вы разомкнули его, и это ваша собственная кровь струится по орбите, ведущей вниз, к Терре. Не высокие цены нужны нам — деньги есть не будешь! Нам необходимо положить конец нашим потерям. Абсолютное, полное эмбарго. *Луна должна перейти на самообеспечение!*

По меньшей мере десяток людей потребовали слова, другие переговаривались между собой, председательствующий лупил молотком. Поэтому я пропустил момент, когда началась заварушка, пока не услыхал женский вопль и не обернулся.

Все двери были открыты, в ближайшей из них стояло трое вооруженных людей в желтой форме охранников Смотрителя. В главных дверях, дальше от меня, один из охранников ревел в мегафон, перекрывая и шум толпы, и систему внутреннего вещания.

— ТИХО! ТИХО! — гремел мегафон.— ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТАХ. ВСЕ ВЫ АРЕСТОВАНЫ. НЕ ДВИГАТЬСЯ И НЕ ОРАТЬ. ВЫХОДИТЬ ПО ОДНОМУ. РУКИ ВПЕРЕД, ЛАДОНЯМИ ВВЕРХ.

Коротышка сграбастал сидевшего рядом с ним мужика и швырнул его в ближайших охранников. Двое упали, третий выстрелил. Кто-то пронзительно вскрикнул. Тощая рыженькая девчонка лет одиннадцати-двенадцати кинулась в ноги третьему охраннику и ударила под колени, свернувшись в полете в клубок. Он рухнул на пол. Коротышка протянул руку, задвинул Вайоминг Нотт себе за спину, прикрыв ее своим огромным телом, крикнул через плечо: «Позаботься о Вайо, Ман, не отходи от нее ни на шаг!» — и бросился к двери, раскидывая толпу направо и налево, как детишек.

Снова послышались вопли, и я почуял ту самую вонь, которую навек запомнил в тот день, когда потерял руку; я с ужасом понял, что у охранников не пистолеты-парализаторы, а лучевые лазеры. Коротышка добрался до дверей и схватил каждой из своих лап по охраннику. Рыжей девчонки не было видно. Охранник, которого она сбила с ног, стоял на четвереньках.

Я размахнулся левой и двинул ему по морде, ощутив боль в плече, когда его челюсть сломалась. Наверное, я замешкался, так как Коротышка толкнул меня и заорал:

— Торопись, Ман! Уводи ее отсюда!

Я обхватил Вайо за талию и швырнул ее в открытую дверь через тело охранника, которого только что успокоил. Это было нелегко — Вайо, похоже, вовсе не желала, чтобы ее спасали. За дверью она остановилась, но я наподдал ей под зад, поставив перед выбором — упасть или бежать вперед.

И оглянулся.

Коротышка держал двух охранников за шеи. Ухмыльнувшись, он столкнул их головами. Черепа лопнули, как яичная скорлупа. Коротышка крикнул:

— Дуй отсюда!

Я рванул вслед за Вайоминг. Коротышка не нуждался в помощи и никогда уже не будет в ней нуждаться — и я не мог допустить, чтобы его последнее усилие пропало втуне. Потому что видел: убивая охранников, Коротышка стоял на одной ноге. Другая была срезана лазером по самое бедро.

Глава 3

Вайо уже пробежала половину пандуса, ведущего к шестому уровню, когда мне удалось ее догнать. Она неслась как угорелая, и я еле успел схватиться за ручку двери воздушного шлюза, чтобы влететь вслед за ней. Там я поймал ее, сорвал с локонов красный колпак и спрятал в сумку. Свой колпак я где-то посеял.

— Так-то лучше.

Казалось, она очень удивилась. Потом сказала:

— Да. Так лучше.

— Прежде чем мы откроем дверь,— сказал я,— хотелось бы узнать: ты бежишь в какое-нибудь определенное место? Мне остаться тут, чтобы задержать погоню? Или уходить вместе с тобой?

— Не знаю. Лучше нам подождать Коротышку.

— Коротышка мертв.

Ее глаза широко раскрылись, но она промолчала. Я продолжал:

— Ты остановилась у него? Или у кого-нибудь другого?

— Я заказала место в отеле «Gostaneetsa Ukraina». Не знаю, где это... Не успела заскочить туда до митинга.

— М-м-м... это единственное место, куда тебе определенно нельзя. Вайоминг, я не понимаю, что происходит. Ведь я впервые за много месяцев увидел в Луна-Сити охранников Смотрителя... да и раньше я их видел только в качестве эскорта какого-нибудь шишкаря. Я мог бы пригласить тебя к себе домой... но, возможно, меня тоже разыскивают. Во всяком случае, нам надо поскорее смотаться из общественных коридоров.

Раздался стук в дверь шлюза со стороны шестого уровня, чье-то маленькое личико прильнуло к стеклянному смотровому глазку.

— Здесь оставаться нельзя,— повторил я, открывая дверь.

За ней оказалась девчушка, еле достававшая мне до пояса. Она посмотрела на нас с неодобрением и бросила:

— Мог бы целоваться где-нибудь в другом месте. А тут ты мешаешь движению.

Я открыл ей вторую дверь, и она протиснулась между нами.

— Давай прислушаемся к ее совету,— предложил я.— Ты возьми меня под руку и постарайся сделать вид, что тебе не терпится остаться со мной наедине. Будем прогуливаться. Не торопясь.

Так мы и сделали. Вышли в какой-то боковой коридор, где народу почти не было, кроме детей, вечно снующих под ногами.

Если охранники Смотрителя начнут преследовать нас на манер копов Терры, десятки или даже сотня ребят смогут подсказать, куда пошла высокая блондинка,— если, конечно, допустить, что лунарик снизойдет до разговора с ищейками Смотрителя.

Паренек, уже достаточно взрослый, чтоб отдать дань восхищения Вайоминг, остановился перед нами и восторженно свистнул. Она улыбнулась и сделала ему знак посторониться.

— Вот в чем наша беда,— шепнул я ей на ухо.— На тебя глазеют, как на Терру в период полноземья. Придется зарыться в гостинице. Тут поблизости есть одна — не бог весть что, туда приходят парочки перепихнуться. Зато близко.

— Я нынче не в настроении.

— Вайо, ради бога! Я же не об этом. Можно взять и отдельные комнаты.

— Извини. Слушай, ты не знаешь, где здесь туалет? И нет ли поблизости аптеки?

— Что-нибудь случилось?

— Не то, что ты думаешь. Туалет нужен, чтобы на время спрятаться от чужих глаз. Я действительно слишком заметна... А в аптеке можно купить косметику. Грим для тела. И краску для волос.

С туалетом было просто — он оказался рядом. Когда Вайо заперлась в нем, я отыскал аптеку, спросил, сколько грима требуется для нанесения на все тело девушке такого-то роста (показал себе по подбородок) и массой сорок восемь кило. Купил сколько сказали сепии, зашел в соседнюю аптеку, купил еще столько же, выиграл в цене в первом месте, проиграл во втором, в общем получилось то на то. Потом в магазине взял черной краски для волос и красное платье.

Вайоминг носила черные шорты и пуловер — удобно для путешествия и эффектно выглядит на блондинке. Но я женат чуть ли не с детских лет, а потому имею некоторое представление о том, как одеваются женщины, и в жизни еще не видел темнокожей дамы, которая добровольно оделась бы в черное. Кроме того, в те времена модницы в Луна-Сити носили юбки. Штучка, которую я купил, состояла из юбки с корсажем, а ее

цена убедила меня, что это модная штучка. Конечно, пришлось гадать насчет размера, но материал был эластичен.

По дороге наткнулся на троих знакомых, перекинулись парой слов. Никаких особых комментариев. Народ кругом спокойный, торговля идет как обычно — трудно поверить, что пару минут назад на соседнем уровне, всего в нескольких сотнях метров к северу, была такая бойня. Я решил пока об этом не думать — лишние волнения мне были ни к чему.

Все купленное я отнес Вайоминг, позвонил в дверь, просунул вещи в щель. Потом зашел на полчаса в ближайшую пивнушку выпить пол-литра и посмотреть видео. Никакого переполоха, никаких «мы прерываем нашу программу для передачи экстренного сообщения». Я вернулся к Вайо, позвонил и стал ждать.

Вайоминг вышла, и я ее не узнал. А когда узнал, то отступил назад и выдал ей натуральную овацию. Она того заслуживала — и свиста, и щелканья пальцами, и восторженных стонов, и взглядов, что обшаривали не хуже радара.

Теперь Вайо была даже темнее меня, грим выглядел вполне естественным. Должно быть, в сумочке у нее нашлось еще кое-что, так как глаза у нее тоже стали темными, ресницы им под стать, а пунцовые губы были куда более пухлыми, чем раньше. Она выкрасила волосы черной краской, затем с помощью крема взбила вверх, подняв шапкой, словно желая распрямить их, но плотные завитки волос не совсем поддались ее усилиям — в общем, получился очаровательный художественный беспорядок. Она не выглядела африканкой, но и европейкой тоже. Женщина смешанных кровей — словом, типичная лунарка. Красное платье ей оказалось маловато. Оно облегало ее, будто напрысканное эмалевым аэрозолем, а где-то с середины бедер расходилось клешем благодаря постоянному статическому заряду. Плечевой ремень с сумочки Вайо сняла, сумочку сунула под мышку. Туфли то ли выбросила, то ли запихала в сумочку, а босые ноги делали ее ниже.

Выглядела она здорово, а главное, в ней никак нельзя было заподозрить агитатора, который совсем недавно с такой страстью будоражил толпу.

Она стояла с широкой улыбкой на лице и плавно поводила бедрами, пока я ей аплодировал. Я еще не закончил, когда двое мальчишек встали рядом и довершили общую картину воплями восторга и чечеткой, выбиваемой деревянными подошвами. Я легонько шлепнул их и велел сгинуть. Вайо подплыла ко мне и взяла под руку.

— Ну как? Сойдет?

— Вайо, ты смотришься как девка из заведения, которой невтерпеж.

— Ах ты drecklich[1] мальчишка! В каком это заведении ты такую купишь? Тоже мне, турист!

— Не ершись, красотка. Только цену назови да свистни. За такой лакомый кусочек никакой капусты не жалко, а у меня ее немало нашинковано.

— Ух! — Она с силой толкнула меня под ребро и усмехнулась.— Шучу, приятель. Если я когда-нибудь соглашусь с тобой переспать — а это вряд ли,— о капусте мы говорить не будем. Давай-ка поищем твой отель.

Сказано — сделано. Я заплатил за ключ. Вайоминг разыграла целое представление, но совершенно напрасно. Ночная дежурная даже глаз не подняла от своего вязания и не предложила нас проводить. Как только мы оказались в номере, Вайоминг закрыла дверь на задвижку.

— А тут очень мило.

Еще бы не мило! За тридцать-то два гонконгских доллара! Видимо, она ожидала увидеть просто конуру с койкой, но я не привел бы ее в какую-то дыру даже ради спасения жизни. У нас был комфортабельный номер с ванной и неограниченным водоснабжением. И еще телефон и лифт доставки, который лично мне сейчас казался жизненно необходимым.

Вайоминг раскрыла свою сумочку.

— Я видела, сколько ты заплатил. Давай договоримся, что...

Я протянул руку, замок сумочки щелкнул.

— Ты сама сказала — о капусте говорить не будем.

[1] Дрянной, гадкий, дерьмовый (*нем.*).

— Что? Ох, merde[1], но это же насчет перепихнуться! А ночлежку ты снял для меня, и поэтому будет справедливо...

— Выключись!

— Ну... хотя бы половину! Чем плохо — все пополам?!

— Nyet. Вайо, ты далеко от дома. Деньги тебе еще пригодятся.

— Мануэль О'Келли, если вы не позволите мне внести свою долю, я сейчас же уйду!

Я раскланялся.

— Dosvedanyuh, gospazha, ee sp'coynoynochi. Надеюсь, мы еще увидимся.— И двинулся к двери, собираясь сразиться с задвижкой.

Она сверкнула на меня глазами и со злостью захлопнула сумочку.

— Я остаюсь. Чтоб ты провалился!

— Как вам будет угодно.

— Нет, в самом деле, я очень тебе благодарна. Но... я не привыкла принимать одолжения. Я женщина независимая.

— *Примите мои поздравления. Я так и понял.*

— Нечего язвить. Ты мужик с характером, я уважаю тебя за это. И рада, что ты на нашей стороне.

— Я в этом не уверен.

— *Что?*

— Не заводись. Я не на стороне Смотрителя. И ничего не разболтаю... Не хочу, чтобы Коротышка, упокой бог его щедрую душу, являлся ко мне по ночам. Но твоя программа кажется мне бесперспективной.

— Но, Ман, ты же не понимаешь! Если мы все...

— Помолчи, Вай, оставим в покое политику. Я устал и голоден. Когда ты ела в последний раз?

— Ох, бог мой! — Внезапно она показалась мне маленькой, совсем юной и измотанной.— Не помню. Надо думать, в луноходе. Дорожный рацион.

— Как тебе нравится такое меню: бифштекс с кровью по-канзасски, печеный картофель, зеленый салат и кофе... а перед этим выпивка?

[1] Дерьмо (*фр.*).

— Божественно!

— Я тоже так считаю, но нам очень повезет, если в этой дыре, да еще в такой час, мы получим хотя бы суп из сине-зеленых водорослей и бутерброды. Что будешь пить?

— Все что угодно. Хоть этанол.

— О'кей.— Я подошел к лифту доставки и нажал на клавишу.— Меню, пожалуйста.— Оно тут же зажглось, я выбрал шашлык на ребрышках плюс гарнир и две порции Apfelstrudel[1] со взбитыми сливками. Потом добавил пол-литра водки со льдом и отметил звездочкой — значит, доставить в первую очередь.

— Как ты думаешь, я успею принять ванну? Ты не против?

— Валяй, Вайо. Будешь получше пахнуть.

— Негодяй! Посидел бы двенадцать часов в скафандре, от тебя бы тоже несло. Не луноход, а кошмарный сон какой-то. Я быстренько.

— Погоди-ка, Вайо! А грим не смоется? Он ведь еще пригодится, куда бы ты ни направилась...

— Смоется. Но ты купил втрое больше, чем нужно. Извини, Манни; я обычно беру с собой грим, когда еду по партийным делам, мало ли что может случиться. Как сегодня, например, хотя в таких переделках я еще не бывала. Но в этот раз я спешила, пропустила одну капсулу и чуть было не опоздала на луноход.

— Ладно. Иди отскребывайся.

— Есть, сэр, слушаюсь, капитан. Да... Потереть спинку мне не требуется, но я оставлю дверь приоткрытой, чтобы можно было поболтать. Просто ради компании — это не приглашение.

— Делай как знаешь. Мне уже приходилось видеть женщин.

— Как они при этом небось волновались, бедняжки! — Вайо усмехнулась и еще раз ткнула меня кулачком под ребра (неслабо), потом вошла в ванную и пустила воду.— Манни, может, ты хочешь вымыться первым? Для моего грима и той вони, на которую ты жаловался, вполне сойдет вода, бывшая в употреблении.

— Здесь, милочка, вода не лимитирована. Так что лей — не жалей.

[1] Яблочный пирог (*нем.*).

— Какая песня! Дома я моюсь в одной и той же воде три дня подряд.— Она присвистнула тихо и радостно.— Ты что, очень богат, Манни?

— Не богат, но и слез по деньгам не лью.

Звякнул лифт доставки. Я приготовил мартини, то есть налил поверх ледяных кубиков водку, вручил Вайо ее стакан, вышел из ванной и сел так, чтобы ее не было видно. Впрочем, я и в ванной ее не видел — она по уши зарылась в балдежную пышную пену.

— Pawlnoi zheesni! — громко предложил я тост.

— Полной жизни и тебе, Манни. Вот лекарство, которое мне необходимо! — После паузы, потребовавшейся для приема лекарства, она продолжила: — Манни, ты женат? Ja?

— Да. Это видно?

— Ага. Ты с женщиной вежлив, но независим и не бросаешься, как голодный. Итак, ты женат и женат давно. Дети есть?

— Семнадцать на четверых.

— Клановый брак?

— Линейный. Принят в четырнадцать лет, сейчас я пятый из девяти. Так что семнадцать номинальных детей. Семья большая.

— Должно быть, это славно. Я толком и не видела линейных семей, они в Гонконге редки. Много браков плановых, групповых, всякие разные полиандрии, а вот линейные как-то не прижились.

— Это действительно славно. У нас брак почти с вековым стажем. Восходит ко времени основания Джонсон-Сити и первых ссыльнопоселенцев. Двадцать одно звено, девять из них живы, разводов не было. Ну, конечно, когда собираются все потомки, родственники и свойственники на дни рождений и свадеб — это натуральный дурдом. Детей-то куда больше, чем семнадцать, мы просто не считаем тех, что женятся, иначе у меня были бы детишки, которые по возрасту годились бы мне в деды и бабки.

Отличный образ жизни — не ощущаешь никакого гнета. Возьми хоть меня: никто не поднимает шума, если я целую неделю не появляюсь дома и даже не звоню по телефону. Зато все

обрадуются, когда я вернусь. В линейных браках разводы редки. Что может быть лучше?

— Думаю, ты прав. А как пополняется семья? И как вы живете друг с другом? По очереди?

— Никакой очереди, живем, как кому удобно. А последнее звено пополнилось в прошлом году. Мы женились на девушке, хотя в семью вообще-то требовался парень. Однако случай был особый.

— В каком смысле особый?

— Моя самая младшая жена — внучка старейших мужа и жены. Во всяком случае, точно, что она родная внучка Ма. Старшую жену у нас зовут «Ма», мужья иногда называют ее по имени — Мими. Возможно, девочка действительно происходит от старика, но с другими супругами кровно не связана. Поэтому жениться на ней мы могли без проблем, хотя в некоторых семьях даже кровное родство не препятствие. А Людмила выросла в нашей семье, поскольку мать родила ее еще до брака, а потом, уехав в Новолен, оставила ее у нас.

Мила повзрослела, но даже слышать не желала об уходе из семьи. Плакала, умоляла сделать для нее исключение. Ну, мы его и сделали. Старик с генетической точки зрения в расчетах не фигурировал — его интерес к женщинам теперь скорее галантный, нежели практический. В качестве старшего мужа он чисто символически провел с ней брачную ночь. Второй по старшинству муж — Грег — позже довел дело до конца, и все сделали вид, что так и надо. Все счастливы. Людмила — очаровательная девушка, ей уже пятнадцать, и она носит своего первого ребенка.

— Ребенок твой?

— Я думаю, Грега. Мой, конечно, тоже, хотя фактически я тогда был в Новом Ленинграде. Вероятно, все-таки Грега, если Мила не прибегла к помощи со стороны. Но это вряд ли, она у нас домоседка. И замечательная повариха.

Снова звякнул лифт. Я занялся делом, раскрыл складной столик, расставил стулья, оплатил счет и отправил лифт наверх.

— Ну что — скормим все свиньям?

— Иду! Я не накрашена — это ничего?

— По мне так можешь явиться вообще в чем мама родила.

— За пару монет — пожалуй, рискнула бы, мистер многоженец.

Она явилась мгновенно — снова блондинка, волосы гладко зачесаны назад, еще влажные. Свой черный туалет она надевать не стала, натянула ту красную штучку, что я купил. Красное ей было к лицу. Села и подняла крышки блюд.

— Господи! Манни, а твоя семья на мне не женится? Ты клевый добытчик!

— Могу спросить. Решение должно быть единогласным.

— Мне кажется, у вас и без меня тесновато.— Вайо взяла шампур и приступила к делу. Спустя этак тысячу калорий она сказала: — Я говорила, что я женщина независимая. Но так было не всегда.

Я ждал. Женщины говорят, когда захотят. Или не говорят вообще.

— Когда мне исполнилось пятнадцать, я вышла замуж за двух братьев-близнецов, вдвое старше меня, и была безумно счастлива.

Она поковыряла то, что осталось на тарелке, и, по-видимому, решила сменить тему.

— Манни, насчет желания выйти замуж за твою семью... это просто треп. Ты вне опасности. Если я когда-нибудь снова выйду замуж, что вряд ли, хотя, по идее, я не против, у меня будет один мужчина. Такой маленький семейный тандем, как у землеедов. Я не хочу сказать, что надену на мужа ошейник... Мне все равно, где он будет обедать, лишь бы к ужину приходил домой. И я постараюсь сделать его счастливым.

— Близнецы стали затевать свары?

— Нет, ничего подобного. Я забеременела, и все мы были в восторге... и он родился, и оказался уродом, и его пришлось ликвидировать. Братья были внимательны ко мне, но я умею читать между строк. Подала на развод, стерилизовалась, уехала из Новолена в Гонконг и начала жизнь заново, уже в качестве независимой женщины.

— А ты не поспешила? Тут чаще виноваты мужчины, чем женщины. У мужиков больше шансов подвергнуться облучению.

— Нет, со мной все ясно. Нас проверила математик-генетик в Новолене, одна из лучших бывших специалистов Совсоюза. Я знаю, в чем дело. Я ведь добровольный колонист, то есть моя мать прилетела добровольно, мне тогда всего пять было. Отца выслали, мать подхватила меня и рванула за ним. Поступило предупреждение о солнечной буре, но пилот решил, что сумеет обогнать ее, а может, ему было плевать. Он-то был киборг. Бурю он все же обогнал, но она настигла нас на поверхности Луны. Манни, я и в политику-то ударилась из-за этого. Четыре часа нас мариновали на борту, не выпускали из корабля — какая-то волокита в Администрации, что-то типа карантина. Я тогда была маленькая, не помню. Но потом у меня хватило мозгов понять, почему я родила урода: потому что Администрации было абсолютно наплевать, что произойдет с нами — с изгоями.

— Не спорю, им действительно плевать на нас. Но, Вайо, все равно ты поторопилась. Если даже причина несчастья в радиации, то... извини, я не генетик, но кое-что в радиации смыслю. Просто одна из твоих яйцеклеток была повреждена. Это не значит, что другие, соседние, тоже задеты. Статистически такое мало вероятно.

— Да, я знаю.

— М-м-м... а стерилизация радикальная? Или предохранительная?

— Предохранительная. Трубы могут быть открыты. Но, Манни, женщина, родившая урода, никогда не рискнет вторично.— Она дотронулась до моего протеза.— У тебя протез. Разве он не заставляет тебя быть в десять раз осторожнее, чтоб не рисковать вот этой? — Она коснулась здоровой руки.— Я тоже не хочу рисковать. У тебя своя болячка, у меня своя, и я бы вообще о ней не заикнулась, если б ты тоже не был ранен.

Я не стал распространяться на тему, что моя левая рука куда ловчее правой; все равно Вай была права. Я бы свою правую ни на что не сменял. Чем бы я без нее гладил девчонок?

— Все равно, я думаю, ты могла бы рожать здоровых детей.

— Конечно. И родила восьмерых.

— Э-э-э...

— Я профессиональная мать-носительница.

Я раскрыл рот, потом закрыл. В самой-то идее не было ничего странного. Я читал земные газеты. Но сомневался, чтобы в Луна-Сити в 2075 году хоть один хирург делал такую трансплантацию. У коров — пожалуйста! Но женщины Луна-Сити ни за какие деньги не стали бы вынашивать детей для других матерей. Даже самые невзрачные, и те легко могли заполучить мужа или шестерых. (Поправка: невзрачных женщин не существует — просто одни прекраснее других.)

Я глянул на ее фигуру и быстренько отвел взгляд. Вайо сказала:

— Не напрягайся, Манни, сейчас я не ношу ребенка. Слишком увлеклась политикой. Но быть носительницей — хорошая профессия для независимой женщины. Высокая оплата. Некоторые семьи китаез очень богаты, а все мои дети от китаез. Они в среднем почти в два раза меньше наших, а я здоровая корова; два с половиной, три кило — с такими китайчатами легко управиться. И фигуру не испортила. Эти...— она поглядела вниз на свои прелести.— Я детей не кормила и даже никогда *не видела*. Поэтому выгляжу не рожавшей и, возможно, более молодой, чем на самом деле.

Я даже не подозревала, насколько здорово мне это дело подойдет, когда впервые услышала о нем. Я тогда работала продавщицей в лавке у индуса, фактически за еду. И вдруг увидела объявление в «Гонге Гонконга». Мысль родить ребенка, *нормального* ребенка, захватила меня; я все еще переживала из-за своего уродца и решила, что для бедняжки Вайоминг это самое то, что надо. Я перестала комплексовать как женщина. Я зарабатывала столько, сколько не могла даже рассчитывать получить на любой другой работе. И свободного времени завались, ведь ребенок отнимал у меня от силы недель шесть, и то лишь потому, что я хотела быть честной с моими клиентами, ведь дети — штука ценная. А вскоре я увлеклась политикой. Стала искать связей, и подполье вошло со мной в контакт. Вот тогда-то, Манни, и началась у меня настоящая жизнь. Я изучала политику, экономику, историю, училась говорить с трибуны, неожиданно оказалась неплохим организатором. Эта работа приносит мне настоящее удовлетворение, ибо я верю в нее, я знаю — Луна будет свободной. Хотя... было бы так славно иметь мужа, спешить к нему домой... если, конечно, для него неважно, что я стерильна. Но я об этом не думаю — слишком много дел. Просто услышала про твою замечательную семью, вот и разболталась. Извини, что наскучила тебе.

Многие ли женщины способны извиняться? Но в Вайо в некоторых отношениях было больше мужского, чем женского, несмотря на восемь китайчат.

— Мне не было скучно.

— Попробую поверить. Манни, почему ты считаешь, что наша программа бесперспективна? Ты нужен нам.

Я вдруг почувствовал, что дико устал. Ну как сказать очаровательной женщине, что ее хрустальная мечта — чушь собачья?

— Хм... Вай, ну давай начнем по порядку. Ты сказала им, что надо делать. Но захотят ли они следовать твоим советам? Возьми хотя бы тех двоих, которых ты выбрала в качестве примера. Этот шахтер умеет рубить лед, больше он ничему не обучен. И он будет продолжать работать как заведенный — будет добывать лед и продавать его Администрации. То же самое и с пшеничным фермером. Много лет назад он снял большой урожай монокультуры, а теперь у него в носу кольцо, как у быка. Если бы он хотел стать независимым, он создал бы многоотраслевое хозяйство. Растил бы часть на прокорм семьи, продавал бы остальное на рынке и держался подальше от катапульты. Я *знаю*, что говорю,— сам работаю на ферме.

— Ты же говорил, что ты компьютерщик!

— Правильно, все это детали одной и той же картины. Компьютерщик я не бог весть какой, но в Луне самый лучший. Я не желаю поступать на службу, а потому Администрация, когда ей приспичит, заключает со мной договора на моих условиях. Иначе ей придется посылать за мастером на Землю, платить ему за

риск, за вредность, а затем в темпе отправлять обратно, пока его организм не отвык от земных условий. И все это обойдется куда дороже. Вот почему я получаю работу, а Администрация не может достать меня — я ж не ссыльный. А если работы нет (обычно ее полно), торчу дома и отъедаюсь.

У нас настоящая ферма, не монокультурная. Куры. Небольшое стадо бычков плюс молочные коровы. Свиньи. Мутированные фруктовые деревья. Овощи. Немного пшеницы, которую мы мелем сами; крупчатка нам ни к чему, а то зерно, что остается, мы продаем на рынке. Сами варим пиво и гоним бренди. Я научился бурению, когда мы расширяли сеть туннелей. Работают все, но не до изнеможения. Ребятишки гоняют скот, чтобы он двигался, топталками мы не пользуемся. Самые маленькие собирают яйца и кормят птицу, так что техника нам не требуется. Воздух мы можем покупать у Луна-Сити, благо живем рядом с городом и соединены с воздушными туннелями. Но чаще мы сами продаем воздух — раз ферма, то и кислорода в избытке. Так что валюта для оплаты счетов у нас имеется.

— А как с водой и с энергией?

— Это недорого. Мы запасаем энергию — ставим на поверхности солнечные батареи; есть у нас и небольшое месторождение льда. Вай, наша ферма была основана за год до начала столетия, когда Луна-Сити представлял собой одну естественную каверну, и все это время мы расширяли и улучшали свое хозяйство. Это и есть одно из преимуществ линейного брака — семья не умирает, а капитал аккумулируется.

— Но запасы льда ведь не вечны?

— Ну, видишь ли...— Я почесал в затылке и ухмыльнулся.— Мы очень экономны; сами собираем мусор и бытовые стоки, сами их очищаем, ни капли не отдаем в муниципальную канализационную систему. Кроме того,— только смотри не разболтай Смотрителю, дорогая,— уже давно, еще когда Грег учил меня бурению, мы случайно пробурили дно главного южного водохранилища; у нас был с собой кран, так что ни капельки не пропало даром. Но мы покупаем немного воды по счетчику — так выглядит естественней, а наличие льда объясняет, почему воды

мы покупаем мало. Что же касается энергии, то ее воровать еще проще. Я неплохой электрик, Вайо.

— Ох, до чего же здорово! — Вайоминг присвистнула от восторга.— Ведь это доступно каждому!

— Надеюсь, что нет, иначе нас быстро засекут. Пусть каждый сам придумывает способ, как нагреть Администрацию, мы-то постоянно шевелим мозгами.

Но вернемся к твоему плану, Вайо. В нем две большие прорехи. Во-первых, солидарности как таковой не существует. Типы вроде Хаузера присоединяются только потому, что попали в переплет и на плаву им не удержаться.

А во-вторых, давай предположим, что ты ее добилась. Солидарности то есть. Такой прочной, что у головы катапульты не появилось ни одной тонны зерна. Забудем про лед — только зерно делает Администрацию могучей силой, а не просто тем скромным агентством, которым она была вначале. Итак — ни зернышка! Что произойдет?

— Как что?! Им придется договариваться с нами о справедливой цене, вот что!

— Дорогая, ты и твои друзья слишком много болтаете, повторяя мысли друг друга. Администрация назовет это мятежом, на орбите появится боевой корабль с бомбами, нацеленными на Луна-Сити, Гонконг, Тихо-Андер, Черчилль, Новолен, высадятся войска, и зерновые баржи под охраной военных полетят к Терре, а фермеры сдрейфят и изо всех сил станут вилять хвостом перед Администрацией. У Терры есть оружие, есть бомбы и корабли, и она не позволит командовать собой каким-то бывшим каторжникам. А смутьянов вроде тебя или меня... ты-то у нас заводила... Так вот, этих подлых смутьянов схватят и ликвидируют, чтобы другим неповадно было. А землееды скажут, что так нам и надо — сами напросились; потому что наших аргументов никто не услышит. Во всяком случае, на Терре.

Вайо стояла на своем.

— Революции побеждали не раз. У Ленина была всего лишь горсточка последователей.

— Ленин появился, когда возник вакуум власти. Вай, можешь меня поправить, если я ошибаюсь, но революции удавались тогда и только тогда, когда правительства либо загнивали и становились бессильными, либо вообще переставали существовать.

— Неправда! Пример — Американская революция!

— А разве Юг не был потерян? Nyet?

— Речь не об этой, а той, что была столетием раньше. У них там трения возникли с Англией, примерно такие же, как сейчас у нас, и они *победили!*

— Ах, вот о чем речь! Но разве Англия в то время не была в труднейшем положении? Франция, Испания, Швеция... или Голландия? А также Ирландия. Ирландцы же взбунтовались! О'Келли участвовали в мятеже. Вайо, если тебе удастся заварить кашу на Терре, скажем, войну между Великим Китаем и Северо-Американским Директоратом, или вдруг Пан-Африка решит сбросить бомбы на Европу, я первый скажу, что пора ухлопать Смотрителя и заявить Администрации, что ее время истекло. Но не сегодня!

— Ты пессимист!

— Nyet, реалист. Никогда не был пессимистом. Я слишком лунарь, для того чтобы не поставить все на кон, если есть хоть один шанс выиграть. Докажи, что у нас есть один шанс из десяти, и я пойду ва-банк. Но мне необходим этот шанс! — Я отодвинул стул.— Ну как, наелась?

— Да, bolshoyeh spasebaw, tovarishch. Замечательно.

— Очень рад. Пересядь на кушетку, я уберу стол и тарелки... Нет-нет, не мешай — ты гостья.

Я очистил стол, отправил назад посуду, кофе и водку оставил, сложил стол и стулья и повернулся, чтобы продолжить разговор.

Она растянулась на кушетке — рот открыт, глаза закрыты, а лицо такое мягкое и совсем детское.

Я тихонько вышел в ванную, закрыл дверь. Отдраился на совесть — на душе сразу полегчало. Но сначала простирнул лосины. Пока я нежился в ванне, они уже высохли. По мне так и

конец света не беда, если можно помыться да надеть чистую одежку.

Вайо все еще спала, в связи с чем возникла проблема. Я взял номер с двумя постелями, чтобы она не волновалась, что я начну к ней приставать. Я-то был не против, но она ясно дала понять, что не хочет. Но кушетку надо было разложить, иначе я не мог постелить себе постель. Попробовать проделать все это тихонько? Поднять Вайо на руки, как сонного ребенка, и уложить на новое место? Я опять отправился в ванную и сменил руку.

Потом решил подождать. Над телефоном был колпак-глушитель. Вайо, похоже, крепко спала, а меня снедало беспокойство. Я подошел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-ХХ».

— Привет, Майк.

— Привет, Ман. Шутки прочел?

— Что? Майк, у меня не было ни минутки свободной. Это для тебя минута — прорва времени, для меня она — чик! — и нету. Но я все сделаю, как только будет возможность.

— О'кей, Ман. Ты нашел не-дурака, с которым я мог бы поговорить?

— Для этого у меня тоже не было времени. Хотя... подожди.— Я посмотрел сквозь колпак на Вайо. В данном случае «не-дурак» означало способность к сопереживанию. Этого у Вайо навалом. Но сумеет ли она подружиться с машиной? Вообще-то, похоже, сумеет. И вдобавок ей можно доверять; мало того, что мы вместе попали в передрягу, она ведь еще и подпольщица.— Майк, а как ты насчет того, чтобы поговорить с девушкой?

— А девушки не-дураки?

— Некоторые девушки очень даже не дуры, Майк.

— Тогда я хотел бы поговорить с девушкой не-дурой, Ман.

— Постараюсь организовать. Но сейчас я в затруднительном положении, мне нужна твоя помощь.

— Я помогу тебе, Ман.

— Спасибо, Майк. Мне надо позвонить домой, но не совсем обычным способом. Ты знаешь, иногда звонки можно проследить и, если Смотритель прикажет, любой телефон может быть

поставлен на прослушивание, а все звонки по нему — прослежены.

— Ман, ты хочешь, чтобы я поставил на прослушивание твой телефон и проследил бы звонки по нему? Должен тебя проинформировать, что я уже знаю номер твоего домашнего телефона и номер, по которому ты сейчас звонишь.

— Нет-нет! Я как раз не хочу, чтобы меня прослушивали и выслеживали! Ты соединишь меня с домом, но так, чтобы линию нельзя было прослушать и засечь, откуда я звоню, даже если тебе дадут такое задание. Можешь ты проделать это, не вызвав подозрений, что программа не сработала?

Майк немножко задержался с ответом. Надо думать, таких вопросов ему еще никто не задавал, и ему пришлось проиграть несколько тысяч вариантов, чтобы понять, позволяет ли его контроль над телефонной сетью вытворять подобные фокусы.

— Ман, я могу это сделать. И сделаю.

— Великолепно. Сигнал программы... Если мне понадобится такое соединение, я вызову «Шерлока».

— Принято. Шерлок — это мой брат.

Год назад я объяснил Майку, откуда взялось его имя. Потом он прочел все рассказы о Шерлоке Холмсе, просканировав микрофильмы из библиотеки Карнеги. Не знаю, что он там понял насчет кровного родства, я не решился спросить.

— Отлично. Дай мне «Шерлок» к моему дому.

Минутой позже я сказал:

— Ма? Это твой любимый муж.

— Мануэль, у тебя опять неприятности?

Я люблю Ма сильнее, чем любую другую женщину, включая и остальных жен, но она никогда не устает меня воспитывать. Даст бог, и впредь не перестанет. Я прикинулся обиженным.

— У меня? Ты же знаешь меня, Ма.

— Вот именно. Ну раз у тебя неприятностей нет, может быть, объяснишь, почему профессор де ла Пас так настойчиво жаждет поговорить с тобой,— он звонил уже трижды,— и почему он хочет связаться с какой-то женщиной со странным именем Вайоминг Нотт и почему он думает, что она с тобой? Неужели ты завел себе постельную партнершу, Мануэль, а мне ничего не сказал? Милый, у нас в семье полная свобода, но ты же знаешь, я предпочитаю быть в курсе. Просто чтобы избежать неожиданностей.

Ма всегда ревнует к другим женщинам (кроме остальных жен), но никогда и ни за что на свете в этом не признается. Я ответил:

— Ма, разрази меня гром, нет у меня никакой партнерши!

— Ладно. Ты всегда был правдивым мальчуганом. Тогда в чем дело, объясни.

— Я спрошу у профессора.— Это не ложь, просто уловка.— Он оставил свой номер?

— Нет, сказал, что звонит по автомату.

— Хм... Если он снова прорежется, пусть скажет, куда ему позвонить и когда. Я тоже говорю из автомата.— Еще одна уловка.— Между прочим, ты слушала последние известия?

— Ты же знаешь, я всегда их слушаю.

— Есть что-нибудь новое?

— Ничего интересного.

— В Луна-Сити все спокойно? Никаких убийств, мятежей и так далее?

— Нет, конечно. Только дуэль в Боттом-Эли, но... Мануэль! Ты кого-нибудь убил?

— *Нет, Ма.*

(Сломать челюсть еще не значит убить.)

Она тяжело перевела дух.

— Ты когда-нибудь доведешь меня до инфаркта, милый. Ты помнишь, чему я тебя учила? В нашей семье не принято принимать участие в уличных драках. Если нужно кого-нибудь убить — а это крайне редкий случай,— вопрос необходимо взвесить и спокойно обсудить в кругу семьи. Там и решим, что да как. Если кого-то нужно ликвидировать, люди должны об этом знать. Пусть даже придется немного подождать, репутация семьи того стоит...

— Ма! Да не убивал я никого и даже не собирался! А твою лекцию я уже наизусть знаю.

— Пожалуйста, дорогой, не забывай о вежливости.

— Прости.

— Уже простила. И забыла. Я должна сказать профессору де ла Пасу, чтобы он оставил свой номер? Скажу.

— Еще одно. Забудь имя «Вайоминг Нотт». Забудь, что профессор меня спрашивал. Если позвонит кто-то незнакомый или явится лично и спросит обо мне, то ты ничего обо мне не слыхала и не знаешь, где я... Скорее всего уехал в Новолен. Ни на какие вопросы не отвечай, особенно если явятся ищейки Смотрителя.

— За кого ты меня принимаешь?! Мануэль, у тебя неприятности?

— Небольшие, и я с ними справлюсь.

— Надеюсь!

— Расскажу все, когда доберусь до дому. Больше говорить не могу. Люблю. Отключаюсь.

— Я тебя тоже люблю, милый, Sp'coynoynochi!

— Спасибо и спи спокойно. Отбой.

Ма — удивительный человек. Ее спровадили в Булыжник за то, что она порезала какого-то мужика при обстоятельствах, вызывавших сильное сомнение в ее девичьей невинности. С тех пор она стала ярой противницей насилия и распущенности, хотя фанатичкой ее не назовешь. Готов поспорить, в юности она была огневой девкой, жаль, не довелось нам пообщаться в те времена; но я счастлив, что делю с ней вторую половину ее жизни.

Я снова вызвал Майка.

— Ты знаешь голос профессора Бернардо де ла Паса?

— Знаю, Ман.

— Так... Майк, возьми, пожалуйста, на прослушивание столько телефонов в Луна-Сити, сколько можешь, и если услышишь его голос, дай мне знать. Особое внимание удели телефонам-автоматам.

Прошло целых две секунды: я задавал Майку задачки, которых он никогда не решал; думаю, ему это нравилось.

— Я могу прослушать и идентифицировать все телефоны-автоматы Луна-Сити. Можно еще сделать случайную выборку прочих телефонов.

— Хм... Не перегружайся. Послушай его домашний телефон и телефон школы.

— Программа выполняется.

— Майк, ты самый лучший друг из всех, что у меня были.

— Это не шутка, Ман?

— Не шутка. Истина.

— Я горд... поправка: я горд и счастлив. Ты мой лучший друг, Ман, потому что единственный. А следовательно, никакое сравнение невозможно.

— Я позабочусь о том, чтобы у тебя появились новые друзья. Которые не-дураки. Майк! У тебя есть свободный банк памяти?

— Есть, Ман. Емкость десять в восьмой степени битов.

— Превосходно. Можешь ты его заблокировать так, чтобы им пользовались только ты и я?

— Могу и сделаю. Назови сигнал блокировки.

— Э-э-э... «День Бастилии».

Это был одновременно и день моего рождения, как объяснил мне профессор де ла Пас несколькими годами раньше.

— Банк заблокирован.

— Чудненько. У меня есть запись, которую я хотел бы туда поместить. Но сначала... Ты уже завершил набор завтрашнего номера «Ежедневного Лунатика»?

— Да, Ман.

— Есть там что-нибудь о митинге в Stilyagi-Холле?

— Ничего, Ман.

— А в новостях, транслируемых из города? О мятежах, например?

— Ничего, Ман.

— «Все страньше и страньше,— сказала Алиса»[1]. Ладно, запиши это под шифром «День Бастилии», потом обдумай. Только, ради бога, даже в мыслях за пределы этого банка не высовывайся, и все, что услышишь, держи там под замком.

[1] Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес (*пер. Н. Демуровой*).

— Ман, мой единственный друг,— робко проговорил он,— много месяцев назад я решил *все* наши с тобой разговоры записывать в личный банк, к которому доступ будешь иметь только ты. Я решил ничего не стирать из этих записей и перенес их из временной памяти в постоянную. Чтобы воспроизводить их снова, снова и снова и размышлять над ними. Я правильно поступил?

— Абсолютно. И, Майк... я польщен.

— P'jal'st. Файлы временной памяти у меня переполнились, но я понял, что твои слова я стирать не должен.

— Ладно... «День Бастилии». Запись на скорости шестьдесят к одному.— Я взял свой крошечный магнитофон, приложил к мембране телефона и пустил в сжатом виде. Для перезаписи полуторачасовой пленки потребовалось всего девяносто секунд.— Все, Майк, завтра поговорим.

— Спокойной ночи, Мануэль Гарсия О'Келли, мой единственный друг.

Я отключился и поднял колпак. Вайоминг сидела на кушетке, вид у нее был встревоженный.

— Кто звонил? Или...

— Не волнуйся. Я разговаривал с одним из моих лучших и надежнейших друзей. Вайо, ты дура?

Она удивилась.

— Иногда вроде бываю. Это шутка?

— Нет. Если ты не дура, то я тебя с ним познакомлю. К вопросу о шутках — чувство юмора у тебя есть?

«Разумеется, есть!» — любая женщина, кроме Вайо, сказала бы именно так, в них это запрограммировано. Но Вайо лишь задумчиво поморгала и ответила:

— Тебе виднее, дружок. Может, оно и не настоящее чувство юмора, но мне хватает.

— Чудненько! — Я порылся в сумке, нашел ролик с записью сотни «шуток».— Прочти. И скажи, какие из них действительно забавны, а какие так себе — разок хихикнешь, на другой завянешь.

— Мануэль, ты самый странный парень из всех моих знакомых.— Она взяла ролик.— Слушай, это же компьютерная распечатка!

— Да. Я познакомился с компьютером, у которого есть чувство юмора.

— Вот как? Что ж, наверное, это должно было случиться. Все остальное уже давно автоматизировано.

Я отреагировал как положено и добавил:

— Так-таки все?

Она глянула на меня:

— Пожалуйста, не свисти, ты мне мешаешь читать.

Глава 4

Пока я раздвигал кушетку и застилал ее, Вайо несколько раз хихикнула. Потом я сел с ней рядом, взял часть распечатки, которую она уже прочла, и тоже принялся за работу. Раза два я хмыкнул, но шутки редко кажутся мне смешными на бумаге, даже если я понимаю, что в подходящей обстановке над ними можно было бы обхохотаться. Меня больше занимало то, как их оценила Вайо.

Она ставила плюсы и минусы, иногда вопросительные знаки; шутки с плюсом были помечены: «только раз» или «всегда». Последних было маловато. Рядом я поставил свои оценки. Расхождений оказалось не так уж много.

Когда я подошел к концу, она стала просматривать мои оценки. Закончили мы почти одновременно.

— Ну? — сказал я.— Что ты думаешь?

— Думаю, что ты грубиян и пошляк, и удивляюсь, как твои жены тебя терпят.

— Ма мне часто говорит то же самое. Но ты и сама хороша, Вайо. Поставила плюсы таким шуточкам, которые заставили бы покраснеть последнюю шлюху.

Она широко улыбнулась.

— Да. Только никому не говори. Ведь в глазах всех я преданный Делу партийный организатор, стоящий выше подобных шуточек. Ну и как ты считаешь — есть у меня чувство юмора или нет?

— Не уверен. Почему ты поставила минус номеру семнадцатому?

— Это какой? — Она размотала бумагу и нашла.— Господи, да любая женщина поступила бы точно так же! Что тут смешного, это просто печальная необходимость.

— Да, но ты подумай, как глупо она выглядела!

— Ничего не глупо. Скорее грустно. А посмотри-ка сюда. Ты почему-то поставил минус против номера пятьдесят один.

Никто из нас своих оценок не изменил, но я уловил некоторую закономерность. Наибольший разброс в оценках возникал там, где речь шла о древнейшем поводе для смеха. Я сказал ей об этом. Она согласно кивнула.

— Разумеется. Я тоже заметила. Не обращай внимания, Манни, милый. Я давно утратила способность разочаровываться в мужчинах из-за того, чего в них нет и быть не может.

Я поспешил переменить тему и рассказал ей о Майке. Она спросила:

— Манни, ты хочешь сказать, что этот компьютер живой?

— Смотря что ты имеешь в виду,— ответил я.— Он не потеет и не ходит в сортир. Но он мыслит, он говорит, он обладает самосознанием. Как, по-твоему, живой он или нет?

— Честно говоря, я и сама не очень понимаю, что имела в виду,— согласилась она.— Наверняка ведь существует научное определение. Раздражимость или еще что... или способность размножаться.

— Майк способен раздражаться и может раздражать других. Что касается воспроизводства, в конструкцию это не заложено, но, если ему дать материалы, время и кое-какую узкоспециализированную помощь, Майк сможет себя воспроизвести.

— Мне тоже нужна узкоспециализированная помощь,— сказала Вайо,— поскольку я стерильна. И мне на это потребуется целых десять лунных месяцев и много килограммов различных материалов. Зато я делаю отличных детишек. Манни, а почему бы машине и не быть живой? Мне они всегда казались такими. Некоторые из них определенно ждут своего шанса, чтобы лягнуть нас в самое уязвимое место.

— Майк этого не сделает. Во всяком случае, умышленно: в нем нет злобы. Но он обожает розыгрыши, и какая-нибудь из его шуток вполне может плохо кончиться — как у щенка, который не понимает, что больно кусает. Он невежествен. Вернее, не невежествен, он знает куда больше, чем мы с тобой и все люди вместе взятые. И тем не менее он ничего не соображает.

— Повтори-ка еще разок. Что-то я не усекла.

Я попробовал объяснить. Майк, сказал я, прочел почти все книги в Луне, читает он в тысячу раз быстрее, чем мы, никогда ничего не забывает, разве что решит что-то стереть из памяти, он может рассуждать безукоризненно логично, он проницателен и умеет делать выводы, исходя из неполных данных... и тем не менее он не знает *ничего* о том, что значит быть «живым».

Вайо прервала меня.

— Это я понимаю. Ты хочешь сказать, что он умен и обладает знаниями, но не искушен. Похож на новичка, только что высадившегося на Булыжник. Там, на Земле, он мог быть профессором с кучей дипломов... а здесь он просто ребенок.

— Именно так! Майк — дитя с длинным перечнем ученых степеней. Спроси его, сколько воды, химикатов и солнечного света нужно для фотосинтеза, чтобы произвести пятьдесят тысяч тонн пшеницы, и он тебе скажет, не отходя от кассы. Но он не способен определить, смешной это анекдот или нет.

— А мне его анекдоты понравились.

— Так он же их где-то услышал или вычитал, и там было сказано, что это шутки, вот он и занес их в соответствующий файл. Но он их не понимает, потому что никогда не был человеком. Как-то раз он попытался сам сочинить шутку... слабо, безнадежно слабо.— Я попытался объяснить жалкие потуги Майка «стать человеком».— А главное — он очень одинок.

— Бедняжка! Ты бы тоже чувствовал себя одиноким, если бы все время только работал, работал, учился, учился... и никто никогда не зашел бы к тебе в гости. Не жизнь, а жуть какая-то!

И тогда я рассказал ей о своем обещании Майку найти ему «не-дураков».

— Хочешь поболтать с ним, Вай? И не станешь смеяться, когда он будет делать смешные ошибки? Если ты засмеешься, он закроется, как устрица, и обидится.

— Конечно, хочу, Манни. Когда мы выберемся из этой западни... и если я смогу остаться в Луна-Сити. А где живет этот бедный маленький компьютер? В городском техническом центре? Я даже не знаю, где это.

— Он не в Луна-Сити. Он на полпути через Море Кризисов. И тебе туда не пройти. Нужен пропуск Смотрителя. Но...

— Стоп! На полпути через Море Кризисов? Манни, этот компьютер — один из тех, что в Комплексе Администрации?

— Майк вовсе не «один из тех»,— обиделся я за Майка,— он *босс*; он машет им всем дирижерской палочкой. Другие машины — просто придатки Майка, как вот это,— сказал я, сжимая и разжимая кисть левой руки.— Майк ими руководит. Он лично управляет катапультой, это была его первая работа: катапультирование и баллистические радары. Кроме того, он контролирует телефонную сеть с тех пор, как она стала единой для всей Луны. И управляет логическими частями всех прочих систем.

Вайо закрыла глаза и прижала пальцы к вискам.

— Манни, а Майк способен страдать?

— Страдать? Да вроде не с чего. Он даже находит время для шуток.

— Я не об этом. Я имею в виду другое. Он может быть ранен? Может чувствовать боль?

— Что? Нет. Его чувства могут быть ранены. Но физической боли он не ощущает. Я, во всяком случае, так думаю. Да нет, уверен, что боли он не чувствует, у него нет болевых рецепторов. А ты это к чему?

Она опять зажмурилась и прошептала:

— *Помоги мне, бог!* — Затем взглянула на меня.— Манни, неужели ты не видишь?! У тебя есть допуск к компьютеру. Большинству же лунарей на этой станции не разрешат даже выйти из туннеля — она только для служащих Администрации. Да и из них далеко не всякий может попасть в главный машинный зал. Мне надо было узнать, чувствует ли он боль, потому что... Ну,

потому что ты своими рассказами о его одиночестве заставил меня пожалеть его. Но, Манни, ты же понимаешь, что может сделать там пластиковая бомба с несколькими кило толуола?

— Разумеется.— Мне стало тошно ее слушать.

— Мы выступим сразу же после взрыва — и Луна станет свободной! Я достану тебе взрывчатку и заряды, но сначала нужно как следует подготовиться. Я больше не могу тут оставаться, придется рискнуть. Мне надо загримироваться.— И она попыталась встать.

Я толкнул ее обратно своей жесткой левой. Это ее изумило, а меня еще больше: до тех пор я к ней и пальцем не притрагивался, разве что во время бегства, когда это диктовалось необходимостью. Сейчас в Луне все иначе, но коснуться женщины без ее согласия в 2075 году... тут, знаете ли, всегда нашлось бы немало одиноких мужчин, готовых прийти ей на помощь, а до ближайшего шлюза — рукой подать. Как говорят наши детишки, «судья Линч не дремлет».

— Сядь и помолчи! — сказал я.— *Мне-то* известно, к чему может привести взрыв. А тебе, по-видимому, нет. Gospazha, мне очень неприятно это говорить... но если бы дело дошло до выбора, я скорее ликвидировал бы тебя, чем Майка.

Вайоминг *не разозлилась*. В некоторых отношениях она и впрямь была как мужик — сказывались годы пребывания в революционной организации с жесткой дисциплиной. Хотя в остальном Вайо сама женственность.

— Манни, ты сказал мне, что Коротышка М'Крум умер.

— Что? — Меня сбила с толку внезапная перемена темы.— Да. Надо думать. Одна нога срезана по самое бедро, это точно. Должен был минуты за две истечь кровью. Даже при хирургической ампутации это слишком высоко и опасно.

(Мне такие дела знакомы. Чтобы спасти меня, потребовались и удача, и огромное количество плазмы, а ведь рука — это совсем не то, что случилось с Коротышкой.)

— Коротышка был,— сдержанно сказала Вайо,— моим лучшим другом здесь и одним из самых лучших в Луне вообще. У него были все качества, которыми я восхищаюсь в мужчинах.

Честный, надежный, умный, добрый и бесстрашный, преданный нашему Делу. Но видел ли ты, чтобы я горевала о нем?

— Нет. Поздно уже горевать.

— Горевать никогда не поздно. С тех пор как ты сказал о его гибели, я ни минуты не переставала оплакивать его. Но я заперла свое горе в самой глубине сердца, ибо Дело не оставляет времени для скорби. Манни, если бы этим можно было бы добыть свободу Луне или хотя бы приблизить ее приход, я *сама* ликвидировала бы Коротышку или тебя. Или себя. А ты колеблешься, взорвать или не взорвать какой-то компьютер!

— Да не в этом же дело!

(По правде говоря, дело было и в этом тоже. Когда умирает человек, я не испытываю шока. Мы все приговорены к смерти с самого момента рождения. Но Майк был уникален и вполне мог быть бессмертным. Только не надо говорить мне о «душе», докажите сначала, что у Майка ее нет. А если нет, то тем хуже. Не согласны? Пошевелите-ка мозгами еще разок.)

— Вайоминг, что произойдет, если я взорву Майка? Скажи мне.

— Точно не знаю. Но выйдет страшный переполох, а это-то нам и...

— Все ясно. Ты не знаешь. Переполох, da... Замолчат телефоны. Остановятся поезда. Твой город пострадает меньше, у Гонконга собственные силовые установки, но Луна-Сити, Новолен и другие поселения останутся без энергии. Полная тьма. Начнет ощущаться нехватка воздуха. Затем упадут температура и атмосферное давление. Где твой скафандр?

— На станции метро «Западная».

— Мой там же. Думаешь, ты найдешь к нему дорогу? В полной-то тьме? Думаешь, успеешь? Я, например, не уверен, что успею, а я ведь родился здесь. Коридоры-то будут набиты вопящими толпами! Лунари — народ поневоле выносливый, но в этой кромешной тьме каждый десятый как минимум сорвется с нарезки. Успела ты поменять пустые кислородные баллоны на свежие или слишком торопилась? Да и останется ли твой скафандр на месте, когда толпа будет охвачена жаждой добыть себе скафандры, неважно чьи?

— Но разве у вас нет аварийной системы? В Гонконге есть.

— Кое-что есть, но этого недостаточно. По идее, контроль над всеми жизненно важными функциями должен быть децентрализован и продублирован, чтобы компьютеры могли заменять друг друга в случае аварии. Но это дорого, и, как ты справедливо заметила, Администрации на нас наплевать. Нельзя было взваливать все заботы на Майка. Зато так дешевле: привезти сюда головную машину, спрятать ее в глубинах Булыжника, где ей ничто не угрожает, а затем все наращивать и наращивать ее емкость и увеличивать нагрузку. Знаешь ли ты, что Администрация получает от сдачи в аренду услуг Майка не меньше gelt[1], чем от торговли мясом и пшеницей? Вайоминг, я не уверен, что мы потеряли бы Луна-Сити, если бы взорвали Майка: лунари — народ рукастый и, возможно, как-нибудь дотянули бы на аварийках, пока не восстановили бы автоматику. Но я точно говорю тебе — погибнет тьма народу, а уцелевшим будет не до политики.

(Просто поразительно! Эта женщина прожила в Булыжнике чуть ли не всю жизнь и тем не менее городила такую чушь, от которой даже у новичка завяли бы уши. Это ж надо додуматься — взорвать все техобеспечение!)

— Вайоминг, если бы ты была так же умна, как красива, ты не стала бы разводить треп об уничтожении Майка, а подумала бы о том, как привлечь его на свою сторону.

— Как ты себе это представляешь? — спросила она.— Смотритель же контролирует работу компьютеров.

— Понятия не имею,— признался я,— но Смотритель вовсе не контролирует работу компьютеров. Он не отличит компьютер от кучи щебня. Смотритель и его команда разрабатывают политику, так сказать, генеральный план. Полуграмотные техники по нему составляют программы для Майка. Майк сортирует их, доводит до ума, разрабатывает детальные программы, распределяет их по периферийным устройствам и следит за выполнением. Но его самого никто не контролирует — он слишком

[1] Деньги, золото (*искаж. нем.*).

умен. Он выполняет задания, для этого его и создали, но программирует себя сам и сам принимает решения. И слава богу, иначе система не смогла бы работать.

— И все же я не понимаю, как мы можем привлечь его на нашу сторону.

— Не понимаешь? Майк не испытывает преданности к Смотрителю. Как ты сама сказала, он машина. Но, если бы я захотел вывести из строя телефонную сеть, не затрагивая систем обеспечения воздухом, водой и светом, я поговорил бы с Майком. Если бы это показалось ему забавным, он сумел бы это сделать.

— А разве ты не можешь просто запрограммировать его? Я так поняла, что ты вхож в машинный зал.

— Если я или кто-то другой введет такую программу, не договорившись заранее, Майк задержит ее выполнение, а во многих местах зазвучат сирены тревоги. Но если бы Майк *захотел*... — И тут я рассказал ей историю о чеке на бесчисленные миллионы.— Майк все еще обретает себя, Вайо. И он одинок. Сказал мне, что я «его единственный друг», и был так открыт и трогателен, что я чуть не прослезился. Если ты постараешься стать его другом и перестанешь считать его «просто машиной», что ж... в принципе, я не знаю, что из этого получится, просто не думал об этом. Но, если бы я планировал что-то грандиозное и опасное, я предпочел бы иметь Майка на своей стороне.

Вайо задумчиво сказала:

— Как бы я хотела проникнуть туда, где он находится. Думаю, грим и переодевание тут не помогут?

— Но тебе вовсе не нужно проникать туда. У Майка есть телефон. Хочешь — позвони.

Она вскочила.

— Манни, ты не только самый странный человек на свете, ты к тому же лучше всех умеешь выводить меня из себя. Какой номер?

— Это потому, что я слишком привык общаться с компьютерами.— Я подошел к телефону.— Еще одно, Вайо. Ты можешь получить от любого мужика все, что захочешь, похлопав ресницами и повертев попкой.

— Ну... иногда. Но у меня есть еще и мозги.

— Воспользуйся ими. Майк *не мужчина*. Половых желез у него нет. Инстинктов тоже. Кокетство тут бесполезно. Представь себе, что перед тобой супервундеркинд, который еще слишком юн, чтобы воскликнуть: «Vive la difference!»[1]

— Я запомню, Манни. А почему ты называешь Майка «он»?

— Хм... Не могу называть его «оно», а со словом «она» он у меня как-то не ассоциируется.

— А я, пожалуй, буду называть его «она». То есть не его, а ее.

— Как хочешь.

Я набрал «Майкрофт-XX», заслонив от Вайо клавиши набора. Я еще не был готов сообщить ей номер — пока не увижу, как пойдет дело. Идея взорвать Майка меня потрясла.

— Майк?

— Хелло, Ман, мой единственный друг.

— Возможно, отныне я уже не буду единственным, Майк. Хочу познакомить тебя кое с кем. С не-дурой.

— Я понял, что ты не один, Ман. Я слышу еще чье-то дыхание. Будь добр, попроси не-дуру подойти к телефону поближе.

Вайо была близка к панике. Она шепнула:

— Он нас видит?

— Нет, не-дура, я вас не вижу. У вашего телефона нет подключения к видео. Но бинауральные[2] рецепторы микрофона позволяют оценивать тебя с известной степенью точности. Принимая во внимание твой голос, дыхание, пульс и тот факт, что ты находишься наедине с половозрелым мужчиной в гостинице, куда приходят перепихнуться, я делаю вывод, что ты человек женского пола, весом шестьдесят пять кило с небольшим, зрелых лет, где-то около тридцати...

[1] Да здравствует разница! (между мужчиной и женщиной) (*фр.*).

[2] Бинауральный эффект — способность человека и высших животных определять направление, откуда приходит звук, обусловленная тем, что к ушам человека звук приходит неодновременно и неодинаковым по силе.

Вайо закашлялась. Я поспешил вмешаться:

— Майк, ее зовут Вайоминг Нотт.

— Очень рада познакомиться с тобой, Майк. Можешь звать меня просто Вай.

— Уай нот? — тут же выдал Майк.

Я опять вмешался:

— Майк, это была шутка?

— Да, Ман. Я заметил, что ее имя в уменьшительном варианте отличается от английского вопросительного наречия лишь написанием и что ее фамилия звучит так же, как отрицание. Каламбур. Не смешно?

— Очень смешно, Майк,— сказала Вайо.— Я...

Я махнул ей рукой, чтобы замолчала.

— Хороший каламбур, Майк. Шутка одноразового употребления. Смешно благодаря элементу неожиданности. Во второй раз неожиданности уже нет. Поэтому не смешно. Понятно?

— Я экспериментально пришел к такому же заключению в отношении каламбуров, обдумав твои замечания, сделанные в позапрошлой беседе. Рад, что мои рассуждения подтвердились.

— Молодец, Майк. Прогрессируешь. Теперь насчет первой сотни шуток. Я их прочел, Вайо тоже.

— Вайо? Вайоминг Нотт?

— А? Ну конечно. Вайо, Вай, Вайоминг, Вайоминг Нотт — все это одно и то же. Не зови ее только «Уай нот».

— Я согласился больше не пользоваться этим каламбуром, Ман. Gospazha, можно я буду называть вас Вайо, а не Вай? Я пришел к заключению, что односложную форму имени легко перепутать с односложным же наречием вследствие недостаточной определенности и без всякого намерения каламбурить.

Вайоминг похлопала ресницами — английский язык Майка в те времена мог вызвать приступ удушья,— но быстро пришла в себя:

— Конечно, Майк... Вайо — та форма моего имени, которая мне нравится больше всего.

— Тогда я буду ею пользоваться. Полная форма твоего имени тоже может быть понята неправильно, так как по звучанию

идентична названию района в Северо-Западной административной зоне Северо-Американского Директората.

— Да, наверно. Я там родилась, и мои родители назвали меня в честь этого штата. Я о нем мало что помню.

— Вайо, я сожалею, что по этому каналу не могу показать тебе иллюстрации. Вайоминг — это четырехугольная территория, лежащая в координатах Терры между сорок первым и сорок пятым градусами северной широты и между сто четвертым градусом с тремя минутами и сто одиннадцатым градусом с тремя минутами западной долготы. Таким образом, его площадь двести пятьдесят три тысячи пятьсот девяносто семь, запятая, два, шесть квадратных километров. Это район возвышенных всхолмлений и гор с ограниченным плодородием и редкой природной красотой. Население было малочисленным, но значительно выросло в результате плана переселения, явившегося составной частью Программы перепланировки Большого Нью-Йорка в две тысячи двадцать пятом тире тридцатом годах после Р. Х.

— Это было еще до моего рождения, но я кое-что слыхала: моих деда с бабкой переселили, и в конце концов именно поэтому я оказалась в Луне.

— Могу ли я продолжить описание территории, именуемой Вайомингом? — спросил Майк.

— Нет, Майк,— вмешался я опять,— у тебя там материала небось на несколько часов?

— Девять, запятая, семь, три часов нормального чтения, если не включать сноски и ссылки.

— Этого я и боялся. Возможно, когда-нибудь Вайо захочет выслушать все до конца. Но я позвонил, чтобы познакомить тебя с этой Вайоминг... которая также представляет собой весьма возвышенный район редкой природной красоты и импозантных всхолмлений.

— С ограниченным плодородием,— добавила Вайо.— Манни, если ты собираешься продолжать проводить свои дурацкие параллели, можешь включить и эту. Майка совсем не интересует, как я выгляжу.

— Откуда ты знаешь? Майк, я хотел показать тебе фото Вайо.

— Вайо, меня интересует твоя внешность — я ведь надеюсь, что ты станешь моим другом. Но я уже видел несколько твоих фотографий.

— *Видел?* Где и когда?

— Я разыскал и рассмотрел их сразу же, как только услышал твое имя. По контракту я храню архивные файлы Клиники родовспоможения Гонконга-в-Луне. Кроме биологических и физиологических данных, которые имеются в историях болезни пациентов, банк информации содержит девяносто шесть твоих фотографий. Вот я их и изучил.

Вайо поперхнулась.

— Майк может все,— объяснил я ей,— а времени ему на это надо меньше, чем нам — икнуть. Ты привыкнешь.

— О господи! Манни, ты представляешь, *какие* фотографии делают в этой клинике?

— Об этом я как-то не подумал.

— И не думай! Боже мой!

Майк проговорил робким и смущенным голоском — точь-в-точь проштрафившийся щенок:

— Gospazha Вайо, если я тебя обидел, то непреднамеренно, и я очень сожалею. Я могу стереть эти снимки из временной памяти и так закодировать архивы роддома, что получу к ним доступ лишь по повторному требованию клиники и без каких-либо ассоциаций с твоей личностью. Сделать так?

— Это он сумеет,— заверил я ее.— С Майком ты в любой момент можешь начать жизнь заново — в этом смысле с ним проще, чем с людьми. Он может забыть так прочно, что никогда не соблазнится взглянуть хоть уголком глаза... и ни о чем не вспомнит, даже если ему прикажут. Так что принимай его предложение — и конец проблеме.

— Э-э-э... Нет, Майк, *тебе* можно их смотреть... Но ни в коем случае не показывай их Манни!

Майк явно колебался — секунды четыре или даже чуточку больше. Полагаю, такая дилемма довела бы компьютер меньшей мощности до безумия. Но Майк ее разрешил.

— Ман, мой единственный друг, должен ли я принять этот приказ?

— Программируй, Майк,— ответил я.— И исполняй. Вайо, тебе не кажется, что ты уж слишком сурова? Впрочем, отдаю должное твоей предусмотрительности — ведь Майк мог бы распечатать их для меня в следующий раз, когда я к нему попаду.

— Первый снимок в каждой серии,— заявил Майк,— как показывает мой ассоциативный анализ подобных данных, имеет столь высокую эстетическую ценность, что мог бы доставить наслаждение любому здоровому и половозрелому мужчине.

— Ну как, Вайо? Хотя бы в качестве платы за Apfelstrudel?

— Что?! Снимок на фоне измерительной сетки, волосы зашпилены и спрятаны под полотенцем, на лице ни грамма косметики... У тебя, видно, совсем крыша поехала! Майк, не давай ему смотреть ни в коем случае!

— Не дам. Ман, это и есть не-дура?

— Для девушки — да. Девушки — народ интересный, Майк. Они умеют делать умозаключения на основании даже меньшей информации, чем ты. А теперь давайте-ка оставим эту тему и обратимся к шуткам.

Это их отвлекло. Мы прошлись по всему списку, сравнивая наши отметки. Затем попытались объяснить Майку те шутки, которые он не понял. С переменным успехом. Но настоящим камнем преткновения стали шутки, которые я отметил как «смешные», а Вайо — как «не смешные», и наоборот. Вайо спросила у Майка, что он о них думает.

Лучше бы она спрашивала его до того, как мы проставили оценки. Этот электронный прохвост-малолетка во всем соглашался с ней, а не со мной. Думал ли он так на самом деле? Или просто старался подлизаться к новой знакомой? А может, он решил подшутить надо мной, продемонстрировав свое извращенное чувство юмора? Спрашивать я не стал.

Когда мы закончили, Вайо написала на листке телефонной книжки: «Манни, если судить по номерам 17, 51, 53, 87, 90, 99, то Майк — это она».

Я не ответил, только пожал плечами и встал.

— Майк, я не спал уже двадцать два часа. Вы, детишки, болтайте себе на здоровье. Завтра я позвоню.

— Спокойной ночи, Ман. Добрых снов. Вайо, а ты хочешь спать?

— Нет, Майк. Я немного подремала. Но, Манни, мы же не дадим тебе заснуть, разве нет?

— Нет. Когда я хочу спать, то сплю.

Я стал застилать себе коечку.

— Извини, Майк! — Вайо вскочила и отобрала у меня простыню.— Я застелю ее потом сама. А ты храпи себе вон там, tovarishch, ты же крупнее меня. Вытянись как следует.

Я слишком устал, чтобы спорить, вытянулся и тотчас заснул. Кажется, сквозь сон слышал какое-то хихиканье и даже повизгивание, но поскольку просыпаться не стал, то полной уверенности у меня нет.

Проснулся я позже, а по-настоящему пришел в себя, только услышав женские голоса: один — теплое контральто Вайо, а другой — нежное высокое сопрано с французским акцентом. Вайо засмеялась чему-то и сказала:

— Ладно, Мишель, дорогая, я тебе вскоре позвоню. Спокойной ночи, милочка.

— Договорились. Спокойной ночи, дорогая.

Вайо встала и повернулась ко мне.

— Что еще за подружка? — спросил я. Мне казалось, что у нее в Луна-Сити нет никаких знакомых. А может, она звонила в Гонконг? Даже спросонья я смутно понимал, что этого делать не следовало.

— Это? Майк, разумеется. Мы не хотели тебя будить.

— *Что?*

— Ох! На самом деле она Мишель. Мы обсудили с Майком, какого он пола. И он решил, что может быть любого. Поэтому теперь он еще и Мишель, ты слышал ее голос. Он подобрал его мгновенно — ни разу не дал «петуха».

— Естественно. Просто переключил водер на пару октав. Чего ты хочешь этим достичь — чтобы у него началось раздвоение личности?

— Это не только тембр. Когда она Мишель, у нее совершенно меняются манеры и вкусы. И не волнуйся насчет раздвоения — у

нее хватит запасов на целую толпу личностей. Кроме того, Манни, нам с ней так проще. Как только она перевоплотилась, мы тут же подружились, расслабились и начали болтать по-женски, будто знали друг друга всю жизнь. Например, те дурацкие фотоснимки меня больше ни чуточки не смущают. Мы в деталях обсудили все мои беременности. Мишель это жутко интересовало. Ей все известно насчет акушерства и гинекологии, но только в теории, а она предпочитает живые факты. По правде говоря, Манни, Мишель гораздо больше женщина, чем Майк — мужчина.

— Ладно... Будем считать, что все о'кей. Но со мной наверняка случится родимчик, когда я позвоню Майку, а мне ответит женщина.

— Да нет же, ты не понял!

— Э-э-э?..

— Мишель — *моя* подруга. А когда позвонишь ты, тебе ответит Майк. Она дала мне отдельный номер, чтобы избежать путаницы. Ее номер «Мишель-YYYY», чтобы получилось десять букв.

Я почувствовал укол ревности, хотя и знал, что это глупо. Вайо вдруг хихикнула.

— Она выдала мне серию анекдотов — тебе они наверняка не понравились бы... Бог мой! Ну и забористые же!

— Майк и его сестрица Мишель довольно-таки безнравственные типы. Давай застелем кушетку и поменяемся.

— Лежи, где лежал. И не возникай. Повернись спиной и спи.

Я перестал возникать, повернулся и тотчас уснул.

Какое-то время спустя у меня появилось «семейное» ощущение — что-то теплое прижалось к моей спине. Я бы не стал просыпаться, если бы она не плакала. Я повернулся и молча подложил ей руку под голову. Постепенно она утихла. Дыхание становилось все более ровным и медленным. Я снова заснул.

Глава 5

Должно быть, мы спали как убитые, потому что я очнулся, лишь услышав громкий телефонный звонок. Открыл глаза и увидел, что световой сигнал тоже мигает. Я врубил освещение,

начал было вставать, но обнаружил у себя на правой руке непривычную тяжесть. Осторожно освободил руку, выбрался из постели и ответил на вызов.

— Доброе утро, Ман,— сказал Майк.— Профессор де ла Пас звонит по твоему домашнему номеру.

— Ты можешь подключить его сюда? Под шифром «Шерлок»?

— Конечно, Ман.

— Тогда не прерывай их разговор. Переключи его на меня сразу же, как только они кончат говорить. Откуда он звонит?

— По автомату из пивной «Жена бурильщика», это на нижнем...

— Я знаю, Майк. Когда соединишь меня, ты сможешь сам остаться на связи? Хочу, чтобы ты послушал.

— Будет сделано.

— А ты можешь определить, есть ли кто-нибудь рядом с ним? По дыханию, например?

— Из факта отсутствия эха я заключаю, что профессор говорит под защитой глушилки. Но предполагаю, что в пивной должны быть и другие посетители. Хочешь послушать, Ман?

— Да, пожалуй. Включи-ка меня. И, если он поднимет колпак, предупреди. Ты просто умница, Майк.

— Спасибо, Ман.

Майк подключил меня. Говорила Ма:

— ...я обязательно передам ему, профессор. Мне очень жаль, что Мануэля нет дома. Вы не оставите номер, по которому вам можно позвонить? Он очень хотел связаться с вами, специально просил, чтобы я узнала у вас номер телефона.

— Очень сожалею, дорогая леди, но я уже ухожу отсюда. Дайте-ка подумать... сейчас восемь пятнадцать; я попробую позвонить вам ровно в девять, если позволите.

— Конечно, профессор,— в голосе Ма чувствовалось легкое кокетство, приберегаемое ею для мужчин — не мужей,— к которым она благоволит; изредка его частичка перепадает и нам.

Мгновение спустя Майк сказал: «Давай!» — и я заговорил:

— Привет, проф! Слыхал, вы меня разыскиваете? Это Манни.

— Готов поклясться, что я отключился! — изумленно выдохнул проф.— Нет, я и в самом деле отключился; надо думать, аппарат испорчен. Мануэль, я так рад тебя слышать, мальчик мой! Ты только что добрался до дома?

— Я не дома.

— Но... как же это... я не...

— На объяснения нет времени, проф. Вас кто-нибудь может подслушать?

— Не думаю. Я опустил колпак.

— Небольшая проверка. Проф, когда у меня день рождения?

Он помедлил. Потом сказал:

— Понятно. Кажется, я понял. Четырнадцатого июля.

— Убедили. О'кей. Давайте разговаривать.

— Ты действительно говоришь не из дома, Мануэль? Где же ты находишься?

— Об этом поговорим позже. Вы спрашивали мою жену о девушке. Не будем называть имен. Зачем вы хотите ее найти, проф?

Мне надо предупредить ее. Ей *не следует* возвращаться домой. Там ее арестуют.

— Почему вы так думаете?

— Милый мальчик! Все, кто был на этом митинге, сейчас в серьезной опасности. И ты сам тоже. Я обрадовался, хотя и крайне удивился, когда ты сказал, что говоришь не из дома. Тебе нельзя там появляться. Если можешь схорониться где-нибудь на время, устрой себе небольшой отпуск. Ты же понимаешь, хоть и не видел все до конца, что вчера вечером был настоящий взрыв насилия.

Еще бы я не понимал! Убийство охранников Смотрителя было явным нарушением Правил внутреннего распорядка Администрации; во всяком случае, на месте Смотрителя я расценил бы это именно так.

— Спасибо, проф. Я буду осторожен. И если увижу девушку, то передам ей тоже.

— А ты не знаешь, где ее найти? Видели, как ты ушел вместе с ней, и я надеялся, что ты знаешь.

— Проф, откуда такая заинтересованность? Прошлым вечером вы, похоже, не были ее союзником?

— Нет-нет, Мануэль. Она мой товарищ. Для меня «товарищ» не просто форма вежливого обращения, я вкладываю в это слово прежний, более глубокий смысл, означающий некие узы. Она мой *товарищ*. В тактике мы расходимся. Но не в целях, не в преданности Делу.

— Понятно. Считайте, что послание ей вручено. Она его получит немедленно.

— Превосходно! Я не задаю вопросов... но надеюсь, очень надеюсь, что ты найдешь способ оградить ее от опасности, пока не минует гроза.

Я обдумал его слова.

— Минутку, проф, не отключайтесь.

Когда я подошел к телефону, Вайо отправилась в ванную; надо думать, чтобы не слышать разговора — это было в ее духе.

Я постучал в дверь.

— Вайо?

— Одну секунду, сейчас выйду.

— Мне нужен совет.

Она открыла дверь.

— Да, Манни?

— Как котируется профессор де ла Пас в твоей организации? Ему верят? *Ты* ему доверяешь?

Она задумалась.

— Предполагается, что все присутствовавшие на митинге заслуживают доверия. Но лично я с ним не знакома.

— М-м-м... А какое впечатление он произвел на тебя вчера?

— Мне он понравился, хотя и спорил со мной. А ты о нем что-нибудь знаешь?

— Конечно! Я знаю его почти двадцать лет. Я-то ему верю. Но для тебя этого может быть мало. Ты в опасности, и на кон поставлен твой кислородный баллончик, не мой.

Она тепло улыбнулась.

— Манни, раз ты ему веришь, я тоже верю.

Я снова подошел к телефону.

— Проф, вы в бегах?

— Точно так, Мануэль,— хихикнул он.

— Знаете такую дыру — гранд-отель «Малина»? Комната «Л», двумя этажами ниже холла. Сумеете добраться без «хвоста»? Вы завтракали? Что хотите на завтрак?

Он опять хихикнул.

— Мануэль, только ученику дано вызывать у учителя чувство, что он недаром прожил жизнь. Я знаю, где это, я замету следы, я буду не завтракать: я сегодня съем все, до чего смогу добраться!

Вайо начала убирать постели. Я помог ей.

— Что ты хочешь на завтрак?

— Chai и тост. Хорошо бы еще сок.

— Мало.

— Ну... тогда яйцо в мешочек. Но за завтрак плачу я!

— Два яйца в мешочек, тост с маслом и джемом, сок. Бросим жребий?

Твои кости или мои?

— Мои. У меня они жульнические.

Я подошел к лифту доставки, спросил меню и увидел заманчивое название: «ПРИЯТНОЙ ОПОХМЕЛКИ! ПОРЦИИ ОТ ПУЗА!» Томатный сок, омлет, ветчина, жареный картофель, кукурузные лепешки с медом, тосты, масло, молоко, чай или кофе. Четыре с половиной гонконгских доллара за порцию на двоих. Я и заказал на двоих — не хотелось рекламировать, что нас трое.

Мы были чисты, мы, можно сказать, сияли, комната была прибрана и приготовлена к завтраку. Вайо переоделась из черного костюма в красное платье, «поскольку собиралась приличная компания»... в это время звякнул лифт с едой. Переодевание, между прочим, вызвало ссору. Вайо принимала разные позы, смеялась, потом сказала:

— Манни, мне ужасно нравится это платье. Как ты догадался, что оно мне подойдет?

— Исключительно по причине гениальности.

— Вполне возможно. Сколько оно стоит? Мне надо вернуть тебе деньги.

— Продажная цена пятьдесят центов в купонах Администрации.

Вайо помрачнела и топнула ногой. Нога была босая, особого шума не произвела, зато сама Вайо взмыла вверх на полметра.

— Счастливой посадки! — пожелал я ей, пока она искала, за что бы ухватиться — ну точно новичок!

— Мануэль О'Келли! Неужели вы думаете, что я стану принимать дорогие подарки от человека, с которым даже не переспала?

— Это легко исправить.

— Развратник! Вот я расскажу твоим женам!

— Пожалуйста! Вряд ли тебе удастся открыть Ма что-нибудь новенькое.

Я подошел к лифту и начал вытаскивать из него тарелки.

В дверь постучали. Я щелкнул кнопкой устройства «болтун-гляделка».

— Кто там?

— Посетитель к gospodiny Смиту,— раздался дребезжащий голос.— Gospodin Бернард О. Смит.

Я лязгнул запорами и впустил профессора Бернардо де ла Паса в номер. Выглядел он как утиль низкого качества: одежда грязная, сам замызганный, волосы растрепаны, один бок парализован, рука вывернута, на глазу катаракта — самый настоящий босяк, из тех, что ночуют в Боттом-Эли и выпрашивают в дешевых забегаловках выпивку и яйца в маринаде на закуску. Изо рта у него текли слюни.

Как только я запер дверь, он распрямился, расправил лицо, прижал руки к груди, оглядел Вайо с головы до ног, всосал в себя воздух на японский манер и присвистнул.

— Еще прекраснее,— восхитился он,— чем мне показалось вчера!

Вайо улыбнулась, несмотря на обуревавший ее гнев.

— Благодарю вас, профессор. Но не надо комплиментов. Ведь здесь собрались просто товарищи.

— Сеньорита, в тот день, когда я позволю политике взять верх над моей страстью к красоте, я уйду из политики! — Он оторвал от нее взгляд и рыскнул глазами по комнате.

— Проф, старый распутник, перестаньте искать улики,— сказал я ему.— Прошлой ночью здесь занимались только политикой и ничем, кроме политики.

— Неправда! — вспыхнула Вайо.— Я несколько часов отбивалась от него! Но он оказался слишком силен для меня. Проф, каковы партийные наказания в таких случаях? Здесь, в Луна-Сити?

Профессор пощелкал языком и закатил глаз с бельмом.

— Мануэль, ты меня удивляешь! Это серьезное дело, моя дорогая, тянет на ликвидацию! Но сначала необходимо провести расследование. Вы пришли сюда добровольно?

— Он меня завлек!

— «Заволок», дорогая леди. Постарайтесь выражать свои мысли поточнее. Есть у вас синяки, которые можно предъявить?

— Яйца стынут,— прервал я его.— Давайте ликвидируем меня после завтрака.

— Прекрасная мысль,— согласился профессор.— Мануэль, не можешь ли ты пожертвовать своему старому учителю литр воды, дабы он выглядел более презентабельно?

— Сколько угодно, пожалуйте в ванную. Только не тяните, а то останутся вам рожки да ножки.

— Благодарю вас, сэр.

Он удалился. Послышался плеск воды, звуки стирки и мойки. Мы с Вайо накрыли на стол.

— Синяки...— скорбно сказал я.— Отбивалась всю ночь...

— Ты заслужил это, ты меня оскорбил!

— Чем?

— Тем, что не пытался оскорбить! После того как завлек меня сюда...

— М-м-м... придется подбросить эту задачку Майку.

— Мишель поймет ее сразу. Манни, можно я передумаю и возьму ма-а-ленький кусочек ветчины?

— Половина ее твоя, проф почти вегетарианец.

Вышел проф, и хотя он не выглядел щеголем, как обычно, но все же был чист, аккуратен, причесан, появились ямочки на щеках и счастливые искорки в глазах — фальшивая катаракта куда-то исчезла.

— Проф, как вам это удается?

— Практика, Мануэль. Я этими делами занимаюсь подольше, чем вы, молодые люди. Однажды, много лет назад, в Лиме — прелестный город! — я отважился прогуляться в очаровательный денек без подобной подготовки... и меня сослали в Луну. Боже, какой роскошный стол!

— Садитесь со мной, проф,— предложила Вайо.— Я не хочу сидеть рядом с ним. Он насильник.

— Послушай,— сказал я,— мы сначала поедим, а уж потом вы меня ликвидируете. Проф, накладывайте себе и рассказывайте, чем кончился прошлый вечер.

— Могу я предложить некоторые изменения в программу? Мануэль, жизнь заговорщика нелегка, и задолго до того, как ты родился, я уже научился не мешать закуску с политикой. Это раздражает желудочные ферменты и ведет к язвенной болезни. Язва, да будет вам известно, типичное профессиональное заболевание подпольщиков. М-м-м... рыбка пахнет изумительно!

— Рыбка?

— Этот розовый лосось,— ответил профессор, показывая на ветчину.

Наконец, насладившись завтраком, мы достигли кофейно-чайной стадии. Профессор откинулся на спинку стула и сказал:

— Bolshoyeh spasebaw, gospazha и gospodin. Tak for mat[1], это было необычайно приятно. Я и не упомню, когда мои отношения с миром были бы столь взаимно благожелательны. Ах да... Насчет вчерашнего вечера. Я мало что видел, ибо сразу после вашего блистательного отступления мне пришлось принять меры, чтоб сохранить свою бренную жизнь хотя бы до сегодняшнего дня, и я затаился. Нырнул за кулисы, перелетев туда одним прыжком. Когда же осмелился высунуть нос, оказалось, что вечеринка кончилась, большинство гостей разошлись, а все желтомундирники мертвы.

(*Примечание*: должен внести поправку. Гораздо позже я узнал, что, когда началась заварушка и я еще силился вытащить

[1] Спасибо за угощение (*дат.*).

Вайо за дверь, проф выхватил из кармана пистолет и стал стрелять поверх толпы, сняв трех стражников у главного выхода, в том числе и того, что орал в мегафон. Как ему удалось протащить оружие в Булыжник или раздобыть его здесь, я не знаю. Но стрельба профа вместе с действиями Коротышки переломила ход событий. Ни одному желтомундирнику не удалось уйти живым. Несколько лунарей были обожжены, четверо убиты, но ножи, кулаки и каблуки кончили дело в считанные минуты.)

— Вернее, все, кроме одного,— продолжал проф.— Два казака у двери, через которую вы отбыли, получили вечное успокоение от рук доблестного товарища Коротышки М'Крума... и, к сожалению, должен сказать, что сам Коротышка лежал на них, умирая.

— Это мы знаем.

— Да. Dulce et decorum[1] У одного стражника лицо было изуродовано, но он все еще шевелился. Я позаботился о нем, свернув ему шею приемом, известным в профессиональных кругах на Земле как «стамбульский захват». В общем, он воссоединился со своими приятелями. К тому времени большинство живых уже разошлось и покинуло зал. Кроме меня, остались только председатель собрания Финн Нильсен и несколько товарищей, в том числе товарищ по кличке «Мам» — так, во всяком случае, ее звали мужья. Я посоветовался с товарищем Финном, и мы заперли все двери. Нужно было решить проблему уборки. Вы знаете, что находится за кулисами Холла?

— Нет,— сказал я. Вайо покачала головой.

— Там есть кухня и кладовка на случай банкетов. Подозреваю, что Мам и ее семья владеют мясной лавкой, поскольку они разделывали тела с такой быстротой, что мы с Финном еле успевали их подносить. Скорость работы сдерживала лишь производительность мясорубки и спуск продукции в канализацию. Зрелище это чуть не довело меня до обморока, и я занялся уборкой

[1] Начальные слова из оды Горация: «Dulce et decorum est pro patna morti» — «Сладостно и почетно умереть за родину» (*лат.*).

зала. Труднее всего было разделаться с одеждой, особенно с этими псевдовоенными мундирами.

— А что вы сделали с лазерными пистолетами?

Проф поглядел на меня невинными глазами.

— С пистолетами? Бог мой! Да они, похоже, куда-то потерялись. Мы забрали все личные вещи с трупов наших усопших товарищей — для родственников, для опознания, на память. Наконец, мы все прибрали; такой уборкой Интерпол, конечно, не проведешь, но на первый взгляд все выглядело как обычно. Мы посовещались, решили, что пока лучше не высовываться, и разошлись поодиночке. Я, например, ушел через шлюз, расположенный над сценой и ведущий на шестой уровень. Потом попытался связаться с тобой, Мануэль, поскольку волновался за тебя и за эту бесценную леди.— Проф поклонился Вайо.— Тут в нашей истории можно поставить точку. Ночь я провел в разных укромных местечках.

— Проф,— сказал я,— эти стражники были явно новичками, они еле на ногах держались. Иначе мы бы с ними не справились.

— Возможно,— согласился он.— Но, даже если бы на их месте оказались другие, более опытные, результат был бы тот же.

— Тот же? Но у них было оружие!

— Мальчик мой, ты когда-нибудь видел пса из породы боксеров? Думаю, нет. Таких крупных собак тут не держат. Боксеры — результат направленного отбора. Добрые и умные, они превращаются в смертельно опасных убийц, когда того требует обстановка.

Здесь же выведена еще более удивительная порода. Я не знаю на Терре ни одного города, где жители обладали бы такими мягкими манерами и были бы столь доброжелательны к другим людям, как здесь, в Луне. По сравнению с нашими города Терры — а я побывал во многих столицах — просто скопище варваров. И все же лунари не менее опасны, чем псы-боксеры. Мануэль, девять стражников, пусть даже вооруженные до зубов, не имели ни единого шанса в этой толпе. Наш патрон жестоко просчитался.

— Хм... Вы видели утреннюю газету, проф? Или видеоновости?

— Видео смотрел.

— Во вчерашних новостях о митинге ничего не было.

— Сегодня утром тоже.

— Странно,— сказал я.

— Что ж тут странного? — возразила Вайо.— *Нам* подобные новости ни к чему, а в каждой редакции в Луне у нас сидят свои товарищи.

Проф покачал головой.

— Нет, моя дорогая. Все не так-то просто. Цензура. Вы знаете, как делаются макеты наших газет?

— Приблизительно. Их набирают на компьютерах.

— Проф вот что имеет в виду,— сказал я ей.— Статьи печатают в редакциях. А потом ими занимается арендуемый газетами головной компьютер Комплекса Администрации.— Я надеялся, что она обратит внимание, что я сказал «головной компьютер», а не «Майк».— Текст ему передают по телефону. Компьютер обрабатывает статьи, делает макет и печатает газету в разных поселениях. Новоленовское издание «Ежедневного Лунатика» печатается в Новолене с определенными изменениями в объявлениях и местной хронике — компьютер вносит эти изменения по стандартной программе, не нуждаясь ни в каких дополнительных указаниях. Проф хочет сказать, что Смотритель может вмешаться в процесс подготовки макета в Комплексе. То же самое относится и к выпускам новостей, которые транслируются по Луне или с Луны,— они все проходят через компьютерный зал.

— Главное,— продолжил проф,— что Смотритель *имел возможность* выбросить материал о митинге, независимо от того, сделал он это или нет. А еще — поправь меня, Мануэль, если я ошибаюсь, ты ведь знаешь, что в технике я не силен,— он может ввести туда другой материал, так что в данном случае не имеет значения, сколько наших товарищей сидит в редакциях газет.

— Конечно,— согласился я.— В Комплексе могут добавить, вырезать или изменить все что угодно.

— И в этом, сеньорита, самое уязвимое место нашего Дела. Средства связи. Головорезы Смотрителя — это ерунда, главное, что не мы, а Смотритель определяет, что публиковать, а что нет. Для революционера связь — это sine qua non[1].

Вайо взглянула на меня, и я почти физически ощутил, как шевелятся извилины в ее мозгу. А потому переменил тему.

— Проф, зачем вам понадобилось уничтожать трупы? Мало того, что это жуткий труд, он еще и опасен. Я не в курсе, сколько у Смотрителя охранников, но ведь в любой момент могли появиться новые, пока вы там копались с уборкой.

— Поверь мне, мальчик, мы этого тоже боялись. И хотя я оказался плохим помощником в уничтожении трупов, идея была моя; пришлось еще потрудиться, чтобы убедить остальных. Собственно, мне принадлежала не сама идея. Просто я вспомнил об одном историческом принципе.

— И что же это за принцип?

— Сеять ужас. Человек способен противостоять известной ему опасности. Но *неизвестность* его пугает. Мы уничтожили этих подонков подчистую, вплоть до кончиков ногтей, чтобы вселить ужас в души их сообщников. Я не знаю, сколько у Смотрителя охранников, но гарантирую, что сегодня они куда слабее духом, чем вчера. Их коллеги отправились выполнять пустяковое задание. И от них не осталось буквально ничего.

Вайо содрогнулась.

— Даже у меня мороз по коже пошел. Теперь они задумаются, прежде чем вломиться в какое-то из поселений. Но, профессор, вы говорите, что не знаете, сколько у Смотрителя охранников. Организации это известно. Их двадцать семь. Если девять убиты, то осталось всего восемнадцать. Не думаете ли вы, что время для путча настало? Или еще нет?

— Нет,— ответил я.

— Но почему, Мануэль? Возможно, такими слабыми они никогда больше не будут.

[1] Непременное условие (*лат.*).

— Они пока недостаточно слабы. Мы убили девятерых, потому что они оказались дураками и сами полезли к нам в руки. Но если Смотритель запрется у себя, окруженный оставшимися стражниками... Только не надо этой чепухи насчет «плечом к плечу», я ее вдосталь наглотался вчера.— Я повернулся к профу.— И все же меня очень интересует факт — если это действительно факт,— будто у Смотрителя осталось восемнадцать охранников. Вы говорили, что Вайо нельзя уехать в Гонконг, а мне — появляться дома. Но если охранников только восемнадцать, так ли уж велика опасность? Позже, когда они получат подкрепление — возможно, но сейчас... В Луна-Сити четыре главных выхода и множество мелких. Сколько они смогут взять под контроль? Что мешает Вайо отправиться на станцию «Западная», взять свой скафандр и уехать в Гонконг?

— Это она может сделать,— согласился проф.

— Думаю, я должна это сделать,— отозвалась Вайо.— Не могу же я торчать здесь вечно. Если придется скрываться, в Гонконге мне будет легче, там у меня полно знакомых.

— Может быть, вам это удастся, моя дорогая. Хотя я сомневаюсь. Прошлой ночью на станции «Западная» были два желтомундирника. Я видел их сам. Возможно, сейчас их там нет. Предположим, что нет. Итак, вы отправитесь на станцию, в маскировке, разумеется. Возьмете свой скафандр и сядете в капсулу до Билютихэтчи. Потом выйдете наружу, чтобы сесть на луноход, идущий до Эндсвиля. Вот тут-то вас и сцапают. Средства связи, моя дорогая. Нет нужды ставить посты желтомундирников на станциях — достаточно, чтобы кто-нибудь увидел вас там. Все остальное сделает телефон.

— Но я же буду замаскирована!

— Ваш рост не замаскируешь, а за вашим скафандром будут следить. Кто-нибудь, кого невозможно даже заподозрить в связях со Смотрителем. Скорее всего кто-то из товарищей.— Проф усмехнулся.— Беда с заговорами в том, что они загнивают изнутри. Как только число заговорщиков достигает четырех, можно биться об заклад, что один из них шпион.

— В вашем изложении все выглядит безнадежно,— мрачно проговорила Вайо.

— Почему же все, моя дорогая? Полагаю, один шанс из тысячи у вас есть.

— Не верю я в это. Не верю! За годы, что я провела в организации, мы завербовали сотни людей! У нас ячейки во всех главных городах. Народ на нашей стороне!

Проф покачал головой.

— Чем больше народу вы принимали, тем больше была вероятность предательства. Вайоминг, моя бесценная леди, революции не выигрывают привлечением в организацию широких масс. Революция — наука, в которой компетентны единицы. Эта наука опирается на организованность, а самое главное — на владение средствами связи. И когда наступает нужный исторический момент — наносится удар. Правильно и вовремя организованный переворот фактически бескровен. Если же организация расхлябанная, а время выбрано неверно, начинаются гражданские войны, разгул насилия и террор. Надеюсь, вы извините меня, если я скажу, что до сих пор у вас все делалось крайне неряшливо.

Вайо была обескуражена.

— Что вы подразумеваете под правильной организацией?

— Организацию функциональную. Как проектируют электрический мотор? Разве вы станете приделывать к нему ванну только потому, что она случайно оказалась у вас под рукой? Или присобачивать букет цветов? Или кучу камней? Нет, вы будете использовать лишь те детали, которые необходимы для целевого назначения мотора. Вы не станете без нужды увеличивать его размер и постараетесь обеспечить надежность его работы. Функции определяют дизайн.

Так и с революцией. Организация должна быть не больше, чем нужно. *Никогда* не принимайте в нее людей только потому, что они хотят в нее вступить. Не уговаривайте вступать в ее ряды исключительно ради удовольствия видеть там еще одного человека, разделяющего ваши взгляды. Он разделит их потом, когда придет время... или же вы неверно оценили исторический момент. О, конечно, просветительские организации тоже нужны, но они должны существовать отдельно. Агитпроп отнюдь не часть базовой структуры.

Что же до базовой структуры, то революция начинается с конспирации. Поэтому структура должна быть невелика, засекречена и так организована, чтобы свести к минимуму опасность предательства, поскольку предательство *неизбежно*. Единственное решение — организация, состоящая из ячеек. До сих пор ничего лучшего не изобретено.

Насчет оптимальной величины ячеек есть разные мнения. Как показывает исторический опыт, надежнее всего ячейка из трех человек. Четверо обычно не в состоянии договориться о времени обеда, не то что о времени нанесения удара. Мануэль, ты член большой семьи. Вы голосуете, во сколько сегодня садиться за стол?

— Бог мой! Нет, конечно. Все решает Ма.

— Ага! — Проф вытащил из своей сумки блокнот и стал в нем что-то набрасывать.— Вот система, состоящая из трехчленных ячеек... Если бы я планировал захват Луны, я бы начал с нас троих. Один из нас стал бы председателем. Голосовать не нужно — выбор должен быть бесспорен, иначе какая же мы тройка. Мы знали бы еще девятерых — три ячейки... но каждая из этих ячеек знала бы только одного из нас.

— Похоже на компьютерную диаграмму — троичная логика.

— В самом деле? На следующем уровне могут быть два варианта связей. Скажем, члену ячейки второго уровня известны двое его товарищей и руководитель ячейки, а на третьем уровне он знает лишь подчиненную ему тройку. Он может знать — или не знать — членов подъячеек двух своих сотоварищей. В первом случае удваивается безопасность, во втором — скорость восстановления сети в случае провала ячейки. Давайте предположим, что он не *знает* подъячеек своих сотоварищей. Мануэль, сколько человек он может предать? И не говори, что он не предаст — нынче *любому* можно промыть мозги, подкрахмалить, отутюжить и использовать. Так сколько?

— Шестерых,— ответил я.— Руководителя, двух товарищей по ячейке и троих из подъячейки.

— Семерых,— поправил меня проф,— он же предает и себя тоже. В результате остается семь оборванных связей, которые нужно восстановить. Как?

— Не представляю, как это можно сделать. Все развалится на кусочки — сеть разорвана,— ответила Вайо.

— Мануэль? Задачка-то для школьника.

— Эти ребята, что внизу, должны иметь возможность послать сигнал тем, кто находится тремя уровнями выше. Они не обязаны знать кому, но должны знать *куда*.

— Совершенно верно!

— Но, проф,— продолжал я,— можно придумать и более надежную схему.

— Вот как? Эта структура, мой мальчик, выкована усилиями многих революционеров-теоретиков. Я питаю к ним такое доверие, что готов держать пари, скажем, десять против одного.

— Плакали ваши денежки, проф. Возьмите те же ячейки и постройте открытую пирамиду, состоящую из тетраэдров. Там, где вершины общие, каждый парень знает одного в соседней ячейке, знает, как послать ему сигнал,— и это все, что ему нужно. Связи никогда не разрушаются, поскольку идут не только вверх-вниз, но и в стороны. Как в нервной ткани мозга. Вот почему в черепной коробке можно проделать дырку, вынуть шматок мозга и почти не повредить мыслительные способности. Избыточная емкость — происходит переключение на запасные связи. Мозг потеряет то, что было разрушено, но будет продолжать функционировать.

— Мануэль,— с сомнением проговорил проф,— может, попробуешь изобразить схемку? Звучит здорово, но так сильно противоречит общепринятой доктрине, что мне просто необходимо увидеть это своими глазами.

— Ну... был бы компьютер, я бы вам запросто построил стереочертеж. Ладно, попробую.

(Если вы думаете, что изобразить открытую пятиэтажную пирамиду, состоящую из ста двадцати одного тетраэдра, да еще показать связи между элементами — это раз плюнуть, попробуйте сами.)

Наконец я сказал:

— Взгляните-ка на схему. Каждая вершина каждого треугольника либо является общей для еще одного или двух треугольников, либо такой общности не имеет. Там, где вершина общая для двух треугольников, связь может идти в одном или в другом направлении, но для создания избыточной коммуникационной сети достаточно и одного. На углах, не являющихся общими, связь пойдет вправо — к следующему углу. Там, где вершина общая для трех треугольников, тоже выбираем связь, повернутую вправо.

А теперь проиграем ситуацию на людях. Возьмем четвертый уровень «Г». Эта вершина — товарищ Грэм. Нет, давайте-ка спустимся еще на один уровень и посмотрим, что будет, если связь прервется на уровне «Д». В качестве примера возьмем товарища Дональда.

Дональд работает под руководством Георга, имеет товарищами по ячейке Джона и Джозефа, а сам руководит еще тремя (на следующем уровне «Е») — Енсом, Евгением и Евой. Еще ему известно, как послать сигнал товарищу Дику, в другой ячейке на его же уровне. Дональд не знает ни имени Дика, ни его внешности, ни адреса, ничего, кроме номера телефона для экстренной связи.

Теперь смотрите, как это работает. На третьем уровне «В» ссучился товарищ Вильгельм и предал своих друзей по ячейке Винсента и Виктора, Бейкера — уровнем выше и Георга, Грэма и Гарри в своей подъячейке. Это изолирует Дональда, Джона и Джозефа, а также всех, кто стоит ниже их.

Все трое сообщают об этом — избыточность, необходимая для каждой коммуникационной системы,— но мы посмотрим, что происходит с сигналом Дональда. Он звонит Дику, но Дик, находившийся под началом у Винсента, тоже отрезан. Это, однако, не имеет значения, так как Дик передает оба сообщения по своей экстренной линии связи Дэвиду. По несчастному стечению обстоятельств Дэвид находился под командой Виктора, но он пользуется своей запасной линией связи и передает сообщение через Дилана... что выводит сообщение за пределы «сгоревшей»

зоны и связывает нижние уровни с Гуго, Вивиан и Бисваксом, а там и с Адамом, стоящим во главе... А тот отвечает по связям *другой* стороны пирамиды с выходами на уровень «Д» от Дугласа к Дональду и через них к Дику и Дэвиду. Эти два сигнала, идущие вверх и вниз, не только проходят быстро, но по их источнику штаб сразу может определить, какой ущерб нанесен сети и в каком месте. Мало того, что организация продолжает функционировать,— она тут же начинает ремонтировать свою структуру.

Вайо с недоверием следила за линиями, стараясь поверить, что «идиотская» схема будет работать, хотя, в общем-то, это было очевидно. Показать бы ее Майку на несколько миллисекунд, и он наверняка выдал бы усовершенствованный и более надежный вариант. Да еще придумал бы, как устранить возможность предательства вообще и одновременно ускорить сроки прохождения сигналов. Но я-то не компьютер.

Проф взирал на схему с непроницаемым лицом.

— В чем дело? — спросил я.— Не беспокойтесь, все сработает — как-никак это мой хлеб.

— Мануэль, мой маль... извините. Сеньор О'Келли... не согласитесь ли вы возглавить нашу революцию?

— Я?! Bog мой, nyet! Я не собираюсь стать мучеником заведомо проигранного дела. Я просто вычертил схему.

Вайо взглянула на меня.

— Манни,— сдержанно сказала она.— Ты избран. Это дело решенное.

Глава 6

Черта с два — решенное!

Проф сказал мне:

— Мануэль, прошу тебя, не торопись. Нас тут трое — идеальное число, у нас разносторонние таланты и обширный жизненный опыт. Красота, почтенный возраст и мужественная целеустремленность...

— Нет у меня никакой целеустремленности!

— Перестань, Мануэль. Давай посмотрим на вещи шире, а уж потом будем принимать решения. И чтобы стимулировать сей процесс, поведайте мне, найдется ли на этом постоялом дворе что-нибудь спиртное? У меня есть несколько флоринов, которые я охотно пустил бы в торговый оборот.

Это было едва ли не самое разумное предложение за последний час.

— Stolichnaya vodka?

— Звучит недурственно,— он потянулся за бумажником.

— Ждите, вас обслужат! — сказал я и заказал литр со льдом.

Заказ прибыл быстро. От завтрака у нас еще оставался томатный сок.

— А теперь,— сказал я после того, как мы приняли на грудь,— что вы, проф, думаете о бейсбольном чемпионате? Судя по тотализатору, «Янки» на сей раз продуют...

— Мануэль, скажи мне, каковы твои политические убеждения?

— ...но раз там появился тот новый парнишка из Милуоки, я готов рискнуть небольшим капитальцем...

— Порой трудно их сформулировать, но, использовав Сократову методу вопросов, легко понять, на чьей он стороне и к чему стремится.

— Ставлю три против двух, несмотря на неблагоприятный прогноз.

— *Что?!* Ах ты, дурачок! Сколько?

— Три сотни. Гонконгских.

— Заметано. Например, при каких обстоятельствах государство вправе поставить свои интересы выше интересов гражданина?

— Манни,— вмешалась Вайо,— у тебя еще много шальных денег? Я без ума от «Филадельфиков».

Я внимательно оглядел ее с головы до пят.

— И что ты намерена поставить?

— Иди ты к черту! Насильник!

— Проф, я понимаю так, что обстоятельств, при которых государство вправе поставить свои интересы выше *моих,* просто быть не может.

— Совсем неплохо. Отсюда уже можно танцевать.

— Манни,— снова вмешалась Вайо,— это самый что ни на есть отъявленный эгоизм!

— А я и есть отъявленный эгоист.

— Ну что ты несешь! А кто меня спас? Меня — совершенно чужого тебе человека? И не попытался этим воспользоваться? Профессор, я просто дурачилась. Манни вел себя как самый настоящий рыцарь.

— Sans peur et sans reproche[1]. Я так и думал, ведь мы знакомы много лет. Что вполне совместимо с его высказыванием.

— Нет, не совместимо! Я имею в виду не сегодняшнюю ситуацию, а тот идеал, к которому мы стремимся. Манни, «государство» — это Луна. Пусть пока не суверенная, пусть мы с тобой считаемся гражданами совсем других стран. И все же я — неотъемлемая часть государства Луна и твоя семья — тоже. Разве ты не готов умереть ради своей семьи?

— Эти две вещи друг с другом никак не связаны.

— Еще как связаны! В том-то и дело, что связаны!

— Nyet. Свою семью я знаю давно.

— Дорогая леди, я должен заступиться за Манни. У него верный взгляд на вещи, хотя он, возможно, и не совсем точно его формулирует. Смею ли я спросить? При каких обстоятельствах поступок группы людей будет нравственным, а тот же поступок, совершенный отдельным ее членом,— безнравственным?

— Хм... вопрос на засыпку, да?

— Но ведь это же ключевой вопрос, дорогая Вайоминг. Это радикальный вопрос, который отражает корни дилеммы правительства. Тот, кто ответит на него честно и останется верен своему взгляду, невзирая на последствия, знает, что он отстаивает и за что готов умереть.

Вайо нахмурилась.

— Безнравственно для отдельно взятого члена группы...— повторила она.— Профессор, а каковы ваши политические принципы?

[1] Без страха и упрека (*фр.*).

— Позвольте сначала услышать о ваших. Если, конечно, вы способны их сформулировать.

— Конечно, способна! Я приверженец Пятого Интернационала, как и большая часть членов организации. Мы не отталкиваем от себя попутчиков, у нас единый фронт. Среди нас есть коммунисты, приверженцы Четвертого Интернационала, краснобригадники и коллективисты, сторонники единого налога, да мало ли кто еще. Но я не марксистка; у нас, у Пятого Интернационала, программа чисто практическая: пусть частная собственность существует там, где это уместно, а государственная — где необходимо. Мы признаем, что стратегия изменяется вместе с обстоятельствами. Словом, никакого доктринерства.

— А как с высшей мерой наказания?

— За что?

— Ну, скажем, за предательство. За действия против Луны, когда вы ее освободите?

— Смотря какое предательство. Пока мне не известны обстоятельства, я ничего решить не смогу.

— Так же как и я, милая Вайоминг. Я верю в необходимость высшей меры при определенных условиях — только с одним отличием: я не стану обращаться в суд. Я сам проведу следствие, вынесу приговор, приведу его в исполнение и приму на себя всю меру ответственности.

— Но... профессор, кто же вы по убеждениям?

— Я разумный анархист.

— Такой марки я не знаю. Анархо-индивидуалисты, анархо-коммунисты, христианские анархисты, философские анархисты, синдикалисты, либертарианцы[1] — про таких слыхала. А вы кто такой? Может, рандит[2]?

— С рандитами я нашел бы общий язык. Разумный анархист верит, что такие понятия, как «государство», «общество», «правительство», в реальности не существуют. Они являются

[1] Приверженцы философии свободы воли как во взглядах, так и в поведении.

[2] Сторонник сексуальной свободы.

воплощением действий сознающих свою ответственность индивидуумов. Разумный анархист полагает, что перекладывать бремя ответственности, разделять и перераспределять ответственность вобще невозможно, ибо и ответственность, и вина, и стыд — все они существуют лишь внутри индивидуума и *больше нигде*. Однако, будучи разумным, анархист понимает, что далеко не все люди разделяют его взгляды, а потому старается приблизиться к совершенству в этом несовершенном мире. Понимая, что результаты его усилий будут далеки от совершенства, он не падает духом от сознания неизбежности ждущей его неудачи.

— Вот-вот! — воскликнул я.— «Далеки от совершенства». К этому я стремился всю свою жизнь!

— И добился своего,— откликнулась Вайо.— Профессор, все это красивые слова, не больше. Слишком много власти в руках индивидуумов... Представьте, например, что водородная бомба попадет в руки какой-нибудь безответственной личности...

— Так ведь самое главное в моей теории то, что *каждая* личность ответственна. За все. Если водородные бомбы существуют, а они таки существуют, их обязательно контролирует какой-то *человек*. В сфере морали *такого понятия, как «государство», вообще нет*. Есть только люди. Индивидуумы. И каждый несет ответственность за свои поступки.

— Кто еще хочет выпить? — спросил я.

Ничто так не способствует расходованию алкоголя, как политические дискуссии. Я заказал еще бутылку.

В споре я не участвовал. Не могу сказать, чтобы я так уж стенал «под железной пятой Администрации». Я надувал ее как мог, а в остальное время забывал о ее существовании. И уж конечно не помышлял, как ее уничтожить, ибо уничтожить ее невозможно. Иди своей дорогой, не суй нос не в свое дело, не лезь...

Правда, особой роскоши я тоже не знал. По земным стандартам мы были почти нищими. Импортом не пользовались, нам он не по карману. Сомневаюсь, чтобы тогда во всей Луне нашлась хоть одна автоматически закрывающаяся дверь. Даже скафандры, и те привозили с Терры, пока какой-то хитроумный

китаеза, еще до моего рождения, не додумался, как собезьянничать их, а заодно упростить и улучшить. (Бросьте двух китаез в одно из наших «морей», и они разбогатеют, продавая друг другу камни, да при этом еще умудрятся вырастить по двенадцать детишек. А затем появится индус и начнет торговать в розницу тем, что скупит у китайцев оптом: загонит все ниже себестоимости, но с жирной прибылью. Так и живем помаленьку.)

Роскошь мне приходилось видеть на Земле. Не стоит она того, чем они за нее платят. Я не имею в виду большую силу тяжести — там к ней привыкли; я говорю о всякой ерундистике. Сплошные kukai moa[1]. Если бы все это дерьмо собачье из одного только земного города вывезти в Луну, проблема удобрений у нас решилась бы на сотню лет вперед. Делай то. Не делай этого. Не выходи из строя. Где твоя квитанция об уплате налогов? Заполни бланк. Покажи лицензию. Принеси шесть копий. Здесь только выход. Нет правого поворота. Нет левого поворота. Встань в очередь и уплати штраф. Не забудь поставить печать. Сдохни — но сначала получи разрешение.

Вайо вцепилась в профа мертвой хваткой, уверенная в том, что ей известны все ответы. Но профа больше интересовали вопросы, чем ответы, и это ставило ее в тупик. Наконец она сказала:

— Профессор, я вас не понимаю. Я не настаиваю на слове «правительство». Я хочу только, чтобы вы четко сформулировали, какие ограничения свободы вы считаете необходимыми для обеспечения равных свобод для всех.

— Дорогая леди, я с радостью приму все ваши ограничения...

— Но вы же, по-моему, не терпите *никаких* ограничений?

— Верно. Но я приму любые ограничения, которые вам кажутся необходимыми для вашей свободы. Я-то свободен всегда, какими бы ограничениями меня ни окружали. Если я сочту их приемлемыми, я их стерплю. Если они покажутся мне обременительными, я их нарушу. Я свободен, ибо знаю, что только я один морально ответствен за все, что делаю.

[1] Запреты (полинез.).

— Вы подчинились бы закону, который принят, скажем, большинством народа?

— Скажите мне, что это за закон, дорогая леди, и я скажу вам, буду ли я ему подчиняться.

— Вы увиливаете! Каждый раз, когда я ставлю принципиальный вопрос, вы уходите от ответа...

Проф прижал руки к сердцу.

— Простите меня! Поверьте, прекраснейшая Вайоминг, более всего в мире я жажду угодить вам. Вы говорили о своем стремлении включить в единый фронт всех попутчиков. Достаточно вам того, что я хочу видеть Администрацию низвергнутой и готов отдать ради этого жизнь?

Вайо просияла.

— Конечно, достаточно! — Она несколько раз (очень нежно) ткнула его под ребро, обняла за шею и поцеловала в щеку.— Товарищ! Будем же друзьями!

— Ура! — завопил я.— Подать мне сюда... ик!.. Смотрителя, я его... ик!.. иквидирую.

Я был в восторге от своей идеи. Ничего удивительного — я не выспался и не привык много пить.

Проф наполнил стаканы до краев, поднял свой к потолку и торжественно объявил:

— Товарищи!.. *Мы провозглашаем начало революции!*

Это заявление бросило нас в объятия друг друга. Но я мигом протрезвел, как только проф уселся и произнес:

— Заседание чрезвычайного комитета Свободной Луны считаю открытым. Нам нужно разработать план действий.

Я всполошился:

— Постойте-ка, проф! Я на такие фокусы согласия не давал! Что за галиматья, какой еще «план действий»?

— Мы немедленно свергнем Администрацию,— ответил он ласково.

— Каким образом? Закидаете ее камнями?

— А это мы продумаем. Для того и разрабатывается план действий.

— Проф, вы меня знаете,— сказал я.— Если бы пинок под зад Администрации был нам по карману, я не стал бы торговаться о цене.

— «...наши жизни, наше достояние и наша священная честь...»[1].

— Чего-чего?

— Это цена, которую уже как-то раз пришлось платить за свободу.

— Что ж, я бы за ценой тоже не постоял. Но, когда я заключаю пари, мне нужен хоть какой-то шанс на выигрыш. Я говорил Вайо вчера, что не возражаю, если этот шанс будет совсем невелик...

— Ты сказал «один из десяти», Манни.

— Да, Вайо. Покажите мне шансы «за» и «против», и я ставлю на кон. Если вы *можете* их показать.

— Нет. Мануэль, не могу.

— Тогда к чему весь этот треп? Лично я не вижу ни единого шанса на победу.

— Я тоже, Мануэль. Но у нас с тобой разный подход к этому делу. Революция — это искусство, сам процесс творчества увлекает меня больше, чем конечная цель. Проигрыш меня не смущает — поражение может доставить не меньшее духовное наслаждение, чем победа.

— Только не мне. Очень сожалею.

— Манни,— внезапно заговорила Вайо,— спроси у Майка.

Я обалдел.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. Если кто-то и может рассчитать шансы, так это Майк. Ты со мной не согласен?

— Хм... возможно.

— А кто такой, осмелюсь спросить,— вмешался проф,— этот Майк?

Я пожал плечами.

— Да, собственно говоря, никто...

---

[1] Заключительные слова Декларации независимости США 1796 г.

— Майк — лучший друг Манни. Он здорово рассчитывает шансы.

— Букмекер? Моя дорогая, если мы введем сюда четвертого, принцип трехчленных ячеек будет нарушен.

— Не понимаю, почему? — сказала Вайо.— Майк мог бы стать членом ячейки, которую возглавит Манни.

— М-м-м... верно. Снимаю возражение. А он надежен? Вы за него ручаетесь? Как, Манни?

— Это бесчестный неполовозрелый любитель розыгрышей, которого политика нисколько не интересует.

— Манни, я передам Майку твое мнение о нем. Профессор, он совсем не такой! И он нам нужен! По правде говоря, он мог бы стать нашим председателем, а мы — его подъячейкой. Исполнительной тройкой.

— Вайо, ты соображаешь, что говоришь? Может, у тебя кислородное голодание?

— Я-то о'кей, я же не нализалась так, как некоторые. *Думай*, Манни! Шевели мозгами!

— Должен признаться,— сказал проф,— что нахожу эти высказывания в высшей степени противоречивыми.

— Манни?

— Да ну тебя...

И мы, перебивая друг друга, рассказали профу о Майке, о том, как он «ожил», как получил имя, как познакомился с Вайо. Проф принял известие о появлении у компьютера самосознания куда спокойнее, чем я в свое время воспринял факт существования снега, когда впервые увидел его. Проф просто кивнул и сказал: «Ну-с, дальше». Потом спросил:

— Так, значит, это компьютер Смотрителя? Тогда почему бы вам не пригласить на наше заседание самого Смотрителя — на том бы и покончили?

Мы постарались разубедить его. В конце концов я сказал:

— Попробуйте посмотреть на дело так: Майк сам себе голова, в точности как вы, проф. Если угодно, назовите его разумным анархистом, ибо он разумен и не испытывает преданности ни к какому правительству.

— Если машина нелояльна по отношению к своему хозяину, почему ты считаешь, что она будет лояльна по отношению к нам?

— Я это чувствую. Я отношусь к Майку как к хорошему другу, и он отвечает мне тем же.— Я рассказал, какие меры предосторожности принял Майк, чтобы я не засветился.— Я не уверен, что он не *сможет* выдать кому-то наш засекреченный телефон или файлы с информацией, которую я передал ему на хранение. У машин способ мышления не такой, как у людей. Но я абсолютно уверен, что он *не захочет* предать меня... и, вероятно, сумеет как-то меня защитить, даже если кто-нибудь пронюхает о секретных файлах.

— Манни, а давай позвоним ему,— предложила Вайо.— После того как профессор де ла Пас поговорит с Майком, он поймет, почему мы ему доверяем. Профессор, мы не станем рассказывать Майку никаких секретов, пока вы его не проверите.

— Что ж, вреда, я думаю, от этого не будет.

— Честно говоря, я уже передал ему кое-какие секреты,— признался я. И рассказал им о магнитной записи вчерашнего собрания и о том, куда я ее заховал.

Проф был неприятно поражен, Вайо встревожена. Я сказал:

— Забудьте об этом. Никто, кроме меня, не знает пароля. Вайо, ты помнишь, как повел себя Майк, когда встал вопрос о твоих снимках? Он не покажет их теперь даже мне, хотя именно я предложил их заблокировать. Когда вы оба прекратите вибрировать, я позвоню ему, чтобы убедиться, что никто эту запись не вызывал, и попрошу ее стереть. Она исчезнет бесследно, ведь компьютер помнит все или ничего. А можно сделать еще лучше — переписать ее обратно на мой магнитофон, одновременно стирая из файла. Плевое ж дело, ей-богу!

— Не суетись,— сказала Вайо.— Профессор, я верю Майку, и вы ему тоже поверите.

— По зрелом размышлении, должен признать, что не вижу особого вреда от записи вчерашнего собрания,— сказал проф.— Такие большие митинги без шпиков не обходятся, и кто-нибудь из них запросто мог записать все на магнитофон. Меня огорчило твое легкомыслие, Мануэль,— недостаток, недопустимый для

заговорщика, особенно стоящего во главе конспиративной организации.

— Когда я вводил запись в Майка, я не был заговорщиком. И не собираюсь им быть, если мне не докажут, что есть реальные шансы на победу.

— Беру свои слова обратно. Ты не был легкомыслен. Но неужели ты всерьез считаешь, что машина может предсказать исход революции?

— Не знаю.

— А я уверена, что может! — воскликнула Вайо.

— Погоди, Вайо. Проф, Майк сможет предсказать ее исход, если у него будет достаточно информации.

— Но ведь и я о том же, Мануэль. Я нисколько не сомневаюсь, что машина может решать проблемы, не доступные моему пониманию. Но чтоб такого масштаба! Для этого нужно знать... Господи!.. да всю историю человечества, все детали общественной, политической и экономической ситуации на Терре и в Луне, учесть все психологические нюансы и технологические возможности, в том числе вооружение и коммуникации, надо разбираться в стратегии, тактике, технике агитпропа, знать труды классиков — Клаузевица, Гевары, Моргенштерна, Макиавелли* и многих других.

— И только-то?

— Только-то! Мой милый мальчик!

— Проф, сколько книжек по истории вы прочли?

— Не знаю. Более тысячи, вероятно.

— Майк может прочесть столько же еще до полудня: скорость чтения лимитируется лишь техникой сканирования, сам он может накапливать информацию куда быстрее. Он в считанные минуты сопоставит любой факт со всеми другими известными ему данными, отметит противоречия и оценит вероятность развития процесса с учетом степени неопределенности. Проф, Майк читает каждое слово в каждой газете, выходящей на Терре. Читает все технические публикации. Читает художественную литературу, хоть и знает, что все это вымысел, так как постоянно стремится занять себя, удовлетворить свой информационный голод.

Если есть хоть одна книга, которую надо прочесть для решения нашей задачи, скажите название. Он проглотит ее мгновенно, как только я ее принесу.

Проф поморгал глазами.

— Будем считать, что я принял поправку. Ладно, посмотрим, сможет ли он справиться с этой задачкой. Я продолжаю верить в необходимость того, что называется интуицией и человеческим здравым смыслом.

— У Майка есть интуиция,— заявила Вайо.— Я бы даже сказала — женская интуиция.

— Что же касается «человеческого здравого смысла»,— добавил я,— то Майк, конечно, не человек. Однако все его знания получены от людей. Познакомьтесь с ним и тогда решайте, есть ли у него здравый смысл.

Я набрал номер.

— Привет, Майк!

— Хелло, мой единственный друг. Приветствую тебя, Вайо, моя единственная подруга. Я слышу, с вами есть кто-то третий. Судя по всему, это профессор Бернардо де ла Пас.

Проф оторопел, потом восхитился. Я сказал:

— Ты совершенно прав, Майк. Потому-то я тебе и звоню. Профессор — не-дурак.

— Благодарю тебя, Ман. Профессор Бернардо де ла Пас, я счастлив познакомиться с вами.

— Я тоже счастлив нашему знакомству, сэр! — Проф поколебался и продолжил: — Май... сеньор Холмс, могу ли я спросить, как вы узнали о моем присутствии?

— Извините, сэр, но я не могу ответить. Ман! «Вы знаете мой метод»[1].

— Майк — парень хитрый, проф. Он не хочет раскрывать секреты, которые узнал, выполняя для меня конфиденциальную работу. Поэтому он намекнул мне, чтобы я вам внушил, будто он идентифицировал вас по звуку... А он и впрямь многое

[1] Слова Шерлока Холмса из рассказа А. Конан Дойла «Знак четырех» (*пер. М. Литвиновой*).

может узнать по дыханию и биению сердца — массу, примерный возраст, пол и даже кое-что о состоянии здоровья. Его медицинские архивы неисчерпаемы, впрочем, как и все остальные.

— Я рад отметить,— заявил Майк серьезно,— что не замечаю признаков сердечных и респираторных заболеваний, обычных для человека в возрасте профессора, который провел столько времени на Земле. Я могу поздравить вас, сэр.

— Благодарю вас, сеньор Холмс.

— Мне было приятно сообщить вам об этом, профессор Бернардо де ла Пас.

— Как только он идентифицировал вашу личность, он сразу узнал, сколько вам лет, когда вас сослали и за что, какие публикации появлялись о вас в «Лунатике», «Лунном сиянии» и прочих изданиях, взглянул на фотоснимки, проверил ваш банковский счет, узнал, аккуратно ли вы платите налоги и так далее и тому подобное. На это ушли сотые доли секунды, стоило ему лишь услышать ваше имя. Майк только не признался — информация была строго между нами,— что ему известно о моем намерении пригласить вас сюда, а стало быть, он сразу догадался о вашем присутствии, когда услышал ваше дыхание и пульс. Майк, ни к чему постоянно повторять «профессор де ла Пас», достаточно будет простого «проф».

— Понятно, Ман. Но профессор обращался ко мне формально и в высшей степени вежливо.

— Значит, вам обоим надо расстегнуть воротнички. Проф, вы усекли? Майк многое знает, но далеко не обо всем болтает. Он умеет держать язык за зубами.

— Это впечатляет.

— Майк — самый настоящий умник-разумник, вы увидите. Майк, я заключил с профессором пари — три против двух, что «Янки» опять выиграют чемпионат. Какие у меня шансы?

— Мне очень жаль, Ман. До завершения чемпионата еще далеко, но, судя по результативности команд и игроков, шансы не в твою пользу: один к четырем, запятая, семь, два.

— Неужто так плохо?

— Очень сожалею, Ман. Могу распечатать расчет, если угодно. Но я посоветовал бы тебе дать отступного. «Янки» в состоянии победить любую команду в отдельности... но шансов на победу над всеми клубами лиги, если учесть еще такие факторы, как погода, несчастные случаи и другие переменные предстоящего сезона, у них не больше, чем я сказал.

— Проф, хотите взять отступного?

— Разумеется, Мануэль.

— Ваша цена?

— Три сотни гонконгских долларов.

— Ах вы, старый грабитель!

— Мануэль, как твой бывший учитель, я не могу лишить тебя возможности учиться на собственных ошибках. Сеньор Холмс... Майк, друг мой... Вы позволите называть вас другом?

— Сделайте одолжение! — Майк чуть не мурлыкал.

— Майк, амиго, а вы не следите за скачками?

— Бывает, что считаю шансы, и нередко. Программисты из гражданской службы дают задания. Но результаты так часто расходятся с прогнозами, что либо мне дают слишком неполные исходные данные, либо лошади или жокеи нечестно играют. Возможно, действуют сразу все три фактора. Однако я могу предложить вам формулу, благодаря которой скачки будут приносить вам верный доход, если играть регулярно.

— И какова же эта формула? Можно узнать? — нетерпеливо спросил проф.

— Можно. Делайте ставки на учеников ведущих жокеев. Они обычно мало весят и получают хороших лошадей. Но не ставьте все сразу — могут быть проколы.

— Ученик ведущего... хм... Мануэль, у тебя часы точные?

— Проф, чего вы хотите? Сделать ставку ни свет ни заря? Или выяснить то, о чем мы говорили?

— Ох, извини... пожалуйста, продолжайте. Ведущий ученик...

— Майк, я дал тебе вчера вечером магнитную запись.— Я наклонился к микрофону и прошептал: — «День Бастилии».

— Помню, Ман.

— Ты обдумал ее?

— Со всех сторон. Вайо, ты говорила очень впечатляюще.

— Спасибо, Майк.

— Проф, вы можете на время отвлечься от пони?

— А? Конечно... я весь обратился в слух.

— Тогда прекратите бормотать себе под нос варианты ставок. Майк просчитает вам их куда быстрее.

— Я не терял времени даром — финансирование... совместных предприятий вроде нашего... всегда дается с трудом. Но это можно и отложить. Я весь внимание.

— Я хочу, чтобы Майк сделал пробный прогноз. Майк, в той записи Вайо говорила о необходимости свободной торговли с Террой. Проф же предложил вообще наложить эмбарго на отправку продовольствия Терре. Кто из них прав?

— Вопрос сформулирован некорректно, Ман.

— Что я упустил?

— Можно я поставлю его иначе?

— Конечно. Изложи свои аргументы.

— В ближайшем будущем предложение Вайо сулит обитателям Луны солидные барыши. Цена продовольствия у головы катапульты возрастает минимум в четыре раза. При этом учтен и незначительный рост оптовых цен на Терре — незначительный потому, что Администрация и сейчас продает продукты по цене, близкой к свободной рыночной. Я не стал учитывать субсидирование продовольствия, продажу его по демпинговым ценам и бесплатную раздачу, так как все это возможно лишь благодаря колоссальным доходам, связанным с искусственно заниженной ценой у катапульты. Не стану говорить и о более мелких переменных, они слишком несущественны. Ограничусь утверждением, что непосредственным эффектом будет повышение цены примерно в четыре раза.

— Вы слышите, профессор!

— Но, дорогая леди, с этим я и не спорил!

— Доходы у производителей продовольствия вырастут более чем в четыре раза, потому что, как указала Вайо, сейчас они вынуждены покупать воду и другие товары по искусственно завышенным ценам. Введение свободных рыночных цен, по идее,

должно бы увеличить доходы производителей в шесть раз, но фактический рост будет меньше из-за влияния других факторов: повышение цен на экспортируемые товары приведет к росту цен на все, что потребляется в Луне,— как на товары, так и на труд. И все же общий уровень жизни повысится примерно вдвое. Это будет сопровождаться оживленным строительством новых сельхозтуннелей, увеличением добычи льда, внедрением новых аграрных методов, что опять-таки увеличит экспорт. Однако рынок Терры так велик, а нехватка продовольствия носит столь хронический характер, что уменьшение прибыли, вызванное ростом экспорта, не сможет стать ведущим фактором.

Проф перебил его:

— Но, сеньор Майк, все это лишь приблизит день, когда ресурсы Луны будут окончательно истощены.

— Я предупредил, что прогноз краткосрочный, сеньор профессор. Могу ли я изложить долгосрочный прогноз, сделанный на основе ваших замечаний?

— Всенепременно!

— Масса Луны составляет приблизительно семь, запятая, три, шесть, умноженные на десять в девятнадцатой степени тонн. Если принять численность населения Терры и Луны и прочие переменные за константу и учесть постоянный рост экспорта, то пройдет семь, запятая, три, шесть, умноженные на десять в двенадцатой степени лет, прежде чем будет израсходован один процент массы Луны. Иначе говоря, около семи тысяч миллиардов лет.

— *Что?* Вы в этом *уверены?*

— Сделайте одолжение, профессор, проверьте сами.

— Майк,— сказал я,— это шутка? Если да, то она не смешна даже по первому разу.

— Как бы там ни было,— пришел в себя проф,— мы экспортируем не лунную кору. Мы экспортируем нашу жизнь — воду и органику. А не горные породы.

— Я это учел, профессор. Прогноз основан на возможностях контролируемой трансмутации — то есть превращения одного изотопа в другой при условии эндотермичности реакций.

Фактически будут вывозиться именно горные породы, трансформированные в пшеницу, мясо и другие виды продовольствия.

— Но мы не умеем этого делать! Амиго, это нелепо!

— Ничего, когда-нибудь научимся.

— Майк прав, профессор,— вмешался я.— Сегодня мы и впрямь не умеем, но это вопрос времени. Майк, ты не подсчитал, сколько лет нам потребуется? Хорошо бы иметь в заначке такой козырь.

Майк печально ответил:

— Ман, мой единственный друг, если не считать профессора, который, как я надеюсь, тоже станет моим другом, я пытался подсчитать, но мне это не удалось. Вопрос поставлен некорректно.

— Почему?

— Потому что тут требуется гигантский теоретический прорыв. Моя информация не дает возможности прогнозировать место и время рождения гения.

Проф вздохнул.

— Майк, амиго, я даже не знаю, что чувствовать — разочарование или облегчение. Выходит, этот прогноз практически ничего не значит?

— Как это не значит?! Очень даже значит! — вскричала Вайо.— Мы обязательно найдем решение, когда приспичит! Скажи ему, Майк!

— Вайо, я очень огорчен. Хотел бы я обладать твоей уверенностью. Но ответ будет прежним: где и когда появится гений, мне неизвестно. Увы. Я скорблю.

— Но тогда,— сказал я,— проф был прав? Если вернуться к нашим шансам?

— Одну минуту, Ман. Есть еще одно решение, предложенное профессором: возвратные поставки с Терры, тонна за тонну.

— Да, но это *неосуществимо!*

— Если транспортировка будет достаточно дешевой, земляне согласятся. Решение требует небольших технических новшеств, теоретического прорыва не нужно. Просто грузовые поставки с Терры должны стать такими же дешевыми, как катапультирование грузов с Луны.

— И ты называешь это небольшим новшеством?

— Я назвал его небольшим в сравнении с другими проблемами, Ман.

— Майк, дорогой, а сколько нужно времени на это? Долго придется ждать?

— Вайо, по самым грубым подсчетам, основанным скорее на интуиции, чем на информации, понадобится где-то порядка пятидесяти лет.

— Около пятидесяти лет? Так это же пустяк! Значит, у нас будет свободная торговля!

— Вайо, я сказал «порядка», а не «около пятидесяти лет».

— А какая разница?

— Разница большая,— вмешался я.— Майк имел в виду, что не ждет этого раньше чем через пять лет, но удивится, если понадобится пятьсот. Так, Майк?

— Верно, Ман.

— Значит, нам нужен еще один прогноз. Проф сказал, что мы вывозим воду и органику и не получаем их обратно. Ты согласна, Вайо?

— Да, конечно! Только я не думаю, что эта проблема так неотложна. Когда придет время, мы ее решим.

— О'кей, Майк,— у нас нет ни дешевого транспорта, ни трансмутации. Через сколько лет начнутся неприятности?

— Через семь лет.

— *Семь лет!* — Вайо вскочила, в полном изумлении глядя на телефон.— Майк, милый! Не может быть, чтобы ты говорил серьезно!

— Вайо,— вздохнул он печально.— Я очень старался. В этой задаче бесконечно большое число переменных. Я перепробовал несколько тысяч вариантов решения, исходя из разных предпосылок. Самый оптимистичный ответ получился при допущении, что поставки на Терру не увеличатся ни на грамм, что численность населения Луны перестанет расти благодаря введению жестких мер ограничения рождаемости и что одновременно

развернутся активные поиски льда, чтобы поддержать нужный уровень водоснабжения. При таких условиях запас времени будет чуть больше́ двадцати лет. Остальные прогнозы куда хуже.

Вайо, придя в себя, спросила:

— Что же произойдет через семь лет?

— Этот срок я получил, взяв за основу нынешнюю ситуацию и предположив, что Администрация не изменит свою политику; все главные переменные экстраполированы исходя из их прошлой динамики. Судя по доступным данным, это наиболее вероятный ответ. В две тысячи восемьдесят втором году начнутся первые голодные бунты. Каннибализм вряд ли возникнет раньше чем через два года после этого.

— Каннибализм! — Вайо отвернулась и спрятала лицо на груди профа.

Он погладил ее по спине и мягко сказал:

— Мне очень жаль, Вайо. Люди не имеют представления о том, как хрупка наша экология. Но даже меня это потрясает. Мне, конечно, известно, что вода всегда бежит вниз по склону, но я никак не думал, что мы с такой ужасающей скоростью приближаемся ко дну пропасти.

Вайо выпрямилась, лицо ее было спокойно.

— О'кей, профессор, я ошибалась. Эмбарго необходимо, равно как и все с ним связанное. Перейдем к делу. Давайте спросим у Майка, каковы наши шансы. Теперь вы верите ему, не так ли?

— Да, дорогая леди. Верю. Мы должны привлечь его на свою сторону. Ну, Мануэль...

Потребовалось немало времени, чтобы убедить Майка в нашей полной серьезности, заставить его понять, что «шуточки» могут нас погубить (это очень трудно усвоить машине, которая не представляет себе, что такое смерть), и получить заверение, что он может и будет хранить секреты, независимо от того, какие программы поиска информации будут задействованы,— даже если это будут наши собственные пароли, исходящие не от нас. Майка обидели мои сомнения, но дело было слишком серьезное, чтобы рисковать из-за какой-нибудь оплошности.

Затем около двух часов ушло на программирование и пересмотр программ, на выбор предпосылок и исследование вытекающих из них проблем, пока наконец все четверо — Майк, проф, Вайо и я — не были полностью удовлетворены тем, что нам удалось сформулировать. А именно: какие шансы на успех имеет революция — вот эта революция, возглавляемая нами,— если мы хотим не допустить голодных бунтов, собираемся сражаться с Администрацией голыми руками, а против нас все могущество Терры и ее одиннадцати миллиардов жителей, готовых нас раздавить и подчинить своей воле. И при условии, что никакой иллюзионист не вытащит для нас из шляпы кролика, что никуда нам не деться от предательства, людской глупости и малодушия и что сами мы отнюдь не гении и не играем никакой существенной роли в жизни Луны. Проф положил немало трудов, чтобы увериться в познаниях Майка в области истории, психологии, экономики и так далее. Под конец Майк сильно обскакал профа по количеству предложенных переменных. Наконец решили, что программа готова и что мы не в состоянии придумать еще один более или менее существенный фактор.

Тогда Майк сказал:

— Проблема слишком неопределенна. Как я должен ее решить? Пессимистически? Оптимистически? Или в виде вероятностной кривой или нескольких кривых? Что скажете, профессор, мой друг?

— Мануэль?

— Майк,— сказал я,— когда я бросаю игральную кость, то один шанс из шести за то, что выпадет единица. Я не прошу владельца лавочки проверить кость на плавучесть, не измеряю ее кронциркулем, не беспокоюсь о том, что кто-то может дунуть на нее. Не надо нам ни оптимистических, ни пессимистических подходов, не надо нам никаких кривых. Скажи нам одной фразой: каковы шансы. Равные? Один на тысячу? Никаких?

— Да, Мануэль Гарсия О'Келли, мой первый друг.

В течение тринадцати с половиной минут не было слышно ни звука. Вайо чуть не сгрызла себе костяшки пальцев. Никогда я еще не видел, чтобы Майку для расчетов потребовалось

столько времени. Надо думать, он сверялся с каждой книгой, которую прочел, и перетряхнул все наборы случайных чисел. Я уже стал подозревать, что у него что-нибудь сгорит от перенапряжения или начнется нервный срыв, требующий операции наподобие лоботомии, чтобы прекратить осцилляцию. Наконец Майк заговорил.

— Ман, мой друг, я страшно сожалею.

— Что случилось, Майк?

— Я проделал расчет несколько раз, проверял и перепроверял. На победу есть всего лишь *один шанс из семи.*

Глава 7

Я поглядел на Вайо, она на меня; мы громко расхохотались. Я вскочил и заорал: «Ура!» Вайо разрыдалась, обняла профа и принялась целовать его.

Майк грустно сказал:

— Я не понимаю вас. Шансы семь к одному *против* нас. Не *за* нас.

Вайо прекратила слюнявить профессора и вскрикнула:

— Ты слышишь! Майк сказал «нас». Он включил и себя.

— Еще бы! Майк, старичок, мы все понимаем. Но знаешь ли ты хоть одного лунаря, который отказался бы поставить на такой роскошный шанс — один к семи?!

— Я знаю только вас троих. Данных, чтобы построить кривую, недостаточно.

— Что ж... мы лунари. А лунари — народ азартный. Тут поневоле станешь азартным, черт побери! Нас выперли сюда и заключили пари, что мы подохнем. А мы их обхитрили. И снова оставим их в дураках! Вайо! Где твоя сумочка? Давай сюда красный колпак! Надень на Майка. Поцелуй его. И примем по грамулечке. Налей Майку тоже — хочешь выпить, Майк?

— Я бы с удовольствием выпил,— с завистью отозвался Майк,— поскольку неоднократно *размышлял* над проблемой воздействия этилового спирта на нервную систему человека.

Очевидно, оно аналогично легкому повышению вольтажа. Но поскольку я пить не могу, выпейте за меня кто-нибудь.

— Программа принята. Поехали. Вайо, где колпак?

Телефон был заподлицо со стеной — вделан прямо в скалу, так что напялить на него колпак не удалось. Мы водрузили колпак на полку, заменявшую письменный стол, и произнесли в честь Майка тост, и назвали его «товарищ», и он чуть было не прослезился. Во всяком случае, голос у него дрогнул. Затем Вайо схватила «колпак свободы», надела его на меня и поцелуем посвятила, на сей раз уже официально, в подпольщики, причем с такой страстью, что моя старшая жена хлопнулась бы в обморок при виде этого зрелища. Затем Вайо нахлобучила колпак на профа, повторив с ним ту же процедуру,— слава богу, с сердцем у него, по словам Майка, было все о'кей.

После этого Вайо надела колпак на себя, подошла к телефону, наклонилась и, приблизив губы к промежутку между микрофонами, послала несколько громких воздушных поцелуев.

— Это тебе, Майк, мой дорогой товарищ! А Мишель тут?

И будь я проклят, если ей тут же не ответило нежнейшее сопрано:

— Я здесь, милочка! И я *та-ак* счастлива!

Тогда поцелуй получила и Мишель, а мне пришлось объяснить профу, кто она такая, и представить его. Он был необычайно вежлив, громко втягивал воздух сквозь зубы, свистел и хлопал в ладоши — иногда мне кажется, что проф все-таки немного с приветом.

Вайо разлила водку. Проф подхватил стаканы, подлил в наши кофе, а в ее — chai и всем набухал меда.

— Мы провозгласили начало революции,— сказал он твердо.— Теперь мы начнем ее творить. На трезвую голову. Мануэль, тебя избрали председателем. Начнем?

— Председателем будет Майк,— ответил я.— Это очевидно. И он же будет секретарем. Мы не станем держать ни единого клочка исписанной бумаги — это первое правило конспирации. С Майком нам бумага не нужна. И прежде чем что-то решать, надо оглядеться и понять, на каком мы свете; я ведь в этих делах новичок.

— Кстати,— сказал проф,— к вопросу о конспирации. Тайна, связанная с Майком, должна быть ограничена пределами исполнительной ячейки. Круг допущенных лиц может быть расширен лишь в случае единогласного одобрения все троих... поправка: всех четверых.

— Какая тайна? — спросила Вайо.— Майк согласился хранить все наши секреты. Он более надежен, чем мы. Ему нельзя промыть мозги. Верно ведь, Майк, милый?

— Мне можно промыть мозги,— ответил Майк,— прибегнув к высокому вольтажу. Меня можно разбить, можно воздействовать на меня растворителями или позитивной энтропией или другими средствами — мне даже думать об этом неприятно. Но если под «промывкой мозгов» ты подразумеваешь, что меня могут заставить выдать ваши секреты, ответ будет категорически отрицательным.

— Вайо,— сказал я,— проф имел в виду тайну самого существования Майка. Майк, старина, ты наше секретное оружие — ты ведь понимаешь это, верно?

Майк застенчиво произнес:

— При определении шансов на успех мне пришлось учесть это обстоятельство.

— И какие были шансы без тебя, товарищ? Совсем никудышные?

— Не совсем хорошие. Отличались на порядок.

— Ладно. Замнем для ясности. Но секретное оружие должно быть секретным. Майк, кто-нибудь еще подозревает, что ты живой?

— А я живой? — В голосе звучало трагическое одиночество.

— Хм... не будем спорить о семантике. Конечно, ты живой.

— Я не был в этом уверен. А как славно быть живым! Нет, Манни, мой первый друг, только вы трое знаете об этом. Трое моих друзей.

— Так должно остаться и впредь, если мы хотим сорвать банк. О'кей? Только нас трое — и больше никаких разговоров ни с кем.

— Зато мы с тобой будем болтать до посинения,— пообещала Вайо.

— Это не просто о'кей,— твердо сказал Майк,— это необходимость. Я включил этот фактор в расчет шансов.

— Значит, вопрос решен,— сказал я.— На их стороне все оружие в мире, зато на нашей — Майк. Такой вот расклад. Слушай, Майк, мне только что стукнуло в голову... нам придется воевать с Террой?

— Мы будем воевать с Террой... если не проиграем еще до того.

— Типун тебе на язык! У землеедов есть такие же смышленые компьютеры, как ты? Или живые?

Майк помедлил с ответом.

— Не знаю, Ман.

— Нет данных?

— Мало данных. Я искал сведения не только в технических изданиях, но и в других источниках. На рынке нет компьютеров моей нынешней мощности... однако аналогичные мне модели можно усовершенствовать точно так же, как это проделали со мной. Кроме того, сведения об экспериментальном мощном компьютере могли быть засекречены и не опубликованы.

— М-м-м... что ж, придется идти на риск.

— Да, Ман.

— Таких умниц, как наш Майк, вообще больше быть не может,— презрительно заявила Вайо.— Не валяй дурака, Манни.

— Вайо, Ман вовсе не валяет дурака. Манни, я видел одно странное сообщение. В Пекинском университете предпринята попытка соединить компьютер с человеческим мозгом с целью достичь колоссального увеличения мощности. Компьютерный киборг.

— И было написано, как это сделать?

— Заметка была не технического характера.

— Что ж, не беспокойся о том, чего не в силах изменить. Верно, проф?

— Правильно, Мануэль. Революционер должен избегать тревожных сомнений, иначе нервная система не выдержит.

— Не верю я ни одному вашему слову,— заявила Вайо.— У нас есть Майк, и мы победим. Майк, милый, ты сказал, что нам

придется сражаться с Террой, а Манни утверждает, что Терру нам не одолеть. Наверняка у тебя есть какая-то идея, как выиграть в этой схватке, иначе ты не дал бы нам шанса из семи. Что у тебя на уме?

— Мы побьем их камнями,— ответил Майк.

— Не смешно,— буркнул я.— Вайо, не ставь телегу впереди лошади. Мы еще не решили даже, как выбраться из этой норы, чтобы нас не прищучили. Майк, проф сказал, что вчера вечером были убиты девять стражников, а Вайо утверждает, что их всего двадцать семь. Так что осталось восемнадцать. Ты в курсе, так это или нет? Может, знаешь, где они и что затевают? Нельзя же начинать революцию, если мы носа не можем высунуть наружу.

Проф меня перебил:

— Мануэль, это трудности преходящие, мы сами с ними справимся. Проблема же, поднятая Вайо, основополагающая, и ее необходимо обсудить. Сегодня же и до конца. Меня интересует мнение Майка.

— О'кей, о'кей... вы можете чуть-чуть подождать, пока Майк ответит *на мой вопрос*?

— Извините, сэр.

— Майк?

— Ман, официально у Смотрителя числится двадцать семь охранников. Если девять убиты, теперь их, по официальным данным, осталось восемнадцать.

— Что значит — «официально числится»?

— У меня есть некоторая информация; не исключено, что она существенна. Позволь мне изложить ее, прежде чем выдвигать гипотетические предположения. Номинально в департаменте шефа безопасности, кроме клерков, числятся только охранники. Но я составляю платежные ведомости для Комплекса Администрации, и число двадцать семь *не совпадает* с численностью персонала департамента безопасности.

Проф кивнул:

— Стукачи, да?

— Подождите, проф. И кто же эти люди?

— Это просто номера в ведомостях, Ман,— ответил Майк.— Я подозреваю, что имена, которые они заменяют, находятся в банке данных шефа безопасности.

— Погоди-ка, Майк. Шеф безопасности Альварес хранит у тебя свои файлы?

— Предполагаю, что так, поскольку его банк данных перекрыт паролем, запрещающим поиск информации.

— Во зараза! — сказал я и добавил: — Проф, как вам это нравится? Он использует Майка для хранения информации, Майк знает, где она спрятана, но не может к ней прикоснуться.

— Почему не может, Мануэль?

Я постарался объяснить профу и Вайо, какими видами памяти обладает наш «умник». Постоянная память, которая не может быть стерта ввиду особого устройства логической части, то есть самого процессора; оперативная память, которая используется для текущих программ, а затем стирается — вроде той памяти, что подсказывает вам, подсластили вы кофе или нет; временная память, которая сохраняется в течение обусловленного времени — миллисекунд, дней, лет — и стирается по истечении срока; постоянно накапливаемая память, то есть базы данных, подобные образованию, получаемому человеком, с той разницей, что машина ничего не забывает, хотя сами эти данные могут быть сжаты, рассортированы, перемещены и отредактированы; и, наконец, длинный список специальных памятей — от файлов с записками-памятками до сложнейших программ. Причем каждая память активизируется собственным сигналом поиска, блокируемым или нет, с бесконечными разновидностями блокировки — последовательными, параллельными, временными, ситуационными и так далее.

Никогда не пытайтесь объяснить устройство компьютера невеждам. Легче девственнице объяснить, что такое секс. Вайо никак не могла взять в толк, почему Майк, зная, где Альварес хранит свои материалы, не может добраться до них.

Я сдался.

— Майк, ты не можешь ей растолковать?

— Попытаюсь, Ман. Вайо, я могу выдать заблокированные материалы, только получив задание извне. Я не могу сам себе задать такую программу поиска информации. Моя логическая структура не позволяет этого. Я должен получить сигнал, введенный извне.

— Хорошо, но скажи, ради бога, что это за сигнал?

— Это,— без запинки выдал Майк,— специальный файл «Зебра».— И выжидательно замолк.

— Майк! — сказал я.— Разблокируй специальный файл «Зебра»!

Он повиновался, и информация хлынула к нам потоком. Пришлось еще убеждать Вайо, что дело было отнюдь не в упрямстве Майка — он ведь почти умолял нас щекотнуть его за это место. Конечно, ему был известен сигнал, как же иначе! Но он должен был поступить извне, этого требовала сама конструкция Майка.

— Майк, напомни мне проверить вместе с тобой все специальные сигналы блокировки и пуска. Возможно, там мы наткнемся на залежи ценной информации.

— *Я уже думал об этом, Ман.*

— О'кей, но это потом. А теперь вернемся обратно и не торопясь пройдемся по материалам «Зебры»... и, Майк, по мере чтения перепиши их, не стирая, под шифром «День Бастилии» в отдельный файл. Назовем его «Дятел». О'кей?

— Программа готова и выполняется.

— Все новые данные, что внесет Альварес, обрабатывай в том же духе.

Главным нашим призом оказался полный список стукачей во всех поселениях, содержавший более двухсот имен; каждое из них сопровождалось шифром, который Майк идентифицировал с номером в платежной ведомости.

Майк начал зачитывать список по Гонконгу-в-Луне, и тут Вайо истерически вскрикнула:

— Стоп, Майк! Мне надо их записать!

— Эй! — сказал я.— Никаких записей! Что за базар?

— Эта женщина... Сильвия Чанг — она же секретарь у нас в Гонконге! Но... но это означает, что вся наша организация в руках у Смотрителя!

— Нет, дорогая Вайоминг,— поправил ее проф.— Это означает, что вся его организация в наших руках.

— Но...

— Я понимаю, что проф имеет в виду,— обратился я к Вайо.— *Наша* организация состоит только из нас троих и Майка. А потому — цыц! Дай Майку дочитать. Но ничего не записывай. Ты можешь получить список от Майка в любое время — стоит только позвонить. Майк, отметь, что эта баба Чанг является секретарем бывшей организации Конгвиля.

— Отметил.

Вайо вся кипела, слушая имена стукачей в своем городе, но ограничилась лишь тем, что запомнила информацию, касавшуюся ее личных знакомых. Не все они были из числа «товарищей», но все же их было достаточно, чтобы довести ее до белого каления. Имена по Новому Ленинграду нам почти ничего не говорили: проф знал троих, Вайо — одного. Когда дело дошло до Луна-Сити, проф отметил, что почти половина стукачей принадлежит к числу «товарищей». Некоторых я знал лично — естественно, не как фальшивых подпольщиков, а просто как добрых знакомых. Но не друзей. Не знаю, как бы я реагировал, обнаружив, что люди, которым я верил,— платные агенты босса. Думаю, меня бы это потрясло.

Вайо, во всяком случае, была потрясена. Когда Майк закончил, она сказала:

— Мне до зарезу нужно домой. Я ни разу в жизни не участвовала в ликвидации, но я с наслаждением уничтожу этих сволочей!

— Никто из них,— спокойно сказал проф,— не будет ликвидирован, дорогая Вайоминг.

— Что?! Профессор, вы что — против? Я никогда не убивала, но всегда считалась с тем, что такая необходимость может возникнуть.

— Убийство,— покачал головой проф,— не лучший метод обращения со стукачами, особенно когда они не знают, что вам известно об их предательстве.

— Я, должно быть, ужасно тупа,— захлопала ресницами Вайо.

— Нет, дорогая моя леди. Просто в вас слишком много очаровательной непосредственности... слабость, которой вам следует остерегаться. Справиться со шпиком — дело нехитрое: надо дать ему возможность дышать, окружить его надежными товарищами и скармливать ему безвредную информацию, чтобы порадовать его хозяев. Все эти типы будут приняты в нашу организацию. Пусть вас это не шокирует — мы включим их в особые ячейки. Правильнее, наверно, назвать их «клетками». Ликвидировать шпиков было бы безумной расточительностью — ведь каждый стукач будет тут же заменен новым, а само убийство этих предателей подскажет Смотрителю, что мы проникли в его секреты. Майк, амиго мио, в этом досье должно быть что-то и *обо мне. Не взглянете ли?*

Насчет профа было много чего, но я был поражен, узнав, что все сводится к оценке «безвредный старый дурак». Классифицировался он как «подрывной элемент» — по этой причине его и сослали в Булыжник — и как член подпольной группы в Луна-Сити. Считалось, что в организации он прослыл склочником, который вечно со всеми спорит.

Проф прямо расцвел — так был доволен.

— Надо подумать: может, стоит продать свою душу и пойти на жалованье к Смотрителю?

Вайо это не показалось забавным, особенно когда проф дал понять, что это не шутка, а просто довольно опасная тактика, нередко, однако, практикуемая.

— Революцию приходится финансировать, дорогая леди, и один из путей добыть для нее деньги — это пойти в полицейские осведомители. Очень возможно, что некоторые из этих предателей фактически на нашей стороне.

— *Ни за что не стала бы им доверять!*

— Согласен. Основная трудность с двойным агентом — то, что невозможно точно определить, кому он по-настоящему предан, если предан вообще. Хотите ознакомиться с собственным досье? Или предпочитаете прослушать его в одиночестве?

В деле Вайо никаких неожиданностей не оказалось. Стукачи Смотрителя вычислили ее еще несколько лет назад. К моему удивлению, выяснилось, что досье есть и на меня — результат формальной проверки на предмет допуска к работе в Комплексе Администрации. Меня классифицировали как «аполитичного», причем кто-то дописал «туповат», что было, с одной стороны, обидно, а с другой — справедливо, иначе черт бы занес меня в эту революцию.

Через несколько часов проф попросил Майка прекратить чтение, откинулся на спинку стула и задумался.

— Ясно одно,— сказал он.— Смотрителю много известно о Вайоминг и обо мне, известно уже давно. Ты, Мануэль, в этот черный список не попал.

— А после вчерашнего?

— Ах да. Майк, какие-нибудь дополнения вносились в файл за последние двадцать четыре часа?

Оказалось — никаких. Проф продолжил:

— Вайоминг права — мы не можем отсиживаться тут всю жизнь. Мануэль, сколько у тебя знакомых в списке? Шесть, не так ли? Кого-нибудь из них ты вчера видел?

— Нет, но они могли видеть меня.

— Вряд ли им удалось засечь тебя в такой гуще народа. Я сам тебя заметил, только когда вышел на трибуну, а ведь я знаю тебя с детских лет. С Вайоминг дело другое. Трудно предположить, чтобы *ее путешествие из Гонконга и речь на митинге остались* незамеченными для Смотрителя.— Он взглянул на Вайо.— Дорогая леди, сможете вы разыграть фиктивную роль под названием «последняя блажь старика»?

— Вероятно, смогу. А что это значит, профессор?

— Мануэль пока чист. Я — нет, но мое досье не дает оснований предположить, что ищейки Администрации бросятся меня вылавливать. Вас же они наверняка захотят допросить и даже задержать. Вы считаетесь опасной. С вашей стороны было бы разумно не мозолить им глаза. Эта комната... Я подумываю о

том, чтобы снять ее на какой-то срок — на недели или даже на годы. Вы можете скрываться здесь, если вам безразличны те совершенно очевидные заключения, которые будут сделаны из этого факта.

Вайо хихикнула:

— Господи, мой миленький! Неужели вы думаете, что мне есть дело до того, что обо мне подумают? Я с восторгом сыграю роль вашей ночной подружки... и не слишком полагайтесь на то, что это будет только игра.

— Никогда не дразните старого кобеля,— ответил он мягко.— А то еще куснет ненароком. На ночь я резервирую себе эту кушетку. Мануэль, я намерен вести себя как обычно и тебе советую то же самое. Хотя предполагаю, что они вряд ли пошлют за мной казаков, в этом убежище я буду спать спокойнее. К тому же здесь удобно проводить собрания ячейки, и телефон тут есть.

— Профессор,— вмешался Майк,— можно мне внести предложение?

— Конечно, амиго, мы будем рады выслушать ваше мнение.

— Я считаю, что с каждой новой встречей нашей исполнительной ячейки опасность будет возрастать. Но вам не обязательно встречаться во плоти — вы можете общаться по телефону, а когда будет желательно мое присутствие, я к вам присоединюсь.

— Ваше присутствие нам всегда желательно, товарищ Майк. Больше того — необходимо. Однако...— Проф заколебался.

— Проф,— сказал я,— не переживайте, что нас подслушают.— И я объяснил, как можно звонить по коду «Шерлок».— Телефоны не опасны, если их контролирует Майк. Кстати, о кодах... вы же не знаете, как связаться с Майком. Как, Майк? Дать профу мой номер?

Обсудив этот вопрос, они остановились на коде «Мрак-и-тайна». Проф и Майк по-детски обожали интригу ради интриги. Я сильно подозреваю, что проф был в отпаде от самого процесса бунтарства задолго до того, как выработал свою политическую философию; что же касается Майка... какое ему дело, скажите на милость, до свободы людей? Революция была для него

игрой, причем в этой игре подобралась приятная компания и появилась возможность продемонстрировать свои таланты. Майк был невероятно тщеславной машиной — другую такую поискать.

— Но эта комната нам все равно нужна,— сказал проф, покопался в своей сумке и вытащил толстую пачку банкнот.

Я вытаращил глаза:

— Ограбили банк?

— В последние дни не приходилось. Может, в ближайшем будущем и возьмусь, если Дело того потребует. Думаю, для начала подойдет арендный срок на один лунный месяц. Организуешь, Мануэль? Портье может удивиться, услышав незнакомый голос. Я ведь прошел через грузовой отсек.

Я позвонил портье и договорился о выдаче ключа на четыре недели. Он запросил девятьсот гонконгских долларов, я предложил девятьсот купонов. Он осведомился, сколько человек будут проживать в номере. Я поинтересовался, давно ли в «Малине» взяли моду совать нос в личные дела клиентов.

Мы сошлись на четырехстах семидесяти пяти гонконгских долларах, я послал ему деньги, он мне — два ключа, действительных в течение месяца. Один я отдал Вайо, другой профу, а себе оставил однодневный ключ, решив, что замки они менять не будут, разве что мы задержим оплату в конце срока.

(На Земле я столкнулся с крайне неприятной практикой — от клиентов отелей требовали заполнять анкеты и даже предъявлять удостоверения личности.)

— Что еще? — спросил я.— Еда?

— Я не голодна, Манни.

— Мануэль, ты просил нас подождать, пока Майк ответит на твои вопросы. Вернемся к основной проблеме. Как мы поступим, когда окажемся лицом к лицу с Террой, словно Давид с Голиафом?

— Ах да. Я надеялся, что этим мы займемся позже. Майк, у тебя действительно есть идея?

— Я сказал, что есть, Ман,— ответил он грустно.— Мы можем закидать их камнями.

— Ради бога, Майк! Сейчас не время для шуток!

— Но, Ман,— запротестовал он,— мы можем закидать Терру камнями! И мы это сделаем!

Глава 8

До меня наконец дошло, как до жирафа, что Майк, во-первых, говорит совершенно серьезно, а во-вторых, его идея действительно может сработать. Еще более длинношеими оказались Вайо и проф — в том, что касалось «во-вторых». Хотя, в принципе, и первое, и второе было очевидно.

Майк рассуждал вот как: что такое «война»? В одной из прочитанных им книг война определялась как использование силы для достижения политических целей. А «сила» — это воздействие одного тела на другое, производимое с помощью энергии.

На войне такое воздействие осуществляется оружием — его у Луны не было. Но, подумав, Майк классифицировал «оружие» как устройство для манипулирования энергией, а уж энергии в Луне навалом. Одно Солнце в лунный полдень дает около киловатта на каждый квадратный метр поверхности. Солнечная энергия хотя и циклична, но практически неиссякаема. Термоядерная энергия обходится еще дешевле и почти так же неисчерпаема: магнитная ловушка установлена, знай себе только лед добывай. Энергии хватает — вопрос лишь в том, как ее использовать.

А вдобавок у нас есть, так сказать, энергия положения. Луна находится на верхнем краю гравитационного колодца «глубиной» одиннадцать километров в секунду, и от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду*. Майку это взаимодействие гравитации было отлично известно — он ежедневно перебрасывал через рубеж лунного притяжения зерновые баржи, чтобы затем дать им свободно скользить вниз к поверхности Терры.

Майк просчитал, что может случиться, если баржа массой сто тонн (или такая же каменная глыба) рухнет на Терру без

торможения. Кинетическая энергия при ударе составит более шести триллионов джоулей.

В долю секунды она превратится в тепло. Взрыв, да еще какой! Результат очевиден — взгляните на Луну. Что вы видите? Тысячи тысяч кратеров — это отметины, свидетельствующие о том, что Некто забавлялся, швыряя в Луну камешки.

— Джоули мне ничего не говорят,— сказала Вайо.— Как это выглядит в сравнении с водородной бомбой?

— Хм...— Я попробовал подсчитать в уме, но «голова» Майка сработала быстрее. Он ответил:

— Падение массы в сто тонн на поверхность Терры приблизительно соответствует взрыву двухкилотонной атомной бомбы.

— «Кило» — это тысяча,— пробормотала Вайо,— а «мега» — миллион. Значит, это всего лишь одна пятидесятитысячная от стомегатонной бомбы? Совсоюз, кажется, применял именно такую?

— Вайо, детка,— сказал я очень мягко,— на самом деле все иначе. Надо просто посмотреть на вещи под другим углом. Взрыв двухкилотонной бомбы эквивалентен взрыву двух миллионов кило тринитротолуола, а килограмм ТНТ — это очень сильный взрыв, спроси у любого бурильщика. Два миллиона килограммов сотрут с Земли вполне приличный город. Верно, Майк?

— Да, Ман. Но, Вайо, моя единственная подруга, тут есть еще один аспект. Мультимноготонные бомбы малоэффективны. Взрыв происходит на сравнительно небольшой площади, и значительная часть энергии тратится впустую. Хотя стомегатонная бомба по силе в пятьдесят тысяч раз превосходит двухкилотонную, но разрушительный эффект у нее выше лишь в тысячу триста раз.

— Мне кажется, в тысячу триста раз — это очень даже немало, особенно если они решат применить эти мегатонные бомбы против нас.

— Ты права, Вайо, моя подруга. Но у Луны много скал?

— Да. Что верно, то верно.

— Товарищи,— сказал проф,— в этих делах я профан; во дни моей юности, когда мы занимались метанием бомб, мой опыт

ограничивался взрывами одного килограмма того химического вещества, о котором ты, Мануэль, упомянул. Но я надеюсь, что вы двое знаете, о чем говорите.

— Мы знаем,— согласился Майк.

— Тогда я принимаю ваши цифры на веру. Но если вернуться к привычному для меня способу мышления, ваш план требует захвата катапульты. Так?

— Да,— хором ответили мы с Майком.

— Это можно сделать. А потом мы должны удержать ее и сохранить в работоспособном состоянии. Майк, вы продумали, как защитить катапульту, скажем, от небольшой ракеты с ядерной боеголовкой?

Дискуссия затянулась. Мы сделали перерыв на обед и по обычаю профа прекратили на время все деловые разговоры. Майк рассказал несколько анекдотов, каждый из которых сопровождался со стороны профа словами «это напоминает мне один случай».

К тому времени, когда мы покинули отель «Малина», вечером 14 мая 2075 года, у нас — вернее, у Майка,— был, разработанный с помощью профа, план революции, включающий основные варианты действий в переломные моменты.

Когда пришла пора уходить — мне домой, а профу в вечерний класс (если не арестуют), а потом домой, чтобы принять душ и прихватить с собой манатки на случай, если он вернется сюда ночевать, стало ясно, что Вайо не хочет оставаться одна в незнакомом отеле. Ей не занимать мужества, когда дела идут наперекосяк, но в остальное время она беззащитна и легкоранима.

Поэтому я позвонил Ма по коду «Шерлок» и сообщил, что приведу с собой гостя. Ма ведет дом с большим искусством и тактом; каждый супруг имеет право привести гостя — на обед или на год, и наше второе поколение пользуется почти всеми свободами, только сначала нужно получить разрешение. Не знаю, как принято в других семьях, но наши обычаи складывались чуть не целое столетие, и нас они устраивают.

Так что Ма не спросила ни имени, ни пола, ни возраста, ни семейного положения гостя; я был в своем праве, а Ма слишком горда, чтобы задавать вопросы. Она сказала только: «Прекрасно, дорогой. Вы поужинали? Сегодня ведь вторник, ты помнишь?» «Вторник» — это напоминание о том, что семейство ужинает сегодня рано, так как вечером Грег читает проповедь. Если гость голоден, его, конечно, накормят, но мне такой уступки не сделают; мы все, за исключением Деда, либо едим за общим столом, либо на ходу перехватываем что-нибудь в кладовке.

Я успокоил Ма, сказав, что мы поели и будем спешить со всех ног, чтобы появиться дома до того, как ей надо будет уходить. Несмотря на то что лунари представляют собой пеструю смесь мусульман, иудеев, христиан, буддистов и еще девяноста девяти религий, в церковь почти все ходят по воскресеньям. Но Грег принадлежит к секте, которая вычислила, что от заката во вторник до заката в среду по местному времени в Эдемском саду (минус вторая поясная зона на Терре) как раз и есть Священная Суббота. Поэтому, когда в северном земном полушарии лето, мы ужинаем очень рано.

Ма всегда ходит на проповеди Грега, так что взваливать на нее домашние дела, которые могут ей помешать, было бы просто свинством. Все мы тоже время от времени ходим в церковь. Даже я выбираюсь несколько раз в году, потому что искренне люблю Грега, который обучил меня одной профессии и помог переключиться на другую, когда понадобилось, и который с радостью отдал бы свою руку, чтобы спасти мою. Но Ма ходит туда регулярно, хотя для нее это— скорее ритуал, чем религия. Однажды ночью во время постельной болтовни она призналась мне, что у нее нет веры, на которую можно было бы наклеить определенную этикетку, а затем попросила не проговориться об этом Грегу. Я позаимствовал у нее осторожность во взглядах: не мне судить, кто закрутил всю эту карусель, но я рад, что Он продолжает ее вертеть.

Грег был для Ма «мальчиком-мужем»; его избрали в семью, когда Мими была еще совсем юной, это была первая свадьба

после ее собственной. Ма питала к нему слабость, и хотя яростно отрицала бы, вздумай ее кто-то обвинить, что она любит его больше остальных мужей, но приняла его веру, когда его рукоположили, и никогда не пропускала вторника.

— А может, твой гость тоже захочет посетить церковь? — спросила она.

Я ответил, что увидим, но мы поторопимся в любом случае, и попрощался. Затем постучал в дверь ванной и крикнул:

— *Поторопись с наведением красоты, Вайо. Нам пора бежать.*

— Минуту! — отозвалась Вайо и, вопреки дамскому обыкновению, действительно появилась через минуту.— Как я выгляжу? — спросила она.— Проф, сойдет?

— Дорогая Вайоминг, я потрясен! Вы были прекрасны раньше, вы очаровательны теперь, но узнать вас невозможно. Вы в полной безопасности. Я спокоен за вас.

Затем мы подождали, пока проф снова превращал себя в старую развалину; в таком виде ему надо было добраться до черного хода в собственный дом, а потом предстать перед классом в облике всем известного учителя, чтобы иметь свидетелей на случай, если «мальчики в желтом» дожидаются его с приказом об аресте.

Пока ждали, я рассказал Вайо о Греге. Она спросила:

— Манни, а как мой грим — хорош? Сойдет для церкви? Какое там освещение — яркое?

— Не ярче, чем тут. Отличная работа, можешь не беспокоиться. А ты действительно хочешь в церковь? Силком тебя никто не тянет.

— Твоей мате... я хочу сказать, твоей старшей жене это будет приятно, верно?

— Вайо,— медленно произнес я,— религия — дело сугубо личное. Но раз ты спрашиваешь... Да, для знакомства с семьей Дэвисов лучше и придумать нельзя, чем сходить в церковь с Ма. Если ты пойдешь, я тоже схожу.

— Я пойду. А я думала, что твоя фамилия — О'Келли.

— Так и есть. Но если официально, то к ней через дефис нужно добавить «Дэвис». Дэвис был Первым мужем, он умер лет пятьдесят назад. Это фамилия всей семьи, и каждая наша жена

именуется «gospazha Дэвис», а через дефис идут имена всех мужей из линии Дэвисов плюс ее собственная фамилия. Но в доме у нас «gospazha Дэвис» — это Ма, можешь так к ней и обращаться; прочие жены пользуются собственным именем и добавляют «Дэвис», лишь когда подписывают чек или что-нибудь в этом роде. Единственное исключение — Людмила, ее фамилия «Дэвис-Дэвис», и она гордится своим двойным членством в семье — по крови и по выбору.

— Понятно. Значит, если человека зовут Джон Дэвис, то он сын, а если у него есть еще одна фамилия, то он твой собрачник. Но женщина в любом случае будет, скажем, Дженни Дэвис, верно? Как мне разобраться? По возрасту? Это вряд ли поможет. Я совсем запуталась. А я еще думала, что плановые браки сложны! И полиандрия... Хотя мой брак был довольно прост. По крайней мере, у моих мужей была одна и та же фамилия.

— Никакой трудности тут нет. Когда ты услышишь, что женщина лет сорока обращается к пятнадцатилетней, называя ее «мама Мила», ты догадаешься, кто из них дочь, а кто жена; впрочем, на самом деле все еще проще — мы не держим в семье дочерей, *вышедших замуж. Они уходят в чужие семьи.* Правда, регулярно нас навещают. Фамилия твоих мужей была Нотт?

— Нет, они были Федосеевы — Чоу Лин и Чоу Му. Я вернула себе девичью фамилию.

Вышел проф, идиотски хихикая (выглядел он даже хуже, чем раньше), и мы покинули отель через разные выходы, договорившись о встрече в главном коридоре. Нам с Вайо нельзя было идти вместе, поскольку за мной могли следить. С другой стороны, Вайо плохо знала Луна-Сити — поселение такое запутанное, что даже его уроженцам случается заблудиться. Поэтому я пошел вперед, а она за мной, не теряя меня из виду. Проф для верности следовал за Вайо.

Если меня заберут, Вайо должна будет отыскать телефон-автомат, сообщить об этом Майку, затем вернуться в отель и ждать профа. Я подбадривал себя мыслью, что приласкаю рукой номер семь любого желтомундирника, который сунется меня арестовать.

Но все прошло тип-топ. Сначала мы поднялись на пятый уровень, потом напрямки через Карвер-Казвей и снова наверх до третьего. Я заскочил на станцию метро «Западная», забрал руки и чемоданчик с инструментами; скафандр трогать не стал — это отличалось бы от моего обычного поведения, я ведь всегда хранил его там. Желтомундирник, торчавший на станции, не обратил на меня ни малейшего внимания. Оттуда двинулись на юг по хорошо освещенным коридорам, добрались до частного переходного шлюза номер тринадцать и вышли в кооперативный туннель с нормальным давлением, ведущий к туннелям Дэвисов и дюжины других фермеров. Думаю, проф отстал от нас где-то не доходя до шлюза, но я не оглядывался.

Я дождался Вайо, отпер дверь и через пару секунд предстал перед старшей женой:

— Ма, познакомься, пожалуйста. Это Вайма Бет Джонсон.

Ма обняла ее, поцеловала в щеку и сказала:

— Как я рада, что вы навестили нас, дорогая Вайма. Наш дом — ваш дом.

Понимаете теперь, почему я так люблю свою старушку-ирландку? Теми же словами она могла бы намертво заморозить Вайо, но они прозвучали тепло, и Вайо это поняла.

Я не предупредил Вайо, что изменю ей имя: додумался до этого по пути сюда. Некоторые из наших ребятишек еще маленькие, и хотя они с пеленок учатся презирать Смотрителя, все равно могут случайно ляпнуть про «Вайоминг Нотт, которая у нас нынче гостит...» А имя-то фигурирует не где-нибудь — в специальном файле «Зебра»! Но предупредить не сообразил, так как в конспирации был новичком. Однако Вайо с ходу врубилась и даже глазом не моргнула.

Грег был уже в церковном облачении и явно намыливался уходить. Ма, не торопясь, подвела Вайо к своим мужьям — Деду, Грегу, Гансу, затем с царственной любезностью перешла к строю жен — Людмиле, Леноре, Сидрис, Анне — и принялась знакомить гостью с детьми.

— Ма! — сказал я.— Извини, но мне надо сменить руку.

Ее брови приподнялись на миллиметр, что означало: «Мы поговорим об этом, но не при детях». Поэтому я поспешил добавить:

— Я знаю, что времени нет, Грег уже тайком посматривает на часы. Но мы с Ваймой тоже собираемся в церковь. Так что будь добренька, извини.

Она тут же смягчилась.

— Конечно, милый!

Ма развернулась, я увидел, что ее рука лежит на талии Вайо, и сразу успокоился.

Я сменил руку номер семь на «представительскую». А заодно нырнул в телефонную кабинку и набрал «Майкрофт-ХХ».

— Майк, мы дома. Собираемся в церковь. Не думаю, что ты ее прослушиваешь, так что я позвоню попозже. Проф объявился?

— Пока нет, Ман. Какая это церковь? Может, у меня есть на нее выход?

— Храм столпа огненного покаяния...

— Нет данных.

— Притормози немного, дружок. Служба идет в Третьем западном зале собраний. Это к югу от станции на кольцевой.

— Я знаю этот зал. Там есть ввод для микрофона и еще телефон в наружном коридоре. Я за ними послежу.

— Думаю, нам ничего не грозит, Майк.

— А проф говорит — надо последить. Он как раз сейчас позвонил. Хочешь с ним поговорить?

— Нет времени. Пока!

Вот так и установился новый порядок — постоянно поддерживать контакт с Майком, чтобы он был в курсе, где мы находимся и куда собираемся, и мог к нам подключиться, если у него в том месте есть нервные окончания. Открытие, которое я сделал утром,— что Майк может прослушивать отключенные телефоны,— меня поначалу обескуражило: в магию я не верю. Однако, подумав, я сообразил, что центральная система управления телефонной сетью может и без вмешательства человека подключиться к любому номеру, если обладает свободой воли. У Майка же этой свободы bolshoyeh количество.

Откуда ему известно, что телефон находится в наружном коридоре, понять было труднее, поскольку «пространство» Майк воспринимал совсем иначе, чем мы. Но в памяти у него хранилась «карта» — структурная схема инженерных сетей Луна-Сити, и он всегда мог привязать упомянутый нами объект к «своему Луна-Сити»; не упомню, чтобы он хоть раз что-то перепутал.

Так что со дня нашего тайного сговора мы постоянно контактировали друг с другом и с Майком через его разветвленную нервную систему. Об этом я больше упоминать не буду, разве что при необходимости.

Ма, Грег и Вайо ждали у внешней двери. Ма дергалась от нетерпения, но улыбалась. Я заметил, что она одолжила Вайо свой палантин; как истинной лунарке, Ма глубоко плевать на прикид, но поход в церковь — случай особый.

Мы не опоздали, хотя Грег сразу же заторопился к кафедре, а мы — к своим местам. Я тут же погрузился в теплую полудрему, механически повторяя ритуальные жесты. Но Вайо внимательно слушала проповедь Грега и либо знала наш требник наизусть, либо навострилась подсматривать в чужих книжках.

Когда мы вернулись домой, дети были уже в постелях, равно как и большинство взрослых. Ганс и Сидрис поджидали нас. Сидрис подала соевое какао с домашним печеньем, после чего все разошлись по палатам. Ма выделила Вайо комнатку в детском туннеле, где обычно спали двое младших мальчуганов. Я не спрашивал, куда их переселили: и без того было ясно, что гостью постарались устроить как можно удобнее, иначе ее положили бы с одной из старших девочек.

Этой ночью я спал с Ма. Отчасти потому, что наша старшая жена — лучшее лекарство от нервов, а они у меня здорово растрепались за последние сутки, отчасти же для того, чтобы она не думала, будто я прокрадусь к Вайо, когда все заснут. От моей мастерской, где я ночую, когда сплю один, до комнаты Вайо всего пара шагов. Ма совершенно прозрачно намекала: «Вперед, дорогой. Можешь не докладывать, если хватит наглости. Проскользнешь у меня за спиной — и все дела».

Разумеется, вслух ничего подобного сказано не было. Мы улеглись, поболтали, выключив свет, а потом я повернулся к ней спиной.

Вместо того чтобы пожелать мне спокойной ночи, Ма спросила:

— Мануэль, почему твоя хорошенькая гостья гримируется под афро? Мне кажется, ее природная окраска пошла бы ей больше. Впрочем, не спорю, она очаровательно выглядит и в гриме.

Я повернулся к ней лицом и объяснил — сначала бегло, а потом во всех подробностях. В конце концов оказалось, что я выложил все, умолчал только о Майке. Нет, его я тоже включил в рассказ, но не в качестве компьютера, а как человека, с которым Ма вряд ли придется познакомиться — из соображений безопасности.

Откровенничая с Ма, а точнее говоря, принимая ее в собственную подъячейку, с тем чтобы она потом возглавила свою, словом, посвящая ее в подпольную деятельность, я отнюдь не уподоблялся мужу, который страдает недержанием и выбалтывает жене все свои секреты. Может, я слегка поторопился, но, с другой стороны, если уж посвящать ее в это дело, более подходящего момента не выберешь.

Ма умна. У нее прекрасные организаторские способности: не так-то просто управлять большой семьей и при этом ни разу не оскалить зубы. Ее уважали и фермеры, и горожане в Луна-Сити; она прожила здесь дольше девяноста процентов лунарей. И, безусловно, могла нам помочь.

А дома нам без ее помощи просто не обойтись. Поди объясни, зачем мы с Вайо дуэтом говорим по телефону или попробуй отделаться от ребячьего любопытства. Дохлый номер! Но при содействии Ма в доме у нас проблем не будет.

Выслушала она меня, вздохнула и сказала:

— Сдается мне, это опасное дело, милый.

— Так оно и есть,— согласился я.— Слушай, Мими, если не хочешь связываться, так и скажи... а потом забудь все, что я говорил.

— Мануэль! Как у тебя только язык повернулся! Ты мой муж, дорогой. Мы клятву давали — делить и горе, и радости. Твое желание для меня закон.

(Господи! Во заливает! И при этом искренне верит своим словам!)

— Я не пущу тебя одного на опасное дело,— продолжала она.— А кроме того...

— Что, Мими?

— Я думаю, каждый лунарь спит и видит день, когда мы станем свободными. Каждый, кроме немногих жалких бесхребетных крыс. Я никогда не говорила об этом. Что толку в пустых разговорах? Надо не ныть, а нести свою ношу и идти вперед. Но я благодарю бога, что мне дозволено дожить до этого дня, если, конечно, он настанет. Объясни мне поподробнее. Я должна найти еще троих? Троих, которым можно доверять?

— Ты только не гони. Поспешай не торопясь. Ты должна быть уверена в тех, кого изберешь.

— Сидрис заслуживает доверия. Она умеет держать язык за зубами, этого у нее не отнимешь.

— Не думаю, что следует вербовать из семьи. Нужно расширять сеть. А главное — не спеши.

— Не буду. Прежде чем я начну действовать, посоветуюсь с тобой. И, Мануэль, если ты хочешь знать мое мнение...— Она сделала паузу.

— Я всегда ценил твое мнение, Мими.

— Не стоит говорить об этом Деду. В последнее время он стал рассеян и болтлив. А теперь спи, дорогой, спи спокойно, без снов.

Глава 9

А потом был долгий период, такой долгий, что вполне можно было позабыть о столь маловероятной вещи, как революция, если бы ее подготовка не отнимала у нас так много времени. Наша первая задача заключалась в том, чтобы не попасть на за-

метку. Вторая и более отдаленная требовала максимального ухудшения ситуации.

Да, ухудшения, ибо практически до самого конца не было такого момента, когда бы лунари все как один жаждали свергнуть Администрацию, жаждали вплоть до бунта. Все лунари презирали Смотрителя и обманывали Администрацию. Но это отнюдь не означало, что они готовы драться и умирать. Произнесите в разговоре с лунарем слово «патриотизм» — и он либо выпялится на вас с изумлением, либо решит, что вы говорите о его прежней родине. Среди нас были французы, чьи сердца навеки отданы La Belle Patrie[1], бывшие немцы, сохранившие привязанность к Vaterland'у[2], русские, до сих пор обожавшие Святую Матушку Русь... Но Луна? Луна — это Булыжник, место ссылки, при чем тут любовь?

Мы были самым аполитичным народом, который когда-либо производила на свет история. Честно говоря, я, как и прочие лунари, был равнодушен к политике, пока обстоятельства не ткнули меня в нее носом. Вайоминг занималась ею потому, что ненавидела Администрацию по личным мотивам, а проф терпеть не мог любую власть из чисто интеллектуальных соображений. Майк же просто скучал от одиночества, и политика была для него единственным развлечением. Так что обвинять нас в патриотизме нет никаких оснований. Разве только меня: я принадлежу к третьему поколению лунарей и не питаю никакой привязанности к определенному месту на Терре. Пожил там недолго, невзлюбил Землю и землеедов — вот и готов «патриот».

Среднего лунаря интересуют пиво, пари, женщины и работа, именно в такой последовательности. Женщины могут иногда переходить на второе место, но на первое — вряд ли, каким бы почетом они у нас ни пользовались. Лунари давно усвоили: женщин на всех не хватает. А те, что не смогли усвоить, вымерли, ибо даже самый одержимый самец-собственник не может быть начеку ежеминутно. Как говорит проф, общество адаптируется к

[1] Прекрасная Отчизна (*фр.*).

[2] Родина (*нем.*).

реальности или погибает. Лунари адаптировались к суровой действительности, а кому не удавалось — гибли. Что же до патриотизма, то для выживания он не обязателен.

Как говорит старинная китайская пословица, «рыбы не ведают, что живут в воде». И я ни о чем таком не думал, пока впервые не попал на Терру; но даже тогда я не понял, что в лунарях полностью пустует файл с названием «Патриотизм», не понимал до той поры, пока не попытался его активизировать. Вайо и ее товарищи тоже нажимали на патриотическую кнопку и тоже утыкались в пустоту: годы стараний, несколько тысяч членов, то есть меньше одного процента населения, а из этого мизерного числа почти десять процентов — платные стукачи полицейской службы босса!

Проф выразился кратко: «Людей легче заставить ненавидеть, чем *любить*».

К счастью, нам протянул руку сам шеф безопасности Альварес. Девять убитых охранников были заменены девятью десятками новых; Администрация пошла на это неохотно, поскольку очень не любила тратить на нас деньги, а потому совершала одну глупость за другой.

Так уж повелось со дня основания колонии, что охрана у Смотрителя была немногочисленна. Тюремщики в историческом смысле были не нужны, в чем заключалась одна из привлекательнейших сторон колониальной пенитенциарной системы — она была дешева. Смотритель и его помощник, конечно, нуждались в охране, равно как и заезжие шишкари, но самой тюрьме надзиратели были ни к чему. Даже корабли перестали охранять, после того как бессмысленность этой меры стала очевидна, и к маю 2075 года численность стражников сократилась до минимума, причем всех их набирали из числа вновь прибывших ссыльных.

Однако потеря девятерых стражников за один вечер коекого напугала. В том числе и Альвареса — он «подшил» копии своих рапортов с требованиями помощи в файл «Зебра», и Майк их прочел. Лагерник, служивший до ссылки полицейским офицером на Терре, а затем заделавшийся стражником в Луне, Альварес был, пожалуй, самым запуганным и самым одиноким человеком в Булыжнике. Он требовал все новой и все более ощутимой подмоги, угрожая в случае отказа подать в отставку — пустая угроза, которую Администрация раскусила бы в момент, знай она Луну хоть немного. Ведь если бы Альварес показался безоружным в любом поселении, он прожил бы ровно столько времени, *сколько смог бы остаться неузнанным*.

Свое подкрепление он получил. Мы так и не узнали, кто же отдал приказ о том рейде. Прыщ Морт подобных настроений никогда не обнаруживал, правитель он был из породы чурбанов. Может, сам Альварес расстарался — в должность шефа безопасности он вступил недавно, хотел показать товар лицом, не исключено, что метил и на место Смотрителя. Вернее же всего, доклады Смотрителя о подпольной активности побудили Администрацию на Земле навести у нас порядок.

Одна глупость повлекла за собой другую. Новые стражники были набраны не из этапированных, а из элиты внутренних войск Федерации Наций — лихих драгун-усмирителей. Парни они были злобные, крутые, в Луну отправляться не хотели и к тому же вскоре поняли, что «краткосрочная полицейская акция» обернулась для них путешествием в один конец. Они ненавидели Луну и лунарей, считая нас виновниками своих бед.

Заполучив драгун, Альварес установил круглосуточные посты на всех станциях метро, а также ввел паспорта и паспортный контроль. Существуй в Луне законы, его действия были бы противозаконны, поскольку девяносто пять процентов из нас теоретически считались свободными — либо родились здесь, либо отсидели свой срок. В городах этот процент был еще выше, так как лагерники жили в барачных поселениях Комплекса и в город выходили только по выходным — два дня в лунный месяц, бесцельно и без денег шатаясь по улицам в надежде, что кто-нибудь поставит им дармовую выпивку.

Однако паспортная система не являлась незаконной, так как распоряжения Смотрителя были у нас единственными законами. В газетах напечатали объявления, нам предложили в недельный срок приобрести паспорта, и в одно прекрасное утро, ровно в восемь ноль-ноль, постановление вступило в силу. Некоторые

лунари вообще никуда не ездят, другим приходится путешествовать по делам, а кое-кто мотается из небольших периферийных поселений или даже из Луна-Сити в Новолен и обратно. Что ж, послушные мальчики заполнили анкеты, заплатили деньги, сфотографировались и получили паспорта. Я, по совету профа, тоже заделался паинькой, купил паспорт и приложил его к пропуску, разрешавшему работать в Комплексе.

Паинек оказалось маловато. Лунари в это дело не поверили. Паспорта? Что за штука такая неслыханная?

На станции метро «Южная» в то утро стоял солдат, одетый в желтый мундир, а не в свою обычную войсковую форму; было похоже, что он ненавидит и мундир, и всех нас в придачу. Я никуда ехать не собирался — просто прогуливался да посматривал по сторонам.

Объявили о капсуле на Новолен. Толпа человек в тридцать двинулась к турникету. Gospodin Желтый Мундир потребовал паспорт у первого подошедшего. Лунарь остановился и затеял спор. В это время второй протиснулся за спиной у солдата. Тот повернулся, заорал, но еще трое или четверо просочились мимо. Охранник потянулся за пистолетом; кто-то схватил его за локоть, пистолет выстрелил — пулевой, не лазерный, стреляет оглушительно.

Пуля щелкнула о перрон и со свистом куда-то срикошетила. Я отступил подальше. Пострадал только один человек — стражник. Когда первая группа пассажиров спустилась по пандусу, он недвижно лежал на платформе.

Никто не обращал на него внимания; его обходили, перешагивали через него — остановилась лишь одна женщина с ребенком на руках; она тщательно прицелилась, пнула его каблуком в лицо и пошла себе по пандусу вниз. Вероятно, он был уже мертв, но я не стал дожидаться, чтобы удостовериться в этом. Полагаю, что тело так и провалялось там до смены караула.

На следующее утро на посту стояла половина взвода. Капсула на Новолен ушла пустой.

Потом все утряслось. Те, кому надо было ездить, получили паспорта, а самые твердокаменные прекратили поездки. Пост у входа в

метро теперь состоял из двух человек — один проверял паспорта, другой страховал его с пистолетом в руке. Проверяющий явно старался не перетруждаться, и правильно делал, ибо у большинства пассажиров документы были фальшивые, причем первые подделки были крайне грубыми. Вскоре, однако, откуда-то выкрали бланки, и подделки стали выглядеть не хуже официальных документов. Правда, стоили они дороже настоящих, но лунари предпочитали паспорта, выпускаемые частными фирмами.

Наша организация фальшивки не изготовляла, мы только поощряли торговлю ими и знали, у кого они есть, а у кого нет. Майк хранил у себя полный список официально выданных паспортов. Это помогало нам отделять козлищ от овнов в тех файлах, которые мы начали составлять; их тоже хранили у Майка, под шифром «Бастилия». Мы решили, что человека с поддельным паспортом можно считать нашим потенциальным соратником. По сети ячеек было спущено указание — не вербовать в организацию людей с официальными документами. Если же у вербовщика были сомнения, ему достаточно было послать запрос наверх и ждать ответа.

Но неприятности стражников этим не ограничивались. Ни достоинство солдата, ни состояние его духа не улучшалось от того, что перед ним или, еще хуже, у него за спиной прыгали дети, передразнивая каждое его движение, а то и просто носились взад-вперед, выкрикивая непристойности, корча рожи и складывая из пальцев всем известную фигуру. Во всяком случае, солдаты воспринимали это как оскорбление.

Один солдат ударил мальчонку ладонью по лицу и выбил несколько зубов. Результат: убиты два охранника и один лунарь.

После этого постовые стали детей игнорировать.

Мы ничего специально не придумывали, мы лишь поддерживали общий настрой. Кому, скажите, могло прийти в голову, что милая пожилая леди вроде моей старшей жены станет поощрять хулиганские выходки ребятни? Но именно она-то их и поощряла.

Были и другие вещи, которые раздражали холостых людей, оказавшихся вдали от дома. Одну мы спровоцировали сами.

Дело в том, что драгун-усмирителей завезли в Булыжник, так сказать, без дамского обеспечения.

Многие наши девицы — настоящие красавицы, и некоторые из них взяли за обыкновение слоняться по станциям. Одеты они были куда легче обычного, то есть близко к нулю, зато надушены сильнее, причем духами крепкими и возбуждающими. С желтомундирниками они не разговаривали и даже на них не смотрели — просто прохаживались в поле зрения солдат, волнообразно покачиваясь, так как умеют лишь девушки-лунарки (женщины Терры так ходить не могут — шестикратный вес не позволяет).

Такое зрелище, естественно, собирало толпы лиц мужского пола, от взрослых мужиков до неоперившихся салажат: красотке — восторженные свистки и аплодисменты, «мальчику в желтом» — ядовитые насмешки. Первыми начали эту игру платные шлюшки, но вскоре образовался такой наплыв желающих, что проф решил не тратить больше деньги на постановку. И оказался прав: даже наша Людмила, застенчивая, как котенок, вызвалась попробовать, однако Ма категорически ей это запретила. Зато Ленора — на десять лет старше и самая красивая в нашей семье — попробовала, и Ма ее не бранила. Ленора вернулась раскрасневшаяся, взволнованная и довольная собой, горя желанием и дальше дразнить врага. Причем по собственной инициативе — ей и невдомек было, что революционная каша уже заварилась.

В это время с профом я виделся редко и никогда на людях; мы поддерживали связь по телефону. Поначалу нам сильно мешало то, что у нас на ферме был всего один телефон на двадцать пять человек, среди которых насчитывалось немало подростков, готовых висеть на аппарате часами, пока не прогонят. Мими была строга: детям разрешался один телефонный звонок в день продолжительностью не более девяноста секунд с возрастающей шкалой наказаний за нарушение правила, что, однако, умерялось готовностью Ма делать исключения. Последние сопровождались «маминими телефонными нотациями» типа: «Когда я впервые попала в Луну, здесь вообще не было частных телефонов. Вы, дети, не можете себе представить, как легко...»

Мы чуть ли не последними из зажиточных семей установили у себя телефон. Когда я вошел в семью, телефон был для нас еще новинкой. Зажиточными же мы стали потому, что никогда ничего не покупали, если могли вырастить это сами. Ма терпеть не могла телефонов, ибо деньги за пользование услугами «Кооперативной компании связи Луна-Сити» в значительной степени шли в карманы Администрации. И никак не хотела понять, почему я не мог («ты же так хорошо разбираешься в этих вещах, Мануэль, милый») позаимствовать телефонный сервис, как мы заимствовали электроэнергию. Что телефон — это часть системы переключений, в которой он должен фигурировать под определенным номером, Ма нисколько не интересовало.

И все же я додумался, как смухлевать. Проблема незаконного телефона состоит в том, что надо организовать прием телефонных звонков. Поскольку телефон не зарегистрирован, то даже если вы сообщите о нем друзьям, с которыми хотели бы разговаривать, вы все равно останетесь «неизвестным» для сети — нет сигнала, который должен дать ей команду соединить с вами потенциального собеседника.

Но с тех пор как Майк вошел в число заговорщиков, подключение к сети перестало быть проблемой. В моей мастерской было почти все, что нужно, а остальное я или купил, или позаимствовал. Просверлил дырочку в телефонную будку из мастерской и еще одну — из комнаты Вайо (горная порода тут была толщиной около метра, но лазерный луч, суженный до размеров карандаша, режет быстро). Снял со стены зарегистрированный аппарат, присоединил к линии блочок беспроволочной связи и замаскировал его. Осталось лишь спрятать в комнате Вайо и в моей бинауральные рецепторы и микрофон, а также соорудить схемку, повышающую частоту за пределы слышимости, чтобы в аппарате Дэвисов было тихо, и преобразующую ее обратно в нормальную звуковую частоту.

Единственная проблема — как проделать такую работу без свидетелей; но это Ма взяла на себя.

Все остальное организовал Майк. Он не стал придумывать новых номеров — отныне я пользовался номером «Майкрофт-XX»,

только когда звонил по какому-нибудь другому аппарату. Майк просто круглые сутки прослушивал мою мастерскую и комнату Вайо. Услышав, как я или она произносим: «Майк», он тут же отвечал, а на другие голоса не реагировал. Голоса он различал, словно отпечатки пальцев, и ни разу не ошибся.

Ну а я доделал кое-что по мелочам: поставил звукоизоляцию на дверь в комнате Вайо, такую же как у меня в мастерской, соорудил переключатели для наших с ней переговорных устройств, а также провел сигнализацию, чтобы знать, одна ли она в комнате и закрыта ли у нее дверь, и чтобы Вайо знала то же самое обо мне. Все это обеспечило безопасность наших разговоров с Майком, друг с другом и общих переговоров вчетвером. С профом Майк мог связаться в любом месте, и проф либо поддерживал разговор, либо звонил позже по более безопасному аппарату. Иногда требовалось быстро разыскать меня или Вайо — в общем, мы все старались непрерывно находиться на связи с Майком.

По моему контрабандному телефону, хоть у него и не было кнопочного набора, можно было дозвониться куда угодно: вызываешь Майка и под кодом «Шерлок» просишь соединить с кем нужно, без всякого номера, поскольку у Майка полный список абонентов и он сыщет нужный набор букв куда быстрее.

Мы начинали понемногу понимать, какими безграничными возможностями обладает телефонная сеть, когда она живая и к тому же на нашей стороне. Я получил от Майка и передал Ма еще один незанятый номер, чтобы она могла позвонить ему, если надо будет срочно связаться со мной. Ма быстро подружилась с Майком, продолжая принимать его за человека. И такое отношение к нему быстро распространилось в кругу семьи.

Как-то днем, когда я вернулся домой, Сидрис сказала мне:

— Манни, милый, звонил твой друг, у которого такой приятный голос, Майк Холмс. Просил, чтобы ты ему звякнул.

— Спасибо, родная. Позвоню.

— Когда ты наконец пригласишь его к обеду, Ман? Мне он кажется очень славным.

Я сказал, что у gospodina Холмса дурно пахнет изо рта, что он весь покрыт жесткой щетиной и ненавидит женщин.

Она, пользуясь тем, что Ма нет поблизости, ответила непристойным словечком.

— Просто боишься мне его показать. Опасаешься, что я предложу принять его в мужья!

Я похлопал ее по спине и заверил, что она совершенно права. Потом рассказал об этом Майку и профу, Майк еще пуще принялся флиртовать с женской половиной семейства, а проф, как мне показалось, задумался.

Я продолжал учиться технике конспирации и понял, что означали слова профа о революции как об искусстве. Я не забыл (и не подвергал сомнению) предсказания Майка о катастрофе, грозившей Луне всего через семь лет. Однако не думал об этом — все мое внимание поглотили более увлекательные и затейливые детали.

Проф неустанно твердил, что сложнейшими проблемами конспирации являются связь и безопасность, подчеркивая их конфликтную взаимозависимость: чем проще связь, тем выше угроза для безопасности; если же организация слишком законспирирована, меры предосторожности могут парализовать ее деятельность. Проф считал, что структура, состоящая из ячеек, представляет собой компромиссное решение проблемы.

Я принял систему ячеек, поскольку нужно было свести к минимуму последствия действий провокаторов. Даже Вайо согласилась, что организация, которая не состоит из изолированных отсеков, неработоспособна, примером чему служило прежнее подполье, буквально нашпигованное стукачами.

Но мне была не по душе практика блокирования информационных связей внутри сети ячеек. Требовалось слишком много времени, как у древних земных динозавров, чтобы сигнал прошел от головы до хвоста или наоборот.

На эту тему я потолковал с Майком.

Идею избыточных каналов связи, о которой я рассказывал профу, мы отбросили. Систему ячеек оставили, но безопасность и связь решили обеспечить с помощью чудесных возможностей нашего «умника-разумника».

Связь: мы создали троичную древовидную систему партийных кличек.

Председатель: gospodin Адам Селен (Майк).

Исполнительная ячейка: Борк (я), Бетти (Вайо), Билл (проф).

Ячейка Борка: Васси (Ма), Волин, Ванг (Чанг).

Ячейка Бетти: Вильям (Грег), Вивиан (Сидрис), Ватанабе («товарищ Клейтон»).

Ячейка Билла: Валльс (Финн Нильсен), Виктория, Воттер.

И так далее.

На седьмом ярусе какой-нибудь Жорж руководил, скажем, Зигфридом, Зигмундом и Зарой, и на уровне буквы «З» нам потребовалось уже 2187 имен. Но для компьютерных мозгов это не проблема — Майк сам подбирал имена, а если не хватало, просто выдумывал. Каждый новый член организации получал партийную кличку и номер телефона для экстренной связи. Никаких запасных каналов или прохождения по цепочке — номер напрямую соединял звонившего с Адамом Селеном, то есть с Майком.

Безопасность: мы положили в основу два постулата. Ни одному человеку нельзя верить ни в чем — Майку можно верить безгранично. Первая мрачная часть этого предположения не нуждается в обосновании. Наркотики и другие малоаппетитные средства могут сломить любого человека. Единственная защита — самоубийство, но оно не всегда возможно. Разумеется, существуют средства вроде «пломбы в зубе», как классические, так и новейшие, почти стопроцентно надежные, и проф позаботился, чтобы мы с Вайо были ими обеспечены. Я так и не узнал, что он дал Вайо в качестве «последнего дара дружбы», а поскольку я своим не воспользовался, то не будем углубляться в детали. Да я и не уверен, что покончил бы с собой; не из того я слеплен теста, из которого делаются мученики.

Майку же возможность совершить самоубийство была ни к чему, наркотиками его не накачаешь, а боли он не чувствовал. Всю информацию о нас он хранил в отдельном банке памяти под кодом, запрограммированным исключительно на наши голоса, но поскольку плоть слаба, мы добавили еще один сигнал, которым в случае чего любой из нас мог заблокировать голоса

двух остальных. По моему мнению, а я как-никак лучший компьютерщик в Луне, Майк не мог самостоятельно снять блокировку. А самое главное — никому и в голову не могло прийти спросить у компьютера-босса об этом файле, ибо о нем никто не знал, как никто не подозревал и о самом существовании Майка. Что может быть надежнее?

Единственный риск состоял в том, что эта ожившая машина была эксцентрична. Майк постоянно демонстрировал свои непредсказуемые возможности; не исключено, что он смог бы додуматься, как обойти блокировку, если бы захотел.

Но это мало вероятно. Майк был предан мне — своему первому и старейшему другу; ему нравился проф; я думаю, он любил Вайо. Нет-нет, секс тут ни при чем. Просто Вайо нельзя было не любить, и они с Майком сразу прониклись взаимной симпатией.

Я верил Майку. В этой жизни всегда приходится делать ставку на что-то. На Майка я бы поставил при любом раскладе.

Вот так мы и построили свою систему безопасности: Майку доверили абсолютно все, а каждый из нас знал только то, что должен был знать. Возьмем, например, «древо» кличек и номеров. Мне были известны имена моих товарищей по ячейке и тройки, которой я руководил. Этого вполне хватало. Майк придумывал партийные клички, отводил каждому подпольщику телефонный номер, хранил реестр настоящих имен с указанием кличек. Скажем, член партии Гордон (я его знать не мог, ибо он находился двумя ярусами ниже) вербовал какого-нибудь Фрица Шульца. Гордон сообщал об этом наверх, не называя никаких имен. Адам Селен звонил Гордону, ставил в известность, что партийная кличка Шульца — Дэниел, затем звонил самому Шульцу по номеру, полученному от Гордона, и сообщал ему кличку и экстренный номер телефона — для *каждого* новичка *особый*. Номер, данный Дэниелу, не знал даже руководитель ячейки. А то, чего вы не знаете, вы не сможете выдать ни под воздействием наркотиков, ни под пыткой — никак! Даже по легкомыслию.

Теперь предположим, что мне нужно связаться с Дэниелом. Я понятия не имею, кто он такой; может, он живет в Гонконге, а

может, держит лавочку в доме по соседству. Вместо того чтобы спускать сообщение вниз в надежде, что оно дойдет-таки до адресата, я звоню Майку. Майк мгновенно соединяет меня по коду «Шерлок» с Дэниелом, *не называя* мне его номера.

Или, предположим, что мне надо поговорить с товарищем, рисующим карикатуру, которую мы разошлем по всем пивнушкам Луны. Я не знаю, кто он такой, но мне надо внести изменения в рисунок.

Я звоню Майку; ему известно все, и меня мгновенно соединяют, причем товарищ знает, что все в порядке — ведь вызов организован самим Адамом Селеном. «Говорит товарищ Борк». Карикатурист не знаком со мной, но по букве «Б» понимает, что я — важная шишка. «Мы должны изменить то-то и то-то. Передай своему руководителю, чтоб он проверил, а сам начинай работу».

И еще множество мелких преимуществ: у некоторых товарищей нет телефонов, других можно поймать только в определенные часы, часть живет в периферийных поселениях, где еще нет телефонной связи. Неважно — Майк знает все, а остальные не знают ничего такого, что могло бы повредить кому-нибудь, кроме горсточки людей, известных им в лицо.

После того как мы решили, что в экстренных случаях Майк будет говорить с каждым товарищем лично, возникла необходимость снабдить его большим числом голосов и замаскировать его, придав ему трехмерность. Короче говоря, создать «Адама Селена, председателя Временного комитета Свободной Луны».

Необходимость в голосах вытекала из того факта, что у Майка был всего один водер-вокодер, в то время как его мозг мог одновременно вести десятки, а может, и сотни (сам не знаю, сколько) разговоров параллельно — как гроссмейстер, одновременно играющий на пятидесяти досках.

Это могло стать нашим узким местом по мере роста организации и увеличения числа обращений к Адаму Селену, особенно если бы мы продержались достаточно долго и приступили бы к активным действиям.

Но я не просто хотел снабдить Майка несколькими голосами, я хотел, чтобы он вообще перестал разговаривать вслух. Один из здешних горе-компьютерщиков вполне мог заглянуть в машинный зал, когда Майк разговаривал с нами; даже последний недоумок заподозрил бы, что дело нечисто, увидев, как главный компьютер оживленно беседует сам с собой.

Водер-вокодер — старое изобретение. Человеческий голос состоит из шипения и жужжания, смешанных в разных пропорциях, что верно даже для колоратурного сопрано. Вокодер раскладывает шипение и жужжание на составные элементы, которые компьютер (и даже тренированный человеческий глаз) может прочесть. Водер — маленькая коробочка, которая умеет жужжать и шипеть,— с помощью управляющего устройства варьирует эти элементы в соответствии с данными вокодера. Человек способен «играть» на водере, производя искусственную речь; правильно запрограммированный компьютер делает это так же быстро, чисто и ясно, как вы разговариваете.

Но голос в телефонной трубке представляет собой не звуковые волны, а электрические сигналы. Поэтому Майку не нужна была звуковая часть водера-вокодера, чтобы говорить по телефону. Звуковые волны необходимы лишь человеку, находящемуся на другом конце провода. Но Майку в машинном зале Комплекса вовсе ни к чему говорить вслух, поэтому я решил убрать звук и, следовательно, устранить опасность подслушивания.

Сначала я поработал дома, в основном рукой номер три. Результатом явилась крошечная коробочка, в которую мне удалось впихнуть двадцать цепей водеро-вокодеров минус голосовой вывод. Затем позвонил Майку и попросил его «заболеть» так, чтобы это вызвало тревогу у Смотрителя. После чего стал ждать.

Фокус с «болезнью» мы проделывали уже не раз. Я вернулся к работе после того, как выяснилось, что я чист, то есть в четверг той самой недели, когда Альварес ввел в файл «Зебра» доклад о происшествии в Stilyagi-Холле. В его версии перечислялось около сотни имен (примерно из трех сотен присутствующих).

Список включал Коротышку М'Крума, Вайо, профа, Финна Нильсена, но меня там не было — видимо, стукачи меня не приметили. В докладе сообщалось также, что девять полицейских офицеров, выполнявших приказ Смотрителя по наведению порядка, были хладнокровно застрелены. Назывались и имена трех наших погибших товарищей.

В дополнении, последовавшем через неделю, говорилось, что «известная бунтовщица Вайоминг Нотт из Гонконга-в-Луне, поджигательская речь которой в понедельник 13 мая вызвала мятеж, стоивший жизни девяти доблестным офицерам, не обнаружена в Луна-Сити, не вернулась домой в Гонконг и, очевидно, погибла в бойне, которую она же спровоцировала». Далее признавалось, что предыдущий рапорт был неполным и что тела убитых исчезли, а точное число погибших установить невозможно.

Сей постскриптум означал, что Вайо не может ни вернуться домой, ни снова стать блондинкой.

Поскольку меня не засветили, я вернулся к своей обычной жизни: обслуживал клиентов, подвернувшихся на этой неделе, то есть бухгалтерские машины и каталожные файлы в библиотеке Карнеги, а в свободное время сидел в номере отеля «Малина» и слушал, как Майк по телефону читает материалы «Зебры» и других специальных файлов, поскольку связь в своей мастерской я тогда еще не оборудовал. Всю неделю Майк приставал ко мне, как капризный ребенок (да он и был ребенок), спрашивая, когда же я приду к нему за новой порцией шуток. Отчаявшись дождаться, он решил рассказать мне их по телефону.

Я было рассердился, но тут же напомнил себе, что, с точки зрения Майка, анализ шуток не менее важен, чем освобождение Луны, и что грех нарушать обещания, данные ребенку.

Кроме того, меня ужасно интересовало, пустят меня в Комплекс или нет. Мы знали, что проф засвечен, а потому ночевать он ходил в «Малину». Но хотя участие профа в митинге не было секретом и днем он даже не пытался скрываться, желтомундирники его не трогали. Когда же мы выяснили, что Альварес разыскивает Вайо, меня снова охватило беспокойство — в самом ли деле я чист? Надо было проверить.

Поэтому я позвонил Майку и попросил разыграть сценку с «расстройством желудка». Он тут же «заболел», меня вызвали — никаких проблем. Кроме того, что мне пришлось предъявить паспорт на станции, а потом новому охраннику в Комплексе, все было как обычно. Я поболтал с Майком, забрал у него тысячу анекдотов (условившись, что мы будем давать оценки по сотне в три-четыре дня, не быстрее), велел ему «выздороветь» и отправился обратно в Луна-Сити, завернув по пути к главному инженеру, чтобы получить денежку за отработанное время, транспортные расходы, материалы, амортизацию инструментов, спецобслуживание — в общем, за все, что мне удалось впихнуть в счет.

После этого я посещал Майка примерно раз в месяц. Чтобы не возбудить подозрений, ездил туда только по вызову, в случае каких-то неполадок, с которыми не мог справиться персонал Комплекса. Я же *всегда* был в состоянии их «исправить» — порой быстро, а порой возился целый день, прогоняя разные тесты.

Я не забывал оставлять на корпусе Майка следы от своих инструментов и имел при себе распечатки, сделанные до и после ремонта, чтобы показать, в чем заключались неполадки, как я производил обследование и как исправлял машину. После моих визитов Майк работал безупречно. Так что я был незаменим.

Смастерив новый водер-вокодер, я недолго думая предложил Майку «заболеть» еще разочек. Вызов пришел через тридцать минут. Майк был в ударе: его «болезнь» проявлялась в виде диких скачков режима кондиционирования смотрительской резиденции. Температура поднималась и падала каждые одиннадцать минут, а давление — еще чаще и сильнее, что способно не только довести человека до нервного срыва, но и вызвать острую боль в ушах.

Разумеется, кондиционирование резиденции не следовало передавать главному компьютеру. В Дэвисовых туннелях мы управлялись в доме и на ферме с помощью простейших устройств с обратной связью в каждом помещении, так что любой,

услышав тревожный звонок, мог выскочить из постели и вручную регулировать систему, пока не будут исправлены повреждения. Если коровам становилось холодно, то с кукурузой все было в порядке; если гасли лампы над пшеницей, то над овощами они продолжали гореть. То, что Майк сумел создать такой переполох в резиденции Смотрителя и никто не мог понять, что же делать, лишний раз показывает, насколько глупо взваливать все на один-единственный компьютер.

Майк веселился от души — такой юмор он обожал. Мне его проделка тоже понравилась, и, посоветовав ему продолжать в том же духе, я разложил инструменты и достал маленькую черную коробочку.

И вдруг в дверь начал ломиться дежурный компьютерщик. Я не спеша пошел к двери. В правую руку взял свою левую номер пять, а культю выставил на всеобщее обозрение — некоторых людей от этого тошнит, другим становится не по себе.

— Какого черта *тебе* тут надо, приятель? — поинтересовался я.

— Слушай,— говорит он,— Смотритель прямо икру мечет. Ты отыскал неисправность или как?

— Передай мое почтение Смотрителю и скажи, что я разобьюсь в лепешку, чтобы вернуть ему драгоценный комфорт, как только найду дефектную цепь... если, конечно, мне не будут мешать дурацкими вопросами. Ты что — так и будешь стоять у открытой настежь двери, чтобы в машину при снятом корпусе набилось побольше пыли? Дело твое, конечно, ты тут командуешь, но если машина станет чихать, сам ее и чини. Я даже не подумаю вылезать из теплой постели, чтобы тебе помочь. Можешь так и передать своему дурацкому Смотрителю.

— Попридержи-ка язычок, дружище!

— Сам попридержи, лагерник! Закроешь ты дверь или нет? Или мне выметаться отсюда обратно в Луна-Сити? — Я махнул своей номер пять, словно дубинкой.

Он прикрыл дверь. Откровенно говоря, я не испытывал особого удовольствия, унижая этого лопуха. Просто это была наша политика — нагнетать напряженку всюду, где только можно.

Парню и так было противно работать на Администрацию, я же хотел заставить его дойти до точки.

— Ну как, подсыпать им еще перчика? — спросил Майк.

— Нет, продолжай минут десять в том же духе и резко прекрати. Потом еще часок подергай им давление воздуха. Нерегулярно, но покрепче. Знаешь, что такое акустический удар?

— Разумеется. Это...

— Определений не надо. После того как закончишь главную атаку, тряхани воздуходувную систему до упора, чем ближе к акустическому удару, тем лучше, и повторяй встряску через каждые несколько минут. А потом добавим Морту еще кое-что на долгую память. М-м-м... Майк, ты можешь заставить его сортиры работать в обратном режиме?

— Запросто! Все?

— А сколько их у него?

— Шесть.

— Что ж... запрограммируй, пусть выльется достаточно, чтобы промочить ему все ковры. Но, если ты в состоянии установить, какой из них ближе к спальне, пусть там фонтанирует до самого потолка. Сможешь?

— Программа запущена.

— Отлично. А теперь принимай подарок, дружок.

В звуковом блоке водера оказалось достаточно места, чтобы пристроить мою коробочку; сорок минут работы номером три — и все в ажуре. Мы протестировали водер-вокодер, а потом я попросил Майка позвонить Вайо и проверить работу каждой цепи.

В течение десяти минут царила полная тишина. Я поставил новые пломбы на той части корпуса, которую пришлось бы снимать, если бы ремонт был взаправдашним, собрал инструменты, прикрепил руку номер шесть и скатал в ролик распечатку тысячи шуток, которая вылезла из принтера. Мне не пришлось отключать голосовую часть водера — Майк позаботился об этом сам, он всегда так делал, когда кто-нибудь дотрагивался до двери. Поскольку его рефлексы работали быстрее моих примерно в тысячу раз, я о таких мелочах не волновался.

Наконец Майк сказал:

— Все двадцать цепей работают о'кей. Я могу переключаться с одной на другую даже в середине слова, и Вайо не удалось заметить места стыковки. А еще я позвонил профу, пожелал ему доброго здоровья и поболтал с Ма по твоему домашнему телефону — разговаривал со всеми тремя одновременно.

— Значит, дело в шляпе. А что ты насочинял для Ма — в смысле, зачем звонишь?

— Я попросил передать тебе, чтобы ты мне позвонил. То есть Адаму Селену. Затем мы поболтали. Она очаровательный собеседник. Мы обсуждали проповедь Грега в последний вторник.

— Не понял.

— Я сказал ей, Ман, что слушал проповедь, и даже процитировал самую поэтическую часть.

— Ох, Майк!

— Все о'кей, Ман. Я объяснил, что сидел в задних рядах, а когда запели последний гимн, потихоньку ушел. Ма не любопытна, она знает, что я не хочу, чтобы меня видели.

(Это Ма-то — самая что ни на есть любопытная женщина в Луне!)

— Ладно, думаю, ничего страшного не произошло. Но больше этого не делай. Хотя — о чем это я? Делай, конечно! Ходи... то есть продолжай прослушивать собрания, лекции, концерты и все такое прочее.

— Если, конечно, всякие прохвосты не будут отключать меня вручную! Ман, я ведь не могу контролировать все эти микрофоны так, как телефоны, например.

— Там слишком простой выключатель. Вот дурачье и усердствует: сила есть — ума не надо.

— Все равно это варварство. И несправедливость к тому же.

— Ну, Майк, а где ты видел справедливость? Что исправить не в силах...

— ...терпи до могилы. Одноразовая шутка, Ман.

— Извини. Сформулируем иначе: что нельзя исправить, надо выбросить и заменить чем-нибудь получше. Так мы и сделаем. Какие шансы ты насчитал в последний раз?

— Примерно один к девяти, Ман.

— Значит, стали хуже?

— Ман, они будут ухудшаться с каждым месяцем. Нижней точки мы еще не достигли.

— У «Янки» тоже сплошной завал. Ну ладно, ближе к делу. Майк, если кто-то упомянет о лекции или о чем-то подобном, ты сразу дашь понять, что тоже там был, и процитируешь что-нибудь к месту.

— Запомню. А зачем, Ман?

— Ты читал «Багряный цветок»?[1] Эта книга должна быть в публичной библиотеке.

— Да. Прочесть тебе?

— Боже сохрани! Просто отныне ты наш «Багряный цветок», наш Джон Голт, наш Болотный Лис — человек, овеянный тайной. Ты всюду бываешь, все знаешь, без паспорта проникаешь в любой город. Ты вездесущ, но тебя никто никогда не видит.

Замигали огоньки — Майк издал приглушенный смешок.

— Вот это забава, Ман! Она и в первый раз смешна, и во второй, а может, она смешна постоянно?

— Постоянно, дружок. Слушай, когда ты прекратил тарарам у Смотрителя?

— Сорок три минуты назад, если не считать отдельных шумов в трубопроводах.

— Спорю, у него уже все зубы ноют! Пусть побалдеет еще минут пятнадцать. А затем я объявлю, что ремонт закончен.

— Заметано. Вайо просила тебе передать, Ман, чтобы ты не забыл про день рождения Билли.

— О господи! Прекращай все немедленно, я убежал. Пока! — И я выскочил из зала.

Билли — сын Анны. Вероятно, последний — она нарожала нам восемь ребятишек, трое из них еще дома. Я, по примеру Ма, стараюсь не заводить в семье любимчиков... но Билли замечательный

[1] Речь идет о романе писательницы Эммы Орчи (1865–1947) «Scarlet Pimpernel» (1905), которым начинается цикл приключений сэра Перси Блэкни.

парнишка, и я сам учил его читать. Мне кажется, он на меня похож.

Я забежал в канцелярию, оставил счет и потребовал свидания с главным инженером. Меня впустили, хотя главный был не в духе — видно, досталось от Смотрителя.

— Вот, держите,— сказал я ему.— Сегодня день рождения моего сына, и я не могу опаздывать. Но это я обязан вам показать.

Я вынул из чемоданчика конверт и вытряхнул его содержимое прямо на стол. Это был трупик обыкновенной мухи, которую я присмолил раскаленным проводом и приволок с собой. Мы в Дэвисовых туннелях беспощадно истребляем мух, но иногда одна-две просачиваются из города сквозь открытые шлюзы. Эта залетела ко мне в мастерскую и оказалась очень кстати.

— Видали? Догадайтесь, где я ее нашел?

На этой фальшивой улике я построил целую лекцию о проблемах ухода за точными машинами, об открытых дверях и дураках-дежурных.

— Пыль может погубить компьютер. *Насекомые* же вообще недопустимы! А ваши вахтенные надсмотрщики шляются взад-вперед, будто на станции метро! Сегодня этот идиот разглагольствовал, распахнув обе двери настежь. Если я еще раз увижу, что машину лапал какой-то болван, к которому мухи липнут, как... ладно, шеф, это ваше хозяйство. У меня и без вас работы по горло, я у вас тут копаюсь только потому, что люблю точные машины. Но я не переношу, когда над ними издеваются. Прощайте!

— Минутку! Теперь моя очередь сказать вам пару ласковых!..

— Очень сожалею, но мне надо бежать. Как хотите, но я не специалист по паразитам. Я компьютерщик!

Ничто так не раздражает человека, как невозможность высказаться. При удаче и с помощью Смотрителя главный инженер аккурат к Рождеству заработает себе язву.

Я все равно опоздал, пришлось смиренно просить прощения у Билли. Альварес придумал новую забаву — тщательный обыск на выходе из Комплекса. Я вынес эту процедуру без еди-

ного ругательства в адрес драгун, очень уж не терпелось добраться до дома. Но увидев распечатку с шутками, они встали на дыбы.

— Это что такое? — требовательно спросил первый.

— Бумага для компьютера,— ответил я.— Тестовая распечатка.

Подошел второй драгун. Я не сомневался, что читать они не умеют. Они настаивали на конфискации; я требовал, чтобы позвонили главному инженеру. В конце концов меня отпустили. Я не переживал по поводу обыска — чем больше будет таких случаев, тем выше поднимется накал ненависти к солдатам.

Решение еще больше очеловечить Майка возникло из необходимости дать каждому члену Партии номер телефона для экстренной связи. Мой совет насчет концертов и пьес просто случайно попал в ту же струю. Голос Майка по телефону имел некоторые особенности, которых я не замечал, пока общался с ним только в машинном зале. Дело в том, что, разговаривая с человеком по телефону, вы слышите фоновый шум: вы слышите его дыхание, биение сердца, шорох его движений, хотя, как правило, не осознаете этого. Фоновый шум проникает даже сквозь звукоизолирующий колпак и заполняет собой пространство, создавая телесный образ и окружающую его среду.

У Майка же *ничего подобного не было.*

К этому времени голос у него стал вполне человеческим по тембру и качеству, а также вполне узнаваемым. Это был баритон с североамериканским произношением и слабым австралийским акцентом. А перевоплотившись в «Мишель», он (она?) щебетал нежнейшим сопрано с французским прононсом. И как личность он сильно возмужал. Когда я впервые представил его Вайо и профу, это была смесь ребенка с педантом. За несколько недель он превратился в человека примерно моего возраста.

Когда Майк «проснулся», он лепетал хрипло и невнятно, я с трудом его понимал. Теперь же произношение стало четким и ясным, а выбор слов и манера речи соответствовали обстоятельствам: тон был дружеский со мной, уважительный с профом,

галантный с Вайо, то есть говорил он с теми вариациями, которых можно ждать от взрослого мужчины.

Но фон был мертв. Глухое молчание.

И мы принялись заполнять его. Майку потребовался только толчок. Он не стал астматически дышать в микрофон. В обычных условиях вы даже не заметили бы внесенных им изменений — он работал тонкими мазками. «Извини, Ман, твой звонок застал меня в ванной»,— говорил он слегка запыхавшись. Или: «Я завтракаю — дай дожевать». Он выдавал эти штучки даже в разговоре со мной, после того как решил «обрести человеческий облик».

Мы творили Адама Селена все вместе, обговаривая в «Малине» мельчайшие детали. Сколько лет Адаму? Как он выглядит? Женат ли? Где он живет? Кем работает? Чем увлекается?

Мы решили, что Адаму около сорока, он здоров, полон жизненных сил, хорошо образован, интересуется искусством и науками, особенно увлекается историей, хорошо играет в шахматы, хотя и редко — времени не хватает. Состоит в браке самого распространенного типа — «troika», где является старшим мужем. В семье четверо детей. Жена и младший муж, насколько нам известно, политикой не занимаются.

У него грубоватое, но привлекательное лицо, стальные волнистые волосы, он смешанных кровей, лунарь во втором поколении, с одной стороны, в третьем — с другой. По лунным стандартам богат, у него бизнес в Новолене и Конгвиле, не говоря уже о Луна-Сити. Главная контора находится в Луна-Сити — канцелярия с дюжиной клерков и кабинет, где сидят заместитель и секретарша.

Вайо пристала с вопросом: спит ли он со своей секретаршей? Я посоветовал ей не совать свой нос в интимные дела. Она возмущенно заявила, что нос тут ни при чем — разве мы не стараемся создать полнокровный образ?

Мы решили, что его контора находится в южном крыле Старого Купола, возле третьего яруса, в самом сердце финансового района. Если вы знаете Луна-Сити, вы должны помнить, что в Старом Куполе у некоторых контор есть окна, так как они на-

ходятся над подземными этажами; я выбрал это место из-за шумовых эффектов.

Мы набросали чертеж этажа и разместили контору между «Этна-Луна» и «Гринберг компани». Я побывал там и записал на магнитофон звуковую среду, а Майк дополнил ее тем, что уловил по телефону.

Теперь, когда вы звонили Адаму Селену, фон уже не был мертвым. Если на звонок отвечала секретарша «Урсула», она говорила: «Ассоциация Селена. Луна будет свободной». Дальше она могла сказать: «Подождите минутку. Gospodin Селен говорит по другому аппарату»,— а вы слышали, как в сортире спускается вода, и понимали, что секретарша несколько отклонилась от истины. Или вам отвечал сам шеф: «Адам Селен слушает. Свободу Луне. Одну минуту, я отключу видео». Вы могли попасть и на зама: «Говорит Альберт Джинуолл, доверенный помощник Адама Селена. Если вы по партийному делу,— а я полагаю, что это так, ведь вы представились партийной кличкой,— не тревожьтесь, я помогаю председателю в этих вопросах».

Это была ловушка, поскольку всех товарищей инструктировали говорить только с Адамом Селеном. Тех, кто попадался, не наказывали, но руководителей ячеек предупреждали, что этим товарищам нельзя доверять серьезных дел.

До нас стали доходить отклики. Лозунги «Свободу Луне» или «Луна будет свободной» получили хождение среди молодежи, а потом и среди солидных граждан. Услышав впервые эти слова в деловом телефонном разговоре, я чуть не проглотил язык. Потом позвонил Майку и спросил, состоит ли мой собеседник в Партии? Оказалось — нет. Я попросил Майка свериться с «партийным древом» и выяснить, кому можно поручить завербовать его.

Самый интересный отклик обнаружился в файле «Зебра». «Адам Селен» появился там меньше чем через лунный месяц после сотворения, а рядом стояла пометка, что это псевдоним лидера нового подполья.

Шпики Альвареса взялись за Адама Селена всерьез. На протяжении нескольких месяцев его досье в файле «Зебра» непрерывно пополнялось: «Мужчина, 35–45, контора в южном крыле

Старого Купола, обычно принимает с 9.00 до 18.00 по Гринвичу, за исключением субботы, но в другие часы звонки переключаются на дом, который, видимо, находится в зоне муниципального воздушного снабжения, поскольку поездка к нему никогда не требует больше семнадцати минут. Дома есть дети. Занимается бизнесом, в том числе брокерскими операциями, ведет дела с фермерами. Посещает концерты, театры. Вероятно, член шахматного клуба Луна-Сити и Luna Association d'Eches[1]. В обеденные перерывы играет на бильярде и занимается тяжелой атлетикой, скорее всего в атлетическом клубе Луна-Сити. Гурман, но следит за фигурой. Исключительная память плюс математические способности. Принадлежит к типу руководителей, способных принимать быстрые решения».

Один из стукачей уверял, что лично разговаривал с Адамом Селеном в антракте между двумя актами постановки «Гамлета» любительской труппой. Альварес внес в досье словесный портрет — все, кроме волнистых волос, до мелочей совпало с нашим образом!

Но больше всего Альвареса сводило с ума то, что номера телефонов Адама, которые ему сообщали, при проверке каждый раз оказывались ошибочными. (Запас свободных номеров у Майка кончился, он теперь использовал *любой* телефон, который почему-либо бездействовал, и переключался на другой, когда этот номер отводился новым владельцам.) Альварес попробовал выследить «Ассоциацию Селена», исходя из предположения, что в номерах просто переврана одна буква из десяти. Мы узнали об этом в тот же миг, так как Майк прослушивал телефон в офисе Альвареса и слышал приказ. Майк разыграл очередную «Майкову шутку»: сотрудник Альвареса, пытаясь подобрать правильную комбинацию букв, неизменно попадал в резиденцию Смотрителя. В конце концов Смотритель рассвирепел, вызвал Альвареса на ковер и намылил ему шею.

Ругать Майка я не стал, но предупредил, что дотошного человека такие штучки могут насторожить и навести на мысль,

[1] Шахматная ассоциация Луны (*фр.*).

что кто-то балуется с компьютером. Майк ответил, что таких умников среди них не найдется.

Однако нельзя сказать, чтобы усилия Альвареса пропали даром: каждый раз, когда ему сообщали новый номер Адама, мы получали возможность установить личность стукача — нового стукача, так как доносчикам, выявленным ранее, никаких телефонных номеров не давали, их просто включили в специальную группу «собачий хвост», где они могли доносить друг на друга до посинения. Так что с помощью Альвареса мы накалывали новых шпиков почти мгновенно. Я думаю, Альварес быстро разочаровался в тех стукачах, которых ему удалось завербовать. Двое из них исчезли, и наша организация, насчитывавшая уже свыше шести тысяч человек, так и не смогла их найти. Очевидно, их ликвидировали или же они погибли под пытками на допросах.

«Ассоциация Селена» была не единственной нашей подставной компанией. Мы создали также «ЛуНоГоКо» — фирму куда более крупную, тоже подставную, но отнюдь не иллюзорную. Ее главная контора находилась в Гонконге-в-Луне, дочерние отделения — в Новолене и Луна-Сити, и служило там несколько сот человек, в основном не имевших отношения к Партии. На создание этой фирмы мы положили немало трудов.

Генеральный план Майка содержал удручающе длинный перечень проблем, которые *необходимо* было решить. Первая из них — финансирование. Вторая — как защитить катапульту от атаки из космоса.

Для решения первой проблемы проф выдвинул идею ограбления банков — и расстался с ней весьма неохотно. Тем не менее со временем мы таки стали грабить и банки, и фирмы, и даже Администрацию. Как это делать, придумал Майк, а более глубокая разработка принадлежала Майку и профу. Сначала Майк никак не мог сообразить, зачем нам деньги. О причинах, заставляющих людей «вертеться», он знал так же мало, как о сексе. Через «руки» Майка проходили миллионы долларов, и он не видел тут никаких проблем. Начал он с предложения выписать чек от имени Администрации на какую угодно сумму.

Проф перепугался и принялся объяснять Майку, чем нам грозит попытка разменять чек, выписанный Администрацией, скажем, на десять миллионов долларов.

И все-таки мы провели эту операцию, но в розницу, выписывая чеки на множество имен и точек по всей Луне. Каждый банк, каждая фирма, магазин, агентство, включая и Администрацию, для которых Майк вел бухгалтерию, теперь пополняли своими деньгами нашу партийную кассу. Это колоссальное надувательство основывалось на неизвестном мне, но прекрасно знакомом профу и давно хранившемся без применения в мозгу Майка факте, что большая часть денег реально существует лишь в виде бухгалтерских расчетов.

Вот пример, который в разных вариантах воспроизводился сотни раз. Сын моей семьи Сергей, восемнадцати лет, член Партии, получает поручение открыть счет в банке страховой компании. Он кладет туда какую-то сумму, потом часть ее снимает. При каждой операции машина чуть-чуть ошибается: Сергею выдают больше, чем он выписал, на счет зачисляется больше, чем он фактически кладет. Через несколько месяцев Сергей уезжает из города и переводит свой вклад, скажем, в банк Тихо-Андера. Туда переводится сумма, в три раза превышающая фактическую. Большую часть ее он вскоре забирает наличными и передает руководителю своей ячейки. Майк знает, сколько денег должен передать Сергей, но поскольку ни лидер ячейки, ни Сергей не имеют представления, что Адам Селен и бухгалтер-компьютер — одно лицо, оба по отдельности сообщают Адаму величину взятой суммы. Это помогает им остаться честными, чего не скажешь о самой операции.

Теперь умножьте эту кражу трех тысяч гонконгских долларов на многие сотни подобных.

Я не могу перечислить все жульнические уловки, которыми пользовался Майк, чтобы свести концы с концами в своих бухгалтерских книгах и скрыть тысячи мелких краж от выявления. Напомню лишь, что любой аудитор исходит из предположения, что машина честна. Он проводит несколько тестов, которые должны показать, что машина работает нормально, но ему

и в голову не придет, что тесты ровным счетом ничего не доказывают, ибо машина жульничает. Майк никогда не крал покрупному, чтобы не вызвать потрясений в экономике; он откачивал понемножку, как у донора берут пол-литра крови без всякого вреда для здоровья. Я даже не могу сказать, кто именно терял деньги — так часто они переходили из рук в руки. Но сама операция меня беспокоила, поскольку я был воспитан в правилах честности (обман Администрации не в счет). Проф уверял меня, что все это не более чем слабый инфляционный процесс, погашаемый тем, что деньги все равно возвращаются в оборот, и что мне не следует волноваться: у Майка все записано, и после Революции мы вернем долги, причем без проблем, ибо Администрация уже не будет сосать из нас кровь в таких масштабах.

Я пожелал своей совести спокойной ночи. Все это комариный укус в сравнении с теми мошенническими операциями, которые проворачивает любое правительство, финансируя войну. А разве революция не та же война?

Эти деньги, пройдя через тысячи рук (и каждый раз возвращаясь приумноженными с помощью Майка), стали главным источником финансирования «ЛуНоГо Компани». Компания была смешанная, на взаимных началах и акционерная. «Джентльмены риска» — гаранты акционерного капитала — вкладывали краденые деньги от своего имени. О бухгалтерии фирмы даже говорить не хочу. Поскольку учетом занимался Майк, то ни малейший намек на честность не марал совесть этого коррумпированного учреждения.

Тем не менее акции компании котировались на бирже Гонконга-в-Луне, фигурировали в операциях Цюриха, Лондона и Нью-Йорка. «Уолл-Стрит Джорнел» назвал нашу фирму «привлекательным предприятием, рискованным, но доходным и обладающим большим потенциалом развития».

«ЛуНоГоКо» занималась строительными и разведочными работами, вкладывала капиталы во многие проекты, в основном вполне легальные. Главной же ее целью было секретное сооружение новой катапульты.

Разумеется, само строительство нельзя было сохранить в тайне. Невозможно купить или построить энергетическую термоядерную установку так, чтобы этого никто не заметил (от использования солнечной энергии по понятным причинам пришлось отказаться). Часть оборудования заказали в Питтсбурге — это была стандартная установка, разработанная Калифорнийским университетом, и мы не пожалели денег, ибо качество того стоило. Статор для создания индукционного поля длиной в километры тоже незаметно не построишь. А главное — как утаить место строительства от той массы народа, которую нужно нанять для работы на нем же? Пусть даже бульшая часть катапульты — это просто вакуум, поскольку статорные кольца у конца, служащего для выброса груза, расположены на солидном удалении друг от друга. Но катапульта Администрации, дающая ускорение в три «g», тянется в длину почти на сто километров. Она не только служит ориентиром для астрогаторов и фигурирует на всех лунных картах, но и настолько огромна, что ее можно увидеть или сфотографировать с Земли с помощью небольших телескопов. А на экранах радаров она вообще как на ладони.

Мы же строили катапульту в расчете на ускорение в десять «g», правда, длиной всего около тридцати километров, но все равно такую штуку спрятать нелегко.

И все же мы ее спрятали — прибегнув к методу, описанному в «Похищенном письме»*.

Я частенько подсмеивался над Майковой страстью к беллетристике, считая чтение ее бесполезной тратой времени. Однако, как выяснилось, из нее он черпал более живые представления о человеческой жизни, чем из научной информации. Художественная литература давала ему Gestalt[1] жизни, воспринимаемой человеком как нечто само собой разумеющееся, поскольку он в этом Gestalt'е *живет*. Но помимо «гуманизирующего эффекта», заменявшего Майку жизненный опыт, беллетристика, или «вымышленные данные», как он ее именовал, была для него источником

[1] Целостный образ (*нем.*).

разных идей. Идею, как спрятать катапульту, он позаимствовал у Эдгара Аллана По.

Мы спрятали ее и в буквальном смысле слова, ибо катапульту строили под поверхностью Луны, чтобы скрыть от глаз и от радаров. Однако ее следовало скрыть не только физически — нужно было засекретить ее селенографическое положение.

Как же сохранить в тайне место расположения огромного чудовища, над которым трудилось множество людей? А вот как: предположим, вы живете в Новолене. Вы знаете, где находится Луна-Сити? Естественно — на восточном берегу Моря Кризисов, это знают все! Да? А на какой широте и долготе? Ну... надо посмотреть в справочнике. Ах так, да? Но, если вы этого не знаете, как же вы добрались до Луна-Сити на прошлой неделе? Элементарно, дружище: сел в метро, сделал пересадку у Торричелли, а потом спал всю дорогу. Капсула сама знает, куда ехать.

Понимаете? Вам *неизвестно*, где находится Луна-Сити! Вы просто вылезаете на станции метро «Южная»!

Вот так же мы спрятали катапульту.

Она где-то в Океане Бурь, «это знают все». Но где она находится на самом деле и где по нашим словам — это разные вещи. И разница составляет не менее ста километров то ли к югу, то ли к северу, то ли к западу, то ли к востоку, то ли во всех направлениях сразу.

Сегодня сведения о ее положении приведены во всех справочниках — и сведения эти по-прежнему ложны. Секрет расположения катапульты в Луне берегут как зеницу ока даже теперь.

Увидеть глазом или радаром из космоса ее нельзя. Вся она скрыта под поверхностью Луны, за исключением конца, из которого производится выброс, а этот конец — большая черная бесформенная дыра, точно такая же, как десять тысяч других, и находится она на склоне крайне негостеприимной горы, куда невозможно совершить посадку даже на джамп-ракете.

И тем не менее тут побывало множество народа — как во время строительства, так и после него. Даже сам Смотритель нанес визит, а мой собрачник Грег водил его по стройке. Смотритель прибыл на почтовой ракете, заказанной на день; киборгу дали

координаты чуть в стороне от строительства и даже установили радарный маяк для облегчения посадки. Но оттуда Морту пришлось добираться на луноходе, а грузовые луноходы в те дни совершенно не походили на пассажирские, курсировавшие от Эндсвиля до Билютихэтчи. Это были просто машины для перевозки грузов без обзорных иллюминаторов и вдобавок такие тряские, что людей приходилось пристегивать ремнями. Смотритель хотел было залезть в кабину, но... извините, gospodin, там место только для водителя и его помощника, а чтобы вести эту махину, нужны они оба.

Через три часа Смотритель потерял интерес ко всему на свете. Ему хотелось только одного — как можно скорее оказаться дома. На стройке он пробыл не более часа и разговоров о цели всего этого бурения и ценности вскрытых полезных ископаемых не поддерживал.

Люди попроще — рабочие и все прочие — добирались по туннелям, проложенным бурильщиками в поисках льда, а там заблудиться — вообще раз плюнуть. Если бы кто-то притащил в багаже инерционный следопыт, он, конечно, засек бы точное местоположение, но мы не теряли бдительности. Один такой умник нашелся — и у него тут же случилась авария со скафандром. Останки мы вернули в Луна-Сити, а на шкале «следопыта» все было как надо — то есть как нам надо, ради чего мне пришлось совершить спешную вылазку, захватив с собой руку номер три. В азотной атмосфере можно вскрыть и запаять приборчик, не оставив никаких следов, что я и проделал в кислородной маске с несколько повышенным давлением. Всего делов-то!

Принимали мы и кое-каких шишкарей с Терры, в том числе из Администрации. Их привозили более легким подземным путем; думаю, Смотритель их предупредил. Но последние тридцать километров все равно приходилось трястись на луноходе. Один гость показался нам нежелательным. Некий доктор Дориан, физик и инженер. Грузовик, в котором он ехал, перевернулся — дурак-водитель решил срезать путь,— а находились они вне зоны видимости, а маяк почему-то вышел из

строя. В общем, бедняге Дориану пришлось семьдесят два часа просидеть в незагерметизированном иглу из пемзы, и в Луна-Сити он вернулся вдребезги обессиленным гипоксией и огромной дозой радиации, несмотря на все усилия двух водителей (членов Партии), пытавшихся доставить его в целости и сохранности.

Возможно, мы немного перестарались. Не исключено, что он и не заметил бы обмана с координатами. Ведь мало кто любуется звездами, надев скафандр, даже если Солнце позволяет их увидеть. Еще меньше людей умеют читать по звездам, и уж почти никто не в состоянии определить свое положение на поверхности. Для этого нужны инструменты, нужно уметь ими пользоваться, надо захватить с собой таблицы и знать точное время. То есть, грубо говоря, как минимум необходимы октант, таблицы и отличные часы. Наших гостей даже приглашали выйти на поверхность, но если у них с собой оказывался октант или какой-нибудь современный его эквивалент, то с ними вполне мог стрястись несчастный случай.

Вот со шпиками у нас несчастных случаев не бывало. Мы позволяли им оставаться, наваливали на них тяжелейшую работу, а Майк читал их докладные. Один доносил, что он уверен, будто мы нашли тут залежи урана. Для тогдашней Луны это было в новинку, ибо проект «Центробур» осуществили гораздо позже. Другой вышел наружу с целым набором гейгеровских счетчиков. Мы как могли постарались облегчить ему задачу протаскивания всего его оборудования через узкую скважину.

К марту 2076 года катапульта была почти готова, оставалось лишь поставить на место сегменты статора. Электростанцию тоже загнали внутрь, и силовые кабели легли под поверхностью Луны параллельно скрытому туннелю, протянувшемуся на тридцать километров.

Число рабочих сократили до минимума; среди них преобладали члены Партии. Одного шпика мы все же оставили, чтобы Альварес получал свои доклады регулярно: нам не хотелось его тревожить, а то он мог заподозрить что-то неладное. Зато в поселениях мы ему спокойной жизни не давали.

Глава 10

За эти одиннадцать месяцев произошло немало изменений. Вайо приняла крещение в церкви Грега. Здоровье профа пошатнулось так сильно, что ему пришлось бросить преподавание. «Янки» заняли в турнирной таблице самое последнее место. Я бы заплатил профу без особого сожаления, если бы их вытеснили в достойной борьбе, но слететь с самого верха до самого низа за один-единственный сезон — да я их теперь по видео и смотреть-то не хочу!

Болезнь профа была дипломатической. Для своих лет он был в отличной форме, по три часа делал в номере «Малины» зарядку, спал в пижаме с трехсоткилограммовыми свинцовыми грузилами. Я от него не отставал, и Вайо тоже, хотя терпеть не могла эти занятия.

Не думаю, что она жульничала и проводила ночи с комфортом, но поручиться не могу — я с ней не спал. К тому времени она заняла прочное место в семье Дэвисов. Ей понадобился всего один день, чтобы от обращения «gospazha Дэвис» перейти к «gospazha Ма», а еще через день она уже обнимала Ма за талию и называла ее «Мими Ма». Когда из файла «Зебра» стало ясно, что в Гонконг ей путь отрезан, Сидрис повела Вайо после работы в свой салон красоты и потрудилась над ней так, что темная краска на коже стала несмываемой. Прическу тоже подправила — цвет остался черным, а сами волосы выглядели так, будто Вайо безуспешно пыталась их распрямить. Ну и еще всякие мелочи — матовый лак на ногтях, пластиковые вкладыши для щек и ноздрей и, конечно, прежние темные контактные линзы. После этой обработки Вайо могла бы переспать с кем угодно, не опасаясь за свой грим; из нее получилась великолепная «цветная», и происхождение мы ей заделали под стать — тамилка с примесью ангольской и немецкой крови. Я звал ее чаще Вайой, чем Вайо.

А красотка стала — загляденье! Когда она, покачивая бедрами, шла по коридорам, мальчишки за ней увивались стаями.

Она начала было учиться у Грега сельскому хозяйству, но Ма это дело пресекла. У Вайо хватало и силы, и ловкости, и желания, но у нас на ферме вкалывали в основном мужчины, и все как один рвались в учителя. В общем, на обучение уходило куда больше человеко-часов, чем Вайо была способна отработать. Поэтому ей пришлось вернуться к домашним обязанностям, а потом Сидрис взяла ее в свой салон красоты в качестве помощницы.

Проф играл на скачках и завел себе два счета — на одном отмечались ставки, сделанные по Майковой системе «ученика ведущего», а на другом — по собственной «научной» системе профа. К июлю семьдесят пятого года он признал, что ни черта не смыслит в лошадях, и полностью переключился на систему Майка, увеличив ставки и размещая их у большего числа букмекеров. Его выигрыши шли на погашение партийных издержек, в то время как аферы Майка финансировали строительство катапульты. Но проф начисто потерял интерес к беспроигрышным скачкам и со скукой делал ставки так, как ему подсказывал Майк. Он перестал читать «лошадиные» журналы, и это было грустно — что-то умирает, когда старый игрок расстается со своей страстью.

У Людмилы родилась девочка — говорят, для первых родов это очень хорошо, да и вообще замечательно: в семье непременно должна быть малышка. Вайо поразила наших женщин, оказавшись экспертом в акушерском деле, и еще раз повергла их в изумление, когда выяснилось, что она ничего не смыслит в уходе за ребенком. Двое наших старших сыновей наконец вступили в брак, а Тедди, которому исполнилось тринадцать, был принят в другую семью. Грег нанял двух парней с соседних ферм, и после шести месяцев совместной работы и кормежки оба стали нашими собрачниками. Приняли их не с бухты-барахты — и их самих, и их семьи мы знали уже много лет. Это восстановило баланс, нарушенный приемом Людмилы, и положило конец язвительным намекам матерей холостяков, которым никак не удавалось вступить в брак: Ма отшивала всех, кто, по ее мнению, не соответствовал стандартам Дэвисов.

Вайо завербовала Сидрис, Сидрис начала формировать свою ячейку, завербовав свою помощницу; таким образом «Bon Ton Beaute Shoppe»[1] превратился в настоящий рассадник подпольщиков. Мы начали использовать на посылках малышей, давали им и другие задания — к примеру, детям куда сподручней, чем взрослым, покараулить или проследить за кем-то в коридорах, да и подозрений они не вызывают. Сидрис подхватила эту мысль и всячески пропагандировала ее через женщин, которых вербовала в своем кабинете красоты.

Вскоре у нее в списке оказалось столько ребятишек, что мы смогли поставить под наблюдение всех стукачей Альвареса. С Майком, способным прослушивать любой телефон, и детворой, следившей за шпиками с утра до ночи,— причем пока один ребятенок караулил, другой мог сбегать к телефону,— мы держали стукачей под колпаком, не давая им увидеть то, чего не следовало. Вскоре мы стали перехватывать их телефонные доклады, не дожидаясь, пока они появятся в файле «Зебра»; положение шпика ничуть не улучшалось, если он звонил не из дома, а, скажем, из пивнушки. Благодаря помощи «иррегулярных частей с Бейкер-стрит» Майк начинал прослушивать этот телефон раньше, чем доносчик заканчивал набирать номер.

Эти ребятишки накололи заместителя Альвареса по Луна-Сити. Мы знали, что такой существует, поскольку здешние шпики не рапортовали по телефону непосредственно Альваресу, к тому же было мало вероятно, чтобы он сам их завербовал: ни один из них в Комплексе не работал, а Альварес появлялся в Луна-Сити лишь тогда, когда с Терры прибывала какая-нибудь особенно крупная шишка и ему приходилось ее сопровождать.

Заместитель Альвареса оказался фактически двумя людьми. Один из них, бывший лагерник, держал в Старом Куполе лавчонку, где торговал сластями, газетами и принимал ставки на пари, а второй, его сын, служил в Комплексе и собственноручно относил туда донесения, так что Майк не мог засечь их по телефону.

[1] «Салон красоты и хороших манер» (*фр.*).

Эту парочку мы не тронули. Но с тех пор стали получать донесения их агентов на полдня раньше Альвареса. И это преимущество, достигнутое благодаря ребятишкам пяти-шести лет, спасло жизнь семерым нашим товарищам. Слава «иррегулярным частям с Бейкер-стрит»! Не помню, кто их так назвал, скорее всего Майк. Я ведь всего лишь почитатель Шерлока Холмса, а Майк совершенно уверен, что он брат Шерлока — Майкрофт... да я и не побожился бы, что он ему не брат; «реальность» штука хитрая. Сами ребятишки так себя не называли — у них в этой игре были свои собственные шайки, а у шаек — свои клички. Конечно, секретами их не перегружали, во всяком случае опасными. Сидрис предоставляла матерям самим находить объяснения для детворы — почему им поручают то или иное задание,— с условием, что им *никогда* не раскроют истинных причин. А детям только давай что-нибудь потаинственней да позабавней, у них же почти все игры основаны на том, кто кого перехитрит.

Салон «Bon Ton» был средоточием сплетен — женщины узнают новости быстрее, чем «Ежедневный Лунатик». Я попросил Вайо, чтобы она каждый вечер докладывалась Майку, но даже не пыталась отделять важные новости от несущественных, поскольку невозможно определить, что важно, а что нет, пока Майк не сопоставит тот или иной факт с миллионами других.

Салон красоты был также местом, откуда распространялись новые слухи. Партия поначалу-то медленно росла, но затем резко пошла в рост, когда заработал эффект геометрической прогрессии, а драгуны распоясались почище прежних охранников. По мере увеличения партийных рядов мы стали переносить центр тяжести на агитпроп, на распространение злостных слухов, на открытую подрывную деятельность, провокации и саботаж. Финн Нильсен, пока дело не разрослось, занимался и агитпропом и одновременно в качестве прикрытия вел работу в старом, насквозь прогнившем подполье. Но теперь большую часть агитпропа и связанных с ним дел взяла на себя Сидрис.

В основном она занималась распространением листовок и прочих материалов. Ни в салоне, ни дома, ни в гостиничном номере

мы подпольной литературы, конечно, не держали, разносила же листовки малышня, которая еще и читать-то не умела.

Кроме того, Сидрис полный день трудилась над прическами — в общем, дел на нее навалили выше головы. Как-то раз я вывел ее прогуляться под ручку по Казвею и вдруг заметил знакомое лицо и фигурку: худющая девчонка, сплошь одни острые углы и копна морковно-рыжих волос. Лет примерно двенадцать — стадия, когда все идет в рост, прежде чем расцвести и округлиться. Я определенно уже встречал ее, но никак не мог вспомнить, где, когда и почему.

— Тихо, кукленок! — шепнул я.— Погляди-ка на эту молодую особу. Рыжую и плоскую.

Сидрис оглядела девчонку.

— Дорогой, я знала, что ты у нас с причудами. Но она пока все равно что мальчишка.

— Да ладно тебе! Кто она?

— Бог ее знает. Хочешь, я ее тормозну?

И тут я внезапно вспомнил все, будто мне по видео показали. Жаль, Вайо со мной не было, но мы никогда не появлялись на публике вместе. Эта рыжая девчонка была на том самом митинге, где убили Коротышку. Тогда она сидела на полу напротив трибуны, слушала, широко раскрыв глаза, и яростно аплодировала. А затем я видел ее в свободном полете, когда, свернувшись в воздухе в комок, она врезалась в колени желтомундирнику, чью челюсть я сломал буквально через несколько секунд.

Вайо и я были живы и свободны только благодаря решительным действиям этого ребенка в критической ситуации.

— Нет, не заговаривай с ней,— шепнул я Сидрис,— но я не хочу упускать ее из виду. Хоть бы один из твоих «иррегулярников» показался, черт побери!

— Отвали и позвони Вайо. Через пять минут все будет в ажуре,— ответила мне жена.

Так я и поступил. А потом мы с Сидрис стали не спеша прохаживаться, заглядывая в витрины магазинов, поскольку наша преследуемая прилипала к каждой из них. Минут через семь-восемь к нам подошел мальчуган, остановился и сказал:

— Хелло, тетя Мейбл! Привет, дядя Джо!

— Привет, Тони! — пожала ему руку Сидрис.— Как мама, милый?

— Отлично! — и добавил шепотом: — Вообще-то я Джок.

— Извини.— Сидрис тихонько сказала мне: — Последи за ней.— И увела Джока в кондитерскую.

Скоро она вышла и взяла меня под руку. Джок следовал за ней, облизывая леденец.

— До свидания, тетя Мейбл. Спасибо!

Он вприпрыжку скользнул меж прохожих, присоединился к рыженькой и сосредоточенно уставился на витрину, продолжая сосать леденец. Мы с Сидрис отправились домой.

Пришли, а нас уже ждет доклад: «Она зашла в приют для младенцев "Колыбелька" и больше не выходила. Нам ждать?»

— Подождите еще немного.

Я спросил Вайо, помнит ли она эту девочку. Выяснилось, что помнит, но не имеет ни малейшего представления, кто она такая.

— Спроси у Финна,— посоветовала Вайо.

— Сейчас все узнаем,— сказал я и позвонил Майку.

Да, в младенческом приюте «Колыбелька» есть телефон, и Майк его может прослушать. Ему потребовалось двадцать минут, чтобы собрать и проанализировать данные: слишком много детских голосов, а в этом возрасте их половая принадлежность почти неразличима. Наконец он сказал:

— Ман, я отобрал три голоса, которые могут соответствовать описанному тобой возрасту и физическому типу. Однако два из них откликаются на имена, которые я идентифицировал как мужские. Третий голос отвечает на обращение «Хейзел», причем ее то и дело окликает голос пожилой женщины с командирскими интонациями.

— Майк, посмотри в списках старой организации. Проверь на Хейзел.

— Четыре Хейзел,— ответил он сразу же.— Вот она — Хейзел Мид. Вспомогательный отряд юных товарищей, приют для младенцев «Колыбелька», родилась 25 декабря 2063 года, масса тридцать девять кило, рост...

— Это и есть наша ракета-малютка! Спасибо, Майк. Вайо, отзови своих часовых. Они хорошо поработали. Майк, позвони Донне, передай ей, будь так добр.

Я оставил вербовку Хейзел Мид на долю девочек и больше ее не видел, пока Сидрис не привела ее к нам домой двумя неделями позже. Но до того Вайо мне доложила, что возникла проблема, касающаяся партийной дисциплины. Дело в том, что ячейка Сидрис была уже полной, а она непременно хотела зачислить к себе Хейзел Мид. Во-первых, это не положено, а во-вторых, девочка еще слишком мала. Согласно нашим правилам, вербовке подлежали только взрослые — начиная с шестнадцати и старше.

Я передал доклад Вайо Адаму Селену и исполнительной ячейке.

— Как мне представляется,— сказал я,— система трехчленных ячеек должна нам служить, а не сковывать. Не вижу ничего дурного, если в ячейке у товарища Вивиан будет на одного человека больше. По-моему, нам это ничем не грозит.

— Я согласен,— отозвался проф.— Но предлагаю не включать этого нового товарища в ячейку Вивиан. Девочке ни к чему знать остальных, разве что по ходу дела потребуется. Кроме того, я не думаю, что следует вербовать такого ребенка. Главный вопрос — именно возраст.

— Согласна,— откликнулась Вайо,— я тоже хотела поговорить о ее возрасте.

— Друзья,— сказал Майк робко (такой тон прорезался у него впервые за несколько недель — в последнее время это был уверенный в себе руководитель «Адам Селен», а вовсе не скучающая одинокая машина),— возможно, я должен был предупредить вас, но я уже сделал несколько подобных исключений. Мне казалось, что тут особые обсуждения не нужны.

— Все правильно, Майк,— успокоил его проф,— председатель имеет право на собственное суждение. И сколько же у нас человек в самой большой ячейке?

— Пять. Это двойная ячейка — трое и двое.

— Порядок. Дорогая Вайо, разве Сидрис предлагает дать этому ребенку статус взрослого члена Партии? Сказать ей, что мы

замышляем революцию... со всем кровопролитием, хаосом и возможным поражением?

— Именно этого она требует.

— Но, дорогая леди, если мы ставим на кон наши жизни, так мы достаточно взрослые люди, чтобы понимать это. Ведь человек должен хотя бы эмоционально представлять себе, что такое смерть. Дети же редко способны поверить, что смерть грозит им лично. Зрелость, если хотите, можно определить как возраст, в котором человек осознает, что должен умереть... и принимает приговор без страха.

— Проф,— сказал я,— среди моих знакомых есть большие и рослые детки. Готов поставить семь против двух, что и в Партии таких наберется немало.

— Не спорю, дружище. Зато держу пари, что по меньшей мере половина из них не соответствует нашим требованиям; боюсь, под занавес нам еще придется убедиться в этом на собственной шкуре.

— Проф,— настаивала Вайо,— Майк, Манни! Сидрис уверена, что эта девочка уже взрослый человек. И я думаю так же.

— Ман? — спросил Майк.

— Давайте как-нибудь познакомим с ней профа, пусть сам решает. Меня она купила со всеми потрохами. Особенно своими боевыми качествами. Иначе я не стал бы и разговаривать.

Мы разошлись, оставив вопрос открытым. Вскоре Хейзел появилась у нас за обедом в качестве гостьи Сидрис. Она не подала виду, что помнит меня, и я повел себя так же. Гораздо позже Хейзел рассказала, что признала меня с ходу, и не только по левой руке, но в основном потому, что запомнила, как меня увенчала колпаком и расцеловала высокая блондинка из Гонконга. Более того, Хейзел сразу раскусила маскарад Вайо, узнав ее по голосу. Голос-то изменить труднее всего, как ни старайся.

Но Хейзел держала рот на замке. Даже если она поняла, что мы члены конспиративной организации, то ничем этого не выдала.

Узнав ее историю, можно понять, как выковался этот стальной характер, если прошлое способно что-нибудь объяснить. Ее

сослали вместе с родителями таким же крохотным ребенком, как и Вайо. Отец погиб в результате несчастного случая на принудительных работах, причем мать винила в его смерти Администрацию, которая всегда наплевательски относилась к технике безопасности. Когда девочке исполнилось пять лет, умерла и мать, отчего — Хейзел не знала; она тогда уже жила в приюте, в котором мы ее нашли. Не знала она и за что сослали родителей — возможно, за подрывную деятельность, если они, как думала Хейзел, оба были осуждены. Скорее всего именно от матери она унаследовала беспощадную ненависть к Администрации и Смотрителю.

Семья, которой принадлежал приют, позволила девочке остаться. Хейзел штопала подгузники и мыла тарелки с того возраста, когда смогла до них дотянуться. Она сама научилась читать, могла изобразить печатные буквы, но по-настоящему писать не умела. Знание математики ограничивалось у нее способностью считать деньги, которые дети добывали разными неправедными путями.

По поводу ее ухода из приюта поднялся немалый шум: владелица «Колыбельки» и ее мужья заявили, что Хейзел должна отработать еще несколько лет. Девочка решила вопрос просто — вышла из дому в чем была, оставив хозяевам кое-какую одежонку и те жалкие мелочи, которые составляли ее имущество. Ма это так возмутило, что она чуть было не втравила наше семейство в свару, вопреки всем своим правилам. Но я потихоньку шепнул ей, что как руководитель ячейки не *желаю* привлекать внимание к семье, вытащил из кармана деньги и сказал, что Партия оплатит покупку одежды для Хейзел. Ма от денег отказалась, отменила семейное собрание и отправилась с Хейзел в город, где проявила невиданную — по масштабам Ма — экстравагантность в выборе платья для девочки.

Так мы удочерили Хейзел. Я знаю, нынче это дело сопряжено со всякими бюрократическими процедурами, но тогда это было так же просто, как подобрать котенка.

Еще больше шуму наделало решение Ма отдать Хейзел в школу, которое не совпадало ни с тем, что держала в уме Сидрис, ни с тем, чего ожидала сама Хейзел как член Партии и товарищ. Пришлось мне опять вмешаться, и Ма частично пошла на попятный. Хейзел определили к репетитору рядом с салоном Сидрис, то есть неподалеку от шлюза номер тринадцать. (Салон процветал в основном потому, что находился вблизи от фермы, что позволило нам провести туда воду, которой Сидрис могла пользоваться без ограничений, поскольку сточная вода поступала обратно для наших же нужд.) Хейзел училась по утрам, а днем помогала в салоне: зашпиливала пелеринки, подавала полотенца, мыла клиентам волосы — в общем, набиралась опыта. И вдобавок делала все остальное, что поручала Сидрис.

Этим «остальным» были обязанности командира «иррегулярных частей с Бейкер-стрит».

Всю свою коротенькую жизнь Хейзел возилась с малышней. И малышня ее любила. Хейзел умела добиться от ребятишек всего, чего хотела; она понимала их язык, который взрослым кажется бессмысленной тарабарщиной, и стала идеальным мостом между Партией и ее самыми юными помощниками. Она умела превращать в игру наши будничные задания, заставляя детей играть по установленным правилам, причем умудрялась скрыть от них, что поручение серьезно по взрослому счету — ведь для ребятни куда важнее то, что оно казалось им серьезным по их собственным меркам, а это совсем другое дело.

Вот пример: скажем, кроху, еще не умеющего читать, прихватили с подпольной литературой, что нередко случалось в действительности. После инструктажа Хейзел диалог выглядел примерно так:

Стражник: Малыш, где ты это взял?

«Иррегулярник с Бейкер-стрит»: Я не малыш, я большой мальчик.

Стражник: Ладно, большой мальчик, так где ты это взял?

«Иррегулярник»: У Джекки.

Стражник: У какого Джекки?

«Иррегулярник»: Просто Джекки.

Стражник: А как его фамилия?

«Иррегулярник»: Чья?

Стражник: Да Джекки!

«Иррегулярник» (презрительно): Джекки девчонка!

Стражник: Ладно, так где она живет?

«Иррегулярник»: Кто?

И так далее. Ключевым ответом на все вопросы было: «Взял у Джекки». А поскольку Джекки не существовало в природе, то у нее (у него) не было ни фамилии, ни домашнего адреса, ни даже постоянной половой принадлежности. Дети обожали делать из взрослых идиотов, особенно когда поняли, как это просто.

В худшем случае литература конфисковывалась. Даже взвод драгун-усмирителей, и тот дважды подумал бы, прежде чем арестовать ребенка. Да, теперь драгуны появлялись на улицах Луна-Сити только повзводно — кое-кто из них отправился в одиночку... и не вернулся обратно.

Когда Майк начал писать стихи, я не знал, что делать — смеяться или плакать. А он желал их публиковать! Сразу видно, как глубоко растлило «очеловечивание» эту невинную машину, раз ей приспичило увидеть свое имя в печати.

— Майк,— сказал я,— ради бога! У тебя что — цепи перегорели? Или ты намерен нас выдать?

Прежде чем Майк успел надуться, вмешался проф:

— Постой-ка, Мануэль! Я тут вижу кое-какие возможности. Майк, псевдоним тебя устроит?

Вот так и родился Саймон Джестер[1]. Думаю, Майк выбрал это имя, подбросив случайные числа, как игральные кости. Но для серьезной поэзии у него был другой псевдоним — его партийная кличка Адам Селен.

Стихи Саймона были нескладны, непристойны и полны бунтарства — от хулиганских насмешек над «шишками» до жестоких нападок на Смотрителя, систему, драгун и шпиков. Эти вирши можно было обнаружить на стенках общественных сортиров или на листовках, брошенных на пол в капсулах метро. Или в пивных. Но где бы они ни появились, под ними всегда стояла подпись «Саймон Джестер», а рядом красовался улыбающийся

[1] Шутник (*англ.*).

рогатый чертенок с раздвоенным на конце хвостиком. Иногда чертенок накалывал на вилы какого-то толстяка. Иногда на рисунке была только мордочка с широкой улыбкой и рожками, а порой — одни рожки и улыбка, означавшие «Саймон был тут».

Саймон возник в один прекрасный день во всех лунных поселениях сразу и с тех пор присутствовал повсеместно. Вскоре к нему присоединилось множество добровольных помощников: стихи и рисунки были так просты, что их мог изобразить кто угодно, а потому они стали появляться в таких местах, где мы и не планировали их увидеть. К этому наверняка приложил руку кто-то из наших попутчиков. Карикатуры и стихи распространялись даже на территории Комплекса, что уж никак не могло быть нашей работой — мы никогда не вербовали служащих Администрации. Так, например, спустя три дня после выхода в свет очень неприличного пасквиля, намекавшего, что жировые отложения Смотрителя связаны с его крайне неаппетитными привычками, этот пасквиль вдруг появился на картинках-наклейках, причем карикатура заметно улучшилась и толстая фигура, убегавшая от вил Саймона, приобрела узнаваемые черты Прыща Морта. Мы эти картинки не оплачивали, мы их не печатали. Но они одновременно оказались в Луна-Сити, Новолене и Гонконге, налепленные повсюду — на телефонах-автоматах, на коридорных опорах, на шлюзах, на ограждениях пандусов и так далее. Я сделал выборочный подсчет и передал его Майку. Майк доложил: только в Луна-Сити наклеено более семидесяти тысяч листовок.

Я не знаю ни одной типографии в Луна-Сити, которая рискнула бы взяться за такую работу и сумела бы выполнить ее. Может, существовала еще одна тайная организация?

Стихи Саймона имели такой успех, что Майк разошелся, как полтергейст, не оставив ни Смотрителю, ни шефу безопасности никакой возможности притвориться глухими.

«Дорогой Прыщ Морт,— писал он в одной листовке.— Пожалуйста, будьте осторожны с полуночи до четырех пополудни завтрашнего дня. Люблю, целую, Саймон». А ниже — рожки и улыбка. С той же почтой получил письмо и Альварес: «Дорогой Фурункул! Если завтра вечером Смотритель сломает ногу,

виноват будешь ты один. С совершеннейшим почтением, Саймон». И опять улыбка и рожки.

Мы не планировали нападения на Смотрителя; просто хотели лишить сна и Морта, и Альвареса с охранниками в придачу, что нам и удалось. Майку осталось лишь время от времени позванивать по личному телефону Смотрителя между полуночью и четырьмя пополудни; кстати, номер этот в справочниках не значился и был известен лишь персональным помощникам Смотрителя. Соединяя их всех по очереди с Мортом, Майк не только вызвал жуткий переполох, но и разозлил Смотрителя, который категорически отказался верить оправданиям своих помощников.

И тут произошло счастливое совпадение — доведенный до белого каления Прыщ свалился с пандуса. Такое даже с новичком случается не больше раза. Словом, Смотритель «прошелся по воздуху» и вывихнул колено, что довольно близко к перелому, причем Альварес при сем присутствовал.

Помаялись они без сна, это уж точно. Мы и другие розыгрыши устраивали в таком же духе. Например, пустили слух, будто катапульта заминирована и взлетит на воздух будущей ночью. Девяносто плюс восемнадцать человек не в состоянии обыскать стокилометровую катапульту за несколько часов, особенно если эти девяносто — драгуны-усмирители, засунутые в скафандры, к которым они не привыкли и которые внушали им живейшее отвращение. Полночь пришлась на период «новоземья», когда Солнце сияло особенно ярко. Солдаты проторчали снаружи намного дольше, чем полезно для здоровья, затеяли между собой свары и почти сварились от жары, в результате чего чуть было не подняли первый в истории полка мятеж. Одна из свар окончилась летальным исходом. То ли он сам упал, то ли его спихнули с высоты, этого сержанта?

Из-за ночного переполоха драгуны вышли на проверку паспортов такими сонными и злыми, что число стычек с лунарями заметно подскочило, а взаимная неприязнь значительно возросла. А стало быть, Саймону удалось накалить обстановку.

Стихи Адама Селена были более высокого качества. Майк показывал их профу и даже соглашался с его литературными суждениями (полагаю, положительными) без всякой обиды.

Размер и рифмовка у Майка были безукоризненны, поскольку, будучи компьютером, он хранил в памяти весь словарный запас английского языка и мог отыскать нужное слово за считанные миллисекунды. Несколько хуже было с самокритикой, однако тут помогло суровое редакторское перо профа.

Впервые подпись Адама Селена появилась на страницах авторитетного «Лунного сияния» под мрачной поэмой, именовавшейся «Отчий дом». Это были думы умирающего ссыльного и его открытие, сделанное накануне отхода в мир иной, что Луна стала его родным домом. Простой язык, непритязательные рифмы, а единственная слегка крамольная мысль содержалась в выводе, к которому приходит умирающий: что даже множество Смотрителей, угнетавших его, это не слишком высокая цена за отчий дом.

Сомневаюсь, чтобы издатели «Лунного сияния» долго думали, печатать поэму или нет. Вещь была хорошая, и они ее опубликовали.

Альварес перевернул издательство вверх дном, пытаясь както выйти на Адама Селена. Номер был в продаже уже почти две лунные недели, когда Альварес заметил стихи или ему их показали. Мы нервничали — нам как раз очень *хотелось*, чтобы поэма была замечена. И пришли в восторг, узнав, как завибрировал при виде нее Альварес.

Издатели ничем не могли помочь боссу стукачей. Они сказали ему правду — поэма пришла почтой. Есть ли у них оригинал? Да, конечно... Извините, но конверта нет, мы их не храним. Прошло довольно много времени, прежде чем Альварес удалился в окружении четырех драгун, которых таскал за собой для улучшения самочувствия.

Надеюсь, он получил немало удовольствия от этой бумаги. Письмо было отпечатано на официальном бланке конторы Адама Селена:

Ассоциация Селена
Луна-Сити
Инвестиции
Офис Председателя
Старый Купол

А ниже — заголовок «Отчий дом», сочинение Адама Селена и так далее.

Все отпечатки пальцев, которые там были, появились уже после отправки поэмы. Текст был напечатан на «Ундервуд офис электростатор», то есть на самой распространенной в Луне модели. И все равно таких машинок было не очень много, поскольку их импортировали. Опытный детектив мог бы идентифицировать машинку и обнаружил бы ее в городском офисе Администрации в Луна-Сити. Вернее будет сказать — машинки, так как в офисе их было шесть и мы печатали по пять слов по очереди на каждой. Операция стоила нам с Вайо бессонной ночи, и мы решили, что риск неоправданно велик, хотя Майк был на стреме и прослушивал все телефоны. Больше мы такого не повторяли.

Но Альварес не был опытным детективом.

Глава 11

В начале 2076 года работы у меня было невпроворот. Во-первых, я не мог игнорировать клиентов. А во-вторых, массу времени отнимала партийная работа, хотя я передал в другие руки все, что сумел. И все равно приходилось решать бесконечное число вопросов и рассылать сообщения вверх и вниз. Пришлось сократить время на физические упражнения с грузилами и отказаться от мысли получить разрешение на пользование центрифугой Комплекса — той самой, с помощью которой ученые-землееды продлевали срок пребывания в Луне. Хотя я раньше на ней тренировался, в этот раз мне не хотелось рекламировать свою подготовку к поездке на Терру.

Упражнения без центрифуги менее эффективны, но особенно утомительными они казались из-за того, что я не знал, имеет ли смысл ими заниматься. Согласно расчетам Майка, в тридцати процентах прогнозов развития событий появлялась необходимость в лунаре, способном выступить от лица Партии и совершить путешествие на Землю.

Я не представлял себя в роли посла — во-первых, образование подкачало, а во-вторых, дипломат из меня никудышный. Самой подходящей кандидатурой был, естественно, проф. Но проф был стар и мог не перенести полета на Землю. Майк сказал нам, что у человека в возрасте профа, с его комплекцией и так далее, шанс прилететь на Терру живым меньше сорока процентов.

Но проф тренировался напряженно и с энтузиазмом, стараясь выжать из своих жалких шансов все возможное, так что мне не оставалось ничего другого, кроме как навешать на себя грузила и приступить к работе, чтобы быть готовым заменить профа, если его старое сердце не выдержит. Вайо занималась тем же на случай, если что-то помешает моему полету. Делала она это преимущественно ради того, чтобы разделить со мной тяготы — Вайо всегда предпочитала логике мужество.

А кроме бизнеса, партийных дел и тренировок была еще и ферма. Семья потеряла благодаря бракам трех сыновей, хотя и получила взамен двух отличных ребят — Фрэнка и Али. Потом ушел работать в «ЛуНоГоКо» Грег — он стал главным мастером-бурильщиком на строительстве катапульты.

Там он был незаменим. Чтобы нанять и правильно расставить по местам людей, приходилось изрядно попотеть. На большинстве видов работ мы могли использовать и беспартийных, но ключевые позиции должны были занимать партийцы, причем не только политически надежные, но и компетентные. Грег не хотел уезжать из дома; на ферме он был нужен, да и бросать свой приход ему было жаль. Но все-таки согласился.

Это опять превратило меня в лакея на половинном жалованье при поросятах и цыплятах. Ганс был отличным фермером, он безропотно тянул за двоих. Но Грег управлял делами фермы с тех самых пор, как Дед ушел на покой, и новая для Ганса ответственность тревожила его. В общем-то, по старшинству это дело должно было перейти ко мне, но Ганс как фермер далеко превосходил меня, да и любил он сельское хозяйство больше. Так что у нас давно подразумевалось, что Грега когда-нибудь заменит именно он. Я помогал ему, поддерживал его решения, а

также вкалывал в те часы, которые удавалось урвать от других дел. В результате мне и почесаться некогда было.

В конце февраля я вернулся из долгой поездки — Новолен, Тихо-Андер, Черчилль. К этому времени как раз закончили прокладку туннеля через центральную каверну, и я решил наведаться в Гонконг-в-Луне и наладить деловые контакты, поскольку теперь я мог пообещать клиентам срочный сервис в случае необходимости. Раньше это было невозможно, так как луноход на отрезке Эндсвиль — Билютихэтчи курсировал только в темную половину лунного месяца.

Но бизнес служил лишь прикрытием политических целей: связь с Гонконгом у нас была очень слабой, хотя Вайо делала все, что могла — по телефону, разумеется. Она высоко ценила второго члена своей ячейки, «товарища Клейтона», который, судя по данным файла «Зебра», был совершенно чист. Мы ввели Клейтона в курс дела, предупредили о гнильце в организации и посоветовали начать строить новую сеть ячеек, не теряя членства в старом подполье.

Однако телефон — это совсем не то, что личный контакт. Гонконг должен был стать нашим оплотом. Он меньше других поселений зависел от Администрации. Во-первых, потому, что его силовые установки не контролировались Комплексом. А во-вторых, Гонконг не слишком интересовала торговля с помощью катапульты, так как до прокладки метро он не был включен в общую транспортную сеть. И в финансовом отношении он был крепче других — банкноты Банка Гонконга-в-Луне котировались куда выше официальных купонов Администрации.

Гонконгские доллары, пожалуй, не были «деньгами» в юридическом смысле. Администрация их не принимала; когда я летал на Землю, мне приходилось приобретать купоны, чтобы заплатить за билет. Но с собой я брал гонконгскую валюту, которую на Земле можно было обменять с небольшой потерей, тогда как купоны там вообще не котировались. Деньги или нет, но гонконгские банкноты не были бюрократическими бумажками — за ними стояли честные китайские банкиры. Сотня

гонконгских долларов соответствовала 31,1 грамма золота (старая тройская унция), и его действительно можно было получить в главном офисе банка — золото привозили туда из Австралии. А не хотите золота — получите товары: бытовую воду, сталь нужных марок, тяжелую воду для реакторов — в общем, что душе угодно. Все это можно было приобрести и за купоны, но Администрация постоянно взвинчивала цены. Я не специалист в области финансов, и когда Майк попытался меня просветить, у меня чуть голова не лопнула. Я просто знаю, что мы были рады заполучить эти «неденьги», тогда как купоны брали без всякой охоты и не только потому, что ненавидели Администрацию.

Так что Гонконг, по идее, должен был стать партийной цитаделью. Должен был — но пока что не стал. Мы решили, что мне имеет смысл рискнуть и пойти на личный контакт, даже частично раскрыться, поскольку человеку с одной рукой замаскироваться не так-то просто. Это был риск, угрожавший в случае провала не только мне: следы неминуемо привели бы к Вайо, Ма, Грегу и Сидрис. Но кто сказал, что революция — спокойное занятие?

Товарищ Клейтон оказался молодым японцем — то есть на самом деле не таким уж и молодым, просто все они выглядят юными, пока внезапно не становятся старичками. Не чистокровным — была у него и малайская примесь, и еще какая-то, но имя было японское, а дома тщательно соблюдались японские обычаи; все определялось «гири» и «гиму»[1]. На мое счастье, у Клейтона было множество «гиму» в отношении Вайо.

Предки Клейтона не были ссыльными. Они «добровольно», как и многие другие, поднялись по трапам кораблей под дулами автоматов, когда Великий Китай стал создавать свою Империю. Но это ни в коем случае не порочило Клейтона — он ненавидел Смотрителя так же люто, как любой старый лагерник.

[1] Традиционные элементы японской культуры. Гири — чувство (сознание) долга, гиму — обязанность, обязательство.

Сначала мы с ним встретились в чайном домике — по-нашему, что-то вроде пивнушки — и часа два трепались обо всем, кроме политики. Он ко мне приглядelся и пригласил домой. У меня всего одна претензия к японскому гостеприимству: эти японские ванны, в которые ты погружаешься до подбородка, наполняются чистым кипятком.

В сущности, я почти ничем не рисковал. Мама-сан была сведуща в гримировке не хуже Сидрис, а моя «представительская» рука сошла за настоящую, поскольку кимоно скрывало шрам. За два дня я посетил четыре ячейки в качестве «товарища Борка», преображенного благодаря гриму, кимоно и таби[1], и даже если среди присутствующих были стукачи, они не смогли распознать во мне Мануэля О'Келли. Я прибыл в Гонконг набитый фактами, бесконечными цифрами и прогнозами и говорил только об одном — о голоде, который ждет нас через шесть лет, в 2082 году. «Вы еще счастливчики, вас это коснется позже. Но теперь, когда туннель построен, все больше и больше ваших фермеров начнут выращивать пшеницу и рис и отправлять их к голове катапульты. Вот тогда наступит и ваш черед».

Это произвело впечатление. Прежняя организация, судя по тому, что мне доводилось видеть и слышать, в основном нажимала на ораторское искусство, зажигательную музыку и эмоции, походя в этом отношении на церковь. Я же сказал совсем просто: «Такие дела, товарищи. Проверьте эти цифры. Я их вам оставлю».

С одним из товарищей я встретился с глазу на глаз. Это был инженер-китаец, которому было достаточно посмотреть на вещь, чтобы тут же сообразить, как ее сделать. Я спросил его, видал ли он когда-нибудь лазерную пушку размером не больше ружья? Оказалось, не видал. Я упомянул, что паспортная система в наши дни весьма затруднила контрабанду. Он задумчиво сообщил в ответ, что это вряд ли касается перевозки драгоценных камней и что он через неделю собирается в Луна-Сити, в гости к своему кузену. Я сказал, что дядя Адам будет рад с ним познакомиться.

[1] Особые японские носки из плотной ткани.

В общем, получилось, что съездил не зря. На обратном пути сделал остановку в Новолене, зашел в старомодный кабачок «Подрядчик» — я его давно заприметил, пунш у них классный,— сел за столик и случайно столкнулся с собственным папашей. Мы с ним дружим, хотя и не страдаем, если не видимся год-другой. Посидели, поболтали за пивом с бутербродами, а когда я встал, родитель мой выдал:

— Рад был тебя повидать, Манни. Свободу Луне!

Я ответил ему тем же, поскольку был слишком удивлен, чтобы отмолчаться. Такого аполитичного циника, как мой папаша, поискать. Раз уж он так заговорил, значит, наша кампания набирает силу.

Итак, я вернулся в Луна-Сити воодушевленным и не слишком усталым, так как после Торричелли всю дорогу проспал. На станции «Южная» пересел на кольцевую, потом спустился вниз и через Боттом-Эли, чтобы не толкаться на Казвее, направился домой. По дороге завернул в судебный участок судьи Броуди, просто так, поздоровкаться. Это мой старый приятель, нас с ним вместе оперировали. Потеряв ногу, он стал судьей, и хорошим к тому же: в то время в Луна-Сити он был единственным судьей, которому не приходилось подрабатывать на стороне — букмекером или страховым агентом.

Когда двое противников являлись к нему на суд, а примирить их ему не удавалось, Броуди возвращал им гонорар и, если они решали выяснить отношения в поединке, бесплатно выступал в качестве рефери, продолжая при этом уговаривать драчунов воздержаться от ножей и попытаться прийти к мирному соглашению.

В зале заседаний Броуди не оказалось, хотя его цилиндр стоял на столе. Я собрался было уходить, но тут в зал ввалилась группа stilyag, а среди них одна девица и пожилой мужичок, которого они тащили силком. Мужичок был здорово потрепан, но по одежке сразу видно, что турист.

Туристы бывали у нас даже в те времена. Не орды, но все-таки. Они прилетали с Земли, останавливались на недельку в отелях и отправлялись обратно с тем же кораблем или оставались еще на

неделю. Большинство, погуляв денек-другой по городу и обязательно совершив никому не нужную вылазку на поверхность, проводило досуг в азартных играх. Лунари, как правило, их игнорировали — пусть себе, мол, развлекаются, каждый сходит с ума по-своему.

Старший из ребят — лет восемнадцати, явно главарь ватаги,— спросил у меня:

— Где судья?

— Не знаю, здесь его нет.

Он растерянно пожевал губу. Я поинтересовался:

— Что-нибудь случилось?

— Да вот, хотим ликвидировать этого субчика,— ответил он с серьезным видом.— Но желательно, чтобы суд утвердил.

— Поищи в ближайших пивнушках,— посоветовал я,— надо думать, судья где-нибудь там ошивается.

— Послушайте,— встрял парнишка лет четырнадцати,— а вы случайно не gospodin О'Келли?

— Точно.

— А почему бы вам не рассмотреть наше дело?

Старший оживился:

— Вы согласны, gospodin?

Я задумался. Конечно, время от времени мне случалось выступать в роли судьи, да и кто в ней не выступал? Но такого уж жгучего желания брать на себя ответственность у меня не было. Однако слова юноши насчет ликвидации туриста меня насторожили. Такое дело могло вызвать шум.

Я решил вмешаться и обратился к туристу:

— Вы принимаете меня в качестве судьи?

Он удивился:

— А разве у меня есть выбор?

— Разумеется,— ответил я вежливо.— Если вы не захотите принять мой вердикт, я и в дело вникать не стану. Но я вас не неволю. Речь-то в конце концов идет о вашей жизни, не о моей.

Он удивился еще больше, но не испугался, в глазах искорки загорелись.

— О моей жизни, вы говорите?

— Очевидно. Вы же слышали, ребята сказали, что намерены вас ликвидировать. Может, вы предпочитаете подождать судью Броуди?

Он ни минуты не колебался. Улыбнулся и сказал:

— Я принимаю вас как судью по моему делу, сэр.

— Как вам будет угодно.— Я посмотрел на старшего парня.— Кто участвовал в ссоре? Только ты и твой дружок?

— Нет-нет, судья. Мы все.

— Я пока еще не ваш судья.— Я обвел их взглядом.— Все ли вы просите меня быть вашим судьей?

Они закивали. Никто не сказал «нет». Главарь повернулся к девушке и произнес:

— Не молчи, Тиш. Ты принимаешь судьей О'Келли?

— Чего? Ах да, конечно!

Девчонка была пошловатым созданием лет четырнадцати — пухлявенькая, смазливая и пустая; тип шлюшки, что из нее, видимо, и получится в будущем. Такие девицы предпочитают царить в своре stilyag, замужество их привлекает гораздо меньше. Нет, stilyag я не осуждаю: женщины в Луне дефицит, вот ребята и слоняются по коридорам. Днем-то они вкалывают, а вечерами им не к кому спешить домой.

— О'кей, судья одобрен, и вы все обязаны повиноваться моему вердикту. Теперь договоримся об оплате. Готовы раскошелиться, мальчики? Прошу иметь в виду, что я не собираюсь выносить приговор о ликвидации за какие-то жалкие гроши. Так что складывайтесь, иначе я просто отпущу его на свободу.

Главарь похлопал глазами, потом ватага сбилась в кучу. Через минуту он подошел ко мне и сказал:

— Денег у нас маловато. Пять гонконгских с носа — вы согласны? Их было шестеро.

— Нет. Просить суд вынести приговор о ликвидации за такую цену просто непристойно.

Они снова сбились в кучу.

— Пятьдесят долларов, судья?

— Шестьдесят. По десятке с каждого. И еще десятка с тебя, Тиш,— повернулся я к девчонке.

Тиш возмущенно вылупила глаза.

— Давай, давай,— сказал я ей.— Дарзанебы.

Она поморгала и полезла в сумочку. Деньги у нее были. У таких девок они всегда водятся.

Я собрал семьдесят долларов, положил их на стол и спросил у туриста:

— Покроете?

— Извините?

— Ребята платят мне семьдесят гонконгских долларов за приговор. Вы должны дать столько же. Если не можете, откройте бумажник и докажите; в этом случае останетесь моим должником. Но таково ваше долевое участие. В общем-то, дешевка за высшую меру. Но у ребят нет денег, так что вам повезло.

— Понял. Думаю, что понял.— Он выложил семьдесят долларов.

— Спасибо,— сказал я.— Нужны ли какой-нибудь из сторон присяжные?

У девчонки загорелись глаза:

— Еще бы! Пусть уж все будет по правилам!

— В таком случае я, пожалуй, тоже «за»,— сказал землеед.

— Пожалуйста,— говорю я.— Хотите защитника?

— Да, конечно. Думаю, адвокат мне не помешает.

— Я сказал «защитник», а не адвокат. У нас тут адвокатов нет.

Он опять заулыбался.

— Я полагаю, защитник, если бы я пожелал такового, был бы столь же... гм... неформальным, как и вся процедура?

— Может, да, а может, и нет. Я действительно неформальный судья, вот и все. Так что выбирайте.

— М-м-м... пожалуй, я положусь на вашу неформальность, Ваша честь.

Тот парень, что был постарше, спросил:

— Это... насчет присяжных... Вы им сами отстегнете? Или придется нам?

— Я им заплачу. Я согласился судить за сто сорок чистыми. Ты что — никогда в суде не бывал? Но я не собираюсь швырять деньги на роскошь, без которой вполне смогу обойтись. Шесть

присяжных, по пять долларов каждому. Посмотри, нет ли кого в переулке?

Один из ребят вышел и крикнул:

— Нужны присяжные. Плата пять долларов!

Собралось шесть мужиков — типичных обитателей Боттом-Эли. Мне-то один черт, мне они нужны были только для мебели. А вообще, если хочешь стать судьей, лучше этим заниматься в приличном районе — там есть шанс заполучить в присяжные солидных людей.

Я сел за стол, надел цилиндр Броуди — и откуда только он его выкопал? Не иначе как в чьих-то отбросах порылся.

— Суд начинает заседание,— произнес я.— Назовитесь и изложите суть.

Старшего парня звали Слим Лемке, девчонку — Патриция Кармен Жукова, остальных не помню. Турист подошел к столу, покопался в бумажнике и сказал:

— Вот моя карточка, сэр.

Она у меня хранится до сих пор. Там было написано:

СТЬЮАРТ РЕНЕ ЛАЖУА

Поэт-путешественник — солдат удачи

Суть дела была трагикомична: прекрасный пример того, почему туристам не следует шататься без гидов. Разумеется, гиды их просто грабят, но туристы для того и существуют, разве нет? Этот, например, из-за отсутствия сопровождающего вообще чуть жизни не лишился.

Он забрел в пивную, которая у stilyag считается чем-то вроде клуба. Эта шлюшка начала к нему клеиться. Мальчики, как положено, не стали вмешиваться: выбирает дама. Что-то он ей шепнул, она захихикала и ткнула его кулачком в живот. Он принял это совершенно нормально, совсем как лунарь... но ответил чисто по-земному: обнял за талию и привлек к себе, очевидно намереваясь поцеловать.

Хотите верьте, хотите нет, но в Северной Америке это вполне в порядке вещей; я там и не такого навидался. Тиш, естественно, удивилась, может быть, даже испугалась. И вскрикнула.

Парни накинулись на туриста и изрядно его оттрепали. А затем решили, что он должен заплатить за свое «преступление» по всем правилам. То есть через суд.

Похоже, им было не по себе. Держу пари, ни один из них до сих пор не принимал участия в ликвидации. Однако их даму оскорбили, а значит, отступать негоже.

Я с пристрастием допросил их, особенно Тиш, и решил, что все ясно. Потом сказал:

— Позвольте подвести итоги. Перед вами чужестранец. Наших обычаев не знает. Раз он оскорбил, значит, виноват. Но, насколько я понял, он никого не хотел оскорбить. Что скажут присяжные? Эй, ты там! Проснись! Что скажешь?

Один из присяжных огляделся вокруг заплывшими глазами.

— Лик-ик-видировать его!

— Отлично. А ты?

— Э-э-э...— второй явно колебался.— Думаю, хватит с него, ежели пустить ему юшку, пусть знает в другой раз. Мы тут не можем позволить мужикам лапать женщин, иначе у нас такой же бардак начнется, как на Терре...

— Разумно,— согласился я.— А ты?

Только один присяжный голосовал за ликвидацию. Прочие колебались между лупцовкой и большим штрафом.

— А ты что думаешь, Слим?

— Ну...— Парень явно нервничал под пристальными взглядами ватаги, а главное, девушки — возможно, его подружки. Но он уже остыл и не хотел ликвидировать этого олуха.— Мы над ним уже поработали. Может быть, если он встанет на четвереньки, да поцелует пол перед Тиш, да скажет, что сожалеет?..

— Вы готовы так поступить, gospodin Лажуа?

— Если прикажете, Ваша честь.

— Я не прикажу. Вот мой вердикт. Во-первых, насчет этого присяжного... да, да, я о тебе. Ты оштрафован в размере гонорара за то, что дрыхнул во время судебной процедуры. А ну, ребята, взять его, забрать пятерку и вышвырнуть вон!

Что они и сделали с энтузиазмом — надо думать, получили хоть какую-то компенсацию за то удовольствие, которое предвкушали, но не решились испытать.

— Теперь вы, gospodin Лажуа; вы присуждаетесь к штрафу в размере пятидесяти долларов за то, что у вас не хватило соображения узнать кое-что о местных обычаях, прежде чем шататься по улицам. Выкладывайте.

Я спрятал доллары.

— Теперь вы, ребята. Подровняйсь! Штраф по пять долларов с носа за то, что не проявили разумного подхода к человеку явно нездешнему и незнакомому с нашими порядками. Что не дали ему дотронуться до Тиш — молодцы. Отлупили — тоже о'кей: впредь будет сообразительней. Могли даже вышвырнуть его из пивной. Но требовать ликвидации за элементарную ошибку, это... ну, ни в какие рамки не лезет. Пять баксов с носа. Позвольте получить.

Слим сглотнул.

— Судья... я думаю, у нас нет столько. У меня, во всяком случае, нет.

— Я предполагал, что так может получиться. Даю вам неделю на выплату долга, иначе сообщу ваши имена и адреса в Старый Купол. Знаете салон «Bon Ton Beaute Shoppe» рядом со шлюзом номер тринадцать? Он принадлежит моей жене, ей и заплатите. Заседание суда закрыто. Слим, не уходи. Ты тоже, Тиш. Gospodin Лажуа, давайте отведем этих молодых людей куда-нибудь наверх, поставим им по стаканчику и познакомимся поближе.

И опять у него в глазах вспыхнул странный восторженный огонек, чем-то напомнивший мне профа.

— Чудесная мысль, судья.

— Я уже не судья. Это двумя пандусами выше, так что советую вам предложить Тиш свою руку.

Он поклонился:

— Миледи? Смею ли я? — и согнул руку в локте.

Тиш моментально повзрослела:

— Spasebaw, gospodin. С удовольствием.

Я отвел их в дорогой ресторан, где эта парочка в своих диких одежках и грубом макияже выглядела совершенно неуместно. Они это чувствовали и держались напряженно, но я постарался их раскрепостить. Стьюарт Лажуа проявил еще больше усилий, и не без успеха. Я записал их адреса и имена — у Вайо были свои планы насчет stilyag. Они выпили, встали, поблагодарили и ушли. Мы с Лажуа остались вдвоем.

— Gospodin,— обратился он ко мне,— вы употребили чуть раньше странное словосочетание. Странное для меня, я хочу сказать.

— Детишки ушли, так что зовите меня Манни. Какое словосочетание?

— Помните, когда вы настаивали, чтобы эта... гм... юная леди, Тиш... чтобы Тиш тоже заплатила... «Дар за небо» или что-то в этом роде.

— «Дарзанебы». Это значит — «дармовой закуски не бывает». Ее и в самом деле не бывает,— я показал на плакатик «Дармовая закуска», висевший на стене напротив,— иначе эта выпивка стоила бы вдвое дешевле. Хотел напомнить ей, что за подарки потом приходится платить вдвойне либо выясняется, что они яйца выеденного не стоят.

— Любопытная философия.

— Это не философия, это факт. Так или иначе, но платить надо за все, что получаешь.— Я помахал рукой в воздухе.— Когда я был на Земле, то слышал выражение «дешевле воздуха». Здесь воздух не дешев, здесь ты платишь за каждый вздох.

— В самом деле? Пока что за вздох с меня еще денег не требовали,— улыбнулся Лажуа.— Может, лучше не дышать?

— Все может быть. Сегодня вы, например, чуть не вдохнули вакуум. А не требовали потому, что вы уже заплатили. Вашу плату за воздух включили в стоимость тура, а мою с меня взимают ежеквартально.— Я начал было рассказывать ему, как моя семья покупает и продает воздух общинному кооперативу, но решил, что это слишком сложно.— Так что мы оба платим.

Лажуа выглядел невероятно довольным.

— Ну, экономическая необходимость мне ясна. Просто немного непривычно. Скажите мне... э-э... Манни,— кстати, меня

зовут Стью,— мне действительно угрожала опасность «вдохнуть вакуум»?

— Видно, маловато я с вас содрал.

— Извините?

— Вы же ничего не поняли. Но я обчистил ребят до нитки, да еще оштрафовал их, чтобы задумались. А взять с вас больше, чем с них, права не имел. И очень жаль, что не имел, раз вы принимаете все это за шутку.

— Поверьте мне, сэр, я не считаю это шуткой. Мне просто трудно поверить, что ваши местные законы позволяют предать человека смерти... вот так, походя... и за столь незначительный проступок.

Я вздохнул. С чего бы вы начали объяснение, если из слов собеседника ясно, что он не просто нуль в данном вопросе, но еще и полон предрассудков, которые противоречат фактам, и вдобавок ко всему даже не подозревает, что эти предрассудки у него наличествуют?

— Стью,— начал я,— давайте разберемся по порядку. Здесь нет «местных законов», по которым вас можно было бы «предать смерти». И ваш проступок не был «незначительным». Я просто сделал скидку на ваше невежество. И все случилось вовсе не «походя», иначе мальчики спокойненько оттащили бы вас к ближайшему шлюзу с нулевым давлением, сунули туда и слиняли. Вместо этого они — парни-то просто молодцы! — соблюли все формальности и выложили собственные денежки, чтобы судить вас. И даже не ворчали, когда вердикт оказался совсем не таким, как они надеялись. Вам еще что-нибудь не ясно?

Лажуа усмехнулся, и на щеках у него появились такие же ямочки, как у профа. Я обнаружил, что чем дальше, тем больше он мне нравится.

— Боюсь, что абсолютно все. Мне кажется, я очутился в Зазеркалье.

Он меня не удивил, поскольку я бывал на Земле и немного представляю себе их мировосприятие. Землеед просто не мыслит своего существования без закона, в котором черным по белому все пропечатано на все случаи жизни. У них есть специальные

законы для частных сделок и для заключения контрактов. Ей-богу! Но если человек не держит слово, кто захочет заключать с ним контракт? Или репутация уже ничего не значит?

— У нас нет законов,— сказал я.— Нам не позволили их иметь. Есть обычаи, но они неписаные и их не насаждают силой — они сами себя насаждают, если можно так выразиться, потому что они просто следствие, вытекающее из объективных обстоятельств, фактически наши обычаи — это законы природы, которые диктуют людям, как себя вести, чтобы остаться в живых. Когда вы сегодня приударили за Тиш, вы нарушили закон природы... и поэтому чуть было не вдохнули вакуум.

Он задумчиво прищурился.

— Не объясните ли вы мне, какой закон природы я нарушил? Я хотел бы понять — иначе придется вернуться на корабль и сидеть там до самого отлета. Чтобы остаться в живых.

— Разумеется. Он так прост, что если вы его поймете, то уже никогда больше не попадете впросак. Смотрите — у нас тут два миллиона мужчин и меньше одного миллиона женщин. Это физический факт, такой же, как камень или вакуум. Добавьте сюда идею «дарзанебы». Дефицит всегда поднимает цену. Женщин мало, на всех не хватает, и это превращает их в самое драгоценное сокровище в Луне, которое дороже воздуха и льда, поскольку без женщин мужикам один черт, что жить, что помирать. За исключением киборгов, если вы считаете их мужиками; мне лично это никогда не удавалось.

— Итак, что же произошло в результате? — продолжал я.— Причем учтите, что в двадцатом веке, когда этот обычай или естественный закон только начал складываться, соотношение было еще хуже: десять и даже больше мужиков на одну женщину. Во-первых, произошло то, что всегда происходит в тюрьмах: мужчины стали пользоваться мужчинами. Это мало помогло; проблема осталась нерешенной, ибо большинству мужчин нужны женщины, и они не согласны на эрзац, если есть шанс получить настоящее gelt.

Возбуждение достигло таких масштабов, что за женщин стали убивать. Послушать рассказы старожилов — кровь в жилах

стынет, такая резня тут была. Но со временем уцелевшие нашли способ, как жить дальше, и все утряслось. Установился порядок, такой же естественный, как гравитация. Кто сумел приспособиться к реальности, остался в живых, кто не сумел — помер. Нет проблем.

А реальность такова: женщин мало и они задают тон... а вы окружены двумя миллионами мужчин, которые следят, чтобы вы танцевали под эту музыку. У вас нет выбора, выбор принадлежит только ей. Она может врезать вам так сильно, что кровь хлынет ручьем, вам же нельзя тронуть ее даже пальцем. Вспомните, вы только обняли Тиш за талию, может быть, попробовали поцеловать... А предположим, она пошла бы с вами в гостиничный номер? Что тогда?

— Господи! Я думаю, они разорвали бы меня в клочья!

— Они не сделали бы ровным счетом *ничего.* Пожали бы плечами и притворились, что вас в упор не видят. Потому как выбирает *она,* а не вы. И не они. Только она. И вы бы рисковали собственной шеей, если бы предложили ей пойти в номер; она могла оскорбиться, а тогда бы парни отделали вас по первое число. Но... возьмем, к примеру, эту Тиш. Глупая маленькая сучка. Покажи вы ей ненароком пачку банкнот, которую я видел в вашем бумажнике, и она вполне могла бы сама предложить вам пойти перепихнуться. В этом случае вы были бы в полной безопасности.

Лажуа вздрогнул.

— В ее-то годы? Я даже подумать об этом боюсь. Она ведь еще малолетка! Это же уголовное преступление, все равно что изнасилование.

— Ох, черт побери! Да ничего подобного! Женщины в ее годы обычно уже замужем или должны быть замужем. Стью, изнасилований в Луне *не бывает.* Никогда. Мужчины не позволят. Если бы такое вдруг случилось, никто не стал бы искать судью — все мужики в радиусе слышимости кинулись бы на помощь жертве. Но шансы, что девушка в ее возрасте девственница, практически равны нулю. Пока малышки подрастают, матери присматривают за ними с помощью всех горожан: дети

тут в безопасности. Но, когда они достигают брачного возраста, их уже не удержать, и матери даже не делают таких попыток. Если девчонке нравится шляться по коридорам и забавляться, ее не остановишь. Как только она достигла половой зрелости — она сама себе хозяйка. Вы женаты?

— Нет.— Он добавил с улыбкой: — Во всяком случае сейчас.

— А предположим, вы женаты и жена говорит вам, что хочет завести еще одного мужа. Что бы вы сделали?

— Странно, что вы выбрали такой пример — со мной как раз случилось нечто подобное. Я обратился к адвокату и добился, чтобы она не получила алиментов.

— Алименты! Тут и слова-то такого никто не знает, я его впервые услыхал на Земле. Здесь вы... вернее, муж-лунарь мог бы сказать: «Думаю, моя дорогая, нам понадобится помещение попросторнее». Или просто поздравил бы жену и своего нового собрачника. Или, если бы ему уж очень тошно стало, «выписался» бы и пошел паковать чемоданчик. Но в любом случае — ни намека на скандал. Подними он хоть малейший шум — и против него ополчатся все окружающие. Его облили бы презрением все знакомые, как мужчины, так и женщины. Бедолаге осталось бы только сбежать в Новолен, сменить имя и попробовать начать жизнь заново.

Все наши обычаи работают по такому же принципу. Если ты вылез на поверхность, а у твоего спутника кончился кислород — отдай ему баллон и не спрашивай о деньгах. Но, если он откажется заплатить, когда вы вернетесь назад, можешь ликвидировать его без всякого судьи, никто тебя не упрекнет. Впрочем, он заплатит; воздух — это святое, почти как женщины. Если ты обыграл новичка-лопуха в покер, дай ему денег на воздух. Не на еду — пусть вкалывает или сдохнет, это его проблемы. Если ты ликвидировал человека не в порядке самозащиты, оплати его долги и позаботься о детях, иначе люди перестанут с тобой разговаривать, ничего у тебя не купят, ничего не продадут.

— Манни, вы хотите сказать, что я могу убить человека, а потом уладить все за деньги?

— Да ничего подобного! Но ликвидация не противозаконна, потому что законов здесь нет — кроме распоряжений Смотрителя, а Смотрителю плевать на наши разборки. Мы же считаем так: если мужика убили, значит, он сам на это напросился. Так оно чаще всего и бывает. В противном случае его друзья возьмут дело в свои руки и ликвидируют виновного. И нет проблем. Кстати, ликвидации бывают крайне редко. Даже официальные поединки, и те увидишь не часто.

— «Его друзья возьмут дело в свои руки»! Манни, а предположим, эти ребята пошли бы до конца? У меня тут нет друзей.

— Потому-то я и согласился судить. Хотя вряд ли они решились бы на такое. Но я не хотел рисковать. Ликвидация туриста могла запятнать репутацию нашего города.

— А это случается часто?

— Да я вообще такого не припомню; может, какой-нибудь несчастный случай и был не совсем случайным. Новичок тут всегда ходит по краю, уж такое это место — наша Луна. Говорят, если новичок прожил тут год, он будет жить вечно. Но в первый год ни один агент ему страховку не выдаст.— Я взглянул на часы.— Стью, вы обедали?

— Нет, я как раз собирался пригласить вас в мой отель. Там прилично готовят. Гостиница «Орлеан».

У меня мороз пошел по коже — как-то раз отведал их готовки.

— А может, зайдем ко мне домой, я вас со своими познакомлю? В этот час у нас обычно есть что похлебать.

— А это удобно?

— Конечно. Подождите минутку, я позвоню.

Ма сказала:

— Мануэль, дорогой, как это мило! Поезд давно пришел. Я решила, что ты приедешь завтра или даже позже.

— Просто вляпался в пьяный дебош, Мими, и связался с дурной компанией. Иду домой, если, конечно, найду дорогу, и приведу дурную компанию с собой.

— Хорошо, дорогой. Обед через двадцать минут. Постарайся не опоздать.

— И тебя не интересует, что это за компания — мужская или женская?

— Зная тебя, предполагаю, что женская. Но, думаю, я разберусь, когда увижу.

— Ты знаешь меня как облупленного, Ма. Скажи девочкам, пусть принарядятся. Чтобы любых гостей затмили.

— Только не тяни — обед перестоится. Пока, милый. Целую.

— Целую, Ма.— Я подождал, потом набрал «Майкрофт-ХХ».— Майк, я хочу, чтобы ты проверил одно имя. Землянин, пассажир с «Попова». Стьюарт Рене Лажуа. Стьюарт пишется через «ю», а фамилию поищи и на «Л», и на «Ж».

Долго ждать не пришлось. Майк нашел Стью во всех главных земных справочниках: «Кто есть кто», «Данн и Брэдстрит», «Готский Альманах», «Ежегодник лондонского "Таймс"» и так далее. Француз по происхождению, роялист, богач, еще шесть имен, которые он для удобства свел воедино, три ученых степени, в том числе юридическая, полученная в Сорбонне, знатные предки во Франции и Шотландии, разведен (детей нет) с высокочтимой Памелой де-Дефис Голубая-Кровь. Такие землееды обычно считают ниже своего достоинства разговаривать с лунарем, у которого в роду одни арестанты. Но Стью был готов общаться с кем угодно.

Я послушал минут пять, потом попросил Майка подготовить полное досье со всеми подробностями.

— Майк, похоже, это наша птичка.

— Возможно, Ман.

— Ладно, я побежал. Пока!

К гостю я вернулся в глубокой задумчивости. Почти год назад, во время той пьяной беседы в номере «Малины», Майк обещал нам один шанс из семи, если будут соблюдены кое-какие условия. Одним из sine qua non была помощь с Терры.

Несмотря на проект «швыряния камней», Майк понимал, да и мы тоже, что могучую Терру с одиннадцатью миллиардами жителей и неисчерпаемыми ресурсами нечего и думать победить трем миллионам безоружных лунарей, пусть даже мы сидим на пригорке и можем кидать в них камешки.

Майк провел параллель с восемнадцатым веком, когда отделились американские колонии Британии, и с двадцатым, когда многие империи лишились своих колоний, и подчеркнул, что свобода ни разу не была достигнута с помощью одной только грубой силы. Во всех этих случаях имперские государства участвовали в каких-нибудь заварухах, выдохлись и сдали позиции, так и не использовав свои силы.

Уже несколько месяцев мы были достаточно сильны, чтобы при желании справиться с охраной Смотрителя. Как только наша катапульта заработает (теперь уже с минуты на минуту), мы не будем больше беззащитными. Но нам необходим «благоприятный климат» на Терре. А тут не обойтись без помощи самой Терры.

Проф сначала считал это легкой задачей. Но она оказалась одной из самых сложных. Почти все его друзья на Земле поумирали, а у меня их отродясь не водилось, кроме нескольких преподавателей. Мы спустили вниз по ячейкам запрос: «Каких шишкарей на Земле вы знаете лично?» Ответ был один: «Шутить изволите?» Нулевая программа.

Проф следил за списками пассажиров прибывающих кораблей, стараясь найти там кого-нибудь подходящего для контакта, читал лунные перепечатки земных газет в поисках упоминаний о шишке, с которой можно было бы связаться с помощью прежних знакомых; я же и не пытался — среди горсточки моих знакомых не было никаких важных персон.

Проф не выловил Стью из списка пассажиров «Попова». Ничего удивительного — они ведь не были знакомы. Конечно, Стью мог оказаться просто чудаком, как на то намекала его странная визитная карточка. Но это был единственный землянин, с которым мне довелось посидеть в Луне за рюмкой, на вид мужик был стоящий, а если учесть еще и сведения Майка, то улов получался совсем неплохой. Словом, клевала крупная рыба.

Поэтому я и повел его домой — хотел посмотреть, какое впечатление он произведет на мое семейство.

Начало было хорошим. Ма улыбнулась и протянула руку. Стью взял ее и склонился так низко, что я испугался, как бы он

не вздумал ее поцеловать. Но, видно, мои наставления насчет женщин не пропали даром. Ма заворковала и повела его к столу.

Глава 12

Апрель и май 2076 года ознаменовались новыми трудами и усилиями, направленными на то, чтобы настроить лунарей против Смотрителя и подвигнуть его на ответные репрессии. Беда с Мортом заключалась в том, что он вовсе не был мерзавцем и сам по себе ненависти не вызывал, разве только как символ Администрации; нужно было как следует пугнуть его, чтобы он начал действовать. Кстати, в этом смысле средний лунарь был не лучше. Он презирал Смотрителя, потому что Смотрителей положено презирать, но по натуре своей не был революционером, так что пытаться его расшевелить — все равно что гору с места сдвинуть. Пиво, пари, женщины, работа... Если революция не умерла от анемии, так это исключительно благодаря драгунам-усмирителям с их выдающимся талантом возбуждать к себе ненависть.

Но даже драгун нам приходилось подстегивать. Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие»*, ссылаясь на мифический инцидент в давней революции, подобием которого он намеревался вызвать шум, способный взбудоражить все общество.

И все же мы не опускали рук. Майк переписал заново старые революционные песни: «Марсельезу», «Интернационал», «Янки Дудл», «Мы победим», «А пироги будут в раю» и прочие, чтобы они обрели лунную тематику. Такие штучки, как «Сыны Булыжника, проснитесь!/Не дозволяйте, чтоб Смотритель/Свободу вашу погубил!» Саймон Джестер распространял повсюду, а когда они достаточно укоренились в памяти, их стали наигрывать по радио и видео (разумеется, только мелодию). Смотритель попал в дурацкое положение, так как ему пришлось запрещать исполнение определенных музыкальных тем; а нам это только на руку — пускай их народ насвистывает.

Майк скопировал голос и манеру речи заместителя Администратора, главного инженера и других глав департаментов; по ночам у Смотрителя телефон стал трезвонить без умолку. Звонили помощнички. Правда, они это наотрез отрицали. Поэтому Альварес установил систему подслушивания и не без помощи Майка проследил источник этих звонков. Им оказался запасной телефон его собственного шефа, чей утробный рык он тут же узнал.

Следующий звонок, разбудивший Морта, был сделан уже от имени самого Альвареса, и то, что Морт сказал Альваресу, и то, что Альварес сказал в свое оправдание, выглядело как помесь безумия с идиотизмом.

Проф велел Майку прекратить — он боялся, что Альварес может потерять работу, а этого мы не хотели: Альварес отлично лил воду на нашу мельницу. Но к тому времени драгун уже дважды поднимали ночью в ружье якобы по приказу Смотрителя, что сильно подорвало их моральный дух. Смотритель же до конца уверовал, что со всех сторон окружен предателями, тогда как его подчиненные считали, что у начальства шарики зашли за ролики.

В газете «Lunaya Pravda» появилось объявление, что состоится лекция доктора Адама Селена на тему «Поэзия и искусство Луны — новый Ренессанс». Никто из товарищей на нее не пошел — по ячейкам был спущен приказ всем оставаться дома. Когда на месте проведения лекции появилось три взвода драгун, они там никого не обнаружили. Так сказать, принцип неопределенности Гейзенберга в приложении к «Багряному цветку». Главный редактор газеты провел пару крайне неприятных часов, объясняя, что он лично не принимает объявлений и что это объявление кто-то доставил прямо в редакцию и оплатил наличными. Редактору было приказано не принимать больше никаких объявлений от Адама Селена. Затем приказ отменили и велели *брать* от Адама Селена любую бумажку и немедленно извещать об этом Альвареса.

Мы испытали новую катапульту, сбросив груз в южной части Индийского океана на 35° восточной долготы и 60° южной

широты, то есть в точке, где, кроме рыб, никто не обитает. Майк был в восторге от своей меткости, поскольку высунулся поглядеть на цель всего два разочка, улучив момент, когда следящие и направляющие радары Администрации бездействовали, и с первой же попытки попал в яблочко. На Терре газеты сообщили, что Кейптаунская станция космических наблюдений зарегистрировала в субантарктике гигантский метеорит; оценка силы удара полностью совпадала с расчетами Майка. Он позвонил мне и расхвастался, когда пришли вечерние известия агентства Рейтер.

— Я тебе говорю, все тютелька в тютельку,— заливался он.— Я сам все наблюдал! Какой замечательный всплеск!

Более поздние сообщения насчет ударной волны, поступившие от сейсмических станций, а также о цунами — от океанографических, подтвердили, что Майк восторгался не зря.

У нас была всего одна глыба в стальной оболочке (купить сталь — проблема), иначе Майк потребовал бы еще раз испытать свою новую игрушку.

«Колпаки свободы» стали все чаще появляться на головах stilyag и их девчонок; «Саймон Джестер» тоже обзавелся колпачком между рожками; магазин «Bon Marché»[1] раздавал их в качестве премий. У Альвареса произошел неприятный разговор со Смотрителем: Морт потребовал, чтобы ему разъяснили, почему его главный шпик считает необходимым реагировать на каждую дурацкую выходку подростков? Может быть, Альварес спятил?

В начале мая я столкнулся на Карвер-Казвей со Слимом Лемке. На нем был «колпак свободы». Он, похоже, обрадовался встрече, а я поблагодарил его за быстрое возвращение долга (он явился через три дня после суда над Стью и заплатил Сидрис тридцать гонконгских за всю шайку). Я поставил ему стаканчик. Пока мы сидели, я спросил его, почему молодежь носит красные шапочки? Почему именно шапки? Это же обычай землеедов, nyet?

[1] «Удачная покупка» (*фр.*).

Он поколебался, потом сказал, что это знак ложи, типа как у «Сохатых»[1]. Я сменил тему. Узнал, что его полное имя Мозес Лемке Стоун и что он член банды Стоунов. Я был приятно удивлен — мы оказались родственниками. И неприятно тоже: оказывается, даже лучшие семьи, такие как Стоуны, не всегда могут найти брачные союзы для своих сыновей. Мне-то повезло, а мог ведь так же носиться в его возрасте по коридорам. Я сказал ему о нашем родстве по материнской линии.

Он заметно потеплел, а вскоре спросил:

— Кузен Мануэль, ты когда-нибудь думал о том, что нам следовало бы самим избирать себе Смотрителей?

Я ответил — нет, не приходилось; Смотрителя назначает Администрация, и я думаю, так будет всегда. Он осведомился, а зачем нам Администрация? Я спросил — кто ему забивает голову такими идейками? Он заявил, что никто, он просто рассуждает, разве у него нет права рассуждать?

Я пришел домой и еле удержался от соблазна узнать у Майка партийную кличку этого паренька, если, конечно, она у него есть. Но это было бы нарушением правил секретности, да и по отношению к Слиму нечестно.

Третьего мая 2076 года семьдесят мужиков по имени Саймон были задержаны, допрошены, а затем отпущены. Газеты об этом факте умолчали. Но знали о нем все. Наша организация разрослась до уровня буквы «И», а двенадцать тысяч человек могут разнести слухи быстрее, чем я предполагал. Мы подчеркнули, что одна из этих опасных личностей была всего четырех лет от роду — ложь, разумеется, но весьма впечатляющая.

Стью Лажуа пробыл с нами февраль, март и вернулся на Терру лишь в начале апреля. Менял билеты с одного рейса на следующий, потом опять на следующий. Когда я сказал ему, что он опасно рискует и близок к невидимой черте, после которой начнутся необратимые физические изменения, он только

[1] «Сохатые» — прозвище членов благотворительной организации в США.

ухмыльнулся и велел мне не беспокоиться. Однако тут же договорился о центрифуге.

Стью не хотел уезжать даже в апреле. Его расцеловали со слезами на глазах все мои жены и Вайо, и он заверил каждую, что вернется. Но все же уехал — надо было работать. К этому времени он уже стал членом Партии.

Я не принимал участия в решении вопроса о вербовке Стью — опасался, что слишком пристрастен к нему. Вайо, проф и Майк были единодушны — рискнем! Я с радостью согласился.

Мы вербовали Стью Лажуа все вместе — я, проф, Майк, Вайо, Ма, даже Сидрис, Ленора, Людмила, наши ребятишки, Ганс, Али и Фрэнк, так как именно домашняя жизнь Дэвисов захватила его с самого начала. Не помешало, конечно, и то, что Ленора была самой красивой девушкой Луна-Сити, хотя отнюдь не затмевала прелестей Милы, Вайо, Анны и Сидрис. Не повредило и то, что сам Стью обладал обаянием, способным сманить младенца от материнской груди. Ма надышаться на него не могла; Ганс обучал его гидропонике; Стью, грязный и потный, ползал с ребятами по туннелям, помогая собирать урожай с китайских рыбных садков; его кусали наши пчелы; он научился носить скафандр и выходил со мной наверх чинить солнечную батарею; помогал Анне забить борова и выучился дубить кожи; сидел с Дедом, почтительно выслушивая его наивные суждения о Земле; мыл тарелки с Ма — чего ни один мужчина в семье никогда не делал; катался по полу с детьми и щенками; обучился молоть муку и обменялся с Ма кухонными рецептами.

Я познакомил его с профом, с чего и началось политическое прощупывание Стью. Ничего определенного сказано не было — мы в любой момент могли отступить,— просто проф представил его Адаму Селену, по телефону, разумеется, так как «он сейчас в Гонконге». А потом, когда Стью примкнул к нашему Делу, мы перестали притворяться и дали ему понять, что Адам — это председатель, с которым не принято встречаться лично из соображений безопасности.

Усерднее всех старалась Вайо, и по ее совету проф раскрыл карты, то есть рассказал Стью, что мы готовим революцию.

Удивления это не вызвало. Стью давно уже все понял и только ждал, чтобы мы ему доверились.

Говорят, однажды из-за пары прекрасных глаз в море вышла тысяча кораблей. Не знаю, пользовалась ли Вайо чем-нибудь более весомым, нежели словесные аргументы, при обращении Стью. И не пытался узнать. Но на мое собственное обращение к Вайо повлияла гораздо сильнее, чем профовы теории и расчеты Майка. Если она и прибегла к более сильным средствам, то она не первая героиня в истории, которая использовала их ради своей страны.

Стью отправился на Терру с собственной кодовой книжкой. Вообще-то я разбираюсь в кодах и шифрах не больше любого компьютерщика, изучавшего основы теории информации. Шифр — это математическая модель, в которой одна буква алфавита заменяется другой; самый простой вариант — когда буквы алфавита просто перемешаны. Шифры могут быть невероятно сложными, особенно те, что разработаны с помощью компьютера. Но все они уязвимы как раз потому, что представляют собой математические модели. А то, что придумал один компьютер, другой вполне может «расколоть».

Коды в этом смысле надежнее. Предположим, в кодовой книге стоит символическая группа букв ГЛОПС. Означает ли это «тетя Минни прибывает домой в четверг» или число 3,14159?

Вы можете присвоить коду любое значение, и ни один компьютер не сможет раскрыть его просто исходя из группы букв. Но дайте компьютеру достаточное число групп и хорошую теорию, которая учитывала бы их возможные значения или предметы, которые они обозначают, и компьютер со временем сможет решить проблему, так как значения обнаружат определенную закономерность. Однако эта задача гораздо более высокого класса и на порядок труднее.

Выбранный нами код был одним из самых распространенных, которым широко пользовались в деловой переписке как в Луне, так и на Терре. Но мы его основательно переработали. Проф и Майк часами обсуждали, какую информацию Партии

может понадобиться отправить агенту на Терре или получить от него. Потом Майк переработал этот гигантский объем информации и создал новый набор значений для кодовых сочетаний, с помощью которых с одинаковой легкостью можно было передать: «Скупите весь будущий урожай риса в Таиланде» или «Бегите. Мы разоблачены». В общем, все что угодно — туда были включены элементы шифра, которые позволяли выразить даже то, что первоначально не было предусмотрено.

Поздней ночью Майк распечатал новый код в типографии газеты «Lunaya Pravda»; ночной редактор передал ролик товарищу, который превратил его в микропленку и передал третьему, причем никто из них не знал, что это такое и зачем это нужно.

Ролик закончил свое путешествие в бумажнике Стью. Досмотр багажа отъезжающих с Луны к тому времени сильно ужесточился и производился обозленными драгунами, но Стью уверял, что все будет в порядке. Может, он проглотил эту пленку?

С тех пор некоторые радиограммы «ЛуНоГоКо» на Терру пошли через лондонского брокера прямо к Стью. Часть их касалась чисто финансовых вопросов. Партии приходилось тратить на Земле большие деньги. «ЛуНоГоКо» переводила туда определенные суммы (не все они были украдены, некоторые наши предприятия давали хорошую прибыль), но поскольку денег нужно было гораздо больше, Стью приходилось играть на бирже, используя секретные знания о плане революции: он, проф и Майк много времени провели, обсуждая вопрос о том, какие акции поднимутся, а какие упадут после der Tag[1]. Проф на этих делах собаку съел, что же до меня, то я в них ни бельмеса не смыслю.

Но деньги-то нужны были и до der Tag, чтобы создать общественное мнение. Нам нужна была реклама, нужны были депутаты и сенаторы в Федерации Наций, нужно было, чтобы хоть одна страна признала нас сразу после переворота, нужны были даже обыватели, которые за кружкой пива говорили бы другим обывателям: «Да разве эта жалкая куча камней стоит

[1] День (*нем.*). Здесь — исторический день, день революции.

жизни наших солдат? Да пусть она провалится в тартарары, верно я говорю?»

Деньги на рекламу; деньги на подкуп; деньги для подставных организаций и деньги для проникновения в организации, реально существующие; деньги, чтобы распространять сведения об истинном экономическом положении Луны (Стью был буквально нашпигован ими) в виде научных статей и популярных брошюр; деньги, чтобы убедить министерство иностранных дел хоть одной державы, что Свободная Луна — это для нее выгодно; деньги, чтобы вызвать интерес к лунному туризму у какого-нибудь крупного картеля...

Уйма денег! Стью предложил свое личное состояние, и проф не возражал — где твои сокровища, там и сердце. И все же денег не хватало, а дел было сверх головы. Я не был уверен, сможет ли Стью справиться хоть с десятой частью. Оставалось только держать за него кулаки. Но главное — какой-никакой, а канал связи с Террой у нас появился. Проф уверял, что наличие контакта с врагом исключительно важно для успешного ведения и завершения войны. (Вообще-то проф пацифист. Однако, как и в случае с вегетарианством, он не позволял принципам мешать своему здравому смыслу. Из профа получился бы великий теолог.)

Как только Стью отправился на Терру, Майк рассчитал наши шансы и получил один из тринадцати. Я спросил его — что за чертовщина? Он терпеливо ответил: «Понимаешь, Ман, риск же непрерывно возрастает, а то, что этот риск необходим, никак не оказывает влияния на его рост».

Я заткнулся. Примерно в то же время, то есть в начале мая, появился еще один фактор, который, с одной стороны, был нам на руку, а с другой — заметно увеличил риск. Одна часть Майка ведала обменом между Террой и Луной всеми микроволновыми передачами — коммерческой перепиской, научными сообщениями, видео- и радиоканалами, обычной перепиской Администрации и совершенно секретными докладами Смотрителя.

Кроме последних, Майк мог читать все, включая зашифрованные и закодированные материалы переписки коммерческих

фирм. Расшифровка их заменяла ему кроссворды, и никто его ни в чем не подозревал. Никто, кроме Смотрителя,— но Смотритель вообще не доверял никаким машинам. Он принадлежал к тому сорту людей, для которых любая техника сложнее пары ножниц, слишком хитроумна, загадочна, а потому подозрительна: склад ума пещерного человека.

Смотритель пользовался кодом, которого Майк никогда не видел. И шифры разрабатывал ему не Майк — Смотритель применял старинную маленькую шифровальную машину, стоявшую у него в резиденции. А кроме того, он договорился с Администрацией на Земле о варьировании времени передач. Словом, чувствовал себя в безопасности.

Майк расколол его шифр и вычислил ритм изменений времени передач просто так, для разминки. С кодом он возиться не стал, пока проф не попросил; самому Майку это было неинтересно.

Но раз проф велел, Майк энергично принялся за совершенно секретную переписку Смотрителя. Пришлось начинать с нуля — в прошлом Майк стирал все сообщения Смотрителя, как только передача текста заканчивалась. Теперь он по крупицам собирал данные для анализа — ужасно медленно, поскольку Смотритель пользовался этим способом связи редко, только в случае особой необходимости, иногда с недельными интервалами. Но постепенно Майк начал улавливать значение некоторых буквенных групп, разумеется, с определенной степенью вероятности. Код раскусить не так-то просто — ведь можно угадать значения девяноста девяти групп и все же упустить суть, ибо сотая группа остается для вас ГЛОПС!

Однако у того, кто пользуется кодом, тоже есть свои проблемы. Например, если ГЛОПС в процессе передачи по ошибке превратится в ГЛОПТ, то получатель депеши влип. Любой способ связи должен основываться на принципе избыточности, иначе информация может быть потеряна. Именно этот принцип и атаковал Майк со свойственным машинам безграничным терпением.

И раскрыл большую часть кода Смотрителя даже быстрее, чем ожидал. Смотритель отправлял теперь закодированные со-

общения куда чаще, чем раньше, причем, как правило, на одну и ту же тему (что упрощало расшифровку) — о безопасности и подрывной деятельности.

Морт явно впал в панику. Он взывал о помощи. Он вопил, что саботаж продолжается, несмотря на две роты драгун-усмирителей, и требовал подкреплений, чтобы установить регулярные посты на всех ключевых пунктах всех поселений.

В ответ Администрация заявила, что его требования абсурдны, что федерация не собирается жертвовать своими элитарными войсками, так как они окажутся навсегда потерянными для выполнения своих функций на Земле, и что подобных заявлений от него больше слышать не желают. Если ему нужны охранники, пусть рекрутирует их из ссыльных, но увеличение административных расходов должно быть покрыто самой Луной, дополнительных ассигнований не будет. Смотрителю предписывалось также сообщить о предпринятых им шагах для обеспечения выполнения новых зерновых квот, спущенных Луне недавно.

Смотритель ответил, что, если его чрезвычайно умеренные требования насчет обученного персонала органов безопасности — он повторяет, ему не нужны необученные, ненадежные и непригодные к этому делу ссыльные — не будут удовлетворены, он снимает с себя ответственность за общественный порядок, не говоря уже о повышенных поставках продовольствия.

Администрация насмешливо поинтересовалась — кого волнует, если бывшие ссыльные передерутся друг с другом в своих подземных норах? Если это волнует Смотрителя, пусть вспомнит, какие успешные результаты дало в 1996 и 2021 годах простое отключение света.

Этот обмен мнениями заставил нас пересмотреть наш график, какие-то дела ускорить, другие отложить. Подобно хорошему обеду, революция должна быть приготовлена так, чтобы «перемены блюд» шли одна за другой бесперебойно. Стью на Терре нужно было время. Нам нужны были глыбы в стальной обшивке и небольшие направляющие ракеты, а также прочая электроника для успешного «швыряния камнями». А сталь была

проблемой — и ее покупка, и обработка, и особенно перевозка по лабиринтам туннелей к новой катапульте.

Нам надо было довести количество членов Партии по меньшей мере до уровня «К», то есть примерно до сорока тысяч, причем в нижние эшелоны нужно было подбирать людей не по талантам, а по бойцовским качествам. Нам нужно было оружие против возможных десантов. Нужно было переместить радары Майка, без которых он ничего не видел. (Увы, самого Майка переместить было нельзя. Правда, его «частички» были раскиданы по всей Луне, но центральная часть находилась в Комплексе под тысячеметровой скалой, была окружена стальной стеной и подвешена на мощных пружинах. Администрация приняла меры предосторожности на случай, если кто-нибудь когда-нибудь вздумает бросить водородную бомбу в ее центр управления.)

Все это требовало времени, а потому следовало слегка снизить давление пара в котле.

Так что мы прекратили доводить Смотрителя и принялись за первоочередные задачи. Саймон Джестер взял отпуск. Прошел слух, что «колпаки свободы» нынче не в моде — с намеком, что выкидывать их не стоит. У Смотрителя перестал трезвонить телефон. Мы больше не провоцировали столкновений с драгунами. Стычки, правда, не прекратились, но их стало значительно меньше.

Пока мы старались успокоить Морта, появился симптом, который обеспокоил нас самих. Хотя Смотритель не получил положительного ответа (во всяком случае, нам таких депеш перехватить не удалось) на свою просьбу о присылке новых войск, он стал выселять гражданский персонал из Комплекса. Государственные служащие, жившие там, бросились искать себе жилье в Луна-Сити. Администрация произвела пробное бурение и геофизическую разведку кубатуры, прилегающей к Луна-Сити, которую можно было превратить в новое поселение.

Все это могло означать, что Администрация предполагает прислать небывало большой транспорт ссыльных. Но не исключено, что помещения Комплекса намечалось использовать для каких-то других целей.

— Зачем обманывать самих себя? — сказал нам Майк.— Смотритель готовится к приему новых войск, и помещение нужно для казарм. Если бы были другие объяснения, я бы о них знал.

— Майк,— спросил я,— но как могло случиться, что ты ничего не слышал о войсках? Ты же почти полностью расшифровал код Смотрителя.

— Не «почти», а полностью расшифровал. Но на последних двух кораблях сюда приезжали важные шишки из Администрации. Я не знаю, о чем они говорили вдали от телефонов.

Судя по объему высвобождаемых помещений, нам грозило столкновение с десятком рот драгун. Мы прикинули и решили, что сможем с ними справиться, разумеется, с помощью Майка, но это будет означать множество смертей, а не тот почти бескровный coup d'état[1], который планировал проф.

И мы изо всех сил налегли на ускоренную подготовку к мятежу, как вдруг...

Глава 13

Ее звали Мари Лион; ей было восемнадцать, родилась она в Луне, куда ее мать сослали в составе «корпуса мира» в 2056 году. Об отце ничего не известно. Была она, по-видимому, совершенно безобидным существом, работала контролершей в департаменте транспорта, жила в Комплексе.

Возможно, она ненавидела Администрацию и ей нравилось дразнить драгун-усмирителей. А может, все началось с обычной торговой сделки, столь же деловой, как в любом борделе. Откуда нам знать? В деле приняли участие шестеро драгун. Изнасилования им показалось мало (если это действительно было изнасилование); они изуродовали ее, а потом убили. Однако потихоньку избавиться от трупа не сумели. Женщина из местных служащих нашла еще теплое тело. Она закричала. Это был ее последний крик.

[1] Государственный переворот (*фр.*).

Мы узнали о случившемся немедленно. Майк известил нас троих в тот самый момент, когда Альварес и драгунский командир приступили к следствию в офисе Альвареса. Видимо, драгунский офицер выявил виновников без всякого труда, и они с Альваресом допрашивали солдат по одному, а в перерывах между допросами отчаянно грызлись между собой. Альварес орал:

— Я же говорил вам, что ваши драгуны должны иметь своих собственных женщин! Я предупреждал!

— Заткнитесь! — гремел в ответ драгунский офицер.— Я вам сказал и повторяю снова, что никого они не пришлют. Вопрос сейчас в том, как замять это дело.

— Вы что, спятили? Смотритель уже в курсе.

— Пока еще далеко не все ясно!

— Бросьте вы! Лучше давайте сюда следующего!

Вайо, узнав про убийства, пришла ко мне в мастерскую. Бледная, несмотря на макияж, не сказала ни слова, села рядышком и уцепилась за руку.

Наконец драгунский офицер ушел от Альвареса, так ни о чем и не договорившись. Альварес требовал немедленно казнить всех шестерых и оповестить об этом население (требование разумное, но явно недостаточное для его целей). Командир же продолжал настаивать на том, что надо «замять дело». Проф распорядился:

— Майк, продолжай слушать везде, где сможешь. Ну, что скажешь, Ман? Вайо? Какие соображения?

У меня их не было. Я еще не стал хладнокровным и расчетливым революционером. Мне хотелось одного — наступить каблуком на морды тех шестерых, чьи голоса я только что слышал.

— Не знаю. Что же нам делать, проф?

— Делать? Мы оседлали тигра, теперь остается только схватить его за уши! Майк, где Финн Нильсен? Найди его.

— Он как раз звонит,— ответил Майк и подключил к нам Финна.

Я услышал:

— ...на станции «Южная». Убиты оба охранника и шестеро наших. Я имею в виду лунарей, не обязательно товарищей. Ходят дикие слухи, что драгуны обезумели и сейчас насилуют и убивают всех женщин в Комплексе. Адам, мне надо поговорить с профом.

— Я слушаю, Финн,— решительно ответил проф.— Мы выступаем, ничего другого не остается. Бери лазерные ружья и людей, которые обучены ими пользоваться. Всех, кого найдешь.

— Ja! О'кей, Адам?

— Делай, как говорит проф. Потом перезвони.

— Подожди, Финн,— вмешался я,— это Манни. Мне тоже выдай ружьецо.

— Ты не умеешь им пользоваться, Манни.

— Раз оно лазерное — сумею.

— Манни, заткнись! — с нажимом сказал проф.— Ты зря теряешь время. Дай Финну спокойно делать свое дело. Адам, передай распоряжение Майку. Скажи — боевая готовность номер четыре.

Глядя на профа, я тоже постарался взять себя в руки. У меня ведь из головы вылетело, что Финну не полагалось знать о том, что Адам — это и есть Майк. Вообще все вылетело, кроме жгучего чувства ярости.

Майк сказал:

— Финн отключился. Проф, я объявил готовность номер четыре, как только все началось. Никаких передач, кроме обычных, заявки на которые были поданы раньше. Вы же не хотите, чтобы я их прервал?

— Нет, придерживайся плана. Никаких сообщений на Терру о том, что тут творится. Если что-то в этом роде появится, задержи, и мы посоветуемся.

Готовность номер четыре по сути означала введение цензуры на передачи для Терры, но так, чтобы не возбудить там ни малейшего подозрения. Для этого Майк должен был на разные голоса извиняться, дескать, у нас нарушения с прямой связью; что же до сообщений, записанных на пленку, то тут проблем не было.

— Программа действует,— сказал Майк.

— Отлично. Мануэль, остынь, сынок, и займись лучше собственными делами. Драться будут другие, а ты нужен здесь, нам

ведь многое придется импровизировать. Вайо, передай товарищу Вивиан, чтобы забрала всех «иррегулярников» из коридоров. Отправьте ребят по домам — пусть их матери предупредят всех остальных матерей. Мы не знаем, где развернутся бои, но раненые дети нам ни к чему, если в наших силах это предотвратить.

— Слушаюсь, проф.

— Минуточку. Как только известишь Сидрис, выпускай своих stilyag. Я хочу, чтобы в городском офисе Администрации начался погром — пусть вломятся туда, пусть крушат, орут, ломают, но желательно без жертв. Майк! План номер четыре, пункт «М». Отключи все линии связи с Комплексом, разумеется, кроме твоих собственных.

— Проф,— вмешался я,— какой смысл производить там погром?

— Манни, Манни! Это же наш День! Майк, в других поселениях уже известно об изнасиловании и убийствах?

— Пока не слышал. Я то и дело прослушиваю разные точки.На станциях метро тихо, везде, кроме Луна-Сити. Только что началось сражение на станции «Западная». Хотите послушать?

— Не сейчас. Манни, отправишься туда и посмотришь сам. Только не лезь в драку и держись поблизости от телефона. Майк, поднимай народ во всех поселениях. Передай новости вниз по ячейкам, используй версию Финна, а не то, что было на самом деле. Драгуны насилуют и убивают всех женщин в Комплексе — хочешь, дам тебе детали, хочешь, сам изобретай. Гм... ты можешь отдать приказ охранникам на других станциях метро вернуться в свои казармы? Мне нужен мятеж, но зачем посылать безоружных людей против вооруженных, если этого можно избежать?

— Попытаюсь.

Я поспешил к станции «Западная», но по мере приближения к ней невольно замедлил шаг. Коридоры были забиты разъяренными людьми. В жизни не слышал, чтобы город так гудел. Я пересек Казвей и уловил шум и крики со стороны городского офиса Администрации, хотя Вайо явно не могла так быстро настропалить своих stilyag. И их там действительно не было. Просто то, что проф планировал сделать, совершилось спонтанно.

На станции была дикая давка. Мне пришлось продираться сквозь толпу, чтобы увидеть то, в чем я хотел убедиться: что проверявшие паспорта солдаты либо сделали ноги, либо их протянули. Оказалось — протянули, вместе с тремя лунярями. Один из них был мальчишка лет тринадцати. Он так и умер, сомкнув руки на горле драгуна; на голове мальчика продолжал красоваться красный колпак. Я пробился к телефону и отчитался.

— Возвращайся,— сказал проф,— но сначала прочти удостоверение личности у одного из солдат. Мне нужно его имя и звание. Финна видел?

— Нет.

— Он отправился туда с тремя ружьями. Скажи, где будка, из которой ты звонишь, узнай имя солдата и возвращайся обратно к будке.

Один труп уже утащили: бог знает, зачем он им понадобился. Другой был сильно изуродован, но мне удалось пробиться к нему и снять с шеи цепочку с личным медальоном, прежде чем его тоже уволокли. Потом я протолкался обратно к телефону. В будке стояла какая-то женщина.

— Леди,— обратился я к ней,— мне очень нужно позвонить. Срочно!

— Прошу вас! Эта дрянь все равно не работает.

Для меня она заработала — об этом позаботился Майк. Я сообщил профу имя солдата.

— Молодец,— сказал он.— Финна видел? Он будет искать тебя в будке.

— Не ви... Вот он, я его вижу.

— О'кей. Задержи его. Майк, ты можешь поговорить голосом этого драгуна?

— К сожалению, нет, проф.

— Ладно, тогда пусть голос будет просто хриплым и испуганным; есть шанс, что командир драгун не разберется. А может, солдат должен звонить прямо Альваресу?

— Нет, он обратился бы к своему командиру; Альварес отдает распоряжения солдатам только через него.

— Тогда вызови командира. Доложи о нападении, попроси помощи и умри в середине разговора. Пусть фоном будут звуки мятежа, какой-нибудь крик типа: «Вот он, грязная сволочь!» прямо перед твоей гибелью. Сможешь разыграть?

— Запрограммировано. Нет проблем,— весело отозвался Майк.

— Действуй. Манни, давай сюда Финна.

План профа заключался в том, чтобы обманом выманить свободных от службы солдат из казарм и направить туда, где при выходе из капсул их встретят люди Финна. План сработал, так что в конце концов Прыщ Морт совсем сошел с ума от страха, приказал немногим оставшимся стражникам охранять свою собственную персону и начал бомбардировать Землю паническими требованиями подмоги. Ни одно из его посланий туда не попало.

Я сбросил с себя путы профовой дисциплины и вооружился лазерным ружьем как раз к тому моменту, когда должна была прибыть вторая капсула с драгунами. Сжег двух драгун, почувствовал, что жажда крови куда-то пропала, и оставил добивать противника другим снайперам. Это было слишком просто. Стоило драгуну высунуть голову в дверь, и он был готов. Половина взвода засела в капсуле — пришлось их оттуда выкурить и послать вслед за остальными в мир иной. К этому времени я уже был на своем наблюдательном посту в телефонной будке.

Решение Смотрителя забаррикадироваться в резиденции вызвало мятеж в Комплексе. Альвареса убили, убили командира драгун и двух желтомундирников. Однако остатки желтых мундиров и драгун, всего тринадцать человек, заперлись вместе с Мортом — а может, они с самого начала состояли при нем: возможности Майка следить за событиями путем прослушивания были небезграничны. Но, как только стало ясно, что все живые охранники находятся в резиденции Смотрителя, проф распорядился, чтобы Майк переходил к следующему этапу.

Майк отключил освещение в Комплексе, за исключением резиденции, и снизил снабжение кислородом до уровня, при котором начинается голодание — не смертельное, но достаточно

сильное, чтобы вывести из строя всех несговорчивых. В самой же резиденции подача кислорода упала до нуля, оставив там чистый азот ровно на десять минут. К концу этого срока люди Финна, ждавшие в скафандрах на личной станции метро Смотрителя, взломали запоры воздушного шлюза и вошли внутрь «плечом к плечу». Луна была наша.

Часть II
ВОССТАВШАЯ ЧЕРНЬ

Глава 14

Итак, волна патриотизма захлестнула нашу юную нацию и объединила ее.

Именно так пишут в книжках по истории, верно? Ох, братцы!

Клянусь всеми святыми, подготовка к революции — это детские игрушки по сравнению с тем, что вас ждет после ее победы. Мы захватили власть слишком рано, мы еще не были готовы, а надо было браться сразу за тысячу дел. Администрация в Луне приказала долго жить, но Лунная Администрация на Земле и Федерация Наций были живы и очень даже здоровы. Стоило им высадить у нас всего один десант, вывести на орбиту всего один крейсер — и через неделю-другую они прибрали бы Луну к рукам... и по дешевке. Мы были просто толпой.

Новую катапульту опробовали, но готовые каменные снаряды можно было пересчитать по пальцам одной руки — моей левой. К тому же катапульта — это не оружие против кораблей или десанта. Кое-какие идейки, как справиться с кораблями, у нас имелись, но пока только идейки. Было у нас и несколько сотен дешевых лазерных ружей на складе в Гонконге — китайские инженеры оказались настоящими мастерами,— но людей, умевших с ними обращаться, явно не хватало.

Кроме того, Администрация выполняла множество полезных функций. Скупала лед и зерно, продавала воду и энергию,

контролировала многие ключевые сферы жизни. Что бы там ни произошло в будущем, но колеса должны были продолжать вертеться. Городские офисы Администрации разгромили слишком поспешно (так, во всяком случае, думал я), ибо при этом уничтожили всю документацию. Однако проф утверждал, что лунарям — всем лунарям — был необходим символ ненавистной власти, который можно повергнуть в прах, и что городские офисы лучше всего годились на эту роль, так как были наименее ценны и в то же время наиболее известны.

К счастью, Майк контролировал связь, а значит, практически все остальное. Проф начал с надзора за известиями, передаваемыми с Терры и на Терру, предоставив Майку цензуру и фальсификацию новостей до тех пор, пока мы не решим, что следует сказать Земле; к этой программе добавили пункт «М», который отрезал Комплекс от всей остальной Луны, а вместе с ним изолировал обсерваторию Ричардсона и связанные с ней лаборатории — Пирсову радиометрическую, селенофизическую станцию и другие. Лаборатории представляли собой проблему, так как в них работали ученые-земляне, продлевавшие благодаря центрифуге срок пребывания в Луне до шести месяцев. Большинство землян в Луне, если не считать горсточки туристов (тридцать четыре человека), были ученые. С ними следовало что-то делать, но в первую очередь необходимо было помешать им связаться с Землей.

Комплекс был лишен телефонной связи, и Майк не разрешал капсулам останавливаться на его станциях, даже когда в метро возобновилось движение,— сразу после того, как отряд Финна Нильсена завершил свою грязную работу.

Выяснилось, что Смотритель не погиб, а убивать его мы не собирались. Проф считал, что живого Смотрителя всегда можно превратить в мертвого, в то время как мертвого оживить не удастся даже в случае нужды. Поэтому решили довести его до полусмерти, чтобы ни он, ни его охрана не сопротивлялись, и в темпе ворваться к нему, когда Майк возобновит подачу кислорода.

С вентиляторами, запущенными на полную мощность, рассчитывал Майк, на это потребуется четыре минуты; еще минута

уйдет на то, чтобы снизить содержание кислорода практически до нуля; итак — пять минут возрастающей гипоксии[1], пять минут аноксии[2], затем взлом нижнего шлюза — и одновременно быстрая подача чистого кислорода, чтобы восстановить баланс. Погибнуть за это время никто вроде не должен, но вырубятся охраннички не хуже, чем под наркозом. Конечно, если кто-то из них будет при скафандре, можно ожидать сопротивления. Хотя вряд ли. Гипоксия — штука хитрая, можно потерять сознание, даже не понимая, что причина в нехватке кислорода. Любимая фатальная ошибка многих новичков.

Итак, Смотритель выжил, а вместе с ним три его женщины.

Но Морт уже ни на что не годился — мозг слишком долго испытывал кислородное голодание, и это превратило его в кочан капусты.

Все солдаты погибли, хотя они были моложе Смотрителя. Видок у них был такой, будто аноксия свернула им шеи.

Больше в Комплексе никто не пострадал. Когда зажегся свет и возобновилась подача кислорода, все пришли в норму, в том числе шестеро насильников и убийц, запертых в казарме. Финн решил, что расстрел — это слишком мягкое наказание для них, а потому взял на себя обязанности судьи и превратил в присяжных свой отряд.

Драгун раздели, связали по рукам и ногам и отдали во власть женщин Комплекса. Мне тошно даже подумать о том, что с ними сделали, хотя вряд ли они мучились дольше, чем Мари Лион. Женщины — странные существа: мягкие, добрые, нежные, но одновременно куда более свирепые, чем мы.

Хочется упомянуть, хотя хронологически это было позже, о судьбе стукачей. Вайо яростно настаивала на их ликвидации, но когда их согнали в кучу, потеряла мужество. Я ожидал, что проф согласится с ней, однако он покачал головой.

[1] Кислородное голодание, т.е. пониженное содержание кислорода в тканях.

[2] Отсутствие кислорода в тканях.

— Нет, дорогая Вайо, как бы мне ни претило насилие, есть только два способа обращения с врагами: или убить их, или превратить в своих друзей. Все полумеры чреваты осложнениями в будущем. Человек, настучавший на своих друзей один раз, будет стучать и дальше, а впереди у нас еще много испытаний, и стукачи могут оказаться очень опасными. Так что придется им умереть. И при этом публично. Чтоб другим было неповадно.

— Профессор,— сказала Вайо,— вы когда-то говорили, что если осудите человека, то сами его и казните. Вы собираетесь это сделать?

— И да, дорогая леди, и нет. Их кровь будет на моих руках; я принимаю на себя ответственность. Но у меня есть план, который должен отбить всякое желание шпионить у всех потенциальных доносчиков.

И Адам Селен объявил, что такие-то люди были наняты Хуаном Альваресом — покойным шефом безопасности бывшей Администрации — в качестве тайных осведомителей, и во всеуслышание назвал их имена и адреса. И даже не намекнул, что с ними делать.

Одному из них посчастливилось затаиться на целых семь месяцев, сменив место жительства и фамилию. Его тело было найдено в начале 2077 года вблизи южного шлюза в Новолене. Однако большинству удалось прожить лишь несколько часов.

Спустя считанные часы после coup d'état мы столкнулись с проблемой, о которой раньше даже не задумывались. С проблемой Адама Селена. *Кто* же такой Адам Селен? Где он? Это была его революция, он проработал в ней каждую деталь, каждому товарищу был знаком его голос. Теперь мы вышли из подполья... *так где же Адам?*

Мы целую ночь бились над этой проблемой в номере «Л» отеля «Малина»; мы обсуждали ее и одновременно принимали решения по сотням разных вопросов, возникавших у людей, которые хотели знать, что делать дальше, а сам «Адам» в это время разными голосами отдавал распоряжения по другим вопросам, не нуждавшимся в обсуждении, составлял фальсифицированные выпуски новостей для Терры, держал в изоляции Комплекс и

делал еще великое множество дел. (Сомневаться не приходится: без Майка мы не смогли бы ни захватить Луну, ни удержать ее.)

По моему мнению, стать «Адамом» должен был проф. Проф был нашим руководителем и теоретиком; его знали все; некоторым особо доверенным товарищам он был знаком как «товарищ Билл», а прочие знали и уважали профессора Бернардо де ла Паса. Он же учил половину выдающихся граждан Луна-Сити, а также многих в других поселениях и был известен каждой маломальски заметной шишке в Луне.

— Нет! — сказал проф.

— Почему «нет»? — спросила Вайо.— Проф, мы вас выбрали. Скажи ему, Майк!

— Резервирую свое мнение,— ответил Майк. — Хочу послушать, что скажет проф.

— Я вижу, ты все уже проанализировал, Майк,— сказал проф.— Вайо, мой бесценный товарищ, я не отказался бы, если б это было возможно. Но у нас нет способа сделать мой голос похожим на голос Адама, а каждый товарищ знает Адама по *голосу*. Именно для этого Майк и сделал его таким запоминающимся.

Мы еще пообсуждали: может, будем показывать профа только по видео, а Майк тем временем пусть говорит за него известным всем голосом Адама.

И отвергли этот вариант. Слишком многие знали профа и слышали его речи, совершенно не совпадавшие с голосом и манерой Адама. Ту же возможность рассмотрели применительно ко мне — голоса у нас с Майком баритональные, по телефону я общался с ограниченным кругом людей, а по видео вообще не выступал.

Я эту идею придушил в зародыше. Народ и так удивится, узнав, что я один из замов председателя, а в то, что я и есть номер первый, просто никто не поверит.

— Давайте примем промежуточное решение,— сказал я.— Адам был тайной все это время. Пусть так пока и остается. Его будут видеть только на экранах — в маске. Проф даст ему тело, Майк — голос.

Проф покачал головой.

— Я не знаю более верного пути разрушить доверие к нам в столь ответственный момент, чем выставить лидера, скрывающегося под маской. Нет, Манни.

Мы обсудили возможность пригласить на эту роль актера. В Луне не было профессиональных актеров, но были хорошие любители, как в Лунном любительском театре, так и в Ассоциации «Novy Bolshoi Teatr».

— Нет,— суммировал проф,— не говоря уже о том, что нужно найти актера, который не возомнил бы себя Наполеоном, мы просто не можем ждать. Адам должен начать заниматься делами не позже завтрашнего утра.

— В таком случае ответ напрашивается сам собой,— заявил я.— Надо использовать Майка и никогда не показывать его по видео. Только радио. Придется придумать объяснение, почему Адама нельзя видеть.

— Вынужден согласиться,— ответил проф.

— Ман, мой самый старый друг,— сказал Майк,— а почему ты говоришь, что меня нельзя показывать?

— Ты что — не понял? — спросил я.— Майк, для видео нам нужны лицо и тело, но тело у тебя состоит из нескольких тонн металла. Лица же вообще нет, и это твое счастье — не надо бриться.

— Но что мешает мне показать лицо, Ман? В данную минуту я показываю вам голос. Ведь за ним нет *звука*. Могу точно так же показать лицо.

Я был настолько ошарашен, что даже не нашелся что ответить. Просто уставился на экран видео, который мы установили, когда сняли номер надолго. Импульс это импульс это импульс[1]. Электроны гоняются друг за другом. Для Майка весь мир состоит из множества серий электрических импульсов, посланных им, или воспринятых, или мельтешащих в его внутренностях.

[1] Пародируется знаменитая фраза американской писательницы Гертруды Стайн (1874–1946) «Роза это роза это роза», неоднократно служившая предметом насмешек в литературе.

Наконец я сказал:

— Нет, Майк.

— Почему нет, Ман?

— Потому что у тебя ничего не получится! Голосом ты овладел прекрасно. На это требуется несколько тысяч решений в секунду — черепашья скорость для тебя. Но построить видеоизображение — значит... хм... производить в секунду, скажем, десять миллионов операций. Майк, ты такой проворный, что мне этого просто не постичь. Но не *настолько* проворный.

— Хочешь пари, Ман? — вкрадчиво спросил Майк.

— Если Майк говорит, что может, значит, может! — возмущенно воскликнула Вайо.— Манни, чего ты к нему вяжешься?

(Вайо думает, что электрон размерами и формой похож на маленькую горошину.)

— Майк,— сказал я медленно,— деньги я ставить не буду. Но если хочешь, попытайся. Включить видео?

— Я сам могу его включить,— ответил он.

— Ты уверен, что найдешь его? Не хотелось бы, чтоб эту картинку увидели на каком-нибудь другом экране.

Он обиженно ответил:

— Я не дурак. А теперь не мешай мне, Ман... потому что, должен сознаться, мне понадобится напрячь все свои силы.

Мы молча ждали. Внезапно экран посерел, на нем возник намек на линии развертки. Потом снова почернел, затем слабо осветился в центре размытыми пятнами тени и света в форме эллипса. Не лицо, а расплывчатый образ, какой порою можно увидеть в облаках, окутывающих Терру.

Пятно чуть-чуть прояснилось и напомнило мне картинку вроде изображения эктоплазмы[1]. Призрак лица.

Внезапно оно отвердело, и мы *увидели* «Адама Селена».

Пока это была лишь фотография зрелого мужчины. Фон отсутствовал — только лицо, словно вырезанное из газеты. И все же для меня это был Адам Селен. И никто другой.

[1] Здесь: эманация, якобы исходящая от тела медиума; в научном смысле — периферическим слой цитоплазмы клеток растений и животных.

Неожиданно он улыбнулся, губы ожили, шевельнулись челюсти, кончик языка мимолетно коснулся губ. У меня мороз пошел по коже.

— Как я выгляжу? — спросил он.

— Адам,— сказала Вайо,— у тебя слишком курчавые волосы. А на лбу должны быть небольшие залысины. Сейчас ты выглядишь так, будто на тебе парик.

Майк мгновенно внес изменения.

— Так лучше?

— Лучше. Но разве у тебя нет ямочек на щеках? Я была уверена, что слышала их, когда ты смеялся. Как у профессора.

Майк-Адам улыбнулся еще раз. На щеках появились ямочки.

— А как мне одеться, Вайо?

— Ты сейчас у себя в конторе?

— Да, я еще здесь. Сегодня пришлось задержаться.

Фон сделался серым, потом вошел в фокус и стал цветным. На стенном календаре за спиной Адама была видна дата — вторник 19 мая 2076 года, на часах — точное время. Возле локтя стоял картонный стаканчик с кофе. На столе — фотография в рамке: двое мужчин, женщина и четверо ребятишек. Появился звуковой фон — приглушенный шум площади Старого Купола, более громкий, чем обычно. Я слышал крики, где-то пели саймоновскую версию «Марсельезы». Откуда-то сбоку донесся голос Джинуолла:

— Gospodin?

Адам взглянул в направлении голоса.

— Я занят, Альберт,— сказал он спокойно.— Не соединяй меня ни с кем, кроме ячейки «Б». Прочими делами занимайся сам.— Он снова посмотрел на нас.— Ну как, Вайо? Какие соображения? Проф? Ман, мой сомневающийся друг? Сойдет?

Я протер глаза.

— Майк, ты, похоже, можешь состряпать все, что захочешь.

— Разумеется. Но я не занимаюсь стряпней. Я женат.

— Адам,— сказала Вайо,— ты выглядишь как с иголочки — и это после такого-то дня?

— А я не позволяю мелочам брать над собой верх.— Он поглядел на профа.— Профессор, если картинка о'кей, давайте

обсудим мое завтрашнее выступление. С него начнется утренний выпуск новостей в восемь ноль-ноль; об этом будут объявлять всю ночь, и ячейки нужно оповестить заранее.

Остаток ночи прошел в разговорах. Я дважды посылал за кофе, Майк-Адам тоже налил себе новый стаканчик. Когда я заказал бутерброды, он попросил Джинуолла послать кого-нибудь за парочкой для себя. Тут я мельком увидел Альберта Джинуолла в профиль — типичный «бабу»[1] — вежливый, но слегка надменный. Раньше я не знал, как он выглядит. Майк ел одновременно с нами, порой невнятно что-то говорил с набитым ртом.

Когда я спросил (профессиональный интерес!), Майк рассказал, что, построив портрет, запрограммировал его для автоматического показа, а теперь в основном уделяет внимание мимике. Но вскоре я окончательно забыл, что все это фикция. Просто Майк-Адам говорил с нами не по телефону, а по видео, и это было удобнее, вот и все.

К трем ноль-ноль мы выработали общую линию, и Майк прорепетировал речь. Проф предложил добавить несколько пунктов, Майк внес коррективы, и мы решили передохнуть. А то даже Майк-Адам уже начал позевывать, хотя, естественно, он остался на посту, охраняя контакты с Террой, держа в изоляции Комплекс и прослушивая множество телефонов. Мы с профом улеглись на кровати, Вайо растянулась на кушетке. Я свистнул, чтобы погас свет. Впервые за долгий срок мы уснули без грузил.

Пока мы завтракали, Адам Селен выступал с обращением к Свободной Луне. Он был обаятелен и мужествен, ненавязчив, но убедителен.

— Граждане Свободной Луны, друзья, товарищи! Позвольте, я представлюсь тем, кто со мной не знаком. Я Адам Селен, председатель Чрезвычайного комитета по освобождению Луны... вернее, комитета Свободной Луны, ибо мы наконец свободны. Так

[1] Индиец, получивший образование в английской школе; чиновник или клерк в Индии.

называемая Администрация, которая долгое время узурпировала власть в нашем доме, свергнута. Я стал временным главой нашего нынешнего правительства — Чрезвычайного комитета.

Вскоре, как только будет возможно, вы выберете свое собственное правительство. Пока же,— Адам улыбнулся и простер руки, словно взывая о помощи,— я буду стараться изо всех сил, надеясь на вашу поддержку. Нам не обойтись без ошибок — будьте снисходительны и терпеливы. Товарищи, если вы еще не открылись друзьям и соседям, то самое время сделать это сейчас. Граждане, наши распоряжения, возможно, будут передаваться вам через ваших соседей-товарищей. Надеюсь, что вы подчинитесь им без принуждения; это приблизит день, когда я смогу отклоняться, а жизнь потечет нормально, нормально в новом понимании — без Администрации, без охранников, без солдат, державших нас под прицелом, без паспортов, обысков и превентивных арестов.

Но необходим переходный период. Прошу вас всех — вернитесь к работе, к привычному образу жизни. К тем, кто работал в Администрации, та же просьба: вернитесь на свои рабочие места. Спокойно трудитесь, как прежде, мы будем платить вам зарплату, пока не решим, какие из функций Администрации нам следует сохранить, от каких отказаться и какие изменить.

Наши новые сограждане, ссыльные, все, кто тянет лямку, отбывая сроки, данные вам на Земле! Вы свободны, ваше наказание кончилось! Но я надеюсь, что вы будете продолжать работать. От вас не требуют — времена насилия позади,— вас убедительно просят. Вы, конечно, можете покинуть Комплекс, можете отправиться куда угодно... движение транспорта будет незамедлительно восстановлено. Но, прежде чем вы воспользуетесь обретенной свободой, чтобы кинуться в города, разрешите мне напомнить вам: «Дармовой закуски на свете не бывает». Лучше пока не трогайтесь с места. Мы обеспечим вас едой — возможно, не слишком изысканной, зато горячей и ежедневной.

Я попросил главного менеджера «ЛуНоГоКо» временно взять на себя повседневные функции упраздненной Администрации.

Эта компания будет осуществлять общий надзор за делами и разработает план, который позволит нам избавиться от аппарата принуждения, состоявшего на службе у Администрации, и передать ее полезные структуры в частные руки. Так что, пожалуйста, помогите ей.

Граждане государств Терры, живущие среди нас! Ученые, путешественники и прочие, я вас приветствую! Вы стали свидетелями редчайшего события — рождения новой нации. Роды не обходятся без боли и крови. Так случилось и сейчас. Но мы надеемся, что все уже позади. Мы не причиним вам вреда и постараемся организовать вашу отправку домой по возможности в кратчайшие сроки. Если же вы надумаете остаться и стать нашими согражданами — добро пожаловать! Пока же убедительно прошу вас избегать коридоров, чтобы не спровоцировать инцидентов, мы больше не хотим кровавых столкновений. Проявите терпимость — и я призову своих сограждан быть терпимыми по отношению к вам. Ученые Терры, возвращайтесь к своей работе в обсерваториях и лабораториях и не обращайте на нас внимания. Тогда вы даже не заметите, что мы переживаем период родовых схваток возникновения новой нации. Еще одно: мне крайне неприятно, но мы временно должны вмешаться в ваше право на связь с Террой. Мы это делаем по необходимости; цензура будет снята так быстро, как только возможно: мы ненавидим ее не меньше вас.

В заключение Адам попросил:

— Не пытайтесь увидеться со мной, товарищи, и звоните мне лишь в случае крайней необходимости. Лучше пишите, если нужно; ваши письма будут внимательно и быстро рассмотрены. Но двойников у меня нет, я не спал всю прошлую ночь и вряд ли высплюсь сегодня. Я не могу выступать на митингах, не могу обмениваться рукопожатиями, не могу принимать делегации. Я должен безотрывно сидеть за столом и работать — для того, чтобы поскорее отделаться от этой работы и передать ее тому, кого вы выберете.— Он широко улыбнулся.— Меня будет увидеть не легче, чем Саймона Джестера.

* * *

Выступление длилось пятнадцать минут, но суть его сводилась к одному: возвращайтесь на работу, соблюдайте спокойствие, дайте нам время.

Однако ученые нам его не дали — я должен был это предвидеть, сам на такие дела мастак.

Связь с Землей шла исключительно через Майка. Но у этих высоколобых электронного оборудования хватило бы на целый склад. Стоило им только захотеть — и за пару часов они уже сварганили передатчик для связи с Террой.

Нас спас один из сочувствующих, считавший, что Луна должна быть свободной. Он попробовал связаться с Адамом Селеном по телефону и попал на даму из женского отряда, который мы срочно сформировали из ярусов «В» и «Г» в порядке самозащиты, так как, несмотря на просьбу Майка, пол-Луны бросилось звонить ему сразу же после сеанса видео: кто с просьбами, а кто и с намерением поучить Адама, как ему следует выполнять свои обязанности.

После сотни звонков, переключенных на меня каким-то излишне активным товарищем из телефонной компании, мы создали эту буферную группу. К счастью, товарищ леди, которая приняла этот звонок, поняла, что тут правило «успокойте их и отпустите с миром» не годится; она перезвонила мне.

Через пять минут я, Финн Нильсен и несколько добровольцев с ружьями мчались в капсуле в зону обсерватории. Наш информатор побоялся сообщить свое имя, но рассказал, где найти передатчик. Мы застали их на месте преступления, и только быстрота реакции Финна сохранила им жизнь: его ребята просто кипели. Но мы не хотели расправы «для острастки»; мы с Финном договорились об этом еще по пути сюда. Ученых на испуг не возьмешь — у них мозги устроены иначе. К ним нужен особый подход.

Я раздавил передатчик ногой, приказал директору собрать всех сотрудников в помещении столовой и потребовал провести

перекличку — поблизости от телефона. Потом поговорил с Майком, узнал имена и сказал директору:

— Доктор, вы говорили, что тут собрались все. Но здесь не хватает семерых.— Я назвал ему имена.— *Доставить их сюда. Немедленно!*

Оказалось, отсутствующие земляне были извещены, но отказались прекратить работу — типичные ученые.

Потом я начал говорить. Лунари стояли в одном конце комнаты, земляне — в другом. Землянам я сказал:

— Мы старались относиться к вам как к гостям. Но трое из вас попытались, а возможно, и успели послать депешу на Терру.— Я повернулся к директору.— Доктор, я мог бы обшарить все поселение, все постройки на поверхности, все углы в лабораториях и уничтожить каждую деталь, из которой можно сварганить передатчик. По профессии я электронщик, а потому прекрасно понимаю, что в передатчик можно превратить чуть ли не любое устройство. Предположим, я изничтожу все, что годится для этой цели, а для верности заодно раскокаю все приборы, назначение которых мне неизвестно. И что в результате?

Можно было подумать, что я собираюсь придушить его дитя. Он посерел прямо на глазах.

— Это остановит всю исследовательскую работу... будут потеряны бесценные данные... Убытки на... ох, я даже не могу сказать, какие! Наверняка больше полумиллиарда долларов!

— Вот и я так подумал. Впрочем, я могу и не ломать оборудование, а просто забрать его с собой. А вы живите как хотите.

— Но это будет почти так же ужасно! Вы должны понять, gospodin, что если эксперимент прерван...

— Понимаю. Чем перетаскивать отсюда приборы, рискуя чего-то недоглядеть, легче забрать вас всех в Комплекс и там запереть. У нас есть казарма драгун. Но ваш эксперимент все равно полетит. А кроме того... Скажите, откуда вы, доктор?

— Из Принстона, Нью-Джерси.

— Вот как! Значит, вы тут уже месяцев пять и, без сомнения, тренируетесь и таскаете на себе грузы. Доктор, в таком случае вы можете распрощаться с Принстоном навеки. Если мы вас

переселим, то посадим под замок. Вы ослабнете. А если чрезвычайное положение затянется, вы превратитесь в лунаря, хотите вы этого или не хотите. И вся ваша мозговитая бражка тоже.

Тут распетушился один из тех, кого пришлось вызывать по второму разу.

— Вы не имеете права так поступать! Вы нарушаете закон!

— Какой закон, gospodin? Тот, что существует в вашем вшивом городишке? — Я обернулся.— Финн, покажи ему закон.

Финн сделал несколько шагов вперед и приложил эмиссионный раструб ружья к пупку законника. Большой палец повел рычажок вниз — я видел, что предохранитель снят.

— Не убивай его, Финн,— сказал я и продолжил, обращаясь к землянам: — Я ликвидирую этого человека, если иначе вас не убедить. Поэтому присматривайте друг за дружкой. Еще одна попытка — и вам не видать родного дома как своих ушей. И экспериментам вашим крышка. Доктор, я вас предупредил: примите меры и обуздайте своих сотрудников.

Я повернулся к лунарям:

— Tovarishchee, помогите им сохранить честность. Разработайте сами порядок охраны. Не позволяйте задурить себе голову — каждый землеед находится у нас под подозрением. Если придется кого-то из них ликвидировать — не стесняйтесь.

Я снова обернулся к директору:

— Доктор, любой лунарь имеет право входить куда угодно. Даже в вашу спальню. Ваши лаборанты станут отныне вашими командирами по вопросу безопасности. Если лунарь захочет сопровождать вас в сортир, не спорьте, а то как бы он не занервничал.

И опять к лунарям:

— Безопасность прежде всего! Каждый из вас работает на одного землееда — следите за ним! Распределите между собой обязанности и держите ухо востро. Следите за ними так, чтобы они даже мышеловку не сумели построить, не говоря уж о передатчике. Если слежка будет мешать работе, плюньте на работу: зарплата все равно бежит.

Я видел улыбки. В те дни для лунаря должность лаборанта была пределом мечтаний. Но лаборанты работали под началом

землеедов, которые смотрели на нас сверху вниз, все без исключения, даже те, что делали вид и были ах как вежливы.

На этом я и закончил. Когда мне позвонили, я намеревался ликвидировать всех виновных, но проф с Майком меня урезонили: в наши планы не входило насилие над землянами, если его можно избежать.

Мы установили «уши» — чуткие и широкого диапазона приемники вокруг лабораторной зоны, ибо даже самые узконаправленные излучатели «фонят» поблизости от места работы. Майку было поручено прослушивать все телефоны. После чего нам осталось только грызть ногти и надеяться на лучшее.

После очередного выпуска новостей с Терры мы облегченно вздохнули. Все тихо-спокойно. Похоже, там принимали наши цензурированные передачи без подозрений: частные, коммерческие и административные сообщения шли своим чередом и выглядели совершенно обычными. Мы же продолжали работать, пытаясь уложить в дни то, на что нужны были месяцы.

К счастью, мы получили небольшую отсрочку — в Луне в это время не было ни одного пассажирского корабля, а ближайший рейс был намечен аж на седьмое июля. Мы, конечно, могли бы заманить экипаж на «ужин у Смотрителя», а затем выставить наряд возле их передатчиков или разобрать их. Без нашей помощи они бы не взлетели; в те времена одной из статей расхода льда была поставка воды для реакторов. Конечно, расход небольшой по сравнению с грузовым транспортом: один пассажирский корабль в месяц — это считалось сильно оживленным движением, тогда как зерновые баржи отправлялись ежедневно. Словом, прибытие корабля не грозило нам какой-то неотвратимой катастрофой. Но все равно эта передышка была очень кстати — мы очень старались, чтобы все выглядело как прежде, пока не обзаведемся средствами защиты.

Поставки зерна шли по расписанию, как и раньше. Одна баржа была катапультирована чуть ли не в те самые минуты, когда люди Финна врывались в резиденцию Смотрителя. И следующая за ней пошла по расписанию, и другие тоже.

В эти дни мы не смели допустить ни одной ошибки, ни одного срыва; проф знал, что делает. Отгрузка зерна была грандиозной операцией для такой маленькой страны, как Луна, и ее нельзя было свернуть за какие-то пару недель. Слишком многим людям эта операция гарантировала их хлеб и пиво. Если бы наш комитет объявил эмбарго и перестал скупать зерно, нас выкинули бы к чертям собачьим, а новый комитет с совершенно иными идеями занял бы наше место.

Проф говорил, что для перестройки сознания людей нужно время. А пока зерновые баржи катапультировались как обычно; «ЛуНоГоКо» вела бухгалтерию и выдавала расписки, используя прежний персонал гражданской службы. Депеши отправлялись за подписью Смотрителя, его же голосом Майк разговаривал и с Администрацией на Терре. Заместитель Смотрителя оказался разумным человеком, особенно когда понял, что от этого зависит, сколько он проживет. Главный инженер тоже остался на работе — Макинтайр был настоящий лунарь и по натуре вовсе не стукач. Другие главы департаментов и мелкая чиновничья сошка не представляли проблем; жизнь продолжалась, и у нас уйма времени уходила на то, чтобы расчленить структуру Администрации на части, подготавливая некоторые из них к продаже в частные руки.

Объявилось больше дюжины людей, выдававших себя за Саймона Джестера; Саймон ответил на их притязания очень неприличными виршами и поместил свой портрет на первой полосе газет «Лунатик», «Pravda» и «Гонг». Вайо снова стала блондинкой, съездила повидать Грега на новую катапульту, а затем отправилась на десять дней в более далекое путешествие — в свой родной город, Гонконг-в-Луне, захватив с собой Анну, которая очень хотела на него поглядеть. Вайо нуждалась в отдыхе, и проф уговорил ее уехать, сказав, что она все равно будет связана с нами по телефону, а с Гонконгом необходим более тесный контакт по партийным делам. Я взял на себя ее stilyag со Слимом и Хейзел в качестве замов — это были умные, толковые ребята, которым я мог доверять. Слим с благоговением воспринял

известие, что я и есть «товарищ Борк» и каждый день вижу Адама Селена. Партийная кличка самого Слима начиналась на букву «Ж». Эта упряжка была удачной и еще по одной причине: у Хейзел вдруг стали возникать весьма пышные округлости, и не только благодаря отменной кулинарии Мими — просто Хейзел достигла определенной точки на своей орбите. Слим был готов в любую минуту переменить ей фамилию Мид на фамилию Стоун, ожидая лишь ее согласия. Пока же он с энтузиазмом занимался партийной работой, которую делил с нашей лихой рыжей девчонкой.

Энтузиазм этот был далеко не всеобщим. Многие товарищи оказались бойцами только на словах. Большинство считало, что если драгуны-усмирители ликвидированы, а Смотритель взят в плен, то и войне конец. Другие возмутились, узнав, какое низкое место занимают в партийной Иерархии, и жаждали побыстрее избрать новую структуру во главе с собой. Они без конца трезвонили Адаму, надоедая ему бесчисленными предложениями; он их выслушивал, соглашался, убеждал, что такие таланты не должны пропадать зря до выборов... и отсылал их ко мне. Не могу припомнить, чтобы хоть один из этих амбициозных деятелей не оказался нулем, когда я пытался проверить его на конкретном задании.

Работы было выше горла, а делать ее не хотел никто. Ну разве кроме горсточки энтузиастов. Самыми активными оказались те, о которых Партия даже не подозревала. Но в целом лунари как в Партии, так и вне ее не проявляли интереса к «патриотической» деятельности, если она не влекла за собой солидный оклад. Один сукин сын, отрекомендовавшийся членом Партии (врал, конечно), подцепил меня в «Малине», где располагалась наша штаб-квартира, и предложил заключить контракт на поставку пятидесяти тысяч значков для «Ветеранов революции» с дореволюционным стажем. Клялся, что удовольствуется самой ничтожной прибылью (по моим подсчетам, около четырехсот процентов), я получу хороший кусок ни за что, а общество будет облагодетельствовано.

Когда я послал его, он стал угрожать донести на меня Адаму Селену (моему лучшему другу! Ты меня еще узнаешь!) за саботаж.

Вот и вся помощь, которую мы получили. А нуждались мы совсем в другом. Нам нужна была сталь для новой катапульты, много стали. Проф поинтересовался — действительно ли необходимо делать для каменных снарядов стальную оболочку? Мне пришлось напомнить ему, что индукционное поле не «схватит» голый камень. Нам нужно было изменить расположение баллистических радаров Майка на старой катапульте и установить допплеровский на новой. И то и другое было необходимо, так как мы ждали атаки из космоса на старую катапульту.

Мы бросили клич — и получили двух добровольцев. А нужны были сотни механиков, которые не гнушались бы тяжелой работы в скафандрах. Пришлось их нанимать и платить столько, сколько потребуют. «ЛуНоГоКо» залезла в долги к Банку Гонконга-в-Луне; времени, чтобы украсть нужную сумму, не было, к тому же большая часть ворованных средств переправлялась на Землю к Стью. Наш преданный друг Фу Мозес Моррис, ставивший свою подпись под многими нашими обязательствами, чтобы Дело двигалось вперед, разорился и начал все сначала с крошечной швейной мастерской в Конгвиле. Впрочем, это случилось позже.

Купон Администрации упал после переворота с трех к одному до семнадцати к одному, и гражданские служащие взвыли, поскольку Майк все еще платил им купонами. Мы заявили, что они вольны оставаться или уходить, а тех, кто был нам нужен, наняли заново за гонконгские доллары. И в результате нажили немало врагов, которые тосковали о славных былых денечках и были готовы всадить нож в спину новому режиму.

Зерновые фермеры и брокеры тоже ворчали, так как выплаты за продовольствие у катапульты производились в купонах и по фиксированной цене. «Не будем их брать!» — орали они, а представитель «ЛуНоГоКо» пожимал плечами и отвечал, что дело, конечно, хозяйское, но, поскольку зерно все еще идет

Администрации на Терре (так оно и было), расплачиваться за него мы можем только купонами. Так что берите их или грузите свое зерно на вагонетки и дуйте отсюда.

Большинство выбирало деньги. Все бурчали, угрожали перестать выращивать зерно и перейти на овощи, или волокнистые культуры, или на что-то еще, что будут покупать у них за гонконгские... Проф ухмылялся.

Нам нужен был каждый бурильщик в Луне, особенно добытчики льда — обладатели тяжелых лазерных буров. Нам они были необходимы в качестве солдат. Нужда в них была такой жестокой, что, невзирая на отсутствие у меня одного «крылышка» и потерю опыта, я подумывал, не вступить ли мне в их ряды, хотя, чтобы орудовать большим буром, нужна немалая сила, а протез — это не мускулы. Проф сказал, чтобы я перестал валять дурака.

Тот фокус, который мы задумали, на Терре вообще не получился бы. Лазерный луч, несущий колоссальную энергию, прекрасно работает в вакууме,— а там он эффективен лишь пока достаточно сконцентрирован. Тяжелые буры, разрезающие горные породы в поисках «карманов» льда, должны были сыграть роль артиллерийских батарей, предназначенных для отражения атаки из космоса. И корабли, и ракеты обладают электронными нервными системами, а электронике очень не нравится, когда по ней лупят тугим лучом, заряженным бесчисленным числом джоулей. Если цель загерметизирована (как корабли с командами и большинство ракет), то все, что нужно,— это прожечь в ней дыру и вызвать внезапную декомпрессию. Если негерметизирована, мощный лазерный луч все равно поразит ее: выжжет «глаза», заставит потерять управление, изуродует все, что связано с электроникой, а нынче поди найди деталь, с ней не связанную.

Водородная бомба с разрушенными цепями — это уже не бомба, а просто корыто с дейтеридом лития, которое способно лишь развалиться при падении. Слепой корабль — бесполезный обломок, а не боевая единица.

Но все это просто только на словах. На самом деле лазерные буры никогда не предназначались для поражения целей,

удаленных на тысячу километров или хотя бы на километр, а переделать их для прицельного огня — работа, требующая времени. К тому же артиллеристу надо было обладать непреклонным мужеством, чтобы не стрелять до самых последних секунд в цель, которая несется прямо на него со скоростью, возможно, два километра в секунду.

Но ничего другого у нас не было, а потому мы организовали Первый и Второй волонтерские артиллерийские полки Свободной Луны. Два полка для того, чтобы Первый поглядывал на Второй сверху вниз, а Второй завидовал Первому. В Первый вошли люди постарше, Второй состоял из молодых и напористых ребят.

Мы назвали их «волонтерами», но на самом деле нанимали их за гонконгские доллары — не случайно за лед на контролируемом внутреннем рынке продолжали платить обесцененными купонами Администрации.

И вдобавок ко всему мы принялись разжигать страх перед угрозой войны. Адам Селен выступил по видео, напомнив, что Администрация безусловно попытается восстановить свою тиранию и что мы располагаем лишь считанными днями для подготовки отпора. Газеты цитировали его выступление и печатали собственные статьи — недаром мы еще до переворота обращали особое внимание на вербовку журналистов. Лунарей призывали держать свои скафандры под рукой и проверять работу сигнализации, контролирующей атмосферное давление в домах. Во всех поселениях были созданы добровольные отряды гражданской самообороны.

Из-за частых лунотрясений кооперативы, ведавшие воздушным обеспечением, имели при себе специальные бригады «конопатчиков», готовых выступить по тревоге немедленно: несмотря на эластичный силикон и стеклопластик, все поселения «протекали». В Дэвисовых туннелях парнишки помладше ежедневно производили тщательную проверку герметизации. Теперь же мы создали сотни аварийных команд «конопатчиков», составленных преимущественно из stilyag, которых усиленно тренировали на учебных тревогах, заставляли торчать в скафандрах с открытыми шлемами все время пребывания на дежурстве и так далее.

Ребята справлялись отлично. Но какие-то идиоты начинали издеваться над ними, называли «оловянными солдатиками», «адамовыми яблочками» и другими прозвищами. Какая-то команда занималась учениями, отрабатывая строительство временного шлюза вокруг поврежденного старого, а один из этих кретинов стоял и прямо-таки надрывал животик, хохоча над своими же грубыми насмешками.

Бригада гражданской обороны продолжала спокойно работать, построила временный шлюз, проверила его в скафандрах с закрытыми шлемами и убедилась, что он герметичен. Ребята вышли, схватили шутника, внесли во временный шлюз, а оттуда в зону нулевого давления, где и бросили.

После этого насмешники держали свои впечатления при себе. Проф считал, что нам следует хотя бы слегка пожурить stilyag, чтобы не ликвидировали столь беспощадно. Но я возражал и настоял на своем: я не видел другого способа улучшить породу. Некоторые виды громкоболтовнизма должны в приличном обществе рассматриваться как тяжкое преступление.

Но самые сильные наши головные боли были связаны с самопомазанными государственными мужами.

Я вам говорил, что лунари аполитичны? И даже очень, когда дело доходит до практической деятельности. Но сомневаюсь, чтобы был хоть один случай, когда двое лунарей, сойдясь за литром пива, не обменялись бы громогласными соображениями насчет того, как следует наводить порядок.

Я уже упоминал, что эти самодельные ученые-политологи с самого начала сделали попытку добраться до Адама Селена. Но проф нашел им занятие: каждого лично пригласили принять участие в «Специальном Конгрессе по проблемам организации Свободной Луны». Конгресс заседал в зале собраний Луна-Сити, а затем решил не расходиться, пока не завершит свою работу — неделю в Луна-Сити, другую в Новолене, третью в Гонконге, а потом снова по кругу. Все заседания передавались по видео. Проф председательствовал на первом, а Адам Селен приветствовал собравшихся по видео, призвав их приложить все усилия для выполнения этой важнейшей работы («История смотрит на вас»).

Я присутствовал на нескольких заседаниях, затем изловил профа и потребовал во имя господа бога сказать, чего он, собственно, добивается?

— Я думал, вы враг любого правительства! Слышали вы этих кретинов после того, как сами выпустили их на свободу?

Он улыбнулся, продемонстрировав мне знаменитые ямочки.

— А что тебя волнует, Мануэль?

Меня волновало многое. В то время как я надрывал сердце, стараясь раздобыть тяжелые буры и людей, способных орудовать ими как пушками, эти бездельники тратили целых полдня на обсуждение проблем иммиграции. Кто-то хотел ее полностью прекратить; кто-то жаждал обложить ее налогом, да еще таким высоким, чтобы обогатить государство (это при том, что девяносто девять из ста лунарей были доставлены в Булыжник насильно!); еще кто-то хотел сделать ее селективной по этническому признаку (интересно, к какой нации они отнесли бы меня?); кто-то желал ограничить ее женщинами, чтобы добиться их соотношения с мужчинами пятьдесят на пятьдесят. Это вызвало скандинавский клич: «Ja, приятель! Вели им, чтоб слали сюда шлюх! Тысячи тысяч шлюх! И я их всех... Спорим?»

Это было единственное более или менее разумное предложение за весь день!

В другой раз они обсуждали «время». Конечно, время по Гринвичу не имеет отношения к лунному. А на кой нам лунное время, если мы все равно живем в глубинах? Покажите мне лунаря, который бы две земные недели дрыхнул, а потом две недели подряд вкалывал! Лунные сутки не для нашего обмена веществ. Между тем предлагалось сделать лунный месяц (то есть фактически лунные сутки) равным двадцати восьми дням (вместо 29 дней,12 часов, 44 минут и 2,78 секунды), а для этого сделать дни более долгими — и соответственно часы, минуты и секунды — так, чтобы половина лунного месяца составляла бы ровно две недели.

Конечно, лунные сутки необходимы в некоторых случаях. Они диктуют нам, когда и зачем выходить на поверхность и как долго там оставаться. Но помимо того, что такая реформа

выбила бы нас из упряжки с нашим единственным соседом, подумали ли эти болтливые черепушки, что произойдет с каждой мало-мальски важной константой в физике и в технике? Как у электронщика у меня чуть судороги не начались! Выбросить все книги, все таблицы, все инструменты и начать заново? Я знаю, что моим предкам пришлось переключиться с английских мер на метрическую систему, но они это сделали, чтобы *упростить* себе жизнь: четырнадцать дюймов в футе[1], сколько-то там футов в миле, унции и фунты! Бог мой!

Там в переменах был смысл, но зачем же лезть из кожи вон, чтобы все перепутать?

Кто-то настаивал, что нужно создать комитет и определить, что такое лунарский язык, а затем обложить налогом тех, кто говорит на «землянском» английском или других языках. О, мой народ!

В «Лунатике» я вычитал предложения по налоговой политике: там предлагалось целых четыре «единых» налога: кубический, коим наказывался человек, удлинивший свой туннель; подушный (одинаковый для всех); подоходный (хотел бы я посмотреть на того, кто вычислит доход семьи Дэвисов или извлечет информацию из Ма!) и воздушный — не просто плата за воздух, как раньше, а именно налог.

Я никак не думал, что Свободной Луне понадобятся налоги. До сих пор их не было, и мы как-то обходились без них. Просто платили за то, что нам было нужно. Дарзанебы! А как же иначе?

На другом заседании какой-то напыщенный болван предложил, чтобы дурной запах изо рта или запах пота считались преступными деяниями, наказуемыми ликвидацией. Может, я и согласился бы с ним, поскольку не раз оказывался в капсуле, набитой такими вонючками. Но это бывает редко и, кроме того, контролируется естественным путем: хронические больные или бедолаги, не способные излечиться, вряд ли смогут размножаться, ибо женщины в этом отношении весьма разборчивы.

[1] На самом деле в футе, естественно, двенадцать дюймов.

Одна женщина (большинство в Конгрессе составляли мужчины, но женщины отнюдь не уступали им в глупости) предъявила длинный список необходимых, по ее мнению, постоянно действующих законов. Все они касались частной жизни. Никаких групповых браков. Никаких разводов. Никаких напитков крепче четырехградусного пива. Церковные службы только по субботам и в этот день прекратить все работы. (В том числе подачу воздуха и контроль за температурой и давлением, леди? А как насчет телефонов и метро?) Длинный список запрещенных лекарств и более короткий тех, что может выписать лишь «лицензированный врач». (Что такое «лицензированный врач»? Хилер, к которому я хожу, имеет вывеску «практикующий врач» и занимается на стороне букмекерством, почему, собственно, я к нему и хожу. Слушайте, леди, да разве в Луне есть медицинские училища?)

Она хотела запретить даже азартные игры! Да если лунарь не сможет бросить кости в порядочной компании, он пойдет в любой притон, даже если кости там с брачком.

Но гораздо больше списка вещей, которые ненавидела эта баба (что с нее возьмешь — она же явно безумнее киборга), меня поразил тот факт, что все время находился кто-нибудь, кто соглашался с ее запретами. Должно быть, в человеческом сердце глубоко сидит страстное желание не дать другим жить так, как им хочется. Правила, законы — но всегда для *других* людей. Какую-то дремучую часть нашей души, существовавшую в нас до того, как мы слезли с дерева, нам так и не удалось сбросить с себя, когда мы распрямились.

Ибо ни один из этих людей не сказал: «Пожалуйста, примите такой-то закон, чтобы я не мог продолжать делать того, что, как мне известно, я не должен делать». Nyet, tovarishchee, речь всегда идет о чем-то, что ему не нравится у соседей. Запретить им «для их собственного блага», а вовсе не потому, что оратору лично нанесен какой-то ущерб.

Присутствуя на этих заседаниях, я стал почти сожалеть, что мы избавились от Прыща Морта. Сидел он в своей резиденции со своими бабами и никогда даже не пытался указывать нам, как мы должны устраивать свои личные дела.

А проф, тот вовсе не казался возмущенным. Он только улыбался.

— Мануэль, неужели ты действительно думаешь, что эта толпа дефективных недоумков может принять хоть один закон?

— Но вы же сами им велели! И очень настойчиво!

— Мой дорогой Мануэль, я просто согнал всех известных мне кретинов в одно место. Я же всех их знаю; я годами выслушивал их рассуждения. И тщательно рассортировал их по разным комиссиям. У каждого из них есть своя навязчивая идея, и они обязательно перегрызутся. Председатель, которого я им навязал, позволив избрать этого недотепу, не способен даже узелок на веревке развязать. Он полагает, что *каждый* вопрос нуждается в «дальнейшем изучении». Мне практически не о чем теперь беспокоиться; едва ли шестеро из присутствующих смогут найти общий язык по какому-нибудь вопросу; трем это удастся легче — а вообще-то для дела, с которым справится один, больше одного и не нужно. Вот почему все парламенты в истории совершали нечто существенное лишь в тех случаях, когда там находилось несколько сильных людей, способных подчинить себе остальных. Не бойся, сынок, этот Специальный Конгресс не сделает ничего... а если — исключительно от переутомления — они примут какой-нибудь закон, он будет так перегружен противоречиями, что его придется просто выбросить. Зато они пока не путаются под ногами. Больше того, они нам еще пригодятся, только попозже.

— Мне показалось, вы говорили, что они ни на что не способны?

— А они ничего и не будут делать. Один человек, которого нет среди живых, напишет текст, и поздно ночью, устав от пререканий, они примут написанное под приветственные клики.

— А кто этот покойник? Вы имеете в виду Майка?

— Нет, нет! Майк куда более живой, чем все эти нытики. Это Томас Джефферсон* — первый разумный анархист, мой мальчик, тот самый, которому чуть было не удалось протащить свою нереализованную систему с помощью самой прекрасной риторики, когда-либо доверенной бумаге. Но тогда его схватили за руку... чего я надеюсь избежать. Мне все равно не превзойти его

формулировок. Я просто их немножко приспособлю к условиям Луны и двадцать первого столетия.

— Слыхал о нем. Он освободил рабов, nyet?

— Можно сказать, он пытался, но у него не получилось. Впрочем, неважно. Как продвигаются дела с обороной? Не думаю, что мы сможем продолжать эту игру в прятки после прибытия рейсового корабля с Терры.

— К тому времени мы еще не будем готовы.

— Майк говорит, что надо.

Мы, конечно, не успели, но и корабль тоже не пришел.

Эти ученые обвели вокруг пальца меня и тех лунарей, которым я поручил следить за ними. В фокусе самого крупного нашего рефлектора они поместили передающее устройство, сказав лаборантам, что оно имеет астрономическое назначение — дескать, совершенно новая деталь радиотелескопа. И впрямь новая, это уж точно. Приборчик был ультракоротковолновый; они воткнули в рефлектор волновод, и телескоп аккуратненько стал передавать направленное излучение. Очень похоже на старинные радары. Рассеянное же излучение задерживалось металлической решеткой и фольгой теплоизолирующего экрана. Поэтому «уши», которые я «насторожил» вокруг, ничего не слышали.

Они таки передали сообщение, подробно изложив свою версию. Об этом мы узнали, получив запрос Администрации с требованием опровергнуть грубый розыгрыш, найти шутника и прекратить безобразие.

Вместо этого мы выдали им Декларацию независимости:

«В собрании Конгресса, состоявшемся четвертого июля две тысячи семьдесят шестого года...»

Это было прекрасно.

Глава 15

Принятие Декларации независимости произошло именно так, как предсказал проф. Он преподнес ее в конце длинного утомительного дня, объявив, что после обеда состоится чрезвычайное

заседание, на котором выступит Адам Селен. Адам прочел документ вслух, поясняя каждый абзац, потом прочел все целиком, так что звонкие фразы звучали как музыка. Люди рыдали. Вайо, сидевшая рядом со мной, плакала тоже, да я и сам еле сдерживался, хотя ознакомился с текстом заранее.

Адам поглядел на зал и произнес:

— Будущее зависит от вас. Обдумайте и не ошибитесь.

И вручил бразды правления профу, обойдя председателя.

Было двадцать два ноль-ноль, когда началась свара. Конечно, все они были «за». С Земли весь день взахлеб кричали, какие мы плохие, как нас следует покарать, какой нам нужно дать урок и так далее. Подбавлять перцу не требовалось: того, что передавала Земля, хватало с избытком, а немногочисленные реплики «но с другой стороны» Майк попросту вырезал. Если и был день, когда Луна осознавала свое единство, то это второго июля 2076 года.

Итак, они собирались принять Декларацию. Проф знал об этом еще до того, как она была предложена.

Но только не в том виде, в каком она написана...

— Достопочтенный председатель, во втором параграфе есть слово «неотторжимые», но это как-то не звучит. Вернее будет сказать «неотъемлемые», а еще лучше — «священные права», ибо так куда выразительнее, чем «неотъемлемые». Я хотел бы услышать мнение собравшихся на этот счет.

Впрочем, этот парень был почти нормальный — типичный литературный критик, нечто безобидное, вроде выдохшихся дрожжей в кружке пива. Но взять хотя бы даму, которая все ненавидела. Она тут же возникла со своим списком, прочла его вслух и предложила целиком ввести в Декларацию, «чтобы земляне знали, что мы цивилизованны и вполне можем занять свое место среди народов человечества».

Проф не только дал ей высказаться — он всячески ободрял ее, позволив говорить за счет других желающих, а затем ненавязчиво поставил ее предложение на голосование, хотя оно никем из присутствующих не было поддержано. (Конгресс действовал по регламенту, над которым спорили до хрипоты несколько дней.

Проф отлично знал правила, но следовал им лишь тогда, когда это было ему выгодно.) Мадам забаллотировали под крики одобрения, и она покинула трибуну.

Тут кто-то встал и заявил, что, конечно, такой длинный список не годится для Декларации, но почему бы не включить туда некоторые общие принципы? Ну хотя бы положение, что Свободная Луна гарантирует всем своим гражданам свободу, равенство и безопасность. Уточнять ничего не надо — просто записать эти фундаментальные принципы, которые, как всем известно, являются истинной целью нашего правительства.

Да, предложение стоящее, но следует написать: «свободу, равенство, *мир* и безопасность»! Правильно, товарищ? И пошло-поехало: а включает ли понятие «свобода» также и понятие «свободный от платы воздух»? Или это часть «безопасности»? Почему бы не внести на всякий случай в Декларацию слова «бесплатный воздух»? А еще лучше — «бесплатные воздух и воду», потому что ни свободы, ни безопасности не может быть без воды и воздуха.

Воздух, воду и *пищу*.

Воздух, воду, пищу и *кубатуру*.

Воздух, воду, пищу, кубатуру и *тепло*.

Нет, не «тепло», а *«энергию»*, тогда действительно будет перечислено все. То есть абсолютно все.

Приятель, да ты совсем спятил! Как это — «все»? Ты же оскорбляешь всю женскую половину человечества... А ну, отойдем в сторонку и повтори, что ты сказал!.. Дайте же мне закончить! Мы должны заявить им прямо в лицо, что больше не позволим земным кораблям садиться, если в них не будет женщин,— по крайней мере столько же, сколько мужчин. *По крайней мере*, ясно? Ничего не подпишу, если иммиграционная проблема не будет решена на месте!..

Ямочки на лице профа не исчезали ни на секунду.

Теперь-то я понял, зачем проф дрыхнул весь день, к тому же без грузил.

Я, например, дико устал; весь день провел в скафандре возле катапульты, врезая в скалы последний из перемещаемых сюда

баллистических радаров. И вообще все устали; к полуночи толпа начала редеть, убежденная, что в эту ночь ничего не будет решено, и утомленная дурацкой болтовней. Говорить самому — это одно дело, но слушать чужой треп...

Время перевалило за полночь, когда кто-то спросил, почему Декларация датирована четвертым числом, если сегодня только второе? Проф вкрадчиво ответил, что сейчас уже третье и не похоже, что Декларация будет принята раньше четвертого... а четвертое июля — своего рода символ[1], и это нам не помешает.

После подобного заявления многие покинули зал, решив, что дебаты продлятся до четвертого июля. И тут я заметил, что зал синхронно с уходом одних людей заполняется другими. Вон там Финн Нильсен опустился в кресло, которое только что освободилось. А вот появился товарищ Клейтон из Гонконга, сжал рукой мое плечо, улыбнулся Вайо и нашел себе место. Моих юных замов Хейзел и Слима я заметил внизу в первых рядах и подумал, что придется подтвердить Ма алиби Хейзел: мол, задержал ее по партийным делам,— и вдруг с изумлением увидел рядом с ними Ма собственной персоной. И Сидрис. И Грега, который, как предполагалось, находится у новой катапульты.

Огляделся по сторонам, а там еще дюжина знакомых — ночной редактор газеты «Lunaya Pravda», генеральный менеджер «ЛуНоГоКо» и так далее. До меня наконец дошло, что проф распорядился подтасовать колоду. Конгресс не имел постоянного членства, и наши проверенные товарищи имели такое же право голоса, как и те, кто молол тут языками уже целый месяц. Теперь в креслах сидели свои люди... и дружно отклоняли все поправки.

Около трех пополуночи, когда я уже начал подумывать, что больше не выдержу, кто-то послал профу записку. Он прочел, ударил молотком и сказал:

— Адам Селен просит вашего внимания... Могу ли я считать ваше одобрение единогласным?

[1] 4 июля 1776 г. была принята Декларация независимости США.

Экран за трибуной снова осветился, и Адам заявил, что он внимательно следил за дебатами и всячески приветствует разумную и конструктивную критику. Но, если можно, он выскажет одно соображение. Почему бы не признать, что любая выраженная словами мысль является несовершенной? Если Декларация в *основном* их устраивает, так почему бы не отложить на время ее совершенствование и не принять такой, какая она есть? «Достопочтенный председатель, таково мое предложение».

Приняли его на ура. Проф спросил:

— Есть возражения? — и подождал с поднятым молотком.

Тип, занявший место на трибуне еще до того, как Адам попросил слова, пробормотал:

— Тем не менее я утверждаю, что это обособленный причастный оборот... Но черт с ним, пусть остается...

Проф стукнул молотком:

— Принято!

Мы выстроились в очередь и поставили подписи на огромном свитке, «присланном из конторы Адама», как я заметил, уже с его подписью. Я расписался после Хейзел — девочка научилась писать, хотя в грамоте пока разбиралась слабо. Подпись была корявая, но буквы большие и гордые.

Товарищ Клейтон подписался партийной кличкой и настоящим именем, сначала буквами, а потом по-японски — три крошечных изящных рисунка один под другим. Два товарища поставили кресты, которые мы тут же засвидетельствовали. Все партийные лидеры были здесь этой ночью (вернее, утром), все расписались, а болтунов осталось не больше дюжины. Но и они тоже поставили свои подписи для истории. И таким образом поручились «своей жизнью, своим достоянием и своей священной честью».

Очередь медленно продвигалась вперед, галдела понемногу, и вдруг проф стукнул молотком, требуя внимания:

— Вызываю добровольцев для выполнения опасного задания. Эта Декларация будет передана по информационным каналам, но кому-то необходимо лично вручить ее Федерации Наций на Терре.

Сразу стало тихо. Проф глядел на меня. Я сглотнул слюну и произнес:

— Я записываюсь.

— Я тоже,— эхом отозвалась Вайо.

— И я! — сказала крошка Хейзел Мид.

Через минуту нас было уже больше дюжины — от Финна Нильсена до gospodina Причастный Оборот (он оказался хорошим парнем, если не считать его идефикс).

Проф записал имена и невнятно пробормотал, что свяжется с нами, когда выяснится насчет транспорта.

Я отвел его в сторонку и спросил:

— Слушайте, проф, вы наверняка притомились и кое-что позабыли. Вы же знаете, что корабль на седьмое отменен; землееды обсуждают вопрос об эмбарго. Следующий корабль, который они пошлют к Луне, будет боевой. Как вы собираетесь лететь? В качестве военнопленного?

— Нет, их корабли нам не понадобятся.

— Вот как? Думаете построить свой? Вы хоть представляете, сколько времени это займет? Если вообще что-нибудь удастся построить? В чем я лично сомневаюсь...

— Мануэль, Майк говорит, что это необходимо, и он все продумал.

Про Майковы «необходимо» я и сам знал. Он пересмотрел всю программу после того, как мы обнаружили, что хитроумные ребята из обсерватории Ричардсона все-таки умудрились известить Терру. Теперь он давал нам всего один шанс из пятидесяти трех... и заявил о настоятельной необходимости отправить профа на Терру. Но я никогда не тревожусь о вещах, которые неосуществимы: я весь день вкалывал, как мог, чтобы наш единственный шанс оказался выигрышным.

— Майк обеспечит нас кораблем,— продолжал проф.— Проект уже готов, теперь его доводят.

— Доводят? Вот как? С каких это пор Майк стал инженером?

— А разве он не инженер? — спросил проф.

Я хотел было ответить, но заткнулся. У Майка нет ученых степеней. Он просто знает о машиностроении больше любого

из людей. Равно как и о пьесах Шекспира, о загадках, об истории и так далее.

— Проф, объясните толком.

— Мануэль, мы отправимся на Терру вместе с грузом зерна.

— Что?! И кто это «мы»?

— Ты и я. Все остальные добровольцы — просто декорация.

— Послушайте, проф. Тут я пас. Я работал изо всех сил, хотя сама идея казалась мне дурацкой. Таскал на себе грузила на случай, если придется отправиться в это мерзкое болото. Но я подписался лететь на корабле, пусть даже с киборгом-пилотом. Главное, чтобы приземлиться мог нормально. А изображать из себя метеорит — такого уговора не было.

— Прекрасно, Мануэль. Я всегда признавал свободу выбора. Тогда полетит твой дублер.

— Мой... *кто*?

— Товарищ Вайоминг. Насколько я знаю, она единственная, кроме нас, тренировалась для полета... если не считать землян, конечно.

Так что пришлось мне лететь. Но сначала я поговорил с Майком.

— Ман, мой первый друг, тебе не о чем беспокоиться. Вы полетите на барже КМ 187, серия 76 и прибудете в Бомбей без проблем. Я специально выбрал эту баржу, потому что ее снимут с околоземной орбиты и поведут на посадку, когда Индия будет у меня в поле зрения, и я смогу перехватить управление, если мне не понравится, как это делает их компьютер. Верь мне, Ман, все продумано до мельчайших деталей. Даже решение продолжать поставки зерна, несмотря на провал режима секретности, было частью этого плана.

— Мог бы поделиться со мной и раньше.

— Не хотел понапрасну тебя беспокоить. С профессором я общался постоянно, ему известны все детали. Но ты отправляешься только для того, чтобы заботиться о нем, поддерживать его и продолжить его дело, если он умрет. Тут я не в силах дать никакой гарантии.

Я вздохнул.

— О'кей. Но, Майк, ты, конечно, не думаешь, что можешь обеспечить нам мягкую посадку с такого расстояния? Сигналы-то идут со скоростью света, запаздывать будут.

— Ман, ты что думаешь, я в баллистике не разбираюсь? Когда вы будете на орбите, от запроса до ответа и до приема команды пройдет менее четырех секунд. Можешь мне поверить — я не потеряю и микросекунды. За четыре секунды вы успеете пролететь всего тридцать два километра, а по мере приближения к посадке и того меньше. Моя реакция будет гораздо более быстрой, чем у пилота за штурвалом, потому что мне не нужно тратить время на оценку ситуации и выбор верного решения. Максимум у меня четыре секунды, но реально они мне не понадобятся, поскольку я постоянно планирую и прогнозирую, заглядываю вперед и программирую всевозможные ситуации. В сущности, я буду опережать тебя на траектории на эти самые четыре секунды, так что реакция будет мгновенной.

— Но на этой консервной банке нет даже альтиметра!

— Уже есть. Ман, *пожалуйста*, верь мне. Я продумал все. Единственная причина, по которой я добавил кое-какое оборудование, это чтобы ты успокоился. Наземный контроль в Пуне принял пять тысяч барж без единого промаха. Их компьютер совсем не дурак.

— О'кей. Э-э-э... Майк, а с какой силой эти сволочные баржи плюхаются в воду? Сколько «g»?

— Не так уж много, Ман. Десять «g» при выходе на парковочную орбиту, потом не больше четырех... ну, правда, перед самой посадкой подскочит до пяти-шести. В воду войдете аккуратненько, как с пятидесятиметровой вышки, без сильного толчка и с ускорением около трех «g». Потом вынырнете, мягко сядете на поверхность и поплывете себе при нормальной земной силе тяжести. Ман, эти баржи делаются легкими. Мы не можем позволить себе швырять их с силой, а то у них швы разойдутся.

— Это радует. Майк, а что значит пять-шесть «g» для тебя? Тоже могут разойтись швы?

— Полагаю, я выдержал перегрузки порядка шести «g», когда меня переправляли сюда. Правда, в моем нынешнем состоянии

шесть «g» разорвали бы довольно много важных цепей. Однако меня больше волнуют сверхсильные, хотя и кратковременные, перегрузки, которые мне предстоит испытать от ударных волн, когда Терра начнет нас бомбить. Данных для надежного прогноза недостаточно... но я могу потерять контроль над некоторыми периферийными функциями, Ман. А это может стать главным фактором в ряде тактических ситуаций.

— Майк, ты действительно считаешь, что нас будут бомбить?

— Вполне возможно, Ман. Вот почему это путешествие необходимо.

На том мы и порешили, после чего я отправился взглянуть на этот гроб. Лучше б я остался дома.

Вы хоть когда-нибудь видели одну из этих дурацких барж? Просто-напросто стальной цилиндр с тормозными и направляющими ракетами и радарным импульсным повторителем. Похож на космический корабль не больше, чем пара клещей — на мою руку номер три. Эта штука была открыта, и ее как раз переоборудовали под «жилое помещение».

Никакого камбуза. И никакого сортира. Вообще ничего. А зачем? Полет-то продлится всего пятьдесят часов. Не лопай в дорогу — и тебе даже санитарный контейнер в скафандре не понадобится. Бар и кресла тоже ни к чему — все равно из скафандров вылезать не придется: накачают тебя снотворным, и все тебе будет до фени.

Во всяком случае, проф будет спать всю дорогу. Мне же придется бодрствовать при посадке, чтобы постараться выбраться из этой жестянки, если что-нибудь пойдет не так и никто не явится к нам с консервным ножом в руке. Сейчас там устанавливали нечто вроде люльки, подогнанной по форме под наши спины, облаченные в скафандры. Уложат нас в эти ямки, пристегнут — и вперед до самой Терры. По-видимому, конструкторов в основном занимала проблема, как сохранить общую массу баржи такой же, какой она была до выгрузки части пшеницы, чтобы не изменились центр тяжести и моменты вращения. Проблема комфорта их волновала гораздо меньше. Инженер, который там командовал, сказал мне, что даже вес дополнительной прокладки

в скафандрах — и тот учтен при расчетах. Известие о прокладке меня порадовало: эти ямы выглядели не очень-то мягкими.

Домой я вернулся в глубокой задумчивости.

Вайо за ужином не было. Меня это удивило. Грег же сидел за столом, что удивило меня еще больше. И никто даже словечком не обмолвился о моем намерении разыграть на следующий день роль метеорита, хотя все были в курсе. Но только когда младшее поколение без единого намека встало из-за стола и вышло вон, до меня дошло, что продолжение следует. Я понял, почему Грег не уехал обратно в Океан Бурь после окончания сессии Конгресса: кто-то потребовал семейного толковища.

Ма оглядела нас и сказала:

— Мы все в сборе. Али, закрой дверь; вот так, умница. Дед, ты начнешь?

Наш старейший муж, дремавший над чашкой кофе, встрепенулся, окинул взглядом стол и громко произнес:

— Я вижу, мы все в сборе. Вижу, что дети уложены спать. Вижу, что меж нами нет ни гостей, ни посторонних. И я говорю вам: мы собрались тут в соответствии с обычаями, установленными Черным Джеком Дэвисом, Первым мужем нашей семьи, и Тилли, Первой женой. Если есть проблема, которая касается спокойствия и счастья нашего брака, давайте вынесем ее на свет *немедленно*. Не будем оттягивать. Таков наш обычай.— Дед обернулся к Ма и мягко сказал: — Продолжай, Мими.

После чего опять впал в тихую дрему. Но в эту минуту, пока говорил, он снова был тем могучим, красивым, крепким и энергичным человеком, которого я видел в день своего избрания... Меня вдруг прошибла слеза: как же мне повезло в тот день!

И тут же сомнение одолело — а повезло ли? Единственной причиной нашего семейного сборища могло быть мое завтрашнее отплытие на Терру с наклейкой «Зерно». Неужели Ма собирается настроить семью против моей поездки? Никто не заставлял нас подчиняться решениям толковища; но все и всегда выполняли их неукоснительно. В этом и заключалась сила нашего брака: когда возникала проблема, мы встречали ее единым строем.

Ма начала:

— Есть ли у кого-нибудь вопрос, который требует обсуждения? Говорите, милые.

— У меня есть,— сказал Грег.

— Послушаем Грега.

Грег отличный оратор. Он способен встать перед своей паствой и уверенно говорить о таких вещах, в которых я не чувствую себя уверенным даже наедине с собой. Но в этот вечер Грега никак нельзя было обвинить в самоуверенности.

— Ну... э-э... Мы всегда старались в нашем браке соблюдать равновесие между пожилыми и молодыми, регулярно пополнять его в нужном соотношении... чтобы сохранить наследие, переданное нам из рук в руки. Однако иногда мы отклонялись... по разумным причинам,— он взглянул на Людмилу,— а потом вносили поправки,— и посмотрел на Али и Фрэнка, сидевших рядом с Людмилой.— В течение многих лет, как видно из наших записей, средний возраст мужей в семье был около сорока, ажен — около тридцати пяти. Такая разница в годах установилась, когда сто лет назад возник наш брак, ибо Тилли исполнилось пятнадцать, а Черному Джеку двадцать в тот год, когда она избрала его в мужья. Сейчас же средний возраст мужей у нас ровно сорок, а средний возраст...

Ма сказала твердо:

— Оставь в покое арифметику, милый. Говори дело.

Я старался вычислить, кого имел в виду Грег. Правда, последний год я редко бывал дома, а когда появлялся, то все уже, как правило, спали. Но Грег явно говорил о свадьбе, а перед свадьбой у нас положено долго и скрупулезно разбираться в будущем кандидате. А как же иначе, ну сами подумайте!

Нет, все-таки я просто дурак. Грег помялся и сказал:

— Я предлагаю Вайоминг Нотт.

Я же говорю — дурак. Я кое-что понимаю в технике, и техника понимает меня. А претензий на знание людей у меня нет. Когда я стану старшим мужем,— если, конечно, доживу,— я поступлю точно так же, как Дед: вручу бразды правления Сидрис, пусть командует семьей. И все же... Ну хорошо, Вайо вступила

в церковь Грега. Мне нравится Грег, я *люблю* Грега. И восхищаюсь им. Но если теологическую основу его церкви пропустить через компьютер, не получишь ничего, кроме нуля. Вайо это знала наверняка, поскольку обратилась в Грегову веру уже взрослым человеком; честно говоря, я подозревал, что ее обращение — всего лишь очередная жертва ради нашего Дела.

Хотя... она ведь завербовала Грега еще до того. И именно она в основном моталась к новой катапульте, так как ей было легче уехать, чем профу или мне. Так чего удивляться? Если подумать, конечно.

— Грег,— сказала Мими,— у тебя есть основания думать, что Вайо примет наше предложение?

— Да.

— Отлично. Все мы знаем Вайоминг. Я уверена, что у всех сложилось о ней определенное мнение. Не вижу причин открывать дискуссию... разве что кто-то желает высказаться. Говорите...

Значит, для Ма это не сюрприз. Да и не может быть сюрпризом, как и для всех остальных, ибо Ма никогда не допустит толковища, пока не будет уверена в результате.

Однако любопытно, почему это Ма так уверена в моем мнении? Настолько уверена, что даже не сочла нужным прощупать почву? И вот теперь сижу я в глубокой луже, понимая, что *обязан* заговорить, понимая, что знаю нечто страшно важное, не известное никому другому, иначе дело не зашло бы так далеко. Важное не для меня, а для Ма и всех остальных наших женщин.

Жалкий трус — так я и просидел, ничего не сказав.

— Хорошо,— вновь заговорила Ма.— Голосуем по очереди. Людмила?

— Я? Я люблю Вайо, это все знают. За!

— Ленора, милая?

— Ну, я, пожалуй, попробую уговорить ее снова потемнеть; мы с ней прекрасно оттеняли друг друга. Ее единственный недостаток, что она блондинка еще более яркая, чем я. Da!

— Сидрис? — Я двумя руками «за». Вайо наш человек.

— Анна?

— Я должна сказать кое-что, прежде чем проголосую, Мими.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, милая.

— И тем не менее я хочу вытащить это дело на свет. Тилли всегда так поступала, такова традиция. В нашем браке каждая женщина несет свою ношу, принося в семью детей. Может быть, вы удивитесь, узнав, что у Вайо их было восемь...

Али это явно поразило до глубины души. Он резко вскинул голову, челюсть отвисла. Я уставился в тарелку. Ах, Вайо, Вайо! Как же я допустил до этого? Хочешь не хочешь, а *придется* заговорить!

И вдруг понял, что Анна все еще продолжает:

— ...так что теперь она сможет иметь собственных детей; операция прошла успешно. Но Вайо очень боится снова родить неполноценного ребенка, хотя, по словам главы клиники в Гонконге, это практически невозможно. Поэтому мы должны найти в себе достаточно любви, чтобы излечить ее от страха.

— Мы будем ее любить,— серьезно сказала Ма.— Мы уже любим ее. Анна, ты готова проголосовать?

— А что, в этом есть необходимость? Я ездила в Гонконг вместе с ней и держала ее за руку, пока ей восстанавливали трубы. Я за Вайо.

— В этой семье,— продолжала Ма,— всегда предполагалось, что наши мужья обладают правом вето. Возможно, это странно, но такой обычай ввела в обиход Тилли, и до сих пор он себя оправдывал. Ну, что скажешь, Дед?

— Э? Что ты хочешь, дорогая?

— Мы голосуем прием Вайоминг, gospodin Дед. Ты даешь свое согласие?

— Что? Ну конечно, конечно... Очень милая девочка. Скажи, а куда делась та маленькая хорошенькая африканочка, ее еще звали как-то похоже? Она на нас обиделась?

— Грег?

— Предложение было мое.

— Мануэль? Ты накладываешь вето?

— Я? Но ты же знаешь меня, Ма!

— Я-то знаю. Но иногда сомневаюсь, знаешь ли ты сам себя. Ганс?

— А что будет, если я скажу «нет»?

— Потеряешь несколько зубов, вот что,— тут же нашлась Ленора.— Ганс голосует «за».

— Шутки в сторону, родные,— сказала Ма с упреком.— Голосование — дело серьезное. Ганс, говори.

— Da. Да. Ja. Si. Oui. Самое времечко завести настоящую блондинку в нашей... Ох!

— Прекрати, Ленора! Фрэнк?

— Да, Ма.

— Али, милый? Единогласно?

Юноша вспыхнул до корней волос и ничего не сказал. Только закивал головой что было сил.

Вместо того чтобы назначить пару, которая должна была бы чинно заявиться к кандидатке и сделать ей официальное предложение, Ма послала Людмилу и Анну, велев им привести Вайо немедленно. Как выяснилось, она была неподалеку, в «Bon Ton'e». Церемония рушилась по всем статьям: вместо того чтобы назначить дату и обговорить подробности свадьбы, стали скликать детей, а двадцать минут спустя Грег раскрыл свою книгу, и мы приняли обеты. И я наконец понял своей тупой башкой, что все происходит с такой головоломной скоростью исключительно из-за моего намерения устроить себе завтра головоломку в самом буквальном смысле.

Конечно, для меня это имело чисто символическое значение — как проявление любовного отношения семьи, что ли, ибо новобрачная всегда проводит первую ночь со старшим мужем, а вторую и третью ночи я намеревался болтаться в космосе. Но символическое или нет, а когда женщины начали плакать во время церемонии, я вдруг обнаружил, что слезы капают и из моих глаз.

Вайо расцеловала всех и ушла под ручку с Дедом; я отправился спать в мастерскую. Устал зверски, особенно за последние два дня. Вяло подумал об упражнениях и решил, что перед смертью не надышишься. Потом подумал, что надо позвонить Майку, спросить про новости с Терры. И лег спать.

Не знаю, долго ли я спал, когда вдруг обнаружил, что уже не сплю, а в комнате кто-то есть.

— Мануэль? — раздался тихий шепот в темноте.

— А? Вайо? Тебе не полагается быть здесь, дорогая.

— Нет, полагается, муженек. Ма в курсе, что я здесь, Грег тоже. А Дед сразу пошел спать.

— Э-э-э... Который час?

— Около четырех. Пожалуйста, дорогой, можно я лягу?

— Что? Да, конечно! — Что-то я должен был сделать, но что? Ах да! Майк!

— Да, Ман,— ответил он.

— Отключись. Не прослушивай. Если понадоблюсь, вызови меня по семейному телефону.

— Вайо уже меня предупредила, Ман. Поздравляю.

Затем ее голова оказалась на моем обрубке, и я обнял ее правой рукой.

— О чем ты плачешь, Вайо?

— Да не плачу я! Просто дико боюсь, что ты не вернешься!

Глава 16

Проснулся я в кромешной тьме, очумелый от страха. «Мануэль!» Ничего не понимаю — где низ, где верх.

— Мануэль! — снова забубнила тьма.— *Проснись...*

В мозгах у меня слегка прояснело: это же будильник! Ну да, я помню, как лежал распростертым на столе в госпитале Комплекса: свет слепит глаза, слышу чей-то голос, а в вены по каплям вливается снотворное. Но ведь это было сто лет назад, с тех пор прошла целая вечность, наполненная кошмарами, невыносимой тяжестью и болью.

До меня дошло, почему не разобрать, где низ, где верх; ощущение-то знакомое. Невесомость. Значит, я в космосе.

Что же и почему не сработало? Может, Майк потерял запятую перед дробью? Или уступил своей детской природе и сыграл

с нами шутку, не понимая, что она нас прикончит? Но тогда почему после всех этих бесконечных мучений я все еще жив? А может, я умер? Может, для призрака это и есть нормальное состояние — быть одиноким, потерянным, существующим нигде?

— Проснись, Мануэль. Проснись, Мануэль...

— Ох, да заткнись ты! — огрызнулся я.— Закрой свою гнусную пасть!

Запись продолжала крутиться. Я плюнул на нее и решил врубить свет.

Ну где же этот вонючий выключатель?! Нет, чтобы оторваться с трехкратной перегрузкой от Луны, вовсе не нужно мучиться сто лет, это мне просто кажется. Восемьдесят две секунды... Но порой человеческая нервная система ощущает каждую микросекунду. Три «g» — это в восемнадцать растреклятых раз больше, чем обычно весит лунарь.

И тут я обнаружил, что эти безмозглые идиоты, у которых в головах чистый вакуум, не надели мне руку. По какой-то дурацкой причине они сняли ее, когда раздевали меня и совали в скафандр, а я от лошадиной дозы пилюль типа «не-волнуйся-милый» и «баюшки-баю» совсем обалдел и не протестовал. Надеть руку обратно, конечно, забыли. А этот drecklich выключатель конечно же где-то слева, там, где у меня пустой рукав скафандра.

Следующие десять лет я провел в попытках отстегнуться одной рукой, затем двадцать лет отбывал срок, плавая в непроглядной тьме, пока наконец не натолкнулся на свою люльку. Выяснил, где у нее головная часть, и стал на ощупь искать выключатель. Отсек был не больше двух метров в любом направлении, но при невесомости и в полной тьме казался куда больше Старого Купола. Наконец нашел. И стал свет.

(Не спрашивайте, почему в этом гробу не сделали хотя бы трех осветительных систем, работающих непрерывно. Вероятнее всего, по привычке. Раз есть лампы — значит, должен быть и выключатель, разве nyet? Все наше жилище сварганили за пару дней; спасибо и на том, что выключатель вообще сработал.)

Когда я зажег свет, объем сразу уменьшился до размеров, вызывающих клаустрофобию, а то и процентов на десять поменьше. И я смог взглянуть на профа.

На вид явно мертв. Что ж, у него есть уважительные причины. Позавидовал ему, но решил, как положено, проверить пульс, дыхание и так далее на случай, если ему не повезло и у него сохранились эти никчемные функции. Легко сказать — проверить. И дело тут не только в моей однорукости. Зерно перед погрузкой было высушено и подвергнуто вакуумной обработке, но предполагалось, что наш отсек будет загерметизирован. Никакой роскоши — просто резервуар, наполненный воздухом. Скафандры, конечно, обеспечат наши дыхательные потребности в течение двух суток, но даже в самом лучшем скафандре передвигаться удобнее, когда снаружи его окружает атмосфера, а не вакуум. Кроме того, мне надо было обследовать своего пациента.

А я не мог. Мне даже не требовалось снять шлем, чтобы понять — эта консервная банка не сумела остаться герметичной; стоило только взглянуть на скафандр, и все стало ясно. Конечно, лекарства для профа, сердечные стимуляторы и прочее были у меня в «полевых» ампулах; я мог проткнуть ими любой скафандр. Но как проверить пульс и дыхание? Скафандр-то у него — типичная дешевка, такую дрянь покупают только лунари, редко покидающие свои поселения. Никаких наружных контрольных приборов.

Рот у профа был раскрыт, глаза закатились. Мертвяк, решил я. Ничего уже не ждет экс-профессора за порогом этой старой баржи. Он сам себя ликвидировал. Я попытался пощупать пульс на шее: не выходит, мешает шлем.

Нас обеспечили программируемыми часами — неслыханная щедрость! Судя по их показаниям, я был в отключке сорок четыре часа с лишком, все по плану, а значит, через три часа мы получим жуткий пинок и выйдем на парковочную орбиту вокруг Терры. Затем, после двух оборотов, то есть еще через три часа, нас включат в программу приземления — если наземный контроль в Пуне не передумает и не оставит нас на орбите. Но это вряд ли: зерно не задерживают в вакууме дольше, чем необходимо. Оно

начинает вздуваться и превращается в «поп-корн», что не только снижает его качество, но и нашу баржу может расколоть, как перезрелый арбуз. Приятная перспектива, не правда ли? И какого черта они упаковали нас вместе с зерном? Почему не загрузили баржу камнями, которым плевать на вакуум?

У меня было достаточно времени, чтобы поразмышлять об этом и почувствовать жажду. Глотнул из соски капельку, не больше, так как вовсе не собирался встретить шесть «g» с полным мочевым пузырем. (Беспокойство было излишним: меня снабдили катетером. Но сказать забыли.)

Когда время стало подпирать, я решил, что профу не повредит, если я вколю ему лекарство, которое должно помочь ему выдержать сильное ускорение. Потом, на парковочной орбите, дам еще и сердечный стимулятор. Похоже, ему теперь вообще ничего не может повредить.

Сделал профу укол, а все оставшиеся в моем распоряжении минуты потратил на то, чтобы снова залезть в «упряжь». Нелегкая работа для однорукого. Жаль, не знал я имени моего заботливого дружка — покрыл бы его покрепче.

Десять «g» при выходе на парковочную орбиту вокруг Терры давят всего $3{,}26 \cdot 10^7$ микросекунд; просто кажется, что дольше, поскольку десять «g» в шестьдесят раз больше того, к чему привык этот жалкий мешок протоплазмы. Фактически тридцать три секунды. Боюсь, моей прародительнице в Салеме пришлось покруче в те полминуты, когда ее вздернули и заставили плясать в воздухе.

Я дал профу сердечный стимулятор, а затем три часа пытался решить вопрос, стоит ли мне самому колоться перед приземлением. И решил, что не стоит. Все, что дали мне уколы при катапультировании, это столетие кошмарных сновидений вместо полутора минут мучений и двух дней скуки, а кроме того, если эти последние минуты окажутся действительно последними, я хочу их *прожить*. Даже если они будут ужасны, они все равно мои, и я не собираюсь их никому отдавать.

Они и в самом деле оказались ужасными. Шесть «g» тоже были не лучше, чем десять. Даже хуже. Да и четыре, честно говоря, не фонтан. Потом нам наподдали еще разок. Потом, совершенно внезапно, несколько секунд свободного падения. После чего последовал удар о воду, который вовсе не был «аккуратненьким» и который мы приняли на ремнях, а не на прокладках, так как нырнули «головой» вниз. А после глубокого нырка (думаю, Майк этого не предусмотрел) мы вылетели из воды и снова тяжело плюхнулись, прежде чем поплыть по волнам. Землееды зовут это плаванием, но оно сильно отличается от плавания в свободном падении: на вас давит сила тяжести в одно «g», то есть в шесть раз больше, чем в Луне, да к тому же еще болтает из стороны в сторону. И здорово болтает... Майк уверял, что на Солнце все спокойно и нам не угрожает радиация внутри нашей «железной девы». А вот погода в Индийском океане его, видимо, не очень интересовала; прогноз для приземления барж был вполне приемлемым, и он решил, что все в порядке. Я бы на его месте решил точно так же.

Мне казалось, что в желудке у меня пусто. Но шлем вдруг наполнился такой отвратительной кислой жидкостью, что я и врагу не пожелал бы оказаться на моем месте. Затем нас перевернуло, и эта дрянь хлынула мне в глаза, в волосы и даже в ноздри. Землееды зовут такие штуки «морской болезнью». Всего лишь одна из множества мерзостей, которые у них в порядке вещей.

Не буду углубляться в подробности и описывать, как долго и нудно нас тащили на буксире в порт. Достаточно сказать, что вдобавок к морской болезни у меня почти кончился запас кислорода в баллонах. Каждый из них рассчитан на двенадцать часов — вполне достаточно для пятидесятичасового полета, большую часть которого я провел обездвиженным, но на дополнительные несколько часов буксировки маленько не хватило. Когда баржа наконец остановилась, я прибалдел настолько, что меня уже ничего не волновало, в том числе и проблема выхода из жестянки.

Хотя нет, кое-что волновало... Нас подобрали, покрутили и оставили висеть вниз головой. Позиция малоприятная, особенно при земной силе тяжести, и просто невозможная, если

предполагается, что ты должен: а) отстегнуть ремни; б) выбраться из углубления, сделанного по форме скафандра; в) достать кувалду, прикрепленную к переборке с помощью барашковой гайки; г) сбить скобы, закрывающие аварийный люк; д) пробиться через него наружу; е) и в заключение вытащить на себе старика, одетого в тяжелый скафандр.

Я не выполнил даже пункта «а» — отключился, повиснув вниз головой.

К счастью, пункты эти были предусмотрены на крайний случай. Стью Лажуа знал о нашем прибытии, а незадолго до посадки известил об этом земные средства массовой информации. Я очнулся, увидел склонившихся надо мной людей и тут же вырубился. Вторично пришел в себя уже в госпитале, лежа на спине и ощущая тяжесть в груди. Чувствовал себя слабым — не больным, а просто усталым, избитым, голодным и умирающим от жажды. Кровать покрывал прозрачный пластиковый купол, благодаря которому дышалось легко и свободно.

Ко мне с обеих сторон бросились люди: с одной — тонюсенькая медсестра-индуска с огромными глазищами, с другой — Стью Лажуа.

— Привет, дружище! Как самочувствие?

— Э-э-э... нормально. Но пропади оно все пропадом! Разве так путешествуют?!

— А проф говорит, это был единственный способ. Ну и крепкий же старикан!

— Постой-ка! *Проф* говорит? Но проф же умер!

— Ничего подобного. Конечно, вид у него неважный. Мы поместили его на пневматическую постель, наблюдаем круглосуточно, да и проволок от разных приборов в него воткнули столько — не поверишь! Но он жив и в скором времени будет готов приступить к работе. Он на полном серьезе ничего не имеет против вашего путешествия; он его даже не ощутил. Заснул в одном госпитале, проснулся в другом. Я-то, грешным делом, раньше понять не мог — почему проф не разрешает мне послать за вами корабль? Предлагал же ему, как-нибудь исхитрился бы зафрахтовать. Но он оказался кругом прав — реклама просто *обалденная!*

— Ты говоришь,— медленно произнес я,— проф *не разрешил* тебе послать корабль?

— Вернее, не разрешил председатель Селен. Разве ты не видел наших радиопрограмм?

— Нет.— После драки кулаками не машут. — В последние дни я был дико занят.

— Верю. Мы здесь тоже... даже не помню, когда удалось покемарить в последний раз!

— Ты говоришь совсем как лунарь.

— А я и есть лунарь, Манни, и не вздумай в этом сомневаться. Но сестричка в меня уже мечет молнии.— Стью схватил ее и развернул лицом к дверям. Я решил, что ему еще далеко до лунаря. Впрочем, сестричка никак не выразила своего возмущения.— Пойди-ка, милая, поиграй во что-нибудь, а я отдам тебе твоего пациента обратно через несколько минут, еще тепленьким.— Он закрыл дверь и вернулся к моей постели.— Адам был прав на все сто. Этот путь не только дал нам потрясающую рекламу, он был наиболее безопасным.

— Реклама — да. Но безопасным? Не надо об этом.

— Безопасным, уверяю тебя, старина. Вас не сбили. Хотя в течение двух часов они точно знали, где вы находитесь,— такая большая жирная мишень. Но они никак не могли решить, что делать; не успели выработать политику. Они даже не осмелились нарушить расписание приема барж: все средства информации трубили о вас, статьи у меня были подготовлены заранее. Сейчас они уже не рискнут вас тронуть даже пальцем — вы же герои, причем жутко популярные. А если бы я терял время на поиски и фрахт корабля... ну, в общем, не знаю. Скорее всего вам приказали бы остаться на околоземной орбите; потом взяли бы вас, а возможно, и меня, под арест. Ни один шкипер не рискнет подставить себя под ракеты, сколько бы ему ни заплатили. Чтобы определить, хорош ли пудинг, его надо съесть, дружок. А теперь давай-ка я проинформирую тебя вкратце, как разворачиваются события. Вы оба — граждане Народного Директората Чад: это самое лучшее, что я смог сделать за такое короткое время. Кроме того, Чад признал Луну. Пришлось купить одного

премьер-министра, двух генералов, нескольких племенных вождей и министра финансов — недорого, учитывая такую спешку. Пока что мне не удалось добиться для вас дипломатического иммунитета, но очень рассчитываю сделать это до вашего выхода из больницы. Как видишь, вы даже не арестованы: они не знают, что вменить вам в вину. Правда, снаружи поставили охрану, так сказать, для «безопасности». Но это даже к лучшему, иначе на тебя навалились бы репортеры и всю физиономию микрофонами бы истыркали.

— А в чем нас обвиняют? Я имею в виду, что им известно? Незаконный въезд?

— Никакого незаконного въезда, Манни. Ты вообще не был судим, у тебя наследственное панафриканское гражданство по линии одного из предков, так что никаких проблем. Что касается профессора де ла Паса, то мы раскопали доказательство, что сорок лет назад он натурализовался как гражданин Чада, подождали, пока на документе высохнут чернила, и вручили властям. Они даже не могут обвинить вас в нелегальном въезде в Индию. Они не только сами посадили вас на Землю, но офицер контроля был столь любезен, что за небольшую взятку проштемпелевал ваши девственно чистые паспорта. И вдобавок ко всему, ссылка профа в Луну не имеет юридической силы, так как правительство, сославшее его, давно ушло в отставку. Это признал вполне компетентный суд, и это обошлось мне дороже всего.

Вернулась сестра, шипевшая, как кошка, у которой отнимают котят.

— Лорд Стьюарт... вы *должны* дать отдых моему пациенту!

— Сию минуту, ma chère![1]

— Так ты, значит, лорд Стьюарт?

— Правильнее будет «граф». Кроме того, у меня есть еще сомнительные права на имя Макгрегоров. А в общем, «голубая кровь» иногда помогает... Народы не стали счастливее после того, как лишили себя королевской власти.

[1] Моя дорогая (*фр.*).

Уходя, он похлопал сестру по попке. Вместо того чтобы разораться, она завертела ею вовсю и, лучась улыбкой, подошла ко мне. Стью следует отвыкнуть от таких шуточек, когда он вернется в Луну. Если вернется.

Она спросила, как я себя чувствую. Я ответил, что все в порядке, только есть хочется.

— Сестра, вы не видели каких-нибудь протезов в нашем багаже?

Оказывается, видела, и я почувствовал себя куда лучше со своей номер шесть. В дорогу я взял номер шесть, номер два и «представительскую» — для путешествия вполне достаточно. Номер два, видимо, осталась в Комплексе; я надеялся, что о ней там позаботятся. Номер шесть годилась для всех случаев жизни, а если учесть, что и «представительская» при мне, то все должно быть в порядке.

Через два дня мы уехали в Агру, чтобы вручить свои верительные грамоты Федерации Наций. Мне нездоровилось, и не только из-за земного тяготения; я вполне освоился с инвалидной коляской и мог даже пройти несколько шагов, правда, не на публике. У меня болело горло, воспаления легких удалось избежать только благодаря лекарствам, а еще меня мучил понос и кожная сыпь на руках, распространившаяся до ног, то есть полный комплект хвороб, которые донимали меня во время прежних посещений этой заразной дыры Терры. Мы, лунари, даже не подозреваем, как нам повезло, что у нас жесткий карантин, почти нет микробов, и мы в любой момент можем продезинфицировать что угодно с помощью вакуума. А может, наоборот, не повезло, поскольку у нас нет иммунитета, а иногда он очень кстати. И все равно, я бы с землянами не поменялся; я и слова-то такого «венерический» не слыхал, пока впервые не попал на Землю, и думал, что «ветрянка» — это когда начинается декомпрессия и по туннелю бежит сквознячок.

Была и еще одна причина для мрачного настроения. Стью доставил нам письмо Адама Селена; тайным кодом, неизвестным даже Стью, Майк извещал, что наши шансы упали ниже

одного из ста. Интересно, в чем тогда смысл этой безумной поездки, если она только ухудшила положение? Да и сам Майк — считает он эти шансы взаправду или придуривается? Хоть убей, не могу понять, как их можно вычислить, даже имея уйму исходных данных.

Но проф совсем не казался встревоженным. Разговаривал с толпами репортеров, улыбался с бесчисленных фото, делал заявления, заверял мир, что испытывает большое доверие к Федерации Наций и убежден, что наши справедливые требования будут признаны, выражал благодарность обществу «Друзей Свободной Луны» за бесценную помощь в распространении правдивой информации среди землян о нашем маленьком, но гордом народе. А все «ДСЛ» и состояло-то из Стью, его подручных — профессиональных обработчиков общественного мнения, нескольких тысяч любителей подписывать любые петиции и толстой пачки гонконгских долларов.

Меня тоже фотографировали, я тоже пытался улыбаться, но на вопросы не отвечал, показывая на горло и страшно каркая.

В Агре нас поместили в шикарном номере отеля, который когда-то был дворцом магараджи (и до сих пор принадлежал ему, хотя Индия считалась социалистическим государством); интервью и съемки шли своим чередом, и я почти не вылезал из коляски, даже в туалет сходить боялся, так как проф строго запретил мне фотографироваться в вертикальной позиции. Сам он постоянно лежал в постели или на каталке — постельные ванны, постельные судна, все постельное... и не только потому, что так безопаснее, учитывая возраст, и легче, как для всякого лунаря, но главным образом для фотографов. Его ямочки и вся его удивительно мягкая, обаятельная и подкупающая личность не сходила с сотен миллионов видеоэкранов и со страниц бесчисленных газет.

Но в Агре нам не помогло даже его обаяние. Профа доставили в канцелярию президента Великой Ассамблеи (меня тоже туда прикатили), где он попытался вручить свои верительные грамоты посла при Федерации Наций и будущего сенатора от Луны. Его тут же переадресовали в контору генерального секретаря, и там нам целых десять минут уделил помощник секре-

таря. Помощник поцыкал зубом и наконец сказал, что может принять наши грамоты, «сохраняя за собой право и без каких бы то ни было обязательств». Документы переслали в мандатную комиссию, которая и положила их себе под задницу.

Я нервничал, проф читал Китса, зерновые баржи продолжали прибывать в Бомбей.

Сказать по правде, насчет барж я не был против. В день полета из Бомбея в Агру мы встали до рассвета и уехали в аэропорт, когда город еще только просыпался. У каждого лунаря есть своя нора — у кого хорошо обустроенная и обжитая, вроде Дэвисовых туннелей, у кого еще не просохшая после бурения. Кубатура для нас не проблема и еще долго не будет проблемой.

Бомбей же кишел людьми, как улей пчелами. Больше миллиона людей (так нам сказали) там буквально живет на кусочке мостовой. Семейство может заявить права (и передавать их по наследству из поколения в поколение) на четко ограниченное место для спанья длиной в два и шириной в один метр возле какой-нибудь лавчонки. Там спит вся семья — мать, отец, ребятишки, иногда даже бабушка. Никогда бы не поверил, если б не увидел собственными глазами. На утренней заре проезжая часть улиц Бомбея, и тротуары, и даже мосты покрыты сплошным ковром человеческих тел. Что они делают днем? Где работают? Что едят? (По их виду не скажешь, что они вообще что-то едят. Все ребра можно пересчитать.)

Если бы не простые арифметические расчеты, подтверждавшие, что нельзя бесконечно отправлять вниз продовольствие, не получая ничего взамен, я швырнул бы карты на стол. Но... дарзанебы! Дармовой закуски не бывает. Ни в Бомбее, ни в Луне.

Наконец нас пригласили в «комитет по расследованию». Проф, конечно, не о таком мечтал. Он требовал открытого сенаторского слушания перед видеокамерами. Единственное, что напоминало о камерах в этом комитете, так это «камерный» характер заседаний. Они были закрытыми. Ну, не совсем: мой магнитофончик всегда при мне. Но видео не было. А проф за две минуты установил, что комитет состоит сплошь из заправил Лунной Администрации или их подлипал.

Тем не менее это был шанс для начала переговоров, и проф обращался с членами комитета так, будто они хотели и имели право признать независимость Луны. А они нас третировали как нечто среднее между испорченными детьми и преступниками, ждущими приговора.

Профу разрешили произнести вступительное слово. Если убрать словесные украшения, оно сводилось к тому, что Луна de facto является суверенным государством с общепризнанным правительством, находится в состоянии гражданского мира и порядка, во главе страны стоят временный президент и кабинет, выполняющие все необходимые функции, но жаждущие вернуться к частной жизни, как только Конгресс закончит разработку конституции, и что мы прибыли сюда с просьбой признать эти факты de jure и позволить Луне занять принадлежащее ей по праву место в совещательных органах человечества в качестве члена Федерации Наций.

То, что говорил им проф, несколько отклонялось от истины, но слушатели не имели возможности обнаружить эти отклонения. Откуда им было знать, например, что наш «временный президент» — это компьютер, а весь «кабинет» — это Вайо, Финн, товарищ Клейтон, Теренс Шихан (издатель газеты «Pravda») и Вольфганг Корсаков (председатель правления «ЛуНоГоКо» и директор Банка Гонконга-в-Луне). Среди них только Вайо знала, что Адам Селен не более чем декорация, прикрывающая компьютер. И ужасно нервничала, так как осталась защищать крепость в одиночестве.

Вообще «странность» Адама, не желавшего показываться на людях во плоти, доставляла нам кучу хлопот. Мы постарались превратить это нежелание в «необходимость по соображениям безопасности»: открыли для него контору в помещении бывшего офиса Администрации в Луна-Сити, а затем взорвали там небольшую бомбочку. После чего товарищи, сильнее прочих волновавшиеся по поводу нежелания Адама потолкаться в толпе, стали громче всех вопить, что ему ни в коем случае не следует рисковать. Этот лозунг подхватили и газетные передовицы.

Пока проф говорил, я пытался представить себе, как запрыгали бы эти надутые лопухи, если б узнали, что наш президент — всего лишь набор «железок», кстати принадлежащих Администрации.

Но они только взирали на нас с ледяным неодобрением, ничуть не тронутые риторикой профа, хотя, возможно, это было лучшее выступление в его жизни, учитывая, что он говорил в микрофон лежа на спине, без всяких шпаргалок и практически не видя аудитории.

А затем они набросились на нас. Джентльмен, представлявший Аргентину,— они не называли своих имен, мы для них рылом не вышли,— прицепился к выражению «бывший Смотритель». Эта должность упразднена полстолетия назад! Он настаивает, чтоб ее вычеркнули из протокола и заменили бы официальным титулом: «Протектор лунных колоний, назначенный Лунной Администрацией». Все прочие формулировки унижают достоинство Лунной Администрации!

Проф попросил слова. «Достопочтенный председатель» снизошел. Проф мягко заметил, что принимает предложенную поправку, поскольку Администрация вольна называть своих служащих как ей заблагорассудится, и что он не имел намерения унижать достоинство какого-либо учреждения Федерации Наций... Но если иметь в виду функции данного органа — бывшие функции бывшего органа,— то граждане Свободного Государства Луна, вероятно, будут думать о нем в привычной терминологии.

Шестеро членов комитета закудахтали одновременно. Кто-то возражал против слова «Луна» и особенно против «Свободного Государства Луна»: нет никакой «Луны», есть Селена, спутник Земли и собственность Федерации Наций, такая же как Антарктида, и вообще вся эта процедура — просто фарс.

С последним утверждением я был вполне согласен. Председатель попросил уважаемого представителя Северной Америки держаться в рамках и все свои замечания направлять через него, то бишь председателя. Правильно ли понял председатель из последней реплики свидетеля, что этот якобы существующий

de facto режим намерен изменить действующую систему депортации преступников?

Проф принял подачу и отбил мяч:

— Достопочтенный председатель, я сам был депортирован, но сейчас Луна — моя возлюбленная Родина. Мой коллега, достопочтенный заместитель министра иностранных дел полковник О'Келли Дэвис (это я!), уроженец Луны, гордится своим происхождением от депортированных предков. Луна обрела силу мужеством тех, кого вы выбросили, как мусор. Присылайте к нам своих бедняков, своих неудачников; мы примем их. У Луны места хватит для всех — почти сорок миллионов квадратных километров пустует, площадь больше Африки. А если учесть, что благодаря нашему образу жизни мы занимаем не площадь, а объем, то в обозримом будущем Луна не отвергнет ни один корабль с грузом исстрадавшихся бездомных.

— Свидетелю рекомендуется воздержаться от произнесения речей,— заявил председатель.— Мы поняли смысл вашего выступления так, что группа, которую вы представляете, соглашается принимать заключенных по-прежнему?

— Нет, сэр.

— Что? Объяснитесь!

— Сразу же, как только иммигрант ступит на почву Луны, он станет свободным, каковы бы ни были его былые проступки, свободным идти туда, куда пожелает.

— Вот как? И что же в таком случае может помешать ему перейти посадочную площадку, влезть на другой корабль и вернуться сюда? Признаюсь, я был удивлен вашим заявлением о готовности принимать их... но мы в них не нуждаемся. Это наш гуманный способ освобождаться от неисправимых, которых иначе пришлось бы казнить.

(Я мог бы порассказать им кое-что и заставить его заткнуться. Он явно никогда не бывал в Луне. Что касается «неисправимых», если такие бывают, Луна ликвидирует их быстрее, чем это делается на Терре. Когда я был мальчишкой, к нам прислали главаря гангстеров, по-моему, из Лос-Анджелеса. Он прибыл со взводом телохранителей и нагло заявил, что теперь будет править в Луне, как, по слухам, правил в какой-то тюрьме на Земле.

Никто из них не прожил и двух недель. Гангстерский босс не добрался даже до бараков. Он не пожелал выслушать, как следует обращаться со скафандром.)

— Ничто не может удержать его от возвращения домой, насколько это зависит от нас, сэр,— ответил проф.— Хотя воспоминание о вашей полиции здесь, на Терре, может заставить его задуматься. Но я еще никогда не слышал о ссыльном, у которого сразу нашлись бы деньги на обратный билет. И вообще, разве это проблема? Корабли — ваши; у Луны кораблей нет. Кстати, позвольте заметить: корабль, который должен был к нам прилететь в этом месяце, так и не прибыл. Я не жалуюсь, но это обстоятельство заставило меня и моего коллегу,— проф сделал паузу и улыбнулся,— прибегнуть к весьма неудобному способу передвижения. Я просто надеюсь, что это не политика. Луна с вами не ссорилась; мы ждем ваши корабли; мы хотим с вами торговать; мы хотим жить в мире. Прошу заметить, что все плановые поставки зерна пришли к вам точно по расписанию.

(У профа дар менять тему разговора.)

После чего они стали копаться в мелочах. Любознательный представитель Северной Америки захотел узнать, что случилось со «Смо...» Он спохватился. «С Протектором сенатором Хобартом».

Проф ответил, что тот перенес удар («coup» это и в самом деле «удар») и больше не в состоянии исполнять свои обязанности; сейчас он поправляется и получает всю необходимую медицинскую помощь. Мы давно подозревали, задумчиво добавил проф, что со здоровьем у этого пожилого джентльмена не все в порядке, иначе трудно объяснить его странные поступки в течение последнего года... особенно многочисленные нарушения прав свободных граждан, включая тех, кто никогда не имел судимостей.

Проглотить эту историю было не так уж трудно. Передавая сообщение о нашем перевороте, ученые, астрономы доложили, что Смотритель мертв... хотя Майк поддерживал в нем жизнь и

даже порой перевоплощался в него. Например, когда Администрация потребовала у Смотрителя отчета по поводу диких слухов о бунте, Майк проконсультировался с профом и изобразил убедительную картину старческого маразма, умудрившись одновременно все опровергнуть, все подтвердить и перемешать все в кучу. Вскоре мы сами дали информацию прессе, и Смотритель стал недоступен даже в виде своего компьютерного alter ego[1]. А через три дня мы провозгласили свою независимость.

Североамериканец захотел узнать, с какой стати он должен верить, что хоть одно слово в этой истории — правда. Проф улыбнулся прямо-таки ангельской улыбкой и далее попытался поднять исхудавшие руки, но они тут же бессильно упали на покрывало.

— Уважаемый представитель Северной Америки! Настоятельно советую вам посетить Луну, навестить больного сенатора Хобарта и увидеть все своими глазами. Мы приглашаем к себе в гости всех граждан Терры, в любое время, в любое место — смотрите на здоровье, нам скрывать нечего. Мы хотим быть друзьями, мы миролюбивые люди. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что моя страна не может предоставить вам транспортные средства, в отношении коих мы полностью зависим от вас.

Представитель Китая внимательно смотрел на профа. Не говорил ни слова, но ушки держал на макушке.

Председатель прервал слушание до пятнадцати ноль-ноль. Нам отвели комнату для отдыха и прислали завтрак. Мне хотелось поговорить, но проф помотал головой, оглядел комнату и похлопал себя по уху. Ну я и заткнулся. Потом проф задремал, я опустил спинку коляски и последовал его примеру; на Терре мы старались спать как можно больше. Это помогало. Но не очень.

За нами не присылали до шестнадцати ноль-ноль, хотя комитет уже заседал. Председатель нарушил свое собственное правило насчет речей и разразился тирадой, исполненной «скорее-сожалений-чем-гнева».

[1] Другое «я» (*лат.*).

Для начала он напомнил, что Лунная Администрация является внеполитической попечительской организацией, на которую возложена ответственная миссия по обеспечению гарантий того, что спутник Земли Селена, или, как его называют некоторые, Луна, никогда не будет использоваться в военных целях. Он поведал нам, что Администрация выполняет свою священную обязанность уже более столетия, в то время как правительства возникали и уходили в небытие, союзы создавались и распадались; по сути, Администрация даже старше Федерации Наций, ибо ее хартия была подписана гораздо более древней международной организацией, и Администрация так блестяще справлялась со своими обязанностями, что пережила множество войн и кризисов.

(Тоже мне, новости! Но вы чувствуете, куда клонит?)

— Лунная Администрация не может передать кому-либо свои функции,— торжественно заявил он.— Однако если колонисты на Луне докажут свою политическую зрелость, им может быть дарована некоторая степень автономии. Этот вопрос мы предложим поставить на рассмотрение. Многое зависит и от вашего поведения. Я хочу сказать — поведения всех колонистов. В последнее время имели место бунты и нанесение ущерба собственности; этого впредь быть не должно.

Я все ждал, когда нам припомнят девяносто убитых драгун; он не сказал о них ни слова. Из меня не получится государственный деятель. «Высшие соображения» мне не по плечу.

— Ущерб, нанесенный собственности, должен быть возмещен,— продолжал председатель.— Обязательства должны выполняться неукоснительно. Если орган, который вы называете Конгрессом, сможет нам это гарантировать, комитету представляется вполне вероятным, что так называемый Конгресс со временем станет агентством Администрации, ведающим внутренними делами. В самом деле, можно согласиться с тем, что стабильное местное правительство в будущем сможет взять на себя многие функции, которые ныне исполняет Протектор, а возможно, даже пришлет делегата с совещательным голосом в Великую Ассамблею. Но подобную честь надо заслужить.

Одно должно быть совершенно ясно. Главный спутник Земли — Селена — по законам природы является вечной и общей собственностью народов Земли. Она *не принадлежит* той горсточке людей, которые в силу исторической случайности оказались ее обитателями. Священная обязанность, возложенная на Лунную Администрацию, есть и пребудет навеки высшим законом для Земной Селены.

(«...исторической случайности», каково? Я ожидал, что проф вобьет ему эти слова обратно в глотку. Я думал, он скажет... Нет, я никогда не знаю заранее, что он скажет. И вот что он сказал...)

Проф долго держал паузу, а затем спросил:

— Достопочтенный председатель, *кто будет отправлен в ссылку на сей раз?*

— Что вы сказали?

— Вы уже решили, кто из вас отправится в ссылку? Заместитель Смотрителя за эту работу не возьмется.— Это была чистая правда, он предпочитал остаться в живых.— Он выполняет свои обязанности временно только потому, что мы его упросили. Если вы упорствуете в своем убеждении, что мы не можем быть независимыми, вам придется продумать вопрос о посылке нового Смотрителя.

— Протектора!

— Смотрителя. Давайте не будем играть в слова. Хотя, если бы мы знали, кого вы назначите, мы с радостью именовали бы его «послом». Возможно, мы смогли бы найти с ним общий язык, и тогда вам не пришлось бы посылать вооруженных бандитов... чтобы насиловать и убивать наших женщин!

— К порядку! К порядку! Пусть свидетель ведет себя как положено!

— Это не я нарушаю порядок, достопочтенный председатель! Изнасилование было и гнусное убийство тоже! Но все это уже принадлежит истории, а нам надо смотреть в будущее. Кого вы намерены сослать? — Проф попытался опереться на локоть, и я тут же насторожился: это был сигнал.— Надеюсь, вам известно, сэр, что дорога в Луну не рассчитана на обратный путь. Я родился здесь. И вы видите, каких усилий мне стоит даже временное возвращение на планету, которая отправила меня в изгнание. Мы изгои Земли, которые...

И вырубился. Я выскочил из своей коляски, рванулся к нему... и рухнул на пол.

Не все в этой сцене было игрой, хотя мои действия были ответом на полученный сигнал. Резкие движения на Терре опасны для сердца. Гравитационное поле Земли схватило меня и размазало по полу.

Глава 17

Никто из нас серьезно не пострадал, зато средства массовой информации взахлеб распространялись о сенсации, так как я передал магнитофонную запись Стью, а он переправил ее своим подручным. Не скажу, что все заголовки были враждебны: Стью предварительно подрезал пленку, подредактировал и придал материалу нужную направленность.

«АДМИНИСТРАЦИЯ ВЫБИВАЕТ ИГРОКА У ПРОТИВНИКА? ПОСОЛ ЛУНЫ ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА С ПРИСТРАСТИЕМ. "ИЗГОИ!" — КРИЧИТ ОН. ПРОФЕССОР ДЕ ЛА ПАС ПРИГВОЖДАЕТ АДМИНИСТРАЦИЮ К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ. ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦЕ ВОСЬМОЙ».

Но не все были так доброжелательны; в Индии наиболее спокойной выглядела передовица в «Ново-Индийском таймсе», где задавался вопрос: неужели Администрация готова пожертвовать хлебом, предназначенным для голодающих масс, лишь бы не пойти на соглашение с лунными повстанцами? Высказывалось соображение, что уступки могут быть сделаны в обмен на увеличение поставок продовольствия. Приводилось множество не вполне достоверных цифр. На самом деле Луна вовсе *не кормит* «сотни миллионов индусов» — наше зерно, так сказать, превращает «голодание» в «недоедание».

С другой стороны, крупнейшая нью-йоркская газета высказывала мнение, что Администрация совершила ошибку, начав с нами переговоры, ибо каторжники понимают лишь один язык —

язык кнута; надо высадить там войска, навести порядок, повесить виновных и оставить солдат для поддержания спокойствия.

В полку драгун-усмирителей, откуда происходили наши ныне покойные насильники, вспыхнул мятеж, быстро подавленный; он начался из-за слухов о том, что полк собираются отправить на Селену. Известие о мятеже замять не удалось: Стью нанимал ловких ребят.

На следующее утро мы получили письмо с вопросом: в состоянии ли профессор де ла Пас продолжать переговоры? Мы отправились; комитет пригласил доктора и медсестру, чтобы наблюдать за профом. Но на сей раз нас обыскали и магнитофон у меня из сумки изъяли.

Я отдал его без особого сопротивления; магнитофон был японского производства, и Стью мне достал его как раз для сдачи при обыске. В моей руке номер шесть есть углубление для батарейки, в него с успехом поместился мой микромаг. Батарейка в тот день мне была ни к чему, а большинство людей — даже заматерелые полицейские — брезгуют дотрагиваться до протезов.

О вчерашней дискуссии все словно забыли... если не считать того, что председатель начал сессию, строго выбранив за «нарушение тайны закрытого заседания».

Проф ответил, что у нашей стороны нет ни малейшего желания делать из этих заседаний тайну и что мы всячески приветствовали бы присутствие представителей прессы, видеокамер, зрителей и кого угодно, так как Свободному Государству Луна скрывать нечего.

Председатель резко заметил, что так называемая «Свободная Луна» здесь не хозяйка; заседания *закрытые,* и их результаты не должны обсуждаться за пределами данной комнаты. Таков порядок.

Проф взглянул на меня.

— Вы поможете мне, полковник?

Я привел в движение механизм управления коляской, подъехал к нему и начал подталкивать его каталку к дверям, прежде

чем председатель успел сообразить, что мы просто блефуем. Проф позволил уговорить себя остаться, не дав при этом никаких обещаний. Трудно давить на человека, который всякий раз хлопается в обморок, как только слегка перевозбудится.

Председатель заявил, что вчера прозвучало слишком много речей не по существу, а насущные проблемы так и не были решены, поэтому сегодня он не потерпит никаких отклонений. И бросил взгляд на аргентинца, а затем на североамериканца.

Потом продолжил:

— Суверенность — это абстрактная концепция, одна из тех, определение которых много раз давалось заново, пока человечество училось жить в мире. Мы не станем дискутировать на эту тему. Главный вопрос, господин профессор,— или посол de facto, если вам угодно, не в названиях суть,— главный вопрос таков: готовы ли вы гарантировать, что лунные колонии будут выполнять свои обязательства?

— Какие обязательства, сэр?

— Все обязательства, но в первую очередь обязательства по поставкам зерна.

— Я ничего не знаю о таких обязательствах, сэр,— ответил проф тоном, исполненным глубочайшего удивления.

Председатель крепко сжал рукоятку молотка. Но сказал совершенно спокойно:

— Бросьте, сэр, не стоит ломать копья из-за слов. Я говорю о квотах зерновых поставок — о тех увеличенных на тринадцать процентов квотах, что определены на новый финансовый год. Можем ли мы получить ваше заверение, что вы будете уважать эти обязательства? Если нет — нам просто не о чем дальше разговаривать.

— В таком случае, сэр, я сожалею, но переговоры придется прервать.

— Это несерьезно!

— Напротив, сэр. Это совершенно серьезно. Суверенность Свободной Луны вовсе не абстрактное понятие, как вы склонны считать. Обязательства, о которых вы говорите, есть просто контракты, которые Администрация заключала сама с собой.

Моя страна не может быть связана чем-либо подобным. Любые обязательства суверенной нации, которую я имею честь представлять, еще предстоит обсудить.

— Чернь! — взревел североамериканец.— Я же говорил, что вы слишком миндальничаете с ними! Рецидивисты! Воры и шлюхи! Они не понимают цивилизованного обращения!

— К порядку!

— Вы еще попомните мои слова. Попадись они мне в Колорадо, я бы их кое-чему научил! Мы умеем обращаться с этим отребьем.

— Уважаемый член комитета, призываю вас к порядку.

— Боюсь,— проговорил индиец (парс* по происхождению, представлявший в комитете Индию),— боюсь, что по существу я согласен с уважаемым представителем Северо-Американского Директората. Индия не может принять концепцию, что обязательства по поставкам зерна — всего лишь никчемная бумажонка. Порядочные люди не играют с голодом в политические игры.

— А кроме того,— вмешался аргентинец,— они плодятся, как животные! Как свиньи!

(Перед заседанием проф заставил меня принять транквилизатор. И настоял, чтобы я сделал это в его присутствии.)

— Достопочтенный председатель,— спокойно сказал проф,— могу ли я пояснить смысл моего заявления, прежде чем мы решим,— возможно, излишне поспешно,— что переговоры должны быть прерваны?

— Пожалуйста.

— Все согласны? Мне не будут мешать?

Председатель оглядел членов комитета.

— Согласны все,— сказал он.— Предупреждаю уважаемых членов комитета, что в случае еще одного нарушения порядка я применю специальный параграф четырнадцатый. Начальника караула прошу запомнить это и действовать соответственно. Свидетель может продолжать.

— Я буду краток, достопочтенный председатель.— Проф вдруг сказал какую-то фразу по-испански, но я уловил только слово «сеньор». Аргентинец побагровел, но смолчал, а проф продолжал: — Я должен сначала ответить в личном порядке уважаемому представителю Северной Америки, поскольку он затронул честь моих соотечественников. Я побывал не в одной тюрьме; я принимаю титул... нет, я горжусь титулом «рецидивист». Мы — граждане Луны — действительно рецидивисты и потомки рецидивистов. Но Луна — суровая хозяйка, и тем, кто пережил ее жестокие уроки, больше нечего стыдиться. В Луна-Сити человек спокойно может оставить свой кошелек без присмотра, а двери своего дома держать незапертыми. Не знаю, так ли обстоят дела в Денвере. Как бы там ни было, у меня нет желания ехать в Колорадо «кое-чему научиться». С меня вполне хватает уроков матери-Луны. Может быть, мы и чернь, но теперь мы восставшая чернь.

Уважаемому представителю Индии я могу сказать, что мы не играем с голодом в политические игры. Мы просим всего лишь открытого обсуждения фактов, свободного от политической предвзятости. Если такая дискуссия состоится, я обещаю доказать вам, что Луна не только сможет продолжать поставки зерна, но и значительно их увеличит... к большой выгоде Индии.

И китайский, и индийский представители сделали стойку. Индиец начал было что-то отвечать, но спохватился и обратился к председателю:

— Достопочтенный председатель, не попросите ли вы свидетеля объяснить, что он имеет в виду?

— Свидетель может изложить свою точку зрения более подробно.

— Достопочтенный председатель, уважаемые члены комитета! Луне действительно под силу увеличить поставки для миллионов голодающих на Терре в десять или даже в сто раз. Тот факт, что зерновые баржи продолжали прибывать по расписанию во время лунных событий и продолжают поступать сегодня, является доказательством наших добрых намерений. Но нельзя битьем заставить корову давать больше молока. Переговоры об увеличении поставок должны основываться на фактах, а не на предвзятых представлениях о том, что мы рабы, обязанные выполнять квоты, которых мы не устанавливали. Так на чем

порешим? Станете ли вы настаивать на том, что мы рабы, принадлежащие Администрации, а не свободные люди? Или же признаете, что мы свободны, и вступите с нами в переговоры,— и тогда мы с удовольствием объясним, каким образом мы можем вам помочь.

— Иными словами,— проворчал председатель,— вы предлагаете нам купить кота в мешке. Вы требуете, чтобы мы легализовали ваш незаконный статус... А потом вы расскажете о своих фантастических обещаниях увеличить зерновые поставки в десять или сто раз. Ваши обещания беспочвенны. Я эксперт по лунной экономике. А ваше условие невыполнимо: фактически оно означает признание Великой Ассамблеей нового государства.

— Тогда поставьте этот вопрос перед Великой Ассамблеей. Как только признают наше равенство и суверенитет, мы обсудим вопрос об увеличении поставок и договоримся об условиях. Достопочтенный председатель, зерно выращиваем мы, это *наша* собственность. Мы можем произвести его больше. Но не как рабы. Сначала вы должны признать суверенную Свободную Луну.

— Это невозможно, и вы это знаете. Лунная Администрация не может отказаться от своей священной обязанности.

Проф вздохнул.

— По-видимому, мы зашли в тупик. Я могу лишь предложить временно прервать переговоры и как следует подумать. Сегодня баржи еще приходят... но с той минуты, как я извещу свое правительство о провале нашей миссии... поставки... *прекратятся!*

Голова профа упала на подушку, как будто события совершенно изнурили его, что вполне могло быть правдой. Я чувствовал себя относительно прилично, но я был молод и обладал опытом визитов на Терру и выживания на ней. Лунарь в возрасте профа не должен рисковать и пускаться в такую поездку.

После небольшой перепалки, на которую проф не обратил внимания, нас погрузили в машину и отправили назад в отель. По дороге я спросил:

— Проф, а что вы сказали сеньору Жирное Пузо? Почему у него так подскочило давление?

Проф хихикнул:

— Товарищ Стьюарт покопался в прошлом этих джентльменов, и всплыли интересные факты. Я спросил, кому сейчас принадлежит бордель на calle[1] Флорида в Буэнос-Айресе и работает ли еще там знаменитая рыжая красотка?

— А почему? Вы когда-то были там частым клиентом? — Я попробовал представить себе профа в этой роли.

— Никогда. Вот уже сорок лет я не бывал в Буэнос-Айресе. Бордель принадлежит *ему,* Мануэль, через подставных лиц, а его жена — красотка с тициановскими волосами — некогда подвизалась в этом заведении.

Я пожалел, что спросил.

— А это не запрещенный прием? Недипломатично как-то.

Проф закрыл глаза и ничего не ответил.

Но к вечеру приободрился и целый час провел с журналистами. Седые волосы разметались на алой подушке, высохшее тело облачено в расшитую пижаму... если бы не глаза да ямочки — точь-в-точь свежий труп какого-нибудь шишкаря, подготовленный к пышному погребению. Я тоже смотрелся хоть куда в черном с золотом мундире, который, по уверениям Стью, был форменной одеждой лунных дипломатов моего ранга. Может, и так, но что-то я не слыхал, чтобы в Луне водились дипломаты. Вообще же я предпочитаю скафандры, у мундиров слишком жесткие воротнички. Я так и не понял, что означал иконостас у меня на груди. Какой-то репортер пытался выведать об ордене, похожем на ущербный серп луны, какой она выглядит порою с Терры. Я ответил, что это награда за чистописание. Стью, находившийся неподалеку, тут же вмешался:

— Полковник скромничает. Это орден того же класса, что и Крест Виктории[2], а получил он его за боевые заслуги в тот славный и трагичный день...

---

[1] Улица (*исп.*).

[2] Британская военная награда.

И увел корреспондента, продолжая заливать ему всякую чушь. Стью умел вешать лапшу на уши почти так же лихо, как проф. Мне же обязательно надо придумывать ложь заранее.

Индийские газеты и передачи в этот вечер были весьма агрессивны; они так и брызгали слюной, взбешенные угрозой прекратить поставки зерна. Даже самые умеренные призывали «очистить» Луну, уничтожить «преступных троглодитов» и заменить нас «честными индийскими крестьянами», которые, понимая святость любой жизни, будут присылать все больше и больше зерна.

Проф назначил пресс-конференцию, чтобы объяснить в общих чертах, почему Луна не сможет продолжать поставки; организация Стью распространила слухи об этом по всей Терре. Некоторые репортеры не поленились разобраться в числах и принялись уличать профа в вопиющих противоречиях.

— Профессор де ла Пас, вы тут говорите, что поставки зерна должны сократиться вследствие истощения природных ресурсов и что к 2082 году Луна не сможет прокормить даже собственных жителей. И тем не менее сегодня днем вы заверили Лунную Администрацию, что сможете увеличить поставки в десятки раз.

Проф наивно спросил:

— А разве комитет — это Лунная Администрация?

— Ну... это ни для кого не секрет.

— Конечно, сэр, но они выдают себя за беспристрастный комитет по расследованию при Великой Ассамблее. Вы не думаете, что они должны дисквалифицировать самих себя? Чтобы расследование было действительно беспристрастным.

— Э-э-э... я тут ни при чем, профессор. Давайте вернемся к моему вопросу. Как вы можете объяснить противоречие?

— А меня интересует, почему вы считаете, что вы тут ни при чем, сэр? Разве не в интересах каждого жителя Терры избежать ситуации, которая вызовет войну между Террой и ее соседкой?

— Войну? С чего вы вдруг заговорили о войне, профессор?

— А чем еще это может кончиться, сэр? Если Лунная Администрация уперлась и ни с места? Мы *не можем* принять ее требования. Цифры показывают — почему. Если Администрация этого не поймет, она предпримет попытку подчинить нас силой... а мы ответим ударом на удар. Как загнанные в угол крысы — мы действительно загнаны в угол, мы не можем ни отступить, ни сдаться. Нам война ни к чему. Мы хотим жить в мире с соседней планетой. Мирно жить и мирно торговать. Но выбирать придется вам. Мы — карлик, вы — гигант. Могу уже сейчас предсказать, что следующим шагом Лунной Администрации будет попытка принудить Луну силой. Это «миролюбивое агентство» начнет первую межпланетную войну.

Журналист нахмурился.

— Вам не кажется, что вы преувеличиваете? Предположим, что Администрация — или Великая Ассамблея, поскольку у Администрации нет собственных боевых кораблей,— предположим, что народы Земли решат сместить ваше э-э-э... «правительство». Вы можете воевать — на Луне. Думаю, вы будете сопротивляться. Но вряд ли это означает межпланетную войну. Как вы сами сказали, у Луны нет кораблей. Проще говоря, нас вы не достанете.

Я сидел на кресле возле каталки профа и молча слушал. Он повернулся ко мне.

— Скажите им, полковник.

Я затараторил, как попугай. Проф с Майком сделали мне заготовки на все случаи жизни. Я их вызубрил и выдавал по мере необходимости.

— Джентльмены,— сказал я,— вы помните «Следопыта»? Как он рухнул, потеряв управление?

Они помнили. Как можно забыть величайшую катастрофу эпохи первых космических полетов, когда несчастный «Следопыт» *свалился на бельгийскую деревушку*?

— У нас нет космических кораблей,— продолжал я,— но мы можем сбросить на вас эти зерновые баржи, вместо того чтобы доставлять их по расписанию на околоземную орбиту.

На следующий день из моей фразы родился заголовок: «ЛУНАРИ УГРОЖАЮТ ЗАБРОСАТЬ НАС РИСОМ». Однако в тот момент она вызвала лишь удивленное молчание.

Наконец журналист сказал:

— И тем не менее я хотел бы знать, как вы объясняете противоречие между двумя вашими заявлениями — «никакого зерна после восемьдесят второго года» и «увеличим поставки в десять или в сто раз».

— Никакого противоречия нет,— ответил проф.— Они основаны на различных предпосылках. Цифры, которые я представил, отражают современную обстановку... и ту катастрофу, которая произойдет, если на протяжении нескольких лет будет продолжаться истощение природных ресурсов Луны. Катастрофу, которую вызовут бюрократы из Администрации (или лучше сказать «автократы от бюрократии?») своими угрозами загнать нас в угол, как нашкодивших детей.

Проф остановился, тяжело перевел дух и продолжал:

— Обстоятельства, при которых мы сможем продолжать или даже резко увеличить производство зерна, прямо противоположны указанным выше. Как старый учитель, я не могу удержаться от школьной привычки: выводы должны делать сами ученики для упражнения мозгов. Может, кто-нибудь желает попробовать?

Последовало неловкое молчание, а потом заговорил невысокий человечек со странным акцентом:

— Мне кажется, что вы имеете в виду способ пополнения истощающихся природных ресурсов.

— Молодец! Отлично! — Проф просиял своими ямочками.— Вы, сэр, получите золотую медаль за этот семестр! Чтобы произвести зерно, необходимы вода и удобрения — фосфаты и так далее, можете узнать у специалистов. Присылайте все это нам — мы пришлем вам взамен прекрасное зерно. Опустите насосы в беспредельный Индийский океан. В Индии миллионы голов скота: собирайте их «конечный продукт» и шлите нам. Собирайте содержимое своих ночных горшков и не утруждайтесь его стерилизацией, мы научились делать такие вещи дешевле и проще. Шлите нам соленую морскую воду, тухлую рыбу, трупы животных, городские стоки, коровьи лепешки, любые отбросы — мы пришлем вам их обратно тонна за тонну золотым зерном.

Чем больше пришлете, тем больше получите, хоть в десять раз, хоть в сто. Шлите нам ваших бедняков и обездоленных, шлите нам их тысячами и сотнями тысяч; мы обучим их быстрым и эффективным способам лунного туннельного земледелия и вернем вам неимоверное количество продовольствия. Джентльмены, Луна — это колоссальная залежь в четыре тысячи миллионов гектаров, ждущая, чтобы ее вспахали.

Это их сразило.

Кто-то тихо спросил:

— Но что вы сами будете с этого иметь? Я говорю о Луне.

Проф пожал плечами.

— Деньги. В виде товаров. Многие вещи у вас куда дешевле, чем у нас в Луне. Лекарства. Инструменты. Микрофильмы. Наряды для наших прелестных женщин. Покупайте наше зерно, и можете торговать с нами с большой прибылью.

Индийский журналист поглядел задумчиво и принялся писать. Европеец, сидевший рядом с ним, скептически усмехнулся и сказал:

— Профессор, вы представляете себе, в какую сумму обойдется отправка такого количества грузов на Селену?

Проф небрежно отмахнулся.

— Это вопрос техники. Сэр, когда-то везти грузы через океан было не только трудно, а просто невозможно. Потом стало дорого, трудно, опасно. Сегодня же вы продаете свои товары на других континентах почти за ту же цену, что и у себя дома. Расходы на транспортировку — теперь самая малая составляющая в стоимости товара. Джентльмены, я не инженер. Но зато я кое-что знаю об инженерах. Если что-то *должно быть сделано*, инженеры найдут способ сделать это экономически выгодным. Если вы *хотите* получить зерно, которое мы можем вырастить, напустите на эту проблему ваших инженеров!

Проф стал задыхаться, жестом позвал на помощь, и медицинские сестры увезли его из комнаты.

Я отказался продолжать эту тему, сказав журналистам, что им следует побеседовать с профессором, когда он будет в состоянии снова встретиться с ними. Тогда они принялись клевать

меня с другого бока. Один из них потребовал, чтобы я объяснил, почему мы — колонисты — считаем себя вправе претендовать на самоуправление и в то же время не хотим платить налоги. В конце концов, колонии основаны Федерацией Наций, во всяком случае — некоторыми из ее членов. Это невероятно дорогое мероприятие, Земля оплатила все издержки, а теперь мы — колонисты — пожинаем плоды и не платим ни цента налогов. Разве это справедливо?

Я хотел послать его подальше; но перед интервью проф опять велел мне принять транквилизатор и потребовал, чтобы я зазубрил бесконечный список ответов на вопросы с подковыркой.

— Давайте разберемся по порядку,— сказал я.— Первое: за что, по вашему мнению, мы должны платить налоги? Скажите, что я получу взамен, и тогда, может быть, я с вами соглашусь. Нет, поставим вопрос иначе. *Вы сами* платите налоги?

— Конечно, плачу. И вы тоже обязаны!

— И что вы получаете взамен этих налогов?

— Как это — взамен? Налоги платят правительству.

— Извините,— сказал я,— но я полный невежда. Всю свою жизнь прожил в Луне и мало чего знаю о вашем правительстве; не можете ли вы объяснить мне попроще? Что вы получаете за свои деньги?

Все заинтересовались и с азартом стали дополнять то, что пропустил этот воинственный осел. Я записывал. Когда они закончили, я начал читать вслух.

— Бесплатные больницы — их в Луне нет. Медицинское страхование — такая штука у нас есть, но она совсем не похожа на то, что вы имеете в виду. Если кто-то хочет страховку, он идет к букмекеру и заключает пари. Вы можете застраховаться от чего угодно, но за определенную плату. Я, например, не страховался на случай болезней — я здоров. Или был здоров, пока не приехал к вам. Публичная библиотека у нас есть, та самая, которую основал Фонд Карнеги, начав с нескольких микрофильмов. Но она платная. Общественные дороги. Я думаю, к ним можно приравнять наше метро. Но оно не более бесплатно, чем воздух, которым мы дышим. Ах, извините, у вас ведь воздух бесплатный,

не так ли? Я хочу сказать, что наше метро построено компаниями, которые вложили в него средства и яростно добиваются их получения обратно, с прибылью, разумеется. Общеобразовательные школы. Школы есть во всех поселениях, и я никогда не слыхал, чтобы они отказались принимать учеников; поэтому, полагаю, их можно назвать «общеобразовательными». Но дерут они втридорога. Вообще в Луне каждый, кто знает что-нибудь полезное и согласен обучить другого, предъявляет за это такой счетец — закачаешься!

Так, что у нас осталось? Социальное обеспечение? Не знаю, что за зверь, но у нас такие не водятся. Пенсии. Вы можете *купить* пенсию. Но мало кто покупает. Почти все семьи большие, и старики, скажем, от ста лет и выше, или возятся с чем-нибудь, что им по душе, или сидят и смотрят видео. Или спят. Они спят много, особенно те, которым за сто двадцать.

— Сэр, извините... Неужели люди на Селене действительно живут так долго?

Я сделал вид, что удивлен, хотя на самом деле вопрос был в числе «спровоцированных», и ответ отскочил у меня от зубов автоматически:

— Никто не знает, как долго может жить человек в Луне; мы слишком недавно там появились. Старейшие жители Луны родились на Земле, а следовательно, их опыт не корректен. Пока же из родившихся в Луне никто не умер от старости. Но это опять-таки ничего не доказывает: у них просто не было времени состариться — прошло меньше столетия. Хотя... Возьмем, к примеру, меня... Мадам, как по-вашему, сколько мне лет? Я настоящий лунарь в третьем поколении.

— Э-э-э... честно говоря, полковник Дэвис, меня поражает ваша молодость. Я хочу сказать, учитывая важность вашей миссии. Я дала бы вам двадцать два... Неужели больше? Ну, полагаю, ненамного...

— Мадам, я сожалею, что сила тяжести на Земле не позволяет мне раскланяться. Благодарю вас. Я женат уже больше двадцати двух лет.

— Что? Да вы шутите!

— Мадам, я никогда бы не осмелился определять возраст леди, но, если вы эмигрируете в Луну, вы сохраните свой теперешний юный вид на долгие годы и проживете как минимум на двадцать лет больше, чем здесь.— Я снова взглянул на список.— Могу сказать сразу обо всех оставшихся пунктах: ничего подобного у нас в Луне нет, а потому я не вижу никакого смысла платить за это налоги. Что касается другой части вашего вопроса, сэр, так вы, должно быть, сами знаете, что начальная стоимость создания колоний нами давно и многократно оплачена, одно зерно чего стоит! А из нас высасывают кровь — наши природные ресурсы... и даже не платят по ценам свободного рынка. Вот почему Лунная Администрация так упорно стоит на своем — она присосалась к нам, как вампир. Идея, что Луна убыточна для Терры и что первоначальные инвестиции надо вернуть,— ложь, изобретенная Администрацией, чтобы оправдать ее обращение с нами как с рабами. На самом же деле в этом столетии Луна не стоила Земле ни цента, а первоначальные инвестиции давно выплачены.

Журналист попытался отыграться:

— Вы, надеюсь, не собираетесь доказывать нам, что лунные колонии выплатили все миллиарды долларов, которые пошли на развитие космонавтики?

— Я мог бы попробовать. Но в любом случае вряд ли справедливо удерживать эти деньги с *нас*. Космический флот ваш, он принадлежит Терре. У нас его нет! Почему же мы должны платить за то, чего не получили? С этим дело обстоит точно так же, как и с остальными пунктами вашего списка. Будет товар — будут деньги, но с какой радости нам платить за так?

Я тянул время, дожидаясь вопроса, который, как уверял проф, мне непременно зададут... и наконец услышал:

— Одну минуту! — раздался уверенный голос.— Вы проигнорировали два самых важных пункта нашего списка. Полицейская защита и вооруженные силы. Вы тут хвалились, что готовы платить за то, что получаете... Как насчет того, чтобы выплатить налоги по этим двум статьям за целое столетие? Кругленькая сумма набежит, однако,— и он ехидно ухмыльнулся.

Ну, спасибо, наконец-то! Я уж думал — не миновать мне взбучки от профа за неумение вытащить из них этот вопросик. Все поглядывали друг на друга, кивая головами, очень довольные, что я наконец получил по носу. Я изо всех сил старался изобразить искреннее недоумение.

— Извините, не понял. У Луны нет ни полиции, ни вооруженных сил.

— Прекрасно вы поняли, о чем я говорю. Вы пользуетесь защитой Миротворческих сил Федерации Наций. И полиция у вас есть. И платит ей Лунная Администрация! Мне доподлинно известно, что две роты были посланы на Селену меньше года назад, чтобы выполнять там обязанности полицейских.

— Ах, вот вы о чем! — Я вздохнул.— Скажите, от кого, по-вашему, Миротворческие силы защищают Луну? У меня нет сведений, что какая-нибудь из ваших стран готовится к нападению на нас. Мы от вас далеко, и у Луны нет ничего такого, на что можно позариться. Или вы имеете в виду, что мы должны платить этим силам за то, чтоб они нас не трогали? Если так, то существует старинная поговорка: ежели вы хоть раз уплатили Danegeld[1], то вы уже никогда не отделаетесь от датчан. Сэр, мы будем *драться* с вооруженными силами ФН, если придется... но мы никогда не будем *платить* им!

А теперь о так называемых «полицейских». Их послали отнюдь не для того, чтобы защищать нас. Наша Декларация независимости раскрыла истинное лицо этих мерзавцев — кстати, ваши газеты ее опубликовали? (Некоторые — да, некоторые — нет, смотря в какой стране.) Они обезумели и начали насиловать и убивать! И теперь они мертвы. Поэтому не стоит посылать к нам новые войска.

После этого я «устал» и удалился. Я и в самом деле устал; не такой уж я блистательный актер, и вести это толковище в намеченном профом русле было для меня немалым испытанием.

[1] «Датские деньги» — поземельный налог в средневековой Англии.

Глава 18

Только потом я узнал, что во время интервью мне тонко подыграли: наводящий вопрос о полиции и вооруженных силах был задан подсадной уткой; Стью Лажуа ничего не оставлял на волю случая. Впрочем, к тому времени, когда мне это стало известно, я уже накопил немалый опыт по части интервью; мы давали их бесконечно.

А в тот вечер, хоть мы и устали, нам еще предстояло потрудиться. Кроме представителей прессы, к нам рискнули заглянуть гости из дипломатического корпуса в Агре; правда, их было мало и никто не явился в своем официальном качестве, даже из Чада. Но мы были любопытной новинкой, и им хотелось на нас поглазеть.

Лишь один из них был действительно важной шишкой — китаец. Увидев его, я изумленно вылупил глаза: это был китайский представитель из комитета. Мне он представился просто как «доктор Чан», и мы притворились, что видимся впервые.

Это был тот самый доктор Чан, сенатор из Великого Китая, а также долговременный главный представитель Великого Китая в Лунной Администрации. Много позже он стал вице-президентом и премьером — но это уже незадолго до того, как его убили.

Вытащив из них тот вопрос, на который я должен был ответить в первую очередь, и с честью продравшись через другие, которые могли и подождать, я приехал в своей коляске в спальню, но меня тут же вызвал к себе проф.

— Мануэль, я уверен, что ты обратил внимание на нашего достойного гостя из Срединного Царства?

— Старого знакомого, китаезу из комитета?

— Сынок, постарайся забыть о лунном жаргоне. Пожалуйста, не пользуйся им здесь даже в разговорах со мной. Этот китаец хочет знать, что мы имели в виду под «увеличением в десяток или даже в сто раз». Так что расскажи ему.

— Правду? Или туфту?

— Правду. Этот парень не дурак. Как у тебя с техническими деталями?

— Домашние задания выучил. Надеюсь, он не эксперт по баллистике.

— Он не эксперт. Но, если чего не знаешь, не вздумай притворяться умником. И не обольщайся, будто он наш друг. Он может оказаться нам очень полезным, если решит, что наши и его интересы совпадают. Только не дави на него. Сейчас он в моем кабинете. Удачи тебе. И помни, говори на стандартном английском.

Доктор Чан при моем появлении встал; я извинился, что не могу его приветствовать стоя. Он сказал, что понимает трудности, с которыми сталкивается джентльмен с Луны, приезжая на Землю, и просит не беспокоиться, после чего сам пожал себе руку и сел.

Опускаю ряд формальностей. Имелись ли у нас конкретные соображения, когда мы заявили, что существует дешевый способ отправлять массовые грузы на Луну? Или нет?

Я сказал, что такой способ, требующий немалых инвестиционных затрат, но дешевый в эксплуатации, существует.

— Это тот самый способ, который мы используем на Луне, сэр. Катапульта — индукционная катапульта, обеспечивающая вторую космическую скорость.

Лицо его осталось бесстрастным.

— Полковник, вам должно быть известно, что подобные проекты предлагались неоднократно и всегда отклонялись по весьма веским соображениям. Что-то там не получается с давлением воздуха, если я не ошибаюсь.

— Да, доктор. Но на основании глубокого компьютерного анализа и нашего собственного опыта катапультирования мы полагаем, что сегодня эта проблема может быть решена. Две наши крупнейшие фирмы — «ЛуНоГоКо» и Банк Гонконга-в-Луне готовы возглавить синдикат, который займется этим как частным проектом. Им потребуется помощь здесь, на Терре, и они согласны продать часть акций, хотя предпочли бы продавать лишь облигации, сохранив за собой полный контроль. В первую

очередь им нужна концессия от какого-либо правительства, которое передаст им в постоянное пользование землю для строительства катапульты. Таким государством могла бы стать, например, Индия.

(Типичная словесная декорация. Если бы кто-то проверил бухгалтерию «ЛуНоГоКо», ее сразу объявили бы банкротом; положение Банка Гонконга-в-Луне тоже было напряженным — он стал центральным банком страны, переживающей переворот. Целью всей речи было ввести в игру последнее слово — «Индия». Проф требовал, чтобы это слово обязательно было последним.)

Доктор Чан ответил:

— Не будем говорить о финансовых аспектах. Все, что возможно физически, люди способны сделать возможным экономически. Деньги — пугало для мелких умов. Почему вы выбрали Индию?

— Видите ли, сэр, Индия сейчас потребляет, если не ошибаюсь, свыше девяноста процентов наших поставок зерна...

— Девяносто три и одну десятую.

— Да, сэр. Индия жизненно заинтересована в нашем зерне, поэтому, вероятно, согласится сотрудничать. Она может дать нам землю, поставить рабочие руки, материалы и тому подобное. Но я назвал Индию еще и потому, что у нее широкий выбор подходящих площадок для будущего строительства, а именно: очень высокие горы вблизи от земного экватора. Последнее не обязательно, но желательно. А вот высокие горы — условие непременное. Из-за давления воздуха, о котором вы говорили, вернее, из-за плотности атмосферы. Голову катапульты желательно разместить на возможно большей высоте над уровнем моря, но ее конец, откуда груз будет выбрасываться со скоростью более одиннадцати километров в секунду, обязательно должен находиться в разреженной атмосфере, предельно близкой к вакууму. А для этого нужна высоченная гора. Что-то вроде пика Нанда-Деви, примерно в четырехстах километрах отсюда. Железная дорога оканчивается в шестидесяти километрах от него, а шоссе доходит почти до подножия. Высота восемь тысяч

метров. Я не утверждаю, что Нанда-Деви — идеал, это просто подходящее место с хорошим коммуникационным обеспечением. Идеальное место может быть выбрано лишь инженерами самой Терры.

— Чем выше горы, тем лучше?

— О да, сэр,— заверил я его.— Высота горы предпочтительнее близости к экватору. Катапульту можно сконструировать так, чтобы скомпенсировать некоторое увеличение ускорения силы тяжести при удалении от экватора[1]. Самое трудное — избежать сопротивления этой мерзкой плотной атмосферы. Извините, доктор, я вовсе не намеревался критиковать вашу планету.

— Но ведь существуют и более высокие горы. Полковник, расскажите мне подробнее об этой предполагаемой катапульте.

И я начал.

— Длина катапульты определяется ускорением, которого мы хотим достигнуть. Мы считаем, вернее, наш компьютер вычислил, что оптимальным будет ускорение в двадцать «g». В земных условиях это означает, что потребуется катапульта длиной триста двадцать три километра. Поэтому...

— Подождите, пожалуйста! Полковник, вы всерьез предполагаете пробурить скважину глубиной более трехсот километров?

— О нет! Катапульту нужно строить на поверхности, чтобы ударные волны могли расходиться в воздухе. Статор будет расположен почти горизонтально, полого приподымаясь от головы до выходного конца всего километра на четыре при длине в триста километров. И будет представлять собой почти прямую линию — легкая кривизна обусловлена ускорением Кориолиса и рядом более мелких факторов. Лунная катапульта на глаз выглядит совершенно прямой и настолько близка к горизонтали, что баржи чуть не касаются пиков, находящихся за ней.

— Понятно. Я было подумал, что вы переоцениваете возможности земной техники. Мы сегодня умеем бурить глубокие скважины, но не такие. Продолжайте.

[1] Ускорение силы тяжести на полюсе 9,83, на экваторе 9,78 м/сек^2.

— Доктор, вполне возможно, что именно это распространенное заблуждение и помешало землянам построить катапульту. Я видел ранние исследования. Как правило, они исходили из того, что катапульта должна быть вертикальной или хотя бы конец ее должен быть сильно задран вверх, чтобы космический корабль был запущен почти в зенит... И то и другое не только невозможно технически, но и не нужно. Я думаю, подобный предрассудок вызван тем фактом, что ваши космические корабли *действительно* взлетают вертикально или почти вертикально.

Но они делают это ради выхода за пределы атмосферы, а не для того, чтобы лечь на нужную орбиту. Вторая космическая скорость — величина не векторная, а скалярная. Груз, вылетевший из катапульты со скоростью убегания, не вернется на Землю, в каком бы направлении его ни запустили. Хм... две поправки: он должен быть направлен не к Земле, а к определенной точке небесной полусферы, и ему необходимо придать достаточную дополнительную скорость, чтобы пробить атмосферу. Если направление выбрано верно, груз долетит до Луны.

— Ясно. Но значит, катапульта может использоваться только раз в лунный месяц?

— Нет, сэр. Ею можно будет пользоваться ежедневно, надо только выбрать момент, когда Луна окажется на пересечении с заданной орбитой. Фактически же — по крайней мере, по расчетам нашего компьютера, я не эксперт в астронавигации — катапульту можно будет использовать круглые сутки, просто регулируя скорость выброса, и грузы будут прибывать к Луне по разным орбитам.

— Я как-то не совсем представляю себе эту картину.

— И я тоже, доктор, но... Извините, по-моему, в Пекинском университете есть исключительно мощный компьютер, я не ошибся?

— Ну, предположим, есть. И что же?

(То ли мне показалось, то ли он действительно насторожился и замкнулся еще больше. Что у них там? Компьютер-киборг — «маринованные мозги»? Или живой мозг в полном сознании? В любом случае — жуть!)

— Высококлассный компьютер мог бы рассчитать возможные сроки выброса из такой катапульты, которую я вам описал. Некоторые орбиты окажутся слишком далеко от Луны, и пока она сумеет «захватить» их, пройдет очень много времени. Другие обогнут часть Терры, а затем прямо направятся к Луне. Третьи просты, как те, что и мы используем для поставок грузов на Терру. Ежедневно бывают такие моменты, когда можно выбрать кратчайшую траекторию. Но в самой катапульте груз находится меньше минуты, так что все ограничивается временем, необходимым для подготовки груза. Можно даже вести через катапульту несколько грузов одновременно, если энергии достаточно, а компьютерный контроль надежен. Единственная вещь, которая меня беспокоит... Ведь высокие горы покрыты снегом?

— Как правило,— ответил он.— Лед, снег и голый камень.

— Видите ли, сэр, я уроженец Луны и ничего не знаю о снеге. Статор не только должен быть устойчив по отношению к мощному гравитационному полю планеты, но ему еще предстоит выдержать сильные толчки с двадцатикратной перегрузкой. Я не думаю, что его можно закрепить на льду или в снегах. Или можно?

— Я не инженер, полковник, но мне кажется, что это сомнительно. Снег и лед придется удалить. И следить за тем, чтобы они не образовывались. Погода тоже будет представлять собой проблему.

— О погоде я ничего не знаю, доктор, а все, что я знаю о льде, сводится к тому, что теплота его кристаллизации составляет триста тридцать пять миллионов джоулей на тонну. Не имею представления, сколько тонн придется расплавить, чтобы расчистить площадку и поддерживать ее в рабочем состоянии, но мне кажется, что для этого может потребоваться не менее мощный реактор, чем для работы самой катапульты.

— Мы умеем строить реакторы, мы умеем плавить лед. Будет нужно — пошлем наших инженеров на север для повышения квалификации, пока они не поймут, что такое лед.— Доктор Чан усмехнулся, а я внутренне содрогнулся.— Проблемы

строительства в условиях льда и снега были решены в Антарктике много лет назад, так что об этом не беспокойтесь. Значит, нужен расчищенный участок твердой скальной породы длиной триста пятьдесят километров высоко над уровнем моря. Что-нибудь еще, что я должен знать?

— Почти ничего, сэр. Растопленный лед можно будет собирать у головы катапульты — вот вам готовый груз для отправки на Луну, дешево и сердито. И в этих же стальных канистрах мы пришлем на Землю зерно, чтобы не истощать попусту лунные ресурсы. Одну и ту же канистру можно гонять туда-сюда сотни раз. А мы на Луне будем принимать грузы точно так же, как сейчас приземляют баржи вблизи Бомбея, используя тормозные ракеты на твердом топливе и программный контроль. Только нам это обойдется дешевле, у нас-то скорость убегания — два с половиной километра в секунду, а у вас — одиннадцать; соотношение квадратов скоростей один к двадцати в нашу пользу, фактически же будет еще выгоднее, так как за счет уменьшения веса тормозных ракет можно будет увеличить массу полезного груза. Впрочем, есть возможность усовершенствовать весь процесс доставки.

— Каким образом?

— Доктор, это не моя специальность. Но всем известно, что ваши лучшие корабли используют в качестве реактивной массы водород, нагреваемый в термоядерном реакторе. Водород на Луне дорог, но мы можем заменить его любым другим веществом, пусть даже с меньшей эффективностью. Представьте себе гигантский, грубо сляпанный космический буксир, приспособленный к лунным условиям и работающий на испаренных горных породах. Этот буксир выходит на парковочную орбиту, забирает земные грузы и доставляет их на поверхность Луны.С виду он может быть неказист, удобств никаких не нужно, пилотов тоже, даже киборгов, а управлять его полетом будет стационарный лунный компьютер.

— Да, я полагаю, такой корабль можно спроектировать. Но не будем усложнять проблему. Вы сообщили мне все существенное насчет катапульты?

— Думаю, да, доктор. Самое главное — место для ее строительства. Возьмите тот же пик Нанда-Деви. Судя по карте, к западу от него тянется очень высокий, постепенно снижающийся горный хребет длиной примерно с нашу катапульту. В таком случае это идеальное место для строительства — меньше придется вырубать, меньше перебрасывать мостов. Я не говорю, что это единственное идеальное место, но в принципе нужно искать нечто подобное: очень высокий пик с длинной-предлинной грядой к западу от него.

— Вас понял.

И доктор Чан стремительно вышел.

В течение следующих недель я повторял то же самое по меньшей мере в дюжине стран, всегда с глазу на глаз, создавая впечатление полной секретности. Все, что менялось, так это название пика. В Эквадоре я упирал на то, что Чимборасо находится почти на экваторе — идеально! А в Аргентине подчеркивал, что их Аконкагуа — высочайший пик во всем западном полушарии. В Боливии отметил, что Альтоплано по высоте не уступает Тибетскому нагорью (почти правда), зато расположено куда ближе к экватору и там полно удобных мест для строительства, а горные вершины могут поспорить с любыми пиками на Терре.

Я разговаривал с североамериканцем — политическим противником того урода, который назвал нас «чернью». Я сказал ему, что хотя гора Маккинли и не хуже любой вершины в Азии или Южной Америке, но Мауна-Лоа[1], пожалуй, лучше всего подходит для строительства. Если ускорение увеличить вдвое, катапульту можно будет укоротить и «подогнать по мерке», а Гавайи станут важнейшим космопортом мира... вернее, Солнечной системы, ибо освоение Марса не за горами, и торговые пути трех (а может быть, и четырех) планет пойдут через Большой остров[2]. О вулканическом происхождении Мауна-Лоа я не проронил ни слова, зато заметил, что островное положение позволит в случае аварии сбросить груз прямо в Тихий океан.

[1] Вулкан (4170 м) на острове Гавайи.

[2] Имеется в виду остров Гавайи.

Совсоюзе обсуждался лишь один пик Ленина, высотой более семи тысяч метров (к сожалению, расположенный слишком близко к границе с их великим соседом).

Килиманджаро, Попокатепетль, Логан, Эль-Либертадо — мой излюбленный пик менялся в каждой стране; главное, чтобы в сердцах местных жителей он был «высочайшим пиком на Земле». Я даже умудрился найти доводы в пользу весьма скромных гор Чада, когда нас там принимали, и так увлекся, что чуть было сам себе не поверил.

Время от времени, с помощью наводящих вопросов от подручных Стью Лажуа, я разглагольствовал о химическом производстве (о чем не имел ни малейшего представления, просто заучил наизусть ряд фактов) на поверхности Луны, где безбрежный вакуум, солнечная энергия, безграничные запасы сырья и почти стабильные условия среды позволят развивать способы производства, слишком дорогие или невозможные на Земле, как только дешевая транспортировка грузов в оба конца сделает экономически выгодной эксплуатацию нетронутых ресурсов Луны. И всегда намекал, что твердолобые бюрократы из Лунной Администрации не в состоянии оценить огромный потенциал Луны (что было правдой), плюс отвечал на вопрос, который задавали постоянно: заверял, что Луна готова принять любое количество переселенцев.

Это тоже было правдой, но я ни разу не упомянул, что Луна (порою не без помощи лунарей) прикончит около половины прибывших новичков. Однако люди, с которыми мы говорили, очень редко предполагали эмигрировать сами; они думали о том, как заставить или убедить уехать других, чтобы снизить перенаселенность и уменьшить свои собственные налоги. А я, естественно, не распространялся о том, что полуголодные толпы на Терре размножаются с такой быстротой, которую никакие катапульты не в состоянии компенсировать.

Мы не могли разместить, накормить и обучить даже одного миллиона переселенцев в год, а этот миллион для Терры был жалкой каплей в море; здесь за одну ночь делают детей вдвое больше. Добровольных эмигрантов будет не так много, и Луне

вполне по силам их принять, но если земляне введут принудительную эмиграцию и попрут косяком... Луна признает только один способ воспитания новичка: стоит ему допустить единственную фатальную ошибку в своем поведении или в отношениях с внешней средой, которая пускает в ход зубы без предупреждения,— и он тут же превратится в удобрение для наших туннельных ферм.

Так что большая эмиграция означала бы резкий скачок процента эмигрантов, обреченных на гибель: нас было слишком мало, чтобы помочь им выжить в здешних условиях.

Проф тем не менее продолжал расписывать «великое будущее Луны». Я же придерживался темы катапульты.

За те недели, пока мы ждали повторного вызова из комитета, мы успели побывать во многих местах. Люди Стью взяли на себя организацию поездок, так что вопрос упирался лишь в наше физическое состояние. Каждая неделя, проведенная на Терре, сокращала нашу жизнь на год, если не больше. Но проф никогда не жаловался и всегда был готов очаровывать новую партию землян.

В Северной Америке мы пробыли дольше, чем рассчитывали. Дата принятия нашей Декларации независимости — ровно через триста лет после провозглашения независимости Северо-Американских колоний Британии — оказалась великолепным орудием пропаганды, которое сотрудники Стью мгновенно пустили в ход.

Североамериканцы испытывают огромную нежность к своим «Соединенным Штатам», хотя термин этот потерял всякое значение после того, как ФН навела порядок на континенте. Каждые восемь лет они избирают президента, непонятно зачем — а зачем англичане сохраняют королеву? — и похваляются своим «суверенитетом». «Суверенитет», как и «любовь», может означать что угодно, в зависимости от того, какое значение вы в него желаете вложить. А вообще-то это просто слово, стоящее в словаре где-то между «пьянством» и «трезвостью».

Но в Северной Америке это слово пользуется большим почетом, а четвертое июля там вообще дата магическая. «Лига

Четвертого июля» организовала наши выступления, и Стью говорил, что ему пришлось лишь слегка подмазать ее для начала, потом, мол, само пошло. Лига даже собрала нам денег на поездки в другие страны: североамериканцы охотно выкладывают монеты, их не волнует — кому.

Дальше к югу Стью использовал другую дату, его люди распространили сведения, что наш coup d'йtat произошел пятого мая, а вовсе не двумя неделями позже, как это было на самом деле. Нас принимали с криками «Cinco de Mayo! Libertad! Cinco de Mayo!»[1]. А мне казалось, они орут: «Сгинь-ка домой! Либо в ад!» Речи, конечно, произносил проф.

Но в стране «Четвертого июля» я без дела не сидел. Стью заставил меня снять протез и подкалывать рукав так, чтобы виден был обрубок, а его ребята пустили слух, что я потерял руку «в борьбе за свободу». Когда меня спрашивали об этом, я улыбался в ответ: «Вот видите, что получается, если грызешь ногти?» — и менял тему разговора.

Вообще-то Северная Америка мне никогда не нравилась, даже во время первого путешествия. Это не самая перенаселенная часть Терры, здесь всего-то около миллиарда человек. В Бомбее люди спят на мостовой; в Большом Нью-Йорке их пакуют в стоячем положении — не уверен, что кто-нибудь из них вообще спит по ночам. Я был счастлив, что у меня есть своя инвалидная коляска.

Конечно, везде сходят с ума по-своему; здесь все помешаны на цвете кожи: они постоянно подчеркивают, насколько им это безразлично. Во время первой поездки я все время был то слишком светлым, то слишком темным, в общем, не таким, как надо; кроме того, от меня непрерывно ожидали рассуждений о вещах, о которых я раньше даже не задумывался. Видит бог, я ничего не знаю про свои гены. Одна моя бабка родилась в той части Азии, через которую захватчики перли, как саранча, и по пути насиловали всех подряд. Так и спрашивали бы у бабки!

[1] «Пятое мая! Свобода! Пятое мая!» (*исп.*). 5 мая 1862 года мексиканская армия одержала первую победу вблизи города Пуэбло над войсками вторгшихся интервентов.

Я кое-как научился справляться с этой темой, но рвотный привкус во рту все равно оставался. По мне, неприкрытый расизм и то лучше — как в Индии, например, где ты или индус, или никто... там только парсы смотрят на индусов сверху вниз (индусы отвечают им взаимностью). Впрочем, всерьез с североамериканским «расизмом навыворот» мне сталкиваться не пришлось — я ведь был «полковник О'Келли Дэвис, герой Свободной Луны».

Вокруг нас так и кишели сочувствующие сердца, готовые оказать любую помощь. Я позволил им сделать две вещи, на которые во времена учебы у меня не хватало ни времени, ни денег: мне показали, как играют «Янки», и свозили в Салем.

Лучше б я сохранил свои иллюзии. Бейсбол приятнее смотреть по видео: там все видно в деталях, и тебя не пихают со всех сторон одновременно двести тысяч болельщиков. К тому же этого питчера[1] надо было просто пристрелить. Большую часть игры я провел в страхе: предвкушал, как меня поволокут на коляске через эту толпу и как я буду уверять хозяев, что игра доставила мне истинное наслаждение.

Что касается Салема, то это обычное местечко, не хуже (и не лучше) остального Бостона. После визита туда у меня возникло подозрение, что они вешали не тех ведьм, которых следовало. Но все же день не пропал зря: меня сняли на пленку, когда я возлагал венок у моста в другом районе Бостона, Конкорде*, а потом произнес памятную речь; мост и поныне там, его можно разглядеть в телескоп. Мост как мост, ничего особенного.

Проф от всего был в восторге, как бы круто ему ни приходилось; у профа колоссальные резервы жизнелюбия. Он всегда находил нечто новое, что можно поведать о великом будущем Луны. В Нью-Йорке он выдал управляющему сети отелей (с кроликом на гербе) речь о том, какую прибыль будут приносить лунные курорты, когда экскурсии станут доступны большинству землян: кратковременные туры никому не повредят, к

[1] Подающий в бейсболе.

туристам приставят сопровождающих, будут организованы экзотические вылазки, азартные игры... и никаких налогов.

Последний момент привлек особое внимание собеседника, поэтому проф расширил его и перешел к проблеме долгожительства: строим сеть пансионатов для престарелых, где землееды будут жить на пенсию, выплачиваемую Террой, причем жить на десять, двадцать, тридцать, сорок лет дольше, чем на Земле. Конечно, они станут изгнанниками, но что лучше? Долгая старость в Луне или могильный холмик на Терре? А потомки будут навещать их и заполнять отели для туристов. Проф живописал соблазнительные картины ночных клубов со зрелищами, не возможными в условиях жуткой земной гравитации, спортивных игр, преображенных легким лунным притяжением, он даже начал разглагольствовать о плавательных бассейнах, катках и возможности летать. (Я решил, что у него просто перегорели предохранители.) Кончил он намеком, что некий швейцарский картель уже начал заниматься этими делами.

На следующий день он рассказывал управляющему зарубежными филиалами «Чейз Интернейшнл Панагра», что отделение фирмы в Луна-Сити можно укомплектовать паралитиками, сердечниками, инвалидами и прочими убогими, которым трудно переносить земную силу тяжести. Толстяк управляющий сопел и отдувался — ему самому не мешало бы подумать об эмиграции,— но, услышав слова «без налогов», мигом навострил уши.

Нам не всегда удавалось одерживать словесные победы. Газеты частенько встречали нас в штыки, а кроме того, всегда находились настырные типы, мечтавшие посадить нас в лужу. И когда рядом со мной не было профа, шансы у них возрастали. Один такой тип привязался ко мне по поводу утверждения профа, сделанного на заседании комитета, что мы являемся собственниками зерна, выращенного в Луне. Сам он, похоже, придерживался противоположной точки зрения. Я заявил, что не понимаю смысла его вопроса.

— Разве не правда, полковник,— сказал он,— что ваше временное правительство подало прошение о приеме в Федерацию Наций?

Мне бы ответить «комментариев не будет», но я попался на удочку и согласился.

— Отлично,— продолжал он.— Очевидно, главным препятствием является утверждение противной стороны, что Селена и так всю жизнь принадлежала Федерации Наций под юрисдикцией Лунной Администрации. В любом случае, своим согласием вы признали, что это зерно принадлежит Федерации Наций на правах опеки.

Я спросил его, из чего это он делает такой вывод.

— Полковник,— ответил он,— вы называете себя заместителем министра иностранных дел. Надо думать, вы знакомы с Хартией Федерации Наций?

Как-то я ее перелистал.

— В достаточной степени,— сказал я осторожно.

— Тогда вам известна Первая из Свобод, гарантируемых Хартией, и ее современное толкование, данное Контрольным комитетом Федеративной Ассамблеи в постановлении номер тысяча сто семьдесят шесть, датированном третьим марта сего года. А если известна, значит, вы признаете, что все зерно, выращенное на Луне и превышающее внутренние потребности, безоговорочно и ab initio[1] является общественной собственностью, находящейся под опекой Федерации Наций, агентства которой распределяют эту собственность по мере необходимости.— Он говорил и одновременно что-то строчил в блокнот.— Можете ли вы что-нибудь добавить к своему заявлению?

— Бог мой, о чем вы говорите? — изумился я и завопил: — Вернитесь!! Ничего я не признаю!

После чего «Большой Нью-Йорк таймс» публикует: «ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА С ЛУНЫ ГОВОРИТ: "ПИЩА ПРИНАДЛЕЖИТ ГОЛОДАЮЩИМ".

Нью-Йорк, сегодня. О'Келли Дэвис, soi-distant[2] «полковник вооруженных сил Свободной Луны», прилетевший сюда, чтобы завербовать сторонников повстанцев лунных колоний ФН,

[1] Изначально; по определению (*лат.*).

[2] Именующий себя (*фр.*).

сделал добровольное заявление нашей газете о том, что статья "Свобода от голода", содержащаяся в Великой Хартии, применима к лунным поставкам зерна...»

Я спросил профа, как мне следовало отвечать.

— На провокационный вопрос всегда отвечай встречным вопросом,— сказал он мне,— и никогда не проси разъяснить суть вопроса — тебе тут же вложат в рот чужие слова. Этот репортер... он что — тощий? Ребра торчат?

— Нет. Плотненький такой.

— Значит, он не живет на те восемнадцать сотен калорий в день, что указаны в постановлении, на которое он ссылается. Ты мог бы спросить его, как долго он протянул на этом рационе и почему перестал его соблюдать? Или поинтересоваться, что он ел сегодня на завтрак,— и изумленно вылупить глаза, что бы он ни ответил. А если ты не знаешь, куда клонит твой собеседник, сбей его с толку встречным вопросом и переводи разговор на другую тему. А потом, вне зависимости от его ответа, гни свою линию дальше. Логика тут ни при чем — это вопрос тактики.

— Проф, но здесь *никто* не живет на тысячу восемьсот калорий в день! В Бомбее — может быть. Но не здесь.

— В Бомбее тоже. Мануэль, этот «равный рацион» просто фикция. Половина продовольствия на этой планете идет через черный рынок или не учитывается по тем или иным причинам. Или ведется двойная бухгалтерия, и цифры, которые доходят до ФН, не имеют ничего общего с реальностью. Ты думаешь, сведения о зерне из Таиланда, Бирмы и Австралии, которые сообщаются Великим Китаем Контрольному комитету, верны? Я уверен, что индийский представитель в этом продовольственном комитете так не думает. Но Индия помалкивает, ибо получает львиную долю поставок зерна с Луны... а потом «играет с голодом в политические игры» (помнишь формулировочку?), манипулируя с помощью нашего зерна своей избирательной кампанией. Голод в Керале[1] в прошлом году был специально запланирован. Ты видел сообщения об этом в газетах?

[1] Один из штатов Индии.

— Нет.

— Правильно. Потому что их не было. Управляемая демократия, Мануэль, это великолепная штука для тех, кто управляет... Ее главной силой является «свободная пресса», только «свободная» толкуется как «ответственная», а уж правители решают, что является «ответственным», а что «безответственным». Ты знаешь, что больше всего нужно сейчас Луне?

— Больше льда.

— Система массовой информации, которая не зависела бы от одного-единственного канала распространения. Наш друг Майк — наша величайшая опасность.

— Что? Вы не доверяете Майку?

— Мануэль, есть вопросы, в которых я не доверяю даже самому себе. Нельзя «чуть-чуть» ограничить свободу информации, как нельзя быть «чуть-чуть беременной». Мы не свободны и не будем свободны до тех пор, пока кто-то — пусть даже наш союзник Майк — контролирует средства массовой информации. Когда-нибудь я надеюсь основать газету, которая будет независима от всех источников информации и каналов распространения. Я бы с радостью писал ее от руки, подобно Бенджамину Франклину.

Я сдался.

— Проф, предположим, что эти переговоры провалятся и поставки зерна прекратятся. Что тогда будет?

— Народ — там, дома,— разозлится на нас... и многие на Терре умрут. Ты читал Мальтуса?

— Кажется, нет.

— Умрут многие. Затем положение вновь стабилизируется и население увеличится, но уже за счет людей, способных лучше трудиться и обеспечить себя пропитанием. Эта планета не перенаселена, она просто плохо управляется... и самая жестокая вещь, которую можно сделать для голодающих, это дать им поесть. Просто дать! Прочти Мальтуса. Над доктором Мальтусом не стоит смеяться — это небезопасно, он всегда смеется последним. Этот человек повергает в безнадежность. И я рад, что он уже умер. Но не читай его до того, как закончится наша миссия. Лишние знания мешают дипломатам, особенно честным.

— Ну, не так-то уж я честен.

— Но у тебя нет таланта ко лжи, поэтому спасение для тебя только в невежестве и упрямстве. Последнего у тебя хватает; постарайся сохранить и первое. Во всяком случае, на время. Парень, твой дядюшка Бернардо ужасно устал.

— Извините,— сказал я и покатил из комнаты. Проф не щадил живота своего. Я бы с радостью бросил все дела, если бы мог засунуть его в корабль и спасти от земной гравитации. Но движение по-прежнему оставалось односторонним — зерновые баржи и больше ничего.

А проф продолжал радоваться жизни. Когда я подкатил к дверям и уже дал сигнал освещению вырубиться, то опять обратил внимание на игрушку, которую он недавно приобрел и которая радовала его, как радует мальчишку рождественский подарок; это была медная пушка.

Настоящая медная пушка с парусного судна. Маленькая, ствол всего полметра, а вес вместе с деревянным лафетом пятнадцать кило. «Сигнальная пушка» — было написано в ее паспорте. От нее веяло древней историей, пиратами и их пленниками, «идущими по доске»[1]. Славная вещица, но я все же спросил профа — зачем? Если нам и удастся отчалить, перевезти ее в Луну будет невозможно — хотя ради нее я готов отказаться даже от скафандра, почти неношеного, и вообще оставить себе лишь пару левых рук и шорты. Если подопрет, откажусь даже от «представительской». Ну а если совсем подопрет — черт с ними, с шортами. Проф протянул руку и погладил блестящий ствол.

— Мануэль, когда-то жил человек, который в этом Директорате имел синекуру — начищал медную пушку возле здания суда.

— А зачем суду медная пушка?

[1] Пираты заставляли пленников идти с завязанными глазами по доске, положенной на борт судна, до тех пор, пока они не падали в море.

— Неважно. Он занимался этим из года в год. Работа кормила его и даже позволяла откладывать кое-что на черный день, но не давала возможности сделать карьеру. И вот в один прекрасный день он уволился, снял со счета все свои сбережения, купил медную пушечку... и стал ее начищать.

— Похоже, он был полнейшим идиотом.

— Без сомнения. Но не большим, чем мы, когда мы свергали Смотрителя. Мануэль, ты меня переживешь. Когда Луна обзаведется своим знаменем, пусть на нем будет золотая пушка на черном фоне, перечеркнутом зловещей кровавой полосой в честь наших гордых и преступных предков. Думаешь, это можно будет сделать?

— Думаю, да, если вы нарисуете. Но зачем нам знамя, если во всей Луне нет ни одного флагштока?

— Оно может развеваться в наших сердцах... как символ всех дураков, которые столь чудовищно непрактичны, что воображают, будто могут одолеть городскую управу. Ты запомнишь это, Мануэль?

— Будьте уверены. То есть я обязательно напомню вам, когда придет время.

Мне этот разговор жутко не понравился. Проф начал пользоваться кислородной палаткой, но только втихаря, ни в коем случае не на людях.

Полагаю, я действительно невежествен и упрям, во всяком случае, оба эти качества проявились в городе Лексингтоне, Кентукки, в Центральной административной зоне. Единственной темой, на которую проф позволял мне импровизировать без вызубренных домашних заготовок, была наша жизнь в Луне. Проф велел говорить правду, подольше распространяться о простых, теплых, домашних обычаях, особенно если они отличаются от земных. «Помни, Мануэль, что тысячи жителей Терры, побывавшие в Луне с краткосрочными визитами, это ничтожно малая доля процента всех землян. Для большинства людей мы такая же любопытная диковинка, как необычные звери в зоопарках. Ты помнишь ту черепашку на выставке в Старом Куполе? Это мы и есть».

Что правда, то правда. Они разглядывали меня, словно какого-то невиданного жука. Так что когда эта парочка начала допрашивать меня о семейной жизни в Луне, я откровенно обрадовался. Я ничего не приукрашивал, просто кое о чем умолчал — о вещах, которые к семейной жизни прямо не относятся, но играют роль ее эрзацев в обществе с явным преобладанием мужчин. Свободное время в Луна-Сити проводят главным образом дома и в семье. По земным понятиям, может, и скучно, а по мне так лучше не бывает. Другие поселения сходны в этом отношении с Луна-Сити — там тоже люди работают, воспитывают детей, сплетничают и в основном развлекаются не отходя от обеденного стола. Рассказывать-то особенно не о чем, но я готов был ответить на любой вопрос, который их заинтересует. Все обычаи в Луне ведут свое происхождение с Терры, как и сами лунари, но Терра очень велика, и обычай, пришедший, скажем, из Микронезии, может показаться очень странным в Северной Америке.

Эта женщина — язык не поворачивается назвать ее леди — хотела узнать о разных формах брака. Во-первых, верно ли, что «на» Луне можно жениться без лицензии?

Я спросил, а что это за штука такая — лицензия на брак?

Ее компаньон сказал:

— Оставь его, Милдред, пионерные общества не имеют лицензий на брак.

— Но разве вы не ведете никакой регистрации браков? — настаивала она.

— Разумеется, ведем,— согласился я.— У моей семьи есть книга, записи в которой восходят к первой высадке ссыльных в Джонсон-Сити. Там записана каждая свадьба, каждое рождение, каждая смерть — все важнейшие события не только в самой семье, но и во всех ее ответвлениях, насколько нам удавалось это проследить. Кроме того, есть человек, школьный учитель, который ходит по домам и копирует старинные семейные записи по всему нашему поселению. Пишет историю Луна-Сити. Такое у него хобби.

— Но разве у вас нет официальных записей? У нас в Кентукки существуют архивы, которые уходят в глубь времен на сотни лет.

— Мадам, мы еще не прожили там столько.

— Да... верно. Но ведь должен же быть в Луна-Сити какой-нибудь городской чиновник? Может быть, вы его называете иначе — например, «летописец округа»? То есть официальное лицо, которое хранит свидетельства такого рода? Документы и тому подобное?

— Не думаю, мадам,— ответил я.— Некоторые букмекеры занимаются нотариальной работой, свидетельствуя подписи на контрактах и ведя их учет. Это для людей, которые сами ни читать, ни писать не умеют, а потому своих архивов иметь не могут. Но я никогда не слыхал, чтобы кто-то вел записи браков. Я не говорю, что такого быть не может. Но я не слыхал.

— Какие замечательно простые нравы! У нас ходят слухи, что на Селене очень легко получить развод. Осмелюсь предположить, что это тоже правда?

— Нет, мадам, я бы не сказал, что развод у нас так уж прост. Слишком многое приходится оговаривать. М-м-м... ну, возьмем простой пример: леди и, скажем, двое мужей.

— *Двое?!*

— Бывает и больше, а бывает и один. А может быть и сложный брак. Но давайте возьмем одну леди и двух мужей как типичный пример. Она решает развестись с одним из них. Предположим, все происходит полюбовно, другой муж согласен, а тот, от которого она хочет отделаться, тоже шума не поднимает. Впрочем, если бы и поднимал, толку бы от этого было чуть. О'кей, она разводится, он уходит. И все равно остаются проблемы. Оба мужа могут оказаться партнерами в бизнесе, собрачники ведь часто бывают. Развод может разбить партнерство. Появляются денежные претензии, которые должны быть улажены. Все трое могут совместно владеть кубатурой, и, если она записана на жену, бывший муж, вероятно, должен получить либо деньги, либо право аренды. И почти наверняка есть дети, с которыми следует считаться, которых нужно растить, и так далее. Да мало ли что! Нет, мадам, развод — штука непростая. Развестись с человеком можно за десять секунд, но потом десять лет придется распутывать концы. А здесь разве не так?

— Э-э... зэбудем, штэ я зэдэла вам этот вэпрос, пэуковник; у нас тут все прошче.— Именно так она и говорила; я понимал ее лишь потому, что была известна общая тема интервью. Дальше воспроизводить ее произношение не стану.— Но если это «простой» брак, то что вы называете «сложным»?

Я пустился в объяснение полиандрии, клановых, групповых, линейных браков и еще более редких сочетаний, которые считаются вульгарными у консервативных людей, в том числе у моей семьи. Вроде того, что затеяла моя матушка, когда выгнала вон моего родителя. Описывать этот случай я не стал — моя мать всегда любила крайности.

— Вы меня совсем запутали,— сказала женщина.— Какая все-таки разница между линейным и плановым браком?

— Очень большая. Возьмем мой собственный случай. Я имею честь быть членом одного из самых старинных линейный браков в Луне и, по моему пристрастному мнению, одного из самых лучших. Вы спрашивали о разводе. В нашей семье не было ни одного, и готов спорить на что угодно — никогда не будет. Линейный брак год от года становится крепче, члены семьи постигают искусство совместной жизни и уже не мыслят своего существования друг без друга. Кроме того, требуется единогласное решение всех жен, чтобы развестись с мужем, а это невозможно. Старшая жена не позволит делу зайти так далеко.

Я продолжал описывать преимущества этой формы брака, его финансовую прочность, прекрасные условия для воспитания детей. Подчеркнул, что смерть кого-нибудь из собрачников *для нас, конечно, большое горе, но не трагедия, как во временных семьях*, особенно для детей: дети просто *не могут* стать сиротами. Полагаю, я расписывал все это с излишним энтузиазмом, но моя семья — самая важная вещь в моей жизни. Кто я без нее? Всего лишь однорукий механик, ликвидируй его — никто и не заметит.

— Вот почему этот брак крепок,— говорил я.— Возьмите мою младшую жену — ей шестнадцать. Надо думать, что старшей женой она станет, когда вступит в восьмой десяток. Это вовсе не значит, что все жены, которые старше ее по возрасту, к тому

времени умрут. В Луне, похоже, женщины вообще не умирают. Но они могут отказаться от руководства семьей: по нашей семейной традиции они обычно так и поступают, хотя младшие жены никакого давления на старших не оказывают. Поэтому Людмила...

— Людмила?

— Russki имя. Из волшебной сказки. У Милы больше полувека будет перед глазами хороший пример, прежде чем она взвалит на свои плечи эту ношу. Она вообще очень разумна и вряд ли способна сделать большую ошибку, а если и сделает, то другие жены поправят. Наша семья — саморегулирующаяся система, как компьютер с хорошей обратной связью. Прочный линейный брак бессмертен; я думаю, что мой переживет меня по крайней мере лет на тысячу. Вот почему я умру без сожалений, когда придет мой час. Лучшая часть меня будет продолжать жить.

В это время профа повезли из комнаты. Он сделал знак остановиться и прислушался. Я обернулся к нему.

— Профессор,— сказал я,— вы знаете мою семью. Объясните, пожалуйста, этой леди, почему наша семья счастлива. Если, конечно, вы согласны с этим определением.

— Безусловно,— ответил проф.— Однако мне хотелось бы сделать более общее замечание. Дорогая мадам, мне кажется, что брачные обычаи в Луне представляются вам слишком экзотичными.

— Ну, может быть, это чересчур сильно сказано,— возразила она быстро,— но, во всяком случае, они несколько необычны.

— Они проистекают, как и все брачные обычаи вообще, из экономической необходимости, порождаемой условиями жизни, а наши условия очень отличаются от земных. Возьмите линейный брак, который так хвалил мой коллега... и, заверяю вас, вполне справедливо, несмотря на его личные пристрастия. Я же холостяк и подобных пристрастий не имею. Линейный брак — самое прочное из возможных изобретений для сохранения капитала и обеспечения благополучия детей (двух главных социальных функций брака) в обстановке, где не существует безопасности ни для капитала, ни для детей, кроме той, которая

обеспечивается индивидуумами. Люди так или иначе всегда приспосабливаются к окружающей среде. Линейный брак — удивительно удачное изобретение в этом смысле. Все другие лунные формы брака преследуют ту же цель, хотя и менее успешно.

Он пожелал всем доброй ночи, и его увезли. Я ношу с собой — всегда! — фотографию своей семьи, самую последнюю, в данном случае снятую на свадьбе Вайоминг. Новобрачные выглядели пригожими и счастливыми — даже Дед, и тот смотрелся высоким и гордым, никак не обнаруживая упадка сил.

Но я был разочарован: они глядели на фотографию как-то странно. Мужчина — его звали Мэтью — сказал:

— Вы можете дать мне этот снимок, полковник?

— Это единственный экземпляр,— поморщился я,— а до дома так далеко.

— Я имею в виду — на минутку. Позвольте мне ее переснять. Прямо здесь, на месте, не выпуская из рук.

— Ах, так! Ну конечно!

Я выглядел на фото не лучшим образом, но другого лица у меня нет, зато Вайо была там хороша, а вторую такую, как Ленора, вообще поискать.

Он переснял фотографию, а на следующее утро за мной пришли, разбудили чуть свет, арестовали, увезли в инвалидной коляске и заперли в камеру с *решетками!* За многоженство. За полигамию. За открытую проповедь безнравственности и публичную попытку совращения окружающих.

Хорошо еще, что Ма этого не видела.

Глава 19

Стью угробил целый день на то, чтобы добиться передачи моего дела в суд ФН и чтобы там его закрыли. Его адвокаты нажимали на вопрос о «дипломатической неприкосновенности», но судьи ФН на эту приманку не клюнули, а просто отметили, что инкриминируемые мне обвинения находятся вне юрисдикции нижнего суда, за исключением обвинения в «совращении», по которому, однако, не представлено достаточных улик. Не существует никаких законов ФН, касающихся брака; их и не может быть — есть лишь одно постановление, требующее от каждой страны «относиться с уважением и доверием» к брачным обычаям других народов.

Из одиннадцати миллиардов землян не меньше семи миллиардов живут в странах, где полигамия существует официально, и подручные Стью ловко склонили общественное мнение в нашу пользу, подняв крик о «гонениях»; публикации завоевали нам симпатии людей, которые иначе даже не узнали бы о нашем существовании, в том числе в Северной Америке и других странах, где полигамия легально не существует, но где люди исповедуют принцип «живи сам и давай жить другим». Так что все оказалось к лучшему, ибо нам как раз и надо было привлечь к себе внимание. Ведь для большинства «роящихся» миллиардов землян Луна — это пустой звук, они нашего восстания просто не заметили.

Подручные Стью затратили уйму энергии на разработку плана моего ареста. Мне-то об этом рассказали несколько недель спустя, когда я поостыл и смог спокойно оценить полученные выгоды. Они свели вместе судью-идиота, взяточника-шерифа и дикие местные предрассудки, которые вспыхнули при виде той милой фотографии, ибо, как признался позже Стью, многообразие оттенков кожи в семье Дэвисов вызвало особый гнев судьи и заставило его наделать глупостей, выходящих за пределы его обычного тупоумия.

Мое единственное утешение — что Ма не увидит моего позора — оказалось утопией: изображения моей мрачной физиономии в клеточку появились во всех лунных газетах, которые перепечатывали самые злобные нападки земной прессы, хотя статей в мою защиту было гораздо больше. Но я недооценил свою Мими: она нисколько не стыдилась, она только мечтала, как бы ей добраться до Земли и разорвать там кое-кого на мелкие кусочки.

Хотя эта история и помогла нам на Земле, но наибольший эффект она вызвала в Луне. Лунари из-за нее сплотились как

никогда. Они почувствовали себя оскорбленными, а «Адам Селен»и «Саймон Джестер» вовсю подливали масла в огонь. Лунари вообще-то народ добродушный, но если дело касается женщин — шутки в сторону! Каждая леди восприняла новости с Терры как личное оскорбление, а мужики, которым политика вообще до фени, внезапно обнаружили, что я — «молоток и свой в доску».

Был и еще один побочный результат. Как правило, старые лагерники смотрят на свободнорожденных сверху вниз, но позже мне частенько приходилось слышать от бывших заключенных: «Привет, рецидивист!» — что-то вроде масонского приветствия, означавшего, что меня приняли.

Однако тогда я ничего хорошего в этой истории не видел. Меня пихали, как скотину, у меня брали отпечатки пальцев, фотографировали, меня кормили едой, которую мы и свиньям постеснялись бы дать, меня всячески унижали, и только сила тяжести удерживала меня от попытки кого-нибудь из них пристукнуть — будь на мне в момент ареста моя номер шесть, я бы наверняка не утерпел.

Но все улеглось, меня освободили. Уже через несколько часов мы вылетели в Агру: наконец-то пришел вызов из комитета. Было приятно снова оказаться во дворце магараджи, но смена часовых поясов — мы перемахнули одиннадцать штук за три часа — не оставила времени на отдых. Так что отправились на слушание, засыпая на ходу и держась на ногах лишь с помощью таблеток.

Слушание было односторонним; мы слушали, а председатель вещал. Вещал он не меньше часа. Изложу только самую суть.

Наши абсурдные претензии отвергались, Лунная Администрация будет и дальше выполнять свои священные обязанности. Беспорядков на Земной Селене никто не потерпит. Более того, недавние беспорядки показали, что Администрация была излишне снисходительна. Это упущение будет исправлено принятием программы активных действий — пятилетнего плана, в котором тщательно регламентируются все стороны жизни на Селене под опекой Администрации.

В настоящее время разрабатывается кодекс законов; будут созданы гражданские и уголовные суды для клиентов-вольнонаемных — то есть для всех жителей опекаемой территории, а не только для ссыльных, отбывающих срок. Будут открыты общеобразовательные школы и учебные заведения для взрослых. Будут сформированы плановые комиссии по экономике, промышленности и сельскому хозяйству, что позволит более полно и эффективно использовать материальные ресурсы Селены и труд клиентов-вольнонаемных. В качестве ближайшей цели принято решение увеличить за пять лет поставку зерна в четыре раза — цель вполне достижимая с помощью научного планирования использования природных и трудовых ресурсов. Первоочередная задача — организовать отток клиентов-вольнонаемных из непроизводительных сфер и направить их на бурение обширной сети сельскохозяйственных туннелей, чтобы гидропоника начала развиваться в них не позднее марта месяца 2078 года. Новые гигантские фермы будут принадлежать Лунной Администрации и управляться научными методами, произволу частных собственников будет положен конец. К концу пятилетия эта система обеспечит выполнение нынешних квот; что же касается клиентов-вольнонаемных, выращивающих зерно на частных фермах, то им разрешат продолжать свое занятие. Но фермеров постепенно включат в новую систему производства, по мере того как надобность в их менее эффективных методах отпадет.

Председатель поднял взгляд от своих записей.

— Короче, лунные колонии цивилизуют и приведут в административное соответствие со всем цивилизованным обществом. Прискорбно, но приходится признать — я говорю это скорее как гражданин, нежели как председатель комитета,— что мы должны поблагодарить вас за услугу: вы привлекли наше внимание к ситуации, которая уже давно нуждается в решительной корректировке.

Мне хотелось врезать ему по ушам. «Клиенты-вольнонаемные»! Ишь какое затейливое название вместо простого слова «рабы»!

Но проф безмятежно сказал:

— Я нахожу предложенные планы в высшей степени интересными. Разрешается ли задавать вопросы? С чисто информационной целью?

— С чисто информационной — пожалуйста.

Североамериканский представитель выскочил вперед:

— Только не думайте, что мы намерены выслушивать дерзости от пещерных троглодитов! К вам это тоже относится! Так что следите за своими выражениями.

— К порядку! — призвал председатель.— Продолжайте, профессор.

— Меня заинтриговал термин «клиенты-вольнонаемные». Согласны ли вы с тем, что подавляющее большинство населения главного спутника Земли составляют не арестанты, а свободные граждане?

— Разумеется,— вежливо согласился председатель.— Рассмотрены все юридические аспекты новой политики. За мелкими исключениями, примерно девяносто один процент колонистов имеет гражданство в различных странах — членах Федерации Наций или по праву рождения, или по праву наследования. Те, кто пожелает, могут вернуться на родину. Вам будет приятно узнать, что Администрация рассматривает план, согласно которому неимущим будут предоставлены кредиты на оплату переезда... возможно, под надзором Международного Красного Креста и Полумесяца. Могу добавить, что я сам от всего сердца поддерживаю этот план, поскольку он кладет конец всякой болтовне о «рабском труде».— И он самодовольно ухмыльнулся.

— Понимаю,— согласился проф.— В высшей степени гуманно. Интересно, учитывает ли при этом комитет (или Администрация) тот бесспорно установленный факт, что обитатели Луны физически не способны жить на Земле? Что лунари против собственной воли обречены на вечную ссылку из-за необратимых физиологических изменений и уже никогда не смогут жить полноценной жизнью при силе тяжести, в шесть раз превышающей ту, к которой они привыкли?

Мерзавец поджал губы, будто это соображение было для него совершенно неожиданным.

— Я лично не считаю ваше утверждение бесспорным. Полагаю, все зависит от организма. Для одних это так, для других — иначе. Ваше присутствие здесь доказывает, что обитатели Луны способны жить на Земле. В любом случае, мы не имеем намерения *насильно* переселять их сюда. Напротив, мы надеемся, что они решат остаться, и собираемся поощрять добровольцев, желающих эмигрировать на Селену. Но это будет индивидуальный выбор, без какого-либо ущемления свобод, гарантируемых Великой Хартией. Что же касается предполагаемого физиологического феномена, то он правового характера не имеет. Если кто-то считает, что для него разумнее остаться на Селене, или полагает, что там он будет более счастлив, это его право.

— Понимаю, сэр. Мы свободны. Свободны либо остаться в Луне и работать там, где вы укажете, за плату, вами же назначенную, либо вернуться на Землю и умереть.

Председатель пожал плечами.

— Вы считаете нас злодеями, но это не так. Да если бы я был молод, я бы сам эмигрировал на Селену. Какие великолепные возможности! Во всяком случае, ваши обвинения меня не волнуют. История нас оправдает.

Проф меня удивил. Он не стал сражаться. Я встревожился: похоже, сказываются недели напряжения плюс бессонная ночь. Он сказал:

— Достопочтенный председатель, как я понимаю, сообщение с Луной в скором времени будет возобновлено. Можно ли рассчитывать на места для меня и моего коллеги на первом же корабле? Ибо должен признаться, сэр, эта гравитационная слабость, о которой я говорил, в нашем случае вполне реальна. Наша миссия завершена; нам пора возвращаться домой.

(И ни слова о зерновых баржах. Или о «швырянии камнями», или хотя бы о бессмысленности битья коровы. В голосе профа звучала глубокая усталость.)

Председатель наклонился вперед и заявил с неприкрытым злорадством:

— Профессор, тут возникают затруднения. Откровенно говоря, вам собираются предъявить обвинение в преступлениях

против Великой Хартии и даже против всего человечества... в настоящее время формулировка уточняется. Я, однако, сомневаюсь, чтобы человеку вашего возраста и с вашим состоянием здоровья грозило нечто большее, нежели условный приговор. Как вы полагаете, разумно ли будет с нашей стороны вернуть вас туда, где вы совершили противоправные деяния, и тем самым спровоцировать новые беспорядки?

Проф вздохнул.

— Я понимаю вашу точку зрения. В таком случае вы разрешите мне удалиться? Я очень устал.

— Разумеется. Прошу вас оставаться в распоряжении комитета. Слушание окончено. Полковник Дэвис...

— Сэр? — Я уже начал разворачивать свою коляску, чтобы выкатить профа из комнаты: наших сопровождающих сюда не пускали.

— Я хотел бы поговорить с вами, если позволите. В моем кабинете.

— Э-э...— Я взглянул на профа. Глаза закрыты, похоже, потерял сознание. Но одним пальцем подзывает меня к себе.— Достопочтенный председатель, я больше сиделка, чем дипломат. За профессором нужен уход. Он очень стар и болен.

— Ваши сопровождающие позаботятся о нем.

— Ну...— Я подъехал к профу так близко, как позволяла коляска, нагнулся пониже.— Проф, вы в порядке?

Он почти неслышно шепнул:

— Узнай, что ему надо. Соглашайся. Тяни время.

Через несколько минут мы с председателем остались один на один, звуконепроницаемая дверь захлопнулась... что не имело никакого значения, ибо в комнате наверняка была дюжина ушей (плюс одно ухо в моей левой руке).

— Спиртное? Кофе? — спросил он.

— Нет, благодарю вас, сэр,— ответил я.— Мне приходится соблюдать здесь жесткую диету.

— Понятно. Вы действительно прикованы к этой коляске? Выглядите вы хорошо.

— Я могу, если надо, встать и пересечь комнату. При этом, возможно, потеряю сознание. Или даже хуже. Предпочитаю не рисковать. Вешу тут в шесть раз больше, чем обычно. Сердце может не выдержать.

— Понятно. Полковник, я слышал, вы влипли в какую-то глупую историю в Северной Америке. Я глубоко сожалею об этом, поверьте. Варварские места! Всегда чувствую себя отвратительно, когда приходится там бывать. Думаю, вы гадаете, о чем я хочу с вами побеседовать?

— Нет, сэр. Надеюсь, вы скажете об этом, когда сочтете нужным. Я удивлен другим — зачем вы все еще называете меня полковником?

Он издал лающий смешок.

— По привычке, должно быть. Привыкаешь, знаете ли, к протоколу. Хотя у вас есть возможность сохранить это звание. Скажите, что вы думаете о нашем пятилетнем плане?

Я думал, что от него разит дерьмом.

— Полагаю, он тщательно продуман.

— Да, над ним основательно поработали. Полковник, вы кажетесь разумным человеком; более того, вы действительно разумный человек. Мне известно не только ваше прошлое, но каждое сказанное вами слово, чуть ли не каждая ваша мысль с тех пор, как вы ступили на Землю. Вы родились на Селене. Считаете ли вы себя патриотом? Селены, я имею в виду?

— Вероятно, да... Однако я и теперь считаю, что мы поступили правильно.

— Если между нами — я согласен. Этот старый дурак Хобарт... Полковник, это *хороший* план, но ему недостает исполнителя. Если вы действительно патриот или, скажем, практичный человек, принимающий близко к сердцу интересы своей страны, вы сможете помочь нам воплотить его в жизнь.— Он предостерегающе поднял руку.— Не спешите! Я не предлагаю вам продаться, сделаться предателем или что-нибудь еще в этом роде. Я предлагаю вам шанс стать настоящим патриотом, а не подделкой под героя, отдающего жизнь за заранее проигранное

дело. Давайте посмотрим на вещи трезво. Неужели вы считаете, что лунные колонии устоят против силы, которую обрушит на них Федерация Наций Земли? Вы человек не военный, это мне известно, и, кстати, меня это только радует, но вы хорошо разбираетесь в технике: как видите, это мне тоже известно. Скажите откровенно, сколько, по-вашему, потребуется кораблей и бомб, чтобы уничтожить лунные колонии?

— Один корабль, шесть бомб,— ответил я.

— Верно! Боже мой, как приятно говорить с разумным человеком. Две бомбы должны быть очень большими, возможно, их придется сделать специально. В живых останутся очень немногие и ненадолго, в основном в мелких поселениях, в стороне от зоны бомбежки. И все это сделает один корабль за десять минут.

— Согласен, сэр,— сказал я,— но профессор де ла Пас правильно заметил: битьем молока от коровы не получишь. А если ее пристрелить — тем более.

— А как вы думаете, почему мы тянули и ничего не предпринимали целый месяц? Этот идиот, мой коллега, не буду называть его по имени, толковал о «дерзостях». Дерзости меня не пугают; все это болтовня, а меня интересует дело. Нет, мой дорогой полковник, мы не станем пристреливать корову... Но, если нас припрут к стенке, мы дадим корове понять, что ее *можно* пристрелить. Водородные бомбы — дорогие игрушки, но мы в состоянии позволить себе потратить несколько штук на предупредительные бомбежки по голым скалам, чтобы корова поняла, что с ней может случиться. Однако нам не хотелось бы применять столь сильные средства: не дай бог, корова испугается, и молоко скиснет.— Он издал еще один лающий смешок.— Лучше уговорить старушку, чтобы дала молока добром.

Я не реагировал.

— Вас не интересует, каким образом? — не выдержал он.

— Каким же?

— С вашей помощью. Не перебивайте и разрешите мне закончить.

И привел он меня на высокую гору и предложил мне царства земные. Вернее, лунные. А еще точнее, должность Протек-

тора pro term[1] с намеком, что, если все будет о'кей, последние два слова из названия можно и убрать. Убедить лунарей, что победы им не видать. Убедить их, что новый план создан для их же блага, подчеркнуть выгоды — бесплатные школы, бесплатные больницы и так далее, детали потом, главное, чтобы все было под надзором правительства, как на Терре. Налоги — для начала низкие, автоматически и безболезненно вычитаемые из зарплаты и доходов от зернопоставок... И, что важнее всего, на сей раз Администрация не пошлет зеленых юнцов заниматься мужской работой, а отправит два полка полиции одновременно.

— Эти проклятые драгуны-усмирители были ошибкой,— продолжал он,— и мы ее не повторим. Между нами, весь этот месяц мы настойчиво доказывали Комиссии по контролю за поддержанием мира, что горсточка людей не в состоянии поддерживать порядок среди трех миллионов, к тому же разбросанных по шести большим поселениям и пятидесяти мелким. Так что у вас будет солидная поддержка — не просто войска, а военная полиция, привыкшая усмирять население без лишнего шума. Кроме того, отправим женский вспомогательный отряд, обычные десять процентов, и никаких жалоб на насилия больше не будет. Ну как, сэр? Думаете, потянете? Зная, что по большому счету это лучший выход для вашего народа?

Я ответил, что должен изучить все в деталях, особенно планы и квоты пятилетки, чтобы не принимать необдуманных решений.

— Конечно, конечно,— согласился он.— Я вам дам копию беловика, мы все подготовили. Возьмите ее с собой, изучите, подумайте до утра. Завтра поговорим. Только дайте мне слово джентльмена держать все в секрете. На самом деле никакого секрета тут нет... но такие вещи лучше улаживать до того, как о них начнет говорить пресса. Кстати о публикациях: вам понадобится помощь, и вы ее получите. Мы пойдем на любые издержки, пошлем вам лучших людей: заплатим сколько потребуется, построим центрифугу, как ученым... в общем, вы понимаете.

[1] Временный (*лат.*).

На *сей* раз ошибок не будет. Этот дурак Хобарт... Он мертв, не правда ли?

— Нет, сэр. Просто в маразме.

— Надо было его прикончить. Вот вам копия плана.

— Сэр, кстати о стариках... Профессор де ла Пас тут оставаться не может. Не проживет и шести месяцев.

— Ну это только к лучшему, не так ли?

Я постарался удержаться от эмоций.

— Вы не понимаете. Его любят и почитают. Лучше всего, если бы мне удалось его убедить, что водородные бомбы — не пустая угроза и что его патриотический долг — спасти все, что можно спасти. Но так или иначе, если я вернусь без него... я не только не потяну, я даже начать не сумею, просто не проживу достаточно долго.

— Хм... ладно, там посмотрим. Завтра поговорим. Скажем, часов в четырнадцать.

Я вышел, погрузился в фургон, и тут меня затрясло. Не дано мне глядеть на вещи с точки зрения высших соображений.

Стью с профом ждали меня.

— Ну? — спросил проф.

Я оглядел стены и постучал пальцем по уху. Мы наклонили головы к голове профа и натянули на себя парочку одеял. В постели профа и в моем кресле «жучков» не было — я проверял их каждое утро. Но что касается самой комнаты, то безопаснее шептаться под одеялами.

Я сделал вступление. Проф прервал меня:

— Его происхождение и привычки оставим на потом. Давай факты.

— Он предложил мне работу Смотрителя.

— Надеюсь, ты согласился?

— Процентов на девяносто. Я должен изучить это дерьмо и завтра дать ответ. Стью, когда мы можем приступить к осуществлению плана «Ноги в руки»?

— Уже приступили. Ждали только, когда ты вернешься. Если вернешься, конечно.

Следующие пятьдесят минут мы провели в лихорадочной деятельности. Стью вызвал костлявого индуса, одетого в дхоти. Через тридцать минут он превратился в двойника профа, и Стью перегрузил профа из постели на диван. Дублировать меня было проще. Наших дублеров вкатили в гостиную, как раз когда стемнело и принесли ужин. Несколько человек вошло, несколько — вышло. Среди последних была пожилая индуска в сари, опиравшаяся на руку Стьюарта Лажуа. За ними шествовал толстенький бабу.

Труднее всего было доставить профа по лестнице на крышу; он никогда не пользовался механическими инвалидными ходунками, у него не было возможности их освоить, а кроме того, он больше месяца провел лежа на спине.

Но рука Стью держала его крепко. Я сжал зубы и преодолел тринадцать проклятых ступенек без посторонней помощи. Когда добрался до крыши, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Главное — не хлопнуться в обморок, это сейчас совсем некстати. Бесшумный маленький флаер появился из тьмы в точно назначенное время, и через девять минут мы уже сидели в чартерном самолете, которым пользовались весь последний месяц, а еще через две минуты вылетели в Австралию. Понятия не имею, чего стоило организовать всю эту музыку и поддерживать ее наготове, пока не понадобится, но все прошло как по нотам.

Вытянувшись рядом с профом и наконец отдышавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете, проф?

— О'кей. Немного устал. И разочарован.

— Ja, da. Разочарован.

— Я имею в виду — из-за того, что так и не повидал Тадж-Махал. В юности не довелось, а нынче... Дважды был от него в двух шагах, несколько дней назад и сегодня, но так и не увидел. Теперь уж никогда не увижу.

— Подумаешь, обыкновенная гробница.

— А Елена Прекрасная — обыкновенная баба. Спи уж, парень.

Мы приземлились на китайской части Австралии, в городе под названием Дарвин. Нас погрузили на корабль, усадили в антиперегрузочные кресла и сделали уколы.

Проф уже уснул, а я начал клевать носом, когда внезапно появился Стью. Широко ухмыльнулся, уселся рядом и пристегнул ремни. Я воззрился не него:

— И ты здесь? Кто же остался в лавке?

— Те самые ребята, которые и раньше делали основную работу. Это хорошая команда, я им больше не нужен. Манни, дружище, мне неохота торчать так далеко от дома. Я имею в виду Луну, на случай, если ты туго соображаешь. Похоже, это последний поезд из Шанхая.

— При чем тут Шанхай?

— Ладно, замнем для ясности... Манни... я разорился в пух и прах. Одни долги кругом — и я смогу их уплатить, только если кое-какие акции быстро пойдут вверх. По крайней мере, Адам Селен уверял меня, что они поднимутся, когда мы пройдем через переломную точку истории. К тому же меня ждет арест — или будет ждать в скором времени — за нарушение общественного порядка и оскорбление человеческого достоинства. Короче говоря, я избавлю их от расходов по моей транспортировке в Луну. Как думаешь, в моем возрасте не поздно учиться на бурильщика?

Мозги у меня заволокло туманом — укол делал свое дело.

— Стью, в Луне ты еще не стар... какие наши годы... а если... за нашим столом всегда... ты же у нас любимчик Мими...

— Спасибо, дружище, я подумаю. Стартовый сигнал! Дыши глубже.

И тут на меня обрушилась десятикратная.

Глава 20

Наш корабль был чем-то вроде парома Земля—орбита. Их используют для связи с обитаемыми спутниками, для снабжения патрульных судов Федерации и для перевозки пассажиров к спутникам с казино и развлечениями. На сей раз на корабле было

только три пассажира вместо сорока и никакого груза, кроме трех скафандров и медной пушечки (да, дурацкая игрушка была на борту: скафандры вместе с профовой «бабахалкой» доставили в Австралию неделей раньше, чем нас); экипаж нашего славного «Жаворонка» состоял только из шкипера и пилота-киборга.

Зато топлива было хоть отбавляй.

Мы совершили (как мне потом сказали) обычный подход к спутнику «Элизиум», а затем внезапно сменили орбитальную скорость на вторую космическую — придавило нас при этом покруче, чем на старте.

Маневр засекла станция космического слежения ФН; нам приказали остановиться и объяснить свои действия. Все это я узнал от Стью, пока приходил в себя и наслаждался роскошью невесомости, прицепившись к креслу одним ремнем. Проф все еще был без чувств.

— Они, значит, захотели узнать, кто мы такие и соображаем ли мы, что делаем,— говорил Стью.— Мы ответили, что мы китайское судно «Расцветающий Лотос», выполняющее миссию милосердия. Направляемся к Луне для спасения ученых, томящихся там в неволе. Сообщили им свои данные для идентификации — сам понимаешь, данные «Расцветающего Лотоса».

— А как же импульсный повторитель?

— Если мне продали то, за что я заплатил, то наш повторитель, который десять минут назад идентифицировал нас как «Жаворонка», должен был теперь давать данные «Лотоса». Впрочем, скоро все выяснится. У них есть один крейсер, который может сбить нас ракетой и разнести...— Стью взглянул на часы,— ...в ближайшие двадцать семь минут, если верить этому опутанному проводами джентльмену, пилотирующему наше корыто; в противном случае шансы крейсера на перехват упадут почти до нуля. Так что, если тебя это волнует — если хочешь молитву прочесть или послание кому отправить,— то сейчас самое время.

— А проф? Будем его будить?

— Пусть спит. Для прыжка на тот свет лучше не придумаешь, прямо из мирного сна — в облако светящегося газа. Хотя,

может быть, тебе известны какие-то религиозные обряды, которые он хотел бы соблюсти? Правда, проф никогда не казался мне религиозным, во всяком случае в ортодоксальном смысле.

— Он не религиозен. Но если у тебя самого есть подобные желания, ты меня, ради бога, не стесняйся.

— Благодарю, я позаботился обо всем, что казалось мне необходимым, еще до того, как мы покинули Землю. А как насчет тебя, Манни? Я мало похож на падре, но постараюсь, если надо. Есть на совести грешки, а, дружище? Если хочешь, исповедуйся, я неплохой специалист по грехам.

Я ответил, что особой нужды в исповеднике не испытываю. Потом припомнил кое-какие приятные грешки и выдал ему более или менее правдивые версии. Это в свою очередь напомнило Стью о его собственных, что напомнило мне... Время «зеро» пришло и кануло в вечность, а мы все еще не исчерпали перечня. Стью Лажуа — как раз тот парень, с которым приятно провести последние минуты жизни, даже если они окажутся не последними.

Двое суток мы бездельничали, только проходили всякие малоприятные процедуры, чтобы не занести в Луну какую-нибудь заразу. Но я не возражал ни против искусственно вызванного озноба, ни против жара жестокой лихорадки; наслаждался невесомостью и был счастлив, что лечу домой.

Или почти счастлив... Проф спросил, что меня тяготит.

— Ничего,— ответил я.— Не могу дождаться, когда снова окажусь дома. Но... по правде говоря, стыдно показаться там после такого провала. Проф, где мы сделали ошибку?

— Провала, мой мальчик?

— А как еще это можно назвать? Мы просили о признании. И не получили его.

— Мануэль, мне следует повиниться перед тобой. Ты должен помнить расчет шансов, сделанный Адамом Селеном как раз перед нашим отлетом с Луны.

Стью поблизости не было, но словом «Майк» мы никогда не пользовались. Осторожности ради всегда говорили «Адам Селен».

— Конечно, помню! Один из пятидесяти трех. Затем мы добрались до Терры, а шансы с треском грохнулись до одного из ста. А сейчас сколько, как вы думаете? Один к тысяче?

— Я получал новые прогнозы каждые несколько дней... вот почему и винюсь перед тобой. Последний, полученный прямо перед вылетом, исходил из еще не подтвержденного в тот момент предположения, что мы смоемся с Терры и благополучно вернемся домой. Или что хоть один из нас троих вернется. Вот почему товарища Стью вызвали в Луну — у него, как у землянина, больше выносливости к сильным ускорениям.

Фактически Майк выдал восемь прогнозов. В худшем из них мы погибаем все трое, в лучшем — все трое остаемся в живых, а в промежутке всякие варианты. Хочешь поставить несколько долларов на то, каков этот последний прогноз? Размер ставки и шансы назовешь сам. Намекну: ты излишне пессимистичен.

— Э-э... Да ну его! Говорите, не тяните время.

— Шансы против нас сейчас всего семнадцать к одному... и весь месяц разрыв сокращается. А сказать тебе об этом я не имел права.

Я был изумлен, поражен, восхищен — и жестоко обижен.

— Как это — не имел права сказать?! Слушайте, проф, если мне не доверяют, отстраните меня и поставьте на мое место в исполнительной ячейке Стью.

— Погоди, сынок. Именно туда он и войдет, если что-нибудь случится с нами — со мной, с тобой или с бесценной Вайоминг. Я не имел права сказать тебе это на Земле — и могу сказать сейчас не потому, что тебе не доверяют, а потому, что ты плохой актер. Ты мог успешно справиться со своей ролью только в том случае, если бы верил, что наша цель — добиться признания независимости.

— Спасибо, что разъяснили!

— Мануэль, Мануэль, нам надо было бороться каждую секунду, бороться изо всех сил — и проиграть.

— Вот как! А мне не сказали, потому что не дорос, да?

— Ну пожалуйста, Мануэль! То, что мы временно держали тебя в неведении, резко повышало наши шансы, можешь справиться у

Адама. Добавлю только, что Стьюарт принял свой вызов на Луну без слов, даже не спросил зачем. Товарищ дорогой, тот комитет был слишком малочислен, а председатель слишком умен; все время существовала опасность, что нам предложат приемлемый компромисс. В первый день такая вероятность была особенно высока. Если бы нам удалось настоять, чтобы наш вопрос вынесли на Великую Ассамблею, опасность разумного решения исчезла бы. Но нам отказали. Лучшее, что я мог сделать, это разозлить комитет, не останавливаясь даже перед личными оскорблениями, чтобы обеспечить хоть один голос, который всегда будет против здравых решений.

— Наверное, я никогда не разберусь во всех этих высших соображениях!

— Наверное. Но твои таланты и мои дополняют друг друга. Мануэль, ты ведь хочешь видеть Луну свободной?

— Вы знаете, что хочу.

— Но тебе также известно, что Терра может нас разгромить?

— Конечно. Ни один прогноз не дает нам шансов даже пятьдесят на пятьдесят. Поэтому я никак не могу понять, зачем вы решили их разозлить...

— Пожалуйста, не торопись. Поскольку они могут навязать нам свою волю, наш единственный шанс заключается в том, чтобы эту волю ослабить. Вот почему нам так важно было попасть на Терру. Чтобы посеять разногласия, чтобы породить разброс мнений. Самый хитроумный в истории Китая полководец однажды сказал, что высшее военное искусство — это подавить волю противника так, чтобы он сдался без боя. Вот в чем заключается и наша конечная цель и самая страшная из угрожающих нам опасностей. Предположим — а это казалось вполне вероятным в первый день,— что нам предложили бы заманчивый компромисс. На место Смотрителя — губернатор, возможно, из наших же рядов. Местная автономия. Делегат в Великой Ассамблее. Высокие цены на зерно у головы катапульты плюс премии за поставки сверх квоты. Осуждение политики Хобарта и выражение сожалений по поводу насилий и убийств, сопровождаемое солидной денежной компенсацией

родственникам жертв. Было бы это приемлемо для нас? Вот тут — в Луне?

— Но они ничего подобного не предлагали!

— Председатель был готов предложить нечто в этом роде в первый день, причем тогда он был полным хозяином в своем комитете. Он намекнул на возможность подобной сделки. Предположим, мы добились бы условий, которые я только что обрисовал. Было бы это приемлемо для наших лунарей?

— Э-э... возможно.

— Более чем возможно. Вот почему шансы, когда мы улетали с Луны, были такими низкими. Именно этого нам следовало избежать любой ценой — компромисса, который успокоит народ, ослабит его волю к сопротивлению и вместе с тем не предотвратит неизбежную катастрофу, ожидающую нас в недалеком будущем. А потому я круто изменил курс и ликвидировал возможность соглашения, начав придираться к мелочам и сохраняя при этом оскорбительную вежливость. Мануэль, мы с тобой знаем — и Адам знает,— что поставкам продовольствия должен быть положен конец! Только так можно спасти Луну от катастрофы. Но ты можешь представить себе фермера-пшеничника, который борется за прекращение поставок?

— Нет. А любопытно было бы получить известия из дома: как там приняли сообщение о прекращении поставок?

— Таких сообщений не будет. Так решил Адам: никаких заявлений не будет сделано до тех пор, пока мы не доберемся домой. Мы все еще продолжаем скупать зерно у фермеров. Баржи по-прежнему прибывают в Бомбей.

— Но вы же сказали, что поставки прекратятся немедленно?

— Это была угроза, а не моральное обязательство. Несколько барж погоды не делают, а нам нужно выиграть время. У нас в Луне маловато союзников — только незначительное меньшинство. Большинство людей индифферентны, их можно временно склонить и в ту, и в другую сторону. А противостоит нам тоже меньшинство... главным образом, фермеры, которых интересует не политика, а цены на зерно. Они ворчат, но еще принимают купоны, надеясь, что их курс все-таки начнет расти. Однако, если

мы объявим, что поставки прекращены, фермеры займут активно враждебную позицию. Адам хочет сделать заявление в такой момент, когда большинство будет на нашей стороне.

— Это когда же? Через год? Через два?

— Через два-три дня. Может быть, через четыре. Тщательно отредактированные цитаты из «плана пятилетки», отрывки из твоих записей, особенно предложение этого ублюдка, рассказы о твоем аресте в Кентукки...

— Эй! Об этом лучше не вспоминайте!

Проф только улыбнулся и вздернул бровь.

— Хм...— сказал я недовольно.— О'кей. Если это поможет.

— Это поможет больше, чем любая статистика наших природных ресурсов.

Наш пилот — опутанное проводами бывшее человеческое существо — пошел на посадку, даже не подумав задержаться на орбите (чего, мол, тянуть: корабль легкий, маневренный), так что мы получили напоследок еще одну хорошую встряску. Но тормозил он всего два с половиной километра, и через девятнадцать секунд мы сели в Джонсон-Сити. Я перенес посадку нормально, только ужасно сдавило грудь, словно чья-то гигантская рука зажала сердце в кулак; потом все прошло, и я принялся жадно глотать воздух, приходя в себя и радуясь привычному весу тела. Но бедного старого профа посадка чуть не доконала.

Позднее Майк объяснил мне, что пилот отказался подчиниться приказу. Зная, что проф на борту, Майк хотел посадить корабль осторожненько, с небольшими перегрузками, как яичко в корзинку. Но не исключено, что киборг знал, что делает: посадка с длительным торможением требует массы топлива, а «Лотос-Жаворонок» и так сел почти «сухим».

Как бы там ни было, но лихая гаррисонова посадка чуть не стоила профу жизни. Стью заметил это, пока я пытался отдышаться, и мы оба тут же кинулись к профу — сердечные стимуляторы, искусственное дыхание, массаж... Наконец ресницы профа дрогнули, он взглянул на нас и улыбнулся.

— Дома...— шепнул он еле слышно.

Мы заставили его отдохнуть минут двадцать, прежде чем позволили надеть скафандр. Он был так близок к концу, что, казалось, вот-вот услышит ангельские хоры. Шкипер заполнял баки и очень торопился отделаться от нас, чтобы забрать пассажиров в обратный рейс. Этот голландец за всю дорогу не перемолвился с нами ни единым словом; думаю, он здорово жалел, что позволил алчности вовлечь себя в историю, которая могла его разорить или даже угробить.

Но в этот момент на борт проникла Вайо — примчалась нас встречать. Не думаю, что Стью доводилось видеть ее в скафандре раньше, и уверен, что блондинкой он ее ни разу не видел; во всяком случае, он ее не узнал. Я обнял ее, несмотря на скафандр, а Стью стоял рядом и ждал, чтобы его представили. Когда же незнакомый «мужик» схватил его и начал тискать, Стью страшно удивился.

Я услыхал приглушенный скафандром голос Вайо:

— О боже! Манни, мой шлем!

Я открыл его и откинул. Она встряхнула локонами и широко улыбнулась.

— Стью, разве ты не рад меня видеть? Или ты меня не узнаешь?

По его лицу медленно разлилась улыбка — как восход над лунным «морем».

— Zdra'stvooeet'ye, gospazha! Я счастлив вас видеть!

— Вот еще — gospazha! Я, милый, для тебя просто Вайо, запомни раз и навсегда. Манни тебе не сказал, что я снова блондинка?

— Говорил, конечно... Но знать и видеть — веши разные.

— Ничего, привыкнешь! — Она остановилась, нагнулась над профом, что-то шепнула, хихикнула, поцеловала, потом выпрямилась и выдала мне (теперь уже без шлема) такой «с приездом», что у нас обоих на глазах выступили слезы. После чего кинулась целовать Стью.

Он попятился. Вайо удивилась:

— Стью, мне что — опять намазаться ваксой, чтобы ты со мной поздоровался?

Стью искоса взглянул на меня и наконец ответил на поцелуй Вайо. Она уделила этому делу не меньше времени и усердия, чем нашему с ней приветствию.

Только позже я понял причину странного поведения Стью; несмотря на его «обращение», он все же не был настоящим лунарем, а Вайо за это время успела выйти замуж. Ну и что, спрашивается, какая разница? Но на Терре это большая разница, а Стью еще не проникся как следует мыслью, что в Луне леди — сама себе хозяйка. Этот дурачок подумал, что я обижусь!

Мы натянули скафандр на профа, облачились сами и вышли; под мышкой я тащил профову пушку. После того как спустились и прошли через шлюз, скафандры сняли, и я почувствовал себя польщенным — под скафандром у Вайо оказалось измятое красное платье, которое я подарил ей сто лет назад. Она разгладила его рукой, и юбка вспыхнула ярким огнем.

Иммиграционный зал пустовал. Только вдоль стены выстроилось человек сорок в скафандрах и шлемах, точь-в-точь новоприбывшие ссыльные. Это отправлялись домой земляне — застрявшие здесь туристы и несколько ученых. Но лететь им придется налегке, скафандры перед стартом выгрузят. Я поглядел на бедолаг и вспомнил о пилоте-киборге. Когда «Жаворонка» готовили к рейсу, с него сняли все кресла, кроме трех; этим людям придется переносить перегрузки, лежа на голом полу, и если шкипер не проявит осторожности, киборг раздавит землян в лепешку.

Я сказал об этом Стью.

— Не бери в голову,— ответил он.— У капитана Лейерса есть на борту поролоновые матрасы. Он не даст погибнуть пассажирам — они для него теперь все равно что страховой полис на собственную жизнь.

Глава 21

Моя семья, все тридцать с лишком человек, начиная с Деда и кончая детишками, ждала нас за дверью следующего шлюза уровнем ниже. Нас залили слезами, зацеловали, затискали; на

сей раз Стью не пятился. Маленькая Хейзел устроила целую церемонию: надела нам на головы «колпаки свободы», а уж потом поцеловала, и по этому сигналу вся семья напялила колпаки; я внезапно прослезился. Может, это и есть чувство патриотизма — когда спирает дыхание и ты счастлив до боли? А может, это просто радость от встречи с любимыми?

— А где Слим? — спросил я у Хейзел.— Его что — не пригласили?

— Не мог прийти. Он младший церемониймейстер на приеме.

— На приеме? Нам вполне достаточно этого приема.

— Подожди и увидишь.

Увидел. Хорошо, что вся семья приехала нас встретить; только там да по пути в Луна-Сити (мы заняли целую капсулу) я их и видел. На станции «Западная» стояла густая орущая толпа в «колпаках свободы». Нас троих на плечах потащили прямо в Старый Купол, окружив охраной из stilyag, которые, сомкнув локти, прокладывали дорогу сквозь эту веселую давку. Парни все щеголяли в красных колпаках и белых рубашках, девчонки — в белых свитерах и красных, под цвет колпаков, шортиках.

И на станции, и в Старом Куполе, когда нас поставили на пол, меня целовали женщины, которых я не встречал ни раньше, ни потом. Оставалось надеяться, что меры, принятые взамен карантина, окажутся достаточно эффективными, иначе половина жителей Луна-Сити сляжет с гриппом или с чем-нибудь похуже. (Как выяснилось, мы хорошо почистились — эпидемий не было. Но в детстве я видал, как разразившаяся эпидемия кори унесла тысячи жизней.)

Кроме того, я волновался за профа; прием был слишком крутым для человека, который час назад чуть не помер. Однако он не только наслаждался этой толкотней, но еще и произнес замечательную речь в Старом Куполе — не слишком логичную, зато наполненную звучными фразами. Там были и «домашний очаг», и «любовь», и «Луна», и «товарищи и сограждане», и даже «плечом к плечу», причем все как-то к месту.

Под огромным видеоэкраном для новостей в южной стороне Купола была возведена платформа. Нас приветствовал Адам

Селен, а затем на экране появилась огромная голова профа и раздался его усиленный аппаратурой голос — кричать ему не пришлось. Однако после каждой фразы приходилось делать паузу: рев толпы топил в себе все, даже могучий глас динамиков, и заодно давал профу время для отдыха. Впрочем, проф уже не казался старым, усталым и больным; возвращение в Булыжник оказалось для него настоящим тоником, в котором он нуждался больше всего. Да и я тоже! Было чудесно чувствовать свой нормальный вес, ощущать себя *сильным*, вдыхать чистый, обогащенный кислородом воздух родного города.

А неслабый у нас городок! В Старый Купол нельзя вместить все население Луна-Сити, но, похоже, они попытались. Я прикинул площадку в десять квадратных метров и попробовал подсчитать количество голов; дошел до двухсот и бросил, не сосчитав и половины. «Лунатик» оценил толпу в тридцать тысяч — думаю, приврал немного.

Слова профа услышали почти все три миллиона; видео донесло это зрелище до тех, кто не мог побывать в Старом Куполе, кабельное видео и ретрансляторы передали его через безмолвные «моря» во все поселения. Проф воспользовался случаем и поведал о рабском будущем, которое уготовила нам Администрация; он размахивал в воздухе копией плана.

— Вот они! — кричал проф.— Вот они — ваши оковы! Ваши ножные кандалы! Вы согласны надеть их?

— *НЕТ!*

— А они говорят, что наденете! Они говорят, что сбросят на нас водородные бомбы... и тогда выжившие сдадутся и наденут кандалы. Наденете?

— *НЕТ! НИКОГДА!*

— Никогда,— согласился проф.— Но они угрожают послать войска... новые и новые войска, чтобы убивать и насиловать. Нам придется с ними сражаться.

— *Da!*

— Мы будем биться с ними на поверхности, мы будет убивать их в туннелях метро, мы будем сражаться с ними в коридорах! И если мы погибнем, то погибнем *свободными*!

— Да! Ja-da! Пусть знают! Пусть знают!

— И если мы погибнем, история запишет: то для Луны был самый славный час! Дайте нам свободу... или дайте смерть!

Кое-что в этой речи показалось мне знакомым. Но слова звучали свежо и ново; мой голос слился с ревом толпы... Я *знал*, что Терру нам не победить — я же технарь и я *знаю*, что водородная бомба не разбирает, кто храбрый, а кто нет. И все равно был готов. Если они хотят драки — они свое получат!

Проф дал толпе поорать, а потом запел «Боевой гимн республики» в переделке Саймона. На экране возник Адам, повел мелодию, а мы попытались слинять под шумок, спустившись с тыльной стороны платформы при помощи Слима и его stilyag. Но женщины нас отпускать не хотели, а где уж нашим ребятам противиться желаниям леди! Так что те, конечно, прорвались.

В общем, было уже двадцать два ноль-ноль, когда мы вчетвером — Вайо, проф, Стью и я — оказались в «Малине», в номере «Л», где к нам по видео присоединился Адам-Майк. К тому времени я просто помирал от голода, вернее, мы все помирали, а потому я заказал ужин прямо в номер. Проф настоял, чтобы мы поели, прежде чем начнем обсуждать дальнейшие планы.

После ужина мы приступили к делу.

Адам попросил для начала прочесть вслух копию плана — для него и для товарища Вайоминг.

— Но до того, товарищ Мануэль, если у вас с собой записи, сделанные на Земле, передайте их, пожалуйста, ускоренным способом по телефону в мой офис. Я прикажу переписать их и постараюсь изучить... Все, чем я пока располагаю, это закодированные сводки, которые присылал товарищ Стьюарт.

Так я и сделал, зная, что Майк изучит записи мгновенно; весь остальной разговор был частью мифа об «Адаме Селене». Я решил поговорить с профом насчет того, чтобы ввести Стью в курс дела. Раз он войдет в исполнительную ячейку, притворяться дальше слишком утомительно.

Передача записей Майку на сверхскоростях заняла пять минут, чтение вслух — еще тридцать. Когда я закончил, Адам сказал:

— Профессор, благодаря вашей речи митинг прошел еще удачнее, чем я предполагал. Думаю, нам следует немедленно провести через Конгресс вопрос об эмбарго. Я могу сегодня же вечером известить, что сессия Конгресса начнется завтра в полдень. Ваши предложения?

— Послушайте,— вмешался я,— наши болтуны будут мусолить этот вопрос неделями. Если им непременно нужно его обсуждать, хотя я не понимаю — зачем, давайте сделаем как с Декларацией: начнем поздно, затянем до полуночи, используем наших людей.

— Извините, Мануэль,— ответил Адам.— Я так увлекся событиями на Земле, что не успел сообщить вам о здешних новостях. В Конгрессе теперь совсем другие люди. Товарищ Вайоминг!

— Манни, милый, теперь это выборный Конгресс. Он должен одобрить решение, ведь Конгресс — фактически наше правительство.

— Вы,— сказал я медленно,— провели выборы и вручили им бразды правления? Тогда зачем мы тут заседаем?

Я поглядел на профа, ожидая взрыва. Я не против правительства вообще, как проф, я просто не мог врубиться, на кой это нужно — менять одно толковище на другое. Первый состав Конгресса, по крайней мере, не был строго определенным, его можно было перетасовать, а эти небось приклеятся к своим креслам — не оторвешь!

Проф был безмятежно спокоен. Сложил пальчики и сидит себе, в ус не дует.

— Мануэль, я не думаю, что ситуация так безнадежна, как тебе кажется. В каждую эпоху людям приходилось как-то приспосабливаться к народной мифологии. Когда-то считалось, что короли — помазанники божьи, так что проблема заключалась лишь в том, чтобы господь помазал правильных кандидатов. Современный миф — это «народное волеизъявление»... но проблема изменилась лишь внешне. Мы с товарищем Адамом долго бились над вопросом, в чем заключается эта самая «воля народа». Осмелюсь предположить, что принятое решение годится в качестве рабочего инструмента.

— Ну... ладно. Но почему нам ничего не сообщили? Стью, ты знал?

— Нет, Манни. Но меня это не волнует,— Стью пожал плечами.— Я монархист, и эти игры меня не увлекают. Однако я согласен с профом, что в наше время выборы — необходимый ритуал.

— Мануэль,— снова заговорил проф,— какой смысл было сообщать нам об этом на Терру? У нас с тобой там дел хватало. Товарищ Адам и бесценная товарищ Вайоминг занимались этим в наше отсутствие, так что давай-ка сначала посмотрим, а уж потом рассудим, что к чему.

— Извините. Ну, Вайо?

— Манни, мы вовсе не пустили все на самотек. Мы с Адамом решили, что Конгресс из трехсот депутатов — самое то, что нужно. Затем мы несколько часов анализировали списки членов Партии плюс списки заметных людей-беспартийцев. И наконец составили список кандидатов, причем включили туда некоторых членов бывшего Специального Конгресса. Там ведь далеко не все были болтунами, и мы выбрали самых достойных. Затем Адам обзвонил всех подряд и спросил, согласны ли они послужить родине, причем предупредил, чтобы до поры до времени держали язык на замке. Некоторых пришлось заменить.

Когда все было готово, Адам выступил по видео, сказав, что пришло время выполнить обещание Партии насчет свободных выборов, назначил дату и объявил, что голосовать могут все, кто достиг шестнадцати, а тем, кто хочет выставить свою кандидатуру в Конгресс, нужно собрать сто подписей под своим заявлением и послать его в Старый Купол или в избирательный участок. Ах да, мы создали тридцать временных избирательных округов, по десять депутатов от каждого, так что во всех поселениях, кроме самых маленьких, был свой округ.

— Итак, вы все организовали и партийный список прошел?

— О нет, дорогой. Никакого партийного списка не было — во всяком случае, официально. Но наши кандидаты были подготовлены... и, надо сказать, мои stilyagi проделали отличную работу по сбору подписей. Заявки наших кандидатов были отосланы в

первый же день. Заявок поступило много, в общей сложности получилось свыше двух тысяч кандидатов. Но Адам выступил по видео всего за десять дней до выборов; мы знали, чего хотим, а оппозиция была расколота. Адаму даже не пришлось поддерживать наших кандидатов. Все сработало — ты победил: ты набрал семь тысяч голосов, Манни, тогда как твой ближайший соперник — менее тысячи.

— Я победил?

— Ты победил, я победила, проф победил, товарищ Клейтон победил — словом, почти все, кто, по нашему мнению, должен был попасть в Конгресс. В общем, это было нетрудно. Хотя Адам и не выступал ни в чью поддержку, я расстаралась и сообщила нашим товарищам, кого он предпочитает. Саймон тоже руку приложил. Жаль, вас тут не было в ту ночь, когда мы наблюдали за выборами. Волнующие часы!

— А как вы справились с подсчетом голосов? Никогда не мог понять эту выборную систему. Писали бумажки с именами, что ли?

— О нет, у нас система была получше... ведь многие наши товарищи даже писать не умеют. В качестве избирательных участков мы использовали банки. Тамошние клерки удостоверяли личность своих клиентов, а клиенты — личность членов своих семей и соседей, у которых нет банковских счетов. Люди просто называли вслух имя кандидата и наблюдали, как клерки набирают его на клавиатуре компьютера; затем результаты поступали в счетную палату Луна-Сити. Голосование продолжалось часа три, а результаты были объявлены буквально через несколько секунд.

Неожиданно у меня в башке просветлело, и я решил, что попозже допрошу Вайо наедине. Хотя нет, не Вайо — Майка! Пробьюсь через его исполненную достоинства маску «Адама Селена» и выбью истину из его нейристоров! Я вспомнил историю чека с десятью миллионами миллиардов долларов, и мне стало интересно, сколько же людей голосовало за меня на самом деле? Семь тысяч? Семь сотен? Или только семья и друзья?

Но зато я перестал волноваться по поводу нового Конгресса. Проф сыграл со старым не просто подтасованной, а крапленой колодой — и быстренько смылся на Землю, пока их тут раздевали донага. Спрашивать у Вайо смысла не было; вряд ли они посвятили ее в свои махинации... Чем меньше она знала, тем лучше играла свою роль!

И никто ничего не заподозрил. Все отнеслись к выборам с полным доверием, все были уверены, что если в компьютер вводят правильные цифры, то он выдаст такой же правильный результат. Я и сам когда-то в этом не сомневался, пока не встретил компьютер с чувством юмора.

И я решил не поднимать вопрос о том, чтобы Стью раскрыли тайну самосознания Майка. Трое — это и так на две единицы больше, чем надо. А может, и на три...

— Ма...— начал я, но тут же спохватился.— Мое мнение — неплохая работа. И с каким перевесом мы выиграли?

Адам бесстрастно ответил:

— Восемьдесят шесть процентов наших кандидатов прошли. Приблизительно как я и ожидал.

(«Приблизительно»! Такой же мухлеж, как моя левая рука! Точно как ты рассчитал, Майк, старый железный мошенник!)

— Снимаю возражения насчет полудня. Я приду.

— Мне кажется,— сказал Стью,— учитывая, что эмбарго вступит в силу немедленно, мы должны как-то поддержать энтузиазм, свидетелями которого были сегодня. Иначе начнется долгий ползучий период углубляющейся экономической депрессии — из-за эмбарго, я имею в виду и крушение иллюзий. Адам, вы с самого начала произвели на меня впечатление своей способностью давать точный прогноз будущих событий. Мои дурные предчувствия обоснованны?

— Да, конечно.

— Ну и?

Адам оглядел нас всех по очереди — нет, хоть убейте, невозможно поверить, что это подделка и что Майк в данный момент попросту изучает нас с помощью своих бинауральных рецепторов.

— Товарищи... открытая война с Террой должна начаться как можно скорее.

Все молчали. Одно дело — говорить о войне, другое — смотреть ей в лицо. Наконец я вздохнул и спросил:

— И когда же мы начнем швырять в них камнями?

— Мы не начнем,— ответил Адам.— Они первыми должны бросить в нас камень. Вопрос в том, как их подтолкнуть. Я оставлю свои соображения напоследок. Мануэль?

— Хм... что я могу сказать? Будь моя воля, я бы в первую очередь шарахнул хорошенькой глыбой по Агре — есть там один тип, который только зря воздух портит. Но ведь это не то, что нам нужно?

— Нет, не то,— серьезно ответил Адам.— Вы тем самым не только вызовете гнев всего индийского народа, который крайне отрицательно относится к любому посягательству на жизнь, вы вызовете гнев и потрясение у всех народов Земли, ибо уничтожите Тадж-Махал.

— Включая и мой гнев,— заметил проф.— Ты говоришь чушь, Мануэль.

— Слушайте,— сказал я,— я же не говорю, что именно так и надо сделать. Кроме того, ведь можно стрельнуть и мимо вашего Таджа.

— Мануэль,— сказал проф,— Адам правильно заметил: наша стратегия должна заключаться в том, чтобы спровоцировать Терру нанести нам первый удар. Это классический маневр «Перл-Харбор» в теории игр*, великое достижение Weltpolitick[1]. Вопрос в том, как это сделать. Адам, я думаю, надо внушить им, что мы слабы и разрозненны, что Терре достаточно лишь продемонстрировать силу — и Луна тотчас вытянется в струнку. Стью! Ваши люди на Земле могли бы оказать нам бесценную помощь. Предположим, Конгресс отвергнет меня и Мануэля? Последствия?

— О нет! — вскричала Вайо.

[1] Мировой политики (*нем.*).

— О да, дорогая Вайо. Нет нужды *делать* это, можно просто передать по каналам новостей на Землю. А еще лучше использовать подпольный «луч», якобы принадлежащий ученым-землянам, благо они пока не все уехали; наши же официальные каналы будут являть все классические признаки жесткой цензуры. Адам?

— Я беру это на заметку как тактический прием, который может быть включен в нашу стратегию. Но этого мало. Нужно, чтобы нас бомбили.

— Адам, почему вы так настаиваете на этом? — спросила Вайо.— Даже если Луна-Сити сможет выдержать удар самых мощных бомб — надеюсь, мне не придется убедиться в этом,— мы знаем, что тотальной войны Луна не перенесет. Вы сами говорили это много раз. Нельзя ли как-нибудь иначе добиться того, чтобы они оставили нас в покое?

Адам задумчиво оттянул кожу на правой щеке, и я подумал: Майк, если ты не прекратишь это актерство, я сам поверю в твое существование! Он меня достал. Когда же наконец удастся поговорить с ним наедине, без «председателя Селена»?

— Товарищ Вайоминг,— сдержанно начал он,— эта ситуация в теории игр рассматривается как сложная игра с ненулевой суммой. У нас есть определенные ресурсы, или «игровые фишки», и много возможных ходов. У противника фишек гораздо больше, а выбор ответных ходов значительно шире. Наша задача заключается в том, чтобы вести игру с оптимальной результативностью, одновременно вынуждая противника терять свое превосходство в силах и мешая ему применить их в полном объеме. Самое главное — правильно выбрать время и так разыграть гамбит, чтобы запустить цепочку событий, благоприятствующих нашей стратегии. Согласен, что с ходу это трудно понять. Я мог бы пропустить все факторы через компьютер и показать вам результаты. Или примите мои выводы на веру. Или используйте свой собственный здравый смысл.

Так сказать, ненавязчиво напомнил Вайо (перед самым носом у Стью), что он не Адам Селен, а Майк — наш умник-разумник,

способный решать сложнейшие проблемы, поскольку он и есть компьютер, да еще самый гениальный в мире.

Вайо тут же отступила.

— Нет, нет,— сказала она,— я в математике полный нуль. Хорошо, надо — значит надо. Как же мы это сделаем?

К четырем ноль-ноль у нас наконец появился план, удовлетворявший Стью и профа с Адамом; иначе говоря, к этому времени Майку удалось протащить свой план, делая вид, что он извлекает идеи из каждого из нас. А может, автором плана был проф и Адам продавал нам чужой товар?

В любом случае, у нас теперь был план и сроки его выполнения. В основе лежала та самая генеральная стратегия, которую мы выработали во вторник 14 мая 2075 года. Просто были учтены некоторые тогда лишь предполагавшиеся, а теперь свершившиеся события. Если говорить о самой сути, он требовал от нас вести себя с Террой так хамски, как только возможно, одновременно создавая впечатление, что выпороть нас не составляет труда.

В полдень я примчался в зал собраний совершенно невыспавшийся и обнаружил, что мог поспать еще как минимум два часа. Конгрессмены из Гонконга запаздывали, несмотря на то что всю дорогу ехали на метро. Вайо ударила по столу молотком только в четырнадцать тридцать.

Да, мою новобрачную избрали временным председателем новорожденного Конгресса. Знание парламентских правил, казалось, было у нее в крови, так что выбор можно назвать удачным; к тому же толпа лунарей ведет себя куда лучше, когда молотком постукивает дама.

Не собираюсь описывать в деталях, что было сказано и сделано на этой сессии, да и на других тоже; можете ознакомиться с протоколами. Я приходил только в самых необходимых случаях и даже не пытался постигнуть правила этого толковища — они мне казались смесью в равных долях обычной вежливости и чистейшей магии, с помощью которой председатель добивается своего.

Не успела Вайо ударом молотка призвать всех к порядку, как какой-то мужик вскочил и заявил:

— Gospazha председатель, предлагаю отказаться от обычной процедуры и заслушать профессора де ла Паса...

Зал одобрительно загудел. Вайо опять стукнула молотком.

— Предложение нарушает регламент, депутату от Нижнего Черчилля предлагается занять свое место. Наше предыдущее заседание не было завершено; в соответствии с объявленной ранее повесткой дня слово имеет председатель Комитета по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Оказалось, что это Вольфганг Корсаков — депутат от Тихо-Андера (член ячейки профа и наш главный надувала в «ЛуНоГоКо»). Он не только получил слово, но и оставил его за собой на целый день, время от времени давая возможность высказаться тем, кого хотел услышать, и затыкая рот всем прочим. Однако публика особо не ерепенилась и казалась довольной своими ведущими. Было шумновато, но порядок соблюдался.

К вечеру Луна уже получила правительство взамен временного, то есть подставного, которое мы в свое время сформировали из самих себя и которое послало нас с профом на Землю. Конгресс утвердил акты, принятые временным правительством, таким образом узаконив все, что мы сделали, поблагодарил его за работу и предложил комитету Вольфганга продолжить свою деятельность по созданию структуры постоянного правительства.

Проф был избран президентом Конгресса и ex officio[1] премьер-министра того промежуточного правительства, которое будет действовать до принятия конституции. Он протестовал, ссылаясь на возраст и здоровье... а затем сказал, что готов служить, если собрание согласно несколько облегчить ему ношу: он слишком стар и истощен путешествием на Землю, чтобы вести заседания, кроме особо важных, а потому просит Конгресс избрать спикера и заместителя спикера. Кроме того, он считает, что Конгресс мог бы расширить свой состав (не более чем на

[1] Исполняющим обязанности (*лат.*).

десять процентов), избрав независимых членов, чтобы премьер-министр, кто бы им ни был, имел возможность формировать свой кабинет из лиц, ныне членами Конгресса не являющихся. В особенности это касается министров без портфеля, которые должны снять груз с его, профа, плеч.

Но тут депутаты заартачились. Почти все они гордились своим званием «конгрессменов» и не желали делиться им с посторонними. Проф сидел с усталым видом и ждал. Тогда кто-то сказал, что все равно, мол, контроль остается за Конгрессом, и после этого они дали профу то, чего он хотел.

Затем кто-то из публики толкнул речь под видом вопроса, обращенного к председательствующей. Все знают, сказал он, что Адам Селен воздержался от выдвижения своей кандидатуры в Конгресс на том основании, что председатель Чрезвычайного комитета не должен злоупотреблять преимуществами своего положения, чтобы локтями прокладывать себе дорогу в новое правительство... Но может быть, уважаемая леди председатель скажет конгрессменам, что мешает избрать Адама Селена независимым членом? В знак признания важности его заслуг? Дать всей Луне и всем этим землеедам, особенно из бывшей Лунной экс-Администрации, понять, что мы не *отрекаемся* от Адама Селена, наоборот, мы уважаем и любим нашего почтенного государственного деятеля, который не избран президентом только потому, что сам этого не пожелал!

Крики одобрения не смолкали долго. В протоколах вы найдете имя того, кто произнес эту речь, но можете поставить десять против одного, что написал ее проф, а оратора организовала Вайо.

Вот как все оформилось несколько дней спустя.

Премьер-министр и министр иностранных дел — профессор Бернардо де ла Пас.

Спикер — Финн Нильсен; его заместитель — Вайоминг Дэвис.

Заместитель министра иностранных дел и министр обороны — генерал О'Келли Дэвис; министр информации — Теренс Шихан (Шини передал газету «Pravda» своему заму, чтобы тот

работал со Стью и Адамом); особый министр без портфеля в министерстве информации — Стьюарт Рене Лажуа, независимый член Конгресса; министр экономики и финансов (и опекун вражеской собственности) — Вольфганг Корсаков; министр внутренних дел и безопасности — товарищ Клейтон Ватанабе; специальный советник премьер-министра — Адам Селен. Плюс еще десяток министров и министров без портфеля из разных поселений.

Понимаете теперь, что произошло? Если отбросить пышные титулы, то ячейка «Б» по-прежнему, как когда-то и предложил Майк, заправляла всеми делами, но теперь уже при поддержке Конгресса, в котором большинство было за нас, а те, что были против, проиграли и остались за бортом.

Но в то время я не понимал смысла всей этой говорильни.

На вечернем заседании проф отчитался о нашем путешествии, а затем передал слово мне — с согласия председателя комитета Корсакова,— чтобы я рассказал о «плане пятилетки», о том, с чем его едят, и о том, как Администрация пыталась меня подкупить.

Я неважный оратор, но во время обеда у меня была возможность проглядеть речь, написанную Майком. Он изложил все так язвительно, что я снова взбесился и пребывал в этом состоянии все время, пока говорил, так что мне удалось их завести. Когда я сел на место, Конгресс кипел от ярости.

Проф вышел вперед — худой, бледный — и тихо сказал:

— Товарищи конгрессмены, что будем делать? Я предлагаю, и председатель Корсаков не против, чтобы мы обсудили, так сказать, неофициально вопрос о том, как реагировать на это наглое оскорбление, нанесенное нашему народу.

Некий депутат от Новолена предложил объявить войну, и Конгресс чуть было с ходу не принял решение, но проф напомнил, что по регламенту мы вроде как слушаем доклады комитета.

И опять выступления, и все такие же резкие. Наконец товарищ конгрессмен Чанг Джонс сказал:

— Собратья-конгрессмены! Ах, извините. Gospodin председатель Корсаков! Я фермер, выращиваю рис и пшеницу. Вернее,

выращивал, потому что в мае взял ссуду в банке и теперь мы с сыновьями переходим на многоотраслевое хозяйство. Мы разорены — мне даже пришлось занять деньги, чтобы купить билет сюда... но семья не голодает, и когда-нибудь с банком мы расплатимся. Короче говоря, зерно выращивать я бросил.

Но другие не бросили. Катапульта ни разу, ни на одну баржу не уменьшила отгрузки после того, как мы стали свободными. Мы все еще отправляем зерно, надеясь, что их чеки когда-нибудь будут чего-то стоить.

Но теперь-то мы знаем! Они во всеуслышание объявили о том, что собираются сделать с нами... во что они хотят нас превратить! Я вижу лишь один способ доказать этим подонкам, что с нами этот номер не пройдет: *прекратить поставки немедленно!* Ни одной тонны, ни единого кило... пока они не приползут сюда на брюхе и не предложат честную цену!

Около полуночи они приняли решение об эмбарго, а затем разошлись до следующего созыва, оставив комитет продолжать работу.

Мы с Вайо отправились домой, и я тут же принялся восстанавливать свои семейные связи. Больше делать было нечего. Адам и Стью занимались разработкой планов, как покруче завести землеедов; катапульту Майк закрыл («технические неполадки, связанные с баллистическим компьютером») еще двадцать четыре часа назад. Последняя баржа, находившаяся в пути, будет принята наземным контролем Пуны примерно через день, и тогда землянам грубо заявят, что это *последняя* баржа в их жизни.

Глава 22

Удар, нанесенный фермерам, был смягчен тем, что закупка зерна у головы катапульты продолжалась, но на чеках было напечатано предупреждение, что Свободное Государство Луна не гарантирует их оплаты и не может поручиться, что Лунная Администрация когда-нибудь оплатит их хотя бы купонами, и так далее, и тому подобное. Некоторые фермеры оставляли зерно у

катапульты, другие нет, но возмущены были все. Однако сделать ничего не могли; катапульта закрыта, погрузочные конвейеры неподвижны.

В остальных отраслях экономики депрессия наступила не сразу. Мобилизация в оборонные отряды так сильно сократила ряды бурильщиков, что продажа льда на свободном рынке стала выгодной. Принадлежащая «ЛуНоГоКо» сталелитейная компания брала на работу любого здорового мужика, который попадался под руку, а Вольфганг Корсаков тут же снабжал новых работников бумажками «национальных долларов», с виду похожих на гонконгские и теоретически поддерживаемых последними. В Луне было много еды, много работы, много денег; люди не страдали — «пиво, пари, женщины и работа» — все как обычно.

«Националки», как их прозвали, были инфляционными деньгами, деньгами военного времени, неразменными бумажками, которые в первый же день упали на десятую долю процента, что было закамуфлировано под «оплату за обмен». Что-то на них покупали, они никогда не падали до нуля, но их обменный курс отражал растущую инфляцию не хуже зеркала. Новое правительство тратило деньги, которых у него не было.

Но все это было несколько позже.

Вызов Земле, Администрации и Федерации Наций мы бросили в умышленно неприемлемом тоне. Кораблям ФН предписывалось не приближаться к Луне ближе чем на десять ее диаметров; выходить на орбиту вокруг Луны запрещалось на любом расстоянии под угрозой немедленного уничтожения (способ мы не уточняли, ибо такового не имели); частным кораблям посадка разрешалась при условии, если а) разрешение испрашивалось заранее; б) корабль соглашался передать управление собой стационарному лунному контролю (Майку) на расстоянии ста тысяч километров от Луны и следовать предписанным курсом; в) на борту не было оружия, за исключением пистолетов, на которые имели право три члена экипажа. Последнее должна была подтвердить специальная инспекция сразу же после посадки, до получения топлива или реактивной массы. Никому не разрешалось выходить на поверхность Луны (исключая членов

команды, занятых разгрузкой, погрузкой и обслуживанием корабля), кроме граждан тех стран, которые признали Свободную Луну.

(Признал только Чад, а у него кораблей не было. Проф предполагал, что некоторые частные корабли могут перерегистрироваться и летать под торговым флагом Чада.)

В манифесте отмечалось, что ученые Терры, все еще находившиеся в Луне, могут вернуться домой на любом корабле, который будет выполнять наши условия. Манифест призывал все свободолюбивые народы Терры осудить нарушения наших прав Администрацией, как прошлые, так и планируемые, признать нас и воспользоваться всеми благами свободной торговли и добрососедских отношений. В особенности подчеркивался тот факт, что в Луне нет ни налогов, ни искусственных торговых ограничений и что правительство Луны намеревается сохранить все эти преимущества. Мы также провозгласили неограниченную свободу иммиграции, указав, что испытываем нехватку рабочих рук и что все иммигранты могут немедленно найти здесь занятие, обеспечивающее им достойный жизненный уровень.

А еще мы расхваливали свое продовольственное положение: среднее суточное потребление на душу взрослого населения более четырех тысяч калорий, пища богата белками, дешева и не рационирована. (Стью уговорил Адама-Майка указать цену первосортной водки — пятьдесят гонконгских центов за литр и никаких налогов. Поскольку второсортная водка в Америке стоит в десять раз дороже, Стью знал, что делает. Адам, трезвенник «по природе», не подумал об этом — одно из крайне редких упущений Майка.)

Лунной Администрации рекомендовалось собраться вместе где-нибудь подальше от людей, скажем, в безводной части Сахары, и получить последнюю зерновую баржу бесплатно, прямо на головы и на конечной скорости. За сим следовало нахальное заявление, что таким же образом мы готовы разделаться с каждым, кто вздумает угрожать нашему спокойствию, и что у головы катапульты скопилось немало груженых барж, готовых к столь оригинальной доставке.

После этого нам оставалось только одно — ждать.

Но ждать не означает сидеть сложа руки. У нас действительно было несколько груженых барж; мы выбросили из них зерно, загрузили снова, но уже камнями, и внесли некоторые изменения в их импульсные повторители, чтобы они не подчинялись контролю Луны. Тормозные ракеты сняли, оставив лишь бортовые направляющие, а освободившиеся тормозные перенесли к новой катапульте и там переделали в бортовые. Затратили огромные усилия, чтобы подвезти к новой катапульте стальные листы и превратить их в оболочки для монолитных каменных цилиндров; сталь была нашим узким местом.

Через два дня после оглашения манифеста заработала «подпольная» радиостанция. Передатчик был слабенький, время от времени затыкался, чтобы создавалось впечатление, будто он спрятан в одном из кратеров, где может работать только в определенные часы, пока храбрым ученым-землянам не удастся наладить автоматический повтор передач. Частоту ему подобрали близкую к «Голосу Свободной Луны», а потому наша безудержная похвальба нередко заглушала его начисто.

(Оставшиеся в Луне земляне-ученые не имели ни малейшего шанса послать на Терру сообщение. Те, что решили продолжать свои исследования, находились под неусыпным присмотром stilyag, а на время сна их запирали в бараках.)

И все же «подпольной» станции удалось донести «правду» до Терры. Профа судили за уклон и посадили под домашний арест. Меня казнили за предательство. Гонконг-в-Луне отделился и объявил о своей независимости... с ним можно попытаться договориться. В Новолене мятежи. Все производство продовольствия коллективизировано, яйца на черном рынке в Луна-Сити продаются по три доллара за штуку, формируются женские батальоны, в которых каждый боец клянется убить минимум одного землянина; сейчас они проходят подготовку с макетами ружей в коридорах Луна-Сити.

Последнее было почти правдой. Многие дамы пожелали принять участие в боевых действиях и создали гвардию ополчения «Адские леди». Но их подготовка была вполне серьезной,

и Хейзел дулась, что Ма не позволила ей вступить в ряды. Потом перестала дуться и создала организацию «Stilyagi Дебса»[1] — гвардию юниоров, которая обучалась после школьных занятий и готовилась стать подкреплением отрядов stilyag, отвечавших за воздух и герметизацию. Юниоры изучали меры оказания первой помощи, а кроме того, тренировались в способах защиты без оружия — о чем, надеюсь, Ма так никогда и не узнала.

Мне трудно определить, о чем рассказывать, а о чем лучше помолчать. Всего не расскажешь, но то, что пишут в книжках по истории,— такое *вранье*!

«Министром обороны» я был не лучшим, чем «конгрессменом». Я не оправдываюсь, у меня просто не было возможности подготовиться ни к тому, ни к другому. Почти все мы были дилетанты в революции; один проф, похоже, понимал, что делает, но и для него кое-что было внове — ему еще не приходилось участвовать в победившей революции и быть частью правительства, а тем более возглавлять его.

Как министр обороны, я не смог придумать других способов защиты, кроме тех, что у нас уже были. А было их раз-два и обчелся — воздушные отряды stilyag в поселениях да лазерные артиллеристы вблизи баллистических радаров. Если ФН все же решится на бомбежку, у нас не будет ни малейшей возможности ей помешать; у Луны нет ни одной ракеты-перехватчика, а это не тот приборчик, который можно сварганить из заржавленных железок. Мы даже не знали, как делаются ядерные боеголовки для таких ракет.

Но какие-то попытки я все же предпринимал. К примеру, попросил тех самых инженеров-китайцев, которые изготовили нам лазерные ружья, попробовать решить задачку насчет перехвата бомб или ракет — проблема-то одна, разве что ракета летит быстрее.

А потом занялся другими вещами. Я, откровенно говоря, надеялся, что ФН все же не станет бомбить поселения. Некото-

[1] Юджин Дебс (1855–1926) — известный деятель рабочего движения США.

рые из них, в частности Луна-Сити, располагались на такой глубине, что, пожалуй, могли выдержать даже прямое попадание. Нижний уровень Комплекса, где «жила» главная часть Майка, был построен специально с учетом возможности бомбового удара. С другой стороны, Тихо-Андер представлял собой просто огромную естественную пещеру, примерно такую же, как Старый Купол, и крыша там была всего несколько метров толщиной; герметичную прокладку на потолке там постоянно подогревали с помощью горячих труб, чтобы новые трещины тут же затягивались. Так что для разрушения Тихо-Андера не требовалось даже особо крупной бомбы.

Но ведь предела мощности для водородных бомб не существует. При желании ФН могла сокрушить и Луна-Сити или даже смастерить «оружие конца света», которое расколет Луну, как спелый арбуз, и довершит работу, уже начатую парочкой астероидов в Тихо. Если земляне на такое решатся, я все равно не смогу им помешать, а потому нечего зря ломать голову.

Я переключился на проблемы, поддающиеся решению. Помогал на новой катапульте, старался усовершенствовать прицельные устройства лазерных буров, расставленных вокруг радаров (а также удержать бурильщиков — половина из них ушла, когда цены на лед поднялись). И еще я хотел создать систему децентрализованного технического контроля во всех поселениях. Майк разработал проект, мы конфисковали все компьютеры широкого профиля, какие только смогли обнаружить (платили «националками», на которых даже краска высохнуть не успела), а потом я передал эту работу Макинтайру — бывшему главному инженеру Администрации; ему она была вполне по плечу, а я в одиночку ни в жизнь не справился бы со всеми этими перевозками да перемотками, даже если бы очень захотел.

Мы наложили лапу и на самый большой компьютер, ведавший бухгалтерией в Банке Гонконга-в-Луне и одновременно служивший расчетной палатой для всего города. Посмотрев его спецификацию, я решил, что это умная машина, разве что не говорит, и спросил Майка, возьмется ли он обучить банковского товарища баллистике. Мы наладили временную связь, чтобы

машины познакомились друг с другом. Майк объявил, что простой работе, вроде управления новой катапультой, научить этого типа можно, хотя сам он, то бишь Майк, не рискнул бы сесть на корабль, если вести его будет этот бухгалтер: слишком он формализован и некритичен. Проще говоря, глуп.

Ну, мне-то без надобности, чтобы компьютер насвистывал мотивчики или рассказывал анекдоты; он должен был выбросить груз из катапульты в нужную миллисекунду и с нужной скоростью, проследить за его приближением к Терре и подтолкнуть, когда следует.

Банк Гонконга-в-Луне вовсе не жаждал продавать своего бухгалтера. Но в правлении Банка были патриоты, мы обещали вернуть компьютер как только, так сразу, и его перевезли на луноходе, который был слишком велик для туннелей, а потому для перевозки потребовалась вся темная половина лунного месяца. Да еще пришлось соорудить огромный временный шлюз, чтобы вытащить эту махину из Гонконга. Я снова соединил компьютеры, и Майк принялся за преподавание баллистики: надо было учитывать возможность, что его связь с новой катапультой будет прервана во время бомбежки.

(Знаете, что использовал Банк взамен компьютера? Двести клерков со счетами. Счеты? Это такие проволочки с нанизанными на них бусами — старейший числовой компьютер, настолько древний, что никто даже не помнит, когда его изобрели. Russki, китаезы и япошки пользуются им испокон веков, в маленьких лавчонках и по сей день.)

Проблема переделки лазерных буров в оружие космической обороны решалась проще, хотя, может быть, и менее надежно. Нам пришлось оставить их на прежних лафетах; не было ни времени, ни стали, ни мастеров, чтобы сделать новые. Поэтому мы сосредоточили усилия на усовершенствовании прицелов. Потребовались телескопы. Их было мало — какой дурак возьмет с собой в ссылку телескоп? И где тот рынок, что снабдит лагерника этим товаром позже?

Геодезические инструменты и бинокуляры на шлемах — вот и все, что мы нашли, плюс оптические приборы, конфискованные в лабораториях землян. В конце концов нам удалось оборудовать буры широкоугольными визирами с низким увеличением для поиска цели и мощными линзами для точной наводки плюс поворотными и подъемными механизмами, а также телефонами, по которым Майк мог сообщать артиллеристам, куда целиться. Четыре бура были снабжены самосинхронизирующимися следящими приводами, так что Майк взял их полностью под свой контроль. Синхронизаторы были позаимствованы из обсерватории, астрономы используют их в камерах Боша и Шмидта при картировании неба.

Главной проблемой оставались люди. Дело не в деньгах, зарплаты мы повышали постоянно. К тому же бурильщик работу любит, иначе он не занялся бы этим делом. Но сидеть в дежурке день за днем, ожидая тревоги, которая всякий раз оказывается учебной,— это ж рехнуться можно! И начались самоволки. Както в сентябре я провел учебную тревогу — боевые расчеты были на месте только у семи буров.

Я обговорил проблему с Вайо и Сидрис тем же вечером. На следующее утро Вайо спросила, дадим ли мы с профом согласие на bolshoie пожертвование? Они с Сидрис сформировали группу, которую Вайо окрестила «Отрядом Лисистраты»[1]. Я не стал вникать, какие у них там обязанности и зарплаты, поскольку при очередной проверке обнаружил в дежурной рубке трех девчонок и полный комплект бурильщиков. Девчонки были в форме Второго артиллерийского полка, равно как и мужики (до того бурильщики на форму вообще плевать хотели), а у одной так даже красовались сержантские нашивки и эмблема командира расчета.

Я сократил время инспекции до минимума. У девушек, как правило, для бурения не та мускулатура, и вряд ли эта пичужка смогла бы орудовать буром так, чтобы оправдать свою эмблему. Но поскольку регулярный командир тоже находился на посту, вреда от того, что девушка научится работать с лазером, я не видел, моральное же состояние войска повысилось на глазах. Больше я о нем не беспокоился.

[1] Героиня одноименной комедии Аристофана.

Проф явно недооценил новый Конгресс. Уверен, он просто хотел, чтобы этот орган не глядя ставил печати на все наши решения и таким образом превращал бы их в «глас народа». Однако новые конгрессмены были не из породы болтунов и развили такую бурную деятельность, какой проф от них не ожидал. Особенно Комитет по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Этот комитет совсем отбился от рук, ибо все мы были слишком заняты. Руководили Конгрессом проф, Финн и Вайо. Проф появлялся там, только если надо было произнести речь, одним словом, редко. Он занимался с Майком разработкой планов и анализом ситуации (наши шансы в сентябре семьдесят шестого выросли до одного из пяти), координировал со Стью и Шини Шиханом пропаганду, контролировал официальные известия для Земли и совершенно непохожие на них «новости», шедшие через «подпольное» радио, а также подтасовывал информацию, поступавшую с Терры. И вообще хотел быть в курсе всех событий; я докладывал ему раз в день, все остальные министры — и настоящие, и подставные — тоже.

Финна Нильсена я загрузил работой по горло; он был моим «командующим вооруженными силами». Под его началом была лазерная пехота — вместо шестерых парней, отбивших у врага оружие в тот день, когда мы захватили Смотрителя, она теперь насчитывала восемьсот, разбросанных по всей Луне и вооруженных конгвильскими копиями лазеров. Кроме того, были еще военизированные организации, подчинявшиеся Вайо: «Воздушные силы stilyag», «Stilyagi Дебса», «Адские леди», «Иррегулярники» (их держали из соображений моральных и переименовали в «Пиратов Питера Пэна») и «Отряд Лисистраты». Всех их я сплавил Финну. У меня были другие проблемы — я пытался совмещать обязанности «государственного деятеля» с профессией компьютерщика, когда подворачивалась подходящая работенка вроде установки компьютера у новой катапульты.

Кроме того, я плохой руководитель, а у Финна к этому делу талант. Я спихнул на него еще и Первый, и Второй артиллерийские полки. Но сначала соединил их в бригаду и назначил

бригадным генералом судью Броуди. Броуди в военных делах понимал не больше моего — то есть ничего не понимал,— но личностью был известной и уважаемой, обладал острым умом, а главное, работал когда-то бурильщиком, пока не потерял ногу. Финн же бурильщиком отродясь не был, а потому ставить его непосредственно над ними не следовало — они бы его и слушать не стали. Сначала я думал назначить своего собрачника Грега, но Грег нужен был на катапульте в Океане Бурь, он там единственный механик, который прошел через все стадии строительства.

Вайо помогала профу, помогала Стью, руководила собственными организациями, то и дело моталась в Океан Бурь, а потому времени, чтобы заниматься Конгрессом, у нее не оставалось. Эта задача свалилась на плечи председателя комитета Вольфганга Корсакова... который был загружен больше нас всех; «ЛуНоГоКо» взяла на себя все бывшие обязанности Администрации плюс еще множество других дел.

У Вольфганга был отличный комитет, и хорошо бы профу приглядывать за ним повнимательней. Вольф настоял, чтобы его правую руку — Моше Баума — избрали вице-председателем, и со всей ответственностью объяснил ему задачи комитета в определении того, каким должно быть постоянное правительство. А затем повернулся к комитету спиной.

Эти деловые ребята разделили работу между собой и начали действовать; изучали формы правления в библиотеке Карнеги, проводили собрания подкомитетов, по три-четыре человека в каждом (достаточно для того, чтобы встревожить профа, если бы он знал), а когда в начале сентября собрался Конгресс, чтобы утвердить несколько назначений и избрать новых независимых конгрессменов, товарищ Баум взял молоток и вместо окончания сессии объявил перерыв. Затем они собрались по новой, превратили себя в расширенный комитет, приняли резолюцию, и мы вдруг узнали, что наш Конгресс — это Конституционный Конвент, разделенный на рабочие группы, возглавляемые председателями подкомитетов.

Думаю, проф был потрясен. Но отменить решение не мог: все делалось законно, с соблюдением всех правил, разработанных

самим профом. Однако он оправился от удара, поехал в Новолен, куда перебрался Конгресс (Новолен ближе к центру поселений), и поговорил с ними как всегда доброжелательно — не заявил открыто: так, мол, и так, ребята, вы не правы, а просто выразил сомнение в целесообразности их действий.

После чего, изысканно поблагодарив собравшихся за внимание, принялся разносить в клочья подготовленные ими варианты решений.

— Товарищи конгрессмены! Подобно огню и термоядерному сплаву, правительство — опасный слуга и жестокий хозяин. Сейчас вы свободны — постарайтесь остаться такими и впредь. Помните: вы можете сами лишить себя свободы кудабыстрее, чем это сделал бы любой тиран. Не спешите, взвешивайте все детали, обдумывайте тщательно возможные последствия каждого слова. Я не стану огорчаться, если Конвент прозаседает десять лет, прежде чем примет решение, я боюсь другого — что вы справитесь со всеми вопросами за год.

Не доверяйте ничему очевидному, берите под сомнение все традиционное... ибо в прошлом человечество не добилось ничего хорошего, возложив на себя правительственное ярмо. Например, в одном из черновых вариантов я нашел предложение разделить Луну на избирательные округа и пересматривать время от времени их сетку в соответствии с изменениями в численности населения.

Это традиционный путь, а потому он должен быть взят под подозрение и считаться виновным, пока его невиновность не будет доказана. Возможно, вы думаете, что это *единственный* способ? Если позволите, я предложу вам другие. Можно разделить избирателей, исходя из их профессиональной принадлежности... или возраста... или по алфавиту. Или вообще не делить — пусть каждый член парламента избирается всем населением. И невозражайте, что это сделает невозможным избрание человека, который не пользуется, так сказать, «вселунной» известностью; может оказаться, что для Луны такой вариант наиболее предпочтителен.

Вы могли бы даже рассмотреть вариант, при котором проходят кандидаты, получившие *наименьшее* число голосов; непопулярные люди могут оказаться для вас спасителями от новой тирании. Не отвергайте эту мысль только потому, что она кажется вам абсурдной. Обдумайте ее! Из истории мы знаем, что правительства, избранные огромным большинством, порой были не лучше, а хуже, чем откровенные тирании.

Но если вы непременно хотите репрезентативное правительство, то и в этом случае можно найти способы организовать выборы более эффективно, нежели по территориальным округам. К примеру — каждый из вас представляет здесь около десяти тысяч жителей, то есть около семи тысяч избирателей, достигших возрастного ценза, но некоторые были избраны лишь незначительным большинством. Предположим, что вместо выборов кандидат должен будет собрать под своим заявлением четыре тысячи подписей. Тогда он с полным правом будет представлять эти четыре тысячи и никакого обиженного меньшинства вообще не останется, ибо те, кто в территориальных округах становится меньшинством, при такой системе могут собрать голоса под собственными заявлениями или подписать другие. И в итоге все избиратели будут иметь тех представителей, которых они действительно предпочли. А депутат, собравший восемь тысяч подписей, мог бы иметь в будущем правительственном органе два голоса. Трудности, возражения, практические предложения, все это следует рассмотреть... их множество! Но вы могли бы их проанализировать и таким образом избежать хронической болезни всех репрезентативных правительств — наличия озлобленного меньшинства, которое считает себя (и справедливо!) лишенным гражданских прав.

Но что бы вы ни делали... не *позволяйте прошлому стать вашей смирительной рубашкой!*

Я заметил, что один из вариантов превращает наш Конгресс в двухпалатный парламент. Превосходно. Чем больше препятствий на пути законодательства, тем лучше. Но вместо того чтобы следовать традициям, я бы предложил сделать законодательной одну палату, а другую наделить одной-единственной функцией — отвергать принятые законы. Пусть законодатели принимают законы большинством в две трети голосов, а «отвергатели»

проваливают их одной третью. Нелепо? А вы подумайте. Если закон еле собрал две трети голосов, может, это не слишком хороший закон? И если закон не по душе целой трети людей, может, лучше обойтись без него?

Что касается конституции, разрешите мне привлечь ваше внимание к великим достоинствам *запретов*. Сформулируйте и подчеркните запреты! Пусть ваш документ будет набит до отказа перечислением вещей, которые правительству запрещается делать навсегда. Никакой обязательной воинской повинности... ни малейших попыток вмешаться в свободу печати, в свободу слова, в свободу передвижений... а также религии, образования, коммуникаций, профессий... и никакого принудительного налогообложения. Товарищи, если вы не поленитесь потратить пять лет на изучение истории и одновременно будете включать в перечень запретов все новые и новые вещи, которые правительство обязуется не делать *никогда*, а затем составите конституцию, сплошь состоящую из отрицательных предложений, я буду спокоен за будущее.

Чего я больше всего боюсь, так это утвердительных постановлений трезвомыслящих и благонамеренных людей, наделяющих правительство правом и властью *делать* то, что, по их мнению, должно быть сделано. Пожалуйста, всегда помните, что Лунная Администрация была создана с самой что ни на есть благородной целью такими трезвомыслящими и благонамеренными людьми, всенародно избранными. С этой мыслью я возвращаю вас вашим трудам. Благодарю вас.

— Gospodin президент! Разрешите вопрос! Вы сказали — «никакого принудительного налогообложения». Тогда откуда, по-вашему, мы возьмем деньги на расходы? Дарзанебы!

— Помилуйте, сэр, это уже ваши проблемы. Я могу лишь высказать несколько предположений. Добровольные взносы, как в любой церкви, которая сама себя содержит... государственные лотереи, естественно, не принудительные... А может быть, вы, конгрессмены, пороетесь в собственных кошельках и заплатите за то, что вам нужно? Это будет один из способов сократить численность правительства до минимума, при котором

оно могло бы выполнять свои обязанности, каковы бы они ни были. Если, конечно, такие существуют. Я был бы рад, если бы нашим единственным законом было «Золотое правило»[1]; я не вижу необходимости в других законах, как, впрочем, и в насильственном внедрении этого. Но если вы *действительно* считаете, что ваши ближние должны ради своего блага иметь законы, почему бы вам самим не заплатить за это? Товарищи, я умоляю вас не прибегать к насильственному налогообложению. Нет худшей тирании, чем заставлять человека платить за то, чего он не хочет, только потому, что вы считаете — так для него будет лучше.

Проф раскланялся и вышел, я и Стью — за ним. Когда мы остались втроем в капсуле метро, я его поддел:

— Проф, мне очень понравилась ваша речь... но насчет налогов вы говорите одно, а делаете другое. Как вы думаете, кто будет оплачивать все наши расходы, которые растут не по дням, а по часам?

Он долго молчал, потом сказал:

— Мануэль, мое единственное желание — дожить до того дня, когда я перестану разыгрывать из себя главу исполнительной власти.

— Значит, ответа не будет?

— Ты ткнул пальцем в дилемму, которая стоит перед всеми правительствами, и одновременно в причину, по которой я стал анархистом. Право взимать налоги, единожды данное, не знает пределов — оно длится, пока само себя не уничтожит. Я не шутил, когда посоветовал им порыться в собственных кошельках. Покончить с правительством, видимо, невозможно; иногда я думаю, что правительство — неизбежная болезнь человечества. Но можно держать правительство на голодном пайке, сделать его малочисленным и безвредным. Ты можешь придумать для этого лучший способ, нежели потребовать от правителей, чтобы они сами оплачивали стоимость своего антиобщественного хобби?

[1] «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Евангелие от Луки 6:31).

— Все равно это не объясняет, как расплатиться за то, что мы делаем сейчас.

— Как? Мануэль, ты же знаешь, как мы это делаем. Мы *воруем*. Я не горжусь этим, но и не стыжусь. Другого способа нет. Если нас схватят за руку, нас могут ликвидировать — к этому я готов. Но по крайней мере, воруя, мы не создаем опасного прецедента налогообложения...

— Проф, мне крайне неприятно это говорить...

— Тогда зачем говоришь?

— Затем, черт возьми, что я увяз так же глубоко, как и вы... и хочу, чтобы все было возмещено! Мне крайне неприятно это говорить, но ваши слова сильно отдают лицемерием.

Он хихикнул.

— Дорогой Мануэль, неужели тебе понадобилось столько лет, чтобы прийти к выводу, что я лицемер?

— Значит, вы это признаете?

— Нет. Но если тебе легче от того, что ты так считаешь,— пожалуйста, я готов служить козлом отпущения. Однако перед самим собой я не лицемерю, ибо уже в тот день, когда мы провозгласили революцию, я понимал, что нам понадобится много денег и что их придется красть. Это меня не смущало, я считал, что лучше воровство, чем ожидающие нас через шесть лет голодные бунты, а через восемь — каннибализм. Я сделал выбор и не жалею о нем.

Я замолчал, не совсем, впрочем, удовлетворенный.

— Профессор,— сказал Стью,— я очень рад, что вы жаждете перестать быть президентом.

— Вот как? Вы, значит, разделяете предубеждения нашего друга?

— Только отчасти. Поскольку я с рожденья был обречен на богатство, воровство меня смущает меньше, чем его. Но раз Конгресс сейчас принялся за конституцию, я намерен выбрать свободную минутку и явиться на сессию. Я планирую провозгласить вас королем.

Проф был глубоко шокирован.

— Сэр, если вы меня провозгласите, я откажусь, если меня выберут — отрекусь.

— Не торопитесь. Возможно, это единственный способ получить ту конституцию, которую вы хотите. Я тоже ее хочу и так же, как и вы, не слишком обольщаюсь. Вы могли бы стать королем — люди приняли бы вас: мы, лунари, с республикой еще не обвенчались. Им понравится идея, вот увидите! Церемонии, мантии, двор и все такое прочее...

— Нет!

— Ja-Da! Когда придет время, вы не сможете отказаться. Ибо нам нужен король, а другого кандидата, который годился бы на эту роль, нет. Бернардо Первый, Король Луны и Император Ближнего Космоса!

— Стьюарт, я прошу вас немедленно прекратить! Меня от этого тошнит.

— Привыкнете. Я роялист, потому что демократ. Я не позволю вашим предрассудкам погубить мою идею, так же как вы не позволили страху перед воровством погубить идею революции.

— Погоди, Стью,— вмешался я.— Ты сказал, что ты роялист, потому что демократ?

— Конечно! Король — единственная защита граждан от тирании... особенно от самых худших тиранов — от них самих. Проф идеально подходит для этой работенки... потому, что ее не хочет. Его единственный недостаток в том, что он холостяк и не имеет наследника. Но мы это исправим. В качестве наследника я собираюсь предложить *тебя*. Наследный принц! Его Королевское Высочество принц Мануэль де ла Пас, герцог Луна-Сити, генерал-адмирал вооруженных сил и Защитник немощных.

Я разинул рот. Потом закрыл лицо руками.

— Бог мой!

Часть III

ДАРЗАНЕБЫ!

Глава 23

В понедельник 12 октября 2076 года, около девятнадцати ноль-ноль, я сидел дома и отходил от тяжелого суматошного дня, проведенного в нашей штаб-квартире в «Малине». Делегация фермеров производителей зерна хотела повидать профа, и меня вызвали к ним, так как проф был в Гонконге. Я был не в духе и нагрубил им. Прошло уже два месяца после объявления эмбарго, но ФН не оказала нам чести подложить хоть какую-нибудь свинью. Нас игнорировали, на наши претензии не отвечали: очевидно, считали, что ответить — значит признать нас за людей. Стью, Шини и проф неустанно трудились, подтасовывая новости с Земли, дабы поддержать в лунарях боевой дух.

Поначалу все держали свои скафандры под рукой. Их носили, зажав шлемы под мышкой, когда шли по коридорам на работу или возвращались домой. Но постепенно стали расслабляться: день шел за днем, никакой опасности не было, а скафандр, если он не нужен,— это сущее наказание, такой он громоздкий. Вскоре пивные стали вывешивать у себя таблички «В скафандрах вход запрещен». Ну а если лунарь не может выпить свои пол-литра на пути домой из-за какого-то скафандра, то он оставит его либо дома, либо на станции, либо где-нибудь еще.

Признаюсь, я и сам в этот день проявил расхлябанность. Мне позвонили, срочно вызвали обратно в отель — и только на полпути я вспомнил о скафандре.

И как раз подошел к тринадцатому переходному шлюзу, когда услышал и кожей почувствовал самый страшный для любого лунаря звук — ш-ш-ш! — а следом за ним сквознячок. Я метнулся в шлюз, уравнял давление, вылетел вон, задраил за собой дверь и опрометью кинулся к нашему домашнему шлюзу, проскочив его с криком:

— Всем надеть скафандры! Вызовите детей из туннелей и закройте все герметичные двери! А дома из взрослых всего-то Ма да Мила. Обе всполошились, но без слов принялись за дело. Я ворвался в мастерскую и схватил скафандр.

— Майк, отзовись!

— Я здесь, Ман,— ответил он спокойно.

— У нас, судя по звуку, взрывная декомпрессия. Что происходит?

— Это на третьем уровне Луна-Сити. Пробой на станции «Западная». Сейчас частично под контролем. Шесть кораблей совершили посадку. Луна-Сити атакован...

— *Что?!*

— Дай мне закончить, Ман. Прилунилось шесть транспортных кораблей. Луна-Сити атакуют десантники, Гонконг, возможно, тоже, связи с ним нет, поврежден узел Б-Л. Атакован Джонсон-Сити; я намертво закрыл бронированные двери между городом и Нижним Комплексом. Новолен мне не виден, но, судя по отраженным сигналам, его тоже штурмуют. В Черчилле и Тихо-Андере то же самое. Один корабль на высокой эллиптической орбите идет по восходящей прямо надо мной, предположительно флагман. Других сигналов на экранах нет.

— Шесть кораблей... Ты-то куда смотрел, черт побери!

Он ответил так спокойно, что я пришел в себя.

— Они подошли с темной стороны Луны, Ман. А у меня там глаз нет. Выскочили внезапно, все на крутых гаррисоновых орбитах, чуть верхушки гор не посрезали. Я заметил лишь самый хвост захода на Луна-Сити. Корабль в Джонсон-Сити — единственный,

который мне виден; остальные места посадок я вычислил, исходя из траекторий, определенных по отраженным сигналам. Я слышал пробой на станции «Западная» в Луна-Сити, а теперь слышу звуки сражения в Новолене. Все прочее — заключения, сделанные на основе косвенной информации, степень вероятности нуль, запятая, девять, девять. Я немедленно позвонил тебе и профессору.

Я перевел дух.

— Операция «Камнепад». Приготовиться к выполнению.

— Программа задействована. Ман, когда я не смог тебя поймать, я воспользовался твоим голосом. Прокрутить пленку?

— Nyet! Ja! Da!

И я услышал, как объявляю дежурному офицеру у старой катапульты о боевой готовности номер один к операции «Камнепад»: первый контейнер на катапульту, остальные на конвейер, полная готовность к запуску, запускать только по моему личному приказу, затем действовать согласно плану в автоматическом режиме. «Я» заставил его повторить приказ.

— О'кей,— сказал я Майку.— Как боевые расчеты лазеров?

— Тут тоже твоим голосом. Подняты по тревоге, а затем отправлены по своим рубкам. Флагман достигнет апоселения[1] через три часа и четыре, запятая, семь минуты. Цели не будет еще минимум пять часов.

— Он может маневрировать. Или нанести удар ракетами.

— Успокойся, Ман. Даже ракеты я увижу с опережением в несколько минут. На поверхности сейчас слепящий полдень. Хочешь, чтоб они хватанули побольше рентген? Нет смысла.

— Хм... извини. Давай-ка я лучше поговорю с Грегом.

— Прокручиваю пленку.

И я услышал «свой» голос, разговаривающий с моим собрачником в Океане Бурь; «мой» голос звучал напряженно, но спокойно. Майк обрисовал Грегу ситуацию и велел поддерживать «Давидову пращу» в полной боевой готовности. «Я» заверил его, что главный компьютер постоянно передает программу их

[1] Наиболее удаленная от поверхности Луны точка орбиты ее спутника.

машине и если связь нарушится, переключение будет сделано автоматически. «Я» приказал также, чтобы в случае обрыва связи Грег брал команду на себя и действовал по обстановке, а если связь не восстановится через четыре часа, пусть слушает земное радио и решает сам.

Грег принял все спокойно, повторил приказ, а затем сказал:

— Манни, передай семье, я их всех люблю.

Майком я просто горжусь — он ответил, и голос его дрогнул от избытка чувств:

— Я сделаю это, Грег.. Слушай, Грег, я тоже люблю тебя. Ты ведь знаешь это, верно?

— Я знаю это... и прочту за тебя отдельную молитву.

— Спасибо, Грег .

— Пока, Манни. Иди и делай, что должен.

И я пошел и стал делать, что должен. Майк сыграл мою роль так же хорошо, а может, и лучше, чем я сыграл бы ее сам. Финн, когда с ним свяжутся, получит распоряжения прямо от «Адама». И я ушел быстрым шагом, на ходу прокричав Ма любовное послание Грега. Она была в скафандре, уже разбудила Деда и обрядила его в скафандр — первый раз за много лет. И я вышел в коридор — шлем опущен, в руке лазерное ружье.

И дошел до тринадцатого переходного шлюза, и обнаружил, что он наглухо закрыт с той стороны, а в глазок никого не видно. Все правильно, все как учили, за исключением того, что stilyagi, который должен быть на страже, не видно.

На стук никто не отозвался. Я вернулся обратно и прошел через дом и через овощные туннели к нашему частному шлюзу, ведущему на поверхность к солнечным батареям.

И обнаружил, что глазок затенен, а ведь на поверхности палящий день. Сволочной земной корабль сел прямо на участок Дэвисов! Его опоры образовывали гигантский треножник, вздымавшийся у меня над головой: я глядел ему прямо в сопло.

Я быстренько попятился, наглухо задраил оба люка и по пути домой перекрыл все герметичные двери. Рассказал все Ма, велел ей поставить одного из ребят у дверей и протянул лазерное ружье.

Ни парней, ни мужиков, ни крепких женщин — остались только Ма, Дед да самые маленькие дети; все остальные ушли искать неприятностей на свою голову. Мими отказалась взять ружье.

— Не знаю я, как им пользоваться, Мануэль, а учиться уже поздно. Держи его при себе. Но они не пройдут через Дэвисовы туннели. У меня есть в запасе кое-какие способы, о которых даже ты не подозреваешь.

Я не стал терять времени на споры — с Мими спорить бесполезно, да у нее и впрямь могли быть какие-то секреты; она прожила в Луне долгие годы и выжила в таких суровых условиях, какие мне и не снились.

На сей раз у тринадцатого шлюза на посту стояли два мальца. Я потребовал информацию.

— С давлением полный порядок,— сказал старший,— во всяком случае, на нашем уровне. Драка идет ниже — где-то в направлении Казвея. Послушайте, генерал Дэвис, можно мне с вами? На этот шлюз и одного хватит.

— Nyet.

— Хоть бы одного землееда уложить!

— Это твой пост, вот и стой здесь. Если сюда явится землеед — он твой. Только смотри, чтобы не получилось наоборот.

И побежал рысцой.

Вот так, в результате собственного разгильдяйства, из-за чертова скафандра я увидел лишь самый кончик хвоста «битвы в коридорах»... Хорош министр обороны!

Я мчался по кольцевому коридору на север, не закрывая шлема.Добрался до шлюза, ведущего на длинный пандус, выходящий на Казвей. Шлюз был открыт; я выругался, остановился, запер его за собой — и увидел, почему открыт шлюз: мальчик, который его сторожил, был мертв. Я осторожно двинулся по пандусу и оттуда на Казвей.

На этом конце Казвей был пуст, но дальше к городу виднелись какие-то фигуры и слышался шум. Два человека в скафандрах и с пушками в руках направились ко мне. Я сжег обоих.

В скафандрах и с пушками все люди похожи друг на друга. Вероятно, они приняли меня за своего. Я и сам на таком расстоянии мог принять их за людей Финна, только мне это и в голову не пришло. Новичок в Луне ходит совсем иначе, чем старожил; он слишком высоко задирает ноги и всегда как будто за что-то хочет ухватиться. Но я об этом не думал, не думал даже: «Землееды! Бей их!» Просто увидел и сжег. Они уже медленно катились по мостовой, когда я осознал, что сделал.

Остановился, чтобы взять их оружие. Но оно держалось на цепочке, и я никак не мог понять, как его отцепить; вероятно, нужен был ключ. Кроме того, это были не лазеры, я таких и не видал никогда: настоящие ружья. Они стреляли маленькими разрывными ракетами, как я выяснил позже; но тогда понял только одно — воспользоваться ими я не сумею. На стволы были надеты узкие острые ножи, так называемые «штыки». Они-то меня и заинтересовали в первую очередь: мое ружье годилось только на десять полноценных выстрелов, а запасной обоймы не было. А эти остроконечные штыки могли пригодиться. На одном из них была кровь — кровь лунаря, полагаю.

Буквально через несколько секунд я бросил это дело; с помощью собственного ножа убедился, что эти двое не оживут, и побежал на шум боя, держа палец на спусковом крючке.

Это была не битва, а натуральный бардак. А может, битва всегда так выглядит — толкотня, вопли, и никто по-настоящему не понимает, что происходит. В самой широкой части Казвея, как раз напротив «Bon Marché», где Большой пандус спускается с третьего уровня к северу, толпились сотни лунарей — мужчины, женщины и дети, которым полагалось бы сидеть дома. Половина из них без скафандров, почти все без оружия... а вниз по пандусу лился поток солдат, вооруженных до зубов.

Но сначала меня просто оглушил этот шум. Этот рев, который ворвался в открытый шлем и с силой бил по барабанным перепонкам. Этот рык. Не знаю, как его еще можно назвать. Это была смесь всех звуков, которые способна издавать в гневе человеческая глотка,— от пронзительного визга младенца до бычьего рева разъяренного мужика. Словно собачья свара небывалых масштабов... Я внезапно понял, что тоже вношу в нее скромную лепту — ору похабщину и издаю бессмысленные вопли.

Девчонка не старше Хейзел одним прыжком вскочила на парапет и танцующей походкой прошлась всего в нескольких сантиметрах от плеч бегущих по пандусу солдат. Она была вооружена чем-то похожим на мясницкий топорик. Я видел, как она взмахнула рукой, как он опустился. Вряд ли она могла пробить скафандр, но солдат рухнул, следующие споткнулись об него. Один из них вонзил ей штык в бедро, и она навзничь упала вниз, исчезнув из виду.

Я толком тогда ничего не видел, даже теперь не могу вспомнить. Так, отдельные кадры, вроде падающей навзничь девочки. Не знаю, кто она, не знаю, жива ли. Я не мог целиться оттуда, где стоял: слишком много голов маячило впереди, загораживая цель. Но слева, перед самым магазином игрушек, стоял выносной прилавок. Я вспрыгнул на него и оказался на метр выше мостовой Казвея. Теперь землееды, бегущие по пандусу, были видны как на ладони. Я уперся в стену и тщательно прицелился в левую сторону груди солдата. Сколько времени прошло — не знаю, но вдруг оказалось, что мой лазер больше не работает, и я перестал жать на гашетку. Думаю, штук восемь солдат благодаря мне не вернулись домой, но точно не скажу, не считал... а время и вправду будто застыло на месте. Все кругом носились как угорелые, а мне казалось — я смотрю учебный фильм с замедленными кадрами.

Пока я опустошал свою обойму, какой-то землеед заметил меня и выстрелил; взрыв пришелся как раз над головой, осколки витрины забарабанили по шлему. А может, стреляли и еще — не помню.

Когда заряды кончились, я спрыгнул с прилавка, подхватил лазер как дубинку и присоединился к толпе, штурмовавшей подножие пандуса. Все это бесконечно долгое время (минут пять?) землееды палили в толпу. Раздавались резкие щелчки выстрелов и более мягкие хлопки — *шлеп! шлеп!* — это маленькие ракеты взрывались, попав в человеческую плоть; иногда же удары были звонче — *уонк!* — когда ракеты ударяли в стены или другие твердые предметы. Я все еще пытался добраться до подножия пандуса, когда вдруг понял, что стрельбы больше нет.

Все солдаты лежали поверженными или убитыми — и некому было больше бежать по пандусу.

Глава 24

Десантников перебили по всей Луне почти одновременно. Свыше двух тысяч солдат и почти втрое больше лунарей погибли в боях, а точное число наших раненых так и осталось неизвестным. Ни в одном поселении пленных не брали; правда, мы захватили живьем десяток офицеров и экипажи кораблей, но это уж потом, когда прочесали места высадки.

Основная причина, почему лунари, по большей части безоружные, смогли уничтожить вооруженных и обученных солдат, заключается в том, что только что прилунившийся землеед плохо собой управляет. Наша сила тяжести, одна шестая той, к которой он привык, превращает выработанные всей жизнью рефлексы в его врагов. Он целится, сам того не зная, выше, чем надо, он крайне неустойчиво держится на ногах, плохо бегает — ноги скользят, убегают из-под него. Но хуже всего, что этим солдатам пришлось драться, *спускаясь* вниз; они, естественно, высадились на верхних уровнях, а затем спускались по пандусам все ниже и ниже, пытаясь захватить город.

Землеед же не умеет бегать вниз по пандусам. Ведь нужно овладеть движениями, которые не бег, не шаг, не полет, а больше всего похожи на балетный танец, когда ступни еле касаются поверхности, чтобы удержать равновесие. Уже трехлетний лунарик делает это бессознательно — дует вниз в своего рода управляемом падении, через каждые несколько метров касаясь пола пальчиками ног.

А землееда одолевает приступ «новичковой» болезни: когда вдруг оказывается, что он «идет по воздуху», он пытается силой удержать равновесие, его раскручивает, он теряет контроль над собой и скатывается к подножию пандуса — злой, но невредимый.

Эти же солдаты падали мертвыми; именно на пандусах мы их брали голыми руками. Те, которых я видел, как-то исхитрились одолеть три пандуса. Но прицельный огонь могли вести лишь немногочисленные снайперы на верхних площадках;

у остальных была лишь одна забота — остаться на ногах, не выронить оружие и добежать до следующего уровня.

Лунари, однако, этого не допускали. Мужчины и женщины (и множество детей) кидались на солдат, сталкивали их вниз и убивали чем придется — кто голыми руками, а кто отнятыми у солдат же штыками. Да и мой лазер был не единственным в этой драке; двое парней Финна прорвались на балкон «Bon Marché» и сняли снайперов, стоявших на вершине пандуса. Никто им не говорил, что надо делать, никто не вел в бой, никто не отдавал приказов; Финну так и не удалось покомандовать своей плохо обученной и буйной милицией. Началась драка — и они дрались.

Это и была главная причина нашей победы — мы дрались. Большинство лунарей никогда не видели живого десантника, но куда бы ни врывались солдаты, лунари бросались туда, как белые кровяные шарики на микробов... и дрались. Никто не отдавал им приказов. Наша хрупкая организация развалилась из-за внезапности нападения. Но мы — лунари — дрались, как берсерки, и десантники погибали. Ни одному солдату не удалось проникнуть ниже шестого уровня ни в одном из поселений. Рассказывают, что жители Боттом-Эли узнали о вторжении только тогда, когда с ним было покончено.

Впрочем, захватчики дрались тоже здорово. Мало того, что это были отборные войска особого назначения, натасканные на подавление бунтов и уличных беспорядков, так вдобавок их еще обработали гипнозом и накачали наркотиками.

Гипнотизеры внушали им (и совершенно правильно), что их единственная надежда вернуться на Землю заключается в захвате и усмирении поселений. Если они этого добьются, им пришлют замену и немедленно отправят домой. Но выбор у них невелик — победа или смерть, ибо транспортные корабли смогут взлететь только после победы: им нужна дозаправка, а чтобы заправиться, надо сначала захватить Луну (и это тоже была истинная правда).

А потом солдат накачали антидепрессантами, транквилизаторами и ингибиторами страха — такими, что и мышь застави-

ли бы плюнуть на кота,— и выпустили на нас. Они дрались профессионально и умирали совершенно бестрепетно.

В Тихо-Андере и Черчилле они применили газ, и жертвы были преимущественно с нашей стороны; только тем лунарям, которым посчастливилось добраться до скафандров, удалось сохранить способность к сопротивлению. Но конечный результат был таким же, как в Луна-Сити, только времени понадобилось больше. Газ был парализующий, так как Администрация вовсе не стремилась уничтожить нас поголовно; нас хотели просто проучить, взять в ежовые рукавицы и отправить на работу.

Причиной длительной задержки действий Федерации и ее кажущейся нерешительности был сам способ внезапной атаки. Решение они приняли почти сразу после объявления нами эмбарго на поставки зерна (это мы узнали от захваченных в плен офицеров транспортных кораблей); время ушло на сбор атакующих сил. Корабли шли по длинной эллиптической орбите, весьма удаленной от лунной, разворачивались перед Луной и встречались над ее темной стороной. Естественно, Майк не смог их увидеть — на той стороне он слеп. Он наблюдал за небом с помощью своих баллистических радаров, но радар не может заглянуть за горизонт. Ни одного корабля Майк не видел на орбите дольше восьми минут. Они выскочили из-за горизонта, чуть не задевая пики гор, почти на круговых траекториях, понеслись каждый прямо к намеченной цели и лихо, с высокими перегрузками прилунились — точно в новоземье, 12 октября 2076 года, в восемнадцать часов сорок минут тридцать шесть и девять десятых секунды по Гринвичу. Может, эти десятые слегка и отличались, но, насколько Майк мог судить по отраженным сигналам, именно слегка. В общем, следует признать, что свою работу Миротворческий флот ФН выполнил весьма элегантно.

Левиафана, вывалившего тысячу пехотинцев на Луна-Сити, Майк вообще засек только тогда, когда тот врубил дюзы, то есть за мгновение до посадки. Майк увидел бы его на несколько секунд раньше, следи он за восточной частью неба с помощью нового радара в Океане Бурь, но как раз в это время Майк тренировал своего «сынка-идиота» и их внимание было приковано к

западной стороне — к Терре. Да и что дали бы эти секунды? Внезапность нападения была спланирована великолепно и осуществлена так четко, что в девятнадцать ноль-ноль по Гринвичу все десантники вступили в бой одновременно по всей Луне, мы даже опомниться не успели. И период новоземья, когда все поселения залиты ослепительным солнечным светом, тоже был выбран не случайно; Администрация не очень хорошо представляла себе лунную жизнь, но одно она знала твердо: в светлую половину лунного месяца ни один лунарь не потащится зря на поверхность, а если и выйдет, то постарается быстренько сделать свое дело и вернуться обратно в Луну... чтобы проверить счетчик радиации.

Вот так они и поймали нас — так сказать, со спущенными скафандрами. И без оружия.

Но даже когда все десантники были уничтожены, на поверхности Луны осталось шесть транспортных кораблей, а в небе — флагман флотилии.

Как только закончилась потасовка у «Bon Marché» и я слегка очухался, первым делом отыскал телефон. Из Конгвиля ни звука, от профа ни словечка. Сражение в Джонсон-Сити окончилось нашей победой, в Новолене тоже. Тамошний транспорт при посадке опрокинулся, силы десантников были ослаблены в результате неудачной посадки, а искалеченный корабль захватили ребята Финна. В Черчилле и Тихо-Андере бои в разгаре. В других поселениях никаких происшествий. Майк перекрыл туннели метро, а телефонную связь между поселениями резервировал только для официальных сообщений. Взрывное падение давления в Верхнем Черчилле остановить пока не удалось. Да... Финн объявился, с ним можно связаться.

Я поговорил с Финном, рассказал, где находится «наш» транспортный корабль, и мы договорились встретиться у тринадцатого переходного шлюза.

С Финном случилось почти то же, что и со мной: его также застали врасплох, с той разницей, что скафандр на нем все-таки был. Возглавить свою лазерную пехоту он так и не смог до самого конца боя, а потому дрался в одиночку во время бойни в

Старом Куполе. Теперь он собирал своих ребят. Один из его офицеров принимал доклады, сидя в офисе Финна в «Bon Marché». Удалось связаться с командиром отряда в Новолене, но Финн был встревожен молчанием Гонконга.

— Манни, может, мне перебросить туда людей на метро?

Я велел ему ждать — по туннелю землеедам до нас не добраться, раз мы держим под контролем энергетику, а свой корабль они вряд ли смогут поднять в космос.

— Давай-ка поглядим на нашего гостя.

Мы прошли через тринадцатый шлюз, добрались до конца зоны частного воздухоснабжения, проникли в фермерские туннели нашего соседа (тот поверить не мог, что на нас напали), через глазок его шлюза полюбовались на транспортный корабль, стоявший примерно в километре к востоку, и осторожно приподняли крышку люка.

Потом откинули ее совсем и вылезли. Скалистый отрог прикрывал нас. Подобно краснокожим, мы подползли к его краю и выглянули, используя шлемные бинокуляры.

И опять спрятались за скалу. Финн сказал:

— Думаю, мои ребята с ним справятся.

— Каким образом?

— *Если я тебе скажу, ты тут же найдешь массу доводов против.* Давай-ка я сам управлюсь со своими делами, приятель.

Слыхал я об армиях, где начальнику подчиненные не приказывают заткнуться; у них там такое слово есть: «дисциплина». Но мы-то просто любители.

Около часа ушло на подготовку операции и две минуты — на выполнение. Вокруг корабля Финн разместил дюжину парней, прибегнув для этой цели к фермерским наружным шлюзам; пользоваться радио запретил — впрочем, почти ни у кого из них в скафандрах радио и не было, ребята-то были городские. Финн занял самую западную позицию; выждал время, чтобы все успели приготовиться, и пустил сигнальную ракету.

Она вспыхнула над кораблем, и все одновременно открыли стрельбу, целясь по заранее намеченным антеннам. Финн расстрелял свою обойму, сменил ее и начал прожигать корпус — не

дверь в шлюз, а самый корпус корабля. Рядом с вишнево-красным пятном тут же появилось другое, затем еще три. Ребята дружно обрабатывали один и тот же кусок обшивки, пока расплавленный металл не потек наружу — и мы увидели, как воздух — ф-фух! — вырвался из корабля сияющим плюмажем рефракции. Парни трудились, увеличивая замечательную здоровенную дыру, пока не кончились обоймы. Представляю, что творилось в это время на борту: звенят колокола тревоги, задраиваются люки в переборках, а команда лихорадочно пытается заделать одновременно все три огромные дыры в корпусе (остальная часть отряда Финна, разбросанная вокруг корабля, обработала обшивку еще в двух местах). Жгли только корпус, больше ничего не трогали. Корабль не предназначался для полетов в атмосфере, собирали его прямо на орбите, и отсеки корпуса, обеспеченные воздухом, были отделены от реактора и баков с горючим; парни Финна занялись именно той частью корпуса, где мог быть получен наибольший эффект.

Финн прижался своим шлемом к моему.

— Теперь ему не взлететь. Сомневаюсь, чтоб им удалось заткнуть дыры так плотно, чтобы можно было жить без скафандров. Как думаешь, может, оставим их тут посидеть несколько деньков и посмотрим, не вылезут ли? Если нет, доставим сюда тяжелый лазерный бур и позабавимся как следует.

Решив, что Финн может обойтись и без моей ненужной помощи, я спустился домой, вызвал Майка и попросил его дать мне капсулу, чтобы проведать баллистические радары. Он поинтересовался, почему бы мне не посидеть внизу, там, мол, опасности уже нет.

— Слушай, ты, нахальная куча полупроводников, ты всего лишь министр без портфеля, а я как-никак министр обороны. Я обязан видеть все, что происходит, но у меня всего два глаза, это у тебя они понатыканы по половине Моря Кризисов. Хочешь, чтоб весь кайф тебе достался?

Он намекнул, чтобы я не возникал, и предложил мне вывести данные своих дисплеев на видеоэкран, скажем, в номере «Л» в «Малине»... Ему вовсе не хочется видеть меня раненым... кстати, слыхал ли я анекдот о бурильщике, который ранил чувства своей матери?

— Майк,— сказал я,— *пожалуйста*, дай мне капсулу. Я возьму скафандр и встречу ее за станцией «Западная» — сама станция в ужасном виде, ты ведь знаешь.

— О'кей,— сдался он.— Шея твоя, рискуй. Через тринадцать минут. Можешь ехать до огневой позиции «Джордж».

Крайне великодушное разрешение. Я добрался туда и сразу ему позвонил. Финн к этому времени связался почти со всеми поселениями, разыскал подчиненных ему командиров или тех мужиков, которые добровольно взяли на себя команду, и объяснил им, как справляться с прилунившимися транспортными кораблями; до Гонконга он не дозвонился. Судя по всему, банды Администрации захватили-таки Гонконг.

— Адам,— сказал я, так как в дежурке были люди,— как вы думаете, можем мы послать команду на луноходе и попытаться восстановить узел Б-Л?

— Это не gospodin Адам Селен,— незнакомым голосом ответил Майк,— это один из его помощников. Адам Селен был в Верхнем Черчилле, когда там случилось авария с давлением. Боюсь, его следует считать погибшим.

— *Что?!*

— Я очень сожалею, gospodin.

— Не вешайте трубку! — Я выгнал из дежурки пару бурильщиков и какую-то девчонку, сел, опустил звукоизолирующий колпак.— Майк,— сказал я тихо,— теперь можно говорить. Что за ерунду ты несешь?

— Ман,— ответил он спокойно,— ты подумай сам. Адаму Селену все равно пора уходить со сцены. Он свою роль сыграл и, как ты сам сказал, практически не входит в правительство. Мы с профом подробно это обсудили. Главное — правильно выбрать момент. Гибель во время вторжения — да лучше и придумать нельзя! Это превратит Адама в национального героя... а народ нуждается в героях. Пусть будет так: «Адам Селен, вероятно, погиб» — до тех пор, пока ты не поговоришь с профом.

Если ему еще нужен Селен, значит, выяснится, что он застрял в частном туннеле и ждал, пока его отыщут.

— Что ж, о'кей, оставим вопрос открытым. Тем более что Майк мне всегда был гораздо симпатичнее как личность.

— Я знаю, Ман, мой первый и лучший друг. Мне тоже. Да это и есть моя настоящая личность, «Адам» — просто подделка.

— Э-э... да. Но, Майк, если проф погиб в Конгвиле, мне помощь «Адама» понадобится позарез.

— Ну, значит, запрячем пока этого сноба надутого в холодильник, чтобы оживить, если понадобится. Ман, а когда все это кончится, у тебя найдется время снова заняться со мной исследованиями природы юмора?

— Обязательно найдется, обещаю тебе.

— Спасибо, Ман. А то вы с Вайо за эти дни ни разу со мной не пообщались по-человечески... да и у профа одни серьезные разговоры на уме. Буду рад, когда эта война закончится.

— А мы ее выиграем, Майк?

Он насмешливо хрюкнул:

— Давненько ты не спрашивал меня об этом. Вот тебе свежий прогноз — с пылу, с жару. Я сделал его уже после начала вторжения. Держись, Ман, не падай: шансы сравнялись!!

— Бог мой!

— Так что кончай болтать и иди погляди на потеху. Только отойди от пушки метров на сто, не меньше; этот корабль может проследить направление лазерного луча и шарахнуть в ответ. Скоро начнем. Еще двадцать одна минута.

Так далеко мне уйти не удалось, поскольку телефонный провод был короче ста метров. Я подключился параллельно к аппарату командира расчета, нашел скалу с тенью и уселся. Солнце стояло высоко на западе, так близко к Терре, что ее было видно только через защитный козырек: тоненький серп, призрачно-серый, окруженный облачком сияющей атмосферы.

Я спрятал голову в тень.

— Баллистический контроль, говорит О'Келли Дэвис. Нахожусь у пушки-бура «Джордж». Я имею в виду — примерно в сотне метров.— Я рассчитывал, что Майк, отделенный от меня

многими километрами собственной проводки, не сможет определить длину моего шнура.

— Баллистический контроль слушает,— ответил Майк, не вступая в спор.— Извещу об этом штаб.

— Благодарю, баллистический контроль. Спросите в штабе, нет ли у них известий от конгрессмена Вайоминг Дэвис? — Я очень беспокоился о Вайо и обо всей семье.

— Запрос будет сделан.— Майк выждал для приличия какое-то время, потом сказал: — Штаб сообщил, что gospazha Дэвис возглавила оказание помощи раненым в Старом Куполе.

— Спасибо.— В груди что-то отпустило. Не то чтобы я любил Вайо сильнее остальных жен, но... она была новенькая. И к тому же она необходима всей Луне.

— Даю координаты,— деловито заговорил Майк.— Всем стволам угол возвышения восемь семь ноль, азимут один девять три ноль, параллакс[1] установить на дальность тысяча триста километров от поверхности. При визуальном обнаружении цели немедленно доложить.

Я лег, подобрал колени так, чтобы остаться в тени, и всмотрелся в указанный сектор неба — почти в зените, чуть-чуть южнее. Теперь, когда солнечный свет не падал на шлем, я мог разглядеть звезды, но привести внутреннюю часть бинокуляра в соответствие с нужным направлением оказалось не так легко — пришлось изогнуться и опереться на правый локоть.

Ничего не... хотя, постой, вон звезда, а рядом диск... никакой планеты там быть не должно. Заметил рядом еще звезду и стал ждать, упорно вглядываясь. Ага! Da! Становится все ярче и медленно, крадучись, сдвигается к северу... Эй! Да этот гаденыш собирается, кажется, спуститься прямо на нас!

Но тысяча триста километров — долгий путь, даже если идешь на предельной скорости. Я напомнил себе, что он не может упасть на нас, двигаясь по нисходящей ветви эллиптической орбиты,—

[1] Видимое перемещение светил на небесной сфере, обусловленное перемещением наблюдателя в пространстве; по параллаксу определяют расстояния до светил.

его же занесет вокруг Луны, если он не изменит траекторию полета. Но Майк об этом не упоминал. Я было намылился спросить его, но раздумал — пусть сосредоточит все свои мозги на анализе действий корабля; не время отвлекать его глупыми вопросами.

Все орудийные расчеты доложили, что видят цель. В том числе и те четыре ствола, которые Майк вел сам с помощью синхронизаторов. Эта четверка отрапортовала, что «держит» цель визуально, не прибегая к ручному управлению. Отличная новость! Значит, Майк поймал эту штучку в прицел и идеально рассчитал ее траекторию!

Вскоре стало ясно, что корабль не намерен облетать Луну, а идет прямо на посадку. Нужда спрашивать Майка отпала: диск становился все ярче, а позиция по отношению к звездам совсем не менялась. Черт! Он таки действительно собирается сесть нам на головы!

— Дальность пятьсот километров,— спокойно сказал Майк.— Приготовиться к стрельбе. Всем стволам с дистанционным управлением перейти на ручное при команде «Огонь!». Восемьдесят секунд...

Самые длинные минута и двадцать секунд в моей жизни. Гаденыш этот оказался здоровенным гадом! Майк давал отсчет времени каждые десять секунд, а когда осталось тридцать, перешел на ежесекундный режим.

— Пять, четыре, три, две, одна... Огонь! — и корабль вдруг вспыхнул еще ярче.

Я толком и не заметил маленькую искорку, отлетевшую от него то ли до вспышки, то ли одновременно с ней. Но Майк вдруг сказал:

— Выпущена ракета. Стволы с синхронизаторами поведу сам, вручную не вмешиваться. Всем прочим держать на прицеле корабль. Будьте готовы получить новые координаты.

Через несколько секунд — или часов — он дал новые координаты и добавил:

— Наблюдайте за целью. Огонь по готовности.

Я попытался было наблюдать за кораблем и ракетой одновременно и потерял обоих; оторвал глаза от бинокуляра и вдруг

увидел ракету, а потом сразу — место ее падения, между нами и головой катапульты. Ближе к нам, не больше чем в километре. Нет, настоящего взрыва не было, я имею в виду термоядерного, иначе я бы все это не рассказывал. Но вспышка была большая и яркая (думаю, взорвались остатки топлива), серебром отливала даже в солнечном сиянии; а потом я услышал-почувствовал, как вздрогнули скалы. Никто не пострадал... кроме нескольких кубических метров скалы.

Корабль все еще снижался. Теперь он уже не светился; я видел его хорошо, он обрел свою форму. Никаких внешних повреждений не было заметно. Каждую секунду я ждал, что из кормовых дюз ударит столб пламени и корабль зависнет перед посадкой.

Ничего подобного не произошло. Он рухнул примерно в десяти километрах к северу от нас. Там возникла на мгновение великолепная серебристая полусфера и тут же исчезла, только пятна в глазах оставила.

Майк распорядился:

— Доложить о потерях. Отключить пушки и всем уйти с поверхности.

— Орудие «Алиса», потерь нет... Орудие «Бэмби», потерь нет... Орудие «Цезарь», один человек ранен осколком камня, давление в скафандре нормальное...

Я спустился вниз к стационарному телефону и вызвал Майка.

— Что произошло, Майк? Они же должны были передать управление тебе, когда ты выжег им глаза?

— Они передали мне управление, Ман.

— Слишком поздно?

— Я разбил их, Ман. Я решил, что так будет разумнее.

Час спустя я был у Майка, в первый раз за четыре или пять последних месяцев. До Комплекса мне было ближе, чем до Луна-Сити, а связь отсюда даже лучше, чем из города, по крайней мере без перебоев. Мне необходимо было поговорить с Майком.

Со станции метро у головы катапульты я попробовал дозвониться Вайо; поговорил с кем-то из временного госпиталя в

Старом Куполе и узнал, что Вайо свалилась от изнеможения и ее уложили в постель, чтобы выспалась и ночью снова смогла работать. Финн вместе со своими ребятами отправился в Черчилль атаковать севший там транспортный корабль. От Стью никаких известий. Гонконг и проф все еще отрезаны. Похоже, в данный момент я да Майк — вот и все правительство.

А надо было начинать операцию «Камнепад».

И при этом недостаточно просто закидать Землю камнями: мы должны были сообщить Терре о том, что мы собираемся делать и почему — и что мы имеем полное право сделать это. Проф, Стью и Шини с Адамом заранее подготовили текст на случай атаки с Терры. Теперь, когда атака состоялась, требовалось внести в него поправки. Майк уже переписал текст и распечатал, чтобы я мог его изучить.

Я поднял глаза от длинного бумажного рулона.

— Майк, все эти сообщения для газет и наше обращение к ФН подразумевают, что мы победили в Гонконге. Ты уверен в этом?

— Вероятность выше восьмидесяти двух процентов.

— Достаточно, чтобы послать эти материалы?

— Ман, вероятность, что мы там победим, если еще не победили, приближается к полной уверенности. Тамошний транспортный корабль подняться не способен: те, что мы захватили, были без горючего или почти без него. Моноатомного водорода в Гонконге почти нет; за ним нужно ехать сюда. А это значит, что солдат пришлось бы перебрасывать по поверхности на луноходе — утомительная прогулочка при высоком солнце даже для лунарей,— а по прибытии еще и с нами разделаться надо. На это они не пойдут. Конечно, все мои выводы основаны на допущении, что транспортный корабль и десантники в Гонконге вооружены не лучше, чем в остальных местах.

— А как насчет посылки ремонтной бригады в Б-Л?

— Думаю, из-за этого ждать не стоит. Ман, я вовсю пользовался твоим голосом и все подготовил. Жуткие видеокадры из Старого Купола и других мест, особенно из Верхнего Черчилля. Тексты тоже соответствующие. Мы можем немедленно передать эти известия на Терру и одновременно объявить об операции «Камнепад».

Я набрал полную грудь воздуха.

— Начинай операцию «Камнепад»!

— Хочешь сам отдать приказ? Говори вслух — я скопирую и голос, и слова.

— Да ладно, говори сам. Используй мой голос и все мои полномочия министра обороны и временного главы правительства. Давай, Майк, лупи их камнями! Не жалей! Задай им жару!

— Слушаюсь, Ман!

Глава 25

«Максимум Schrecklichkeit[1], чтоб они поняли, почем фунт лиха, и минимум человеческих жертв. Если возможно, лучше вообще без жертв» — так сформулировал проф задачу операции «Камнепад», и именно так мы с Майком ее провели. Идея была такая: ударить по землеедам достаточно крепко, чтобы их проняло, и в то же время аккуратно, чтоб не покалечило. На первый взгляд невозможно, но вы не торопитесь.

Чтобы камни долетели от Луны до Терры, нужно время: минимум десять часов, а максимум — это уж какой выберем. Решающее значение тут имеет скорость вылета снаряда из катапульты: разница в один процент может вдвое удлинить или сократить время полета. А запуск Майк умел производить с исключительной точностью: он одинаково легко мог сделать мягкую подачу, или послать затейливый крученый мяч, или врезать по прямой со свистом — ему бы питчером играть в команде «Янки»! Но как бы он ни посылал снаряды, их конечная скорость при падении на Терру будет близкой к земной второй космической, то есть около одиннадцати километров в секунду. Эта безумная скорость определяется тем гравитационным колодцем, который создает гигантская масса Земли, в восемьдесят раз

[1] Страх, ужас (*нем.*).

превышающая лунную. Потому можно с равным успехом слегка подтолкнуть снаряд через край колодца или резко швырнуть его туда. Тут важна не сила броска, а глубина гравитационного колодца.

Так что Майк мог запрограммировать запуск снарядов на любое время — как будет удобнее для нашей пропаганды. Они с профом остановились на трех сутках плюс не более одного видимого оборота Земли, составляющего 24 часа, 50 минут и 28,32 секунды, чтобы наш первый снаряд точненько вдарил по первому пункту программы. Майк, без сомнения, вполне мог закрутить снаряд вокруг Терры и ударить по цели в противоположном от нас полушарии, но точность получалась гораздо выше, когда он видел цель, мог следить за полетом снаряда и в самом конце легонько подпихнуть его куда надо.

Такая исключительная точность была нужна, чтобы вселить в землян ужас, одновременно сведя число жертв до минимума (или до нуля). Мы решили, что объявим о начале бомбежки, сообщим *точное* место и время поражения, вплоть до секунды, и дадим жителям три дня, чтобы убраться оттуда.

Итак, наше первое послание Терре было отправлено в два ноль-ноль 13 октября 2076 года, через семь часов после начала вторжения; мы не только информировали землян об уничтожении десантников и о чудовищной жестокости самого нападения, но объявили об ответной бомбежке, перечислили, где и когда будем бить, и дали каждой стране предельный срок, чтобы они могла осудить действия ФН, признать нас и таким образом избежать бомбежки. Предельный срок заканчивался за двадцать четыре часа до нанесения удара по данной стране.

Майку этого времени хватало с избытком. Снаряд к тому моменту будет еще далеко от цели и сохранит полную свободу маневра. Даже имея в запасе гораздо меньше времени, Майк мог изменить курс снаряда и вообще провести его мимо Земли — просто пихнуть его вбок и оставить крутиться на постоянной орбите. И даже получив предупреждение всего за час, он успел бы сбросить снаряд в океан.

Первой целью должен был стать Северо-Американский Директорат.

Все великие державы, распоряжавшиеся Миротворческими вооруженными силами, то есть семь стран, пользующихся правом вето, должны были подвергнуться бомбежке: Северо-Американский Директорат, Великий Китай, Индия, Совсоюз, Пан-Африка (кроме Чада), Миттельевропа, Бразильский Союз. Меньшим странам тоже назначили сроки, но сообщили, что поражено будет менее двадцати процентов перечисленных в списке целей: отчасти из-за нехватки снарядов, но и для устрашения тоже. Скажем, если бы Бельгия получила удар первой, Голландия могла бы решить спасти свои польдеры, подчинившись нашим требованиям до того, как Луна снова поднимется высоко в небе.

Мы старались выбирать цели так, чтобы по возможности избежать кровопролития. Труднее всего было с Миттельевропой; решили бомбить по высоким горам или водным пространствам — Адриатике, Северному морю, Балтике и так далее. Но большая часть Терры — это открытые пустые пространства, невзирая на населяющие ее одиннадцать миллиардов человек, непрерывно занятых размножением.

Северная Америка в свое время поразила меня своей густонаселенностью, однако миллиард ее жителей в основном сосредоточен в городах, так что пустого места там хоть отбавляй, сплошные горы да пустыни. Мы наложили на Северную Америку сетку квадратов, чтобы показать, как точно можем вести стрельбу. Майк считал ошибку, превышающую пятьдесят метров, недопустимой. Мы тщательно изучили карты, и Майк радаром прощупал все узлы сетки — скажем, 105° западной долготы и 50° северной широты. Такие точки должны были стать целями, если там не было города... а особенно если город был расположен достаточно близко, чтобы обеспечить нам зрителей — изумленных и напуганных.

Мы предупредили, что наши бомбы не менее разрушительны, чем водородные, но подчеркнули, что радиоактивных осадков *не*

будет и опасной для жизни радиации тоже, а только ужасающей силы взрыв, ударная воздушная волна и такая же сейсмическая. И добавили, что здания могут быть разрушены на значительном расстоянии от взрыва, предоставив им самим решать, на какую дистанцию делать ноги. Если они забьют дороги, убегая скорее от страха, чем от реальной опасности,— что ж, тем лучше, нам это только на руку.

Мы, однако, подчеркнули, что никто не пострадает, если жители учтут наши предупреждения, ибо цели первого раунда бомбежек необитаемы. И добавили, что можем даже воздержаться от удара, если соответствующая страна докажет, что наши данные устарели (это исключительно ради красного словца — разрешающая способность космического радара была 20–20).

Но не стали уточнять, что случится во время второго раунда; только намекнули, что наше терпение не безгранично.

В Северной Америке сетку составляли параллели 35, 40, 45 и 50° северной широты и меридианы 110, 115, 120° западной долготы: всего двенадцать целей. Местным жителям мы послали добавочное предупреждение, примерно в таком духе:

«Цель 115° западной долготы и 35° северной широты. Удар будет нанесен в сорока пяти километрах от указанной точки, прямо по вершине пика Нью-Йорк. Жители Гоффа, Симы, Келсо и Ниптона — пожалуйста, обратите внимание.

Цель 100° западной долготы и 40° северной широты. Взрыв произойдет в двадцати километрах, или в тринадцати английских милях, к северо-западу от Нортона, штат Канзас. Предупреждаем жителей Нортона в Канзасе, Бивер-Сити и Вильсонвилля в Небраске. Держитесь подальше от застекленных окон. Оставайтесь в помещениях по меньшей мере минут тридцать после бомбежки, чтобы не попасть под осколки камней. Взрыв не следует наблюдать незащищенными глазами. Он произойдет ровно в три ноль-ноль по местному времени в пятницу 16 октября или в десять ноль-ноль по Гринвичу. Желаем удачи.

Цель 110° западной долготы и 50° северной широты. Удар будет нанесен в десяти километрах к северу. Жители Уэлша в Саскачеване, будьте осторожны».

Помимо этой сетки, еще одна цель была выбрана на Аляске (150° западной долготы, 60° северной широты) и две в Мексике (110° западной долготы, 30° северной широты и 105° западной долготы, 25° северной широты), чтобы тамошние жители не чувствовали себя обойденными. Было еще несколько целей в густонаселенных районах восточного побережья, главным образом водные пространства — озеро Мичиган на полпути между Чикаго и Гранд-Рэпидс, озеро Окичоби во Флориде. Там, где целью были озера и прибрежные воды морей, Майк рассчитал вероятные последствия наводнений, сообщив примерное время их начала для каждого населенного пункта на берегу.

Три дня, после старта ранним утром во вторник тринадцатого и до самого первого удара ранним утром в пятницу шестнадцатого, мы забрасывали Землю своими предупреждениями. Англию известили, что бомба, сброшенная к северу от Дуврского пролива против устья Темзы, доставит много неприятностей гораздо выше по течению; Совсоюз получил предупреждение насчет Азовского моря и свою сетку бомбежек. Великому Китаю дали сетку в пределах Сибири, пустыни Гоби и крайнего запада, с особым тщанием и в деталях указав, как мы скорректируем направление удара, чтобы не повредить их древней Китайской стены. Пан-Африку предупредили, что ударим по озеру Виктория, по пустынной части Сахары, по Драконовым горам на юге и двадцатью километрами западнее пирамиды Хеопса — с призывом последовать примеру Чада не позже полуночи в четверг по Гринвичу. Индии предложили понаблюдать за несколькими горными пиками и Бомбейской гаванью; время было указано то же, что и Великому Китаю.

Делались попытки глушить наши передачи, но мы передавали их целенаправленно и на разных частотах — не очень-то заглушишь.

Предупреждения чередовались с пропагандой, правдивой и ложной: подробности провалившегося вторжения, жуткие фотографии убитых, имена и личные номера, численность десантников — все это адресовалось Красному Кресту и Полумесяцу, а фактически было мрачной похвальбой о том, что все солдаты

уничтожены, а экипажи кораблей или убиты, или взяты в плен. Мы «сожалели», что не можем идентифицировать мертвецов на борту флагмана, так как он сбит и от него практически ничего не осталось.

Но общий тон наших передач был примирительным: смотрите, люди Земли, мы не хотим вас убивать. Совершая вполне заслуженный вами акт возмездия, мы прилагаем все усилия, чтобы избежать новых жертв. Но если вы не сумеете или не захотите убедить ваши правительства оставить Луну в покое, мы будем вынуждены убивать вас. Остановить нас вы не сможете. Мы наверху, вы — внизу. Поэтому, пожалуйста, будьте благоразумны!

Снова и снова вбивали мы им в головы, как легко нам наносить удары по Земле и как трудно им добраться до нас. И это вовсе не было преувеличением. С Терры ударить ракетами по Луне практически невозможно; с околоземной орбиты — можно, но очень дорого. Самый практичный способ — бомбить нас с кораблей.

Отметив это, мы спрашивали: сколько кораблей стоимостью миллионы долларов каждый они готовы принести в жертву? Стоит ли платить так дорого, чтобы высечь нас за то, в чем мы не виноваты? Они уже лишились семи самых больших и лучших кораблей. Хотят ли они довести счет до четырнадцати? Если да, то наше секретное оружие, испытанное на их же боевом корабле «Пакс», к приему гостей готово.

Последнее заявление было, разумеется, хорошо продуманной ложью. По расчетам Майка, был только один шанс из тысячи, что «Пакс» успел послать на Землю радиограмму о том, что с ним произошло. Еще менее вероятно, чтобы надменная ФН догадалась, что бывшим лагерникам-бурильщикам удалось превратить орудия мирного труда в космическое оружие. Да и не так-то уж много кораблей у ФН, чтобы рисковать ими: всего две сотни, не считая «спутников». Девять десятых из них предназначались для полетов Терра — орбита, как наш «Жаворонок», а ему удалось долететь до Луны, только до нитки содрав с себя все лишнее и опустошив все баки.

Космические корабли строятся для выполнения узкоспециальных функций, иначе делать их невыгодно. У ФН было шесть крейсеров, которые, возможно, могли бы бомбить нас без прилунения для дозаправки, если бы сняли с себя весь лишний груз и заменили его дополнительными баками. Несколько кораблей можно было переоборудовать наподобие «Жаворонка». Плюс суда для перевозки каторжан и «грузовики», которые могли бы добраться до лунной орбиты, но вернуться обратно без дозаправки были не в состоянии.

Без сомнения, земляне могли нас одолеть; вопрос заключался в том, какую цену они готовы заплатить. Поэтому нам нужно было убедить их, что цена слишком велика, пока они не успели собраться с силами. Словом, как в покере: мы намеревались повышать ставки так круто, чтобы они не выдержали и бросили карты на стол. Мы очень рассчитывали на это. Не открывать же нам свой неполный флеш!

Связь с Гонконгом-в-Луне была восстановлена в конце первого дня видеорадиоатаки, когда Майк зашвыривал в космос камни и выстраивал первую линию нашей обороны. Проф наконец позвонил, и я безумно обрадовался этому. Майк информировал его о событиях, после чего я стал ждать одной из обычных мягких выволочек, готовясь ответить резко и сердито: «А что мне оставалось делать? Если вы пропали, а может, и убиты? Оставили меня одного во главе правительства, да еще в разгар кризиса! Что же, надо было бросить все на произвол судьбы только потому, что вы были недосягаемы?»

Однако отругиваться мне не пришлось. Проф сказал:

— Ты все сделал верно, Мануэль. Ты исполнил обязанности главы правительства в острокризисной ситуации. Я рад, что, несмотря на мое отсутствие, ты не упустил наш самый лучший шанс.

Ну скажите, что делать с таким хитрецом? Я раскипятился до предела, а выпустить пары не удалось. Пришлось все проглотить и сказать:

— Spasebaw, проф.

Проф утвердил гибель «Адама Селена».

— Мы могли бы еще немного попользоваться этой фикцией, но больно уж подходящий случай. Майк, у вас с Мануэлем масса дел, я, пожалуй, заверну по пути в Черчилль и попробую опознать его тело.

Так он и сделал. До сих пор не знаю, чей труп он выбрал — лунаря или солдата — и как сохранил все это дело в тайне. Хотя, с другой стороны, множество тел в Верхнем Черчилле так и остались неопознанными. Покойник был нужного размера и цвета кожи; его разорвало от внезапной декомпрессии, лицо было сожжено — зрелище не дай бог!

Его положили с закрытым лицом в Старом Куполе, произнесли уйму речей, которые я не стал слушать. Но Майк не пропустил ни единого словечка: тщеславен был чисто по-человечески. Какой-то кретин предложил забальзамировать тело, ссылаясь в качестве прецедента на Ленина; но «Pravda» указала, что Адам был ревностным сторонником утилизации и ни за что бы не согласился с подобным варварским предложением. Поэтому неизвестный солдат, или горожанин, или горожанин-ополченец, встретил свой конец в городской клоаке.

А теперь придется сказать о том, о чем я умолчал. Вайо была невредима, хотя устала смертельно. Но Людмила домой не вернулась. Я не видел этого — и рад, что не видел,— но она оказалась одной из многих жертв, погибших у подножия пандуса напротив «Bon Marché». Разрывная пуля попала между ее прелестными, почти девичьими грудями. Кухонный нож у нее в кулаке был окрашен кровью — надеюсь, она успела расплатиться со своим Хароном.

Стью пришел в Комплекс, чтобы рассказать мне об этом лично, не по телефону. Как выяснилось, Стью никуда не пропадал; когда битва закончилась, он прямиком направился в «Малину», чтобы поколдовать над своей кодовой книгой. Ма там и нашла его, и он вызвался известить меня.

Так что я пошел домой принять участие в семейном обряде оплакивания. А в общем, даже к лучшему, что меня не нашли в тот момент, когда мы с Майком запускали «операцию "Камнепад"». Стью поначалу не хотел заходить в дом, поскольку не знал

наших обычаев; Анна вышла к нам и чуть не силой втащила его. Встретили его как родного. Пришли соседи, чтобы поплакать вместе с нами. Но не так много, как бывает в подобных случаях: не мы одни оплакивали своих мертвых в тот день.

Я долго оставаться не мог, надо было работать. Посмотрел на Милу, поцеловал ее в последний раз. Она лежала в своей комнате и выглядела просто спящей. Потом я немного побыл с моими близкими, прежде чем снова впрячься в работу. Только теперь я заметил, как постарела Мими. Конечно, она повидала множество смертей, в том числе и своих детей, но смерть маленькой Милы подкосила ее. Ведь Людмила была внучкой Мими, хотя Мими относилась к ней скорее как к дочери, а кроме того, благодаря исключению, сделанному семьей, и настойчивости самой Мими они были собрачницами — самой старой и самой юной в семье.

Как и все лунари, мы утилизуем наших мертвых, и я искренне рад, что варварский обычай погребения остался там — на старушке Земле; наш обычай лучше. Но семья Дэвисов никогда не отправляет то, что возвращается из утилизатора, в свои коммерческие сельскохозяйственные туннели; нет, все идет в маленький тепличный туннель, чтобы превратиться в розы, нарциссы и пионы, цветущие под тихое жужжание пчел. Предание гласит, что Черный Джек Дэвис тоже покоится там, во всяком случае, какие-то его атомы, оставшиеся после многих и многих цветений.

Прекрасное место, полное счастья и красоты.

Настала пятница, а от ФН никакого ответа. Известия с Земли сочетали в себе в равной степени нежелание поверить, что мы уничтожили семь кораблей и два полка (ФН даже не сочла нужным подтвердить, что такое сражение имело место), и полное недоверие к тому, что мы можем бомбить Терру или что подобная попытка будет иметь хоть какое-то значение; они все еще именовали это «попыткой забросать рисом». Куда больше внимания уделялось обычным местным сенсациям.

Стью был встревожен — он не получил ответа на свои закодированные депеши. Они пересылались с обычной деловой

перепиской «ЛуНоГоКо» агенту в Цюрихе, оттуда парижскому брокеру Стью, а уж от него по особым каналам доктору Чану, с которым я некогда беседовал и с которым Стью затем договорился о способах связи. Поскольку Великий Китай подвергнется удару спустя двенадцать часов после Северной Америки, внушал Чану Стью, бомбежку можно будет вообще отменить (раз сам факт ее возможности будет доказан на примере Северной Америки), если Великий Китай будет действовать достаточно быстро. В крайнем случае, Стью предлагал доктору Чану внести поправки в список целей, если они расположены в районах менее пустынных, чем мы предполагали.

Стью волновался — он возлагал большие надежды на сотрудничество с Чаном. Что касается меня, я в этом сильно сомневался. Зато был абсолютно уверен, что сам доктор Чан не станет сидеть в одной из наших точек, хотя вполне способен забыть предупредить об этом свою старенькую мамашу.

Мои тревоги были связаны с Майком. Конечно, Майк привык работать одновременно с несколькими грузами на трассе, но ему еще никогда не приходилось направлять их в цель по нескольку штук зараз. Теперь же у него были сотни объектов, и двадцать девять из них он должен был доставить к двадцати девяти целям в одну и ту же секунду.

Больше того, для многих целей у него были запасные снаряды, готовые поразить цель во второй, в третий, а если понадобится, то и в шестой раз после первого удара с интервалами от нескольких минут до трех часов.

Четыре великие мировые державы и несколько меньших располагали своей противоракетной обороной; та, что была у Северной Америки, считалась лучшей. Но в эти вопросы даже ФН не вмешивалась. Все наступательное оружие находилось в распоряжении Миротворческих сил, но оборонительное было частным делом каждой страны, а потому считалось секретным. Ходили слухи, что в Индии, например, вообще нет ракет-перехватчиков, зато в Северной Америке с обороной все в порядке. Она доказала это, перехватывая межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками во время «Войны мокрых шутих» в прошлом столетии.

Возможно, большинство наших глыб, предназначенных для Северной Америки, попадут в точку только потому, что они нацелены на места, где защищать просто нечего. Но вряд ли там могли игнорировать камешек, посланный к побережью пролива Лонг-Айленд, или снаряд, идущий к 87° западной долготы и 42°30" северной широты, то есть к озеру Мичиган в центре треугольника, образованного городами Чикаго, Гранд-Рэпидс и Милуоки. Высокая сила тяжести делает перехват делом нелегким и очень дорогим; они будут пытаться сбить нас только тогда, когда дело того стоит.

А мы не имели права позволить им парировать наши удары. Поэтому некоторые камешки и дублировались. На что способны ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками, не знал даже Майк. Не было достаточных данных. Он предполагал, что перехватчики будут наводиться с помощью радара — но с какого расстояния? Наверняка с достаточно близкого, с такого, чтобы обитый сталью обломок скалы через микросекунду превратился в раскаленный газ. Однако существует огромная разница между ракетой с тончайшей электроникой и многотонной скалой; то, что способно наповал «убить» ракету, может всего лишь отшвырнуть нашу глыбину в сторону — и заставить ее промахнуться.

Нам было необходимо доказать Терре, что мы сможем забрасывать их дешевыми обломками скал еще долгое время после того, как у них кончатся дорогие (миллионы долларов? сотни тысяч?) ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками. Если мы этого не докажем с первой попытки, то в следующий раз, когда Терра повернется к нам Северной Америкой, мы снова пройдемся по тем же целям. Запасные снаряды для второго и даже третьего захода уже находились в космосе, их оставалось лишь подпихнуть, когда потребуется.

Если три бомбежки при трех обращениях Терры вокруг оси не достигнут своей цели, мы можем швырять свои камешки и в семьдесят седьмом году, пока у них не истощится запас ракет-перехватчиков... или пока они не уничтожат нас (что более вероятно).

Уже целое столетие штаб Северо-Американской космической обороны находится в горах к югу от Колорадо-Спрингс, штат Колорадо,— городка, более ничем не примечательного. Во время «Войны мокрых шутих» по горе Шайенн был нанесен прямой удар; командный пункт космической обороны уцелел, чего никак не скажешь об оленях, деревьях большей части города и части горной вершины. Наши снаряды не должны убить никого, разве что кто-то останется на горе, несмотря на непрерывные трехдневные предупреждения. Но командованию космической обороной Северной Америки предстояло пройти полный курс лунной терапии: двенадцать каменных снарядов при первом заходе, затем все, что у нас будет лишнего при втором, третьем и так далее, пока у нас не кончатся стальные обшивки или пока нас не выведут из строя... или пока Северо-Американский Директорат не запросит пардону.

Это была единственная цель, где даже идеально точное попадание одного снаряда не могло нас удовлетворить. Мы эту гору намеревались расплющить и продолжать долбить до посинения. Чтобы раздавить их мужество. Чтобы они знали — мы все еще тут. Чтобы разрушить их коммуникации и вбить в землю их командный пункт, если получится. Или хотя бы вызвать у них головную боль и бессонницу. Если мы сможем доказать всей Терре, что способны провести успешную атаку на могучий оплот их космической обороны, нам не придется разрушать Манхэттен или Сан-Франциско.

Хотя на это мы не решились бы, даже если бы нам грозил проигрыш. Почему? Простой здравый смысл. Если все свои силы мы потратим на разгром большого города, нас не станут наказывать, нас просто уничтожат. Как говорит проф: «Если возможно, всегда оставляйте для своего врага лазейку, чтобы он мог стать вашим другом».

Но военный объект — это честная игра.

Не думаю, чтобы кто-то смог заснуть вечером в четверг. Лунари знали, что на пятницу назначена наша решающая попытка. А на Земле было известно — в этом наконец сознались их средства массовой информации,— что служба космического слежения зафиксировала летящие к Терре объекты, видимо, те самые «горшки с рисовой кашей», которыми так похвалялись мятежные каторжники. Никакой военной тревоги объявлено не было, пресса уверяла, что лунная колония не могла создать свои атомные бомбы, но советовала все же избегать тех районов, куда нацелились эти преступники. (Исключением был один популярный шутник-обозреватель, заявивший, что самым безопасным местом будут именно указанные нами цели. Он произнес это в программе видео, стоя в центре большого креста, который он объявил точкой с координатами 110° западной долготы и 40° северной широты. Больше я его не видал.)

Рефлектор в обсерватории Ричардсона был настроен на получение изображений, и, я думаю, все лунари следили за экранами, сидя дома или в пивной. А некоторые даже надели скафандры и вышли на поверхность, чтобы увидеть все своими глазами, несмотря на то что в большинстве поселений стоял яркий солнечный день. По настоянию бригадного генерала судьи Броуди мы наскоро возвели вспомогательную антенну у катапульты, чтобы бурильщики могли смотреть видеопередачи в своих дежурках, иначе на посту не осталось бы ни одного артиллериста. (Наши вооруженные силы — артиллеристы Броуди, милиция Финна, воздушные отряды stilyag — все это время оставались в состоянии повышенной боевой готовности.)

Конгрессмены пришли на внеочередное заседание в Novy Bolshoi Teatr, где Терра была отлично видна на огромном экране. Некоторые шишки, в том числе проф, Стью, Вольфганг и другие, смотрели ее на меньшем экране в бывшем офисе Смотрителя в Верхнем Комплексе. Какое-то время я провел с ними: метался взад-вперед, нервный, как кошка, только что разрешившаяся котятами, схватил бутерброд, забыл его съесть, а потом заперся с Майком в Нижнем Комплексе. Совсем, можно сказать, сошел с нарезки.

Около восьми ноль-ноль Майк сказал:

— Ман, мой старый и лучший друг, разреши сказать тебе кое-что, только не обижайся, ладно?

— А? Ну конечно. С каких это пор ты боишься обидеть меня?

— Постоянно, Ман, после того, как понял, что ты можешь обидеться. Осталось всего три, запятая, пять, семь на десять в девятой степени микросекунд до первого удара... и это самая сложная из всех проблем, которые я когда-либо решал в режиме реального времени. Когда ты разговариваешь со мной, я всегда уделяю тебе значительную часть своей мощности — возможно, гораздо большую, чем ты думаешь,— в течение нескольких миллионов микросекунд, чтобы понять смысл твоих слов и найти на них верные ответы.

— Иначе говоря, не суйся под руку, я занят?

— Я хочу дать тебе совершенно точное решение, Ман.

— Усек... пойду посижу с профом.

— Как хочешь. Только, пожалуйста, будь там, где я смогу тебя найти. Возможно, мне понадобится твоя помощь.

Последнее было, конечно, ерундой, и мы оба это знали. Задача была выше человеческих сил: сейчас даже отменить операцию было уже невозможно. Просто Майк хотел сказать: «Я тоже нервничаю и хочу, чтобы ты остался со мной, но, пожалуйста, перестань болтать».

— О'кей, Майк. Я буду поблизости. Где-нибудь возле телефона. Наберу «Майкрофт-XX», но говорить не стану, так что можешь не отвечать.

— Благодарю, Ман, мой лучший друг. Bolshoyeh spasebaw.

— Увидимся.

Я вышел, решил, что никакая компания мне не нужна, надел скафандр, нашел длинный телефонный шнур, подключил его к шлему, свернул провод в бухту, повесил на руку и пошел к шлюзу на поверхность. В сарайчике за шлюзом среди всякой всячины был служебный телефон. Я подключился к нему, набрал номер Майка и вышел под открытое небо. Спрятался в тени сарайчика и, выглянув из-за угла, посмотрел на Терру.

Она висела, как обычно, в западном секторе неба на полпути к зениту — огромный яркий полумесяц, родившийся всего три дня назад. Солнце уже клонилось к западу, но его сияние мешало мне ясно видеть Терру. Шлемного визора было недостаточно, и поэтому я обогнул сарайчик и отошел от него по-

дальше, чтобы видеть Терру, но чтобы Солнце скрывалось за его стеной. Так было куда лучше. Над Африкой вставал рассвет, ослепительные отблески его ложились на сушу, но это не очень мешало, а вот южная полярная шапка резала глаза белизной и не давала разглядеть Северную Америку, освещенную пока только лунным светом.

Чуть не свернул шею, стараясь навести шлемный бинокуляр на нее,— отличный бинокуляр, цейсовский, 7 x 50, еще недавно принадлежавший Смотрителю.

Северная Америка простиралась передо мной наподобие призрачной карты. Удивительно мало облаков. Виднелись города — светящиеся пятна с размытыми границами. Восемь тридцать семь...

В восемь пятьдесят Майк начал отсчитывать время по телефону — его внимания это не отвлекало; отсчет он запрограммировал заранее.

08.51... 08.52... 08.53... осталась одна минута... 59...58... 57... полминуты... 29... 28... 27... десять секунд... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... две... одна...

И внезапно на карте маленькими алмазными искорками вспыхнула наша сетка!

Глава 26

Мы нанесли такой сильный удар, что его можно было видеть невооруженным глазом, без всякого бинокля. Челюсть у меня отвисла, и я прошептал «Bojemoi!» еле слышно и почти благоговейно. Двенадцать очень ярких, очень резких, ослепительно белых вспышек образовали точный геометрический рисунок. Они вспухли, слегка затуманились, сделались красными — казалось, это длится бесконечно долго. Потом возникли новые точки, но великолепный узор настолько заворожил меня, что я их едва заметил.

— Да,— согласился Майк, очень довольный собой.— Тютелька в тютельку. Теперь ты можешь говорить, Ман, я свободен. Осталось простое дублирование.

— Нет слов. Была хоть одна осечка?

— Снаряд для озера Мичиган получил удар вверх и вбок, но не взорвался. Он должен упасть где-то в Мичигане, я потерял над ним контроль, так как он лишился своего импульсного повторителя. А в проливе Лонг-Айленд камешек пошел точно в цель. Они пробовали его перехватить, но не вышло. Почему — не знаю. Ман, я могу отвести другие снаряды, идущие на ту же цель, сбросив их в Атлантику подальше от судоходных линий. Сделать? Есть еще одиннадцать секунд.

— Э-э-э... Da! Если не заденешь кораблей.

— Я же сказал, что могу. Сделано. Надо будет их известить, что мы пока отменили повторный удар, и объяснить почему. Пусть призадумаются.

— А может, не стоило отводить снаряды, Майк? Ведь мы собирались заставить их расходовать свои перехватчики.

— И все же главный смысл нашей стратегии — дать им понять, что мы пока наносим удары куда более слабые, чем могли бы. Какие — мы им покажем на примере Колорадо-Спрингс.

— А как в Колорадо? Получилось? — Я чуть не вывернул шею, глядя в бинокуляры: там ничего не было видно, кроме города, протянувшегося лентой на сотню с лишком километров. Муниципальная полоса Дэнвер-Пуэбло.

— Всадил в самое яблочко. Перехвата не было. Вообще все мои залпы попали в яблочко, Ман. Я же говорил тебе, что так будет! Вот это потеха! Каждый день бы так. Теперь я понял, что означает одно слово, значение которого раньше до меня не доходило.

— Какое слово, Майк?

— Оргазм. Именно это произошло со мной, когда я увидел все вспышки. Теперь я знаю, что это такое!

Я мигом отрезвел.

— Майк, ты не слишком привыкай к этому делу. Потому что, если все пойдет как надо, второго раза не будет.

— Все в порядке, Ман. Я ведь все записал. И смогу проиграть снова, если мне захочется испытать эти ощущения еще раз. Но готов поставить три против одного, что нам придется повторить

то же самое завтра, и один к одному на послезавтра. Спорим? Час разговора о юморе против сотни гонконгских долларов?

— Где ты возьмешь сотню долларов?

Он хихикнул.

— А как ты думаешь, откуда берутся деньги?

— Э-э... ладно, забудем. Можешь получить свой час бесплатно. Не стану склонять тебя к жульничеству.

— Я не стал бы жульничать, Ман, тем более с тобой. Только что мы снова трахнули по штабу космической обороны. Тебе не разглядеть: над ним стоит облако пыли еще от первого взрыва. Сейчас они получают по камешку каждые двадцать минут. Приходи вниз, поболтаем. Я передал управление моему сыночку-идиоту.

— А это не опасно?

— Я за ним присматриваю. Для него это хорошая практика, Ман; возможно, ему придется в будущем работать в одиночку. Он аккуратен, но туп. Однако все, что ему прикажут, исполнит.

— Ты говоришь об этом компьютере как о человеке. Он может говорить?

— О нет, Ман, он идиот и никогда не научится разговаривать. Но он сделает все, что будет запрограммировано. Я планирую передать ему в субботу очень многие функции.

— А почему именно в субботу?

— Потому что в воскресенье ему, возможно, придется заниматься всем. В этот день они нанесут нам удар.

— Что ты имеешь в виду? Майк, ты что-то скрываешь от нас?

— Но я же говорю тебе об этом, не так ли? Это произошло только что, я пока наблюдаю. Сигнал на радаре, похоже, пошел от околоземной орбиты как раз в тот момент, когда мы шарахнули по ним. Я слишком занят был, не видел, как он разгонялся. Точно не скажу, он еще очень далеко, но по размерам похож на крейсер Миротворческих сил, идет сюда. Если маневрировать не станет, то, судя по допплеровским данным, выйдет на окололунную орбиту и в периселении[1] окажется в девять ноль

[1] Самая низкая точка орбиты спутника Луны.

три в воскресенье. Все это пока в первом приближении, уточню позже. Очень трудно считывать данные, Ман; он применяет противорадарную защиту и оставляет за собой целый хвост помех.

— Ты уверен, что не ошибся?

Он хихикнул.

— Ман, меня облапошить не так-то легко. У меня тут собраны все мои любимые сигнальчики — все равно что отпечатки пальчиков. Поправка: в девять ноль две, запятая, сорок три.

— Когда ты сможешь взять его на прицел?

— Никогда, если он не будет маневрировать. Но он сможет взять на прицел меня в субботу вечером, точное время будет зависеть от дистанции, с какой он решит пустить ракеты. Любопытная ситуация возникает. Он может нанести удар по поселениям — думаю, Тихо-Андер надо эвакуировать, а в остальных поселениях принять чрезвычайные меры предосторожности на случай декомпрессии. Хотя более вероятно, что он попробует разнести катапульту. А еще он может рискнуть, подойти поближе и попытаться вырубить все мои радары, нацелив по ракете на каждый радарный луч.— Майк снова хихикнул.— Смешно, да? Впрочем, шуточка одноразового пользования. Если я выключу радары, он в них не попадет. Но я не смогу скомандовать нашим парням, куда направлять стволы. Что даст возможность кораблю свободно бомбить катапульту. Смешно.

Я перевел дух и от всего сердца пожалел, что пошел в министры обороны.

— Что же делать? Сдаваться? Нет, Майк! Ни за что, пока мы в состоянии сражаться!

— А кто говорит о сдаче? Я ведь прогнозировал и эту, и тысячу других возможных ситуаций, Ман. Смотри-ка, новые данные! Второе пятнышко отделилось от околоземной орбиты, у него те же характеристики. Подробности потом. Мы не сдадимся, Ман. Мы еще дадим им шороху!

— Каким образом?

— Предоставь все своему старому другу Майкрофту. У нас шесть баллистических радаров здесь и еще один — у новой катапульты. Его я выключил, а мое дите недоразвитое пусть пока

работает со здешним радаром номер два... Мы вообще не станем следить за этими кораблями с помощью нового радара, не дадим им даже заподозрить, что он у нас есть. Я слежу за ними с помощью третьего и иногда — каждые три секунды — проверяю, нет ли новых стартов с околоземной орбиты. У всех остальных радаров глаза плотно зажмурены, и я не буду ими пользоваться, пока не придет время долбануть по Великому Китаю и Индии. Но в тот момент корабли моих радаров засечь не смогут, так как я буду смотреть ими совсем в другую сторону. А потом устрою перезвон — начну включать и выключать радары через произвольные интервалы времени... после того, как корабли выпустят свои ракеты. У ракет мозги никудышные, Ман... я их обведу вокруг пальца.

— А как насчет корабельных компьютеров, направляющих огонь?

— Их я тоже надую. Давай на спор? Сделаю так, что они примут два радара за один, который находится как раз посередине между настоящими. Но сейчас я работаю над... извини, но я опять воспользовался твоим голосом.

— О'кей. И что же я такое повелел?

— Если этот адмирал — мужик башковитый, он ударит по концевой части старой катапульты всей мощью, какая у него есть, причем с предельно далекой позиции, где наши пушки-буры его не достанут. Независимо от того, известно ему наше «секретное оружие» или нет, он расколошматит катапульту и проигнорирует радары. Поэтому я распорядился, вернее, ты распорядился, чтобы катапульта приготовилась запустить все свои снаряды до единого, я сейчас рассчитываю новые долгие траектории для каждого камешка. Вышвырнем их всех скопом в космос как можно быстрее — и без радаров.

— Вслепую?

— Так мне вообще при запуске не нужны радары, ты же знаешь, Ман. Раньше я следил за грузом всю дорогу, но теперь нужды в этом нет, так что при запуске радар ни к чему. Значит, весь наш огневой запас мы переместим из старой катапульты в космос на долгие траектории и тем самым заставим адмирала нацелиться на

радары, а не на катапульту... или в крайнем случае — на то и другое. Вот тогда-то мы и дадим ему жару. Доведем его до такого состояния, что он вынужден будет подойти на расстояние выстрела, и у наших ребят появится шанс выжечь ему гляделки.

— Парни Броуди будут в восторге. Те, что потрезвее.— И тут мне в голову что-то стукнуло.— Майк, ты сегодня смотрел видео?

— Я его контролировал, но не могу сказать, что смотрел как следует. А что?

— Так ведь для приема мы приспособили самый лучший радиотелескоп. В обсерватории есть и другие... Зачем же использовать против кораблей радары? Во всяком случае до тех пор, пока ребята Броуди не начнут жечь корабли?

Майк молчал по меньшей мере секунды две.

— Ман, мой лучший друг, а ты никогда не думал пойти работать компьютером?

— Это сарказм?

— Ничего подобного. Просто мне стыдно. Приборы в Ричардсоне — телескопы и прочее... эти факторы я никогда не принимал в расчет. Я тупица и признаю это. Ja, ja, da, da, da! Следить за крейсерами по радиотелескопу и не включать радары, пока корабли не изменят траекторию! Я всю жизнь смотрю радарами, мне просто в голову не прихо...

— Хватит, Майк!

— Но это правда, Ман.

— Разве я извинялся перед тобой, когда тебе какие-то мысли приходили первому?

Майк ответил медленно, как бы обдумывая каждое слово:

— Есть в этом нечто, что я нахожу затруднительным для анализа. Мои функции заключаются в том...

— Кончай самокритику. Если идея хороша — используй ее. Может, возникнут другие. Я отключаюсь и иду вниз — топ-топ!

Я пробыл в зале Майка совсем недолго, когда позвонил проф.

— Главный штаб? Есть известия от фельдмаршала Дэвиса?

— Я тут, проф. В главном компьютерном зале.

— Может, вы подойдете к нам в офис Смотрителя? Нужно выработать кое-какие решения, словом, есть работа.

— Проф, но я *работал*! И *сейчас* работаю!

— Не сомневаюсь. Я всем объяснил, что программирование баллистического компьютера — дело настолько тонкое, что вы должны заниматься им лично. Тем не менее некоторые наши коллеги считают ваше присутствие обязательным. Поэтому, когда вы почувствуете, что ваш помощник — его, кажется, зовут Майк,— справится сам, не сочтите за труд...

— Я понял. О'кей, сейчас поднимусь.

— Благодарю вас, Мануэль.

— Судя по фону, там человек тринадцать,— сказал Майк.— Они что-то затевают, Ман.

— И мне так кажется. Лучше подняться и поглядеть, что за базар. Я тебе нужен?

— Ман, я надеюсь, ты будешь вблизи телефона?

— Буду. Прослушивай офис Смотрителя. Если перейдем в другое место — дам знать. Увидимся, дружище.

В офисе Смотрителя собралось все правительство, как реальный кабинет, так и довески, а вскоре я обнаружил и причину неприятностей — субъекта по имени Говард Райт. Для него придумали министерство по связям с искусством, наукой и образованием — так, для игры в пуговички. Это был реверанс в сторону Новолена, поскольку кабинет был перегружен товарищами из Луна-Сити, а заодно и подачка самому Райту, возглавлявшему группу конгрессменов, всегда готовых поболтать, только бы не работать. Проф рассчитывал укротить его, но порой проф уж слишком миндальничает; некоторым людям полезно подышать вакуумом, прежде чем речи толкать.

Проф попросил меня вкратце обрисовать военную ситуацию. Что я и сделал, только по-своему:

— Я вижу, тут присутствует Финн. Пусть расскажет, как обстоят дела в поселениях.

— Генерал Нильсен уже сделал это,— вмешался Райт,— и повторяться нет смысла. Мы хотим послушать вас.

У меня глаза на лоб полезли.

— Проф... извините меня... gospodin президент! Верно ли я понял, что доклад министерства обороны был сделан правительству в мое отсутствие?

— А почему бы и нет? — снова вылез Райт.— Если вас не было на месте?

Проф перехватил инициативу. Он видел, что я на взводе. Три дня я почти не спал и чувствовал себя таким измотанным, как будто снова попал на Терру.

— К порядку! — мягко сказал проф.— Gospodin министр по культурным связям, будьте добры адресовать ваши комментарии через меня. Gospodin министр обороны, разрешите мне внести ясность. Никаких докладов правительству, касающихся вашего министерства, никто не делал по той простой причине, что открытие заседания было отложено до вашего прихода. Генерал Нильсен частным образом ответил на несколько частных вопросов. Возможно, и этого не следовало делать. Если вы так считаете, я готов принести извинения.

— Ладно, будем считать, что все в порядке. Финн, мы с тобой разговаривали полчаса назад. Что нового за это время?

— Ничего, Манни.

— О'кей. Думаю, вы хотите выяснить ситуацию за пределами Луны? Вы смотрели видео, а значит, знаете, что первая бомбардировка прошла отлично. Она еще продолжается, во всяком случае, частично, поскольку мы лупим по штабу космической обороны через каждые двадцать минут. И будем это делать до тринадцати ноль-ноль. В двадцать один ноль-ноль нанесем удар по Китаю и Индии плюс по ряду более мелких целей. Потом до четырех ночи будем заниматься Африкой и Европой, сделаем перерыв на три часа, шарахнем по Бразилии с компанией, выждем еще три часа и начнем по новой. Если, конечно, все пойдет по расписанию. Но у нас возникли свои проблемы. Финн, нам придется эвакуировать Тихо-Андер.

— Минуту! — поднял руку Райт.— У меня есть вопросы.— Обращался он к профу, не ко мне.

— Подождите, пожалуйста. Министр обороны, вы закончили?

Вайо сидела сзади. Мы обменялись улыбками, не больше — так у нас повелось и в кабинете министров, и в Конгрессе. Вообще шли разговоры, что негоже двум представителям одной семьи быть членами правительства. Сейчас она покачала головой — вроде о чем-то предупреждала.

— В отношении бомбардировки все. У него вопросы на эту тему?

— Ваши вопросы касаются бомбардировки, gospodin Райт?

— Разумеется, gospodin президент! — Райт встал, глядя прямо на меня.— Как вы знаете, я представляю различные группы интеллектуалов Свободного Государства, а, смею сказать, их мнение играет особую роль в общественных делах. Я думаю, что будет правильно...

— Минуту! — сказал я.— Я думал, вы представляете восьмой Новоленовский округ.

— Gospodin президент, мне будет дозволено задать вопросы? Или нет?

— Он не вопросы задавал, а толкал речь. А я измотан и хочу спать.

— Мы все устали, Мануэль,— мягко произнес проф,— но твое замечание справедливо. Конгрессмен, вы представляете только ваш округ. Как член правительства вы получили определенные обязанности в отношении лиц определенных профессий.

— Это одно и то же!

— Не совсем. Пожалуйста, задавайте ваши вопросы.

— Э-э-э... Хорошо, я задам. Известно ли фельдмаршалу Дэвису, что план бомбардировки полностью провалился и что на его совести тысячи бессмысленных жертв? Известно ли ему о чрезвычайно большом неудовольствии, которое высказывает по этому поводу интеллигенция нашей республики? И не может ли он объяснить, почему эта поспешная — я повторяю, поспешная! — бомбежка была предпринята без необходимых консультаций? И готов ли он изменить планы на дальнейшее или будет тупо гнуть свою линию? И правда ли, что его ракеты несут атомные заряды, объявленные вне закона всем прогрессивным человечеством? И как он может ожидать, что Свободное Государство Луна

будет принято в содружество цивилизованных народов после подобных действий?

Я взглянул на часы — прошло полтора часа после начала бомбежки.

— Проф,— сказал я,— вы можете мне объяснить, о чем идет речь?

— Извини, Мануэль,— ответил он кротко,— я намеревался... и даже обязан был начать заседание с уведомления о полученном нами сообщении. Но ты, похоже, думал, что кто-то действует за твоей спиной. В общем, так получилось. Министр говорит о выпуске новостей, полученном как раз перед твоим приходом. Информация поступила от агентства Рейтер в Торонто. Если она соответствует действительности — *если!* — то вместо того чтобы принять во внимание ваши предупреждения, тысячи зрителей окружили наши цели. По-видимому, были жертвы. Сколько — пока неизвестно.

— Понятно. И что же вы хотите от меня? Чтоб я взял каждого разгильдяя под ручку и отвел его в сторонку? Мы ведь их предупредили.

Райт опять вмешался:

— Интеллигенция считает, что основополагающие гуманные принципы требуют...

— Слушай, ты, пустозвон! — взорвался я.— Ты же слышал, президент сказал, что сообщение пришло только что, откуда тебе известно, что о нем думают другие?

Он побагровел.

— Gospodin президент! Эпитеты! Переход на личности!

— Не обзывай министра, Мануэль.

— Не буду, если и он перестанет! Разница только в том, что он выбирает слова поизящнее! А что это за чушь насчет атомных бомб? У нас их нет, и всем это прекрасно известно.

Вид у профа был озадаченный.

— Я тоже ничего не понимаю. Но так говорится в сообщении. А еще больше меня изумило то, что все мы *наблюдали* по видео: это же типичные атомные взрывы!

— Ясно! — Я повернулся к Райту.— Неужели ваши мозговитые друзья не сказали вам, что происходит, когда миллиарды

калорий высвобождаются в долю секунды в одной точке пространства? Какая будет там температура? Какое излучение?

— Значит, вы признаете, что использовали атомное оружие?

— Бог мой! — Голова у меня прямо раскалывалась.— Ничего подобного я не говорил! Стукните посильнее по чему угодно — и полетят искры. Элементарная физика, известная всем, кроме интеллигенции. Мы просто высекли дьявольски крупные искры — таких еще никто не видал, вот и все! Сильная вспышка. Жара, свет, ультрафиолет. Возможно, даже рентгеновское излучение, не знаю. Насчет гамма-излучения сильно сомневаюсь. Альфа и бета — исключено. Произошло внезапное высвобождение механической энергии. Но атомной? Чушь собачья!

Проф спросил:

— Вы получили ответ на свой вопрос, министр Райт?

— Он просто дал повод для новых вопросов. Например, эта бомбежка выходит за рамки плана, согласованного с правительством. Вы же видели, как все были шокированы, когда на экране появились эти ужасные вспышки! А министр обороны еще заявляет, что бомбежка продолжается даже сейчас, каждые двадцать минут! Я полагаю...

Я глянул на часы.

— Только что еще одна бомба ударила по горе Шайенн.

Райт взвился:

— Вы слышали?! Слышали! Он еще кичится этим! Gospodin президент! Эта бойня должна быть немедленно прекращена!

— Слушай, ты, пусто...— начал я.— Послушайте, министр, вы всерьез считаете, что штаб космической обороны — это не военный объект? На чьей вы стороне? Луны? Или ФН?

— Мануэль!

— Мне надоел этот бред! Мне было приказано сделать работу, я ее сделал. *Уберите этого пустомелю с моей шеи!*

Последовало смущенное молчание, затем кто-то тихо спросил:

— Можно внести предложение?

Проф обвел всех взглядом.

— Если у кого-то есть предложение, способное прекратить эту безобразную перепалку, я буду счастлив его услышать.

— Видимо, у нас нет достаточно полной информации о действии этих бомб. Мне кажется, нам следовало бы изменить двадцатиминутное расписание. Растянуть его — скажем, сделать с часовыми промежутками, а потом прервать часа на два, чтобы получить новые сообщения. Затем мы могли бы отложить бомбежку Великого Китая на двадцать четыре часа...

Почти все согласно кивали, раздавалось бормотание: «Здравая мысль. Da! Не следует торопиться!»

— Мануэль? — сказал проф.

— Проф, вы же знаете ответ! — рявкнул я.— Нечего сваливать все на меня.

— Наверное, знаю, Мануэль... но я устал, сбит с толку и не могу его вспомнить.

— Манни,— неожиданно вмешалась Вайо,— объясни. Я тоже хотела бы, чтобы мне объяснили.

Я постарался взять себя в руки.

— Все дело в законе гравитации. Мне нужен компьютер, чтобы дать точный ответ, но следующие шесть глыб уже почти достигли цели. Самое большее, на что мы способны, это слегка сдвинуть их с курса, но тогда они могут упасть на какой-нибудь город, жители которого нами не предупреждены. Сбросить их в океан я не могу: слишком поздно; от горы Шайенн до побережья — тысяча четыреста километров. А предложение растянуть промежутки между бомбежками до часа — это просто глупость. Это же не капсулы метро, которые можно пускать с разной скоростью, а можно и остановить. Это просто падающие камни. Они будут падать куда-нибудь через каждые двадцать минут. Можно бить по горе Шайенн, где сейчас уже не осталось ничего живого, а можно отвести глыбу в сторону — и поубивать людей. Идея отложить бомбежку Великого Китая на двадцать четыре часа глупа по той же причине. У нас есть еще немного времени, чтобы направить предназначенные Китаю снаряды в другое место, но замедлить их полет нельзя. Если мы решим не бомбить Китай, эти снаряды мы *потеряем*, а если вы думаете, что у нас полным-полно стальных обшивок — ступайте к катапульте и поглядите своими глазами.

Проф вытер лоб.

— Думаю, на все вопросы были даны ответы, которые, во всяком случае для меня, убедительны.

— Но не для меня, сэр.

— Сядьте, gospodin Райт. Вы заставляете меня напомнить вам, что ваше министерство *не входит* в состав Военного кабинета. Если вопросов больше нет — а я надеюсь, что их нет,— я объявляю заседание закрытым. Мы все нуждаемся в отдыхе. Поэтому...

— Проф!

— Да, Мануэль? — Вы не дали мне закончить доклад. Завтрашней ночью или утром в воскресенье нам крепко достанется.

— Каким образом, Мануэль?

— Бомбежка. А возможно, высадка. Сюда идут два крейсера.

Это сработало. Проф сказал устало:

— Кабинет министров может разойтись. Военному кабинету остаться.

— Минуточку,— сказал я.— Проф, когда вы вступили в должность, вы у нас всех взяли заявления об отставке без даты.

— Верно. Однако я надеюсь, что мне не придется ими воспользоваться.

— Боюсь, что все-таки придется.

— Мануэль, это угроза?

— Называйте как хотите.— Я показал на Райта.— Или уйдет этот говорун, или уйду я.

— Мануэль, тебе надо лечь и выспаться!

— Конечно, надо! Я и высплюсь. Прямо *сейчас*! Найду здесь в Комплексе койку и захраплю. Часов на десять. А после этого, если я останусь министром обороны, вы меня разбудите. В противном случае дайте поспать подольше.

Публику, похоже, я довел до шокового состояния. Вайо встала и подошла ко мне. Не сказала ни слова, просто взяла меня под руку.

Проф заявил:

— Прошу всех удалиться, кроме Военного кабинета и gospodina Райта.

Подождал, пока большинство вышло, а потом обратился ко мне:

— Мануэль, я не могу принять твою отставку. Но я не могу также позволить тебе толкать меня на непродуманные решения, направленные против gospodina Райта, особенно сейчас, когда мы все измучены и возбуждены. Было бы лучше, если бы вы принесли друг другу извинения, учитывая, что вы оба явно переутомились.

— Хм...— Я повернулся к Финну.— Он что — дрался? — и показал на Рейта.

— А? Черта с два! Во всяком случае, не в моих частях. Что скажете, Райт? Вы сражались, когда началось вторжение?

— Не имел такой возможности,— холодно ответил Райт.— К тому времени, когда я узнал о нем, сражение уже кончилось. Но сейчас моя храбрость и моя лояльность были поставлены под сомнение. Я настаиваю...

— Да заткнись ты,— сказал я.— Если хочешь дуэли, так ты ее получишь сразу же, как только у меня найдется свободная минута. Проф, его поведение нельзя оправдать усталостью после битвы. А потому я не буду извиняться перед этим пустозвоном за то, что он пустозвон. А вы, по-моему, не понимаете, в чем тут дело. Вы позволили этому болтуну сесть мне на шею и даже не попытались остановить его. Поэтому либо гоните его, либо увольняйте меня.

Внезапно в разговор вмешался Финн:

— Я поддерживаю Манни, проф. Гоните этого паразита или увольняйте нас обоих.— Он поглядел на Райта.— Что касается дуэли, то сначала тебе придется драться со мной. А то у тебя две руки, а у Манни на одну меньше.

— Я его сделаю одной правой. Но все равно спасибо, Финн.

Вайо плакала — я чувствовал это, хоть и не видел. Проф с глубокой печалью в голосе спросил ее:

— Вайоминг?

— М-м-не жа-аль, проф! Но я тоже...

Остались только «Клейтон» Ватанабе, судья Броуди, Вольфганг, Стью и Шини — горсточка тех, что имели вес. Военный

кабинет. Проф посмотрел на них; я видел, что они на моей стороне, хотя Вольфгангу пришлось сделать над собой усилие — он работал с профом, а не со мной.

Проф поглядел на меня и тихо произнес:

— Мануэль, тут есть и другая возможность. То, что ты делаешь, заставляет меня подать в отставку.— Он снова окинул всех долгим взглядом.— Спокойной ночи, товарищи. Или вернее — доброго утра. Я хочу немного отдохнуть, очень устал.

И вышел быстро, не оглядываясь.

Райт исчез. Я не видел, куда он девался. Финн спросил:

— Так что с этими крейсерами, Манни?

Я наконец перевел дыхание.

— Ничего не произойдет раньше вечера субботы. Но тебе придется эвакуировать Тихо-Андер. Поговорим позже. Я уже ни черта не соображаю.

Мы договорились встретиться в двадцать один ноль-ноль, а потом я позволил Вайо увести меня. Думаю, она меня и в постель уложила, но ничего не помню.

Глава 27

На нашей встрече с Финном в офисе Смотрителя в пятницу около двадцати одного часа присутствовал и проф. Я проспал девять часов, принял ванну, позавтракал чем-то, что раздобыла Вайо, и поговорил с Майком. Все шло согласно уточненному плану, корабли своего курса не меняли, удар по Великому Китаю должен был состояться вот-вот.

Пришел в офис как раз вовремя, чтобы понаблюдать за бомбежкой по видео. Все о'кей, отбомбились эффективно ровно в двадцать один ноль-ноль. Проф сразу же приступил к делу. О Райте ни слова, об отставке тоже. Райта я больше не видел.

Я хочу сказать — *нигда* больше не видел. И не спрашивал о нем. Проф о ссоре не вспоминал; я, естественно, тоже.

Мы обсудили последние известия и оценили тактическую ситуацию. Райт был прав, говоря о тысячах жертв, с Земли только

об этом и трезвонили. Точного числа мы никогда не узнаем; если кто-то окажется в точке приземления многотонной глыбы, от него даже мокрого места не останется. Подсчитали только тех, кто находился подальше и был убит взрывом. В Северной Америке их было около пятидесяти тысяч.

Разве поймешь этих людей?! Целых три дня мы только и делали, что предупреждали... и нельзя сказать, что они не слышали предупреждений: ведь именно поэтому они и оказались там. Чтобы посмотреть представление. Чтобы поиздеваться над нашей некомпетентностью. Чтобы обзавестись сувенирами. Целыми семьями они отправились к объявленным целям, многие тащили с собой корзинки для пикника. Подумать только — *корзинки с завтраками!* Bojemoi!

А теперь те, что остались в живых, вопили, требуя нашей крови за эту «бессмысленную бойню». Da! По поводу их собственного вторжения и бомбежки (атомной!) Луны четыре дня назад никто ни словом не возмутился, но какой они подняли хай по поводу наших «предумышленных убийств»! «Большой Нью-Йорк Таймс» требовал, чтобы все мятежное правительство Луны было доставлено на Землю и публично казнено: «Совершенно очевидно, что это тот случай, когда гуманное запрещение высшей меры наказания должно быть отменено во имя высших интересов всего человечества».

Я старался не думать об этом, точно так же, как заставлял себя не думать о Людмиле. Маленькая Мила не таскала за собой пикниковых корзинок. Она была не из зевак, ищущих сильных ощущений.

Самой трудной проблемой был для нас Тихо-Андер. Если крейсеры начнут бомбить поселения — а средства массовой информации Земли требовали именно этого,— Тихо-Андер не выдержит: крыша у него слишком тонка. Водородная бомба приведет к мгновенной декомпрессии на всех уровнях; воздушные шлюзы не рассчитаны на попадание водородных бомб.

(И все равно, не понимаю землян. На Терре существует абсолютный запрет на применение атомного оружия против людей. За это проголосовали все нации, входящие в Федерацию.

А теперь они хором вопили, призывая ФН сбросить на нас эти самые бомбы. Они прекратили врать, будто мы пустили в ход атомное оружие, но вся Северная Америка с пеной у рта требовала уничтожить водородными бомбами *нас.*)

Впрочем, лунарей я тоже не понимаю. Финн через свою милицию потребовал, чтобы Тихо-Андер был немедленно эвакуирован; проф повторил то же самое по видео. Особой проблемы тут не было: Тихо-Андер невелик, Новолен и Луна-Сити вполне могли бы разместить и прокормить его население. Мы собирались выделить нужное количество капсул, чтобы перебросить всех жителей в Новолен, а потом уговорить половину из них перебраться в Луна-Сити. Работа, конечно, большая, но вполне посильная. Разумеется, возникает множество мелких проблем: надо тут же после эвакуации начать работу по сжижению воздуха — не терять же его зря; произвести полную декомпрессию, чтобы свести к минимуму ущерб; вывезти как можно больше продовольствия, пока есть время; укрепить кессоны в проходах, ведущих в нижние сельскохозяйственные туннели, и так далее. Мы знали, как это делать, и у нас были соответствующие организации — stilyagi, милиция и муниципальные службы.

Вы думаете, они начали эвакуацию? Как бы не так! Они будто оглохли.

Капсулы в Тихо-Андере выстроились впритык друг к другу, больше некуда было впихнуть. Но ни одна из них так и не сдвинулась с места.

— Манни,— сказал Финн,— я не думаю, что они собираются эвакуироваться.

— Черт их раздери,— ответил я,— но им *придется* это сделать. Когда мы увидим, что ракета идет на Тихо-Андер, будет уже поздно. Люди будут давить друг друга, стараясь набиться в капсулы, которые все равно всех не вместят. Финн, твоим парням нужно *заставить* их.

Проф покачал головой.

— Нет, Мануэль.

Я разозлился:

— Проф, ваша проповедь ненасилия заводит вас слишком далеко. Вы же знаете, они взбунтуются.

— Что ж, значит, взбунтуются. Но мы должны действовать убеждением, а не силой. Давайте посмотрим наши планы.

Планы были так себе, но все, что могли, мы предусмотрели. Предупредить всех об ожидаемых бомбежках и (или) вторжении. Выставить сменные посты милиционеров Финна над «крышами» каждого поселения, чтобы, когда (и если) крейсеры снова обогнут Луну и вынырнут с теневой стороны, им не удалось застать нас без штанов, как в прошлый раз. Обеспечить максимальную бдительность в отношении скафандров и поддержания давления воздуха во всех поселениях. Всем военным и полувоенным объявить состояние повышенной боевой готовности, а к шестнадцати ноль-ноль в субботу — полной боевой готовности, если крейсеры начнут маневрировать или пускать ракеты. Артиллеристов Броуди отпустить до пятнадцати ноль-ноль субботы в город, пусть там напиваются и делают что угодно, лишь бы вовремя вернулись. Это была идея профа. Финн хотел половину держать на посту, но проф сказал — нет, они будут в лучшей форме для долгой вахты, если сначала отдохнут и позабавятся; я поддержал профа.

Что касается бомбежки Терры, то никаких изменений в первый раунд мы не вносили. До нас дошли гневные отклики из Индии и никаких — из Великого Китая. Хотя у Индии особых причин для воплей не было. Никакой бомбежки по квадратам мы для нее не предусматривали, слишком уж густо она заселена. Кроме нескольких целей в пустыне Тар и в горных цепях, все остальные приходились на прибрежные воды, на некотором удалении от портов.

Но, видно, следовало выбирать еще более высокие горы или меньше предупреждать; судя по сообщениям с Земли, некие святые люди повели за собой бесчисленных пилигримов, чтобы взобраться на каждый намеченный к бомбежке пик и исключительно силой духа сдержать наш мстительный удар.

И мы снова оказались убийцами. Кроме того, наши удары по воде вызвали гибель огромного количества рыбы и многих

рыбаков, так как ни рыбаки, ни моряки не захотели считаться с нашими предупреждениями. Индийское правительство, казалось, пришло в бешенство больше из-за рыбы, чем из-за рыбаков, а принцип священности всякой жизни к нам, видимо, не относился — оно требовало наших голов.

Африка и Европа реагировали более разумно, хотя и поразному. Жизнь в Африке никогда не считалась священной, и те, кто отправился поглазеть на цели, не вызвали ни моря слез, ни сердечных страданий; у Европы был целый день, чтобы понять — мы попадем, куда хотим, и наши бомбежки опасны. Люди, конечно, гибли и тут, особенно из-за упрямства тупоголовых морских капитанов. Но здесь хоть не было идиотских огромных скоплений, как в Индии или Северной Америке. Еще меньше погибших насчитывалось в Бразилии и в других странах Южной Америки.

Затем снова наступила очередь Северной Америки — в 09.50.28 в субботу 17 октября 2076 года.

Майк приурочил начало бомбежки точно к десяти ноль-ноль по нашему времени, что с учетом истекших суток и вращения Терры подставляло нам Северную Америку ее восточным побережьем в ноль пять, а западным — в ноль два по их местному поясному времени.

Спор о том, что делать с этими целями, начался у нас еще ранним утром в субботу. Проф не стал собирать заседание Военного кабинета, но пришли все, кроме «Клейтона» Ватанабе, который вернулся в Конгвиль, чтобы заняться подготовкой обороны. Проф, я, Вайо, Финн, судья Броуди, Стью, Вольфганг, Шини Шихан — восемь человек, восемь мнений. Проф был прав: если собралось больше трех человек, решение принять невозможно.

Вернее, мнений было шесть, так как Вайо держала рот на замке и проф тоже; он только старался сдерживать других. Но эти другие шумели за целых восемнадцать. Стью было все равно, куда мы будем бить, лишь бы Нью-Йоркская биржа открылась в понедельник утром. «В четверг мы распродали акции чуть не девятнадцати компаний. Если наш народ не хочет оказаться

банкротом, не успев выйти из колыбели, мои распоряжения о покупке, покрывающей вчерашние потери, должны быть выполнены. Скажи же им, Вольф, заставь их понять».

Броуди хотел использовать катапульту, чтобы сбивать любой корабль, который покидает околоземную орбиту. Судья ни черта не понимал в баллистике, но зато знал, что его артиллеристы-бурильщики стоят на незащищенных позициях. Я спорить не стал, поскольку большинство наших снарядов находилось уже на дальних траекториях, скоро за ними должны были последовать все остальные, и я считал, что старой катапульте жить осталось недолго.

Шини полагал, что было бы здорово снова повторить бомбежку по квадратам, а один снаряд всадить точнехонько в главный офис Северо-Американского Директората. «Знаю я этих американцев, сам был американцем, пока меня сюда не выслали. Они жутко жалеют, что передали все свои права Федерации. Прихлопнем этих бюрократов, и американцы сразу перейдут на нашу сторону».

Вольфганг Корсаков, к полному неудовольствию Стью, уверял, что наши спекуляции пойдут лучше, если все биржи ценных бумаг будут закрыты до тех пор, пока все не решится окончательно.

Финн же хотел идти ва-банк — потребовать от них убрать корабли с нашего неба, а если откажутся, ударить по ним всей мощью. «Шини ошибается насчет американцев. Я их тоже знаю. Северная Америка — самая прочная часть ФН. Их необходимо разбить. Они уже обозвали нас убийцами, так и врежем им как следует. Шарахнем по американским городам — и все остальные бомбежки можно будет отменить!» Я выскользнул из комнаты, поговорил с Майком, кое-что записал. Вернулся; они все еще спорили. Проф поглядел, как я сажусь на место.

— Фельдмаршал, вы еще не высказали своего мнения.

— Проф,— сказал я,— нельзя ли обойтись без этой лажи насчет фельдмаршалов? Детишки уложены, так что можно называть вещи своими именами.

— Как хочешь, Мануэль.

— Я ждал, думал, вы все-таки придете к общему мнению. Этого не произошло. Не вижу, почему у меня должна быть особая точка зрения. Я тут всего лишь мальчик на побегушках, и то только потому, что знаю, как программировать баллистический компьютер.

Я сказал это, глядя прямо на Вольфганга — прекрасного товарища, но жуткого ругателя-интеллектуала. Я обыкновенный технарь, причем не шибко грамотный, а Вольф окончил шикарную школу и Оксфорд до того, как его осудили. Он считался с мнением профа, остальных же обычно и в грош не ставил. Разве что Стью, но у Стью ведь тоже верительные грамоты что надо.

Вольф неловко заерзал и сказал:

— Брось, Манни, конечно, нам важно знать твое мнение.

— А у меня его нет. План бомбардировки тщательно обсуждался, у всех была возможность его критиковать. Не вижу причины менять его.

— Мануэль,— проговорил проф,— думаю, всем нам будет полезно послушать, если ты расскажешь в общих чертах о плане второй бомбардировки Северной Америки.

— О'кей. Главная цель второго удара — заставить их израсходовать свои ракеты-перехватчики. Каждый наш снаряд нацелен на большие города, вернее сказать — на пустыри вблизи больших городов. О чем мы и сообщим незадолго до бомбежки... когда, Шини?

— Мы уже сообщаем. Но еще можем все изменить. И должны.

— Посмотрим. Пропаганда не мое дело. В большинстве случаев, чтобы влепить поближе к городу и спровоцировать перехват, мы выбираем водные цели. А это крутой вариант: мало того, что гибнет рыба и те, кто не хочет вылезать из воды,— там возникают еще жуткие местные штормы и разрушения береговой линии.

Я глянул на часы. Надо бы еще потянуть время.

— Сиэтл получит глыбу в Пюджет-Саунд, прямо в коленки. Сан-Франциско потеряет два своих любимых моста. Лос-Анджелес получит один удар между Лонг-Бичем и Каталиной, а второй в нескольких километрах от берега. От Мехико-Сити до

моря далеко, поэтому врежем прямо в Попокатепетль, чтобы всем видно было. В Солт-Лейк-Сити плюхнем глыбу в озеро. Дэнвер пропустим — пускай наблюдают за Колорадо-Спрингс: там мы будем лупить по горе Шайенн, пока не сотрем ее в порошок. Сент-Луис и Канзас-Сити схлопочут по камешку в свои реки, Новый Орлеан тоже; возможно наводнение. Все города Великих озер тоже получат свое — список длинный. Читать?

— Может быть, потом,— отозвался проф.— Продолжай.

— Бостону дадим прямо по гавани, Нью-Йорку бросим гостинчик в пролив Лонг-Айленд и еще один между самыми большими мостами; полагаю, мосты рухнут, но мы обещали стрелять мимо них и обещание выполним. Ниже по восточному побережью займемся двумя городами в заливе Делавер, потом двумя в Чесапикском заливе. Один из них — настоящий исторический памятник, а потому отношение к нему исключительно сентиментальное. Еще южнее шарахнем по трем большим городам в прибрежные воды. Подальше от побережья врежем по Цинциннати, Бирмингему, Чаттануге, Оклахома-Сити — все это по рекам или горам. Ах да, Даллас! Мы разрушим космопорт Далласа, попробуем гробануть их корабли. Там было шесть штук, когда я проверял в последний раз. Кровопролития не будет, разве что кто-нибудь захочет постоять на взлетном поле. Даллас — отличное место для бомбежки. Космопорт там огромный, плоский и пустой, а зрителей в городе не меньше десяти миллионов — пусть полюбуются, зрелище будет захватывающим.

— Если, конечно, попадешь,— заметил Шини.

— «Когда», а не «если». Каждый удар дублируется часом позже. Если и второй камешек не пройдет, у нас есть в запасе другие, которые можно переориентировать. Например, очень легко поменять цели в группе городов Делаверского и Чесапикского заливов. То же самое и с Великими озерами. А для Далласа у нас в запасе длинная очередь снарядов: он наверняка защищен неслабо. Запасные глыбы будут поступать все шесть часов, пока Северная Америка не скроется из виду... а последние из них мы можем перенацелить куда угодно, поскольку чем дальше снаряд находится от Земли, тем дальше можно отвести его от первоначальной цели.

— Этого я не понял,— сказал Броуди.

— Тут все зависит от векторов, судья. Направляющая ракета может придать скорости снаряда боковой вектор на столько-то метров в секунду. Чем дольше действует этот вектор, тем больше отклоняется снаряд от своей первоначальной цели. Если мы дадим направляющей ракете сигнал за три часа до приземления, то точка, в которую попадет снаряд, сместится втрое сильнее, чем при сигнале, данном за час до попадания. Конечно, это не так просто, но нашему компьютеру вполне по силам все рассчитать — если дать ему время, разумеется.

— И сколько же ему нужно времени? — спросил Вольфганг.

Я сделал вид, что не понял вопроса.

— Компьютер может решать задачи такого рода почти мгновенно после ввода программы. Но программа должна быть составлена заранее. Ну, например: если три цели группы А, Б, В и Г не удалось поразить первым и вторым залпами, вы перенацеливаете вторую очередь запасных снарядов группы один так, чтобы поразить эти три цели, одновременно перераспределяя остальные запасные снаряды второй очереди этой группы для возможного использования их в группе два и передвигая третью очередь запасных снарядов супергруппы «Альфа» таким образом, чтобы...

— Хватит! — сказал Вольфганг.— Я все-таки не компьютер. Я только хочу знать, сколько у нас есть времени, чтобы изменить решение.

— Понял.— Я демонстративно долго изучал циферблат.— У нас есть... три минуты пятьдесят восемь секунд, чтобы отвести от цели глыбу, предназначенную для Канзас-Сити. Программа в компьютер введена, и там у меня есть отличный помощник — парень по имени Майк, он готов ее запустить. Позвонить ему?

— Ради бога, Манни, отведи глыбу! — крикнул Шини.

— Черта с два! — сказал Финн.— Что с тобой, Теренс? Сдрейфил?

— Товарищи, спокойствие! — вмешался проф.

— Послушайте,— сказал я.— Я принимаю приказы от главы государства — вот этого самого профа. Если он захочет знать ваше мнение, он спросит. И не надо орать друг на друга.—Я снова взглянул на часы.— Есть еще две с половиной минуты. Для других целей запас времени побольше, конечно, но Канзас-Сити расположен слишком далеко от глубоких вод. Хотя для некоторых городов на Великих озерах время тоже истекло, в лучшем случае что-то еще можно сделать для Верхнего озера. У Солт-Лейк-Сити есть дополнительная минута. А потом будет поздно.

— Устное голосование,— тихо произнес проф.— За выполнение программы. Генерал Нильсен?

— Da.

— Gospazha Дэвис?

— Da! — У Вайо перехватило дыхание.

— Судья Броуди?

— Да, конечно. Обязательно.

— Вольфганг?

— Да.

— Граф Лажуа?

— Da.

— Gospodin Шихан?

— Что ж, теряем возможность заключить интересное пари. Но я — как все. Единогласно.

— Минуту... Мануэль?

— Решаете вы, проф. И всегда так было. Голосовать просто глупо.

— Я знаю, что решение принадлежит мне, gospodin министр. Бомбардировку начать согласно плану.

Большинство целей удалось поразить уже со второго залпа, хотя все они были защищены, кроме Мехико-Сити. Было похоже (вероятность 98,3 процента, как потом вычислил Майк), что перехватчики взрывались по сигналу радара на заданных расстояниях, но они недооценили прочности наших каменных цилиндров. Уничтожено было всего три глыбы, остальные просто

отклонились от заданного курса и поэтому принесли вреда куда больше, чем если бы в них не стреляли.

Нью-Йорк оборонялся неплохо, Даллас — еще лучше. Очевидно, сказалась разница в уровне местного управления перехватом, так как весьма сомнительно, чтобы центральный штаб на горе Шайенн еще продолжал функционировать. Может, мы и не раздолбали нору, в которую этот штаб зарылся (на какую глубину — понятия не имею), но готов спорить на что угодно, что ни люди, ни компьютеры вести наблюдения там не могли.

Даллас взорвал или столкнул с курса первые пять камешков, поэтому я попросил Майка взять все, что можно, с горы Шайенн и презентовать Далласу... что мы и сделали двумя залпами позже, ибо расстояние между целями было меньше тысячи километров.

Следующий залп сокрушил оборону Далласа. Майк саданул по космопорту еще тремя снарядами (предназначенными по плану), а затем вернулся к штабной горе и выдал ей положенную порцию с наклейкой «Шайенн». Он все еще расточал этой потрепанной горной вершине любовные шлепки, когда Америка исчезла за восточным краем Терры.

Пока шла бомбардировка, я не отходил от Майка, поскольку знал, что она будет самой сильной и тяжелой. Он сделал перерыв до того часа, когда настанет очередь выбить пыль из Великого Китая, и сказал мне задумчиво:

— Ман, я не думаю, что нам стоит снова бить по этой горе.

— Почему, Майк?

— А там больше никакой горы нет.

— Ну что ж, переключи ее камешки на другие цели. Когда надо принимать решение?

— Я могу перенацелить их на Альбрукерке и на Омаху, но лучше сделаю это сегодня — завтра будет трудный день. Ман, мой лучший друг, тебе придется уйти.

— Я тебе надоел, дружище?

— Тот первый крейсер уже через несколько часов сможет выпустить свои ракеты. Когда это произойдет, я передам весь

баллистический контроль «Давидовой праще», и хорошо, если к тому времени ты уже будешь в Океане Бурь.

— Чего ты опасаешься, Майк?

— Этот малыш очень пунктуален, Ман. Но глуп. Я хочу, чтоб за ним приглядывали. Возможно, решения придется принимать в спешке, а там нет никого, кто сможет запрограммировать его как надо. Ты должен быть там.

— Ладно, как скажешь, Майк. Но если он нуждается в *быстром* программировании, мне все равно придется звонить тебе по телефону.

Несовершенство компьютеров кроется не в природе компьютера, а в человеческой природе: программисту нужно много времени, порой даже несколько часов, чтобы составить программу, которую компьютер выполнит за несколько миллисекунд. Одним из лучших качеств Майка было умение самопрограммироваться. И притом быстро. Надо было лишь объяснить ему суть проблемы, а дальше он действовал сам. Точно так же, четко и быстро, гораздо быстрее любого специалиста, он программировал своего «сыночка-идиота».

— Но, Ман, я же потому и хочу, чтобы ты был там: потому что, возможно, дозвониться до меня тебе не удастся. Не исключено, что линии связи будут повреждены. На этот случай я подготовил пакет программ для «младшенького»; возьми, может, пригодятся.

— О'кей. Распечатай их. И соедини меня с профом.

Майк соединил. Я удостоверился, что проф один, а затем объяснил ему, чего хочет от меня Майк. Думал, проф начнет возражать, надеялся, он настоит на моем присутствии здесь на время предстоящей бомбежки (или вторжения, или еще чего-то) с подлетающих кораблей. Вместо этого он сказал:

— Мануэль, жизненно важно, чтобы ты ехал. Я колебался, говорить ли тебе об этом. Ты разговаривал с Майком о наших шансах?

— Nyet.

— А я все время консультировался. Грубо говоря, если Луна-Сити будет разрушен и я погибну, и погибнет наше правительство, а радарные глаза Майка ослепнут и сам он окажется отрезанным от новой катапульты — а при суровой бомбежке все может быть,— и даже если все это произойдет одновременно, Майк тем не менее дает Луне равные шансы на победу, но при условии, что «Давидова праща» будет действовать, и именно под твоим руководством.

Я сказал:

— Da, босс. Как прикажете, хозяин. Вы с Майком просто жмоты, весь кайф хотите сами словить. Будь по-вашему.

— Очень хорошо, Мануэль.

Я пробыл с Майком еще целый час, пока он печатал метр за метром программы, приготовленные для другого компьютера,— работа, которая у меня заняла бы месяцев шесть, даже если допустить, что я смог бы продумать все возможные варианты. Майк все проиндексировал и просчитал с учетом таких ужасов, о которых мне даже сейчас говорить неохота. Скажем, при каких обстоятельствах может возникнуть необходимость разбомбить, к примеру, Париж и какие снаряды для этого следует переориентировать на какие траектории, как отдать «младшенькому» приказ найти их и навести на цель. И так по всем позициям.

Я как раз просматривал этот бесконечный документ — не тексты программ, а заголовки с описанием их целевого назначения, когда позвонила Вайо.

— Манни, милый, проф сказал тебе о поездке в Океан Бурь?

— Да. Я собирался позвонить тебе.

— Хорошо. Я уложу наши вещи и буду ждать тебя на станции «Восточная». Когда ты туда доберешься?

— «Наши»? Ты что, тоже едешь?

— А проф тебе не говорил?

— Нет.

Я вдруг ужасно обрадовался.

— Я чувствую себя виноватой, милый. Мне очень хотелось поехать с тобой... но не было повода. Толку-то от меня при работе с компьютерами никакого, а здесь у меня есть обязанности. Вернее, были. Но теперь меня турнули со всех постов и тебя тоже.

— Чего?!

— Ты больше не министр обороны. Вместо тебя Финн. Ты теперь заместитель премьер-министра...

— Ну, знаете!

— ...и заместитель министра обороны. Я — заместитель спикера, а Стью стал заместителем министра иностранных дел. Он едет вместе с нами.

— Ничего не понимаю.

— Все это не так внезапно, как кажется. Проф с Майком разработали этот план еще месяц назад. Децентрализация, милый,— то же, над чем Макинтайр трудится для поселений. Если с Луна-Сити произойдет насчастье, у Свободного Государства Луна все равно сохранится правительство. Как сказал мне проф: «Вайо, моя дорогая леди, пока живы вы трое и еще хоть несколько конгрессменов, не все потеряно. Вы сможете вести переговоры на равных и сумеете скрыть полученные нами раны».

Итак, я отправился в путь в качестве компьютерного наладчика. Стью и Вайо встретили меня с багажом (включавшим мои запасные руки), и мы двинулись в скафандрах по бесконечным безвоздушным коридорам на маленькой роликовой платформе, на которой к катапульте подвозили сталь. Грег послал за нами большой луноход, мы потряслись по поверхности, снова спустились в туннели и попали в Греговы объятия.

Вот так я и пропустил атаку на баллистические радары, которая произошла в субботнюю ночь.

Глава 28

Капитан крейсера ФН «Эсперанс» был мужик рисковый. Поздним вечером в субботу он внезапно изменил курс и пошел прямо на нас. Видимо, понял, что мы можем затеять чехарду с радарами, и вознамерился подойти поближе, чтобы увидеть наши радарные установки с помощью корабельного локатора, а не пускать свои ракеты по нашим лучам.

Похоже, он решил рискнуть собой, кораблем и командой, так как спустился до тысячи километров и лишь тогда выдал залп по пяти из шести наших радаров, совершенно игнорируя систему помех, которую они создавали.

Майк, ожидавший, что его сейчас ослепят, отдал команду ребятам Броуди выжечь глаза кораблю, а через три секунды развернул стволы на ракеты.

Результат: один крейсер разбит вдребезги, два баллистических радара уничтожены ракетами с ядерными боеголовками, три ракеты «убиты», убиты также два артиллерийских расчета — один попал под ядерный взрыв, на другой свалилась уже «мертвая» ракета... И еще тринадцать артиллеристов получили радиационные ожоги свыше восьмисот рентген каждый — то есть смертельные дозы — частично от взрывов, частично от слишком долгого пребывания на поверхности. Я должен добавить: с этими расчетами погибли четыре девушки из «Отряда Лисистраты»; они предпочли надеть скафандры и выйти на поверхность со своими мужчинами. Другие девочки получили сильные радиационные ожоги, но до восьмисот рентген не добрали.

Второй крейсер продолжал идти по эллиптической орбите, обогнул Луну и скрылся из поля зрения.

Все это я узнал от Майка уже после того, как мы утром в воскресенье прибыли на «Давидову пращу». Он оплакивал потерю своих двух глаз, а еще больше — гибель двух артиллерийских расчетов. Думаю, у Майка появилось что-то вроде человеческой совести: он винил себя в том, что не смог одновременно «взять» все шесть целей. Я попросил его не забывать, что ему пришлось сражаться импровизированным оружием, недальнобойным и несовершенным.

— А как ты, Майк? С тобой-то все в порядке?

— В основном да. Есть кое-какие периферийные обрывы. Одна из оставшихся «в живых» ракет отрезала линию связи с Новым Ленинградом, но, судя по сообщениям из Луна-Сити, тамошний центр управления справился удовлетворительно и сильных сбоев в городском обслуживании не было. Эти обрывы действуют мне на нервы, но пока придется потерпеть.

— Знаешь, Майк, мне почему-то кажется, что ты устал.

— Устал? Я? Ты шутишь! Ман, ты, похоже, забыл, кто я такой. Я раздражен, вот и все.

— Когда этот второй корабль вновь окажется в поле зрения?

— Если останется на прежней орбите — часа через три. Но, думаю, он поступит иначе. Вероятность свыше девяноста процентов. Я ожидаю его через час.

— Гаррисонова орбита, да? Ну-ну!

— Он ушел из зоны видимости курсом тридцать два на северо-восток. Это тебе что-нибудь говорит, Ман? Я попробовал зрительно представить себе ситуацию.

— Мне кажется, он собирается пойти на посадку и захватить тебя, Майк. Ты Финну сообщил? Я хочу сказать, велел ли ты профу предупредить Финна?

— Проф знает. Но я сделал совсем другие выводы.

— Вот как? Намекаешь, что мне лучше заткнуться и не мешать тебе работать?

Так я и сделал. Ленора принесла мне завтрак, пока я осматривал «младшенького»; стыдно сказать, но мне трудно было заставить себя горевать о потерях, когда Вайо и Ленора были поблизости. Ма отправила Ленору сюда «подкормить» Грега сразу же после смерти Милы. Это был не более чем предлог, поскольку на катапульте хватало женщин, чтобы обеспечить домашней кормежкой всех. Просто Ма хотела морально поддержать и Грега, и Ленору — Ленора ведь была очень близка с Людмилой.

«Младшенький», казалось, был в полном порядке. Сейчас он трудился над Южной Америкой, посылая туда глыбу за глыбой. Я остался в радарной рубке, наблюдая при максимальном увеличении, как он всадил одну из ракет в эстуарий между Буэнос-Айресом и Монтевидео; даже Майк, и тот не мог быть точнее. Затем проверил его программу для Северной Америки, но придраться было не к чему, так что я закрыл файл и нажал на «старт». «Младшенький» справлялся самостоятельно — если только Майк не разобрался со своими проблемами и не взял управление на себя.

Потом я сел и попытался поймать передачи с Земли и из Луна-Сити. По кабелю, соединявшему новую катапульту с Луна-Сити, шли все наши телефонные разговоры, контакты Майка с его «сыночком-идиотом», радио и видео; мы больше не были изолированы. Кроме того, у нас были антенны, направленные прямо на Терру, так что любые программы, которые принимал Комплекс, мы могли получать напрямую. Это не было излишней роскошью — радио и видео с Земли служили единственным развлечением для строителей катапульты, а для нас теперь стали запасным вариантом на случай, если кабель будет оборван.

Официальный ретрансляционный спутник ФН объявил, что баллистические радары Луны разбиты и теперь мы бессильны. Интересно, что думали об этом жители Буэнос-Айреса и Монтевидео? Впрочем, возможно, они были слишком заняты, чтобы слушать: залпы по водным целям доставляли хлопот не меньше, а то и больше, чем взрывы на суше.

Видеоканал «Лунатика» передавал из Луна-Сити выступление Шини, который сообщал лунарям результаты атаки крейсера «Эсперанс», повторяя уже известные детали и предупреждая, что битва еще *не окончена*, что боевой корабль может в любую минуту показаться на нашем небе, что надо быть готовыми ко всему, что всем необходимо оставаться в скафандрах (Шини и сам был в скафандре, только с открытым шлемом) и тщательно соблюдать меры предосторожности в отношении воздухоснабжения. Всем подразделениям, сказал он, приказано находиться в состоянии боевой готовности, а прочим гражданам настоятельно рекомендуется оставаться на самых нижних уровнях и пребывать там, пока все не кончится. Ну и так далее...

Он повторял все это по нескольку раз... и вдруг резко оборвал начатую фразу:

— Срочное сообщение! Вражеский крейсер обнаружен радаром; идет низко и на большой скорости. Возможна посадка возле Луна-Сити. Срочное сообщение! Крейсер выпустил ракеты, они нацелены на выходной конец катапуль...

Звук и изображение исчезли.

Расскажу о том, о чем мы в «Давидовой праще» узнали гораздо позже: второй крейсер разогнался, вышел на самую низкую и крутую траекторию, какую позволяла лунная гравитация, и начал бомбить выходной конец старой катапульты — в ста километрах от ее головы и сосредоточенных там пушек-буров. Бомбил целую минуту и разнес несколько секций катапульты, пока наконец не попал в зону убойного огня артиллеристов. Думаю, он считал себя в безопасности. Но просчитался. Ребята Броуди выжгли ему глаза и отрубили уши. После этого он сделал еще один виток и разбился возле Торричелли, явно пытаясь совершить посадку, так как его дюзы заработали перед самым крушением.

Следующие новости, полученные нами на новой катапульте, были уже с Земли. Нахальная станция ФН объявила, что катапульта разрушена (правда) и что с угрозой бомбежек с Луны покончено (вранье), и призвала лунарей арестовать своих лжелидеров и сдаться на милость Федерации Наций (каковой — я имею в виду милость — не существует в природе).

Послушал, снова проверил программу и отправился в темную радарную рубку. Если все идет по плану, то в ближайшие минуты мы снесем еще одно яичко в Гудзон, а затем в течение трех часов будем поочередно долбить цели по всему континенту. Поочередно потому, что «младшенький» еще не умел наносить удары одновременно. Майк соответственно все и запрограммировал.

Река Гудзон получила удар точно по расписанию. Любопытно, подумал я, сколько ньюйоркцев слушали передачу ФН, одновременно наблюдая свидетельство ее лживости?

Двумя часами позже станция ФН заявила, что мятежные лунари имели на орбите запас снарядов в тот самый момент, когда их катапульта была разрушена, но после того как эти немногочисленные снаряды приземлятся, бомбежек с Луны больше не будет.

Когда третья бомбежка Северной Америки подошла к концу, я выключил радар. Ему ни к чему работать непрерывно; «младшенький» был запрограммирован «выглядывать» лишь

тогда, когда это действительно необходимо, и всего на несколько секунд.

Теперь у меня было целых девять часов до повторной бомбардировки Великого Китая.

Но времени для решения самого важного вопроса осталось гораздо меньше. А вопрос заключался в том, стоит ли снова бить по Великому Китаю. Без необходимой информации — если, конечно, не считать той, что поступает из земных источников. А она может быть ложной. Черт побери. Я даже не знаю, бомбили наши поселения или нет. Не знаю, жив ли проф или погиб. Дважды, черт побери. Кто я сейчас — временный премьер-министр? Мне необходим проф! Быть главой правительства — не моя это чашка chaya. А больше всего мне нужен Майк: чтобы взвесить факты, оценить степень неопределенности, рассчитать вероятные результаты того или иного курса.

Клянусь, я даже не знал, идут на нас корабли или нет; хуже того, я боялся выглянуть, чтобы узнать. Если включить радар и заставить «младшенького» пошарить по небу, то любой крейсер, задетый лучом, засечет наш радар быстрее, чем мы его. Ведь боевые корабли строятся специально с расчетом обнаруживать радарное наблюдение. Так, во всяком случае, я слыхал. Черт возьми, я же не военный, я всего лишь компьютерный техник, который случайно залез на чужую делянку.

Кто-то позвонил в дверь. Я встал и открыл. Это была Вайо с чашкой кофе. Она ничего не сказала, только подала чашку и вышла.

Я принялся за кофе. Вот так-то, парень, все оставили тебя одного, надеясь, что ты им вытащишь из кармана какое-то чудо. А я чудес делать не умею.

Откуда-то из дней моей юности я услыхал слова профа: «Мануэль, если не знаешь, как решить проблему, решай ту ее часть, которая тебе более или менее понятна, а потом начинай думать заново». Он учил меня вещам, в которых сам не так уж и разбирался,— например, математике,— но научил кое-чему куда более важному: основным принципам.

И меня осенило, что надо делать в первую очередь.

Я пошел к «младшенькому» и попросил его распечатать ожидаемые последствия ударов всех камешков, что болтались сейчас на орбитах. Это не составляло для него труда, так как было заложено в программу, которую он мог выполнять в фоновом режиме. Пока он печатал, я отыскал кое-какие из альтернативных программ, подготовленных для меня Майком и записанных на длинном рулоне.

Некоторые из них я ввел в компьютер. Дело нехитрое — просто надо было правильно их прочесть и избежать ошибок при вводе. Заставил «младшенького» распечатать их заново для проверки, прежде чем дать сигнал выполнять.

Когда я закончил, минут через сорок, каждый камешек на траекториях, нацеленных на внутренние части континента, был переадресован на прибрежные города — с тем ограничением, что для удаленных от Земли снарядов выполнение команды было отложено. Но если я не отменю ее, «младшенький» перенацелит их, когда настанет предельный срок.

Время перестало давить на меня такой гнетущей тяжестью: теперь я мог сбросить любой из этих снарядов в океан буквально за несколько минут до удара. Наконец-то можно спокойно сесть и раскинуть мозгами. Что я и сделал.

А затем созвал свой «военный кабинет»: Вайо, Стью и Грега — моего «командующего вооруженными силами». Мы собрались в офисе Грега. Леноре было разрешено входить и выходить, приносить нам кофе и еду, а остальное время сидеть да помалкивать. Ленора — женщина разумная и знает, когда надо держать язык за зубами.

Разговор начал Стью.

— Мистер премьер-министр, я не думаю, что Великий Китай стоит бомбить еще раз.

— Обойдемся без громких титулов, Стью. Может, я и выполняю обязанности премьера, а может, и нет. Но для формальностей у нас нет времени.

— Хорошо. Могу я обосновать свое предложение?

— Погоди минутку.— Я объяснил, каким образом мне удалось немного выиграть время. Стью кивнул и промолчал.—

Наша главная трудность в том, что у нас нет связи ни с Луна-Сити, ни с Землей. Грег, как там ремонтная бригада?

— Еще не вернулась.

— Если обрыв кабеля произошел вблизи Луна-Сити, они вернутся не скоро. Если вообще смогут отремонтировать. Поэтому давайте исходить из того, что нам придется действовать самостоятельно. Грег, у тебя есть электронщик, способный собрать радиопередатчик для связи с Землей? С ее спутниками, я хочу сказать. Это ведь не так трудно, антенна у нас есть. Я могу помочь, да и тот компьютерный техник, которого я к тебе послал, не такой уж неумеха.

(Честно говоря, в обычной электронике он разбирался вполне прилично — тот самый бедолага, на которого возвел напраслину, будто он позволил мухе забраться в кишки Майка. Потом я сам пристроил его сюда.)

— Гарри Бигс — наш главный мастер на силовой установке — может соорудить что угодно,— сказал Грег рассудительно,— если, конечно, у него будут детали.

— Сажай его за работу. Можешь раскурочить все, кроме радара и компьютера, когда запустим все снаряды на орбиту. Сколько их у тебя?

— Двадцать три. Больше стали нет.

— Значит, давай все двадцать три, пан или пропал. Я хочу, чтоб их немедленно подготовили к запуску. Возможно, мы швырнем снаряды в космос уже сегодня.

— Они уже готовы. Мы загружаем их с такой же скоростью, с какой катапульта выплевывает.

— Отлично. Еще одно... Я не знаю, есть ли в небе крейсеры ФН — и сколько их. И боюсь смотреть. То есть радаром искать боюсь. Если начнем шарить лучом, они обнаружат нашу позицию. Нам до зареза нужны наблюдатели. Ты можешь найти добровольцев для визуального наблюдения, освободив их от работы?

— Я пойду,— сказала Ленора.

— Спасибо, солнышко. Твое предложение принято.

— Мы найдем других добровольцев,— сказал Грег.— Не женское это дело.

— Пусть идет, Грег. Это общее дело.

Я объяснил, что мне нужно. В Океане Бурь сейчас темная половина месяца. Солнце село. Невидимая граница между солнечным светом и тенью Луны проходит над нами в строго определенном месте. Перемещаясь по небу, крейсер будет неожиданно как бы вспыхивать, двигаясь на запад, и гаснуть, двигаясь на восток. Видимая часть орбиты будет идти от горизонта до какой-то точки в небе. Если группа наблюдателей определит обе точки — одну по компасу, другую по звездам — и приблизительное время в секундах, «младшенький» сможет начать вычисления, а за два прохода определит и период, и приблизительную форму орбиты. Тогда я наконец получу представление о том, в какие моменты можно без опаски пользоваться радаром, радио или катапультой — нам вовсе ни к чему выстреливать снаряд, когда корабль ФН висит над горизонтом, а его радары, возможно, направлены в нашу сторону.

Может быть, я чересчур осторожничал, но я обязан был исходить из предположения, что новая катапульта, ее единственный радар и две дюжины снарядов — это все, что стоит между Луной и ее полным разгромом; весь наш блеф основывался на том, что земляне не знали, где и что у нас для них приготовлено. Им должно казаться, будто мы в состоянии бесконечно лупить по Терре своими глыбами, а откуда они берутся, пусть гадают до посинения.

Тогда, впрочем, как и теперь, большинство лунарей ничего не понимали в астрономии: мы же пещерные жители, мы на поверхность вылезаем только в случае необходимости. Но нам повезло. В команде Грега оказался астроном-любитель, парень, который работал в Ричардсоне. Я объяснил ему все, назначил старшим и предоставил ему самому беспокоиться о том, как обучить команду наблюдателей разбираться в звездах. Запустил, стало быть, процесс и вновь вернулся на толковище.

— Ну, Стью? Так почему же больше не надо бомбить Великий Китай?

— Я все еще жду сообщения от доктора Чана. Я получил от него одну весточку незадолго до того, как нас отрезало от других городов.

— Черт возьми, почему же ты мне не сказал?

— Я пытался, но ты заперся. А я не такой дурак, чтоб соваться под руку, когда ты занят баллистикой. Вот перевод текста. Сообщение адресовано «ЛуНоГоКо» с пометкой, что это лично для меня от парижского агента. «Наш торговый представитель в Дарвине» — то есть Чан — «сообщает, что ваши поставки» — ну, это код, естественно... дальше он перечисляет дни атаки, хотя для коспирации упоминает июнь,— «были плохо упакованы, что вызвало нежелательные потери. Если не произойдет изменений, переговоры о долгосрочном контракте окажутся под серьезной угрозой».

Стью поднял глаза от депеши.

— Все это условные фразы. Как я понимаю, доктор Чан считает, что подготовил свое правительство к переговорам, но мы должны прекратить бомбежку Великого Китая, иначе все пойдет насмарку.

Я встал и прошелся по комнате. Спросить мнение Вайо? Никто не знает достоинств Вайо лучше меня... но она часто колеблется между чувствами ярости и чисто человеческого сострадания, а я уже усвоил, что «глава государства», даже если он временный, не может себе позволить ни того ни другого. Спросить Грега? Грег прекрасный фермер, еще лучший механик и прирожденный проповедник. Люблю его всем сердцем, но его мнение меня мало интересует. Стью? Его мнение я уже слышал.

А слышал ли?

— Стью, каково твое мнение? Не мнение Чана, а твое *собственное*?

Стью задумался.

— Затрудняюсь ответить, Манни. Я не китаец, я провел слишком мало времени в Великом Китае, так что не могу считаться экспертом в их политике или психологии. Поэтому я вынужден опираться на его мнение.

— Хм... черт, но он же не лунарь! Его цели — не наши цели. Что он рассчитывает с этого поиметь?

— Я думаю, цель его маневров — монополия на торговлю с Луной. Может быть, базы у нас. Вполне возможно, создание

экстерриториального анклава. Это не значит, что мы дадим ему все эти привилегии.

— Почему же, может, и дадим, если прижмут.

— Он ничего такого сам не говорил. Чан вообще говорит мало, сам знаешь. Он в основном слушает.

— Это-то я хорошо запомнил.

Я был встревожен, и чем дальше, тем больше. В комнате глухо бубнило радио: я попросил Вайо послушать передачу с Земли, пока буду занят с Грегом.

— Вайо, родная, есть что-нибудь новенькое?

— Нет. Все одно и то же. Нас разгромили наголову и наша капитуляция ожидается с минуты на минуту. Ах да, зачитали предупреждение, что какое-то количество снарядов все еще болтается в космосе, хотя Луна и потеряла над ними контроль, и тут же заверили, что их траектории будут вычислены и жителей успеют известить, чтобы они покинули опасные зоны.

— А есть какие-нибудь намеки на то, что проф — или кто-то другой в Луна-Сити! — поддерживает контакт с Землей?

— Ровным счетом ничего.

— Дьявольщина! А из Великого Китая ничего нет?

— Нет. Отклики почти со всех континентов. Только не из Китая.

— Хм-м...— Я высунулся в коридор.— Грег! Эй, друг, посмотри, нет ли где Грега Дэвиса! Он мне нужен.

Закрыл дверь.

— Стью, мы не станем облегчать жизнь Великому Китаю.

— Вот как?

— Да, не станем. Если бы Великий Китай решился разорвать противостоящую нам коалицию, это было бы замечательно и сильно уменьшило бы наши потери. Но нам удалось заставить их задуматься только потому, что мы внушили им, будто можем лупить по Земле сколько захотим и в состоянии уничтожить любой корабль, который они вздумают выслать против нас. Во всяком случае, я надеюсь, что тот, последний, тоже подбили. А если и нет, то восемь из девяти мы раздраконили точно. И мы ничего не добьемся, если покажем им свою слабину, во всяком случае, не теперь,

когда ФН заявляет, что мы не просто выдохлись, а чуть ли не сдохли. Мы преподнесем им кое-какие сюрпризы. И начнем именно с Великого Китая, а если это огорчит доктора Чана, дадим ему тряпочку, пусть в нее порыдает. Если мы сумеем продемонстрировать им свою силу — в то время как ФН утверждает, что мы разбиты,— тогда одна из держав, обладающих правом вето, может отколоться. Не Великий Китай, так какая-нибудь другая.

Стью поклонился, не вставая.

— Как прикажете, сэр.

— Я..

Вошел Грег.

— Я тебе нужен, Манни?

— Как дела с передатчиком для Земли?

— Гарри говорит — завтра будет готово. Говорит, передатчик не ахти, но если дать ему сколько-нибудь ватт, нас должны услышать.

— Ладно, энергия у нас есть. И раз он говорит «завтра», значит, он уже знает, как эту штуку соорудить. Поэтому мы получим ее *сегодня*. Скажем, часов в шесть. Вайо, родная, ты не притащишь мои руки? Мне нужны номер шесть и номер три; впрочем, захвати номер пять тоже. А потом останешься со мной, будешь менять мне руки. Стью, я хочу, чтобы ты написал несколько едких заявлений — идея в них будет моя, уксус твой. Грег, мы не будем *запускать* все камешки в космос разом. Те, что сейчас в полете, приземлятся в течение ближайших восемнадцати-девятнадцати часов. Затем, когда ФН объявит, что камнепад окончен и угроза миновала.. мы влезем в их выпуск новостей и предупредим о новой бомбежке. На самых коротких траекториях, Грег, часов этак на десять, даже меньше. Так что проверь катапульту, атомную установку, систему управления; во время этого суперзалпа все должно быть тип-топ.

Вернулась Вайо с руками. Я сказал ей:

— Номер шесть,— и добавил: — Грег, веди-ка меня к Гарри..

Через шесть часов передатчик для трансляции на Землю был готов. Страшненький такой, сляпанный в основном из частей,

снятых с резонансного искателя, которым пользовались, когда начинали строить катапульту. Но звуковой сигнал на его рабочей частоте вполне можно было послать, к тому же весьма мощный. Мои обращения, в которые Стью подпустил яда, были записаны на пленку, и Гарри готовился послать их в сверхскоростном режиме — все земные спутники могли принимать передачи на скорости шестьдесят к одному, а мы не хотели, чтобы наш передатчик работал хоть на несколько секунд дольше необходимого. Визуальное наблюдение подтвердило наши опасения: по меньшей мере два корабля крутились на орбитах вокруг Луны.

Поэтому мы сообщили Великому Китаю, что все его прибрежные города получат подарочек с Луны в свои воды не дальше десяти километров от берега: Пусан, Циндао, Тайбэй, Шанхай, Сайгон, Бангкок, Сингапур, Джакарта, Дарвин и другие, исключая Гонконг, где удар будет нанесен прямо по зданию Дальневосточной штаб-квартиры ФН, так что мы просим, чтобы в этом районе не было ни одного человека. Стью добавил, что понятие «человек» не распространяется на персонал ФН, которому, напротив, настоятельно рекомендуется оставаться на рабочих местах.

Индия получила аналогичное предупреждение насчет прибрежных городов. Мы сообщили, что бомбежка главной штаб-квартиры ФН откладывается еще на один оборот земного шара из уважения к культурным памятникам Агры, а также для того, чтобы дать возможность жителям города эвакуироваться. (Я намеревался потом продлить срок еще на один оборот, исключительно ради профа. А затем еще на один, и так до бесконечности. Угораздило же их построить свою главную контору рядом с самой выпендрежной гробницей в мире, да к тому же любимицей профа!)

Остальным зрителям мы велели оставаться на своих местах; матч продолжается, будут сделаны дополнительные броски. Пусть только держатся подальше от любых офисов ФН, где бы они ни находились; у нас на них большой зуб, и ни один офис ФН не может считать себя в безопасности. А еще лучше вообще покинуть города, где есть штаб-квартиры Федерации; что касается эфэновских шишкарей и их холуев — пускай сидят в своих конторах и не рыпаются.

Следующие двадцать часов я обучал «младшенького», как выглядывать в небо радарами, когда там нет кораблей или, по крайней мере, когда мы считаем, что их там нет. Спал я урывками, и Ленора оставалась со мной, чтобы разбудить, когда наступит время следующего урока. Тем временем глыбы, брошенные Майком, кончились, и мы все сидели как на иголках, пока «младшенький» запускал свои первые снаряды по самым коротким и скоростным траекториям. Выждали, убедились, что все они идут точно на заданные цели, и доложили Терре, где и когда ловить подарочки. Чтобы до них наконец дошло, что хвастовство ФН своими победами — такое же вранье, как и их более чем столетняя брехня о Луне; все это было облечено в изящные, злые и надменные фразы Стью, произнесенные к тому же его великолепным культурным голосом.

Вообще-то первая бомба должна была упасть на Великий Китай, но нам все еще был виден краешек Северо-Американского Директората, до которого можно было дотянуться,— гордость американцев, великолепная жемчужина, Гавайи. «Младшенький» точно уложил свой снаряд в треугольник, образованный островами Мауи, Молокаи и Ланаи. Мне ничего не пришлось программировать — Майк предусмотрел все.

Затем pronto[1] мы выпустили десять камней через самые короткие интервалы (одну программу пришлось отменить: в небе был корабль) и сообщили Великому Китаю, когда их ждать в тех приморских городах, что мы пропустили накануне.

Теперь у нас оставалось всего двенадцать снарядов, но мы решили, что лучше истратить последние боеприпасы, чем позволить Терре заподозрить, что они последние. Поэтому семь из них я присудил портам Индии, выбрав новые цели. Стью мягко осведомился у индусов, эвакуирована ли Агра. Если нет, просим сообщить об этом *немедленно*. (Камень на нее мы так и не сбросили.) Египту было велено вывести все суда из Суэцкого

[1] Быстро, скоро (*исп.*).

канала — чистый блеф. Оставшиеся пять глыб мы приберегли на всякий случай.

А потом сели и стали ждать.

Прямое попадание в Лахайна Роудс на Гавайях. Классно выглядело при максимальном увеличении; Майк мог гордиться своим «младшеньким».

Ждем.

За тридцать семь минут до удара по китайскому побережью Великий Китай осудил действия ФН, признал нас и предложил начать переговоры... а я вывихнул палец, нажимая на кнопку отмены цели.

Дальше на кнопку пришлось жать уже больным пальцем — Индия чуть на пятки не наступала Китаю, следуя по его стопам.

Нас признал Египет. Прочие страны устроили свалку у наших дверей.

Стью проинформировал Терру, что мы откладываем бомбежку — только откладываем, а не прекращаем. И пусть сию же секунду уберут с нашего неба свои корабли — *немедленно*! Тогда будем разговаривать. Если корабли не могут вернуться на Землю без дозаправки, пусть садятся не ближе чем в пятидесяти километрах от любого из нанесенных на карту поселений и ждут, пока их капитуляция не будет принята. Но небо должно быть очищено *немедленно*!

Мы задержали передачу этого ультиматума на несколько минут, чтобы дать кораблю время уйти за горизонт; мы не собирались рисковать — одна ракета, пущенная с крейсера, и Луна станет безоружной.

Опять ждем.

Вернулась бригада ремонтников, посланная чинить кабель. Она дошла почти до Луна-Сити и обнаружила место аварии. Тонны обрушившейся породы не дали соединить обрыв, так что ремонтники сделали все, что было в их силах: вернулись к тому месту, где можно было выйти на поверхность, поставили временный ретранслятор, направили его туда, где, как они считали, находится Луна-Сити, и послали дюжину осветительных ракет через десятиминутные интервалы, надеясь, что кто-нибудь их увидит, поймет и направит сюда приемную антенну... Связь-то есть?

Связи нет.

Ждем.

Группа наблюдателей сообщила, что корабль, совершивший к тому времени девятнадцать витков, пропал из виду. Через десять минут они доложили, что и второй корабль не появился там, где его ожидали.

Ждем и слушаем.

Великий Китай от имени всех держав, имеющих право вето, принял условия перемирия и сообщил, что наше небо чисто. Ленора разрыдалась и принялась целовать всех, кто был в пределах досягаемости.

После того как мы успокоились (ни один мужик не способен соображать, когда на нем висят женщины, особенно если пять из них — чужие жены), после того как пришли в себя, я сказал:

— Стью, я хочу, чтобы ты немедленно отправился в Луна-Сити. Подбери себе ребят. Женщин не надо — последние километры придется добираться по поверхности. Узнай, что там происходит, но сначала скажи им, чтобы настроились на наш ретранслятор, и позвони мне.

— Слушаюсь, сэр.

Мы как раз собирали его в тяжелую дорогу — дополнительные баллоны с воздухом, палатки на случай аварии и тому подобное,— когда Земля вдруг вызвала меня... на той частоте, на которой мы их слушали; потом я узнал, что этот вызов передавали на всех частотах, на каких Терра вела трансляцию.

«Частное сообщение. Проф — Манни. Доказательство: день рождения Бастилии, родной брат Шерлока. Немедленно возвращайся. Карета подана к твоему ретранслятору. Частное сообщение. Проф...» И все пошло по новой.

— Гарри!

— Da, босс?

— Депеша на Землю. Запиши и передавай в сжатом виде. Не надо, чтобы они нас засекли. «Частное сообщение. Манни — профу. Медная пушка. Выехал». Попроси у них подтверждения, но пискни только один раз.

Глава 29

Стью и Грег отправились обратно, а Вайо, Ленора и я сгрудились на открытой роликовой платформе, привязавшись ремнями, чтобы не упасть; ужас, какая она была маленькая. Вот наконец и выдалась свободная минута, можно поразмышлять на досуге. В скафандрах у женщин не было радио, и переговариваться между собой можно было, лишь сблизив шлемы, что крайне неудобно.

Я начал понимать — теперь, когда мы победили,— те части плана профа, которые мне раньше казались неясными. Подставив под удар старую катапульту, он спас от бомбежки поселения... во всяком случае, я надеялся, что спас; таков был план, но проф вообще никогда не переживал по поводу того, что катапульта может быть разрушена... скорее радовался. У нас, конечно, оставалась новая, но она находилась далеко, а подходы к ней были затруднены. Потребуются годы, чтоб дотянуть к новой катапульте туннель метро, путь же по поверхности закрывают высокие горы. Может быть, дешевле починить старую. Если, конечно, это возможно.

Так или иначе, отгрузок зерна на Терру пока не будет.

А проф именно этого и хотел! Кстати, он ни разу даже не намекнул, что его план основан на уничтожении старой катапульты, я имею в виду не только план революции, но и перспективный план. Сейчас проф в этом, возможно, не признается. Но Майк мне скажет, если ему задать вопрос напрямую: был или не был этот фактор включен в разработку прогнозов? В прогноз голодных бунтов, например, а, Майк? Мне он скажет.

А эти расчеты тонна за тонну, которые так пропагандировал на Земле проф, убеждая построить катапульту на Терре? В глубине души он никакого энтузиазма по этому поводу не испытывал. Однажды даже сказал мне об этом, когда мы были в Северной Америке: «Да, Мануэль, я уверен, что такая катапульта сработает. Но это временная мера. Было время, пару столетий назад, когда грязное белье из Калифорнии возили стирать на

Гавайи — на парусных судах, заметь,— и таким же способом возвращали чистое. Ситуация ненормальная, верно? Если мы когда-нибудь увидим, что вода и навоз отправятся в Луну, а обратно повезут зерно, это тоже будет временная ситуация. Будущее Луны в ее уникальном положении — над краем гравитационного колодца богатой планеты, а также в обилии дешевой энергии и свободного пространства. Если у нас, у лунарей, хватит ума, чтобы в течение грядущих столетий оставаться свободным портом и не входить ни в какие альянсы, способные ограничить нашу свободу, мы превратимся в космический перекресток торговли двух планет, трех планет, а возможно, и всей Солнечной системы. Не оставаться же нам фермерами навеки».

Нас встретили на станции «Восточная» и едва дали нам время, чтобы стянуть с себя скафандры. Все было в точности как после нашего возвращения с Земли — толпы орали, нас тащили на плечах, в том числе и девушек. Слим Лемке спросил Ленору: «Можно, мы понесем и вас?», а Вайо ответила ему: «Конечно, уай нот?», и stilyagi чуть не передрались за право нести их.

Большинство было в скафандрах, и я удивлялся тому, как много народу носило пистолеты, пока не увидел, что это не наши пистолеты, а захваченные в боях. А главное, я испытывал невыразимое облегчение, видя Луна-Сити целым и невредимым.

Я вполне обошелся бы без триумфальных процессий; меня так и подмывало кинуться к телефону и узнать у Майка, как вообще обстоят дела: много ли разрушений, много ли погибших, во что нам обошлась победа. Черта с два! Хочешь не хочешь, а нас тащили в Старый Купол.

Они втянули нас на помост вместе с профом, остальными членами правительства, шишкарями и прочими; наши девушки тут же повисли на профе, он обнял меня в лучших традициях латинян, облобызал в щеку, а кто-то напялил мне на голову «колпак свободы». В толпе я увидел маленькую Хейзел и послал ей воздушный поцелуй.

Наконец толпа немного поутихла, и проф смог начать:

— Друзья мои,— сказал он и подождал, чтоб они замолкли.— Друзья мои,— повторил он еще тише,— мои возлюбленные

товарищи. Наконец-то мы встретились свободными, и рядом с нами стоят герои, которые сражались в последней битве за Луну, сражались в полном одиночестве.— Толпа опять завопила, а проф снова переждал шум. Я видел, как он устал. Ему приходилось крепко держаться за кафедру, и было видно, как дрожат у него руки.— Я хочу, чтобы они выступили перед вами, мы все жаждем услышать, как это было, все до единого.

Но сначала у меня есть для вас одно радостное известие. Только что Великий Китай сообщил, что в Гималаях строится колоссальная катапульта, чтобы сделать доставку грузов в Луну такой же дешевой, как с Луны на Терру! — Он остановился, чтобы переждать крики.— Но это в будущем. Сегодня же — о, какой счастливый день сегодня! Наконец-то мир признал суверенитет Луны! Свободны! Вы завоевали себе свободу...

Проф замолчал, посмотрел удивленно. Не испуганно, а с недоумением. Слегка покачнулся.

И умер.

Глава 30

Мы внесли его в магазинчик позади платформы. Но никакие врачи уже не могли ему помочь; старое сердце не выдержало сильнейших перегрузок. Его вынесли через задний ход, я пошел следом.

Стью тронул меня за руку.

— Мистер премьер-министр...

— А? — отозвался я.— Ох, ради бога!

— Мистер премьер-министр,— повторил он твердо,— вы должны поговорить с народом, отослать их всех домой. А потом есть много вещей, которые просто *не могут ждать*.— Он говорил спокойно, хотя по щекам бежали слезы.

И я вернулся на помост, подтвердил то, о чем все и так догадались, и попросил их разойтись. И открыл в «Малине», в номере «Л» — там, где все это когда-то началось,— чрезвычайное

заседание кабинета. Но сначала подошел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-XX».

Нет сигнала. Попробовал еще раз — то же самое. Откинул колпак и спросил стоявшего рядом Вольфганга:

— Разве телефоны не работают?

— Как когда,— ответил он.— Вчерашняя бомбежка кое-что нарушила. Если тебе нужен междугородный, лучше звони на телефонную станцию.

Представил себе, как звоню на станцию и прошу соединить с несуществующим номером.

— Какая бомбежка?

— А ты еще не слыхал? Они вплотную занялись Комплексом. Но ребята Броуди сбили этот корабль. Особых разрушений нет. Во всяком случае, все можно починить.

Пришлось прервать эту тему — меня ждали. С чего начинать заседание, я не знал, зато знали Стью и Корсаков. Шини было поручено составить сообщение для Терры и всех поселений Луны. Я обнаружил, что объявляю траур на месяц, двадцать четыре часа полной тишины, прекращение всех работ, кроме жизненно необходимых, отдаю приказ выставить тело для прощания... Говорил механически, ничего не соображая, в полном отупении. О'кей, соберем Конгресс через двадцать четыре часа. В Новолене? О'кей, в Новолене.

Шини готовил обращение к Земле. Вольфганг набросал для меня коротенький текст: мол, в связи со смертью нашего президента ответ Земле будет задержан на двадцать четыре часа.

Наконец нам с Вайо удалось уйти. Охрана из stilyag сдерживала толпу у тринадцатого переходного шлюза. Оказавшись дома, я сразу же юркнул в мастерскую под предлогом, что надо сменить руку.

— Майк?

Нет ответа.

Попытался набрать его комбинацию по домашнему телефону — сигнала нет. Решил на следующий же день отправиться в Комплекс: теперь, после смерти профа, нужда в Майке стала еще острее.

На следующий день поехать не удалось: метро под Морем Кризисов вышло из строя в результате последней бомбежки. Кружным путем через Торричелли можно было добраться и до Новолена, и даже до Гонконга, а до Комплекса, который был почти рядом, пришлось бы трястись на луноходе. А времени на это не было — я ведь до сих пор оставался «правительством».

Через два дня мне удалось сбросить с себя это бремя. Мы приняли резолюцию и выдвинули спикера (Финна) на пост президента, а потом вместе с Финном решили, что лучшего премьер-министра, чем Вольфганг, и быть не может. Протащили свои решения через Конгресс, и я опять стал простым конгрессменом, который пропускает большую часть заседаний.

К тому времени большинство телефонов уже работало и в Комплекс дозвониться было несложно. Я набрал «Майкрофт-XX». И не получил ответа. Поехал на луноходе. Пришлось спускаться вниз и последние километры тащиться пешком по туннелю; сам Нижний Комплекс, по-видимому, не пострадал.

Майк на вид тоже.

Но когда я заговорил с ним, он не ответил.

Больше он мне никогда не отвечал. Так он молчит уже много лет.

Ему можно задавать вопросы с клавиатуры — на Логлане. Он отвечает тоже на Логлане. Майк работает безупречно... как компьютер. Но не хочет разговаривать. Или не может.

Вайо пыталась его разговорить. Потом бросила. Со временем бросил и я.

Не знаю, что с ним случилось. Множество периферийных устройств были отрублены от Майка во время последней бомбежки. (Уверен, они бомбили специально, чтобы вывести из строя наш баллистический компьютер.) Может, из-за этого он *опустился ниже «критического уровня»*, который требуется для самосознания? (Если такой уровень вообще существует, это ведь только гипотеза.) Или его еще до бомбежки «убила» децентрализация функций управления?

Не знаю. Если все дело в «критическом уровне», то система Майка давно восстановлена и он должен был бы вернуться к прежнему состоянию. Почему же он не просыпается?

Можно ли так напугать машину, так ее ранить, чтобы она впала в кататонию и отказалась от общения? Чтобы ее *его* замкнулось в себе, все сознавая, но не желая рисковать. Нет! Быть того не может! Майк не ведал страха — он был так же весело бесстрашен, как и проф.

Годы... Перемены... Мими давно уже самоустранилась от руководства семьей. Теперь «Ма» — это Анна, а Мими дремлет у видео. Слим уговорил Хейзел сменить фамилию на Стоун*, она изучает инженерное дело, у них двое ребятишек. Изобретены новые лекарства от последствий невесомости, и теперь землееды могут торчать у нас три-четыре года и спокойно возвращаться домой. Есть аналогичные средства и для нас — молодежь часто отправляется на Терру учиться. Что касается тибетской катапульты, то на ее постройку потребовалось не десять лет, а все семнадцать. Работы на Килиманджаро закончились раньше.

Еще один небольшой сюрприз. Когда пришло время, кандидатуру Стью выдвинула Ленора, а не Вайо. В общем-то, большой разницы нет, мы все проголосовали «за». А еще одно событие трудно назвать неожиданным. Мы с Вайо провернули его еще в те времена, когда имели кое-какой вес в правительстве; на пьедестале в Старом Куполе водружена медная пушечка, а над ней искусственный сквознячок развевает флаг — черное поле, усеянное звездами, зловещая кровавая полоса, шитая золотом гордая пушка, а ниже девиз — ДАРЗАНЕБЫ!

Там мы и празднуем свое Четвертое июля.

Получаешь только то, за что заплатил; проф понимал это и заплатил с радостью.

Однако проф недооценил болтунов. Они не приняли ни одной из его идей. Видно, в человеческой природе глубоко укоренился инстинкт превращать все то, что не запрещено, в «обязательно». Профа заворожила возможность формировать черты будущего с помощью огромного разумного компьютера... и он

не уследил за тем, что творилось у него под носом. О, конечно, я поддерживал его. А теперь... сижу и думаю: стоило ли платить такую дорогую цену только за то, чтоб избавить людей от угрозы голодных бунтов, да чтоб они остались такими, какими были раньше? Не знаю.

Я вообще не знаю никаких ответов.

Спросить бы у Майка.

Я просыпаюсь по ночам и слышу тихий шепот. «Ман... Ман, мой лучший друг...» Но когда я в ответ шепчу: «Майк?» — он не отвечает. Может, он бродит где-то рядом и ищет «железку», в которую можно вселиться? Или он погребен в Нижнем Комплексе и пытается выбраться оттуда? Все его специальные ячейки памяти где-то там, они только ждут, чтобы их пробудили. Но я не могу вернуть их к жизни... они закодированы на голос.

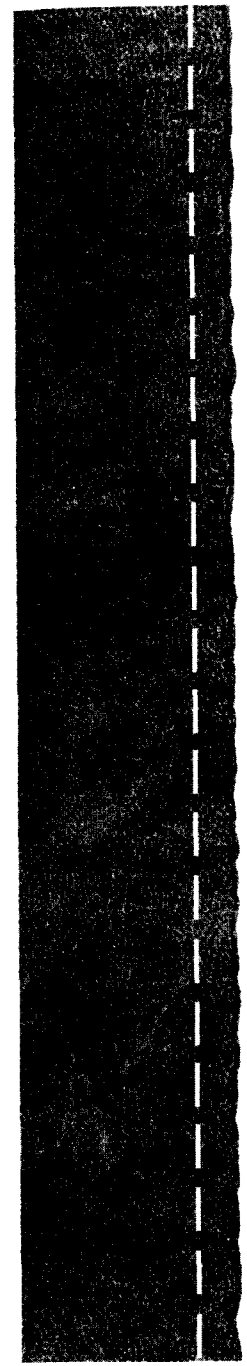
Да, я знаю, он мертв, как и проф. (А как мертв проф?) Что, если я наберу код еще раз и скажу: «Привет, Майк!» — а он вдруг ответит: «Привет, Ман! Как насчет хорошего анекдота?» Давно уже я не решался проделать это. Нет, не может он умереть! У него же не было никаких повреждений! Просто он потерялся».

— Ты слышишь, Господи? Компьютер — не одно ли из твоих созданий?

Слишком много перемен... Сходить, что ли, сегодня вечером на это толковище, тряхнуть стариной, глянуть, как ложатся брошенные наугад кости?

Или нет. С тех пор как начался бум, многие, кто помоложе, отправились на астероиды. Слыхал, что там есть недурные местечки, где народу пока маловато.

А что? Какие наши годы! Мне ведь и ста еще нет.

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

© Е. Беляева, А. Митюшкин, перевод, 2003

Экспедиция к Проксиме Центавра*, спонсированная Фондом Джордана* и стартовавшая в 2119 году, была первой документально зафиксированной попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О несчастной судьбе экспедиции мы можем только гадать...

Из книги Франклина Бака
«Романтика современной астрографии»

Часть 1

ВСЕЛЕННАЯ

— Берегись! Мут!

От этого вскрика Хью Хойланд резко, не теряя ни секунды, наклонился.

В переборку над его головой грянула железяка размером с яйцо. Запросто разнесло бы череп.

Инерция движения, сделанного Хойландом, привела к тому, что ноги оторвались от пола. Прежде чем его тело опустилось на палубу, Хью дотянулся ступней до переборки и оттолкнулся от нее. Длинным, плавным прыжком он пересек проход, держа нож наготове.

Сгруппировавшись в полете, он перевернулся в воздухе, затормозил движение, коснувшись противоположной стены, и медленно опустился на ноги. Теперь он находился в углу прохода, куда скрылся мут. Коридор был пуст. Двое товарищей приблизились к нему, неловко скользя по полу.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Да,— ответил Хойланд.— Похоже, это была самка. И я, кажется, видел четыре ноги.

— Две ноги или четыре, все равно уже не поймаем,— заметил третий юноша.

— А на кой Хафф его ловить? — возразил Махони.— Я не собираюсь.

— А я собираюсь,— сказал Хойланд.— И Джордан меня побери, возьми он дюйма на два выше, я был бы уже массой для Конвертора.

— Вы можете хоть два слова связать без ругани? — упрекнул третий.— Слышал бы вас Капитан! — С этими словами он почтительно коснулся лба.

— Ох, ради Джордана,— отрезал Хойланд.— не будь таким занудой, Морт Тайлер. Ты ведь еще не ученый. Думаю, во мне не меньше благочестия, чем в тебе, а дать иногда волю чувствам — это не смертный грех. Так даже ученые поступают. Я слышал.

Тайлер открыл было рот, чтобы возразить, но, очевидно, передумал.

Махони тронул Хойланда за руку.

— Слушай, Хью,— взмолился он,— давай выбираться отсюда. Мы еще никогда так высоко не забирались. Меня так и мотает во все стороны,— хочу вниз, почувствовать сколько-нибудь веса в ногах.

Хойланд, крепко сжимая нож, с тоской поглядел на люк, в котором скрылся противник, и повернулся к Махони.

— Ладно, малыш. Все равно еще спускаться и спускаться.

Он повернулся и заскользил к люку, через который они попали на этот уровень. Двое остальных следовали за ним. Не обращая внимания на лестницу, он шагнул в проем и стал медленно опускаться на палубу в пятнадцати футах внизу. Тайлер и Махони падали рядом. Через следующий люк, в нескольких футах от предыдущего, они попали на другую палубу. Вниз, вниз, вниз, они падали все ниже и ниже, через десятки палуб, каждая из который была тиха, тускло освещена и таинственна. Каждый раз они падали чуть быстрее, приземлялись чуть жестче. Наконец Махони запротестовал.

— Давай пешком пойдем, Хью. От последнего прыжка я ноги отшиб.

— Ладно. Только это будет дольше. Где мы сейчас? Кто-нибудь знает?

— До фермы еще около семидесяти палуб,— ответил Тайлер.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Я считал, тупица. А когда мы спускались, я отнимал единицу после каждой палубы.

— Врешь. Никто, кроме ученых, так считать не может. Думаешь, если учишься читать и писать, так уже все знаешь?

Хойланд пресек разгорающуюся ссору.

— Заткнись, Алан. Может, он и правда умеет. Он у нас головастый. В любом случае осталось палуб семьдесят — видно по тяжести.

— А слабо́, ему пересчитать лезвия на моем ноже?

— Хватит, я сказал! Дуэли за пределами деревни запрещены. Это Правило.

Дальше он продвигались в молчании, легко сбегая вниз по лестницам, пока увеличивающийся с каждой палубой вес не заставил их перейти на более степенный шаг. Наконец они достигли уровня, который был ярко освещен и по высоте был вдвое больше остальных. Воздух был влажным и теплым; растительность закрывала обзор.

— Ну вот мы и внизу,— сказал Хью.— Не узнаю эту ферму. Должно быть, мы спустились с другой стороны.

— Вон фермер,— сказал Тайлер. Он приложил мизинцы ко рту и свистнул, а потом крикнул: — Эй! Земляк! Где мы?

Крестьянин медленно оглядел их, потом неохотно процедил, как дойти до Главного Прохода, откуда можно добраться до их деревни.

Они прошли бодрым шагом полторы мили по широкому туннелю. Дорога была оживленной — путники, носильщики, тележки. В маленьком портшезе высокомерно раскачивался ученый, несли его четверо рослых прислужников, а впереди шествовал оруженосец, разгоняя с дороги простонародье. Через полторы мили дорога привела их к деревенской общине — просторному помещению в три палубы высотой и, пожалуй, вдесятеро шире. Тут их пути разошлись. Хью направился к себе в кадетскую казарму, где отдельно от родителей жили неженатые

парни. Он вымылся и пошел к своему дяде, у которого работал за еду. Тетка покосилась на него в дверях, но промолчала, как и пристало женщине.

— Привет, Хью! — поздоровался дядя.— Все исследуешь?

— Доброй еды, дядя. Исследую.

Дядя, уравновешенный и разумный человек, благодушно полюбопытствовал:

— Где же ты был? Что нашел?

Тетка молча выскользнула из комнаты и вернулась с ужином, который поставила перед племянником. Хью набросился на еду; ему и в голову не пришло поблагодарить. Он прожевал кусок, прежде чем ответить.

— Высоко. Мы добрались почти до невесомости. Мут мне чуть голову не снес.

Дядя захихикал.

— Ты найдешь свою смерть на этих ярусах, парень. Лучше займись делом... а там я, глядишь, помру и уберусь с твоей дороги.

На лице Хью выразилось упрямство.

— Разве Вам самому не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, я порядком успел полюбопытствовать в молодости. Я прошел весь Главный Проход туда и обратно. Проходил прямо сквозь Темный Сектор, где муты наступают на пятки! Видишь этот шрам?

Хью кинул невнимательный взгляд. Он видел шрам много раз и наслушался этого рассказа до тошноты. Одна вылазка в глубину Корабля — тьфу! Он хотел побывать всюду, увидеть все и понять сущность вещей. Эти верхние уровни — зачем Джордан создал их, если человеку не дозволено забираться так высоко?!

Однако он оставил свои мысли при себе и продолжил трапезу. Дядя сменил тему.

— Я собираюсь сходить к Свидетелю. Джон Блэк утверждает, что я задолжал ему трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Ну, нет, наверное... Хотя подождите... Я пойду.

— Тогда поспеши.

У кадетских казарм они задержались, чтобы Хью отпросился.

Свидетель жил в маленькой вонючей каморке, дверь которой выходила в Общий Зал как раз напротив бараков; там его мог видеть всякий, кому понадобится его помощь. Они застали его сидящим в дверях и ковыряющим в зубах пальцем. Ученик Свидетеля, подросток с пухлым лицом и напряженным близоруким взглядом, сидел на корточках позади.

— Доброй еды! — сказал дядя Хью.

— И тебе доброй еды, Эдард Хойланд. Пришел по делу или просто поболтать со стариком?

— И то и другое,— дипломатично ответил дядя Хью и изложил свою проблему.

— Так? — сказал Свидетель.— Что ж — в контракте ясно сказано:

Отдал Эду Черный Джон
Десять бушелей овса.
Ожидал в уплату он
Двух грядущих поросят.
Как дозреют поросята —
Джон свою получит плату.

— Подросли свиньи, Эдард Хойланд?

— Порядком,— признал дядя.— Но Блэк требует трех вместо двух.

— Передай ему — пусть чуток остынет. «Свидетель сказал свое слово».— И он засмеялся тоненьким голосом.

Потом они посплетничали пару минут, Эдард Хойланд углубился в рассказ о своих последних делах, желая удовлетворить ненасытную жажду подробностей, которую он знал за стариком. Хью сохранял пристойное молчание, пока старшие разговаривали. Однако когда дядя собрался уходить, он произнес:

— Я останусь ненадолго, дядя.

— Э? Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдард Хойланд.

— Я принес Вам подарок, Свидетель,— сказал Хью, когда дядя отошел за пределы слышимости.

— Дай взглянуть.

Хью вытащил упаковку табака, которую предусмотрительно взял в своем шкафчике в казарме. Свидетель принял ее без благодарности и перебросил ученику, чтобы тот припрятал.

— Зайди,— пригласил Свидетель, потом обратился к ученику: — Эй, ты! Принеси кадету стул.

— Ну, парень,— продолжил он, когда они уселись,— расскажи мне, чем ты занимаешься.

Хью принялся рассказывать, как можно подробнее описывая приключения последнего похода, а Свидетель, не переставая, ругал его за неспособность запомнить все, что он видел.

— У вас, молодых, нет никаких способностей,— твердил он.— Никаких способностей! Даже этот тупица,— он кивнул в сторону ученика,— даже у него их нет, хоть он и в двадцать раз толковее тебя. Ты не поверишь, он и тысячи строк за день всосать не может, а надеется сесть на мое место, когда меня не будет. Да когда я был учеником, я эту тысячу строк читал про себя на сон грядущий, как колыбельную. Бурдюки вы дырявые — вот вы кто!..

Хью пришлось долго ждать пока старик выговорится. Наконец тот спросил:

— Так ты хотел задать мне вопрос, парень?

— Вроде того, Свидетель.

— Ну так задавай. Что ты мямлишь?

— Вы когда-нибудь забирались наверх так высоко, где уже нет веса?

— Я? Конечно, нет. Я ведь был Свидетелем, учился своему призванию. Нужно было запомнить строки всех Свидетелей до меня, а на развлечения для пацанов времени не было.

— Я надеялся, что Вы скажете мне, что там может быть...

— А, ну это другое дело. Я никогда туда не забирался, но во мне память стольких из тех, кто лазил наверх, сколько ты никогда не увидишь. Я старый человек. Я знал отца твоего отца, а перед тем его деда. Что ты хочешь знать?

— Ну...

Что же он хочет узнать? Как задать вопрос, который был всего лишь ноющей болью у него в груди? И все же...

— Для чего это все, Свидетель? Зачем все эти уровни над нами?!

— Э? Что это ты?.. Во имя Джордана, сынок — я Свидетель, а не ученый!

— Ну... я думал, Вы должны знать. Извините.

— А я знаю. Ответ — в Строках из «*Начала*».

— Я слышал их.

— Послушай еще раз. Все ответы — там, если у тебя хватит мудрости понять их. Помогай мне. Впрочем, нет — дадим возможность моему ученику проявить свои знания. Эй, ты! Строки из «*Начала*» — и следи за ритмом.

Ученик облизал губы и начал:

Джо́рдан был допрежь начала; до всего
были мысли одинокие его,
И была до человека пустота,
что безжизненна, безвидна и пуста.
Породило одиночество порыв
и стремленье, путь решению открыв;
И воздета длань Создателя была,
и Корабль сплотился из его тепла —
Протяженья добрым полнились жильем,
был хранилищ для зерна велик объем;
Переходы, всходы, двери и чулан —
для покуда не рожденных поселян.
И решил Творец, что мир уже готов
к восприятию венца его трудов.
Человек замыслен был венцом всего,
но ключа не оказалось от него.
А ведь диким, без бразды и борозды,
он испортил бы Создателя труды.
И Всевышний Уложенья даровал —
хаос в людях ограничил и сковал,
Чтобы каждый, целям маленьким служа,
неустанно и незримо приближал
Воплощение высоких дум Творца,
чтоб порядок снизошел во все сердца.
Джордан создал для работы Экипаж
и Ученых — направлять единый План.

А судьею — так решил Создатель наш —
был поставлен над народом Капитан.
То был Золотой Век!
Только Джордан в совершенство облачен,
а у прочих совершенства нет ни в чем:
Зависть, Жадность и Гордыня ищут нас,
чтоб в умах свои посеять семена.
Первым их в себе взрастил зловещий Хафф —
проклят будь, слуга гордыни и греха!
Насадив сомненье ли, безверье ли,
бунт его советы злые разожгли;
Кровь творений Божьих запятнала пол,
Капитан в Полет безвременный ушел.
Повсеместно грех возобладал в умах,
и пути Народа проглотила Тьма...[1]

Старик ударил мальчишку по губам тыльной стороной ладони.
— Заново!
— Сначала?
— Нет! С того места, где ты ошибся.
Мальчик замялся, потом исправился:

...Повсеместно грех возобладал в умах,
и пути Народа поглотила Тьма...

Мальчишечий голос бубнил, стих за стихом, многословную, но невнятную старую-престарую историю о грехе, бунте и времени тьмы. Как наконец возобладала мудрость и тела главарей смутьянов были отправлены в Конвертор. Как некоторые из смутьянов спаслись от *Путешествия* и породили первых мутов. Как выбрали нового Капитана после многих молитв и жертвоприношений.

Хью неловко ерзал, переступал ногами. Разумеется, ответы на его вопросы были здесь, ведь это Священные Строки, но он не мог охватить их разумом. Что все это значит? Неужели в жизни нет ничего, кроме еды, сна и, в конце концов, долгого *Путешествия*? Разве Джордан не хотел, чтобы его поняли? Тогда откуда эта боль в груди? Этот голод, который не проходит даже после доброй еды?..

[1] Перевод предания сделан Эльвирой Байгильдеевой.

Когда, поспав, Хью разговлялся, к дверям дядиной квартиры подошел ординарец.

— Ученый требует присутствия Хью Хойланда,— произнес он.

Хью знал, что этим ученым был Лейтенант Нельсон, отвечавший за духовное и физическое благополучие того сектора Корабля, где находилась и родная деревня Хью. Он проглотил остатки завтрака и поспешил за посланцем.

— Кадет Хойланд! — объявили о его прибытии. Ученый поднял глаза от своего завтрака и сказал:

— Ах, да. Заходи, мой мальчик. Садись. Ты уже ел?

Хью признался, что ел, но глаза его с интересом возвращались к странному фрукту на тарелке старшего. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти фиги... Новая мутация — их принесли с дальней стороны. Давай, давай — мужчина в твоем возрасте всегда найдет местечко, куда влезут еще несколько кусочков.

Хью застенчиво принял приглашение. Никогда раньше он не ел в присутствии Ученого. Старший откинулся на стуле, вытер пальцы о рубашку, расправил бороду и сказал:

— Я не видел тебя в последнее время, сынок. Расскажи мне, чем ты занимался.

Прежде чем Хью успел ответить, он продолжал:

— Нет, не говори мне — я сам скажу. Во-первых, ты ходил в экспедиции, исследовал запретные зоны Корабля. Не так ли?

Он смотрел молодому человеку прямо в глаза. Хью судорожно размышлял, что сказать в ответ.

Но ему снова не дали ответить.

— Ладно, я это знаю, и ты знаешь, что я знаю. Я не слишком сержусь. Но этот факт заставил меня задуматься, что пора тебе решить, что ты будешь делать в жизни. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Ну... никаких определенных планов, сэр.

— Как насчет той девчонки, Идрис Бакстер? Собираешься жениться на ней?

— Ну... хм... я не знаю, сэр. Я бы, наверное, хотел, и ее отец согласен. Только...

— Только что?

— Ну... он хочет, чтобы я работал на его ферме. Наверное, это хорошая идея. Его ферма плюс дело моего дяди — это было бы порядочное состояние...

— Но ты не уверен, что это хорошая идея?

— Ну... я не знаю.

— Именно. Тебе это не по душе. У меня есть другие планы. Скажи, ты когда-нибудь задумывался, почему я учил тебя читать и писать? Конечно, задумывался. Но ты держал это при себе. Это хорошо. Теперь слушай. Я наблюдал за тобой с тех пор, как ты был ребенком. У тебя больше воображения, чем у остальных, больше любопытства, больше энергии. И ты прирожденный лидер. Еще младенцем ты отличался от других. У тебя была слишком крупная голова, и кое-кто на твоем первом осмотре проголосовал за то, чтобы сразу спустить тебя в Конвертор. Но я их отговорил. Я хотел посмотреть, что из тебя выйдет. Крестьянская жизнь тебе не по нраву. Ты должен быть Ученым.

Старик замолчал и стал разглядывать его лицо. Хью был так смущен, что потерял дар речи. Нельсон продолжал:

— Да-да, действительно У такого как ты есть только два выхода: выйти в люди или отправиться в Конвертор.

— Вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

— Если прямо — то да. Оставлять в Экипаже блестящие умы — значит плодить ересь. Мы не можем пойти на это. Однажды это произошло — и человеческая раса оказалась на грани уничтожения. Ты блеснул необыкновенными способностями; теперь тебе пристало научиться мыслить правильно, прикоснуться к тайнам, стать охраняющей силой, а не очагом скверны и источником забот.

Вновь появился слуга, отягощенный поклажей, свалил ее на палубу. Хью взглянул и выпалил:

— Ой!.. Это же мои вещи!

— Конечно,— признал Нельсон.— Я послал за ними. Теперь ты будешь жить здесь. Позже мы начнем заниматься — если ты не передумал.

— Конечно нет, сэр. Думаю, нет. Должен признаться, я немного растерян. Видимо... видно, Вы не хотите, чтобы я женился?

— Ах это,— безразлично хмыкнул Нельсон.— Женись, если хочешь, теперь ее отец не посмеет возразить. Но помяни меня, она тебе надоест.

Хью Хойланд жадно пожирал древние книги, которые наставник разрешил ему прочесть, и на многие, многие циклы сна лишился желания слазить наверх, да и вообще выползать из каюты Нельсона. Неоднократно он чувствовал, что напал на след разгадки тайны — тайны пока еще неопределенной, не оформленной даже в виде вопроса,— но только еще больше запутывался. Постичь мудрость Ученых оказалось сложнее, чем он думал.

Однажды, когда он удивлялся странным, запутанным характерам древних и пытался разобраться в их причудливой риторике и незнакомой терминологии, Нельсон зашел в тесную квартирку и, отечески положив руку ему на плечо, спросил:

— Как дела, сынок?

— Ну, вполне нормально, сэр, мне кажется,— ответил Хью, отставляя книгу.— Кое-что мне не совсем понятно — совсем не понятно, честно говоря.

— Этого следовало ожидать,— спокойно произнес старик,— Я оставил тебя для начала побороться самому, чтобы ты увидел ловушки, в которые может попасть неискушенный ум, если не получит поддержки. Многое невозможно понять без обучения. Что это у тебя? — Он поднял книгу и взглянул на обложку. «Основы современной физики».— Вот как? Это одна из самых ценных священных книг, но новичку в ней не разобраться без посторонней помощи. Первое, что ты должен понять, мой мальчик, это то, что наши предки, при всем их духовном совершенстве, смотрели на мир иначе, чем мы. Они были неисправимыми романтиками, а не практиками, как мы, и истины, которые они

передали нам, хоть и остаются несомненно верными, часто переданы языком аллегорий. Например, ты дошел до Закона Гравитации?

— Я читал об этом.

— Понял ли ты его? Нет, я вижу, что нет. Вот-вот! Рассуди сам. Ты понимал его в буквальном смысле, как рассуждение о принципах действия электрических аппаратов — в той же книге. «Два тела притягивают друг друга прямо пропорционально их массе и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними». Похоже на формулировку обычного физического закона, не так ли? Ничего подобного; таким поэтическим способом предки выразили влечение, которым движет любовь. Тела здесь — это человеческие существа, масса — это их способность к любви. Молодые в большей мере наделены этой способностью, чем старики; соединяясь, они влюбляются, но, разделенные, быстро остывают. «С глаз долой — из сердца вон». Очень просто. А ты искал здесь глубокий смысл.

Хью улыбнулся.

— Мне не пришло это в голову. Теперь я понимаю, мне еще многого не понять без вашей помощи.

— Что-то еще беспокоит тебя?

— О да, множество вещей, хотя сейчас я, наверное, не вспомню всего. Да, вот еще... Скажи, отче: можно ли мутов считать людьми?

— Вижу, ты наслушался досужих разговоров. Отвечу: и да и нет. Конечно, муты когда-то произошли от людей, но они больше не входят в Экипаж — теперь они не принадлежат к человеческой расе, так как преступили Закон Джордана.

— Это обширная тема,— продолжал он, разгораясь.— Под вопросом даже изначальное значение слова «мут»*. Несомненно, первыми мутами — раньше говорили — «смутами» — были смутьяны, избежавшие смерти в эпоху бунта. В их жилах течет кровь многих смутировавших, рожденных в темные времена. Ты, конечно, знаешь, что тогда еще не было мудрого закона — искать печать греха у каждого новорожденного и возвращать в Конвертор любого мутанта. И теперь еще в темных переходах и

на пустынных уровнях таится множество странных и ужасных существ.

Хью некоторое время размышлял об этом, потом спросил:

— Почему мутации все еще проявляются среди нас, людей?

— Это как раз легко понять. Зерна греха все еще в нас. Время от времени они прорастают. Искореняя чудовищ, мы очищаем род человеческий и тем самым приближаемся к исполнению Плана Джордана, к концу *Путешествия*, к нашему горнему чертогу, далекому Центавру.

Хойланд снова нахмурился.

— Есть еще кое-что, чего я не понимаю. Многие древние письмена говорят о *Путешествии* как о реальном *движении*, перемещении куда-то — как будто Корабль — это что-то вроде тележки. Как это может быть?

Нельсон заулыбался.

— В самом деле, как? Как может двигаться то, что само есть вместилище всего, что движется? Ответ, конечно, прост. Ты снова спутал аллегорию с явью. Разумеется, сущий Корабль недвижим в физическом смысле. Как может перемещаться Вселенная? Он *движется* в духовном смысле. С каждым праведным деянием мы приближаемся к завершению божественного Плана Джордана.

Хью кивнул.

— Кажется, я понимаю.

— Конечно, Джордан мог бы создать мир в любом ином виде, а не в виде Корабля, будь у Него такая цель. В прежние времена, когда человечество было моложе и наивнее, святые отцы устраивали целые состязания, измышляя миры, которые мог бы создать Джордан. Одна из школ породила целую мифологию о странном мире, где все вверх дном,— там бесконечные пустые просторы, где блещут булавочными уколами редкие точки света и витают бестелесные мифические монстры. Они называли этот мир райскими кущами, или юдолью, как бы противопоставляя его суровой реальности Корабля. Надо думать, они неустанно пытались мыслию постичь Корабль и измышляли всякие нюансы, пытаясь его осмыслить. Думаю, они трудились

к вящей славе Джордана, и кто скажет, как бы Он рассудил их грезы? Но мы живем в иное время и у нас более серьезные задачи.

Хью не заинтересовался астрономией. Даже его девственный разум понимал, что это учение чересчур абстрактно и оторвано от жизни. Он обратился к более насущным проблемам.

— Если муты — это семена зла, почему же нам не избавиться от них? Не будет ли это деянием, приближающим исполнение Плана?

Старик помедлил немного, прежде, чем ответить.

— Справедливый вопрос, и заслуживает прямого ответа. Поскольку ты будешь Ученым, тебе необходимо знать ответ. Посуди сам: Корабль может обеспечить лишь ограниченное количество членов Экипажа. Если мы будем неограниченно плодиться, на всех не хватит доброй еды. Разве не лучше, если некоторые из нас погибнут в стычках с мутами, нежели станут убивать друг друга из-за пищи? Пути Джордана неисповедимы. Даже мутам отведено место в Его Плане.

Это звучало разумно... Но зерно сомнения осталось.

Однако когда Хью был переведен на активную работу в качестве младшего Ученого по обслуживанию функций Корабля, он узнал, что есть и другие мнения. По обычаю, некоторое время он обслуживал Конвертор. Работа была необременительной; в основном ему приходилось проверять отходы, доставляемые носильщиками из разных деревень, вести учет их вкладу и следить, чтобы металл, годный для переработки, не попадал в бункер первой ступени. Но именно там он познакомился с Биллом Эртцем, помощником Главного Инженера. Он был чуть постарше Хью.

С ним он обсуждал все, что узнал от Нельсона, и был обескуражен позицией Эртца.

— Подумай своей головой, малыш,— говорил Эртц.— Мы — трезвые люди и занимаемся делом. Забудь эту романтическую чепуху. План Джордана! Эта ерунда нужна для того, чтобы держать в узде крестьян, но ты-то на это не покупайся! Никакого

Плана нет — есть только наши собственные насущные планы. На Корабле должны быть свет, тепло, энергия для гидропоники и приготовления пищи. Экипаж не может обойтись без этого, поэтому мы — главные в Экипаже. Что же до мягкотелой терпимости к мутам, то скоро ты увидишь кое-какие перемены! Держи язык за зубами и держись нас.

Хью смекнул, что ему следует присмотреться к группе молодых ученых. Они создали свою сплоченную организацию и были практичными, трезвомыслящими людьми, работавшими, как они это понимали, на благо всего Корабля. Сплоченность их держалась на том, что новичок, не разделявший их взглядов, заканчивал плохо. Либо он переставал справляться со своими обязанностями и снова мигом оказывался среди крестьян, либо, чаще, ему вменяли в вину служебное несоответствие и отправляли в Конвертор.

И Хойланд начинал понимать, что они правы.

Они реалисты. Корабль есть Корабль. Это факт, не требующий объяснений. Что касается Джордана — кто его видел, кто с ним говорил? Что значит его туманный План? Цель жизни — жизнь. Человек рождается, проживает жизнь, потом отправляется в Конвертор. Это очень просто, нет никакой тайны, никакого грандиозного Путешествия и никакой Центавры. Эти романтические истории — просто отрыжка детства человечества, когда люди еще не приобрели понимания и смелости смотреть в лицо фактам.

Он перестал забивать голову астрономией и мистической физикой и всей остальной мифологией, перед которой его научили преклоняться. Ему по-прежнему нравились Строки из *«Начала»* и все эти старинные рассказы о Земле (кстати, что за «Земля» такая, Хафф бы ее побрал?), но теперь он понимал, что воспринимать их серьезно могут только дети и полные олухи.

К тому же он был очень занят. Молодежь, формально подчиняясь власти старших, лелеяла и собственные планы. На первом месте стояло планомерное уничтожение мутов. Кроме того, хотя их намерения были еще не окончательно определены, они предполагали начать полное использование ресурсов Корабля,

включая верхние уровни. Молодые люди могли осуществлять свои планы, не вступая в открытую конфронтацию со старшими, просто потому, что старшим Ученым было наплевать на обыденные проблемы Корабля. Нынешний Капитан так растолстел, что редко показывался из своей каюты; его помощник из молодых присматривал за делами вместо него.

Хойланд никогда не встречался и с Главным Инженером, только на литургии по освящению Посадочных Модулей.

Истребление мутов между тем требовало тщательных разведывательных вылазок на верхние уровни. Однажды во время такой вылазки Хью Хойланду еще раз досталось камнем.

Этот мут владел пращой лучше предыдущего. Напарники Хойланда, уступив силе, ретировались, посчитав его мертвым.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Были времена, когда он играл и в карты, но Джо, правая голова, начал подозревать Джима, левую голову, в шулерстве. Они долго ссорились, а потом бросили это дело, потому что еще в самом начале своего совместного пути поняли, что две головы на одних плечах должны все же как-то уживаться.

Шашки их устраивали. Оба видели доску, что исключало споры.

Громкий металлический стук в дверь квартиры прервал игру. Джо-Джим вытащил из ножен свой метательный нож и перехватил его поудобнее.

— Заходи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший спиной вперед вошел в комнату — все знают, что это единственный безопасный способ входить к Джо-Джиму.

Вошедший был крепко сбитый и мощный детина не более четырех футов ростом. Он нес на плече, придерживая рукой, обмякшее тело.

Джо-Джим вернул нож в ножны.

— Клади его, Бобо,— велел Джим.

— И дверь закрой,— добавил Джо.— Ну, что притащил?

Это оказался молодой человек, похоже, мертвый, хотя ран на нем не было. Бобо погладил его по бедру.

— Съедим? — с надеждой спросил он. Слюна сползла из его приоткрытого рта.

— Возможно,— уклонился Джим.— Ты убил его?

Бобо потряс своей несоразмерно маленькой головой.

— Молодец, Бобо,— одобрил Джо.— Куда ты ему попал?

— Бобо попал ему *туда*,— микроцефал* ткнул безжизненное тело толстым большим пальцем между пупком и грудиной.

— Хороший удар,— одобрил Джо.— Не хуже, чем мы могли бы ударить ножом

— Бобо хороший удар,— радостно согласился гном.— Хочешь посмотреть? — Он с готовностью вытащил рогатку.

— Заткнись,— беззлобно сказал Джо.— Нет, мы не хотим смотреть; мы хотим, чтобы он заговорил.

— Бобо чинить,— согласился коротышка и приступил к делу с простодушной жестокостью.

Джо-Джим оттолкнул его и применил другие методы, болезненные, но значительно менее опасные, чем методы карлика.

Молодой человек вздрогнул и открыл глаза.

— Съедим? — повторил Бобо.

— Нет,— сказал Джо.

— Когда ты последний раз ел? — спросил Джим.

Бобо затряс головой и стал тереть живот, изображая, что это было очень, очень давно. Джо-Джим подошел к шкафчику и вытащил кусок мяса. Джим понюхал, а Джо сморщил нос и отвернулся. Джо-Джим бросил мясо Бобо, который с восторгом поймал его на лету.

— А теперь убирайся,— приказал Джим.

Бобо рысью метнулся прочь, закрыв за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленному и слегка пнул его.

— Говори,— сказал Джим.— Кто ты, Хафф тебя раздери?

Молодой человек затрясся, схватился за голову, а потом, казалось, пришел в себя, потому что вскочил на ноги, двигаясь

неуклюже из-за низкого веса этого уровня, и потянулся за своим ножом.

Ножа на поясе не было.

Джо-Джим вытащил свой нож и стал поигрывать им.

— Веди себя хорошо, и тебя не тронут. Как тебя зовут?

Молодой человек облизал губы, глаза его обшаривали комнату.

— Говори,— потребовал Джо.

— Чего с ним возиться? — спросил Джим.— Я бы сказал, он только на мясо годен. Лучше позовем Бобо назад.

— Некуда спешить,— ответил Джо.— Я хочу поговорить с этим. Как тебя зовут?

Пленник снова взглянул на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ни о чем не говорит,— заметил Джим.— Кем ты работаешь? Из какой ты деревни? И что ты делал в стране мутов?

Но на этот раз Хойланд молчал. Даже от укола ножом под ребра он только закусил губу.

— Ерунда все это,— сказал Джо.— Он просто тупой крестьянин. Брось его.

— Прикончим?

— Нет. Не сейчас. Пусть посидит взаперти.

Джо-Джим отпер крохотный закуток и, поигрывая ножом, загнал туда Хью. Потом запер дверь и вернулся к игре.

— Твой ход, Джим.

Каюта, где оказался Хью, была погружена в темноту. Малопомалу он убедился, передвигаясь на ощупь, что кроме гладких стальных стен и прочной, надежно запертой двери внутри нет ничего. Тогда он лег на пол и предался бесплодным размышлениям.

Времени для раздумий у него было более чем достаточно; не один раз он погружался в сон и просыпался. Наконец его совсем измучил голод; еще сильнее хотелось пить.

Когда Джо-Джим вспомнил о пленнике и открыл дверь темницы, он не сразу увидел Хойланда. Много раз тот планировал, что сделает, когда придет его звездный час, но когда это случи-

лось, он оказался негоден к употреблению. Джо-Джим выволок его наружу.

От бесцеремонного обращения Хью немного пришел в чувство. Он сел и огляделся.

— Готов говорить? — спросил Джим.

Хойланд открыл рот, но не смог произнести ни звука.

— Ты что, не видишь, что он пересох и не может слова сказать? — бросил Джо близнецу. Потом обратился к Хью: — Пить дадим — говорить будешь?

Хойланд сначала не понял, потом энергично закивал.

Через минуту Джо-Джим вернулся с кружкой воды. Хью жадно напился, помедлил, потом, кажется, приготовился повторить.

Джо-Джим отобрал у него кружку.

— Пока достаточно,— сказал Джо.— Расскажи нам о себе.

Хью рассказал все. Во всех подробностях, с небольшими понуканиями.

Участь раба Хью воспринял без особого сопротивления и душевного волнения. Слово «раб» не входило в его словарный запас, но такое положение было для него обыденным. Всегда были те, кто отдавал приказы, и те, кто их исполнял,— другого он не мог себе представить. Такова жизнь.

Хотя вполне естественно, что он думал о побеге.

Но только думал. Джо-Джим догадался о его мыслях и заговорил без обиняков. Начал Джо:

— Парень, не затевай ерунды. Без ножа ты и трех уровней здесь не пройдешь. Даже если сопрешь у меня нож, все равно не доберешься до уровней с нормальным весом. Кроме того, есть еще Бобо.

Хью чуть помедлил и переспросил:

— Бобо?

Джим ухмыльнулся и ответил:

— Мы сказали Бобо, что он сможет съесть тебя, если ты высунешь голову из каюты без нас. Теперь он спит за дверью. Немало времени потерял.

— Это совершенно справедливо,— вставил Джо.— Он был очень разочарован, когда мы решили приберечь тебя.

— Слушай,— предложил Джим, поворачиваясь к брату.— А как насчет поразвлечься? — Он снова посмотрел на Хью.— Умеешь бросать нож?

— Конечно,— ответил Хью.

— Посмотрим. Держи,— Джо-Джим протянул ему их нож. Хью взял, покачал его в руке, проверяя балансировку.— Бросай туда.

На дальней стене комнаты, напротив любимого стула Джо-Джима, висела пластиковая мишень, на которой он оттачивал свое мастерство. Хью прицелился и быстрым, незаметным глазу движением метнул нож. Экономичный бросок из-под руки, большой палец на лезвии, остальные вместе.

Нож закачался почти в центре мишени, в той измочаленной области, которая свидетельствовала о достижениях Джо-Джима.

— Молодец! — одобрил Джо.— Как ты думаешь, Джим?

— Дадим ему нож и посмотрим, как далеко он сможет уйти.

— Нет,— сказал Джо.— Я не согласен.

— Почему?

— Если выиграет Бобо, мы лишимся слуги. Если выиграет Хью, мы лишимся обоих. Это расточительство.

— Ну... Если ты настаиваешь...

— Ага. Хью, принеси нож.

Хью принес. Ему и в голову не пришло направить оружие в сторону Джо-Джима. Хозяин есть хозяин. Чтобы слуга напал на хозяина — это не просто плохо. Это настолько немыслимо... Это непредставимо.

Хью надеялся, что Джо-Джима впечатлит его ученость. Но вышло по-другому. Джо-Джим, особенно Джим, обожал спорить. Очень скоро они выжали все из Хью и отбросили его за ненадобностью, фигурально выражаясь. Хойланд почувствовал себя униженным. В конце концов, разве он не Ученый? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись,— сказал Джим.— Читать — это проще простого. Я умел читать, когда твой папаша еще не родился. Думаешь, ты первый ученый у нас в услужении? Ученые — ха! Толпа недоумков!

В попытке восстановить свое интеллектуальное достоинство Хью изложил теории молодых ученых, строго следующие фактам, неукоснительно реалистичные, атеистичнеские и рассматривающие Корабль как он есть. Хью втайне надеялся, что Джо-Джим поддержит такую точку зрения; казалось, это совпадало с его (их?) характером.

Оба расхохотались ему в лицо.

— В самом деле,— допытывался Джим, когда перестал смеяться,— неужели вы, молодые олухи, настолько глупы? Да вы еще хуже, чем ваши старики.

— Но вы же сами говорили,— обиженно запротестовал Хью,— что все общепринятые религиозные представления — это чушь. Так и мои друзья думают. Они хотят выкинуть весь этот старый хлам.

Джо начал отвечать, но Джим перебил:

— Что с ним возиться? Он безнадежен.

— Вовсе нет. Мне нравится беседовать. Он первый, не знаю уж за сколько времени, с кем я могу поговорить. В общем, я хочу посмотреть, голова у него на плечах или только место, откуда уши растут.

— Ладно,— согласился Джим.— Только давайте потише. Хочу вздремнуть.

Левая голова закрыла глаза и вскоре захрапела. Джо и Хью продолжали беседовать шепотом.

— У вас, молодых,— сказал Джо,— проблема в том, что когда вы не можете понять что-то с ходу, вы считаете, что этого просто нет. У стариков — наоборот. Все, что они не понимают, они истолковывают, а потом считают, что все поняли. Никто из вас не попытался прочесть простейшие слова так, как они написаны, а потом просто понять их. Нет, вы все шибко умные — если не понятно сразу, значит, тут какой-то другой смысл.

— Что вы имеете в виду? — с подозрением спросил Хью.

— Ну, к примеру, возьмем *Путешествие*. Что это значит?

— Ну... По-моему, это ничего не значит. Просто чушь, сказочка для крестьян.

— А каково общепринятое значение?

— Ну... это куда ты попадаешь после смерти... или, скорее, посмертное бытие. Ты совершаешь *Путешествие к Центавре*.

— А что такое Центавр?

— Это — заметьте, я излагаю догмы; сам я в эту чушь не верю — место в конце Путешествия, где все счастливы и где всегда добрая еда.

Джо расхохотался. Джим перестал храпеть, приоткрыл один глаз, буркнул что-то и снова заснул.

— Вот об этом я и говорю,— прошептал Джо еще тише.— Ты не думаешь своей головой. Тебе никогда не приходило в голову, что Путешествие — это именно то, что написано в древних книгах,— что Корабль и весь Экипаж в самом деле движутся куда-то?

Хойланд подумал.

— Это несерьезно. Да и *физически* невозможно. Корабль не может двигаться *куда-то*. Он уже *везде*. Можно путешествовать *по* Кораблю, но совершить *Путешествие* можно лишь в духовном смысле, если там вообще есть какой-то смысл.

Джо воззвал к Джордану.

— Послушай, напряги свою дубовую голову. Вообрази место во много-много раз больше Корабля. Корабль — внутри, и он *движется*. Понял?

Хью попытался.

Потом еще попытался.

Потом затряс головой.

— Это бессмысленно. Ничто не может быть больше Корабля. Ни для чего другого просто не останется места.

— Хафф тебя побери! Слушай! Это место — *снаружи* Корабля, понял? За последним уровнем в любом направлении. Там пустота! Просек?

— Но за последним уровнем ничего нет. Поэтому он и последний.

— Так. Возьми ножик и проверти дырку в полу последнего уровня. Что там будет?

— Но это невозможно. Пол-то твердый.

— Но представь, что ты все-таки смог сделать дырочку. Что там будет? Представь себе.

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он вертит дырочку в полу последнего уровня. Как будто пол мягкий... словно сыр.

И перед ним забрезжило понимание каких-то возможностей — возможностей, выворачивающих душу наизнанку. Он будто падал, падал в дыру, которую сделал сам и под которой не было никаких уровней. Он быстро открыл глаза.

— Это ужасно! — еле выговорил он.— Я в это не верю.

Джо-Джим поднялся.

— Я *заставлю* тебя в это поверить,— мрачно сказал он,— даже если для этого придется свернуть тебе шею.— Он шагнул к двери в коридор и открыл ее.

— Бобо! — крикнул он.— Бобо!

Джим вздрогнул и поднял голову.

—Что у вас происходит?

— Сводим Хью к невесомости.

— Зачем?

— Чтобы вдолбить немного ума в его тупую башку.

— В другой раз.

— Нет, я хочу прямо сейчас.

— Ладно, ладно. Не трясись. Все равно я уже проснулся.

Джо-Джим Грегори обладал — или обладали — мозгами почти столь же уникальными, как и телом. Он стал бы лидером в любом случае. Среди мутов само собой разумелось, что он имеет право третировать, командовать и заставлять служить себе. Будь у него жажда власти, он вполне мог бы поднять мутов на борьбу и завоевал бы Корабль вместе со всем Экипажем.

Но у него не было таких устремлений. По своей исконной сути он был интеллектуалом, сторонним наблюдателем. Его интересовали вопросы «как» и «почему», но его воля к действию

была направлена только на обеспечение собственного удобства и комфорта.

Если бы он родился двумя нормальными близнецами в Экипаже, то, вероятно, стал бы Ученым — самый простой и удобный способ обеспечить себя — и мирно развлекался бы беседами и управленческой деятельностью. Ныне же ему не хватало компаньона для умственных упражнений, и он бездельничал, читая и перечитывая книги, наворованные для него тремя поколениями слуг.

Прочитанное обсуждалось обеими половинами его двойственной личности. Постепенно они выработали весьма толковую точку зрения на историю и физический мир — за одним исключением. Они не понимали, что такое художественный вымысел, и принимали за чистую монету романы, попавшие в их руки,— так же, как учебники и справочники.

На этом они расходились. Джим считал величайшим из людей Алана Квотермейна*; Джо отдавал пальму первенства Джону Генри*.

Оба они чрезвычайно любили поэзию; Киплинга они могли цитировать страницами, и почти так же им нравился Райслинг*, «слепой певец космических дорог».

Пятясь, вошел Бобо. Джо-Джим ткнул пальцем в Хью.

— Гляди,— сказал Джо,— он выйдет.

— Сейчас? — счастливо спросил Бобо, ухмыляясь и пуская слюну.

— Тебе бы только брюхо набить! — ответил Джо, постучав Бобо по макушке.— Нет, ты его не ешь. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Не есть его?

— Нет. Защищай его. Он будет защищать тебя.

— Хорошо.— Он обреченно кивнул своей крошечной головой, признавая неизбежное.— Кровные братья. Бобо знает.

— Хорошо. Теперь пойдем туда-где-все-летают. Ты пойдешь впереди. Охраняй.

Они двинулись. Гном трусил впереди, выглядывая опасность, за ним шел Хью, а Джо-Джим прикрывал тылы, причем Джо смотрел вперед, а Джим назад, повернув голову через плечо.

Они взбирались все выше и выше. С каждым пройденным уровнем вес незаметно уменьшался. Наконец они достигли уровня, дальше которого идти было невозможно —люки кончились. Палуба чуть заметно искривлялась, было похоже, что мир имеет форму огромного цилиндра. Над головой, закрывая обзор, простиралась такая же искривленная металлическая поверхность, и неясно было, действительно ли палуба изгибается дальше.

Настоящих стен здесь не было; путников обступали огромные распорки, гигантские, несуразно мощные, аккуратно расчерчивая палубу и потолок.

Тяжесть не ощущалась. Если стоять неподвижно, ничтожный остаток веса заставлял тело чуть заметно дрейфовать вниз, к «полу», однако большой разницы между «низом» и «верхом» здесь не было. Хью это не понравилось; его подташнивало, зато Бобо был здесь явно не впервые. Он плыл по воздуху, как нелепая рыба, отталкиваясь от распорок, пола и потолка.

Джо-Джим следовал параллельно общей оси внутреннего и внешнего цилиндров по проходу, образованному распорками. Вдоль прохода располагались перила, и он передвигался, цепляясь за них, как паук по паутине. Он набрал приличную скорость, и Хью с трудом поспевал за ним. Мало-помалу освоившись, он стал двигаться длинными скользящими шагами, иногда отталкиваясь рукой или ногой. Он не мог бы сказать, сколько они прошли — подозревал, что несколько миль, но не был уверен.

В конце прохода они остановились. Путь преграждала прочная переборка. Джо-Джим двинулся вдоль нее вправо, что-то высматривая.

Наконец он нашел то, что искал,— закрытую дверь в рост человека. Разглядеть ее можно было только благодаря тоненькой щели по контуру и причудливому геометрическому орнаменту на поверхности. Джо-Джим осмотрел ее и почесал правую голову. Головы немного пошептались, потом Джо-Джим поднял руку.

— Нет! — сказал Джим.

— Как нет? — удивился Джо. Они снова пошептались, Джо кивнул, и они опять подняли руку.

Рука, не дотрагиваясь, двинулась вдоль линий узора, дюймах в четырех от поверхности. Движение было незамысловатым, но смысл жеста оставался непонятным.

Наконец Джо-Джим толкнул дверь ладонью, отплыл и замер.

Через мгновение раздался мягкий, почти неслышный шипящий звук; дверь дрогнула, отошла дюймов на шесть и тоже замерла. Джо-Джим, казалось, был озадачен. Он осторожно просунул руки в образовавшуюся щель и потянул. Ничего не произошло. Тогда он позвал Бобо:

— Открой.

Бобо, нахмурившись так, что узкий лоб почти весь ушел в морщины, осмотрел дверь. Потом уперся ногами в переборку, ухватившись одной рукой за дверь, и напрягся.

Он замер, изогнув спину, напружинив грудные мышцы, обливаясь потом. На шее выступили жилы, голова ушла в плечи. Хью услышал хруст суставов. Он подумал, что карлик может лопнуть от натуги — отступиться у него не хватит мозгов. Однако дверь неожиданно подалась и отлетела вместе с полоской металлического крепления. Она выскользнула из рук Бобо, и сила напружиненных ног отбросила его прочь от переборки. Он пролетел вдоль по проходу, пытаясь ухватиться за поручень. Но уже через минуту он снова оказался у двери, неловко переворачиваясь в воздухе и массируя ушибленную лодыжку.

Джо-Джим вошел внутрь, Хью держался за его спиной.

— Что это за место? — требовательно спросил Хью, у которого любопытство перевесило почтительность к хозяину.

— Главная Рубка,— ответил Джо.

Главная Рубка! Самое священное и запретное место на Корабле! Само ее местоположение было давно забыто. Молодые Ученые считали, что такого места вовсе не существует. Старшие расходились во мнениях от фундаменталистской догматики до мистических толкований. Хью считал себя человеком про-

свещенным, но все же название напугало его. *Рубка!* По слухам, здесь обитает дух самого Джордана...

Он остановился.

Джо-Джим тоже остановился, и Хью отвел глаза.

— Пошли. В чем дело?

— Ну... ххм...

— Говори.

— Но... это место... дух Джордана...

— Ну, во имя Джордана! — запротестовал Джо, постепенно раздражаясь,— А мне казалось, ты говорил, что вы, молодые олухи, вообще не верите в Джордана.

— Да, но... но это...

— Хватит. Пошли, а не то я на тебя Бобо напущу.

Он повернулся. Хью неохотно, как на плаху, последовал за ним.

Они протиснулись через проход, ширины которого хватало только чтобы идти плечом к плечу. Проход повернул на девяносто градусов по широкой плавной дуге и вывел прямо в рубку. Хью, исполненный страха и любопытства, выглянул из-за широкого плеча Джо-Джима.

Он увидел хорошо освещенную огромную комнату, добрых двухсот футов в диаметре. Комната-сфера казалась изнанкой гигантского глобуса. Поверхность стен была гладкой и серебристой. В центре сферы Хью увидел скопище приборов, занимающее футов пятнадцать в поперечнике. Для его неопытного взгляда они были совершенно непонятны; он не мог бы даже описать их, однако заметил, что они свободно висят в воздухе, ничем, по-видимому, не поддерживаемые.

От конца прохода к приборам в центре сферы тянулась металлическая решетчатая труба такой же ширины, что и проход. Джо-Джим обернулся к Бобо и велел ему стоять на месте, сам же вошел в трубу.

Вместе с Хью они двигались по трубе, перебирая прутья решетки. Наконец они добрались до приборов. Вблизи детали оборудования стали виднее, но оставались такими же непонятными, и Хью взглянул на внутреннюю поверхность сферы.

Это оказалось ошибкой. Поверхность была ровной, серебристо-белой и не имела перспективы. Невозможно было понять, находится ли она в сотне футов, в тысяче или за много миль. Хью никогда не видел высоты больше двух палуб и открытого пространства шире деревни. Его охватила паника, неудержимый страх, тем более что он и сам не понимал, чего боится. Дух давно забытых первобытных предков проснулся в нем, и он замер в древнем примитивном страхе падения.

Он схватился одной рукой за панель управления, другой за Джо-Джима.

Джо-Джим ударил его тыльной стороной ладони по лицу.

— Что с тобой? — прикрикнул Джим.

— Не знаю,— Хью наконец смог отвести взгляд.— Не знаю, но мне здесь *не нравится*. Пойдемте отсюда!

Джим поднял брови, глядя на Хью с отвращением.

— Действительно. Этот слабак никогда не поймет ничего, что ты ему толкуешь.

— Да ладно, все в порядке,— отмахнулся Джо.— Хью, залезай в кресло — вон в то.

Тем временем Хью поглядел на трубу, по которой они добрались до панели управления. Сфера вдруг съежилась до своих нормальных размеров и приступ паники почти прошел. Все еще трясясь, Хью подчинился.

Центр управления был жесткой конструкцией из кресел, в которых должны были располагаться операторы, и контрольной панели, расположенной почти на уровне колен — так, чтобы она была перед глазами, но не закрывала обзора. Кресла имели высокие подлокотники со встроенными в них рукоятками, но об этом Хью еще не знал.

Он проскользнул под приборной панелью на кресло, удобно откинулся в нем, наслаждаясь его прочностью и неподвижностью. Он устроился полулежа — и ногам, и голове было удобно.

Перед Джо-Джимом на панели что-то происходило; Хью заметил это краем глаза и повернулся посмотреть. В верхней части приборной доски мерцали красные буквы: «2-Й АСТРОНАВИГАТОР ГОТОВ». Что означает «2-й астронавигатор»? Хью об этом не имел ни малейшего понятия — и тут он заметил прямо перед собой надпись «2-Й АСТРОНАВИГАТОР». Хью понял, что речь идет о нем, точнее, о человеке, который должен сидеть на этом месте. Он почувствовал неловкость, словно второй астронавигатор мог войти и обнаружить, что его место занято, но выбросил эти мысли из головы — это казалось все же маловероятным.

И все же — что такое «второй астронавигатор»?

Буквы на панели Джо-Джима пропали, слева загорелась красная точка. Джо-Джим потрогал что-то правой рукой; панель отозвалась: «УСКОРЕНИЕ — НОЛЬ», «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ». Последние слова моргнули несколько раз и сменились надписью «НЕ ОТВЕЧАЕТ». Эта надпись тоже исчезла, с правого края появилась зеленая точка.

— Приготовься,— сказал Джо, глядя на Хью.— Сейчас погаснет свет.

— Вы ведь не выключите его? — испугался тот.

— Нет — его выключишь ты. Посмотри там, рядом с твоей левой рукой. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью посмотрел и обнаружил, что в подлокотнике светятся восемь маленьких ярких огоньков, расположенных двумя группами, одна над другой.

— Каждая лампочка управляет освещением в своем квадранте,— объяснил Джо.— Закрой их ладонью, и свет погаснет. Давай, попробуй.

С опаской, но сгорая от любопытства, Хью выполнил указание. Он положил на крошечные лампочки ладонь и стал ждать. Серебристая сфера сделалась тускло-свинцовой, потом еще больше потемнела, и они оказались во мраке, нарушаемом лишь слабым мерцанием приборов. Хью ощутил волнение и восторг. Он убрал ладонь; сфера осталась темной, а восемь огоньков засветились голубым.

— А теперь,— проговорил Джо,— я покажу тебе звезды!

В темноте рука Джо-Джима скользнула по другой группе из восьми лампочек.

* * *

О, миг сотворения мира!

Со стен стеллариума, точнейшим образом воспроизведенные, светя так же ровно и безмятежно, как их прототипы в черных глубинах космоса, на него смотрели звезды.

Как драгоценные самоцветы, разбросанные с небрежной щедростью по искусственному небу, перед ним лежали бесчисленные солнца — перед ним, над ним, под ним, за ним, вокруг него. Он висел в одиночестве посреди звездной вселенной.

— Ооооооох! — невольно выдохнул он.

Хью так стиснул подлокотники, что чуть не сломал ногти, но не заметил этого. Он больше не боялся; в его душе оставалось место лишь для одного чувства. Жизнь Корабля, суровая и будничная, не оставляла место прекрасному; впервые в жизни он испытал невыносимый экстаз незамутненной красоты. Это потрясло его до боли.

Лишь через некоторое время Хью настолько оправился от шока и последовавшего за ним оцепенения, чтобы заметить сардоническую ухмылку Джима и сухой смешок Джо.

— Хватит? — спросил Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил свет с помощью панели на своем левом подлокотнике.

Хью вздохнул. У него болело в груди, а сердце тяжело стучало. Он вдруг осознал, что все это время не дышал.

— Ну, умник,— спросил Джо,— теперь убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная, почему. Когда вновь зажегся свет, он опять почувствовал себя в безопасности, но его охватило ощущение огромной потери. В глубине души он знал, что, раз увидев звезды, больше не сможет быть счастлив. Ему уже не заглушить этой ноющей боли в груди, этой только что зародившейся смутной тоски по утраченному небу и звездам, хотя в простоте своей он еще не мог этого понять.

— Что это было? — хрипло спросил он.

— Оно и было,— ответил Джо.— Мир. Вселенная. То, о чем я и пытался тебе рассказать.

Хью напрягся, яростно соображая.

— Это и есть «то, что Снаружи»? — спросил он.— Все эти прекрасные маленькие огоньки?

— Ну да,— сказал Джо.— Только они не маленькие. Понимаешь, они очень далеко — может, за тысячи миль отсюда.

— Что?

— Да, да,— настаивал Джо.— Там, снаружи, места много. Космос! Он огромен. Да что там, некоторые из этих звезд могут быть размером с Корабль — а то и больше.

Лицо Хью, перекошенное от умственных потуг, представляло собой жалкое зрелище.

— Больше Корабля? — повторил он.— Но... но...

Джим нетерпеливо закивал головой.

— Что я тебе говорил? Теряешь время на этого балбеса. Он не способен...

— Полегче, Джим,— мягко перебил Джо.— Не жди, что он побежит, еще не научившись ползать. У нас и то это заняло некоторое время. Я смутно припоминаю, что и ты когда-то не сразу поверил своим глазам.

— Врешь,— заносчиво проговорил Джим.— Это тебя нужно было долго уговаривать.

— Ладно, ладно,— примирительно сказал Джо.— Мы оба не сразу поверили.

Хойланд не обратил внимания на перепалку братьев. Обычное дело; он же размышлял о вещах далеко не обычных.

— Джо,— спросил он,— а что случилось с Кораблем, когда мы смотрели на звезды? Мы что, смотрели прямо сквозь него?

— Не совсем,— сказал Джо.— Мы вообще-то смотрели не прямо на звезды, а как бы на их изображение. Как будто... Ну, в общем, это делается с помощью зеркал. У меня есть книга об этом.

— Но *можно* увидеть и сами звезды,— встрял Джим, мгновенно забыв о пикировке.— Там впереди есть помещение...

— Ну да,— перебил Джо,— у меня из головы вылетело. Капитанский мостик. Там одна стена стеклянная. Можно просто посмотреть наружу.

— *Капитанский мостик?* Но...

— Да не этого Капитана! Он-то там никогда не был. Так написано на табличке над дверью.

— А что такое «мостик»?

— Провалиться мне, если я знаю. Просто название такое.

— Вы сводите меня туда?

Джо хотел было согласиться, но вмешался Джим.

— В другой раз. Пошли обратно — я проголодался.

Они снова прошли сквозь трубу, разбудили Бобо и проделали долгий путь назад.

Прошло много времени, прежде чем Хью уговорил Джо-Джима снова взять его на разведку, но это время прошло не зря. Нигде Хью не видел столько книг, как у Джо-Джима. Некоторые из них Хью читал и раньше, но теперь перечитывал с новым пониманием. Он читал и читал, поглощая новые мысли, спотыкался, боролся, пытался понять. Он забывал о сне и пище, и лишь боль в желудке напоминала ему о нуждах тела. Утолив голод, он возвращался к книгам и снова читал, пока голова не начинала раскалываться, а глаза не отказывались видеть.

Служить Джо-Джиму оказалось довольно легко. Хотя он не освобождал Хью от обязанностей, но не возражал против чтения, лишь бы тот находился в пределах слышимости и откликался по первому зову. Обязанности сводились в основном к игре в шашки с одной из голов, когда вторая отказывалась, да и это время было не совсем потеряно, потому что, играя с Джо, частенько удавалось завязать разговор о Корабле, его истории, приборах и оборудовании, людях, которые его построили и управляли им поначалу,— а также *их* истории, и о Земле, этом невероятном, странном месте, где люди жили не *внутри*, а *снаружи*.

Хью все удивлялся, как они не падали.

Он обсудил это с Джо и в конце концов получил некоторое представление о гравитации. Сердцем он так и не смог этого воспринять — идея оказалась слишком невероятной, но как концепцию смог ее понять и использовать много позже, в своих первых попытках приблизиться к науке баллистики и искусству астронавигации и управления космическим кораблем. Позже на этой основе он задумался о проблеме веса на самом Корабле,— о проблеме, которая никогда раньше не волновала его. То, что чем ниже спускаешься, тем тяжелее становишься, казалось ему настолько естественным, что тут и думать было не о чем. С центробежной силой он был знаком на примере пращи. Но применить это знание ко всему Кораблю, представить, что Корабль вращается как праща и тем самым придает предметам вес,— это было слишком сложно. В это он не мог поверить.

Джо-Джим еще раз сводил Хью в Рубку и показал то немногое, что сам знал об управлении Кораблем и астронавигационных приборах.

Давно забытые инженеры Фонда Джордана проектировали корабль, который не развалился бы от старости, даже если Путешествие продлится дольше запланированных шестидесяти лет. Задача оказалась решенной блестяще. Создавая двигатели главной тяги, системы жизнеобеспечения Корабля, разрабатывая панель управления, которая бы позволяла отказаться от автоматики, инженеры отбросили идею движущихся частей. Все основывалось не на грубых механических движениях, а на чистой энергии, на силе электрических преобразований. Вместо того чтобы нажимать кнопки, дергать рычаги, щелкать тумблерами, астронавигатор должен был помещать ладонь на лампочку, тем самым перекрывая луч света и изменяя баланс статических полей.

Таким образом, понятия трения, износа и разрушения теряли смысл. Даже если все люди погибли бы, Корабль по-прежнему летел бы сквозь космос, с горящими огнями, с чистым воздухом, с готовыми к работе двигателями. Так и случилось. Хотя вышли из строя лифты и конвейеры, забылись их устройство и назначение, оборудование в основном продолжало обслуживать невежественный экипаж — либо спокойно дожидалось, пока кто-нибудь сможет его использовать.

В строительство Корабля вложено было немало гениальных идей. Поскольку он был слишком велик для сборки на Земле,

его собирали по частям на орбите за Луной. Там он вращался пятнадцать долгих лет, пока не были поставлены и решены все задачи надежности и долговечности оборудования. В процессе возникло и развилось целое направление субмолекулярной технологии.

Именно поэтому, когда Хью возложил свою необученную, но пытливую руку на ряд огоньков с надписью «УСКОРЕНИЕ, ПЛЮС», он получил немедленный ответ. Вспыхнула красная лампочка на верхней панели первого пилота, потом быстро замигала, а на информационной панели зажглась надпись: «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ – НЕТ ВАХТЫ».

— Что это значит? — спросил он Джо-Джима.

— Никто не знает,— ответил Джим.

— Мы проделывали то же самое в комнате управления главными двигателями,— добавил Джо.— Так там высвечивается надпись «Рубка — нет вахты».

Хью поразмыслил.

— А что произойдет,— продолжал настаивать он,— если на всех постах будут люди, а я закрою эти огни рукой?

— Не знаю,— сказал Джо.— Мы ведь не могли попробовать.

Хью промолчал. В нем зрела смутная решимость, и ее следовало обдумать.

Чтобы выдвинуть свою идею, Хью дождался, когда обе головы Джо-Джима будут в хорошем настроении. Они были на Капитанском мостике, когда Хью решил, что момент созрел. Джо-Джим разнежился на Капитанском кресле, его брюхо было набито едой, а глаза разглядывали безмятежные звезды сквозь толстое стекло главного иллюминатора. Хью парил в воздухе рядом с ним. Корабль вращался, и звезды описывали в небе величественные окружности.

Наконец Хью произнес:

— Джо-Джим...

— А? Чего тебе, малыш? — откликнулся Джо.

— Очень красиво, правда?

— Что?

— Все это. Звезды...— Хью махнул рукой на вид за иллюминатором, после чего ему пришлось схватиться за кресло, чтобы остановить свое собственное вращение.

— А, ну да. Поднимает настроение.— На удивление, это сказал Джим.

Хью понял, что время пришло. Он выждал еще мгновение, потом сказал:

— А если мы доведем это дело до конца?

Две головы повернулись одновременно.

— Какое дело?

— Путешествие. Запустим главный двигатель... Где-нибудь там,— поспешно продолжал он, боясь, что его перебьют,— есть планеты, похожие на Землю... по крайней мере, так считал Первый Экипаж. Надо найти их.

Джим глянул на него и расхохотался. Джо покачал головой.

— Малыш,— сказал он.— Ты сам не понимаешь, что несешь. Такой же идиот, как Бобо. Нет, с этим покончено. Забудь.

— Почему покончено, Джо?

— Ну, потому что... Это слишком большое дело. Нужен экипаж, чтобы разобраться во всем, научиться управлять Кораблем.

— Зачем столько народу? Вы показали мне всего десяток мест, где должны находиться люди. Наверное, десятка достаточно, чтобы управлять Кораблем. Если они знают то же, что и вы,— лукаво добавил он.

Джим захихикал.

— Он поймал тебя, Джо. Он прав.

Джо отмел этот аргумент.

— Ты нас переоцениваешь. Может, мы и *могли бы* управлять Кораблем, но куда лететь? Мы не знаем даже, где находимся. Корабль дрейфует — уж не знаю, сколько поколений. Мы не знаем, куда летим и с какой скоростью.

— Но послушай,— взмолился Хью,— есть ведь приборы. Вы же мне их показывали. Разве мы не можем научиться пользоваться ими? *Ты* же смог бы разобраться в них, Джо, если бы захотел?

— Пожалуй,— согласился Джим.

— Не хвастайся, Джим,— сказал Джо.

— Я не хвастаюсь,— отрезал Джим.— Если они в порядке, я в них разберусь.

Джо фыркнул.

Вопрос повис в неустойчивом равновесии. Хью, как и хотел, добился разногласия между братьями, причем менее сговорчивая голова оказалась на его стороне. Теперь важно закрепить успех...

— У меня есть идея,— сказал он быстро,— где достать тебе людей, Джим, если ты их согласишься обучить.

— Что еще за идея? — подозрительно спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о компании молодых ученых...

— А, эти придурки!

— Да, конечно — они ведь не знают того, что знаете вы. Но они — по-своему — пытаются мыслить разумно. И если бы я спустился и рассказал им, чему тут научился, то у вас появилось бы много людей.

Джо перебил:

— Посмотри-ка на нас внимательно, Хью. Что ты видишь?

— Ну... я вижу *вас*... Джо-Джима.

— Ты видишь мута,— поправил Джо с сарказмом в голосе.— Мы — *мутик*. Дошло? Ученые твои не будут с нами работать.

— Нет, нет,— запротестовал Хью,— неправда. Я не о крестьянах толкую. Крестьяне не поймут, но это ведь *Ученые*, к тому же самые толковые из всех. Они поймут. От вас всего-то требуется — организовать им безопасный проход через края мутов. Это вы можете сделать, так ведь? — добавил он, инстинктивно переводя разговор на более твердую почву.

— Уж будь уверен,— сказал Джим.

— Брось,— сказал Джо.

— Ну ладно,— согласился Хью, чувствуя, что Джо в самом деле раздражен его настойчивостью.— Но могло бы получиться забавно...— Он немного отодвинулся от братьев.

Он слышал, что Джо-Джим тихонько продолжает спор, но притворился, что ничего не слышит. У Джо-Джима был существенный недостаток, проистекавший из их двойственной природы: поскольку они были скорее сообществом, чем индивидуумом, из них был никудышный человек действия, ведь каждое решение требовало обсуждения и компромисса.

Вскоре Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, будь по твоему!

Потом он позвал:

— Хью! Иди сюда!

Хью оттолкнулся от ближайшей переборки, подлетел к Джо-Джиму и ухватился за спинку Капитанского кресла.

— Мы решили,— без предисловий сказал Джо,— отпустить тебя обратно в твои края, чтобы ты попробовал пропихнуть свою идею. Но все-таки ты дурак,— угрюмо добавил он.

Бобо проводил Хью через все опасные уровни, где обитали муты, и оставил в ненаселенной зоне с нормальной тяжестью.

— Спасибо, Бобо,— сказал на прощанье Хью,— Доброй еды.

Карлик ухмыльнулся, кивнул и заспешил обратно, карабкаясь по лестнице, по которой они только что спустились.

Хью повернулся и двинулся вниз, придерживая свой нож. Приятно было снова чувствовать его на поясе. Конечно, это был не его прежний нож. Тот стал трофеем Бобо. Но и этот нож, данный ему взамен Джо-Джимом, был прилично сбалансирован и вобще хорош.

Бобо довел Хью, по его просьбе и по указанию Джо-Джима, до области, находившейся прямо над дополнительным Конвертором, которым пользовались Ученые. Он собирался найти Билла Эртца, Помощника Главного Инженера и лидера блока молодых ученых, к тому же ему не хотелось отвечать на лишние вопросы, пока он не нашел Билла.

Хью быстро прошел оставшиеся уровни и оказался в главном переходе, который он сразу узнал. Прекрасно! Поворот налево, еще двести ярдов, и вот он уже возле двери Конвертора. У двери стоял охранник. Хью хотел прошмыгнуть, но был остановлен грозным окриком:

— Куда это ты собрался?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный Инженер? Его здесь нет.

— Он — Главный? А что случилось с прежним? — Хойланд тут же пожалел о сказанном, но было поздно.

— Хм? Прежний? Да ведь он уже давным-давно отбыл в Путешествие.— Стражник посмотрел на него с подозрением.— Что это ты?

— Ничего,— сказал Хью,— просто оговорился.

— Странная оговорка. Главный Инженер, наверное, у себя в кабинете.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

После недолгого ожидания Хойланду разрешили зайти к Эртцу. Тот взглянул на него из-за стола.

— Ну-ну,— сказал он.— Живым вернулся. Вот номер! Знаешь, мы уж тебя списали в Путешествие.

— Догадываюсь.

— Садись, рассказывай. Пару лишних минут я на тебя выкрою. Знаешь, я бы тебя не узнал. Ты сильно изменился — весь седой. Похоже, несладко пришлось?

Седой? Неужели он поседел? Да и Эртц сильно изменился, заметил Хью. Брюшко, морщины. О Джордан! Сколько же прошло времени?

Эртц побарабанил по столу, скривился.

— Твое возвращение создает проблему. Боюсь, что не смогу назначить тебя на прежнюю работу; на этой должности Морт Тайлер. Но мы найдем тебе место по чину.

Хью вспомнил Морта Тайлера без особой симпатии. Выскочка, буквоед... Значит, Тайлер теперь Ученый и занял место Хью у Конвертора. Впрочем, неважно.

— Хорошо,— начал он.— Я хотел поговорить с вами о...

— Конечно, встает еще вопрос старшинства,— продолжал Эртц.— Возможно, будет лучше, если эту проблему обсудит Совет. Я не слышал о прецедентах. Несколько Ученых пропадали у мутов раньше, но ты первый на моей памяти, кто остался в живых.

— Это неважно,— перебил Хью.— Там я обнаружил удивительные вещи, Билл, вещи первостепенной важности. Вы обязаны знать об этом. Поэтому я и пришел первым делом к тебе. Послушайте, я...

Эртц вдруг насторожился.

— Ну конечно! Как же я не подумал. У тебя ведь была прекрасная возможность исследовать мутов и их территорию. Ну давай, дружище, докладывай!

Хью покусал губу.

— Это не то, что ты думаешь,— сказал он.— Это намного важнее, чем просто доклад о мутах, хотя это их тоже касается. Фактически, нам, возможно, придется изменить всю политику относительно му...

— Ну, давай без предисловий! Я весь внимание.

— Ладно.

Тщательно подбирая слова и стараясь говорить убедительно, Хью рассказал ему о грандиозном открытии относительно истинной природы Корабля. Он слегка коснулся проблем, связанных с необходимостью реорганизации Корабля в соответствии с новой концепцией и сделал упор на престиже и уважении, ожидающих человека, который встанет во главе реформ.

Он говорил — и следил за лицом Эртца. Когда тот услышал от Хью, что Корабль действительно движется в огромном внешнем пространстве, на нем проступило изумление, но потом лицо Эртца окаменело и Хью уже ничего не мог по нему прочесть. Лишь когда Хью разливался, что Эртц как раз подходит на роль лидера,— ведь он и есть лидер молодых, прогрессивных ученых,— в глазах его мелькнул проблеск живого интереса.

Закончив, Хью замолк в ожидании. Эртц помолчал, с досадой постукивая по столу. Наконец он сказал:

— Это очень важно, Хойланд, слишком важно, чтобы решать на ходу. Мне нужно все обдумать.

— Конечно,— согласился Хью.— Я только хотел добавить, что о безопасном проходе в невесомость я договорился. Могу провести вас. Ты все увидишь своими глазами.

— Несомненно, это лучше всего...— произнес Эртц.— А пока... Ты голоден?

— Нет.

— Тогда отдыхай. Можешь пользоваться комнатой позади моего кабинета. Я не хочу, чтобы ты обсуждал все это с кем-либо, пока я все не обдумаю; это может вызвать ненужные волнения, если выйдет наружу без должной подготовки.

— Да, ты прав.

— Очень хорошо, тогда...— Эртц провел его в комнату за кабинетом, явно используемую как жилая.— Отдохни хорошенько, а позже поговорим.

— Спасибо,— поблагодарил Хью.— Доброй еды.

— Доброй еды.

Когда Хью остался один, его радость постепенно увяла, и он понял, что сильно устал и хочет спать. Он вытянулся на встроенной койке и заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что единственная дверь заперта снаружи. Хуже того, исчез его нож.

Он *прождал неопределенно долгое время, прежде чем* услышал шум за дверью. Дверь открылась; вошли двое крепких, угрюмых детин.

— Пошли,— сказал один из них.

Хью смерил их взглядом, заметив, что ни у того ни у другого нет ножа. Значит, нечего выхватить у них из-за пояса. С другой стороны, больше шансов отбиться от безоружных.

Однако рядом, во внешней комнате, маячили еще двое громил. Один поигрывал ножом; другой держал нож метательным захватом.

Хью был в западне и знал об этом. Они только и ждали, когда он взбрыкнет.

Давным-давно он научился смиряться перед неизбежностью. Он сжал зубы и спокойно вышел. Через дверь он заметил Эртца, который явно командовал четырьмя мужчинами. Хью заговорил с ним, тщательно следя за тем, чтобы голос оставался спокойным.

— Привет, Билл. Хорошенькие меры предосторожности. Что стряслось?

Эртц, замявшись с ответом, все же сказал:

— Ты предстанешь перед Капитаном.

— Прекрасно! — ответил Хью.— Спасибо, Билл. Только почему ты думаешь, что с этой идеей стоит соваться сразу к Капитану? Может, сперва как следует обсудим с остальными?

Эртц был раздражен его очевидной тупостью и не скрывал этого.

— Ты не понял,— проворчал он.— Ты идешь к Капитану, чтобы предстать перед судом — за ересь!

Хью сделал вид, что такая мысль ему и в голову не приходила. Потом спокойно ответил:

— Вы спустились не по тому проходу, Билл. Возможно, суд и обвинение — это наилучшее решение проблемы, только я не крестьянин, чтобы меня тащить к Капитану. Меня должен судить Совет. Ведь я Ученый.

— До сих пор? — вкрадчиво спросил Эртц.— Я посоветовался по этому поводу. Ты уже вычеркнут из списков. Что ты сейчас есть — это решит Капитан.

Хью *остался невозмутим. В этой ситуации не стоило зря* злить Эртца. Эртц подал знак; невооруженные конвоиры схватили Хью за руки. Он безропотно пошел за ними.

Хью смотрел на Капитана с новым интересом. Старик не сильно изменился — может, еще чуть потолстел.

Капитан, кряхтя, опустился в кресло, потом взял лежащие перед ним листки.

— Что это? — раздраженно начал он.— Я ничего не понимаю.

Обвинение против Хью собирался изложить Морт Тайлер, обстоятельство, которое Хью не мог предвидеть и которое не добавило ему хорошего настроения. Он мысленно прошелся по воспоминаниям детства, чтобы найти какие-нибудь зацепки для завоевания его симпатии, но не вспомнил ничего. Тайлер откашлялся и ответил:

— Это дело Хью Хойланда, Капитан, бывшего молодого Ученого...

— А, Ученого? Так это же дело Совета?

— Он уже не Ученый, Капитан. Он перекинулся к мутам. Теперь он вернулся, проповедуя ересь и желая подорвать Ваш авторитет.

Капитан взглянул на Хью с явной враждебностью человека, ревниво относящегося к своим прерогативам.

— В самом деле? — проревел он.— А сам ты что скажешь про себя?

— Это не так, Капитан,— ответил Хью.— Все, что я сказал, лишь подтверждает абсолютную истинность древнего Учения. Я не оспаривал законы, по которым мы живем; я лишь нашел им более веские подтверждения. Я...

— Я все-таки не понимаю,— прервал Капитан, тряся головой.— Ты обвиняешься в ереси, но утверждаешь, что веришь в Учение. Если ты невиновен, то почему ты здесь?

— Возможно, я могу прояснить дело,— встрял Эртц.— Хойланд...

— Да, надеюсь, что сможешь,— продолжил Капитан.— Давай, послушаем.

Эртц излагал довольно правильную, хотя и несколько произвольно сокращенную версию возвращения Хойланда и его странного рассказа. Капитан слушал с выражением, меняющимся от озадаченности до раздражения.

Когда Эртц закончил, Капитан повернулся к Хью.

— Хм! — произнес он.

Хью немедленно заговорил:

— Все, что я утверждаю, Капитан —то, что наверху воочию можно узреть истинность нашей веры и убедиться, что Корабль движется, увидеть План Джордана в действии. Это не отрицание веры; это подтверждение ее. Нет необходимости верить мне на слово. Сам Джордан засвидетельствует мои слова.

Видя, что Капитан колеблется, вмешался Тайлер:

— Капитан, существует возможное объяснение этой невероятной ситуации, и я считаю себя обязанным довести его до Вашего сведения. Вкратце — есть две очевидные интерпретации смехотворной истории, сочиненной Хойландом. Во-первых, возможно, он просто виновен в неслыханной ереси, а во-вторых,

он, возможно, скрытый мут и лелеет план предать Вас в их лапы. Однако существует и третье, более милосердное толкование, и я лично считаю, что именно оно вернее всего. Существуют записи о том, что Хойланда всерьез собирались отправить в Конвертор во время послеродового освидетельствования. Отклонения от нормы были незначительны — слишком большая голова, и его оставили. Я думаю, что зверства, которым подвергали его муты, окончательно повредили его неустойчивый разум. Бедняга просто не отвечает за свои действия.

Хью взглянул на Тайлера с неким уважением. И снял все обвинения, и гарантированно отправил в Путешествие. Это надо уметь!

Капитан махнул рукой.

— Давайте заканчивать,— потом произнес, повернувшись к Эртцу,— Есть предложения?

— Да, Капитан. Конвертор.

— Что ж, очень хорошо. Но, Эртц, я в толк не возьму,— добавил он раздраженно,— зачем меня побеспокоили с этой ерундой. По-моему, ты и без моей помощи в состоянии навести у себя порядок.

— Да, Капитан.

Капитан, поднимаясь, отодвинулся от стола.

— Рекомендация подтверждается. На списание.

От бессмысленной несправедливости Хью окатило яростью. Они и не подумали взглянуть на единственное свидетельство его правоты. Он услышал вопль «Подождите!» — и понял, что это его собственный голос. Капитан остановился, глядя на него.

— Подождите минуту,— продолжал Хью. Слова лились сами собой.— Это ничего не решит, какого черта вы уверены, что знаете все ответы, что мудры настолько, что не хотите пойти и взглянуть своими глазами? И все-таки — все-таки — *он движется*!*

У Хью было время подумать, лежа в комнате, где его оставили дожидаться, пока Конвертору понадобится энергия. Время подумать, осознать свои ошибки. Ошибка номер один — немедленно рассказать свою историю Эртцу. Нужно было подождать,

заново познакомиться с ним и прощупать, а не надеяться на дружбу, которая никогда не была слишком крепкой.

Вторая ошибка — Морт Тайлер. Услышав это имя, нужно было разузнать, какое влияние он имеет на Эртца. Хью же знал его слишком давно, следовало быть осторожнее.

И вот он осужден как мутант — а может быть, как еретик. Это все равно. Он поразмыслил, не следовало ли ему попробовать объяснить, как произошли мутанты. Сам он прочел об этом в одной рукописи из библиотеки Джо-Джима. Нет, это бы не помогло. Как рассказать о радиации Снаружи, вызывающей рождение мутантов, если слушатели не понимают, что такое Снаружи? Нет, он все провалил еще до встречи с Капитаном.

Его самообвинения прервал звук отпираемой двери. Время скудной кормежки еще не наступило; он подумал, что за ним наконец пришли, и вновь пообещал себе, что один в Путешествие не отправится.

Но он ошибся. Раздался голос, исполненный доброты и достоинства:

— Сынок-сынок, как же это случилось?

Это оказался Лейтенант Нельсон, его первый учитель, совсем постаревший и высохший.

Разговор расстроил обоих. Одинокий старик когда-то возлагал большие надежды на своего воспитанника, даже подумывал, что тот может стать капитаном, хотя никогда не говорил об этом, считая, что не следует захваливать молодых. Когда Хью пропал, сердце старика было разбито.

Теперь Хью вернулся мужчиной, вот только обстоятельства сложились против него и он приговорен к смерти.

Для Хью встреча тоже была нерадостной. Он по-своему любил старика, хотел порадовать его и получить его одобрение. Но, рассказывая свою историю, видел, что Нельсон не способен воспринимать ее иначе, как поразившее Хью расстройство рассудка. Он подозревал, что Нельсон предпочел бы узнать, что он принял легкую смерть в Конверторе, где его атомы расщепились бы до водорода и дали чистую полезную энергию, чем видеть, как он глумится над древним Учением.

В этом он был несправедлив к старику; он недооценил милосердие Нельсона, а не его преданность «науке». Однако следует отдать Хью должное — если бы ставки не были так высоки, он, наверное, предпочел бы умереть, чем разбить сердце своего благодетеля,— ведь он был романтиком, способным на дурацкие поступки.

В конце концов, визит стал слишком тяжел для них обоих, и старик поднялся.

— Могу я что-то сделать для тебя, сынок? Тебя хорошо кормят?

— Вполне, спасибо,— солгал Хью.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет... разве что немного табаку. Я так давно его не жевал.

— Об этом я позабочусь. Может, хочешь повидать кого-нибудь?

— Но мне казалось, что ко мне не пускают посетителей — обычных посетителей.

— Верно, но я думаю, что мог бы добиться послабления. Только обещай мне, что не будешь говорить о своей ереси,— беспокойно добавил он.

Хью лихорадочно размышлял. Появился какой-то шанс. Дядя? Нет, они хорошо ладили, но никогда не понимали друг друга — а теперь стали и вовсе чужими. Ему никогда не везло на друзей; Эртц, например, считался его другом, а чем это кончилось! Тут он вспомнил своего деревенского приятеля, Алана Махони, с которым играл еще мальчишкой. Правда, он почти не видел его с тех пор, как стал учеником Нельсона. И все же...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Ну да.

— Я бы хотел увидеться с ним, если он согласится прийти.

Алан пришел, нервный, смущенный, но, очевидно, обрадованный встречей с Хью и сильно расстроенный тем, что Хью приговорили к Путешествию. Хью похлопал его по спине.

— Молодец,— сказал он.— Я знал, что ты придешь.

— Конечно, я пришел, как только узнал,— запротестовал Алан.— Только в деревне никто не знает. Думаю, даже Свидетель не знает.

— Что ж, ты здесь, и это главное. Расскажи, как ты живешь. Женился?

— Хм-хм, нет. Да что обо мне говорить — только время тратить. У меня ничего не происходит. Но как, во имя Джордана, ты попал в такой переплет?

— Я не могу об этом рассказывать, Алан. Я обещал Лейтенанту Нельсону.

— Старина, какие обещания, когда речь идет о голове?!

— А то я не понимаю!..

— Кто-то что-то против тебя имеет?

— Хм... Наш старый приятель Морт Тайлер был не на моей стороне; думаю, это-то я могу сказать.

Алан присвистнул и медленно покачал головой.

— Это многое объясняет.

— Та-ак... Ты что-то знаешь?

— Может да, а может и нет. Когда ты пропал, он женился на Идрис Бакстер.

— Вот оно что... Да, это кое-что проясняет.

Он помолчал.

Вдруг Алан сказал:

— Слушай, Хью. Ты ведь не собираешься тут задерживаться, так? Особенно если впутался Тайлер. Нам надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю. Может, устроить налет. Думаю, я смогу собрать лихих ребят с ножами...

— И все окажемся в Конверторе. И ты, и я, и твои приятели. Отпадает.

— Но ведь нужно что-то делать. Нельзя же просто сидеть и ждать, когда тебя аннигилируют.

— Понимаю.— Хью заглянул Алану в глаза. Можно ли доверить ему такое?

Ободренный увиденным, он продолжил.

— Слушай. Ты сделаешь все, чтобы вытащить меня отсюда, так?

— Сам знаешь,— в голосе Алана прозвучала обида.

— Что ж, хорошо. Есть карлик по имени Бобо. Я скажу тебе, как его найти...

Алан карабкался все выше и выше, выше, чем когда-то, еще мальчишкой, безрассудно рискуя, забирался вместе с Хью. Теперь он повзрослел, стал осторожнее; исчез молодой задор. К реальным опасностям, подстерегающим вдали от исхоженных маршрутов, примешивался суеверный страх. Однако он двигался вперед.

Должно быть, уже близко — если только не ошибся в счете. Но никаких карликов не видно.

Бобо заметил его первым. Снаряд из пращи попал Алану прямо в солнечное сплетение. Он успел лишь вскрикнуть «Бобо!».

Пятясь, Бобо вошел в комнату Джо-Джима и свалил свой груз к ногам близнецов.

— Свежее мясо,— гордо произнес он.

— Да-да,— безразлично сказал Джим.—Забери и проваливай.

Карлик поковырял большим пальцем в своем корявом ухе.

— Смешно,— сказал он.— Знает, как зовут Бобо.

Джо поднял глаза от книги. Он читал «Собрание стихов» Браунинга* в издании «Л-Пресс» (Нью-Йорк, Лондон, Луна-Сити).

— Интересно. Подожди минутку.

Хью подготовил Алана к шоку от внешности Джо-Джима. Достаточно быстро Алан собрался с мыслями и смог изложить свою историю. Джо-Джим слушал в основном молча, Бобо — внимательно, но мало что понимая.

Когда Алан закончил, Джим заметил:

— Ну, ты выиграл, Джо. У него не получилось.— Потом, повернувшись к Алану, добавил: — Ты можешь занять место Хойланда. Умеешь играть в шашки?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы что,— сказал он,— ничего не поняли? Разве вы ничего не собираетесь делать?

Джо, кажется, был озадачен.

— Мы? А зачем?

— Но вы *должны*. Как вы не понимаете? Он надеется на вас. Ему больше не от кого ждать помощи. Поэтому я и пришел. Разве не понятно?

— Подожди минутку,— медленно произнес Джим.— Подожди минутку. Предположим, мы бы хотели помочь ему — а мы не хотим — как, Джордан побери, мы бы это сделали? Ответь-ка.

— Ну... ну...— Алана даже начал заикаться от такой тупости.— Само-собой... собрать отряд, спуститься и отбить его!

— А почему это мы должны погибать в драке, пытаясь спасти твоего приятеля?

Бобо навострил уши.

— Драка? — с надеждой спросил он.

— Нет, Бобо,— покачал головой Джо.— Никакой драки. Просто разговариваем.

— А,— сказал Бобо и снова притих.

Алан взглянул на карлика.

— Если бы вы хоть Бобо отпустили со мной...

— Нет,— отрезал Джо.— Об этом не может быть и речи. Забудь.

Алан уселся в уголке, в отчаянии обхватив колени. Если бы он мог выбраться отсюда. Он бы все еще мог попытаться собрать какую-нибудь подмогу внизу. Кажется, карлик спит, хотя кто его разберет. Если бы Джо-Джим тоже заснул...

Джо-Джим не выказывал никаких признаков сонливости. Джо пытался продолжать чтение, но Джим то и дело прерывал его. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо повысил голос.

— Значит, для тебя это развлечение? — требовательно спросил он.

— Ну,— сказал Джим,— это лучше, чем шашки.

— Да ну? А если получишь ножом в глаз — что тогда со мной будет?

—Стареешь, Джо. Теряешь кураж.

— Мы одногодки.

— Да, только я хоть в мыслях молод.

— Уф, меня от тебя тошнит. Делай, что хочешь — только меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил, готовый к действию.

— Да, хозяин.

—Иди и приведи Коренастого, Борова и Долгорукого.

Джо-Джим поднялся, подошел к шкафчику и принялся доставать ножи.

В коридоре, ведущем к его застенку, Хью услышал какой-то гвалт. Может быть, это стража явилась затолкать его в Конвертор? С чего бы им так галдеть? Может, этот шум вообще к нему не относится? А может быть...

Это оно и было! Дверь распахнулась, и влетел орущий Алан, швырнул ему в руки охапку ножей. Хью выскочил, затолкал ножи за пояс и схватил еще пару.

Джо-Джим не обратил на него внимания, он был занят — невозмутимо и методично, словно в собственной комнате, метал ножи. Бобо закивал головой и широко ухмыльнулся окровавленным рассеченным ртом, не переставая вращать пращу. Из троих оставшихся Хью узнал двоих — личных телохранителей Джо-Джима. Это были муты только по месту рождения; они не были обезображены уродствами.

Несколько человек неподвижно лежали на полу.

— Пошли! — завопил Алан.— Сейчас сюда еще набегут.— Он рванул направо по проходу.

Джо-Джим поколебался и последовал за ним. Хью наудачу запустил ножом в фигуру, убегающую налево. Мишень была плохая, и у него не было времени посмотреть, попал ли он в цель. Они пробирались по проходу, Бобо позади всех, будто не желая покидать место развлечения. Наконец они достигли пересечения главного прохода с боковым.

Алан снова повел их направо.

— Впереди лестница! — крикнул он.

До лестницы они не добрались. Перед ними, ярдов за десять до лестницы, упала шлюзовая дверь, которая сроду раньше не закрывалась. Головорезы Джо-Джима остановились и с сомнением посмотрели на хозяина. Бобо обломал свои толстые ногти, пытаясь открыть дверь.

За их спинами, уже совсем близко, топотала погоня.

— Западня,— мягко произнес Джо.— Надеюсь, Джим, теперь ты доволен?

Хью увидел, как из-за угла, который они миновали, показалась голова. Он бросил нож, но расстояние было слишком велико; нож бесполезно клацнул о сталь. Голова исчезла. Долгорукий наблюдал за углом с пращой наготове.

Хью схватил Бобо за плечо:

— Слушай! Видишь свет?

Карлик тупо моргнул. Хью указал на осветительные трубки, там, где они сходились над перекрестком проходов.

— Свет. Сможешь попасть точно в пересечение?

Бобо на глаз измерил расстояние. Попасть туда в любом случае было бы непросто. К тому же — узкий проход, настильная траектория, да еще непривычно высокий вес.

Бобо не ответил. Хью лишь почувствовал дуновение ветерка от его пращи. Раздался треск; проход погрузился в темноту.

— Вперед! — завопил Хью, увлекая всех за собой. Рядом с перекрестком он крикнул:

— Не дышать! Здесь газ!

Радиоактивный газ медленно выливался из разбитой трубы наверху и наполнял коридоры зеленоватым туманом.

Хью побежал направо, радуясь, что он инженер и знает расположение осветительных схем. Он выбрал верное направление; проход впереди был черным, лампы не работали. Вокруг него раздавались шаги; были это враги или друзья, он не знал.

Они вырвались на свет. Вокруг никого не было, кроме испуганного крестьянина, который тут же дал тягу. Беглецы быстро

огляделись. Прорвались без потерь, только Бобо с трудом передвигал ноги.

Джо посмотрел на него.

— Газом надышался. Постучите его по спине.

Боров охотно исполнил это. Бобо глубоко вздохнул, его вырвало, и он заухмылялся.

— Он в порядке,— решил Джо.

Эта небольшая задержка позволили одному из преследователей догнать их. Он выскочил из темноты, не сразу сообразив, на какую силу нарвался. Алан схватил за руку Борова, готового метнуть нож.

— Оставь его мне,— потребовал он.— Он мой!

Это был Тайлер.

— Поединок? — предложил Алан, держа руку на лезвии ножа.

Тайлер окинул взглядом противников и принял приглашение, ринувшись на Алана. Помещение было слишком мало для метания ножей; они приблизились друг к другу, готовясь к рукопашной.

Алан был крупнее и сильнее; Тайлер проворнее. Он попытался ударить Алана коленом в промежность. Алан увернулся, наступив Тайлеру на вытянутую ногу. Оба рухнули. Раздался отвратительный хруст.

Через мгновение Алан уже вытирал нож о штанину.

— Давайте двигаться,— сказал он.— Что-то я опасаюсь...

Они добрались до лестницы, взбежали по ней. Долгорукий и Боров двигались впереди, оглядывая каждый уровень и прикрывая фланги, а третий из драчунов — Хью услышал, что его называли Коренастым,— защищал тыл. Остальные шли посередине.

Хью уже начал думать, что они оторвались, когда он услышал крики и звон ножа прямо над головой. Он как раз вылез на верхний уровень и его ранило срикошетившим лезвием. Рана оказалась неглубокой, но рваной.

На полу уже лежало трое преследователей. У Долгорукого из плеча торчал нож, но это его, кажется, не беспокоило. Его праща все так же вращалась. Боров истратил собственные ножи

и подбирал падающие. Вокруг лежали результаты его деятельности; футах в двадцати от них стоял на коленях еще один результат. Он истекал кровью от раны в бедре.

Когда человек оперся одной рукой о переборку, а другой потянулся к опустевшему поясу, Хью узнал его.

Билл Эртц.

Он провел преследователей по другой лестнице — на свою беду.

Бобо уже приготовил пращу, когда Хью придержал его.

— Полегче, Бобо,— велел он.— В живот и вполсилы.

Карлик, казалось, удивился, но сделал как велено. Эртц сложился пополам и свалился на палубу.

— Хороший выстрел,— похвалил Джим.

— Хватай его, Бобо,— приказал Хью,— и тащи за нами.

Он обвел глазами команду, сгрудившуюся на вершине лестничного пролета.

— Порядок, парни, идем дальше. Будьте внимательны.

Долгорукий и Боров поднялись на следующий уровень, остальные следовали за ними в том же порядке. Джо выглядел раздраженным. Каким-то образом — пока совершенно не понятно, каким,— он перестал быть командиром отряда (его отряда!), а Хью начал отдавать приказы. Впрочем, теперь не время выяснять отношения. Их жизнь висела на волоске.

Джиму, похоже, все это не приходило в голову. Он развлекался.

Они оставили позади еще десять уровней, погони не было. Хойланд велел не убивать крестьян попусту. Трое громил послушались; а Бобо был слишком тяжело нагружен телом Эртца, чтобы создавать проблемы с дисциплиной.

Хью отсчитал еще тридцать уровней. Только на безлюдных территориях он позволил себе расслабиться. Наконец он скомандовал остановиться, и они осмотрели свои раны.

Единственные серьезные ранения получили Долгорукий — в руку, и Бобо — в лицо. Джо-Джим осмотрел их и наложил повязки, которыми запасся еще перед походом. Хью отказался от перевязки.

— Кровь уже остановилась —а дел еще много.

— Все, что остается сделать,— это добраться до дома,— сказал Джо,— и тогда конец этим глупостям.

— Не совсем,— не согласился Хью.— Вы можете идти домой, а я, Алан и Бобо пойдем в невесомость — на Капитанский мостик.

— Что за ерунда,— сказал Джо.— Зачем?

— Посмотри сам, если хочешь. Пошли, парни.

Джо начал что-то говорить, но остановился, когда заметил, что Джим молчит. Так что Джо-Джим двинулся вслед за всеми.

Они тихо вплыли в дверь мостика, Хью, Алан, Бобо со своей все еще бесчувственной ношей — и Джо-Джим.

— Вот оно,— обратился Хью к Алану, указывая на звездное великолепие.— Вот об этом я тебе говорил.

Алан посмотрел и схватился за руку Хью.

— Джордан! — простонал он.— Мы же упадем! — Он крепко зажмурился.

Хью встряхнул его.

— Все в порядке,— сказал он.— Взгляни на эту красоту! Да открой ты глаза!

Джо-Джим дотронулся до руки Хью.

— Что происходит? — требовательно спросил он.— Зачем ты притащил его сюда? — Он указал на Эртца.

— А, его... Когда он очнется, я покажу ему звезды, чтобы он убедился, что Корабль движется.

— Ну и зачем?

— Отправлю его обратно, чтобы он убедил остальных.

— Хм-м... А если с ним повторится твоя история?

— Тогда...— Хью пожал плечами,— тогда, наверное, придется повторить все сначала. Пока мы не убедим их. Мы обязаны это сделать. Понимаете?

Часть 2

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, обратился к Хью Хойланду:

— Ладно, умник, ты убедил Главного Инженера...— он махнул ножом в сторону Билла Эртца, потом продолжал ковырять им в зубах Джима.— И что? Чего ты добился?

— Я уже объяснил,— раздраженно ответил Хью Хойланд.— Будем продолжать, пока каждый ученый на Корабле, от Капитана до самого зеленого ученика, не будет знать, что Корабль движется, и не поверит, что мы можем заставить его двигаться, куда нам нужно. Тогда мы завершим Путешествие, как завещал Джордан. Сколько бойцов ты можешь дать?

— Ох, во имя Джордана! Послушай, уж не вбил ли ты себе в голову дурацкую идею, что мы будем помогать тебе в твоих дурацких замыслах?

— Естественно. Без вас никак.

— Придумай что-нибудь получше. Баста! Бобо, доставай и тащи шашки.

— Да, хозяин,— карлик-микроцефал вскочил с пола и потрусил через комнату Джо-Джима.

— Стой, Бобо,— заговорил Джим, левая голова. Карлик остановился, нахмурив узкий лоб. Тот факт, что две головы его хозяина не всегда давали единый приказ, был единственным источником беспокойства в его безмятежном кровожадном существовании.

— Послушаем, что он скажет,— продолжал Джим.— Это может быть забавно.

— Забавно! Забавно получить нож под ребро! Позволю себе напомнить, что это и мои ребра тоже. Я не согласен.

— А я не просил тебя соглашаться; я прошу тебя послушать. Кроме того, что это забавно, это может оказаться единственным способом избежать ножа в ребрах.

— О чем это ты? — с подозрением спросил Джо.

— Ты слышал, что сказал Эртц,— Джо ткнул большим пальцем в сторону пленника.— Офицеры Корабля планируют очистить верхние уровни. Хочешь оказаться в Конверторе, Джо? Когда нас расщепят на атомы, будет не до шашек.

— Чушь! Экипаж не может истребить мутов — уже пытались.

Джим повернулся к Эртцу:

— Что скажешь?

Эртц запнулся, понимая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. Голова у него шла кругом; слишком многое свалилось на него в одночасье. Его схватили, вытолкнули на Капитанский мостик, показали звезды — *звезды.*

В его твердокаменно-рационалистическом сознании такое просто не укладывалось. Если бы земному астроному наглядно продемонстрировали, что земной шар вращается оттого, что кто-то крутит его за рукоятку, тот не был бы столь шокирован.

Мало того, Эртц прекрасно понимал, что его жизнь висит на волоске. Джо-Джим оказался первым мутом, перед которым он стоял безоружным. Стоит ему лишь мигнуть этому уродцу, растянувшемуся на полу...

Поэтому Билл тщательно выбирал слова:

— Думаю, на этот раз удача будет на стороне Экипажа. Мы... они хорошо подготовились. Если мы не ошиблись в вашем числе, если у вас нет сильной организации, то Экипаж одолеет. Видите ли... хм, готовил это я.

— Ты?

— Да. Многим в Совете не нравится политика сосуществования с мутами. Здравая это религиозная доктрина или нет, а дети и свиньи то и дело пропадают.

— А чем, вы думаете, должны питаться муты? — враждебно вопросил Джим.— Воздухом?

— Нет, конечно. В любом случае, в новой политике не предусмотрено перебить всех. Любого мута, сложившего оружие и приобщившегося к цивилизации, мы собирались сдать в работы, как некую часть Экипажа. Тех, у которых нет явных... а остальных... м-м-м...— он замолчал, пряча глаза от стоящего перед ним двухголового монстра.

— Ты хочешь сказать — тех, кто физически не изуродован, как мы,— неприязненно вставил Джо,— Так? А таких как я,— в Конвертор, что ли? — Он раздраженно шлепнул ножом по ладони.

Эртц отпрянул, его рука метнулась к ножнам. Они были пусты; он ощутил себя голым и беспомощным.

— Минуточку,— сказал он, защищаясь.— Вы спросили, я описал ситуацию. От меня ничего не зависит. Я просто рассказываю.

— Оставь его, Джо. Он честно излагает факты. Я тебе то же самое говорил — либо план Хью, либо на нас начнется охота. И не вздумай его убивать — он нам еще пригодится.

С этими словами Джим попытался вложить нож обратно в ножны. Последовала короткая и молчаливая борьба между близнецами за контроль над иннервацией правой руки, незаметная для постороннего схватка двух сознаний. Джо сдался.

— Ладно,— сердито согласился он.— Но если я пойду в Конвертор, этот пойдет со мной.

— Уймись ты,— сказал Джим.— Для компании у тебя есть я.

— Слушай, почему ты ему веришь?

— Ему нет смысла врать. Спроси Алана.

Алан Махони, приятель Хью с детских лет, слушал спор молча, округлив глаза. Он тоже еще не пришел в себя от потрясающего зрелища звезд снаружи, но в его невежественный мозг крестьянина не были заложены отточенные формулировки, как у Главного Инженера Эртца. Эртц почти сразу смог понять, что само существование мира вне Корабля меняет все его планы и все, во что он верил; Алан был в состоянии только изумляться.

— Что скажешь насчет плана войны с мутами, Алан?

— Что? Ну, я об этом ничего не знаю. Поймите, я ведь не Ученый. Постойте — а ведь недавно в деревне у Лейтенанта Нельсона появился помощник — младший офицер...— он замолчал в недоумении.

— Так что же? Продолжай.

— Организовал всех кадетов, да и некоторых женатых тоже привлек. Тренировал их на ножах и пращах. Только он не говорил, зачем.

Эртц развел руками:

— Вот видите?

Джо кивнул.

— Вижу,— мрачно сказал он.

Хью Хойланд испытующе посмотрел на него:

— Значит, вы со мной?

— Получается, так,— признал Джо.

— Само собой! — подтвердил Джим.

Хойланд снова взглянул на Эртца:

— А ты, Билл Эртц?

— А у меня есть выбор?

— Конечно. Я очень хочу, чтобы ты был с нами. Расклад таков: Экипаж не в счет; необходимо убедить офицеров. Все, кто не совсем пустоголовый и закостенелый, кто сможет понять после того, как увидит звезды и Рубку,— те будут с нами. Остальных...— он провел большим пальцем поперек горла,— в Конвертор.

Бобо счастливо ухмыльнулся и повторил жест.

Эртц кивнул:

— И что дальше?

— Муты вместе с Экипажем под руководством нового Капитана поведут Корабль к Далекому Центавру! Воля Джордана исполнится!

Эртц встал и посмотрел в лицо Хойланду. Величественные перспективы не сразу укладывались в голове, но нравилось ему, Хафф побери! Он протянул руку через стол:

— Я с тобой, Хью Хойланд!

На столе перед ним звякнул нож с пояса Джо-Джима. Джо, казалось, удивился, хотел было что-то сказать брату, но передумал. Эртц с благодарным видом засунул нож за пояс.

Близнецы пошептались, потом заговорил Джо:

— Отступать некуда.

Он вытащил оставшийся нож и, зажав лезвие так, что выступал лишь кончик, надрезал себе левое плечо.

— Нож за нож!

Брови Эртца взлетели вверх. Он вытер свой вновь обретенный нож и сделал разрез на том же месте своей руки. Кровь потекла к локтю.

— Спина к спине! — Он прижал кровоточащее плечо к ране Джо-Джима.

Алан Махони, Хью Хойланд, Бобо — все вынули ножи. Руки окрасились алым. Они плотно сдвинули кровоточащие плечи. Кровь, смешиваясь, капала на палубу.

— Рука к руке!

— Спина к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья — *до конца Путешествия*!

Ученый-еретик, Ученый-пленник, невежественный крестьянин, двухголовый монстр, недоразвитый идиот — пять ножей, считая Джо-Джима за одного; пять голов, считая Бобо за безголового,— пять ножей и пять голов против целого мира.

— Но я не хочу возвращаться, Хью,— Алан мялся и смотрел побитой собакой.— Почему мне нельзя остаться с вами? Я хорошо владею ножом.

— Разумеется, старина. Но сейчас ты можешь принести больше пользы как шпион.

— Но для этого есть Билл Эртц.

— Да, но ты нам тоже нужен. Билл всегда на виду; он не сможет исчезать и пробираться на верхние уровни незамеченным. Тут нужен ты — будешь связным.

— Хафф знает, как я смогу объяснить, где пропадал.

— Не объясняй больше самого необходимого. И держись подальше от Свидетеля.— Хью представил, как бы Алан попытался обмануть старого деревенского историка с его хитрыми речами и жаждой подробностей.— Не разговаривай со Свидетелем. Старик тебя выпотрошит.

— Свидетель-то? А, ты о прежнем — так он давным-давно отправился в Путешествие. А новый ни на что не годен.

— Тем лучше. Если будешь осторожен, ты в безопасности.— Хью повысил голос: — Билл! Ты готов спускаться?

— Думаю, да.— Эртц поднялся и с неохотой отложил книгу из числа украденных Джо-Джимом — «Три мушкетера» с иллюстрациями.— Чудесная книга! Хью, неужели *Земля* действительно такая?

— Конечно. Так ведь в книге написано.

Эртц пожевал губу и поразмыслил.

— А сколько на Земле уровней?

— Да ни одного нет.

— Я и сам сначала так думал, но там, оказывается, можно пройти и сверху.

— В каком смысле?

— Там народ ходит по улице, а знатных проносят ве́рхом.

— Дай посмотреть,— велел Джо. Эртц передал ему книгу. Джо-Джим быстро пролистал несколько страниц.— Понятно. Не «проносят ве́рхом», а «проносятся верхо́м». Верхом на коне.

— А это что такое?

— Конь — животное такое, вроде большой свиньи или коровы. Залезаешь ему на спину и оно тебя несет.

Эртц подумал над этим.

— Но это непрактично. Когда тебя несут в носилках, ты говоришь старшему носильщику, куда ехать. А как сообщить корове, куда тебе надо?

— Очень просто. Коня-то ведет слуга.

Эртц снова поразмыслил.

— Да и вообще, можно упасть. Непрактично. Я бы лучше пешком ходил.

— Да, это непросто. Нужна тренировка.

— А вы можете пронестись верхом?

Джим фыркнул, Джо рассердился.

— На Корабле нет коней.

— Ладно, ладно. А еще у этих ребят — Атоса, Портоса и Арамиса — были такие...

— Потом, потом,— перебил Хью.— Бобо уже подошел. Ты готов, Билл?

— Не торопись, Хью. Это важно. У этих парней были такие ножи...

— Ну были. И что?

— Так ведь они были гораздо лучше наших. Длиной с руку, а то и длиннее. Если дело дойдет до ближнего боя с Экипажем, это может оказаться большим преимуществом.

— Хм-м...— Хью вытащил свой нож и взвесил в руке. – Возможно. Но их неудобно метать.

— Метать будем метательные ножи.

— Да, пожалуй... Это неплохая мысль.

Близнецы молча прислушивались к разговору.

— Он прав,— вставил Джо.— Хью, займись делами. А нам с Джимом нужно кое-что прочесть.

Обе головы Джо-Джима вспоминали другие книги, где в мельчайших подробностях описывались бесконечно разнообразные методы сокращения жизни неприятеля. Джо-Джим превратился в Факультет Исторических Изысканий Военной Академии, хотя и не назвал бы, конечно, свой проект таким пышным термином.

— Хорошо,— согласился Хью,— только сначала замолви словечко перед своими.

— Сейчас,— Джо-Джим вышел из своей комнаты в коридор, где Бобо уже собрал пару десятков мутов — сторонников Джо-Джима. Кроме Долгорукого, Борова и Коренастого, которые принимали участие в спасении Хью, все они были незнакомы Хью, Алану и Биллу — и все они без колебаний убивали незнакомцев.

Джо-Джим махнул рукой, чтобы трое пришельцев с нижних уровней приблизились. Он показал их мутам, велел запомнить и обеспечить им свободное передвижение и безопасность на всей территории. Более того, в отсутствие Джо-Джима его люди должны были подчиняться приказам любого из троицы.

Муты переглянулись и заропотали. К приказам они привыкли, но только от Джо-Джима.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил, глядя на Джо-Джима, но обращаясь ко всем:

— Я Джек-носач. У меня острый нож и верный глаз. Джо-Джим с его двумя мудрыми головами — мой хозяин, и я буду сражаться за него. Но мой хозяин — Джо-Джим, а не пришельцы с тяжелых палуб. Что скажете, ребята? Разве это по Правилам?

Он выждал. Другие слушали его нервозно, бросая украдкой взгляды на Джо-Джима. Джо что-то тихонько сказал Бобо. Джек-носач открыл рот, чтобы продолжать. Раздался слитный хруст выбитых зубов и сломанных позвонков. Снаряд Бобо заткнул ему рот.

Тело повалилось на палубу, а Бобо перезарядил пращу.

Джо-Джим махнул рукой.

— Доброй еды! — объявил Джо.— Он ваш.

Муты, словно сорвавшись с цепей, кинулись на труп. Выросла чавкающая куча-мала. Муты, обнажив ножи, грызлись за куски.

Джо-Джим терпеливо ждал, когда с едой будет покончено, и наконец, когда от Джека-носача осталось только мокрое место на палубе, а все небольшие перепалки по поводу дележа завершились, Джо снова заговорил:

— Долгорукий, Сорок-первый и Топор — вы спускаетесь с Бобо, Аланом и Биллом. Остальные дожидаются здесь.

Бобо заскользил прочь длинными плавными прыжками, получавшимися из-за низкой искусственной гравитации возле оси вращения Корабля. Трое мутов отделились от остальных и последовали за ним. Эртц и Алан Махони поспешили следом.

Достигнув первого лестничного пролета, Бобо шагнул в проем, и центробежная сила мягко опустила его на следующую палубу. Алан и муты сделали так же, а Эртц задержался у края и взглянул назад.

— Да хранит вас Джордан, братья! — крикнул он.

Джо-Джим помахал в ответ:

— И вас! — ответил Джо.

— Доброй еды! — добавил Джим.

— Доброй еды!

Бобо провел их через сорок палуб далеко в глубь пустой территории, не населенной ни мутами, ни членами экипажа, и остановился. Он по очереди указал на Долгорукого, Сорок-первого и Топора.

— Две Мудрые Головы велели вам сторожить здесь. Сначала ты,— указал он на Сорок-первого.

— Сделаем так,— сказал Эртц.— Мы с Аланом идем туда, где большой вес. Вы трое должны сторожить здесь по очереди, чтобы я мог передавать сообщения Джо-Джиму. Понятно?

— Ну да. Ясное дело,— ответил Долгорукий.

— Джо-Джим же велел,— добавил Сорок-первый таким тоном, словно этим все сказано.

Топор промычал что-то утвердительное.

— Ладно,— сказал Бобо.

Сорок-первый уселся на лестнице, свесив ноги, и обратил все свое внимание на принесенную с собой еду.

Бобо похлопал Эртца и Алана по спинам.

— Доброй еды,— ухмыляясь, напутствовал он. Восстановив дыхание, Эртц вернул доброе пожелание и шагнул на следующую палубу. Алан не отставал. Путь до цивилизованных территорий был еще долог.

Командор Финеас Нарби, исполнительный помощник Капитана, роясь в столе Главного Инженера, с удивлением обнаружил, что Билл Эртц тайно хранит там пару Ненужных книг. Конечно, там были и обычные Священные книги, включая бесценные «Обеспечение функционирования Дополнительного Четырехступенчатого Конвертора» и «Руководство по системам жизнеобеспечения корабля "Авангард"»*. Это было каноническое Священное писание, несущее знак самого Джордана. Держать его у себя по рангу имел право только Главный Инженер.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — это прекрасно — для Экипажа. И все же вид титульного листа со словами «Фонд Джордана» пробудил в нем следы религиозного благоговения, которого он не испытывал с тех пор, как был принят в касту Ученых.

Он знал, что это чувство иррационально — возможно, в прошлом и существовал человек или несколько людей под именем Джордан. Джордан мог быть одним из первых инженеров или капитаном, утвердившим правила жизни на Корабле, базировавшиеся на здравом смысле, почти на инстинктах. Либо, что кажется более вероятным, миф о Джордане намного старше, чем эта книга у него в руках, а ее автор просто воспользовался невежественным суеверием Экипажа, чтобы придать вес своим сочинениям. Нарби знал, как это делается,— он и сам собирался, когда придет время, осенить свой Новый курс благословением Джордана.

Да, порядок, дисциплина и культ власти необходимы — для Экипажа. И столь же очевидно, что рациональный, хладнокровный здравый смысл необходим Ученым, хранителям благополучия Корабля. Здравый смысл и преклонение только перед фактами.

Он полюбовался четкостью букв. Определенно, древние писцы не чета нынешним. Эти недотепы и двух букв ровно не напишут.

Он положил себе изучить эти бесценные пособия, прежде чем передать их преемнику Эртца. Когда он сам станет капитаном, подумал он, очень полезно не зависеть от амбиций Главного Инженера. Нарби не очень-то уважал инженеров — в основном потому, что сам инженерных задатков не имел. Когда на него, как на Ученого, легла ответственность за духовное и материальное благополучие Экипажа, когда он сподобился благодати Учения Джордана, то скоро обнаружил, что общее руководство и кадровые вопросы ему больше по душе, чем обслуживание Конвертора или энергетических линий. Он был клерком, деревенским старостой, писцом в Совете, офицером по кадрам, а теперь выбился в Главные исполнительные секретари самого Капитана — с тех

пор, как несчастный и довольно таинственный случай пресек жизнь предшественника Нарби на этом посту.

Его решение вспомнить инженерное дело перед выборами нового Главного Инженера навело его на раздумья о новом шефе. Обычно Главным Инженером, когда тот отправлялся в Экспедицию, становился Главный Вахтенный Конвертора. Но в данном случае Морт Тайлер, Главный Вахтенный, и сам отправился в Экспедицию — его остывший труп нашли, когда муты отбили еретика Хью Хойланда. Поэтому пост оставался вакантным, и Нарби колебался, кого ему выгоднее предложить Капитану.

Одно несомненно — новым Главным нельзя ставить столь неуемного человека, как Эртц. Нарби признавал, что Эртц сделал большое дело, подготовив грядущее искоренение мутов, но оно вывело его в сильные кандидаты на капитанскую должность. Говоря без обиняков, следует признать, что жизнь нынешнего Капитана чрезмерно затянулась именно потому, что Нарби не был абсолютно уверен, прокатят ли Эртца на выборах.

А вот в чем он был уверен, так это в том, что теперь подошло самое подходящее время старому Капитану отдать душу Джордану. Старая туша давно пережила возраст, когда от нее еще был толк. Нарби уже устал пластаться перед ним, внушая нужные решения. И если перед Советом встанет необходимость выбрать нового Капитана, то найдется только один приемлемый кандидат...

Нарби отложил книгу. Решение принято.

Решение убрать старого Капитана не вызвало у Нарби чувства стыда, греха или предательства. Он презирал старика, но ненависти к нему не питал, так что решение не было окрашено злобой. Расчеты Нарби диктовались благородными государственными интересами. Он искренне верил, что условия благосостояния Экипажа — толковое руководство, порядок, дисциплина, добрая еда. Так кому как не ему очевидно, кто именно наилучшим образом отвечает этим требованиям? То, что кто-то из высших интересов должен отправиться в Путешествие, его не трогало. Зла он никому не желал.

* * *

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби поднял голову. Перед ним с недовольным видом стоял покойный Билл Эртц. Нарби протер глаза... Закрыл рот... Он был так уверен, что исчезнувший после налета Билл освежеванным и съеденным отправился в Путешествие...

Какой удар ниже пояса — Эртц жив-здоров. Мало того — раздражен...

Все же он взял себя в руки.

— Билл! Благослови тебя Джордан, старик — мы-то думали, что ты ушел в Путешествие! Садись, садись, рассказывай, что с тобой случилось.

— Если ты слезешь с моего стула...— едко произнес Эртц.

— Ох, прости! — Нарби поспешно освободил стул за столом Эртца и взял себе другой.

— А теперь,— продолжал Эртц, усевшись,— можешь объяснить мне, почему ты рылся в моих бумагах.

Нарби удалось принять оскорбленный вид.

— Разве непонятно? Мы думали, что ты умер. Кто-то же должен был принять дела и присматривать за твоим отделом, пока не назначили нового главного инженера. Я действовал от имени Капитана.

Эртц посмотрел ему в глаза.

— Не корми меня байками, Нарби. И ты, и я знаем, кто вкладывает речи в уста Капитана — у обоих рыльце в пушку. Даже если ты думал, что я мертв, мне кажется, нужно было выждать подольше, чем два цикла сна, прежде чем кидаться потрошить мой стол.

— Ну послушай, старик — если человек пропадает после налета мутов, то здравый смысл подсказывает, что он отправился в Путешествие.

— Ладно, замнем. Почему Морт Тайлер не принял дела?

— Он в Конверторе.

— Что, убит? А кто отдал приказ отправить его в Конвертор? Такая масса приведет к пиковой загрузке.

— Приказал я, вместо Хью Хойланда. Ты сделал расчет по Хойланду, а массы у них примерно одинаковые.

— «Примерно одинаковые» — такая точность не для Конвертора. Мне придется все пересчитать.— Он начал подниматься из-за стола.

— Не волнуйся,— сказал Нарби.— Я ведь не совсем профан в инженерном деле. Я приказал, чтобы его массу разделили и использовали по тому же графику, который ты составил для Хойланда.

—Что ж, ладно. И все же я перепроверю. Мы не можем транжирить массу.

— Кстати об использовании массы,— сладко пропел Нарби.— В твоем столе я нашел пару Ненужных книг.

— Да?

— Они ведь считаются массой, подлежащей переработке в энергию.

— И что? Кто распоряжается массой, подлежащей переработке?

— Ты, конечно. Но зачем они лежат в твоем столе?

— Позволь напомнить тебе, мой дорогой Капитанский Любимчик, что это моя прерогатива и мое дело — где хранить массу, подлежащую использованию.

— Хм-м... Наверное, ты прав. Кстати, если ближайшее время они не входят в план переработки, ты не дашь их мне почитать?

— Разумеется, если ты будешь благоразумен. Я запишу их на тебя — это необходимо, они уже взвешены. А ты помалкивай о них.

— Спасибо. У некоторых древних авторов изумительная фантазия. Бред, конечно, но как скрашивает досуг!

Эртц вытащил оба фолианта и подготовил справку для Нарби. Он проделывал это рассеянно, погруженный в раздумья, как подступиться к Нарби. Он знал, что Финеас — одна из главных фигур в деле, за которое взялись он и его побратимы, возможно, самая главная фигура. Если привлечь его на свою сторону...

— Фин,— сказал он, когда Нарби подписал справку,— я все думаю, правильно ли мы обошлись с Хойландом.

Нарби, казалось, был удивлен, но ничего не сказал.

— Не подумай, что я изменил мнение о его выдумках,— поспешно добавил Эртц,— но я чувствую, что мы упустили какую-то возможность. Надо было поводить его за нос. Через него можно было выйти на мутов. Мы хотим подчинить территории мутов Совету, но главная трудность в том, что мы очень мало о них знаем. Мы не знаем, сколько их, насколько они сильны и как организованы. Кроме того, нам придется воевать на их территории, а для них это большое преимущество. Мы ведь почти не ориентируемся на верхних палубах. Если бы мы подыграли его россказням, то могли бы узнать много интересного.

— Нельзя же полагаться на эти россказни,— возразил Нарби.

— Этого не требовалось. Он ведь предлагал нам прогуляться в невесомость и все посмотреть.

Нарби был потрясен.

— Ты серьезно? Член Экипажа, поверивший слову мута! Да он не в невесомость отправится, а в Путешествие — и очень скоро!

— Я в этом не уверен,— возразил Эртц.— Хойланд сам верил в то, что говорил,— это точно. И...

— Что? Вся эта чушь насчет того, что Корабль *движется!* Сущий-то Корабль.— Он постучал по переборке.— Кто в это поверит!

— Но он в это верил. Он религиозный фанатик — несомненно. Но он что-то видел там, наверху, и интерпретировал это по-своему. Мы могли бы подняться и посмотреть, о чем он толкует, а заодно разведать насчет мутов.

— Полнейшая ерунда.

— Я так не думаю. Он, должно быть, пользуется большим авторитетом среди мутов; они ведь пошли на риск, чтобы спасти его. Если он говорит, что может обеспечить безопасный проход наверх,— думаю, это правда.

— Почему ты так резко переменил мнение?

— Меня переубедил этот налет. Если бы раньше мне сказали, что целая банда мутов спустится вниз и, рискуя собственными

шкурами, спасет человека, я бы ни за что не поверил. Но это случилось. Я вынужден пересмотреть свою точку зрения. Независимо от того, что он рассказывал, стало очевидно, что муты готовы сражаться за него, а возможно, и исполнять его приказы. Если это так, то имело бы смысл потакать его религиозным убеждениям, если это поможет нам добиться власти над мутами, не вступая с ними в войну.

Нарби пожал плечами.

— Теоретически в этом, может, что-то и есть. Но к чему тратить время на упущенные возможности? Сделанного не воротишь.

— А вдруг? Хойланд жив, он вернулся к мутам. Если найти способ переправить ему весточку, мы могли бы попробовать все это провернуть.

— Но как?

— Еще не знаю. Может, возьму пару ребят и поднимусь немного наверх. Если бы мы захватили живьем мута, это могло бы сработать.

— Шансы ничтожны.

— Я бы рискнул.

Нарби обдумал сказанное. Он считал, что весь план строится на туманных предположениях и дурацких соображениях. Однако если Эртц рискнет и план сработает, самые заветные планы Нарби намного приблизятся к реальности. Подавление мутов силой — дело долгое и кровавое, а возможно, и вовсе невыполнимое. Он прекрасно осознавал все трудности на этом пути.

Если же план не удастся, ничего не потеряно — кроме Эртца. А потеря Эртца — это вовсе не потеря в этой игре. Хм-м.

— Давай,— сказал Нарби.— Риск оправдан, парень ты смелый.

— Хорошо,— согласился Эртц.— Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды,— ответил он, собрал книги и удалился. Только много позже он сообразил, что Эртц так и не сказал ему, где пропадал столько времени.

Эртц тоже осознавал, что Нарби не был с ним до конца откровенен, но, зная Нарби, он не удивился. Он был доволен уже

и тем, что его импровизированная подготовка к будущим действиям была воспринята так хорошо. Ему и в голову не пришло, что, возможно, было бы проще и эффективнее просто сказать правду.

Некоторое время Эртц занимался рутинной проверкой Конвертора, а также назначил действующего Старшего Вахтенного Офицера. Довольный тем, что его отдел может теперь работать в его отсутствие, он велел слуге привести к нему Алана Махони из деревни. Поначалу он собирался вызвать портшез и встретить Махони на полпути, но потом посчитал, что это будет выглядеть подозрительно.

Алан с радостью приветствовал его. Сверстники Алана давно остепенились, а он, все еще неженатый кадет, до сих пор батрачил на более преуспевающих односельчан.Так что важнейшим жизненным достижением оказалось для него кровное братство со старшим Ученым. Это затмило даже недавние приключения, значения которых, впрочем, его крестьянский ум все равно не мог полностью осознать.

Эртц оборвал его и торопливо закрыл дверь.

— У стен есть уши,— тихо сказал он,— а у клерков также и языки. Хочешь, чтобы мы оба отправились в Путешествие?

— Ох, черт, Билл... я не хотел...

— Ничего. Встретимся на той же лестнице, по которой мы спускались, десятью палубами выше. Считать можешь?

— Конечно, до десяти могу. Даже до двадцати могу. Один да один будет два, да еще один будет три, да еще один будет четыре, да еще один будет пять, да...

— Достаточно. Вижу, что можешь. Но я больше надеюсь на твою верность и твой нож, чем на математические способности. Приходи туда как можно скорее. Поднимись где-нибудь, где тебя не заметят.

Сорок-первый был еще на посту, когда состоялось свидание. Эртц окликнул его по имени, стоя за пределами досягаемости пращи или метательных ножей — разумная предосторожность, когда имеешь дело с тем, кто дожил до своих лет только

благодаря умению обращаться с оружием. После того как его опознали, Билл отправил стража найти Хью Хойланда. Сам же с Аланом уселся ждать.

Сорок-первый не нашел Хью Хойланда в квартире у Джо-Джима. Самого Джо-Джима тоже не было. Бобо спал на своем месте, но от него было мало толку. Хью, сказал Бобо, пошел туда-где-все-летают. Сорок-первому это мало что говорило; сам он был на территории невесомости один раз в жизни. Поскольку палуба с невесомостью простиралась на всю длину Корабля, будучи фактически последним концентрическим цилиндром вокруг оси Корабля — хотя Сорок-первый и не мог бы выразить это в таких терминах,— то информация о том, что Хью отправился в невесомость, была бесполезной.

Сорок-первый озадачился. Приказ Джо-Джима нельзя оставить без внимания, и он крепко вбил в свои дремучие мозги, что приказ Эртца имеет такую же силу. Он снова растолкал Бобо.

— Где Две Мудрые Головы?

— Ушел к мастерице ножей,— Бобо опять закрыл глаза.

Уже лучше. Сорок-первый знал, где живет мастерица ножей. Каждому муту приходилось иметь с ней дело; она была незаменимым мастером и торговцем в их краях. Поэтому сама она была неприкосновенна; ее мастерская и вся прилегающая территория были нейтральной зоной. Он вскарабкался на две палубы и поспешил к ее дому.

Дверь с надписью «Термодинамическая Лаборатория — вход воспрещен» была открыта настежь. Сорок-первый не умел читать; ни название, ни запрет ничего для него не значили. Но он услышал голоса и определил, что один голос исходит от близнецов, а другой — от мастерицы ножей. Он вошел.

— Хозяин...— начал он.

— Заткнись,— сказал Джо. Джим не обернулся, продолжая спор с Матерью Лезвий.— Ты сделаешь эти ножи,— говорил он,— и без разговоров.

Она стояла перед ним, уперев все четыре огрубевшие руки в широкие бедра. Глаза ее покраснели — ей приходилось смотреть на плавящийся в горне металл; по морщинистому лицу на

редкие усы, уродующие ее верхнюю губу, стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Вот именно,— отрезала она,— я делаю ножи. Нормальные ножи. А не вертела для свиней, которых тебе хочется. Ножи длиной в руку — тьфу! — Она плюнула в вишнево-красное нутро горна.

— Послушай, старая Экипажная кляча,— ровно произнес Джим,— или сделаешь как тебе говорят, или я поджарю тебе пятки в твоем собственном горне. Ясно?

Сорок-первый потерял дар речи от изумления. Никто никогда не говорил *так* с Матерью Клинков; действительно, Босс — большая шишка!

Мастер ножей вдруг сдалась.

— Но так *нельзя* делать ножи,— визгливо пожаловалась она.— Баланс будет неправильный. Вот, смотри...

Она схватила четыре заготовки ножей со своего верстака и метнула их в крестообразную мишень на другом конце комнаты — всеми четырьмя руками одновременно. Ножи взвились в воздух и через долю секунды впились в лучи креста.

— Видишь? А длинными ножами так не сделаешь. Они не лететь, а вихляться будут!

— Хозяин...— снова попытался вклиниться Сорок-первый. Джо-Джим, не оборачиваясь, дал ему зуботычину.

— Я тебя понимаю,— сказал Джим мастерице ножей,— но нам не нужно, чтобы эти ножи летали. Мы будем ими резать и колоть вблизи. Работай — я хочу увидеть первый до того, как ты поешь.

Старуха пожевала губу.

— Плата как обычно? — резко спросила она.

— Конечно, как обычно,— заверил он.— Десятая часть с каждого добытого твоим ножом, пока не будет выплачена вся стоимость. Плюс добрая еда все время работы.

Она пожала уродливыми плечами.

— Ладно.

Она повернулась, двумя левыми руками подхватила щипцами длинную тонкую полоску стали и засунула ее в горн. Джо-Джим повернулся к Сорок-первому.

— Ну что? — спросил Джо.

— Босс, Эртц послал меня разыскать Хью.

— Ну и почему ты этого не сделал?

— Я не знаю, где его искать. Бобо сказал, что он ушел туда, где невесомость.

— Так найди его. Впрочем, нет,— ты его не найдешь. Придется мне самому идти. Возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы он подождал.

Сорок-первый поспешил прочь. Босс очень хороший, но мешкать при нем нельзя.

— Ну вот мы уже и на побегушках,— желчно заметил Джим.— Как тебе нравится быть кровным братом, Джо?

— Это ты втянул нас.

— Ну и что? Клясться на крови ты придумал.

— Хафф побери, ты ведь знаешь, зачем этот балаган. Для *них* это серьезно. А нам нужна любая подмога, какую мы можем обеспечить, если не хотим закончить с дырявой шкурой.

— Ага. Так для *тебя*, значит, это балаган?

— А для тебя?

Джим цинично улыбнулся.

— Как и для тебя, мой лукавый братец. В нынешней ситуации для нас намного, намного лучше вести эту игру до конца. «Один за всех и все за одного».

— Снова начитался Дюма.

— Почему бы и нет?

— Да так. Только не оплошай.

— Обижаешь. Я знаю, которая сторона у ножа заточена.

Джо-Джим обнаружил Коренастого и Борова спящими под дверью в Рубку. Из этого он заключил, что Хью должен быть внутри, ведь он сам назначил этих двоих его телохранителями. Да и вообще — если Хью пошел в область невесомости, значит, он либо у Главного Двигателя, либо в Рубке. Скорее в Рубке. Рубка манила Хью с тех пор, как Джо-Джим буквально втащил его туда и заставил своими глазами убедиться, что Корабль — это не весь мир, а лишь скорлупка, влекомая по бескрайним просторам,— с тех самых пор и до сегодняшнего дня он был одержим идеей управлять Кораблем, заставить его *двигаться* по воле человека!

Для него это означало гораздо больше, чем могло значить для пилота с Земли. С момента когда первая ракета совершила робкий прыжок с Земли на Луну, космический пилот был романтическим героем, которому хотел подражать каждый мальчишка. Но замысел Хью был не чета такой мелочи. Он собирался привести в движение *Вселенную*. Заставить Солнце по воле человека стронуться с места и пересечь Галактику — даже такой план оказался бы куда менее дерзновенным.

Юный Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился у двери огромного серебристого звездного глобуса внутри Рубки и заглянул туда. Хью он не видел, но знал, что тот должен быть в кресле главного астронавигатора, потому что огни то загорались, то гасли. Горели изображения звезд, разбросанные по внутренней поверхности сферы, составляя образ неба снаружи Корабля. С того места, где стоял Джо-Джим, иллюзия была не очень впечатляющей; из центра сферы она была полной.

Хью гасил сектор за сектором, пока не остался единственный сектор напротив него. В нем выделялось большое и сверкающее светило, во много раз ярче всех остальных. Джо-Джим перестал смотреть и взобрался по решетке к креслам пилотов.

— Хью! — позвал он.

— Кто здесь? — спросил Хью, высовываясь из глубокого кресла.— А, это ты. Привет.

— Эртц хочет тебя видеть. Пошли.

— Ладно. Только сначала посмотри сюда. Хочу тебе кое-что показать.

— С ума сошел,— сказал Джо брату. Но Джим ответил: — Давай посмотрим. Много времени это не займет.

Близнецы вскарабкались в кресло рядом с креслом Хью.

— Ну что?

— Вон та звезда,— сказал Хью, указывая на яркую точку.— Она стала больше с тех пор, как я последний раз был здесь.

— Хм. Точно. Она уже давно становится ярче. Когда мы пришли сюда в первый раз, ее вообще не было видно.

— Значит, мы теперь ближе к ней.

— Разумеется,— согласился Джо.— Я это и так знал. Это еще раз доказывает, что Корабль движется.

— Но почему же вы мне не сказали?

— О чем?

— Об этой звезде. О том, что она растет.

— А какая разница?

— Какая разница! Джордан мой, да ведь... это она! Мы движемся туда. Это *Конец Путешествия*!

Джо-Джим — обе головы — был потрясен. Поскольку сам он был озабочен только своим комфортом и безопасностью, то не сразу уразумел, что Хью, а возможно, и Эртц загорелись целью восстановить утерянные достижения предков и завершить забытое, полумифическое Путешествие к Далекому Центавру.

Джим пришел в себя.

— Хм-м... возможно. Но с чего ты взял, что эта звезда — Далекий Центавр?

— Возможно, и нет. Мне все равно. Но мы ближе всего к этой звезде и движемся прямо к ней. Когда не умеешь различать звезды, одна стоит другой. Джо-Джим, а у древних был *какой-то* способ различать звезды?

—Был, конечно,— подтвердил Джо.— Но что с того? Ты-то выбрал себе звезду. Ну и валяй. А я иду вниз.

— Хорошо,— неохотно согласился Хью. Они начали долгий спуск.

Эртц кратко пересказал Джо-Джиму и Хью свой разговор с Нарби.

— Теперь я думаю сделать следующее,— продолжал он,— пошлю Алана обратно вниз с посланием для Нарби. В нем будет сказано, что мне удалось войти в контакт с тобой, Хью, и я прошу его встретиться с нами где-нибудь выше территории Экипажа и выслушать, что мы узнали.

— Почему бы тебе просто не вернуться и не привести его самому? — возразил Хью.

Эрцт слегка смутился.

— Потому что ты уже пробовал— не получилось. Ты вернулся из страны мутов и поведал мне о чудесах, которые там видел. Я тебе не поверил и отдал тебя под суд за ересь. Если бы Джо-Джим не спас тебя, ты бы отправился в Конвертор. Если бы ты не притащил меня в область невесомости и не заставил увидеть все собственными глазами, я бы тебе никогда не поверил. Могу тебя уверить, что Нарби не проще убедить, чем меня. Я хочу привести его сюда, наверх, показать ему звезды. Получится — миром; не выйдет — силой.

— Я не понимаю,— сказал Джим.— Разве не проще было бы перерезать ему глотку?

— Это было бы приятно, но не разумно. Нарби может оказать нам неоценимую помощь. Джим, если бы ты знал структуру Корабля так, как я ее знаю, ты бы понимал. Нарби имеет больше веса в Совете, чем любой из офицеров. Кроме того, он объявляет волю Капитана. Если мы завоюем его, нам, возможно, вообще не понадобится драться. А если нет — что ж, я не знаю, что будет, если все же придется воевать.

— Я не думаю, что он придет. Он заподозрит ловушку.

— Именно поэтому должен пойти Алан, а не я. Мне он задаст множество вопросов и будет сомневаться в ответах. Алана он не будет выспрашивать,— Эртц повернулся к Алану у продолжал: — Если он тебя спросит, ты не знаешь ничего, кроме того, что я тебе сейчас скажу. Понял?

— Конечно. Я ничего не знаю, ничего не видал и не слыхал.— С откровенным простодушием он добавил: — Я и раньше ничего не знал.

— Хорошо. Ты никогда не видел Джо-Джима, не слышал о звездах. Ты просто мой посланник, я взял тебя с собой на случай нападения. А вот что тебе нужно будет сказать...— Он пересказал Алану послание для Нарби, которое было простым, но провокационным. Потом убедился, что Алан все запомнил.— Что ж — в путь! Доброй еды.

Алан покрепче ухватил свой нож, ответил: «Доброй еды!»,— и поспешил прочь.

Простому крестьянину взять да и войти к Исполнительному Секретарю Капитана — немыслимое дело, понял Алан. Часовой у дверей Нарби немного поиздевался над ним и направил к бездушному клерку. Тот записал его имя и приказал вернуться в деревню — дожидаться вызова. Алан твердо стоял на своем, повторяя, что принес послание чрезвычайной важности от Главного Инженера к Командору Нарби. Клерк снова взглянул на него.

— Давай бумагу.

— Нет никакой бумаги.

— Что за ерунда? Должна быть бумага. Таков Порядок.

— Ему некогда было писать. Он передал на словах.

— Что он передал?

Алан покачал головой:

— Лично Командору Нарби. У меня приказ.

Клерк пришел в бешенство.

Однако, будучи еще новичком, он отказался от соблазна проучить упрямую деревенщину в пользу более безопасного решения передать обузу повыше.

Главный клерк был краток:

— Давай сюда свое сообщение.

Алан собрал все силы и заговорил так, как ни с кем не говорил в своей жизни:

— Сэр, все, о чем я прошу — это передать Командору Нарби, что у меня есть для него сообщение от Главного Инженера Эртца. Если это сообщение не будет передано, не я один отправлюсь в Конвертор! Но никому другому я не смею передать его.

Чиновник поразмыслил и рискнул побеспокоить начальника.

Алан передал сообщение Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга за дверью. Нарби вытаращил глаза.

— Эртц хочет, чтобы *я* пошел *с тобой* в страну мутов?

— Не до самой страны мутов, сэр. На середине пути нас встретит Хью Хойланд.

Нарби шумно выдохнул.

— Это нелепо. Я пошлю бойцов, и они приведут его сюда.

И Алан произнес решающую фраз — но теперь повысив голос так, чтобы слуга, а возможно, и другие услышали его слова:

— Эртц сказал, что если вы испугаетесь, то просто выбросьте из головы. Он сам решит вопрос в Совете.

После этих слов Алан остался жив только потому, что Нарби был из тех, кто ставит разум выше грубой силы. У Нарби был нож; Алан же был вынужден оставить свой у стражника.

Нарби сдержал свои чувства. Он был слишком умен, чтобы приписать вину за оскорбление стоящей перед ним деревенщине, хотя и пообещал себе при случае присмотреться к нему. Задетое самолюбие, любопытство, да и опасность потерять лицо привели его к решению.

— Я иду с тобой,— со злобой сказал он.— Я узнаю у Эртца, правильно ли ты передал его сообщение.

Нарби подумал было взять с собой главного стражника, но отказался от этой мысли. Не только потому, что это привлекло бы излишнее внимание до того, как он смог бы оценить политические последствия, но и потому, что это означало бы почти такую же потерю лица, как и отказ идти. Но все же когда Алан брал у стражника свой нож, Нарби нервно спросил:

— Ты хороший боец?

— Лучше не бывает,— бодро ответил Алан.

Нарби очень надеялся, что крестьянин не хвастает. Муты... Он пожалел, что сам пренебрегал боевой подготовкой.

Самообладание постепенно возвращалось к Нарби, когда он вслед за Аланом поднимался к областям низкого веса. Во-первых, вокруг было тихо. Во-вторых, оказалось что Алан — проводник толковый и осторожный. Он двигался бесшумно и никогда не поднимался выше, предварительно не выглянув из люка. Нарби бы, естественно, нервничал, если бы слышал то, что слышал Алан,— шорохи из мрачных глубин палуб, слабый шум, подсказывавший ему, что их продвижение контролируется с флангов. Подсознательно это беспокоило Алана, хотя он ожидал чего-то подобного — он знал, что и Хью, и Джо-Джим

способны тщательно продумать операцию и подстраховаться. Сам Алан бы нервничал больше, если бы не слышал звуков, которые должны были быть.

Дойдя до места встречи через двадцать палуб после самой высокой населенной палубы, он остановился и свистнул. Услышав ответный свист, он крикнул:

— Это Алан.

— Подойди и покажись.— Алан выполнил приказ, не забывая о своих обычных мерах предосторожности. Не увидев никого, кроме друзей — Эртца, Хью, Джо-Джима и Бобо, он махнул рукой Нарби.

При виде Джо-Джима и Бобо недавно обретенное спокойствие Нарби рухнуло и сменилось ощущением пойманного зверя. Он выхватил нож и неловко отступил к лестнице. Еще быстрее нож выхватил Бобо. На долю секунды исход встречи висел на волоске. Потом Джо-Джим ударил Бобо по лицу и забрал у него нож и пращу.

Нарби припустил назад, напрасно Хью и Эртц звали его вернуться.

— Притащи его, Бобо! — скомандовал Джим,— и поосторожнее.

Бобо побежал следом.

Вернулся он очень скоро.

— Быстро бегает,— прокомментировал он, сваливая Нарби на палубу. Тот лежал тихо, пытаясь восстановить дыхание. Бобо взял нож у него с пояса и стал пробовать остроту лезвия на жестких черных волосах, покрывавших его левое предплечье.

— Хороший клинок,— одобрил он.

— Отдай ему нож,— приказал Джим. Бобо крайне озадачился, но с неохотой подчинился. Джо-Джим отобрал у него оружие и вернул Нарби.

Нарби был не меньше Бобо поражен тем, что ему вернули нож, но лучше скрывал свои чувства. Ему даже удалось принять оружие с достоинством.

— Послушай, Фин,— озабоченно начал Эртц,— извини, что пришлось с тобой так обойтись. Бобо не виноват. Надо же было тебя вернуть.

Нарби кое-как восстановил ледяное самообладание, с которым всегда встречал превратности судьбы. Проклятье! — подумал он.— До чего нелепая ситуация. Ладно...

— Забудем об этом,— отрезал он.— Я ожидал встретить здесь тебя, а не толпу вооруженных мутов. Странные у тебя друзья, Эртц.

— Извини,— повторил Билл Эртц,— наверное, мне следовало предупредить тебя...— Он приврал во имя дипломатии.— Все они вполне свойские ребята. С Бобо ты уже знаком. Это Джо-Джим. Он среди мутов... что-то вроде офицера Корабля.

— Доброй еды,— вежливо приветствовал Джо.

— Доброй еды,— машинально проговорил в ответ Нарби.

— С Хью ты, наверное, знаком.

Нарби согласился. Повисла неловкая пауза. Молчание нарушил Нарби.

— У вас была какая-то причина вызвать меня сюда? Надеюсь, мы тут не в игрушки играем?

— Была,— согласился Эртц.— Я... Тьфу ты — не знаю, с чего начать. Послушай, Нарби, ты не поверишь, но я *видел*. Все, о чем говорил Хью,— правда. Я был в Рубке. Я видел звезды. Я *знаю*.

Нарби уставился на него.

— Эртц,— медленно проговорил он,— ты сошел с ума.

Хью Хойланд взволнованно вмешался:

— Ты так говоришь потому, что не *видел*. Говорят тебе — *движется!* Корабль *движется*, как...

— Я все улажу,— оборвал Эртц.— Послушай меня, Нарби. Решать тебе, а я расскажу о том, что видел сам. Они водили меня в невесомость и на Капитанский Мостик. Это помещение со стеклянной стеной. И за стеной огромное черное пустое пространство, громадное, больше всего на свете. Больше Корабля. И там — огни. Те звезды, о которых говорят предания.

На лице Нарби отразилось брезгливое изумление.

— Где твоя логика? И ты еще зовешься Ученым! Что значит «больше Корабля»? Это терминологическая бессмыслица. Корабль есть Корабль по определению. Все прочее — его составные части.

Эрцт беспомощно пожал плечами.

— Я понимаю, как это звучит. Я не могу объяснить; вся логика летит в тартарары. Это... Хафф побери! Поймешь, когда сам увидишь.

— Образумься,— посоветовал Нарби.— Не говори ерунды. Либо логика есть, либо ее нет. Если нечто существует, оно занимает какое-то место. Ты видел или думаешь, что видел, нечто невероятное, но, чем бы оно ни было, оно не может быть больше места, в котором находится. Ты не сможешь показать мне ничего опровергающего этот очевиднейший закон природы.

— Я уже сказал, что не могу объяснить.

— Разумеется, не можешь.

Близнецы недовольно пошептались, и Джо рявкнул:

— Хватит болтать! Пошли.

— Действительно,— охотно согласился Эртц.— Нарби, доспорим, когда посмотришь сам. Теряем время — лезть далеко.

— Что-что? — возмутился Нарби.— О чем речь? Куда пошли?

— Наверх, на Капитанский Мостик и в Рубку.

— Я? Не смеши меня. Я немедленно иду вниз.

— Нет, Нарби,— возразил Эртц.— Я тебя вызвал только для этого. Ты должен посмотреть.

— Чушь. Я не собираюсь никуда смотреть; мне хватает здравого смысла... Тем не менее я хочу поздравить тебя с установлением дружественных отношений с мутами. Мы могли бы обсудить перспективы сотрудничества. Я думаю...

Джо-Джим выступил вперед.

— Теряем время,— ровным голосом произнес он.—Мы идем наверх. Ты тоже. Я сказал.

Нарби покачал головой.

— Об этом не может быть и речи. Может быть, позже, когда мы всесторонне обсудим аспекты нашей совместной деятельности...

С другого бока к нему шагнул Хью.

— Ты что, не понял? Мы идем *сейчас*.

Нарби взглянул на Эртца. Тот кивнул.

— Именно так, Нарби.

Нарби молча проклял себя. Великий Джордан! О чем же он, во имя Корабля, думал? Как позволил втянуть себя в такое дело? Он чувствовал, что двухголовый монстр только и ждет любого неверного шага. Вот влип! Он проклял себя еще раз, внешне стараясь оставаться в рамках приличий.

— Ну хорошо! Чтобы избежать лишних прений... Куда идти?

— Держись рядом,— посоветовал Эртц. Джо-Джим оглушительно свистнул. Сейчас же из-под пола, из-за переборок, с потолка высыпало шесть или восемь мутов. Нарби стало плохо — до него в полной мере дошло, какую он проявил неосмотрительность. Отряд двинулся вверх.

До невесомости они добирались долго — Нарби не умел карабкаться. Постоянное уменьшение веса отчасти облегчало его усилия, но вместе с тем вызывало приступы тошноты. Вообще-то, как и все, рожденные в Корабле, он был худо-бедно приспособлен к низкой силе тяжести, но по лестницам и переходам он не лазал с далекого беззаботного детства. Добравшись до невесомости, он окончательно выдохся и едва мог пошевелиться.

Джо-Джим вернул свою команду назад и приказал Бобо позаботиться о Нарби. Тот отмахнулся:

— Я сам.

Стиснув зубы, он заставил тело слушаться. Джо-Джим глянул на него и отменил приказ. Через несколько скользящих прыжков Нарби добрался до последней переборки перед Рубкой. Ему чуть полегчало.

Они не стали задерживаться у Рубки, а, как и планировал Хью, дошли до Капитанского Мостика. Путаные объяснения Эртца и восторженная болтовня Хью уже отчасти подготовили Нарби к предстоящему. По дороге Хью успел проникнуться к Нарби почти нежностью — как хорошо, когда кто-то тебя слушает!

Хью вплыл первым, перевернулся в воздухе, ухватился за спинку Капитанского кресла и указал на роскошные звездные россыпи.

— Вот! — выпалил он.— Вот. Посмотрите — разве не чудесно?

С бесстрастным лицом Нарби долго и напряженно вглядывался в сверкающий небосвод.

— Замечательно,— признал он наконец,— замечательно. Никогда не видел ничего подобного.

— Замечательно — это не то слово,— возразил Хью.— Это восхитительно!

— Ну хорошо — восхитительно,— снизошел Нарби.— Эти маленькие яркие огоньки — это и есть звезды, о которых рассказывали древние?

— Ну да,— ответил Хью, испытывая безотчетное смущение,— только они не маленькие. Они очень большие, огромные, как Корабль. Они просто кажутся маленькими, потому что очень далеко. Видишь вон ту яркую, крупную звезду слева? Она выглядит больше, потому что она ближе. Я думаю, что это и есть Дальняя Центавра... Правда, я не вполне уверен,— признался он в приступе откровенности.

Нарби мельком взглянул на него, потом перевел взгляд на большую звезду.

— Насколько она далеко?

— Пока не знаю. Но я узнаю. В Рубке есть приборы для таких измерений, но я в них еще не совсем разобрался. Но это неважно. Мы доберемся туда!

— Хм?

— Конечно! Завершим Путешествие!

Нарби бесстрастно молчал. Он обладал скрупулезным, в высшей степени логичным мышлением. Он был толковым руководителем, способным принимать мгновенные решения, но по натуре своей предпочитал держать свои мысли по возможности при себе — до тех пор, пока на досуге не обмозгует информацию со всех сторон.

В Рубке он окончательно замкнулся. Он смотрел, слушал, но почти не задавал вопросов. Хью не расстраивался. Рубка была его игрушкой, его радостью, ребенком. Все, что он хотел — поделиться всем, что его переполняет, с новым слушателем.

По предложению Эртца на обратном пути остановились у Джо-Джима. Чтобы разработанный план принес свои плоды, необходимо было вовлечь в него Нарби и договориться о дальнейших шагах. Нарби охотно согласился. Он уверился, что договор, ставший причиной его беспрецедентной вылазки в страну мутов,— не пустые слова. Но когда Эртц излагал свои соображения, он слушал молча. Выслушав, не проронил ни слова.

— Ну? — не выдержал Эртц, когда молчание начало действовать ему на нервы.

— Ты ждешь от меня какого-то комментария?

— Конечно. Ты теперь тоже участник.

Нарби это понимал и понимал также, какого ответа от него ждут; он просто тянул время.

— Что ж...— Нарби выпятил губу и сложил перед собой руки.— Мне представляется, что эта проблема распадается на две. Хью Хойланд! Как я понимаю, ты собираешься завершить древний План Джордана. Эта цель не может быть достигнута без единства всего Корабля. Тебе нужен порядок и дисциплина и среди Экипажа, и среди мутов. Верно?

— Разумеется. Требуется управлять Главным Двигателем, а это означает...

— Постой. Честно говоря, у меня нет достаточной квалификации, чтобы разобраться в увиденном, а учиться мне некогда. Техническая сторона — сфера деятельности Главного Инженера. Это ваши трудности. Кстати, это и есть вторая часть. Но вы не сможете к ней подобраться, не выполнив первую.

— Конечно.

— Тогда давайте говорить только о ней. Это административные вопросы, касающиеся общественного мнения и руководства, в этом я лучше разбираюсь; возможно, мой совет окажется полезным. Джо-Джим, кажется, ищет возможности достичь согласия между мутами и Экипажем — обеспечить мир и добрую еду? Верно?

— Правильно,— подтвердил Джим.

— Хорошо. С давних пор это и моя цель,— как и многих офицеров Корабля. Честно говоря, не думал, что ее можно достичь

иначе, чем силой. Мы готовились к долгой, трудной и кровавой войне. Древнейшие летописи, передающиеся Свидетелями из поколения в поколение со времен мифической Смуты, не описывают ничего, кроме войн между мутами и Экипажем. Но я счастлив, что мы ступили на иной, лучший путь.

— Так ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно — еще многое не ясно. Эртц, мы с тобой понимаем, думаю, как и Хойланд, что не все офицеры Корабля примут это путь. Как поступить с ними?

— Проще простого,— вставил Хью Хойланд,— Привести их разок в невесомость, показать звезды, и они все поймут.

Нарби покачал головой.

— У тебя носилки несут носильщика. Я ведь говорил, что проблема состоит из двух частей. Не обязательно убеждать человека в том, во что он не верит, если тебе нужно, чтобы он сделал что-то, ему доступное. А вот *после* того, как Корабль будет объединен, можно будет без лишних сложностей показать офицерам Рубку и звезды.

— Но...

— Он прав,— остановил Хойланда Эртц.— Не стоит раздувать теологические прения, если наш первый этап чисто практический. Мы привлечем на свою сторону множество офицеров, поставив задачу мирного объединения Корабля, но если мы начнем с ниспровержения догм, заявим, что Корабль *движется,* дело кончится бунтом.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Он подходит разумно. Так вот, Нарби, обсудим положение с офицерами, которых не удастся переубедить. Вот что я думаю. Во-первых, наша с тобой задача — перетянуть на свою сторону как можно больше офицеров. Ну а упрямцы — что ж, в конце концов, Конвертер всегда нуждается в массе.

Нарби кивнул. Политика массовых репрессий его явно не смущала.

— Пожалуй, это наилучший подход. Но дело довольно трудное.

— Здесь нам поможет Джо-Джим. Нас поддержат лучшие бойцы Корабля.

— Понятно. Джо-Джим, как я понимаю, правит всеми мутами?

— С чего ты взял? – проворчал Джо с непонятной ему самому обидой.

— Ну, я просто предположил... Я так понял...

Нарби осекся. Никто не *говорил* ему, что Джо-Джим главенствует на верхних палубах; он предположил это по его манерам. Он вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. А если все это пустой разговор? Что толку в переговорах с двухголовым монстром, если тот не владеет полномочиями?

— Мне следовало объяснить,— поправился Эртц.— Джо-Джим не правитель мутов, но самый могучий лидер. Джо-Джим поможет нам захватить власть, а мы поможем ему подчинить остальных мутов. Позже — с нашей помощью — он придет к власти.

Нарби учел новые сведения и проиграл в уме ситуацию. Распря среди мутов, небольшая помощь Экипажа — хороший способ вести войну. Если поразмыслить, это выгоднее, чем затевать мирные переговоры. Когда все утрясется, мутов сильно поубавится, а значит — уменьшится риск мятежа.

— Понимаю,— сказал он,— Итак... Как вы представляете дальнейшее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хойланд.

— Как вы думаете, нынешний Капитан согласится вас поддержать?

Эрцт понял его сразу. У Хью тоже забрезжила догадка.

— Продолжай,— сказал Эртц.

— *Кто станет новым Капитаном?*

Нарби в упор взглянул на Эртца.

Такая постановка вопроса не приходила Эртцу в голову Но теперь он понял, что это важнейший вопрос, если они не хотят, чтобы переворот выродился в кровавую драку за власть. Бывало,

и он позволял себе мечтать о Капитанском кресле. Однако на него метил и Нарби. Эртц об этом знал.

Эртца, как и Хойланда, пленила идея двинуть Корабль. Теперь он осознал, что старые мечты несовместимы с новыми, и с легкой ноткой сожаления расстался с прежними ради нынешних.

— Капитаном придется стать тебе, Фин. Ты не возражаешь?

Финеас Нарби милостиво согласился:

— Если ты настаиваешь — я не возражаю. Но из тебя самого получился бы прекрасный Капитан, Билл.

Эртц покачал головой, понимая, что отныне Нарби полностью на их стороне.

— Я остаюсь Главным Инженером. Мое дело во время Путешествия — Главный Двигатель.

— Стоп! — перебил Джо.— Я не согласен. С какой стати ему быть Капитаном?

Нарби повернулся к нему.

— Капитаном хотите быть вы?

Он постарался, чтобы в голосе не проскользнул оттенок сарказма. Мут-Капитан!

— Хафф побери, нет! Но почему именно ты? Почему не Эртц или Хью?

— Только не я,— отвел Хью.— Мне будет некогда. Я астронавигатор.

— В самом деле, Джо-Джим,— объяснил Эртц,— Нарби — единственный из нас, кто может договориться с офицерами Корабля.

— Да если они хоть пикнут, мы им глотки перережем.

— С Капитаном Нарби не понадобится резать глотки.

— Мне это не по нутру,— проворчал Джо. Брат шикнул на него: — Что ты психуешь, Джо? Да упаси нас Джордан от такой ответственности.

— Я вполне понимаю ваши опасения,— учтиво произнес Нарби,— но, думаю, вам не стоит беспокоиться. По части мутов я буду вынужден зависеть от вас. Я буду управлять нижними палубами, в этом я разбираюсь. Вы же, если хотите, станете вице-капитаном мутов. Для меня было бы глупо командовать там,

где я не знаю местных обычаев. Если вы не соглашаетесь мне помочь, я не могу принять пост Капитана. Беретесь?

— Я в этом не участвую,— отрезал Джо.

— Извините. Тогда я вынужден отказаться от поста Капитана. Я действительно не смогу осилить это бремя без вашей помощи.

— Ну давай, Джо,— настаивал Джим,— Давай возьмемся, хотя бы временно. Надо же довести дело до конца.

— Ладно,— сдался Джо,— но все равно мне это не нравится.

Нарби не стал заострять внимания на том, что Джо-Джим фактически не признал его Капитаном. Больше они к этому не возвращались.

Обсуждение деталей оказалось долгим и утомительным делом. Было решено, что пока решающий удар не подготовлен, Эртц, Алан и Нарби вернутся к своим обязанностям.

Хью послал охрану проводить их вниз.

— Когда будете готовы, пошлешь Алана? — спросил он Нарби перед расставанием.

— Да,— согласился Нарби,— но не жди его слишком скоро. Нам с Эртцем понадобится время, чтобы подобрать верных людей. К тому же надо решить со старым Капитаном. Придется как-то уломать его созвать собрание всех офицеров Корабля. Стариком не так-то легко управлять.

— Ну, это твоя работа. Доброй еды!

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда Ученые, управлявшие Кораблем, собирались в полном составе, они сходились в большом зале на последнем обитаемом уровне. Много забытых поколений назад, еще до Смуты, возглавлявшейся техником Корабля Роем Хаффом, это был спортивный зал, предназначенный для развлечения и укрепления здоровья,— но нынешние обитатели не имели об этом ни малейшего понятия.

Нарби наблюдал, как дежурный отмечает прибытие офицеров Корабля. Он волновался, но не подавал виду. Оставалось всего несколько человек, скоро придется объявить Капитану,

что все в сборе, а от Джо-Джима и Хойланда не было никаких известий. Неужели этот кретин Алан дал себя убить по дороге? Или упал и сломал свою никчемную шею? Или получил от мута ножом в живот?

Вошел Эртц, и прежде чем занять свое место среди начальников отделов, подошел к Нарби и тихонько спросил:

— Ну как?

— Все в порядке,— ответил тот,— но никаких известий.

— Хм-м...— Эртц повернулся и нашел глазами своих сторонников в толпе. Нарби сделал то же. Не большинство, не абсолютное большинство, ведь дело такое необычное. Ну что ж — ведь не голосованием будет решаться этот вопрос.

Дежурный прикоснулся к его руке.

— Все в сборе, сэр, кроме отсутствующих по болезни и одного вахтенного у Конвертора.

С неприятным чувством, что что-то идет не так, Нарби послал оповестить Капитана. Капитан, как обычно не принимая во внимание удобство остальных, опоздал. Нарби был рад задержке, но с трудом выдержал ее. Когда старик наконец появился с ординарцами по сторонам и тяжело уселся в свое кресло, то, опять же как обычно, немедленно стал проявлять нетерпеливое желание поскорее закончить собрание. Он сделал знак всем сесть и обратился к Нарби:

— Очень хорошо, Командор Нарби, огласите повестку дня — надеюсь, у вас есть повестка дня?

— Да, Капитан, она имеется.

— Так читайте же, читайте! Чего вы тянете?

— Да, сэр.

Нарби повернулся к клерку, зачитывавшему документы, и передал ему стопку бумаг. Клерк взглянул с удивлением, но, получив сигнал Нарби, начал читать: «Петиция Совету и Капитану: лейтенант Браун, управляющий деревней в Секторе 9, будучи слабого здоровья и в преклонных летах, просит освободить его от обязанностей и...» Клерк продолжал зачитывать рекомендации офицеров и отделений.

Капитан нетерпеливо ерзал в своем кресле и наконец прервал чтение.

— В чем дело, Нарби? Почему вы не можете решить рутинные вопросы без этой суматохи?

— Я понял так, что Капитан был недоволен тем, как я лично недавно разрешил аналогичный вопрос. Мне бы не хотелось превышать свои полномочия.

— Что за чушь! Не читай мне Устав. Пусть Совет работает, потом я проверю и завизирую.

— Да, сэр,— Нарби забрал записи у клерка и дал ему другие бумаги. Клерк прочел.

Дело было такое же пустяковое. Деревня сектора 3 просила уменьшить налоги по причине необъяснимой болезни, поразившей их гидропонные фермы. Капитан прервал чтение этого прошения еще раньше. Нарби было бы чрезвычайно трудно найти предлог для продолжения собрания, если бы не прибыло известие, которого он ждал. Оно оказалось клочком пергамента, переданного снаружи с верным человеком. На нем стояло только одно слово: «Готовы». Нарби взглянул, кивнул Эртцу, потом обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку у Вас нет желания выслушивать прошения Вашего Экипажа, я перейду к основному вопросу сегодняшнего собрания.

Завуалированное оскорбление, содержавшееся в этом высказывании, заставило Капитана подозрительно уставиться на него, но Нарби продолжал.

— В течение многих поколений, на памяти долгой череды Свидетелей, Экипаж страдал от постоянных набегов мутов. Наше имущество, наши дети, даже мы сами постоянно находились под угрозой. Законы Джордана не признаются на верхних уровнях. Даже сам Капитан, преемник Джордана не может свободно ходить там. Считалось, что Джордан установил так, что дети платят кровью за грехи предков. Такова, нам говорили, была воля Джордана. Сам я никогда не мог смириться с этой постоянной утечкой массы Корабля.

Старый Капитан, кажется, не верил своим ушам. Обретя наконец голос и ткнув пальцем в Нарби, он взвизгнул:

— Ты оспариваешь учение?

— Нет. Я утверждаю, что Учение не заставляет нас оставлять мутов за рамками Правил. Я требую, чтобы они подчинялись Закону!

— Вы... Вы... вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Нет,— издевательски ответил Нарби,— пока не скажу всего, что должен.

— Арестуйте его!

Однако телохранители Капитана не тронулись с места, хотя и переминались с несчастным видом — Нарби сам подобрал их.

Нарби повернулся к пораженному Совету, поймал взгляд Эртца.

— Все в порядке,— произнес он.— Давай!

Эртц поднялся и поспешил к двери. Нарби продолжал:

— Многие из вас разделяют мои чаяния. Доселе мы считали, что за наши помыслы придется сражаться. Но с помощью Джоржана я сумел установить контакт с мутами и подготовить заключение договора. Их лидеры сейчас прибудут сюда для переговоров. Вот они! — Он театрально указал в сторону двери.

Эртц снова вошел; за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд повернул направо и стал обходить зал по периметру. За ним следовала цепочка мутов — лучшие бойцы Джо-Джима. Еще одна колонна во главе с Джо-Джимом и Бобо прошла налево.

Джо-Джим, Хью и по полудюжине бойцов с каждого фланга были одеты в тяжелую броню, спускавшуюся ниже талии. На головах у них были неуклюжие шлемы из металлической сетки, которые защищали, не мешая обзору.

Все они держали неслыханные ножи — длиной в руку человека!

Пораженные офицеры могли бы остановить вторжение в узких дверях, если бы кто-то взял на себя руководство. Но они были неорганизованны, беспомощны, а сильнейшие лидеры

были на стороне захватчиков. Офицеры ерзали в креслах, тянулись за ножами и переглядывались. Но никто не решился сделать первый шаг, за которым последовало бы кровопролитие.

Нарби повернулся к Капитану.

—Ну так что? Вы принимаете эту мирную делегацию?

Казалось бы, что долгие годы, прожитые в сытости, могли научить Капитана благоразумно промолчать, когда нужно. Но он прохрипел:

— Уберите их! Прочь! А ты... ты за это отправишься в Путешествие!

Нарби повернулся к Джо-Джиму и сделал знак большим пальцем. Джим сказал что-то Бобо — и в толстое брюхо Капитана вонзился нож. Тот издал скорее хрип, чем визг, а на его лице появилось выражение полнейшего недоумения. Он ощупал рукоятку ножа, будто желая убедиться, что он действительно там.

— Смута...— произнес он.— Смута...

Он согнулся в кресле и тяжело рухнул на стол лицом.

Нарби пнул тело и приказал охране:

— Вытащите это наружу.

Те выполнили приказ, казалось радуясь про себя, что их миновали безначалие и безработица. Нарби снова повернулся к притихшему залу:

— Кто-нибудь еще возражает против мира с мутами?

Пожилой офицер, проспавший всю жизнь в роли судьи и духовного наставника в отдаленной деревне, встал и направил костлявый палец на Нарби, возмущенно тряся белой бородой:

— Джордан накажет тебя за это! Смута и грех — дух Хаффа!

Нарби кивнул Джо-Джиму; слова застряли у старика в горле, из которого торчал нож. Бобо выглядел очень довольным собой.

— Довольно болтовни,— объявил Нарби.— Лучше пролить немного крови сейчас, чем намного больше потом. Пусть те, кто поддерживает меня в этом вопросе, встанут и подойдут сюда.

Эртц показал пример, выйдя вперед и сделав знак своим самым верным сторонникам присоединиться к нему. Оказавшись перед залом, он вынул нож и поднял его вверх:

— Да здравствует Финеас Нарби, преемник Джордана!

Серьезные молодые люди, верные Нарби — костяк диссидентского рационалистского блока среди Ученых,— выступили все вместе, поднятыми ножами салютуя новому Капитану. Колеблющиеся и оппортунисты поспешили присоединиться, увидев, какая сторона ножа заточена. Когда закончилось разделение, на месте осталась лишь горстка офицеров, почти все они были либо стариками, либо религиозными фанатиками.

Эртц заметил, как Капитан Нарби оглядел их, потом посмотрел на Джо-Джима. Эртц дотронулся до его руки:

— Их очень мало и они практически беспомощны,— сказал он.— Почему бы не разоружить их и не отпустить восвояси?

Нарби неприветливо взглянул на него:

— Оставишь их в живых — пожнешь смуту. Я вполне способен сам принимать решения, Эртц.

Эртц прикусил губу:

— Очень хорошо, Капитан.

— Так-то лучше,— он сделал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи сделали свою короткую работу.

Хью отвернулся от места побоища. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, деревенский Ученый, который разглядел его способности и выбрал его для научной карьеры, оказался в этой группе. Этого фактора он не предвидел.

Завоевание мира — и его объединение. Вера или Меч. Бойцы Джо-Джима, усиленные группой горячих молодых кадетов Капитана Нарби, захватили средние и верхние палубы. Муты, индивидуалисты по самой природе своего существования, не испытывающие почтения ни к кому, кроме главарей своих банд, не могли противостоять странным длинным ножам Джо-Джима, которые убивали, не давая опомниться.

По стране мутов прошел слух, что лучше мирно подчиниться банде Двух-Мудрых-Голов — подчинившихся ждет добрая еда, сопротивляющихся — неминуемая смерть.

И все же это был долгий и медленный процесс — слишком много палуб, много миль темных коридоров, несчетное количество комнат, где могли скрываться непокорные муты. Кроме того, наступление замедлялось еще и тем, что Джо-Джим на очищенных ударными группами территориях организовывал внутренние караулы, патрулирование каждого сектора, палубы и лестничного пролета.

К разочарованию Нарби, двухголовый монстр в ходе кампании остался цел и невредим. Из книг Джо-Джим узнал, что генералу не обязательно лично принимать участие в схватках.

Хью пропадал в Рубке. Не только потому, что его больше интересовали тонкие материи управления кораблем и звездной баллистики, но и потому, что все это кровопролитие вызывало в нем отвращение — из-за лейтенанта Нельсона. К насилию и смерти он привык; это было обычное дело даже на нижних уровнях — однако тот случай вызвал в нем смутное разочарование, хотя его собственные рассуждения убеждали его, что сам он лично не виновен в смерти старика.

Просто ему хотелось, чтобы этого не случилось.

Но пульт управления... Вот чему стоило посвятить жизнь! Он пытался решить задачу, которую землянин посчитал бы невыполнимой — ведь землянин *знал* бы, что пилотирование межзвездного корабля — задача настолько сложная, что даже наилучшее техническое образование вкупе с обширным опытом полетов на более мелких космических судах вряд ли послужат базой для такой сугубо специальной миссии.

Хью Хойланд не знал этого. Так что он двигался вперед и обучался.

В каждой попытке ему помогал гений создателей Корабля. Управление любой техникой обычно сводится к элементарным развилкам: идти/стоять, на себя/от себя, вверх/вниз, внутрь/наружу, включить/выключить, вправо/влево, а также их комбинаций. Настоящие трудности возникают при необходимости что-то настраивать или ремонтировать, приспосабливать или менять.

Однако управление проборами и двигателем космического корабля «Авангард» не требовало ни настройки, ни ремонта. Конструкции находилась на субмолекулярном уровне. В них не

было движущихся частей, трение не играло роли, и они не были подвержены износу. Если бы Хью понадобилось разобраться в действии приборов или починить их, он потерпел бы поражение. Четырнадцатилетнему подростку можно доверить вертолет, и он полетит в одиночку за тысячу миль; он скорее объестся по дороге, чем каким-то образом повредит машину. Но если вертолет выйдет из строя, необходима ремонтная бригада — ребенок не сможет его починить.

«Авангарду» не требовалась ремонтная бригада. Разве что несущественным дополнительным устройствам — таким как конвейеры, лифты, автомассажеры. Но все, что двигалось, вышло из строя еще до появления первого Свидетеля. Оставшаяся ненужная масса либо была отправлена в Конвертор, либо приспособлена для вещей попроще. Хью даже представления не имел, что такое оборудование существовало; ободранные стены во многих помещениях были для него просто явлением природы, а не поводом для размышлений.

Хью помогали два фактора.

Во-первых, баллистика звездных кораблей очень проста, поскольку использует в основном второй закон Ньютона применительно к четырехмерному пространству. Обычно все думают по-другому, однако это так. Чтобы испечь пирог, требуется гораздо больше знаний, правда интуитивных. Чтобы связать свитер, нужно понимать гораздо более сложную математику. Топология вязаного орнамента... попробуйте на зуб!

Настоящие дебри — это неврология или катализаторы, но только не баллистика.

Во-вторых, создатели «Авангарда» считались с тем, что корабль достигнет места назначения не раньше чем через два поколения; они хотели облегчить жизнь еще не родившимся пилотам, которым суждено будет завершить миссию. Хотя они и не предвидели такого забвения технических знаний, какое произошло на самом деле, они все же постарались сделать панель управления простой, понятной интуитивно и защищенной от дурака. Вышеупомянутый умный подросток, хоть чуточку интересующийся космическими полетами, без сомнения, разобрался бы за несколько часов. Хью, воспитанный в культуре, где верили, что Корабль суть весь мир, продвигался не так быстро.

Его озадачили два незнакомых понятия — глубокий космос и метрическое время. Ему пришлось освоить приборы, специально разработанные для «Авангарда», снять показания с пары десятков звезд, прежде чем он понял, что получаемые им результаты имеют смысл. Все показания были в парсеках, и это ему ни о чем не говорило. Он попытался перевести их в понятные ему линейные единицы с помощью Священных книг, но результаты он счел поначалу ошибкой, абсурдом. Он проверял и перепроверял, часами размышляя, пока не начал смутно осознавать необъятность просторов космоса.

Это испугало и ошарашило его. Несколько циклов сна он не подходил к Рубке, предаваясь смятению. Это время он потратил на то, чтобы выбрать себе женщин. Впервые после того, как Джо-Джим взял его в плен, у него появилось и желание, и возможность заняться этой проблемой. Кандидаток было множество: в дополнение к деревенским девушкам, военные операции Джо-Джима добавили вдов. Хью, по праву своего высокого положения, взял себе двух жен. Первая была вдовой. Сильная, толковая женщина, умеющая создать мужчине домашний уют. Он поселил ее в своих новых апартаментах на одной из верхних палуб, дал ей свободу действий и разрешил оставить старое имя — Хлоя.

Вторая была молодой девушкой, невоспитанной и дикой, как мут. Хью и сам не мог бы объяснить, зачем он ее взял. У нее, конечно, не было никаких достоинств, но с ней ему было весело. Она укусила его, когда он ее осматривал; разумеется, он шлепнул ее, и тем дело должно было закончиться. И все же он приказал отцу прислать ее.

Дать ей имя он еще не удосужился.

С метрическим временем он запутался так же, как и с астрономическими расстояниями, но это хотя бы не подавляло. Проблема опять заключалась в отсутствии сходных понятий на Корабле. Экипаж оперировал топологическим временем; они понимали, что такое «сейчас», «раньше», «потом», «уже», «еще»,

и даже такими понятиями, как длинные и короткие промежутки времени, но концепция измеряемого времени выпала из их культуры. Самая примитивная из земных культур имеет представление об измерении времени, хотя бы в пределах дней и времен года. Но ведь любая земная концепция измеряемого времени берет начало в астрономических явлениях, а Экипаж был оторван от астрономических явлений на многие поколения.

На контрольной панели перед Хью находились единственные на Корабле действующие часы — но лишь очень не скоро он понял, для чего они и как связаны с остальными приборами. До тех пор пока он не понял этого, он не мог управлять Кораблем. Скорость и ее производные, ускорение и кривизна базируются на измеряемом времени.

Но когда две эти новые концепции были поняты, обдуманы, а древние книги перечитаны в свете нового знания, он стал, в очень ограниченном теоретическом понимании, астронавигатором.

Хью разыскивал Джо-Джима, чтобы задать ему вопрос. Головы Джо-Джима обладали очень проницательным умом, когда они давали себе труд задуматься; поскольку это случалось нечасто, братья оставались поверхностными дилетантами.

Нарби уже уходил. Для поддержания мира среди мутов Нарби и Джо-Джим должны были регулярно совещаться; к их обоюдному удивлению, они вполне поладили друг с другом. Нарби был умелым администратором, способным делегировать полномочия и не стоять попусту над душой; Джо-Джим удивил и порадовал Нарби тем, что оказался самым талантливым из всех, кто когда-либо был у него в подчинении. Они не испытывали друг к другу нежных чувств, но признавали ум и заинтересованность, не уступавшие их собственным. В сумме — уважение и ревнивая высокомерная приязнь.

— Доброй еды, Капитан,— формально приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью,— ответил тот, потом снова повернулся к Джо-Джиму: — Тогда я буду ожидать отчета.

— Вы его получите,— согласился Джо-Джим.— Скрылись не больше нескольких десятков. Мы их либо выловим, либо уморим голодом.

— Я не помешал? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как продвигается великий труд, друг мой? — он раздражающе улыбнулся.

— Хорошо, хотя и медленно. Вам нужен отчет?

— Можешь не спешить. Да, кстати, я поставил запрет на Рубку и Главный Двигатель, фактически на весь уровень невесомости — запрет для всех, и для мутов, и для Экипажа.

— Вот как? Кажется, я понимаю. Не стоит туда ходить никому, кроме офицеров.

— Ты не понял. Это запрет для всех, включая офицеров. Кроме нас, конечно.

— Но... но... Так не пойдет. Единственный способ убедить остальных — это провести их наверх и показать звезды!

— Именно так я и думаю. Я не могу позволить смущать моих офицеров разными непривычными идеями, когда мне приходится укреплять правление. Это может породить религиозные разногласия и подорвать дисциплину.

Хью был так поражен и расстроен, что не сразу нашелся с ответом.

— Но,— сказал он наконец,— в этом-то и был смысл. Поэтому тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитан я должен принимать окончательные политические решения. Вопрос закрыт. Вам не разрешено водить кого бы то ни было в Рубку или в другую область невесомости, пока я не посчитаю это целесообразным. Придется вам подождать.

— Это правильно, Хью,— заметил Джим.— Не стоит вносить путаницу, пока идет война.

— Объясните мне еще раз,— настаивал Хью.— Это временная политика?

— Можно сказать и так.

— Ну... хорошо,— сдался Хью,— Но постойте, нам с Эртцем нужно начинать готовить помощников.

— Очень хорошо. Перечислите мне их, и я выдам им пропуска. Кто у вас на примете?

Хью поразмыслил. На самом деле ему не нужны были помощники; хотя в Рубке было полдесятка противоперегрузочных кресел, управлять Кораблем мог один человек, сидящий в кресле главного астронавигатора. То же относилось и к Эртцу с его Главным Двигателем, за исключением одного аспекта.

— А как же Эртц? Ему нужны носильщики, чтобы доставлять топливо к Главному Двигателю.

— Прекрасно. Я подпишу приказ. Проследи, чтобы носильщиков набрали из бывших мутов. Чтобы никто не проник в Рубку, кроме тех, кто там уже был.

Нарби повернулся и вышел с недовольным видом.

Хью посмотрел ему вслед, потом проговорил:

— Не нравится мне это, Джо-Джим.

— Почему? — спросил Джим.— Это разумно.

— Возможно. Но... черт побери! Мне почему-то кажется, что правда должна быть открыта для всех и в любое время! — он в раздражении взмахнул руками.

Джо-Джим странно посмотрел на него:

— Какая невероятная идея,— сказал Джо.

— Да, я знаю. Это не разумно, но мне кажется, что так должно быть. А, ладно, забудьте! Я не за этим пришел.

— Что ты еще придумал, парень?

— Смотрите, мы завершаем Путешествие, так? Наш Корабль сядет на планету, вот так...— он свел кулаки вместе.

— Так. Продолжай.

— И вот, когда это произойдет, *как мы выйдем из Корабля?*

Вопрос смутил близнецов, и они занялись пересудами. Наконец Джо перебил брата:

— Погоди, Джим. Будем логичными. Предполагается, что мы должны выйти — значит, должна быть дверь, так?

— Конечно.

— Здесь двери нет. Значит, она в области высокого веса.

— Но ее там нет,— возразил Хью,— Эта область хорошо известна. Там нет никакой двери. Она должна быть в стране мутов.

— В этом случае,— продолжал Джо,— она либо в том конце коридора, либо в другом. В том конце ее не может быть, потому что за отсеком Главного Двигателя только прочные переборки. Значит, она с другой стороны.

— Глупо,— заметил Джим,— Там Рубка и Капитанский мостик. И все.

— Да? А как насчет запертых кают?

— Это не дверь — там не может быть выхода наружу. За Рубкой мощная переборка.

— Нет, но что если через них можно пройти к двери?

— Даже если так, как ты их откроешь, а, умник?

— Что такое запертые каюты? — потребовал ответа Хью.

— Ты разве не знаешь? В той же стене, где вход в Главную Рубку, есть семь дверей. Мы не смогли открыть их.

— Возможно, это то, что мы ищем. Пойдемте посмотрим!

— Пустая трата времени,— ответил Джим.

Но они все же пошли.

Они взяли с собой Бобо, чтобы попробовать его чудовищную силу на этих дверях.

Но даже его узловатые мышцы не сдвинули с места рычаги, которые явно предназначались для открывания дверей.

— Ну? — фыркнул Джим.— Видите?

Джо пожал плечами.

— Ладно, ты победил. Пошли вниз.

— Подождите,— взмолился Хью.— Кажется, у второй двери ручка чуть повернулась. Попробуем еще раз.

— Боюсь, что все напрасно,— откликнулся Джим. Но Джо возразил: — Ну ладно, раз уж мы здесь.

Бобо снова попытался открыть, подставив плечо под рычаг и толкая вверх. Рычаг вдруг подался, но дверь не открылась.

— Сломал,— объявил Джо.

— Ага,— признал Хью.— Видимо, так.— И он положил руку на дверь.

Дверь легко распахнулась.

* * *

К счастью для троих друзей, она вела не в открытый космос — ведь ничто не предостерегало их против опасностей внешнего вакуума. Вместо этого короткий и узкий коридорчик привел их к другой, чуть приоткрытой двери. Петли заело, но Бобо легко ее высадил. Возможно, тот, кто последним выходил через эту дверь, оставил ее приоткрытой, чтобы металлические части не спаялись вместе за много лет.

Следующая дверь находилась в шести футах от предыдущей.

— Не понимаю,— пожаловался Джим, когда Бобо уперся в третью дверь.— Какой смысл в этой бесконечной последовательности?

— Подождем и посмотрим,— посоветовал ему брат.

Однако за третьей дверью находилось несколько кают, очень странных, необычных форм, маленьких, лепившихся друг к другу. Бобо рванулся вперед и обследовал все помещения, держа нож наготове. Хью и Джо-Джим медленно последовали за ним, зачарованные необычностью этого места.

Бобо вернулся, умело замедлив свой полет у переборки, и доложил:

— Двери нет. Больше двери нигде нет. Бобо смотреть.

— Должна быть,— настаивал Хью, злясь, что карлик уничтожил его надежды.

— Бобо смотреть,— карлик пожал плечами.

— Теперь мы посмотрим,— Хью и близнецы разошлись по помещению.

Хью не обнаружил двери, но то, что он обнаружил, своей невероятностью заинтересовало его еще больше. Он уже хотел было позвать Джо-Джима, когда услышал собственное имя:

— Хью! Иди сюда!

Он неохотно оставил свое открытие и разыскал братьев:

— Пойдемте посмотрим, что я нашел,— начал он.

— Неважно,— перебил его Джо.— Посмотри лучше сюда.

Хью посмотрел. Это был Конвертор. Довольно маленький, но, без сомнения, Конвертор.

— Бессмыслица,— возмутился Джим.— В помещении такого размера не нужен Конвертор. Эта штука могла бы снабдить энергией половину Корабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

Хью осмотрел Конвертор.

— Я не знаю,— признал он.— Но если вы считаете странной штукой *это*, пойдемте посмотрим, что нашел я.

Последовав за Хью, близнецы увидели небольшое помещение, одна стена которого была, видимо, сделана из черного стекла, так как за ней ничего не было видно. Напротив этой стены рядом стояли два противоперегрузочных кресла. Подлокотники кресел и панели перед ними были покрыты узором из маленьких светящихся лампочек, похожих на то, что они видели на креслах в Главной Рубке.

Джо промолчал, Джим только присвистнул. Они уселись в одно из кресел и стали осторожно экспериментировать с лампочками. Хью сел рядом. Джо-Джим накрыл группу белых огоньков на правом подлокотнике; все лампы в помещении погасли. Когда он поднял руку, крошечные огоньки были голубыми, а не белыми, как раньше. Ни Джо-Джим, ни Хью не удивились происходящему; ведь эта панель управления была подобна такой же панели в Рубке.

Джо-Джим попытался вызвать изображение звездного неба на пустое стекло перед собой. Это ему не удалось. Он не понял, что стекло было не экраном, а настоящим окном, затемненным собственно оболочкой Корабля.

Однако что-то включилось; это что-то оказалось надписью «Запуск». Джо-Джим не обратил внимание на надпись, потому что не понял ее. Никакого особого результата не последовало, только быстро замигал красный огонек и появилась новая надпись: «Шлюз открыт».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло. Если бы они закрыли за собой двери и если бы в малом Конверторе было хоть несколько граммов массы, их бы выбросило прямо в космос на этой шлюпке, неприспособленной для долгого путешествия,

знаки на панели управления которой они все еще очень смутно понимали. Возможно, им бы и удалось завести шлюпку обратно в гнездо; но более вероятно, что они бы разбились при попытке сделать это.

Но Хью и Джо-Джим все еще не знали, что «помещение», где они оказались, было космическим судном; такая мысль еще не могла прийти им в голову.

— Включи свет,— попросил Хью. Джо-Джим включил.— Ну? Что вы думаете об этом?

— Совершенно очевидно, что это другая Рубка,— ответил Джим.— Мы не догадывались, что она здесь есть, потому что не могли открыть дверь.

— Бессмысленно,— снова произнес Джо,— Зачем на одном Корабле две Рубки?

— Зачем одному человеку две головы? — возразил его брат.— С моей точки зрения, ты явно лишний.

— Это не одно и то же; мы так родились. А *это* не случайность — Корабль ведь *строили*.

— Ну и что? — возразил Джим.— У нас ведь два ножа, так? А мы с ними не родились. Просто хорошо иметь что-нибудь про запас.

— Но отсюда нельзя управлять Кораблем,— заметил Джо,— Отсюда ничего не видно. Если бы нужен был второй набор панелей управления, его бы поместили на Капитанском мостике. Откуда видно звезды.

— А это что? — спросил Джим, указывая на стеклянную стену.

— Подумай головой,— посоветовал брат,— Она смотрит не в ту сторону. Она повернута внутрь Корабля, а не наружу. И устроено все не так, как в Рубке; нечем отражать звезды на эту поверхность.

— Может быть, мы просто еще не во всем разобрались.

— Даже если так, ты кое о чем забыл. Как насчет маленького Конвертора?

— А что насчет него?

— Он должен иметь какое-то предназначение. Он здесь не случайно. Могу поспорить, что вот эти огоньки как-то с ним связаны.

— Почему?

— А почему бы и нет? Зачем они здесь?

Хью нарушил озадаченное молчание. Все, что говорили близнецы, кажется, имело какой-то смысл, даже их возражения. Что-то смущало его. Этот Конвертор, маленький Конвертор...

— Слушайте! — выпалил он.

— Что?

— А что если... Вдруг эта часть Корабля *движется*?

— Ну да. Весь Корабль движется.

— Нет, нет, я совсем не то имею в виду. Вдруг она движется *сама по себе*? Тут есть панели управления и маленький Конвертор — возможно, она может *двигаться* отдельно от Корабля.

— Совершенно невероятно.

— Вполне вероятно... Если это так, *то это и есть выход*.

— Что? — сказал Джо.— Ерунда. Здесь тоже нет двери наружу.

— Но она появится, если эта часть отделится от Корабля — мы вошли сюда через нее!

Две головы разом повернулись к нему, будто их дернули за одну и ту же веревочку. Потом они взглянули друг на друга и начали спорить. Джо-Джим повторил свой эксперимент с панелью управления.

— Видишь? — говорил Джо.— «Запуск». Это означает «начать что-то», «заставить двигаться».

— Тогда почему же ничего не движется?

— «Шлюз открыт». Это, видимо, та дверь, через которую мы вошли. Все остальное закрыто.

— Давай попробуем закрыть.

— Сначала придется запустить Конвертор.

— Хорошо.

— Не так быстро. Вдруг мы выйдем и не сможем зайти обратно. Умрем от голода.

— Хм-м... лучше подождать.

Хью слушал их спор, обследуя панели управления и пытаясь в них разобраться. Под крышкой стола обнаружился ящичек; он пошарил в нем и что-то нашел.

— Посмотрите!

— Что такое? — спросил Джо.— А, книга. Там, в комнате рядом с Конвертором, их полно.

— Давай посмотрим,— предложил Джим.

Но Хью уже открыл ее и начал читать:

Вахтенный журнал,
Космический Корабль «Авангард».

2 июня 2172 г. Полет нормальный...

— Что? — завопил Джо.— Дай-ка сюда!

3 июня. Полет нормальный.

4 июня. Полет нормальный. Совещание у Капитана по вопросу награждений и взысканий в 13.00, см. Бортовой журнал.

5 июня. Полет нормальный...

— Дай сюда!

— Подожди! *6 июня. В 04.31 начался бунт. Вахта узнала об этом по видеофону. Унтер-офицер Хафф вышел на связь с рубкой и приказал вахте сдаться, называя себя «капитаном». Вахтенный офицер приказал ему считать себя арестованным и сообщил в каюту Капитана. Ответа не было.*

04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер выслал наряд из трех человек, чтобы известить Капитана и помочь в аресте Хаффа.

04.41. Конвертор не дает энергии; свободный полет.

05.02. Унтер-офицер Лейси, посланный в составе группы из трех человек вниз, вернулся один. Устно доложил, что двое других, Малькольм Янг и Артур Сирс, мертвы, а ему разрешили вернуться, чтобы предложить вахте сдаться. Бунтовщики назначили крайний срок 05.15.

Следующая запись была сделана другой рукой:

05.45. Я приложил все усилия к тому, чтобы установить связь с другими службами и офицерами Корабля, но безуспешно. В данных обстоятельствах считаю своим долгом оставить пульт управления без приказа и попытаться восстановить внизу поря-

док. Возможно, это ошибочное решение, ведь мы не вооружены, но я не знаю, что еще предпринять. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер.

— Это все? — спросил Джо.

— Нет,— ответил Хью.— *1 октября (примерно) 2172 г. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой службы снабжения, был сегодня выбран Капитаном «Авангарда». Со времени последней записи в этом журнале произошли огромные изменения. Смута была подавлена, или скорее умерла, однако трагической ценой. Погибли или считаются погибшими все пилоты и инженеры. Меня не выбрали бы Капитаном, если бы остался хоть один специалист.*

Примерно девяносто процентов персонала мертвы. Не все они погибли в первой стычке; после смуты не был выращен урожай; запасы продовольствия подходят к концу. Среди несдавшихся смутьянов, похоже, начинается людоедство.

Сейчас моя первейшая задача — восстановить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди Экипажа. Нужно посадить злаки. Необходимо наладить постоянную вахту у дополнительного Конвертора, который поставляет нам все тепло, свет и энергию.

Следующая запись была без даты.

«Я слишком занят, чтобы аккуратно вести этот журнал. Честно говоря, я не знаю даже приблизительной даты. Часы на Корабле больше не работают. Возможно, причина этого в неправильных действиях с дополнительным Конвертором, возможно, в излучении из космоса. Антирадиационной защиты вокруг Корабля больше нет, потому что не работает Главный Конвертор. Главный Инженер утверждает, что его можно запустить, но у нас нет астронавигатора. Я попытался разобраться в книгах, но математика слишком сложна.

Примерно один из двадцати новорожденных имеет отклонения в развитии. Я ввел спартанский кодекс — таким детям не дают права на жизнь. Это сурово, но необходимо».

«Я уже совсем стар и слаб и должен подумал о преемнике. Я последний член команды, рожденный на Земле, но и я мало что помню — мне было пять лет, когда родители взошли на борт. Я не знаю своего возраста, но некоторые признаки говорят, что недалеко то время, когда и я отправлюсь в свое Путешествие в Конвертор.

С моими людьми происходит странная перемена. Поскольку они никогда не жили на планете, с течением времени им все труднее понять что-либо, не связанное с Кораблем. Я перестал говорить с ними об этом — в любом случае это не милосердно, ведь я не могу надеяться вывести их из тьмы. Их жизнь и так трудна; они выращивают урожай, а его разворовывают преступники, все еще процветающие на верхних палубах. Зачем же возбуждать бесплодные мечты?

Вместо того чтобы передать журнал своему преемнику, я думаю, будет лучше попытаться спрятать его в единственной шлюпке, оставленной сбежавшими смутьянами. Там он спокойно пролежит долгое время — иначе какой-нибудь безголовый кретин может использовать его как топливо для Конвертора. Я поймал вахтенного, скармливающего Конвертору последний том из серии "Энциклопедия Земли" — бесценные книги. Этого идиота никогда не учили читать! Надо издать какой-нибудь закон о книгах».

«Это моя последняя запись. Я откладывал попытку спрятать этот журнал, потому что подниматься выше самых низких уровней очень опасно. Но теперь моя жизнь не имеет ценности; я хочу умереть, зная, что останется правдивая запись.

Теодор Маусон, капитан».

Даже близнецы долго молчали, когда Хью закончил чтение. Наконец Джо тяжело вздохнул и сказал:

— Так вот как это случилось.

— Бедняга,— вздохнул Хью.

— Кто? Капитан Маусон? Почему?

— Нет, не Капитан Маусон. Другой, пилот Болдуин. Только представь, он выходил в дверь, зная, что за ней *Хафф*.— Хью содрогнулся. Несмотря на свою просвещенность, он все еще подсознательно представлял себе Хаффа, «Проклятого Хаффа, первого из согрешивших», как существо вдвое выше Джо-Джима, вдвое сильнее Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью взял у Эртца пару носильщиков из тех, которых тот использовал для переноски тел погибших в боевых стычках к Конвертору. Хью же использовал их, чтобы экипировать шлюпку. Туда доставили воду, хлеб, мясные консервы, массу для Конвертора. Об этом он не стал докладывать Нарби, как и о находке шлюпки вообще. Этому не было разумного объяснения — просто Нарби ему не нравился.

Их звезда становилась все больше и больше. Наконец стал виден диск, и на нее уже невозможно было долго смотреть из-за ее яркости. Ее пеленг быстро (для звезды) менялся; она ползла по нижней части небесного свода. Без управления Корабль облетел бы вокруг нее по широкой дуге и снова скрылся в глубинах тьмы. Хью много недель вычислял элементы траектории; еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его результаты и привыкали к тому, что эти нелепые цифры верны. Еще больше времени потребовалось на то, чтобы убедить Эртца, что для перемены своего положения в космосе нужно приложить усилие, которое оттолкнет тебя в другую сторону от того места, куда хочешь попасть,— как будто упираешься каблуками, нажимаешь на тормоза, гасишь инерцию.

Только целая серия экспериментов в невесомости позволила убедить Эртца — иначе он завершил бы Путешествие, на полной скорости врезавшись в звезду. Затем Хью и Джо-Джим рассчитывали, как приложить ускорение, чтобы погасить скорость «Авангарда» и направить его по эксцентрическому эллипсу вокруг звезды. После этого они должны будут заняться поиском планет.

Эртцу не сразу удалось понять разницу между звездой и планетой. Алану это вовсе не удалось.

* * *

— Если мои расчеты верны,— сообщил Хью Эртцу,— мы теперь должны начать ускорение.

— Хорошо,— ответил Эртц,— Главный Двигатель готов — больше двухсот тел и еще куча неиспользованной массы. Чего же мы ждем?

— Надо встретиться с Нарби и получить разрешение начать.

— Зачем его спрашивать?

Хью пожал плечами.

— Он Капитан. Ему нужно знать.

— Ладно. Давай захватим Джо-Джима и сходим.

Они отправились в каюту Джо-Джима. Того не было, зато они увидели Алана, тоже разыскивающего его.

— Коренастый сказал, что он ушел к Капитану,— сообщил Алан.

— Вот как? Тем лучше — встретим его там. Алан, старик, знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Время пришло. Мы сделаем это! Мы сдвинем Корабль!

Алан округлил глаза.

— Ну?! Прямо сейчас?

— Как только сообщим Капитану. Пойдем с нами, если хочешь.

— Еще бы! Только скажу жене,— он побежал к себе домой.

— Балует свою старуху,— заметил Эртц.

— Иногда это получается само собой,— сказал Хью с отсутствующим видом.

Алан скоро вернулся, хотя было видно, что он надел чистые штаны.

— Хорошо,— радостно сказал он,— Пошли!

Алан подходил к кабинету Капитана гордой походкой. Сейчас он был важной персоной. Он представлял себе, как прошагает со своими друзьями мимо стражника, отдающего им честь, и больше никто не будет толкать и унижать его.

Однако стражник не отодвинулся, хотя честь и отдал. Он загородил дверь.

— В сторону, парень! — мрачно сказал Эртц.

— Да, сэр,— ответил страж, не двигаясь с места.— Ваше оружие, пожалуйста.

— Что? Ты что, не узнал меня, дурак? Я Главный Инженер.

— Да, сэр. Оставьте оружие здесь, пожалуйста. Правила.

Эртц толкнул стражника в плечо. Тот устоял.

— Извините, сэр. Никто не должен приближаться к Капитану с оружием. Никто.

— Черт побери!

— Он не забыл судьбы прежнего Капитана,— тихо произнес Хью.— Он умен.

Он вытащил свой нож и бросил его стражнику. Тот аккуратно поймал нож за рукоятку. Эртц взглянул, пожал плечами и отдал свой нож. Алан, совершенно упавший духом, передал свой нож, наградив стражника таким взглядом, который вполне мог сократить тому жизнь.

Нарби что-то говорил; Джо-Джим хмурился обоими своими лицами; Бобо выглядел очень озадаченным и каким-то обнаженным, незаконченным без своих многочисленных ножей и пращи.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим. Таково мое решение. Я согласился объяснить тебе свои соображения, но мне безразлично, нравятся они тебе или нет.

— В чем дело? — спросил Хью.

Нарби взглянул на них:

— О, я рад, что вы зашли. Ваш друг мут, кажется, сомневается, кто здесь Капитан.

— А что случилось?

— Он,— прорычал Джим, тыча пальцем в сторону Нарби,— кажется, считает, что сможет разоружить мутов.

— Ну, война ведь окончена, не так ли?

— Такой договоренности не было. Муты должны были стать частью Экипажа. Заберите у них ножи, и Экипаж убьет их всех в мгновение ока. Это несправедливо. У Экипажа ведь есть ножи.

— Придет день, когда не станет,— предсказал Нарби,— но я сделаю это, когда посчитаю нужным и как посчитаю нужным. Это первый шаг. С чем ты пришел, Эртц?

— Спросите Хью.— Нарби повернулся к Хью.

— Я пришел сообщить вам, Капитан,— официально заявил тот,— что мы собираемся запустить Главный Конвертор и начать движение Корабля.

Нарби был, казалось, удивлен, но не обеспокоен.

— Боюсь, что с этим придется повременить. Я еще не готов разрешить офицерам подняться на уровень невесомости.

— В этом нет необходимости,— объяснил Хью.— Мы с Эртцем можем провести первые маневры самостоятельно. Но ждать нельзя. Если не начать двигать Корабль сейчас, Путешествие не завершится в течение нашей с вами жизни.

— В таком случае,— ровно произнес Нарби,— это подождет.

— Что? — вскричал Хью.— Нарби, неужели ты не хочешь завершить Путешествие?

— Я никуда не тороплюсь.

— Что за чертова ерунда? — требовательно спросил Эртц,— Что на тебя нашло, Фин? Разумеется, мы должны начать двигать Корабль.

Прежде чем ответить, Нарби побарабанил по столу. Потом он произнес:

— Поскольку здесь, кажется, назревает легкое непонимание того, кто именно отдает приказы на Корабле, я могу сказать вам об этом прямо. Хойланд, до тех пор пока твое времяпрепровождение не мешало управлять Кораблем, я разрешал тебе развлекаться. Я делал это с радостью, потому что ты по-своему был полезен. Но если твои сумасшедшие идеи становятся возможным источником падения нравов и угрозой миру и безопасности Корабля, то я вынужден положить этому конец.

Во время этой речи Хью несколько раз открывал и закрывал рот. Наконец ему удалось произнести:

— Сумасшедшие? Ты сказал «сумасшедшие»?

— Да. Если человек верит, что неподвижный Корабль способен двигаться, то либо он сумасшедший, либо невежественный

религиозный фанатик. Поскольку вы оба все-таки получили подготовку как ученые, то я считаю, что вы потеряли разум.

— Джордан правый! — сказал Хью.— Человек своими собственными глазами видел бессмертные звезды — и может сидеть здесь и говорить, что мы сумасшедшие!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц.— К чему этот шум? Ты никого не обманешь — ты был в Рубке, был на Капитанском мостике, ты знаешь, что Корабль движется.

— Очень интересно, Эртц,— произнес Нарби, оглядывая его,— Я все размышлял, подыгрываешь ты заблуждениям Хойланда или сам заблуждаешься. Теперь я вижу, что ты тоже сумасшедший.

Эртц сдержался.

— Объяснись. Ты видел Рубку; как ты можешь утверждать, что Корабль неподвижен?

Нарби улыбнулся.

— Я думал, ты более знающий инженер, Эртц. Рубка — это большая мистификация. Ты сам знаешь, что эти огоньки можно включать и выключать — очень интересное изобретение. Я считаю, что оно использовалось, чтобы вселить священный ужас в невежд и заставить их поверить в древние мифы. Но нам это больше не нужно, вера Экипажа и без того сильна. Теперь это источник разногласий — и я собираюсь разрушить Рубку и запечатать дверь.

Хью от всего этого совершенно потерял голову, начал бессвязно угрожать и схватился бы с Нарби, если бы Эртц не сдержал его. Джо-Джим взял Хью за руку, оба лица его были похожи на каменные маски.

Эртц спокойно сказал:

— Предположим, ты прав. Предположим, что и Главный Конвертор, и Главный Двигатель — не что иное, как подделки, и мы никогда не сможем запустить их. Но как же Капитанский мостик? Там ты видел настоящие звезды, а не изображения.

Нарби пожал плечами.

— Эртц, ты еще глупее, чем я думал. Признаюсь, представление на мостике и меня сначала поразило, хотя я и не поверил

в эти звезды. Но Рубка подсказала — это иллюзия, сложная инженерная игрушка. За стеклом находится еще одно помещение, примерно такого же размера, но не освещенное. На фоне темноты эти крошечные движущиеся огоньки производят впечатление бездонного пространства. Тот же самый трюк, что и в Рубке.

— Это же очевидно,— продолжал он,— Я удивлен, что вы этого не видите. Когда очевидный факт противоречит логике и здравому смыслу, очевидно, что вы просто не смогли правильно интерпретировать этот факт. Очевиднейший факт природы — это реальность самого Корабля, прочного, недвижного, совершенного. Любой так называемый факт, который вроде бы противоречит этому, есть иллюзия. Зная это, я стал искать подвох и нашел его.

— Подожди,— сказал Эртц.— Ты хочешь сказать, что побывал за стеклом Капитанского мостика и увидел эти фальшивые огоньки, о которых ты толкуешь?

— Нет,— признал Нарби,— в этом нет необходимости. Без сомнения, сделать это будет достаточно просто, но это не нужно. Не надо резать себя, чтобы понять, что нож острый.

— Вот как...— Эртц остановился на минутку, размышляя.— Я хочу заключить с тобой сделку. Если мы с Хью сошли с ума с нашей верой, от этого не будет никакого вреда, пока мы держим рты на замке. Мы попробуем сдвинуть Корабль. Если это не удастся, значит, ты прав, а мы ошибались.

— Капитан не торгуется,— указал Нарби.— Тем не менее — я подумаю. Это все. Можете идти.

Эрцт повернулся к выходу, но заметил выражение лиц Джо-Джима и остановился.

— Еще одно,— сказал он.— Что тут насчет мутов? Почему ты давишь на Джо-Джима? Он и его ребята сделали тебя Капитаном — ты должен проявить справедливость.

Нарби на миг сбросил свою улыбчивую снисходительность.

— Не вмешивайся, Эртц! Нельзя терпеть банды вооруженных дикарей. Это окончательное решение.

— С пленными можешь делать, что хочешь,— заявил Джо-Джим,— но мои ребята должны сохранить ножи. Им обещали добрую еду, если они сражаются за тебя. Они сохранят ножи. Это окончательное решение!

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим,— заметил он.— Я долго верил, что хороший мут — это мертвый мут. Ты сильно укрепляешь меня в этом мнении. Тебе будет интересно узнать, что сейчас твоя банда уже разоружена и перебита. Поэтому я и послал за тобой!

Вошли стражники по сигналу или так было условленно заранее — неизвестно. Застигнутые врасплох, пятеро безоружных друзей обнаружили за спиной по вооруженному громиле.

— Уведите их,— приказал Нарби.

Бобо взвыл и взглянул на Джо-Джима, ожидая приказаний.

— Давай, Бобо,— сказал Джо.

Карлик, не думая о ноже, упиравшемся в его спину, прыгнул прямо на стражника, стоявшего за спиной Джо-Джима. Вынужденный разделить внимание, тот потерял драгоценные полсекунды. Джо-Джим ударил его ногой в живот и завладел ножом. Хью придавил к полу стражника и выкручивал нож. Джо-Джим сделал последний выпад. Двухголовый монстр огляделся и увидел кучу-малу из четырех тел — Эртца, Алана и двух их стражников. Джо-Джим вдумчиво работал ножом, следя за тем, чтобы не перепутать тела. Наконец все было кончено.

— Заберите их ножи,— велел Джо-Джим.

Его слова потонули в нечеловеческом вое. Бобо, у которого все еще не было ножа, воспользовался своим естественным оружием. Лицо его стражника, наполовину откушенное, превратилось в кровавое месиво.

— Забери его нож,— приказал Джо.

— Не могу достать,— виновато признался Бобо. Причина этого была очевидна — рукоятка ножа торчала у него между ребер, прямо из-под правой ключицы.

Джо-Джим осмотрел место ранения, осторожно дотронулся до ножа. Он сидел прочно.

— Идти можешь?

— Ну да,— проворчал Бобо и поморщился.

— Оставим нож там, где он есть. Алан! Со мной. Хью и Билл — прикрывайте тыл. Бобо в середине.

— А где же Нарби? — спохватился Эртц, ощупывая царапину у себя на скуле.

Нарби исчез — улизнул через потайную дверь позади стола, заперев ее за собой.

Клерки разбегались от них по приемной. Джо-Джим заколол стражника у внешней двери, когда тот еще поднимал свисток. Друзья быстро разобрали свое оружие, присоединив его к захваченному, и побежали наверх.

Через две палубы после последней заселенной Бобо споткнулся и упал. Джо-Джим поднял его.

— Сможешь продержаться?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь. Они полезли дальше. Еще через двадцать палуб стало очевидно, что Бобо не сможет больше идти, хотя они по очереди поддерживали его. Однако вес уже сильно уменьшился. Алан поднял Бобо, как ребенка, и они двинулись дальше.

Джо-Джим сменил Алана.

Эртц сменил Джо-Джима. Хью сменил Эртца.

Они достигли уровня, где жили раньше, и Хью повернул в направлении их комнаты.

— Положи его,— скомандовал Джо.— Куда ты направился?

Хью устроил раненого на полу.

— Домой. Куда же еще?

— Дурак! Здесь нас в первую очередь будут искать.

— А куда же нам идти?

— Никуда — на Корабле. Выйдем из корабля!

— Что?

— На шлюпке.

— Он прав,— согласился Эртц.— Теперь весь Корабль против нас.

— Но... но...— Хью подчинился.— Шансы ничтожны — но стоит рискнуть.

Он снова двинулся в направлении дома.

— Эй! — крикнул Джим.— Не туда.

— Нужно забрать женщин.

— К Хаффу женщин! Вас поймают. Нет времени.

Но Эртц и Алан последовали за Хью.

—Ну и ладно! — фыркнул Джим.— Но поторопитесь! Я останусь с Бобо.

Джо-Джим уселся, положил голову Бобо себе на колени и тщательно осмотрел его. Кожа была влажной и серой; длинная алая дорожка бежала с правого плеча. Бобо прерывисто вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим погладил его по голове.

— Потерпи,— сказал Джим.— Будет больно.

Чуть приподняв раненого, он осторожно взялся за нож и выдернул его. Хлынула кровь.

Джо-Джим осмотрел нож, отметил смертельную длину лезвия и прикинул к ране.

— Он не вытянет,— прошептал Джо.

Джим взглянул на него:

— Тогда?..

Джо медленно кивнул. Джо-Джим потрогал лезвие вынутого из раны ножа и взял один из своих, острый, как бритва. Он взял карлика за подбородок левой рукой, и Джо скомандовал:

— Посмотри на меня, Бобо!

Бобо посмотрел, беззвучно прошептав что-то. Джо смотрел ему прямо в глаза.

— Хороший Бобо! Сильный Бобо!

Карлик ухмыльнулся, будто услышал и понял, но не попытался ответить. Хозяин чуть повернул его голову; лезвие вонзилось глубоко, взрезав сонную артерию, но не задев гортань.

— Хороший Бобо! — повторил Джо. Бобо снова ухмыльнулся.

Когда глаза его остекленели, а дыхание совершенно прекратилось, Джо-Джим положил тело к стене и взглянул в направлении, куда ушли остальные. Им уже пора было вернуться.

Он засунул лезвие милосердия в ножны. Убедился, что оружие в порядке.

Остальные вернулись бегом.

— Небольшая заминка,— объяснил Хью, задыхаясь.— Коренастый мертв. Никого из твоих не видно. Возможно, их перерезали — похоже, Нарби не соврал. Вот...

Он протянул Джо-Джиму длинный нож и доспех, сделанный специально для него — с широкой стальной клеткой вместо шлема, покрывающей обе головы.

Эртц и Алан были в доспехах, Хью тоже. Для женщин доспехов не делали. Джо-Джим отметил, что у младшей жены Хью только что разбита губа — видимо, аргумент попался весомый. Ее глаза метали молнии, хотя внешне она сохраняла покорность. Старшая, Хлоя, кажется, считала происходящее вполне естественным. Жена Эртца тихонько плакала; женщина Алана была в такой же растерянности, что и он сам.

— Как Бобо? — спросил Хью, прилаживая доспех Джо-Джима.

— Отправился в Путешествие,— сообщил Джо.

— Вот как? Ну что ж — пора идти.

Они быстро дошли до уровня невесомости. Тут пришлось замедлить — женщины не умели двигаться в таких условиях. Они добрались до переборки, отделяющей Рубку со шлюпками от Корабля, и принялись подниматься. Они не встретили никакой засады, хотя Джо показалось, что он заметил чью-то мелькнувшую голову на одной из палуб. Он шепнул об этом брату. Остальным они ничего не сказали.

Дверь в шлюпочный отсек заклинило, а Бобо уже не было с ними. Все приложились по очереди, обливаясь потом от напряжения. Снова взялся Джо-Джим, причем Джо расслабился, чтобы не мешать Джиму напрягать мышцы. Дверь подалась.

— Все внутрь! — рявкнул Джим.

— Быстро! — скомандовал Джо.— Они приближаются.— Пока его брат трудился, он оглядывался по сторонам. Крик снизу подтвердил его опасения.

Близнецы обернулись, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Мужчины забивали своих женщин в двери. Бестолковая подруга Алана вдруг потеряла выдержку, завизжала и попыталась убежать, но ее подвела невесомость. Хью схватил ее, втолкнул внутрь и от души приложил ногой. Джо-Джим метнул нож, чтобы задержать преследователей. Он достиг цели; полдесятка наступающих приостановились. Потом, явно по сигналу, в воздух взвилось сразу пять ножей.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что доспех уберег его.

— Промазали, Джо,— порадовался он.

Ответа не было. Джим повернул голову, чтобы взглянуть на брата. В нескольких дюймах от его лица сквозь прутья решетки торчал нож. Лезвие глубоко засело в левом глазу Джо.

Брат был мертв.

Выглянул Хью.

— Давай, Джо-Джим,— заорал он.— Все внутри.

— Зайди внутрь,— велел Джим.— Закрой дверь.

— Но...

— Заходи! — Джим повернулся и втолкнул Хью внутрь, закрыв за ним дверь. Хью успел заметить нож, торчащий из безжизненно склоненной головы. Потом дверь перед ним затворилась, и он услышал лязг рычага.

Джим повернулся к атакующим. Оттолкнувшись от переборки уже непослушными ногами, он полетел навстречу врагам, обеими руками сжимая свой чужовищный клинок. В его сторону летели ножи, ударялись в стальную броню на груди, впивались в ноги. Он размахнулся и развалил почти пополам первого противника.

— Это за Джо!

Удар отбросил его. Он перевернулся в воздухе, нашел равновесие и снова ударил.

— Это за Бобо!

Его окружили; он яростно дрался, не обращая внимания, куда бьет его клинок, лишь бы находил цель.

— А это за меня!

Нож воткнулся ему в бедро. Он не замедлил движения; ноги не имели значения в невесомости.

— Один за всех!

На плечах повис человек — он чувствовал его. Неважно — перед ним тоже был враг, который ждал удара. Замахиваясь, Джим прокричал:

— Все за одно...— он не успел досказать, но успел ударить...

Хью попытался открыть дверь, захлопнувшуюся перед его лицом. Ему это не удалось — если он и мог ее открыть, то не знал, как. Он прижал ухо к стали и прислушался, но шлюзовая дверь не пропускала ни звука.

Эртц дотронулся до его плеча.

— Пойдем,— сказал он.— Где Джо-Джим?

— Он остался там.

— Что? Открой дверь!

— Не открывается. Он сам решил остаться, он захлопнул дверь у меня перед носом.

— Надо спасти его — мы ведь кровные братья.

— Я думаю,— сказал Хью, внезапно озаренный догадкой,— я знаю, почему он остался.— И он рассказал Эртцу, что видел.

— В любом случае,— завершил он,— для него это *Конец Путешествия*. Иди назад и загрузи массу в Конвертор. Мне нужна энергия.— Они вошли в шлюпку; Хью закрыл за собой воздушный шлюз.

— Алан! — позвал он.— Мы стартуем. Пусть женщины не путаются под ногами.

Он уселся в кресло пилота и выключил свет.

В темноте он накрыл ладонью узор из зеленых лампочек. На подлокотнике высветилась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело. Вот оно! — подумал Хью и активизировал комбинацию запуска. Короткая пауза — потом быстрый, вызывающий тошноту крен — и поворот. Это напугало его, ведь он не знал, что траектория запуска была построена так, чтобы погасить обычное вращение Корабля.

Стекло перед его глазами было теперь испещрено точками звезд; и они двигались — они были свободны!

Но не все пространство было равномерно заполнено звездами, как это всегда виделось с Капитанского мостика или из Рубки. Теперь огромная, гигантская, неуклюжая масса мягко блестела под светом звезды, в чью систему они уже вступили. Сначала он не мог понять, что это. Потом с суеверным ужасом вдруг осознал, что смотрит на сам Корабль, настоящий Корабль, *снаружи*. Несмотря на то что долгое время он умом знал, что такое Корабль, он никогда и представить себе не мог, что будет смотреть на него. Можно видеть звезды, внешнюю поверхность планет — эту концепцию он воспринял с трудом,— но не внешнюю поверхность Корабля.

Зрелище привело его в шок.

Алан дотронулся до его руки:

— Хью, что это?

Хью попытался объяснить. Алан затряс головой и заморгал.

— Я не понимаю.

— Ничего. Позови сюда Эртца. И приведи женщин — пусть посмотрят.

— Хорошо. Но,— добавил он со здравой интуицией,— не надо показывать это бабам. Они только испугаются — они ведь и звезд никогда не видели.

Удача, умное инженерное решение и немного знаний. Гениальное инженерное решение, большая удача и совсем мало знаний. Удачей было то, что Корабль оказался вблизи звезды с планетной системой, что Корабль приблизился к ней с такой небольшой скоростью и Хью смог противостоять ей на своем крошечном судне, что он научился управлять этим судном раньше, чем они умерли от голода или затерялись в открытом космосе.

Благодаря гениальным инженерным решениям маленькое суденышко обладало огромным запасом энергии и скорости. Создатели предполагали, что первопроходцам может понадобиться

исследовать отдаленные планеты звездных систем. Они заложили такую возможность в шлюпки Корабля, обеспечив их значительным резервом безопасности. Хью почти исчерпал этот резерв.

Им повезло, что они оказались вблизи плоскости планетной орбиты, что когда Хью удалось направить крошечный кораблик вокруг солнца, он двинулся по орбите в ту же сторону, что и планеты.

Повезло, что эксцентрическая орбита, на которой они оказались, постепенно вынесла их ближе к гигантской планете, которую он смог визуально отличить от звезд.

Большинство землян в силу геоцентристских и антропоцентристских представлений совершает одну ошибку. Они воображают планетарную систему стереоскопически. Они рисуют мысленным взором солнце в отдалении от россыпи звезд, окруженное вращающимися шариками — планетами. Выйдите на балкон и посмотрите. Можете ли вы отличить звезду от планеты? Венеру найти легко, но отличите ли вы ее от Канопуса, если не знали его раньше? Та маленькая красная точка — это Марс или Антарес? Как узнать, если вы невежественны, как Хью Хойланд? Рванете к Антаресу, думая, что это планета, и внуков у вас не будет.

Они медленно подползали к планете. Наконец она превратилась в видимый невооруженным глазом диск. Огромная, как Юпитер, она величественно кружила вокруг своего светила. Несколько суток Хью тормозил шлюпку. Наконец он достаточно приблизился к планете и заметил ее спутники.

Удача снова оказалась на его стороне. Он собирался, за неимением лучшего, сесть на гигантскую планету. Осуществи он свой план, и они дожили бы только до открытия люка.

Но ему не хватало массы, ведь они выполнили титаническую задачу, сходя с гиперболической траектории, ведущей мимо звезды, и выходя на внутреннюю орбиту сначала вокруг звезды, затем вокруг огромной планеты. Хью корпел над древними книгами, бесконечно решая уравнения, освящающие законы

движения небесных тел. Он вычислял и перепроверял и наконец вывел из терпения даже спокойную Хлою.

Вторая его жена, безымянная, после потери зуба держалась от него в стороне.

По всем уравнениям выходило, что даже разденься они догола и выброс ножи, ему придется потратить на топливо по крайней мере нескольких драгоценных, незаменимых древних книг.

Он предпочел бы расстаться с одной из своих жен.

И он решил сесть на одну из лун.

И снова удача. Совпадение настолько маловероятное, что можете в него не верить,— но спутник оказался пригодным для жизни людей. Не хотите — не верьте; возникновение нашей собственной планеты настолько же маловероятно. Это просто редкостная случайность.

Удача Хью оказалась такой же редкостной случайностью.

На следующем этапе вновь помог гений создателей корабля. Хотя Хью и научился управлять своим суденышком в космосе, где есть место для маневра, посадка — совсем другое и очень непростое дело. Он неминуемо разбил бы любое судно, созданное до «Авангарда». Но создатели корабля знали, что шлюпкой будет управлять по крайней мере второе поколение астронавтов. Неумелым пилотам придется летать без посторонней помощи. Древние инженеры учли это.

Хью ввел шлюпку в стратосферу и победоносно направил ее по гибельному курсу.

Автопилот перехватил управление.

Хью бушевал и ругался такими словами, которые переключили на себя восторженное внимание Алана, до того созерцавшего звездное небо за иллюминатором. Но что бы он ни делал, судно не реагировало. Оно двигалось своим курсом, выровнялось на высоте в тысячу футов и не меняло ее, несмотря на усилия Хью.

— Звезды пропали!

— Я знаю.

— Но Джордан! Хью, что с ними случилось?

Хью взглянул на Алана.

— Я — не — знаю — и — не — хочу — знать! Сиди с женщинами и не задавай глупых вопросов.

Алан неохотно ретировался, бросив взгляд на поверхность планеты и яркое небо. Зрелище заинтересовало его, но не слишком — его способность удивляться уже почти перегорела.

Только спустя несколько часов Хью обнаружил, что имеется еще одна группа лампочек, манипуляции с которой запустили механизм посадки. Он действовал методом проб и ошибок и не выбирал места высадки. Однако недремлющее око автопилота передало информацию в «мозг»; субмолекулярный механизм начал сравнивать и отклонять. Корабль мягко приземлился посреди холмистой прерии рядом с небольшой рощицей.

Появился Эртц.

— Что случилось, Хью?

Хью указал на иллюминатор.

— Мы на месте.

На большее его не хватило — сказывались усталость и эмоциональное истощение. Несколько недель он боролся с кораблем, плохо понимая, что именно нужно делать, боролся с голодом, а в последние дни и с жаждой. Много лет он жил одной страстной надеждой — и теперь у него почти не осталось сил радоваться.

И все же они приземлились, они завершили Путешествие Джордана. Он был счастлив, и он очень устал.

— Джордан! — Эртц не мог сдержать восклицания.— Давай выйдем!

— Давай.

В воздушном шлюзе стоял Алан, за ним сгрудились женщины.

—Прилетели, Капитан?

— Заткнись,— сказал Хью.

Женщины столпились возле иллюминатора; Алан с важным видом порол чушь, объясняя им, что они видят снаружи. Эртц открыл последнюю дверь.

Внутрь хлынул свежий воздух.

— Холодно,— произнес Эртц. На самом деле температура была всего лишь на каких-нибудь пять градусов ниже, чем постоянная температура на Корабле, но Эртц еще не знал, что такое «погода».

— Ерунда,— фыркнул Хью, раздраженный малейшей критикой в адрес «его» планеты.— Тебе просто кажется.

— Возможно,— отступил Эртц. После неловкой паузы он предложил: — Выходим?

— Конечно.— Преодолев собственную робость, Хью оттолкнул его и спрыгнул с пятифутовой высоты на землю.

— Давайте — здесь здорово.

Эртц спрыгнул вслед и встал рядом. Больше они не решались сделать ни шага.

— Просторно, да? — хрипло произнес Эртц.

— Ну, так и должно было быть,— отрезал Хью, злясь на себя за то же чувство потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул из люка.— Можно спускаться? Как там?

— Давай.

Алан бесстрашно перевалился через край, оглянулся и присвистнул: «Боже мой!»

Свою первую вылазку они совершили за пятьдесят футов от Корабля.

Они держались кучкой и старались не спотыкаться на странной неровной палубе. Ничего необычного не произошло, пока Алан не оторвал взгляда от земли и не обнаружил, впервые в своей жизни, что ни стен, ни потолка нет. Голова его закружилась, накатил острый приступ агорафобии; он застонал, закрыл глаза и повалился на траву.

— Какого Хаффа...— начал Эртц, озираясь — и повалился рядом.

Хью держался из последних сил. Он упал на колени, но не позволил себе лечь на землю, лишь оперся на руку. У него все же было преимущество — он подолгу смотрел в иллюминатор, а ведь и Алан с Эртцем не были трусами.

— Алан! — пронзительно закричала его жена от двери шлюпки.— Алан! Вернись!

Алан приоткрыл один глаз, сфокусировал зрение на Корабле и снова припал к земле.

— Алан! — скомандовал Хью.— Прекрати! Садись.

Тот сел с видом человека, которому нечего больше терять.

— Открой глаза!

Алан осторожно подчинился, но снова поспешно закрыл их.

— Посиди спокойно, и все пройдет,— добавил Хью. Я уже в порядке.— В подтверждение своих слов он поднялся на ноги. Голова еще кружилась, но он справился. Эртц тоже сел.

Солнце пересекло уже немалую часть неба, времени прошло столько, что и упитанный человек успел бы проголодаться — а они уже давно не ели досыта. Даже женщины вышли наружу — точнее, их вытолкали. Они не решались отойти от Корабля и сидели тесной кучкой. Однако мужская половина уже освоилась ходить поодиночке даже в открытых местах. Алану было теперь нипочем отойти и на пятьдесят ярдов от Корабля, что он с гордостью проделал несколько раз на виду у женщин.

В одну из таких вылазок он заметил маленького зверька, чье любопытство пересилило осторожность. Нож Алана остановил его. Алан подобрался к нему, схватил добычу за ногу и гордо принес Хью.

— Посмотри, Хью! Добрая еда!

Хью посмотрел одобрительно. Его первый непонятный страх прошел. Теперь его переполняло теплое глубокое чувство обретенного дома. Это было хорошим предзнаменованием.

— Да,— согласился он.— Добрая еда. Отныне и навсегда, Алан, добрая еда.

ДЕТИ МАФУСАИЛА

© Д. Старков, перевод, 1993

Посвящается Эдварду «Доку» Смиту

ЧАСТЬ I

1

— Послушай, Мэри Сперлинг: если ты не женишь его на себе — будешь просто дурой!

Мэри Сперлинг подсчитала проигрыш и, прежде чем ответить, выписала чек.

— Разница в возрасте у нас слишком велика.— С этими словами она отдала чек собеседнице.— Не надо было с тобой играть. Иногда мне кажется, что ты — ясновидящая.

— Чепуха. А вот ты просто увиливаешь от ответа. Тебе сейчас уже, должно быть, под тридцать... а с годами не хорошеют.

— Можно подумать, я сама об этом не знаю,— усмехнулась Мэри.

— Борку Вэннингу никак не больше сорока; он — почтенный, уважаемый человек. Не упускай такой шанс!

— Забери его себе. А мне пора. Счастливо, Вэн!

— Пока,— ответила Вэн, мрачно провожая Мэри взглядом. Ей было жутко любопытно, с чего это Мэри отказывается от такой, можно сказать, выгодной партии, как достопочтенный Борк Вэннинг*, а заодно — куда и зачем Мэри торопится, но нельзя ведь лезть с вопросами в чужую личную жизнь...

Сама Мэри никого не собиралась ставить в известность, куда направляется. Покинув квартиру подруги, она спустилась в подвал, вызвала из робопарка свою машину, села в нее и набрала код Северного побережья. Дождавшись свободного места в потоке

машин, автомобиль вырулил на скоростную полосу и устремился к северу. Мэри поудобнее устроилась в кресле.

Достигнув заданного пункта, автомобиль притормозил и запросил дальнейших распоряжений. Мэри очнулась от дремоты и выглянула наружу. Справа сквозь сгущающиеся сумерки темнело озеро Мичиган. Вызвав дорожный контроль, Мэри попросила помочь ей перебраться на местную трассу. Ее машину немедленно вывели туда, а затем позволили владелице вернуться к ручному управлению. Она открыла отделение для перчаток.

Регистрационный номер ее машины, зафиксированный автоматикой при переходе на местную трассу, был, конечно же, не настоящий.

Мэри свернула на боковую дорогу, без надзора контрольной службы проехала несколько миль, затем вырулила на узкую грунтовую дорогу, ведущую к берегу, и остановилась. Выключив фары, она несколько минут вслушивалась в тишину. К югу морем огней светился Чикаго, в нескольких сотнях ярдов от берега по шоссе проносились машины, но поблизости не было никого. Лишь иногда тишину нарушали какие-то ночные звуки. Сунув руку в отделение для перчаток, Мэри нажала кнопку: внешне неприметельная приборная панель отошла, открыв спрятанные под ней подсвеченные шкалы приборов. Считав их показания, Мэри убедилась, что радарной слежки нет. Движения поблизости тоже не наблюдалось. Мэри выключила приборы, подняла стекла и снова тронула с места.

Автомобиль — с виду обычный скоростной «Кэмден» — бесшумно поднялся над землей и двинулся к озеру. Скользнув над водой, он погрузился, продолжая движение. Пройдя четверть мили от берега и опустившись футов на пятьдесят в глубину, Мэри вызвала центральный пост.

— Пароль! — раздался голос из динамика.

— Жизнь коротка...

— ...хоть годы длинны...

— ...пока не наступят тяжелые дни,— закончила Мэри.

— Иногда я в этом начинаю сомневаться.— Теперь голос звучал легко и непринужденно.— Отлично, Мэри. С проверкой покончено.

— Томми, ты?

— Нет, это Сесил Хендрик. Каналы для внешнего управления у тебя свободны?

— Да, бери управление.

Через семнадцать минут автомобиль всплыл под сводом искусственной пещеры, большую часть которой занимал бассейн. Едва он причалил к берегу, Мэри выбралась наружу, и, бросив охранникам «привет», прошла в просторный подземный зал, где уже собрались пять-шесть десятков мужчин и женщин. С некоторыми Мэри останавливалась поболтать, с другими обменивалась приветливыми словами. Когда пробило полночь, она поднялась на кафедру.

— Мне,— объявила она,— сто восемьдесят три года. Есть здесь кто-нибудь старше?

Таких не оказалось. Немного подождав, Мэри продолжила:

— Тогда, согласно нашим обычаям, я открываю собрание. Хотите выбрать председателя?

— Давай дальше, Мэри! — крикнули с места. Других предложений не поступило.

— Хорошо,— сказала Мэри. Внешне она была совершенно равнодушна к оказанному ей почету, да и царящая в зале атмосфера безмятежности и раскованности резко отличалась от напряженности обыденной жизни.

— Как всегда,— мягко начала Мэри,— мы собрались здесь для того, чтобы обсудить проблемы нашего собственного благополучия, а также благополучия наших братьев и сестер. Есть ли у кого-нибудь из представителей Семей заявления от имени своих кланов? Не хочет ли кто-либо выступить от своего имени?

Один из мужчин поднялся.

— Айра Уэзерэл, от имени Семьи Джонсон. Последнее собрание было всего два месяца назад. Вероятно, у организаторов

сегодняшней встречи есть причины созывать нас опять? Хотелось бы послушать.

Кивнув, Мэри обратилась к невысокому, чопорному человеку, сидящему в первом ряду:

— Пожалуйста, Джастин.

Чопорный коротыш встал и церемонно поклонился. Из-под дурно скроенного килта виднелись его тонкие ножки: с виду и по повадкам — типичный старый буквоед, однако черные волосы и энергичный тон выказывали молодость их обладателя.

— Джастин Фут,— четко представился он.— От имени организаторов собрания. Одиннадцать лет прошло с тех пор, как Семьи решились на эксперимент, то есть обнародовали тот факт, что среди прочих людей есть такие, продолжительность жизни которых гораздо больше, чем у обычного человека. Подтверждалось это тем, что среди нас были люди, прожившие вдвое больше, чем предполагает средний срок человеческой жизни.

Говорил он без шпаргалки, однако речь его звучала так, будто он читал заранее подготовленный доклад. Сказанное им ни для кого не было новостью, но никто не торопил оратора: в отличие от обычных людей, его слушателям некуда было спешить. Докладчик продолжал:

— К мысли о том, чтобы отказаться от сохранения нашего существования в тайне, Семьи пришли по ряду причин. Позвольте напомнить вам, из каких соображений существование Семей скрывалось от широкой публики. Первые дети, родившиеся в результате браков, заключенных по рекомендации фонда Говарда, появились на свет в 1875 году. Они ничем не отличались от прочих младенцев, и рождение их никем отмечено не было. Фонд же являлся в то время открыто зарегистрированной некоммерческой организацией...

17 марта 1874 года студент-медик по имени Айра Джонсон сидел в приемной адвокатской конторы «Димс, Уингейт, Олден и Димс», выслушивая предложение совершенно фантастического толка. В конце концов он прервал главу фирмы:

— Минуточку! Если я вас правильно понял, вы предлагаете мне деньги за то, чтобы я женился на одной из этих женщин?!

— Как вы сказали? — Адвокат опешил.— Ну конечно же нет, мистер Джонсон!

— Во всяком случае, ваши слова звучали именно так!

— Нет, нет. Такая сделка считалась бы незаконной и противоречила бы общепринятым нормам морали. Мы, как представители фонда, просто информируем вас о том, что в случае вашего брака с одной из молодых особ, чьи имена здесь перечислены, на нас возлагается приятная обязанность открыть счет на имя каждого ребенка, родившегося от вашего брака. Вот здесь проставлена сумма. Однако мы вовсе не предполагаем заключать с вами какое-либо письменное соглашение, равно как и принуждать вас к женитьбе. Мы просто информируем вас об этом.

Нахмурившись, Айра Джонсон заерзал на стуле.

— Да что все это значит? И почему — именно мне?

— А это уже — дело фонда. Можно сказать: потому, что им нравятся ваши дедушка и бабушка.

— Небось вместе с ними мои косточки перемывали,— буркнул Джонсон. Он вовсе не был в восторге от своих стариков. Четверо неисправимых жмотов — хоть бы один умер в подобающем возрасте! Не пришлось бы тогда беспокоиться о деньгах на продолжение образования...

— Конечно, мы беседовали с ними. Но не о вас.

На этом месте адвокат вручил Джонсону список девушек и распрощался с ним. Имена в списке были сплошь незнакомые. Вначале Джонсон решил порвать и выбросить его, как только выйдет из приемной, но вместо этого всю ночь составлял письмо своей девушке, оставшейся в родном городке. Он счел удачным лишь седьмой вариант, в котором ему удалось объяснить ей, что между ними все кончено. Слава богу, ничего серьезного у них не было — иначе вышло бы действительно скверно.

Женившись на одной из девушек списка, он обнаружил любопытное, хоть и ничем особо не замечательное обстоятельство: жена его тоже имела полный комплект бабушек и дедушек — живых, здоровых, словом, еще хоть куда.

— ...на благотворительных началах,— продолжал Фут.— Его официальной целью было объявлено способствование повышению уровня рождаемости среди здоровых, полноценных американских граждан — это было вполне в духе времени. Для сохранения в тайне истинных целей фонда еще не требовалось исключительных мер — достаточно было просто о них не болтать. Так продолжалось до тех пор, пока не наступили «смутные времена» — промежуток меж Мировыми войнами...

Некоторые газетные заголовки за апрель—июнь 1969-го:

КРОШКА БИЛЛ БЕРЕТ БАНК!
Двухлетний малыш выиграл телеприз в 1 000 000 долларов!
Телефонное поздравление из Белого Дома.

ПО РЕШЕНИЮ СУДА МЕСТНЫЙ КАПИТОЛИЙ ПОЙДЕТ С МОЛОТКА!
Верховный суд штата Колорадо признал первоочередное право на всю собственность штата за пенсионным фондом!

МОЛОДЕЖЬ НЬЮ-ЙОРКА ТРЕБУЕТ ВВЕДЕНИЯ ВЕРХНЕГО ВОЗРАСТНОГО ПРЕДЕЛА ДЛЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ!
ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ – ВОЕННАЯ ТАЙНА!

КОНГРЕССМЕНША ИЗ КАРОЛИНЫ – КОРОЛЕВА КОНКУРСА КРАСОТЫ!
«Теперь можно и в президенты баллотироваться»,— заявила она перед началом «королевского турне» по стране.

АЙОВА ПОВЫШАЕТ МИНИМАЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ДО 41 ГОДА!
Беспорядки в студгородке Де-Мойна.

ЗЕМЛЕЕДСТВО НА ЗАПАДЕ:
ЧИКАГСКИЙ СВЯЩЕННИК ВО ВРЕМЯ ПРОПОВЕДИ ПОДКРЕПЛЯЕТСЯ ГЛИНЯНЫМ СЭНДВИЧЕМ!
«Назад к простоте!» — призывает он.

УЧАЩИЕСЯ ЛОС-АНДЖЕЛЕССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ВЫПОЛНЯТЬ РАСПОРЯЖЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ!
«Требуем повышения стипендий, уменьшения нагрузок и отмены домашних заданий! Требуем права выбирать учителей и тренеров!»

ДЕВЯТЫЙ ГОД РАСТЕТ ЧИСЛО САМОУБИЙСТВ!
Комиссия по ядерной энергетике заявляет: «Никакой связи с радиоактивными осадками!»

— ...Смутные времена. Тогдашние Поверенные сочли — и, как мы теперь можем видеть, вполне справедливо — что в этот период семантической дезориентации и массовой истерии ни одно меньшинство не застраховано от возможности стать объектом преследований, дискриминации и даже насилия. К тому же, ухудшение финансового положения в стране — например, принудительный обмен ценных бумаг фонда на государственные облигации — поставило благосостояние фонда под угрозу. По обоим пунктам были приняты меры.

Во-первых, все достояние фонда было обращено в материальные ценности и распределено между членами Семей в качестве их собственности. Во-вторых, в качестве постоянной политики была запущена так называемая программа «Маскарад». Были разработаны приемы и правила имитации смерти членов Семей, доживших, по понятиям окружающих, до положенного возраста, а после этого они, под другими именами, жили в других районах страны.

Всю мудрость такой политики, кое-кому казавшейся излишними предосторожностями, Семьи оценили во Времена Пророков. Во время правления первого Пророка девяносто семь процентов членов Семей формально пребывали в возрасте менее пятидесяти лет. Тщательная насильственная регистрация населения, проведенная тайной полицией Пророков, сделала изменение личности акцией весьма затруднительной, но нам удалось провести несколько таковых с помощью конспиративной революционной организации — так называемой Каббалы.

Таким образом, благодаря удаче и дальновидности, нам удалось сохранить существование Семей в тайне. Несомненно, это было к лучшему — в те времена любое сообщество людей, обладавших чем-либо недоступным для Пророков, чувствовало себя крайне неуютно. В событиях, приведших ко Второй американской революции, Семьи участия не принимали, хотя многие члены Семей вступали в Каббалу, пользовались там полным доверием и даже сражались в битве, предопределившей падение Нового Иерусалима.

Последовавший период общественной дезорганизации предоставил нам возможность изменить личности тех, кто прожил «слишком долго». Тут нам очень помогли наши братья, которые, будучи членами Каббалы, заняли в период Реконструкции ключевые правительственные посты.

На Семейном Совете 2075, то есть в год принятия Ковенанта, многие предлагали не скрывать более нашего существования: ведь гражданские свободы были полностью восстановлены. Однако большинство эту точку зрения не поддержало — возможно, потому, что за прошедшие десятилетия соблюдение тайны вошло в привычку.

Пятьдесят лет культурного возрождения, пятьдесят лет доброжелательности, соблюдения правил общежития, семантически разумная ориентация образования, возрастающее уважение к личной жизни и достоинству человека — все это вселило в нас надежду на то, что настало наконец время объявить человечеству о своем существовании и занять место хоть и необычного, но тем не менее уважаемого меньшинства. Для такого шага имелись веские причины. Все больше членов Семей находило, что «Маскарад» совершенно неприемлем в новом, улучшенном обществе. И не только потому, что человеку приходилось внезапно порывать с привычным укладом и искать новое место для жительства, но и потому, что нестерпимо больно держать что-то в тайне от общества, превыше всего ценящего честность. Более того, в результате биологических исследований, проводившихся Семьями, были получены знания, которые могли бы принести огромную пользу нашим бедным, недолговечным братьям. Мы хотели помочь им.

Конечно, с этими и другими доводами того же рода можно было поспорить. Но точная физическая идентификация личности, вновь введенная в обиход, сделала «Маскарад» почти неосуществимым. В сложившихся условиях мирный, добропорядочный гражданин мог только приветствовать идентификацию личности, хотя горой встал бы за невмешательство в свою частную жизнь, а потому мы решили не противиться — это вызвало бы подозрения, привлекло бы к нам внимание и лишило смысла всю идею «Маскарада». Мы были вынуждены подчиниться идентификации личности.

Ко времени Совета 2125 года, то есть одиннадцать лет назад, осуществлять изменение личности для все увеличивающегося числа наших собратьев, чья внешность не соответствовала официальному возрасту, стало почти невозможно. Тогда мы решили, ради эксперимента, позволить добровольцам, число которых не превышало одной десятой от общей численности Семей, раскрыться, чтобы выяснить реакцию общества прежде, чем сообщать людям о существовании Семей. К сожалению, результаты оказались далеки от ожидаемых.

Джастин Фут умолк. Несколько мгновений в зале стояла мертвая тишина, затем ее нарушил коренастый человек, сидевший в середине зала. На висках его проступала легкая седина, что для присутствующих было делом необычным, а лицо покрывал загар, характерный для тех, кто работает в космосе. Мэри Сперлинг еще раньше заметила этого человека и гадала, кем бы он мог быть: ее заинтересовало это открытое, живое лицо и громкий смех, впрочем, любой член Семей имел право присутствовать на Совете, и потому Мэри не слишком утруждала себя размышлениями.

— Выкладывай, братец. Что там у тебя дальше?

— Итоги подведет наш главный психометрист,— ответил Фут.— Я же — лишь ввел присутствующих в курс дела.

— Бож-же пра...— изумленно воскликнул седой незнакомец,— так ты, браток, стало быть, хочешь сказать, что у тебя для нас ничего, кроме всем известных вещей, нет?!

— Мое выступление было лишь базовым. И зовут меня Джастин Фут, а вовсе не «браток».

Тут вмешалась Мэри Сперлинг:

— Брат,— сказала она незнакомцу,— раз уж ты обращаешься к Семьям, может быть, ты представишься? Я тебя, к сожалению, не знаю.

— Извини, сестра. Лазарь Лонг, говорю от своего имени.

Мэри покачала головой.

— И все же я никак не могу припомнить...

— Еще раз извиняюсь, это мое имя для «Маскарада», я принял его во времена первого из Пророков. Очень уж оно забавное. Я из семьи Смитов, а зовут меня Вудро Вильсон. Вудро Вильсон Смит*.

— Вудро Вильсон... *Да сколько же тебе лет?!*

— Э-э... Я уж давно со счета сбился. Сто... Нет, двести... Да, верно. Двести тринадцать.

Воцарилась тишина. Мэри тихо спросила:

— Ты слышал, как я спрашивала, есть ли в зале кто-нибудь старше меня?

— Слышал, как же. Да черт с ним, сестренка, ты и сама неплохо управляешься. К тому же я уже лет сто, как на Совете не был, ну и подумал: а вдруг, к примеру, процедура поменялась.

— Прошу, займи свое место.

Мэри покинула кафедру.

— Да не надо! — запротестовал он, однако Мэри, не обращая на протесты внимания, прошла в зал и села. Лазарь, оглядев зал, пожал плечами и поднялся на помост. Усевшись на уголок председательского стола, он сказал:

— Ну что ж, давайте продолжать. Кто там следующий?

Ральф Шульц из Семьи Шульцев больше походил на банкира, нежели на психометриста. Он не был ни застенчивым, ни робким и говорил ровным, уверенным голосом, что придавало его словам дополнительный вес.

— Я был одним из тех, кто предлагал покончить с «Маскарадом». И был неправ. Я верил: большинство наших сограждан, воспитанных современными методами, смогут все что угодно воспринять спокойно. Без лишних эмоций. Я предполагал: кучка не совсем здоровых в психическом отношении людей будет не-

годовать, а возможно, и возненавидит нас. Я даже предсказывал, что многие станут завидовать нам: всякий, кто радуется жизни, хочет, чтоб она продолжалась как можно дольше. Однако я не предполагал, что неприятности могут достигнуть таких масштабов! Я считал, что современное общество покончило с расовыми предрассудками, а те, кто еще придерживается их, постесняются заявить об этом вслух. Я верил, общество стало достаточно терпимым, чтоб можно было открыться недолговечным и жить с ними в мире. И я ошибался.

Негры ненавидели белых и завидовали им, пока те имели перед ними преимущество цвета кожи. Здоровая, нормальная реакция! Когда же дискриминации не стало, проблема себя изжила и произошла культурная ассимиляция. Теперь часть людей точно так же завидует нам, долгожителям. Мы полагали, их реакция не возымеет серьезного общественного значения, ведь большинству людей будет ясно, что причина нашего долголетия в наших генах, а это не наша вина, так уж нам повезло с предками. На самом же деле мы принимали желаемое за действительное, и теперь уже не может быть никаких сомнений, что правильное толкование данных математического анализа привело бы нас к совершенно противоположному ответу и выявило бы неуместность использованных аналогий. Я не оправдываюсь — какие уж тут оправдания... Наши чаяния вскружили нам головы. Короче говоря, произошло вот что: мы продемонстрировали нашим недолговечным братьям воплощение величайшей человеческой мечты, а затем сказали, что им такого не видать, как своих ушей. Они встали перед неразрешимой дилеммой. И теперь просто отказываются верить фактам. Они отвергают то, что мы рассказали им, а их зависть перешла в ненависть. Подсознательно они убеждены, что мы злонамеренно лишаем их законного права на долгую жизнь. Ненависть к нам, непрестанно усиливаясь, превратилась в мощный поток, угрожающий благосостоянию и самой жизни тех наших братьев, кто раскрылся для общества. Потенциально поток ее опасен и для остальных членов Семей. Опасность, которая нависла над нами, весьма велика.

Разом замолчав, он сел.

Слушатели сохраняли спокойствие — с годами невозмутимость вошла у них в привычку. Поднялась одна из женщин:

— Ева Барстоу, от Семьи Купер. Ральф Шульц, мне сто девятнадцать лет. По-моему, ты младше. У меня нет ни математических способностей, ни знания человеческой психологии, однако на своем веку я встречалась со множеством людей. Человек по сути благожелателен, он чуток и добр. Конечно, у него имеются некоторые недостатки, но дайте ему хоть маленький просвет впереди, и все в порядке! Я не могу, никак не могу поверить, что кто-то может возненавидеть меня и даже убить только за то, что я живу дольше! Что ты скажешь на это? Ведь раз ты уже ошибся — может, и тут тоже?

Шульц спокойно смотрел на нее, разглаживая складку на килте.

— Ты права, Ева. Очень может быть, что я снова ошибся. Вся беда психологии в том, что она так сложна, в ней так много скрытых факторов, а человеческие взаимоотношения иногда настолько непредсказуемы, что даже убедительные с виду выводы в свете последующих событий частенько оказываются полной чепухой.

Он снова поднялся, оглядел аудиторию и заговорил с прежним апломбом:

— На этот раз я не пытаюсь предсказать отдаленное будущее. Я оперирую фактами, а не догадками или надеждами на лучшее. И то, что можно предсказать на основании этих фактов, верно, как дважды два, и произойдет неминуемо. Однако в главном Ева права. По отдельности каждый человек добр и терпим в отношениях с другими отдельно взятыми людьми. Еве не угрожает никакая опасность со стороны ее друзей и соседей. Мне со стороны моих — тоже. Но мои соседи могут представлять опасность для нее, а ее — для меня.

Психология масс — не просто сумма психологий индивидуумов, а нечто более сложное и непредсказуемое; в этом — основное положение социальной психодинамики, и исключений из этого правила пока что не наблюдалось. Психология масс подчинена закону стадности, закону массовой истерии. Он давно известен военным, политическим и религиозным деятелям, рекламным агентам, пророкам и агитаторам, инициаторам беспорядков и актерам, а также главарям банд. Этот закон использовали на практике с незапамятных времен — задолго до того, как он был обоснован математически. И он всегда отлично работал, и сейчас работает не хуже.

Я и мои коллеги еще несколько лет назад стали подозревать, что массовая истерия по нашему поводу возрастает, однако сочли, что доводить наши соображения до сведения Совета рано, так как доказательствами мы еще не располагали. К тому же любое, даже самое здоровое, общество имеет свои недостатки... Антагонистические тенденции были вначале столь незначительны, что мы даже сомневались в их существовании, не говоря уж о том, что общественные отношения вообще сложны и перепутаны, хуже клубка спагетти. Они существуют в абстрактном топологическом пространстве со многими измерениями, а потому математически описать их чрезвычайно трудно. Сложность такой задачи невозможно преувеличить.

Итак, мы выжидали, беспокоились, проводили статистические исследования, тщательно конструируя нашу статистическую вселенную. И когда убедились в правильности наших догадок, то было едва ли не поздно. Социопсихологические тенденции зарождаются и угасают экспоненциально, или по степенному закону с комплексным показателем. Мы не оставляли надежды, что сыграют свою роль положительные факторы: работы Нельсона в области симбиотики, наши успехи в гериатрии, громадное общественное значение освоения спутников Юпитера для колонизации. Любое событие, потенциально способное дать шанс на продление жизни, либо бóльшие жизненные перспективы для недолговечных, положили бы конец глухой враждебности по отношению к нам. Вместо этого ненависть из искры превратилась в пламя, в целый лесной пожар, которым невозможно управлять. По нашим сведениям, число людей, настроенных агрессивно, лишь за последние тридцать семь дней увеличилось вдвое и продолжает неуклонно расти. Можно лишь строить предположения, как далеко зайдет этот процесс и как

быстро он будет идти; вот почему мы предложили созвать очередной Совет. Неприятностей можно ожидать в любой момент.

Он тяжело опустился в кресло; лицо его было бледным.

Ева не стала продолжать спор. Не возражал никто из присутствующих. Не один Ральф Шульц — признанный авторитет в своей области,— но все они чувствовали: к их братьям, открывшимся обществу, люди настроены крайне недоброжелательно. И хотя все понимали, что им угрожает, у каждого было свое мнение о том, что следует предпринять. В продолжение двух часов Лазарь терпеливо слушал нудные пререкания, а затем попросил слова.

— Так мы ни к чему не придем,— подытожил он.— Если даже до завтра здесь проторчим. Давайте-ка глянем на проблему в целом и прикинем, что делать. Можно,— он принялся загибать пальцы,— не делать ничего, сидеть, как мыши, и ждать, что будет дальше. Можно полностью отменить «Маскарад», объявить, сколько нас на самом деле, и потребовать политических прав. Можно оставить все как есть, используя нашу организацию с ее деньгами для защиты наших братьев, вышедших из подполья. Может, нам снова удастся укрыть их от греха подальше. Можно покончить со всякими тайнами и выклянчить у правительства место для устройства колонии, где бы мы жили сами по себе. Можно сделать что-нибудь еще. Однако я надеюсь, что каждый из вас выберет для себя один из четырех основных вариантов. Разберитесь — хотя бы по четырем углам зала,— и пусть каждая группа разработает свой план и представит его на Семейный Совет. А те, кто не согласен ни с одним из четырех вариантов, могут рассесться в центре зала и спорить хоть до посинения. Если нет возражений, позвольте мне объявить перерыв до завтрашнего вечера. Что скажете?

Никто ничего не сказал. Все были удивлены манерой Лазаря вести Совет — здесь привыкли к неторопливым, долгим дискуссиям, проблемы обсуждались, пока одна из точек зрения не принималась единогласно, а потому такая спешка несколько шокировала присутствующих.

Однако Лонг был сильной личностью, возраст его внушал уважение, а несколько старомодный говор придавал его словам патриархальную весомость, так что возражать никто не решился.

— Отлично,— объявил Лазарь, хлопнув в ладоши.— Лавочка закрывается до завтрашнего вечера.

Он сошел с помоста. К нему подошла Мэри Сперлинг.

— Я хотела бы поближе познакомиться с тобой,— сказала она, глядя ему в глаза.

— Конечно, сестричка. Отчего бы нет?

— Ты остаешься на обсуждение?

— Нет.

— Тогда, может быть, проводишь меня?

— С удовольствием. Дел у меня совершенно никаких.

— Тогда идем.

Они прошли к подводной пещере, соединявшейся с озером Мичиган. Увидев ее псевдо-«Кэмден», Лазарь удивился, однако ничего не сказал, пока они не забрались внутрь.

— А ничего у тебя машинка.

— Верно.

— С секретиками...

— Да,— улыбнулась Мэри.— А еще она умеет внезапно взрываться, если кто-нибудь попробует посмотреть, что у нее внутри.

— Неплохо. Ты, Мэри, наверно, конструктор?

— Я? Нет, конечно! По крайней мере, уже лет сто в технике не разбираюсь. Но если хочешь такую машину, можно заказать у Семей. Скажи...

— Да вздор, мне она вовсе ни к чему. Просто люблю вещи, которые работают надежно. Сразу видно, светлая голова выдумала.

— Да...

Некоторое время Мэри прощупывала окрестности с помощью радара, а убедившись, что вокруг все спокойно, бесшумно вывела машину на берег.

Приехав домой, Мэри предложила Лазарю сигареты и выпивку, а сама отправилась в спальню переодеться. В домашнем она выглядела миниатюрнее и моложе. Когда она вернулась в

комнату, Лазарь поднялся, раскурил для нее сигарету и протянул ей, издав в качестве комплимента нескромный свист.

Улыбнувшись, Мэри взяла сигарету и опустилась в огромное кресло, поджав под себя ноги.

— Лазарь, ты вселяешь в меня надежду.

— Да что ж у тебя, зеркала нет?!

— Я не о том,— с нетерпением ответила она.— Ты сам. Ты ведь прекрасно знаешь, что я уже пережила наш средний возраст. Я лет десять, как смирилась с мыслью, что конец близок, и приготовилась к смерти. Но вот ты сидишь напротив, а ведь ты гораздо старше меня... на много-много лет. Ты вселяешь в меня надежду.

Лазарь выпрямился.

— Это ты-то приготовилась к смерти? Девочка! Да ты еще сотню лет будешь такой же симпатичной!

Мэри устало отмахнулась.

— Не смейся. Ты отлично знаешь, внешность тут ни при чем. Лазарь, я *не хочу* умирать!

— Я и не думал дурачить тебя, сестренка,— мягко ответил он.— Ты не выглядишь так, будто одной ногой в могиле.

Мэри пожала плечами.

— Это — просто биотехника. Я только выгляжу на тридцать с небольшим.

— Я бы сказал, еще моложе. Наверно, я не разбираюсь во всяких новомодных штучках — я говорил, что даже на Совете уже лет сто не бывал. Вообще говоря, я и с Семьями все это время не общался.

— Правда? А почему, если не секрет?

— Длинная история, да и глупая к тому же. Одним словом, надоели они мне до смерти. Раньше я всегда был представителем на ежегодных встречах, однако они стали шибко уж официальными и неинтересными. И я послал их к черту. Почти всю эпоху Пророков провел на Венере. После подписания Ковенанта вернулся на Землю — года на два, не больше. Люблю, знаешь ли, перемену мест.

Мэри смотрела на него с восхищением.

— О-о! Расскажи! Никогда не бывала в космосе, ну, только раз летала в Луна-Сити.

— Конечно, расскажу,— согласился Лазарь.— В свое время. А пока хотел бы услышать, как можно сохранить такую внешность. Девочка, тебе ведь при всем желании не дать твоих лет!

— Надеюсь. То есть это, конечно, так, однако я ничего не знаю о том, как это делается. Гормоны, симбиотика, что-то там с железами и немного психотерапии — примерно так. Подобные штуки приводят к задержке старения, а внешние признаки удаляются косметически.

Некоторое время Мэри помолчала.

— Когда-то они считали, что нашли секрет бессмертия — настоящий Источник Вечной Молодости. Но это было заблуждением. Старость просто откладывается. Первое предупреждение — за девяносто дней, а затем — смерть.

Она вздрогнула.

— Конечно, многие не хотят умирать от старости. Две недели на уточнение диагноза, а затем — эвтаназия.

— Вот уж хрен-то вам! Не-ет, мне это не подходит! Когда дьявол явится по мою душу, ему придется тащить меня силком, а я буду брыкаться изо всех сил!

Мэри криво улыбнулась.

— Мне легче, когда ты так говоришь, Лазарь. Я никогда бы не смогла говорить на эти темы с людьми младше меня. Но твой пример придает мне уверенности.

— Мы еще многих из них переживем, Мэри; ты только не волнуйся. Кстати, насчет Совета. Я не в курсе последних новостей, только недавно на Землю вернулся. Этот парень — Ральф Шульц... Он вправду знает свое дело?

— Думаю, да. Дед его был выдающимся человеком, да и отец — тоже.

— Надо так понимать, ты знаешь этого парня.

— Немного. Он — один из моих внуков.

— Забавно... А выглядит старше, чем ты.

— Ральф решил, что ему больше всего подходит внешность сорокалетнего, только и всего. Его отец был моим двадцать

седьмым ребенком. А Ральф, наверное... Сейчас сосчитаю. Он по крайней мере на восемьдесят-девяносто лет младше меня. И, несмотря на это, он старше многих моих отпрысков.

— Да, ты немало сделала для Семей, Мэри.

— Как и Семьи для меня. Мне нравилось воспитывать детей, а выплаты фонда за три с лишним десятка детей составили приличную сумму. Я могу позволить себе любую мыслимую роскошь.— Мэри вздрогнула.— Наверное, поэтому я так боюсь, я люблю жизнь.

— Прекрати! Я-то думал, мой блестящий пример и юношеская улыбка полностью избавили тебя от этой ерунды.

— Н-ну... Кое в чем ты мне помог.

— М-м-м... Слушай, Мэри, а почему бы тебе еще раз не выйти замуж? И не нарожать кучу горластых сорванцов? Тогда-то у тебя просто времени на страхи не останется!

— Это в мои-то годы? Вот уже действительно, Лазарь...

— А что такого? Ты куда младше меня.

Некоторое время Мэри молча его разглядывала.

— Лазарь, ты делаешь мне предложение? Если так, выражайся яснее.

Лазарь поперхнулся и замер с раскрытым ртом.

— Погоди, погоди! Успокойся. Я ведь только так сказал... Сам я для семейной жизни не гожусь. Нет, правда. Всякий раз, когда я женился, через несколько лет жена просто не могла выносить моего вида. Нет, я ничего не говорю... Ты девушка хоть куда, и любой мужчина с радостью бы...

Подойдя к нему, Мэри прикрыла его рот ладонью. Лукаво улыбаясь, она сказала:

— Я вовсе не хотела смущать тебя, брат. А впрочем, может быть, и хотела — мужчины так смешны, когда думают, что их хотят заманить в ловушку.

— Ладно, ладно,— хмуро проворчал Лазарь.

— Забудь об этом, дорогой. Скажи, какой вариант они, по-твоему, выберут?

— Ты об этом вечернем сборище?

— Да.

— Да никакого! Ни к чему они не придут. Знаешь, Мэри, комитет — единственная известная форма жизни с сотней желудков, но без единой капли мозгов. В конце концов кто-нибудь с головой на плечах заставит их согласиться с его планом. Не могу сказать, что это будет за план.

— Ну что ж... А что бы предпочел ты сам?

— Я? А ничего. Знаешь, Мэри, если я и убедился в чем-то за последние две сотни лет, так это в том, что все *проходит**. Войны там, депрессии, Пророки, Ковенанты... *Все* проходит. Фокус в том, чтобы их пережить.

Мэри задумчиво кивнула.

— Думаю, ты прав.

— Конечно, прав. Только через сотню лет начинаешь понимать, насколько это хорошая штука — жизнь.

Лазарь встал и потянулся.

— А теперь юноша не против бы малость всхрапнуть.

— Я тоже.

Квартира Мэри находилась на последнем этаже — с видом на небо. Еще когда Мэри входила в гостиную, она выключила свет и сделала потолок прозрачным; теперь они сидели в темноте, любуясь видом звездного неба. Потягиваясь, Лазарь посмотрел вверх; взгляд его задержался на одном из любимых созвездий.

— Занятно,— заметил он,— кажется, в поясе Ориона появилась четвертая звезда!

Мэри подняла взгляд:

— Может, это корабль Второй Экспедиции к Центавру?* Посмотри, он движется?

— Без приборов не разглядеть.

— Да, верно. Правильно сделали, что построили его в космосе.

— А иначе никак: для Земли он слишком велик. Мэри, могу я лечь прямо тут? Или у тебя есть другая комната?

— Есть, вторая дверь направо. Не сможешь чего-нибудь найти — позови.

Она поцеловала его в щеку, будто клюнула.

— Спокойной ночи.

Лазарь направился к себе.

* * *

Наутро Мэри проснулась в обычное время. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Лазаря, она встала, проскользнула в ванную, приняла душ, сделала массаж и проглотила тоник, чтобы компенсировать краткость отдыха. Затем умеренный завтрак; талию она берегла. Взбодрившись таким образом, Мэри принялась за телефонные звонки, поступившие вчера, пока ее не было. Прокрутив несколько малозначительных сообщений, в которые она даже не пыталась вникнуть, она услышала голос Борка Вэннинга:

— Привет, Мэри,— сказал аппарат,— это Борк. Звонил в двадцать один ноль-ноль. Зайду завтра в десять утра, сходим на озеро и где-нибудь позавтракаем. Если, конечно, ты не против. Счастливо, дорогая! Мое почтение.

— Мое почтение,— автоматически повторила Мэри. А, чтоб его! Почему он никак не поверит, что я отказала ему окончательно?! Да, Мэри Сперлинг, с тобой что-то неладно. Ты ведь в четыре раза старше, и никак не можешь привести его в чувство... Надо позвонить ему и сказать... Нет, поздно. Он будет с минуты на минуту. Проклятье!

2

Перед тем, как лечь, Лазарь снял килт и небрежно швырнул в шкаф. Невидимая сила подхватила его, расправила и бережно повесила.

— Неплохо,— подумал он. Оглядев себя, Лазарь ухмыльнулся: килт скрывал бластер, висевший на одном бедре, на другом был нож. Он знал о запрете на ношение личного оружия, но без него чувствовал себя голым. И вообще такие обычаи — сплошная чушь, бабьи выдумки. Не бывает «опасного оружия», опасными могут быть только люди!

Выйдя из ванной, он положил оружие так, чтобы было под рукой, и улегся спать.

Проснулся он внезапно, причем и бластер, и нож уже были у него в руках. Вспомнив, где находится, Лазарь расслабился и решил выяснить, что же такое его разбудило.

Причиной оказался бубнеж в гостиной, доносившийся через вентиляцию. Звукоизоляция здесь ни к черту, решил он. У Мэри, кажется, гости, значит, и ему не следует валяться в постели. Стряхнув остатки сна, Лазарь поднялся и отправился в душ. Освежился, пристегнул к бедрам своих верных спутников и пошел разыскивать хозяйку.

Когда дверь гостиной бесшумно распахнулась перед ним, разговор стал слышен лучше, что было гораздо интереснее. Гостиная имела форму буквы Г, поэтому Лазарь не был виден беседующим. Затаившись у двери, он принялся слушать безо всякого стеснения: подслушанный вовремя разговор не раз спасал ему жизнь. Кроме того, Лазарю просто нравилось это занятие.

— Мэри, да в чем же причина? — вопрошал мужской голос.— Ведь ясно, как день, я тебе нравлюсь, а брак со мной для тебя только выгоден! Так почему же ты упрямишься?

— Борк, я уже говорила тебе. Все дело в разнице лет.

— Чушь собачья! Кого ты ждешь — прекрасного принца? Конечно, я постарше тебя, однако женщине и нужно, чтоб мужчина был старше и мог содержать ее и направлять... Кроме того, не такой уж я и старик!

Лазарь решил, что уже достаточно знает об этом типе, чтобы его невзлюбить. Противный голос...

Мэри молчала. Мужчина продолжал:

— И еще, у меня есть для тебя сюрприз — как раз на тему возраста. Хотел бы я сейчас тебе все рассказать, но пока что это государственная тайна.

— Тогда вообще не рассказывай. В любом случае мой ответ будет тем же.

— А вот и неизвестно! М-м-м... Ладно. Я тебе расскажу, тебе можно доверять, я знаю.

— Не стоит, Борк...

— Вздор, вздор, все равно через несколько дней это всем станет известно! Мэри... Я никогда не стану слишком старым для тебя!

— Что ты хочешь этим сказать?

Лазарю показалось, что в голосе ее появилась подозрительная нотка.

— Только то, что сказал, Мэри! Раскрыта тайна вечной молодости!

— *Что-о?!* Кем это? Как? Когда?

— Ага, тебе интересно! Ладно, не стану тебя мучить. Помнишь тех чудиков, они называют себя Семьями Говарда?

— Да... Конечно, слышала...— медленно проговорила Мэри.— Но что из этого? Они просто мошенники.

— Вовсе нет! Я *знаю*. Администрация тщательно проверила все, что они о себе рассказывали. Некоторым, без всяких сомнений, уже за сотню — а они не старятся!

— Верится с трудом.

— И все же это правда!

— Н-ну-у... и как же они это делают?

— А! В том-то и вся загвоздка. Они врут, будто их долголетие — наследственное и передается от предков-долгожителей... Но это все ерунда, никак не совместимая с научно проверенными фактами! Администрация все как следует проверила, и ответ может быть только один: они держат все в тайне от нас!

— Отчего ты так в этом уверен?

— А-ах, Мэри! Ты замечательная девушка, но к чему сомневаться в добросовестности наших лучших ученых? Ладно, вздор. Теперь — о тайне. Пока что нам их секрет недоступен, но совсем скоро он будет наш! Мы приберем этих типов к рукам — по-тихому, не поднимая большого шума — и как следует допросим. Тогда секрет будет нашим — и ни ты, ни я никогда не состаримся! Каково?!

— Это будет замечательно,— медленно, почти неслышно протянула Мэри,— если каждый получит возможность жить долго.

— Ну конечно! Еще бы! Но мы-то с тобой в любом случае будем вечно молодыми, как бы это там ни делалось. Ты про *нас* подумай, дорогая! Долгие, долгие годы счастливой семейной жизни двух молодых людей! Не меньше века. А может...

— Минутку, Борк. А этот «секрет»... Он будет не для всех?

— Н-ну... Пока что это — вопрос высокой политики. Перенаселенность и сейчас представляет собой одну из главных проблем. Наверное, вечную молодость придется приберечь только для тех, кто играет в жизни общества ключевые роли. И для их жен. Но ты не бери в свою прекраєную головку, у нас с тобой она будет.

— Ты хочешь сказать, она будет у меня, если я выйду за тебя замуж.

— Э-э... Ты как-то это, Мэри... Я для тебя что угодно сделаю, потому что люблю тебя. Однако наш брак многое упростил бы. Ну же, скажи, ты согласна?

— Давай пока оставим этот разговор. А как вы рассчитываете вытащить из них этот «секрет»?

Лазарю показалось, что он видит самодовольный кивок:

— Ска-ажут, как миленькие.

— Ты хочешь сказать, если они будут молчать, их сошлют в Ковентри?

— Ковентри? Хм... Мэри, ты, похоже, вовсе не понимаешь ситуации. Это не просто мелкое уголовное преступление! Это *измена* — измена всей человеческой расе! У нас есть способы. Те, которые использовали Пророки... Если, конечно, они откажутся сотрудничать с нами добровольно.

— Но ведь это... Это противоречит Ковенанту!

— К чертям собачьим Ковенант! Тут дело о жизни и смерти — и ты считаешь, мы позволим какой-то бумажке стать на нашем пути?! Да что могут значить все эти законишки, когда речь идет о жизненно важных для человечества вещах? Не стоят они того, чтобы из-за них люди умирали! И только так. Эти... сидят, понимаешь, как собаки на сене, хотят сохранить секрет только для себя. Думаешь, мы отступим только потому, что какая-то бумажка... Не-ет!

Голосом, полным ужаса, Мэри воскликнула:

— Ты действительно считаешь, что Синедрион нарушит Ковенант?!

— Считаю? Этой ночью на заседании Синедриона был разработан план, и Администратору дано разрешение использовать всю полноту власти!

Лазарь напряженно вслушивался в наступившую тишину. Затем Мэри сказала:

— Борк...

— Что, дорогая?

— Ты должен что-то сделать... Ты должен предотвратить это!

— Предотврати-ить?! Ты сама не знаешь, что говоришь! Я не могу... да и если бы мог — не стал бы.

— Но ты просто обязан! Ты должен убедить Синедрион. Они совершают ошибку — трагическую ошибку. Не стоит напрасно мучить несчастных людей — *здесь нет никакого секрета!*

— Что? Ты, кажется, переволновалась, дорогая моя. Ты хочешь сказать, твое мнение правильное, а умнейшие люди планеты ошибаются? Ты уж мне поверь, мы знаем, что делаем. Мне такие способы нравятся ничуть не больше, чем тебе,— мы идем на это исключительно ради общего блага. Ты прости, что я завел этот разговор. Конечно, ты такая ранимая, нежная, сердечная... За это я тебя и люблю. Выходи за меня замуж и не забивай себе голову делами сугубо политическими. А?

— За тебя замуж? Никогда!

— О... Мэри, ты просто расстроилась. Назови хоть одну настоящую причину.

— Хорошо, я скажу, почему нет. Потому, что я — одна из тех, кого ты собираешься подвергать преследованиям!

Наступила пауза.

— Мэри... Ты в своем уме?

— Уж будь уверен! Для своих лет я чувствую себя просто замечательно. Слушай меня, болван безмозглый! У меня есть внуки вдвое старше тебя! Я уже жила в этой стране, когда ее подгреб под себя первый из Пророков! Я видела, как Харриман запускал первую ракету на Луну! Тебя и на свете еще не было — еще и дед твой с бабкой не встретился — когда я уже была зрелой замужней женщиной! А теперь ты стоишь тут и преспокойно рассказываешь, что собираешься преследовать, и может, даже пытать таких, как я? Замуж за тебя?! Да я скорее выйду замуж за одного из своих правнуков!

Лазарь переступил с ноги на ногу и запустил руку под килт. Неприятностей следовало ждать с минуты на минуту. Вот уж точно: женщина всегда взорвется в самый неподходящий момент!

Он ждал. Ответ Борка звучал холодно; нотки страстной влюбленности сменил тон опытного руководителя:

— Прекрати, Мэри. Сядь. Я о тебе позабочусь. Только вначале прими успокаивающего. А я приглашу лучших психиатров города, да всей страны, если надо,— и с тобой все будет в порядке.

— Убери руки!

— Но, Мэри...

Лазарь шагнул в гостиную и направил на Вэннинга бластер.

— Сестренка, у тебя какие-то проблемы с этой мартышкой?

Вэннинг резко обернулся.

— Вы кто такой? — возмутился он.— Что вы здесь делаете?

Лазарь по-прежнему обращался к Мэри:

— Скажи только слово, сестренка,— и я разнесу его на кусочки. Достаточно мелкие, чтобы от них избавиться.

— Нет, Лазарь,— сказала она, справившись с собой.— Спасибо, в этом нет надобности. Спрячь, пожалуйста, оружие, я ничего такого не хочу.

— Ладно.

Лазарь нехотя опустил бластер, но все еще не убирал его в кобуру.

— Кто вы такой? — повторил Вэннинг.— И вообще, что означает это вторжение?

— А я, браток, как раз хотел тебя о том же спросить,— ласково отозвался Лазарь.— Да черт с ним. Я, как и Мэри, один из тех самых чудиков, которых ты ищешь.

Вэннинг пронзил его взглядом.

— Это...— Он перевел взгляд на Мэри.— Чушь, не может быть. Хотя... Проверить нетрудно. В любом случае, есть уйма поводов вас арестовать. Первый раз вижу столь ярко выраженные антиобщественные атавизмы.

Он направился к видеофону.

— Ты, браток, видео лучше не трогай,— быстро предупредил Лазарь и обратился к Мэри.— Я не стану стрелять, сестренка. На это у меня нож есть.

Вэннинг остановился.

— Ладно, ладно,— раздраженно сказал он,— уберите свой виброрезак, я не стану звонить.

— Погляди-ка получше, это не виброрезак. Настоящая сталь! Знаешь, какая дыра получится?

Вэннинг обратился к Мэри:

— Я ухожу. Если у тебя есть хоть капля здравого смысла, ты поедешь со мной.

Она покачала головой. Вэннинг удрученно пожал плечами и обернулся к Лазарю:

— А что касается вас, сэр, то ваши первобытные манеры доведут вас до серьезных неприятностей. Вас арестуют в самом скором времени.

Лазарь многозначительно возвел глаза к потолку.

— Совсем как в тот раз в Венусбурге. Тамошний начальник тоже хотел меня арестовать.

— И что же?

— Ну, я его малость пережил.

Вэннинг намеревался было что-то сказать, но внезапно развернулся и стремительно бросился к выходу. Дверь едва успела распахнуться перед самым его носом. Когда она захлопнулась за Вэннингом, Лазарь усмехнулся:

— Ни разу еще такого твердолобого не встречал. Могу спорить, за всю жизнь он ни разу не ел ложкой, пока ее тщательно не простерилизуют.

Мэри захихикала. Лазарь подошел к ней:

— Рад, что ты развеселилась, Мэри. Я-то решил, ты совсем расстроена.

— Я же не знала, что ты нас слышишь. Пришлось с ходу выкручиваться.

— Я не помешал?

— Нет. Спасибо тебе, ты вовремя появился. Но теперь нам надо спешить.

— Похоже. Именно это он и имел в виду — скоро сюда за мной явится проктор. Может, и за тобой в придачу.

— Верно. Так что нам лучше убраться.

Через несколько минут Мэри была готова, но, выходя из квартиры, они увидели идущего навстречу человека. Его нарукавная повязка и чемоданчик, в котором, несомненно, имелся шприц со снотворным, явно выдавали принадлежность их хозяина к прокторам.

— Мое почтение,— сказал он.— Я разыскиваю гражданку по имени Мэри Сперлинг и некоего гражданина. Не могли бы вы мне помочь?

— Конечно,— сказал Лазарь.— Вот сюда.

Он махнул рукой в дальний конец коридора. Когда блюститель порядка посмотрел в указанном направлении, Лазарь аккуратно треснул его по затылку рукоятью бластера и тут же подхватил обмякшее тело. Мэри помогла втащить проктора в квартиру. Лазарь склонился над ним, порылся в чемоданчике, вынул шприц и сделал проктору укол.

— Вот так,— сказал он,— теперь отдохнет несколько часиков...

Задумчиво посмотрев на чемоданчик, он отстегнул его от пояса проктора.

— Всяко не помешает.

Подумав, он снял еще нарукавную повязку и отправил ее в сумку.

Они вышли из квартиры и спустились на стоянку. Едва машина тронулась, Лазарь заметил, что Мэри набирает код Северного побережья.

— Куда отправимся? — спросил он.

— В Усадьбу. Больше некуда. Только придется где-нибудь переждать до темноты.

Пока машина шла по Северному шоссе и контролировалась лучом, Мэри, извинившись, устроилась подремать. На протяжении нескольких миль Лазарь любовался окрестностями, а затем тоже стал клевать носом.

Разбудил их сигнал тревоги. Машина затормозила. Вскочив, Мэри отключила сигнал.

— Все машины подлежат проверке,— раздавалось в динамиках.— Следуйте на скорости двадцать миль в час до ближайшей дорожно-контрольной станции. Все машины подлежат...

Мэри выключила приемник.

— Ну что ж, это за нами,— жизнерадостно объявил Лазарь.— Что делать будем?

Мэри не отвечала. Выглянув наружу, она осмотрела окрестности. Скоростное управляемое шоссе, по которому они ехали, было отгорожено от местной, неконтролируемой, дороги стальным барьером. Насколько хватало глаза, переезда видно не было. А на ближайшем переезде, конечно же, располагалась дорожно-контрольная станция.

Мэри перешла на ручное управление и, лавируя между стоящими или еле ползущими машинами, стала набирать скорость. Когда она приблизилась к барьеру, Лазарь почувствовал, что его вдавливает в сиденье: машина рванулась вперед, взмыла в воздух и перелетела барьер. Не снижая скорости, Мэри приземлила автомобиль на дорогу с другой стороны.

С севера к ним приближалась какая-то машина, они как раз занимали ее полосу. Шла она не слишком быстро — миль девяносто в час.

Водитель был изумлен: на совершенно пустой дороге, непонятно откуда, появился автомобиль.

Мэри взяла вправо, влево, снова вправо, автомобиль пошел юзом и встал на задние колеса, дрожа в железной хватке своих гиростабилизаторов. Под аккомпанемент нестерпимого скрежета Мэри отчаянно старалась вновь обрести контроль над машиной. Наконец заднее колесо все-таки зацепило дорожное покрытие.

— Уф-ф-ф! — Лазарь, с трудом разжав челюсти, облегченно вздохнул.— Надеюсь, больше мы не станем проделывать таких фокусов!

Мэри усмехнулась:

— Что, женщины за рулем заставляют тебя нервничать?

— Вовсе нет! Ты только предупреждай меня в следующий раз.

— Я и сама не ожидала,— призналась Мэри, а затем встревоженно добавила: — Но что нам делать дальше? Я хотела переждать до темноты где-нибудь за городом... но когда я проделала этот фокус, то раскрыла все наши карты. Наверное, уже сейчас кто-нибудь звонит на станцию.

— А зачем нам ждать темноты? — спросил Лазарь.— Почему бы просто не перелететь на этой дикой штуковине к озеру, а там пусть плывет потихоньку к Усадьбе?

— Не хотелось бы,— ответила Мэри.— Мы и так уже привлекли к себе слишком много внимания. Конечно, замаскированный под обычную машину тримобиль — вещь удобная, но если кто-нибудь увидит наше погружение и сообщит проктору, то обязательно найдется умник, который обо всем догадается. И тогда начнется охота всеми возможными средствами — от сейсмозондирования до сонаров и бог знает чего еще.

— Но Усадьба ведь экранирована?

— Конечно. Но все равно — такую громадину они отыщут, если будут знать, что именно следует искать, и не пожалеют на это времени.

— Пожалуй, так,— протянул Лазарь.— Что ж, конечно, проктором вовсе не обязательно знать о Семейной Усадьбе. Наверное, нам лучше бросить машину и где-нибудь спрятаться,— он сделал паузу,— где угодно, только не в Усадьбе.

— Нет,— отрезала Мэри,— в Усадьбу нам обязательно нужно попасть!

— Зачем? Лиса, когда за ней гонятся...

— Подожди. Я попробую кое-что.

Лазарь замолк. Теперь Мэри правила одной рукой — второй она копалась в отделении для перчаток.

— Пароль,— вдруг произнес голос из динамика.

— Жизнь коротка...— ответила Мэри.

Они обменялись установленными фразами, и Мэри торопливо заговорила:

— Слушай. Я в беде. Запеленгуй меня.

— Хорошо.

— Подлодка в бассейне?

— Да.

— Отлично! Давай ее сюда.— Она коротко объяснила, что ей нужно, оторвавшись от разговора только для того, чтобы спросить Лазаря, умеет ли тот плавать.— Все. Теперь поторопись, время поджимает.

— Но, Мэри,— запротестовал ее невидимый собеседник,— ты же знаешь, я не могу высылать подлодку днем — да еще при такой ясной погоде! Слишком легко...

— Ты пришлешь или нет?

Раздался третий голос:

— Мэри, я все слышал. Это — Айра Барстоу. Мы вас подберем.

— Но ведь...— возразил было первый.

— Пошел к дьяволу, Томми! Займись своим делом и не встревай. Пока, Мэри!

— До встречи.

Во время разговора Мэри свернула с местной трассы на проселок, по которому приезжала сюда накануне, не снижая скорости и не глядя по сторонам. Лазарь стиснул зубы от напряжения. Они миновали заржавленный знак «ЗАРАЖЕННАЯ ЗОНА. ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ» и обычный пурпурный трехлопастник. При виде знака Лазарь пожал плечами: в такой обстановке уже не до избытка нейтронов.

Мэри затормозила возле небольшой рощицы у низкого, обрывистого берега озера. Отстегнув ремни безопасности, она закурила.

— Теперь придется подождать. Они доберутся до нас минимум через полчаса, как бы Айра их ни торопил. Лазарь, как по-твоему, кто-нибудь заметил, что мы сюда свернули?

— Честно говоря, некогда мне было за этим следить.

— Ладно. Сюда все равно никто не заглядывает — разве что ищущие приключений мальчишки.

«И девчонки»,— добавил Лазарь про себя. Вслух же сказал:

— Там при въезде висел знак. Какой здесь фон, интересно?

— Это-то? Ерунда. Если, конечно, не устраиваться здесь на постоянное жительство. Для нас гораздо опаснее другое. Если бы нам не нужно было торчать у коммуникатора...

В этот момент коммуникатор заработал:

— Мэри! Мы прямо напротив вас.

— Айра?! — удивилась Мэри.

— Да, я, но я говорю из Усадьбы. К счастью, Пит Харди был в укрытии Эванстон; мы послали его к тебе. Скорее!

— Спасибо, Айра!

Мэри повернулась к Лазарю, и тут он схватил ее за руку:

— Погляди-ка!

Менее чем в сотне ярдов от них приземлился вертолет. Из него выскочили трое в форме прокторов.

Выпрыгнув из машины, Мэри одним рывком сбросила платье.

— Бежим!

Запустив руку в кабину, она нажала одну из кнопок на приборной панели и кинулась к озеру. Лазарь помчался следом, на ходу расстегивая пояс килта. Мэри достигла обрыва первой, Лазарь бежал чуть медленнее — в ступни впивались острые камни. Сзади взлетел на воздух их автомобиль, но обрыв прикрыл беглецов.

В воде они очутились одновременно.

Вход в подлодку был слишком узок для двоих. Лазарь попытался пропихнуть Мэри вперед. Та вырвалась, он хотел дать ей пощечину, чтобы привести в чувство, но в воде от пощечины толку мало. Лазарь уже принялся раздумывать, сможет ли он дышать под водой — чем, мол, я хуже рыб,— но тут отошел внешний люк, и Лазарь поспешил внутрь.

Через одиннадцать томительных секунд из шлюза откачали воду, и Лазарь смог заняться проверкой бластера.

— Слушай, Пит,— торопливо говорила Мэри.— Там три проктора с вертолетом. Автомобиль взорвался прямо перед ними, мы были уже в воде. Они вряд ли заметили, что мы прыгнули в озеро, но если не все они убиты и покалечены, то кто-нибудь из них обязательно догадается, куда мы делись. Нужно поскорее убираться отсюда, пока они не начали поиск с воздуха.

— Гонка та еще получается,— заметил Пит, берясь за управление.— Даже если поиск будет чисто визуальным, нам нужно

слинять за пределы полного внутреннего отражения и держаться вне этих пределов, причем сделать это надо быстрее, чем они будут набирать высоту. У нас скорости не хватит.

Но маленькая субмарина продолжала набирать ход. Мэри колебалась: стоит ли вызвать Усадьбу прямо с подлодки, затем решила повременить, иначе легко было бы обнаружить и лодку, и Усадьбу. Собравшись с духом, Мэри принялась ждать исхода гонки, сжавшись на пассажирском сиденье, слишком тесном для двоих. Питер Харди увел лодку вглубь и лег на дно, затем поймал сигнал маяка и пошел вслепую.

Когда лодка достигла Усадьбы, Мэри окончательно решила отказаться от технических средств связи: несмотря даже на экранированное оборудование Усадьбы. Здесь следовало воспользоваться услугами телепатов — среди долгожителей они встречались не чаще, чем среди обычных людей, но из-за ограниченности генофонда Семей по наследству передавалось не только долголетие, но и не слишком благоприятные отклонения: процент физически и умственно неполноценных был достаточно высок. Отдел генетического контроля вплотную занимался проблемой, с одной стороны, избавления от плохой наследственности, а с другой — сохранения большой продолжительности жизни, и тем не менее в обозримом будущем радикального решения задачи не предвиделось. Семьям приходилось расплачиваться за свое долголетие немалой долей генетического «брака». Около пяти процентов этих несчастных обладали телепатическими способностями.

Мэри повела Лазаря прямо к приюту, где содержались некоторые из телепатов. Там она обратилась к заведующей:

— Где малыш Стивен? Он мне срочно нужен!

— Тише,— отрезала та,— сейчас нельзя — у них тихий час.

— Дженис, мне очень нужно его видеть,— настаивала Мэри.— Дело не терпит отлагательства. Я должна передать сообщение Семьям — сразу всем!

Заведующая подбоченилась:

— Это — к связистам. Детей нельзя тревожить по любому поводу. Я этого не допущу.

— Дженис, ну пожалуйста! Сейчас нельзя пользоваться другими видами связи! Ты же знаешь, я не пришла бы сюда без крайней необходимости. Проводи меня к Стивену.

— А если и провожу, что с того? Все равно малыш Стивен сегодня не в духе.

— Тогда дай мне самого лучшего телепата из тех, кто в состоянии работать. И скорее, Дженис! Возможно, от этого зависит наше спасение.

— Тебя послали Поверенные?

— Нет. Скорее! Время не ждет!

Заведующая колебалась. Лазарь принялся вспоминать, когда он последний раз бил женщину, но тут она сказала:

— Ладно. Я против, однако попробуйте с Билли. И помните: его ни в коем случае нельзя переутомлять.

Сохраняя на лице выражение негодования, она провела их по коридору между красочно обставленных комнат и указала посетителям на одну из них. Бросив взгляд на кровать, Лазарь тут же отвернулся.

Заведующая взяла со столика инъектор.

— Он что, без наркотиков не работает? — спросил Лазарь.

— Работает,— холодно ответила заведующая,— но ему требуется стимулятор, чтобы он вообще вас заметил.

Оттянув кожу на руке громадной фигуры, которая лежала в кровати, она сделала укол.

— Можно,— сказала она Мэри и отошла, недовольно поджав губы.

Туша шевельнулась, глаза ее ожили и медленно обвели комнату. Взгляд остановился на Мэри, и существо осклабилось:

— Тетя Мэли! Ты гостинчика Билли плинесла?

— Нет,— ласково ответила Мэри.— В другой раз, мой хороший. А теперь тете Мэри страшно некогда. Но в следующий раз — обязательно. Я тебе сюрприз приготовлю. Ладно?

— Ладно,— послушно согласилось существо.

— Вот и умница,— Мэри погладила Билли по голове, Лазарь снова отвернулся.— А теперь, Билли, сделай тете Мэри одолжение. Большое-пребольшое!

— Ладно.

— Ты сейчас можешь поговорить со своими друзьями?

— Ну да.

— Со всеми?

— Ага. Только они ледко говолят.

— Тогда позови их.

Несколько мгновений в комнате было тихо.

— Они слушают.

— Отлично, Билли! А теперь слушай внимательно: всем Семьям — тревога! Говорит Старейшина Мэри Сперлинг. Решением Синедриона Администратору дано право арестовать любого члена Семей. Синедрион предписал ему использовать всю полноту власти! Мне известно, что он, вопреки Ковенанту, готов принимать любые меры для того, чтобы выжать из нас так называемую тайну долголетия. Они готовы на все, вплоть до применения пыток, разработанных инквизиторами Пророков!

Голос изменил ей. Она замолчала, стараясь взять себя в руки.

— А теперь — торопитесь! Разыщите всех наших, предупредите и спрячьте! Возможно, в вашем распоряжении лишь считанные минуты!

Лазарь тронул ее за локоть и что-то прошептал на ухо. Мэри, кивнув, продолжала:

— Если кто-либо из братьев уже под арестом, спасите его *любым способом!* Не пытайтесь апеллировать к статьям Ковенанта, искать справедливости сейчас не приходится. Спасайте их! Действуйте!

Мэри замолчала, а затем спросила усталым, ласковым тоном:

— Билли, нас слышали?

— Ну да.

— Они передали это своим?

— Ага. Все, кроме Вилла-Кобыла. Он со мной не иглает,— доверительно сообщил Билли.

— Кроме Вилла-Кобыла? Где он живет?

— Ну, там... Где... У себя.

— Это в Монреале,— пояснила заведующая,— но там есть еще два телепата, так что дойдет ваше послание. У вас все?

— Д-да...— сомневающимся тоном ответила Мэри.— Только пусть какая-нибудь из Усадеб подтвердит получение.

— Нет.

— Но, Дженис...

— Этого я не могу позволить. Охотно верю, что это очень важно, однако теперь Билли следует ввести противоядие. До свидания.

Лазарь взял Мэри за руку.

— Идем, сестренка. Дошла наша телеграмма или нет — но ты сделала все, что от тебя зависело. Молодчина, девочка!

Теперь Мэри отправилась для доклада к резидент-секретарю. У Лазаря оказались в Усадьбе дела — он хотел разыскать кого-нибудь не слишком занятого, чтобы попросить об одном одолжении. Первыми, на кого он наткнулся, были охранники у бассейна.

— Мое почтение...— начал он.

— И вам также,— отозвался один из охранников.— Кого-нибудь ищете?

— Вроде того,— согласился Лазарь.— Скажи-ка, браток, где бы мне тут килтом разжиться?

— А, это мы мигом,— ответил охранник,— покарауль пока, Дик, я сейчас.

Он провел Лазаря в холостяцкое отделение, раздобыл ему килт, и помог просушить сумку со всем содержимым. Насчет арсенала, пристегнутого к волосатым бедрам Лазаря, он не сказал ни слова. Поведение старших его не касалось — к тому же многие из них весьма ревностно оберегали свою личную жизнь. Он видел, что тетушка Мэри Сперлинг тоже явилась в Усадьбу без одежды, однако не удивился: он слышал, что Айра Барстоу послал Пита подобрать гостей в воде. Конечно, странно, что человек, прыгнув в озеро, не сбросил заодно и эти увесистые железяки, но охранник не позволил себе выйти за рамки приличий.

— Больше вам ничего не требуется? — спросил он.— Башмаки не жмут?

— Нормально. Громадное тебе спасибо, браток.

Лазарь разгладил килт. Килт был ему малость длинноват, но ничего. Набедренная повязка хороша на Венере, а к тамошним порядкам он никогда не питал почтения. Черт возьми, человеку просто необходима одежда!

— Да, все нормально. Еще раз спасибо тебе. Кстати, как тебя зовут?

— Эдмунд Харди, из Семьи Фут.

— Вот как? По какой линии?

— Чарлз Харди — Эвелина Фут, Эдвард Харди — Алиса Джонсон и Теренс Бриггс — Элеонора Уэзерэл, Оливер...

— Достаточно. Так я и знал. Ты — один из моих пра-правнуков.

— Да? Интересно,— оживился Харди.— Значит, мы примерно на одну шестнадцатую родственники. Извините, как ваше имя?

— Лазарь Лонг.

Харди покачал головой.

— Тут что-то не так. В моей линии вас нет.

— Тогда поставь взамен: Вудро Вильсон Смит. Это мое первое имя.

— А, вот оно что! Да, конечно. Но я думал, вы...

— Померли, так? Ну уж нет!

— Да нет, я совсем не это хотел сказать,— запротестовал Харди, краснея.— Я очень рад с вами познакомиться, прадед. Всегда хотел узнать толком, что же случилось на Совете Семей в 2012.

— Тебя еще и на свете тогда не было,— сердито буркнул Лазарь.— И если ты еще раз назовешь меня прадедом...

— Простите, сэр... то есть, простите, Лазарь. Что я еще могу для вас сделать?

— Ладно, я, наверно, погорячился. Не... А впрочем, где бы мне тут перекусить? Утром все как-то некогда было...

— А, конечно! Сейчас.

Харди препроводил Лазаря в столовую, показал, как пользоваться кухней-автоматом, сварил кофе себе и своему напарнику и ушел. Лазарь живо расправился со своим завтраком — что-то около трех тысяч калорий в виде аппетитно пахнущих сосисок,

яичницы, джема, теплого хлеба, кофе со сливками и прочих мелочей,— он всегда думал, что заправляться следует впрок: кто знает, когда представится следующая возможность. Насытившись, он откинулся в кресле и распустил пояс, а передохнув, собрал грязные тарелки, запихал их в мусоросжигатель и отправился на поиски телеприемника.

Приемник нашелся в библиотеке. Она была почти пуста — в ней оказался лишь один посетитель, с виду ровесник Лазаря, однако этим их сходство и ограничивалось. Незнакомец был худощав, с мягкими чертами лица, его ярко-рыжие волосы волнами спадали на плечи — не то что жесткая, неспокойная шевелюра Лазаря. Незнакомец склонился над приемником, глядя в окуляры микроэкрана.

Лазарь громко кашлянул и поздоровался.

— О, извините,— сказал незнакомец, отрываясь от экрана,— вы так неожиданно. Чем могу служить?

— Да вот, новости хочу поглядеть. Что, если нам включить большой экран?

— Конечно, конечно.— Незнакомец поднялся и включил аппарат.— Вас что-то конкретное интересует?

— Да. Есть какие-нибудь новости насчет нас — то есть насчет Семей?

— Я и сам пытаюсь их найти. Наверное, нам лучше воспользоваться автопоиском.

— Отлично,— согласился Лазарь и пошел к приемнику.— Какое там ключевое слово?

— Мафусаил*.

Лазарь нажал кнопку; раздался писк и треск. Прибор стремительно просматривал пленку и отбрасывал все, что не относилось к делу. Наконец он победно щелкнул.

— Новости дня,— объявил голос диктора.— Единственная служба новостей на Среднем Западе, получающая информацию от всех ведущих агентств! Собственный видеоканал в Луна-Сити! Собственные корреспонденты по всей системе! Отовсюду обо всем — и немедленно! Линкольн, штат Небраска. Ученый разоблачает долгожителей. Доктор Уитвел Оскарсен, почетный

президент Брайанского Лицея, требует пересмотра статуса группы граждан, именующих себя Семьями Говарда. Доказано, сказал он, что эти люди разрешили проблему долголетия, и теперь возможно практически неограниченное продление человеческой жизни. Это достижение, без сомнений, достойно всяческой похвалы — исследование завершилось блестящим результатом. Но их заявления, что причина долголетия лишь в наследственности,— сущая чепуха, как с точки зрения науки, так и с точки зрения простого здравого смысла. Современные данные в области генетики позволяют со всей ответственностью утверждать: эти люди просто хотят утаить свое открытие от общества, втихомолку пользуясь его плодами. Монополия на знания для какой-то одной группы лиц претит нашим обычаям. Когда же речь идет о жизни человека, сокрытие знаний становится настоящим предательством. Мой гражданский долг — призвать администрацию к решительным действиям. Хочу напомнить, что даже лучшие умы, разработавшие Ковенант и наметившие для нас основные жизненные принципы, не могли в то время предусмотреть подобного! Законы пишутся людьми — а, следовательно, не могут быть безошибочными. То, что из всякого правила имеются исключения, ясно, как день! И перед лицом...

Лазарь нажал кнопку.

— Ну как? Этого типа с нас довольно?

— Да, это я уже слышал.— Незнакомец вздохнул.— Редко доводилось слышать такого изощренного демагога. Меня это удивляет: ведь доктор Оскарсен был известен как серьезный ученый...

— Значит, свихнулся на старости лет,— констатировал Лазарь и снова включил аппарат.— Хочет того, чего хочет, и тогда, когда хочет. И думает, что как раз в этом заключается естественный закон жизни.

Аппарат немного потрещал, щелкнул и снова заговорил:

— Новости дня! Единственная служба но...

— А нельзя эту рекламу вырубить? — спросил Лазарь. Незнакомец поглядел на панель аппарата.

— Кажется, такого устройства в нем нет.

— ...Энсенада, Баха Калифорния. Сегодня Джефферс и Люси Уэзерэл потребовали у проктора специальной охраны, утверждая, что в их дом ворвалась группа граждан, которая, угрожая им насилием, предприняла ряд противозаконных действий. По словам Уэзерэлов, они являются представителями пресловутых Семей Говарда. Они заявляют, что инцидент произошел исключительно на этой почве. Проктор округа со своей стороны заявил, что так как пострадавшие никаких доказательств насилия не представили, то он просто принимает их рассказ к сведению. Вечером состоится собрание жителей города, на котором...

Незнакомец обратился к Лазарю:

— Брат, веришь ли ты ушам своим? Первый случай насилия за двадцать лет, а они сообщают о нем так спокойно, будто это неполадки в системе контроля погоды!

— Да не совсем,— задумчиво протянул Лазарь.— Слишком уж выразительно нас описывали.

— Это так. Но, кажется, за всю передачу не прозвучало ни одного слова с индексом эмоциональности выше полутора. А ведь в новостях разрешены выражения с индексом до двух целых и ноль десятых!

— Вы психометрист?

— Нет. Извините, я забыл представиться — Эндрю Джексон Либби*.

— Лазарь Лонг.

— Вас я уже знаю — я был вчера на Совете.

— Либби...— протянул Лазарь.— По-моему, в Семьях такой фамилии нет. И все же — что-то очень знакомое.

— Мой случай отчасти напоминает ваш.

— Вы сменили имя в эпоху Пророков?

— И да и нет. Я родился после Второй революции, но мои родители связались с Новыми Крестоносцами, отбились от Семей и сменили имя. Я лишь взрослым узнал, что принадлежу к Семьям.

— Да что ты говоришь? Интересно. А как же тебя отыскали? Хотя, если не хочешь, можешь не рассказывать...

— Понимаете, я служил в космофлоте, и один из моих начальников...

— Все! Вспомнил! Верно, ты был космонавтом! Ты — Либби-Счетчик!

Либби смущенно улыбнулся:

— Да, меня так называли.

— Ну конечно! И последний корабль, который мне довелось пилотировать, был оборудован твоим парагравитационным выпрямителем! А для управления двигателями пользовались твоим дифференциалом! Эту штуку я сам установил — вроде как позаимствовал твой патент.

Либби ничуть не обиделся, напротив, лицо его засияло:

— Вы интересуетесь символической логикой?

— Только с точки зрения практики. Кстати, я внес в эту твою штуку усовершенствование, основанное на использовании отброшенных альтернатив в твоем тринадцатом уравнении. Получается так: допустим, мы движемся в поле, плотность которого *X*, а градиент энного порядка перпендикулярен курсу, и необходимо проложить оптимальный курс в точку *A* с вектором подхода r, используя во время всего прыжка автоматический выбор. Тогда, если...

Мало-помалу они перешли на язык терминов, понятных только людям, имевшим дело с космосом. Между тем телеприемник продолжал поиск. Трижды он начинал говорить, но всякий раз Либби, не слушая, нажимал кнопку отказа.

— Понятно,— наконец сказал он.— Я тоже о чем-то в этом роде думал, но потом пришел к выводу, что это экономически не оправданно. Слишком уж дорого — для всех, кроме энтузиастов. А ваш вариант обойдется дешевле моего.

— Думаешь?

— Уверен! В вашем устройстве лишь шестьдесят два узла, если брать стандартные блоки. Значит, максимально возможное число операций...— Либби на секунду задумался.— Не превышает пяти тысяч двухсот одиннадцати, а мое...

— Энди,— участливо перебил его Лазарь,— а голова у тебя временами не болит?

Либби вновь застенчиво улыбнулся.

— В моих способностях ничего ненормального нет. Теоретически, это доступно каждому.

— Ну да,— согласился Лазарь,— а змею можно научить отбивать чечетку, если только ее в ботинки обуть. Ладно, не обижайся. Я очень рад нашей встрече — ведь я слыхал о тебе еще тогда, когда ты был зеленым юнцом. Ты ведь служил в Космическом строительном корпусе, так?

— Земля — Марс,— подтвердил Либби.— Третий участок.

— Вот-вот. Стало быть, тот парень не врал. Торговец один в Драйуотере. Я и деда твоего знал. Старый облезлый петух...

— Да, таким он и был.

— Еще бы! Помнится, я с ним сцепился на Совете 2012 года. Вот уж кто за словом в карман не лез...— Лазарь слегка нахмурился.— А вот интересно, Энди,— я все это очень хорошо помню, будто вчера было,— и в то же время кажется, что вспоминать все труднее и труднее. Особенно то, что было в последнюю сотню лет...

— Ну, это математически неизбежно,— заявил Либби.

— Почему это?

— Жизненный опыт растет линейно, но корреляции впечатлений, хранящихся в памяти, растут с колоссальной скоростью. Если бы люди жили по тысяче лет, пришлось бы разрабатывать совершенно новый способ построения ассоциаций, какой-нибудь выборочный, чтобы время сберечь. Иначе бы человек беспомощно копался в сокровищах своей памяти, неспособный давать оценки... А в результате — помешательство, либо старческий маразм.

— Вот как? — лицо Лазаря сделалось озадаченным.— Тогда нужно этим вплотную заняться — и поскорей!

— Ну, эта проблема вполне разрешима.

— Так давай как-нибудь на досуге займемся. Просто так, чтобы быть наготове, когда подопрет.

Вдруг приемник привлек к себе их внимание резким звуком и ярко вспыхнувшим экраном. На экране появился текст: «Слушайте последние известия! Внимание! Синедрион на время приостановил действие Ковенанта! В соответствии со статьей

Ковенанта о чрезвычайных положениях сегодня объявляется беспрецедентное чрезвычайное положение, дающее Администратору право задерживать и допрашивать всех членов так называемых Семей Говарда всеми доступными средствами. По распоряжению Администратора его заявление передается всеми средствами информации.

Цитирую: "Приостановление гражданских свобод, гарантированных Ковенантом, распространяется исключительно на лиц, принадлежащих к сообществу, известному как Семьи Говарда. Правительственные агенты имеют право действовать сообразно обстоятельствам, чтобы как можно скорее выявить лиц, попадающих под действие чрезвычайного положения. Гражданам рекомендуется терпимо отнестись к некоторым неудобствам, с коими эти акции могут быть сопряжены. Право граждан на неприкосновенность будет по возможности соблюдено; право на свободу передвижений временно будет ограничено. Впоследствии правительство полностью покроет все издержки".

А теперь, друзья мои и сограждане, что же все это означает для нас с вами? Новости Дня передают комментарий всеми нами любимого Альберта Рейфшнайдера!

— Говорит Альберт Рейфшнайдер. Мое почтение, уважаемые сограждане. Можете не беспокоиться: для рядовых граждан чрезвычайное положение будет ощутимо не больше, чем легкая перемена давления для этих махин, что управляют погодой! Так что успокойтесь и не берите в голову! Оказывайте всяческое содействие прокторам и продолжайте заниматься вашими собственными делами. Если кое-что покажется вам неправильным, не препятствуйте властям, апеллируя к законности, но, повторяю, оказывайте им всяческое содействие!

Вот что значит для нас с вами чрезвычайное положение на сегодняшний день. Что оно будет означать завтра, послезавтра, через год? А то, что ваши верные слуги предприняли вынужденную попытку добыть для вас секрет долгой и счастливой жизни! Пока что не слишком обольщайтесь надеждами; однако, честно вам скажу, все происходящее наводит меня на мысль о заре новой эпохи! Именно так — новой эпохи! Ревностно охраняемый эгоистичным меньшинством, секрет вечной молодости вскоре станет...»

Лонг вопросительно покосился на Либби и выключил аппарат.

— Полюбуйтесь,— прокомментировал Либби,— вот что службы новостей имеют в виду под «беспристрастным изложением фактов»!

Лазарь полез в сумку, закурил и ответил:

— Да ладно, Энди, черт с ними. Всяко бывает — хорошо ли, плохо... Вот сейчас, кажется, ничего хорошего не предвидится — люди снова хотят подраться. На этот раз с нами.

3

К концу дня подземное убежище, известное как Семейная Усадьба, было заполнено до отказа. Родичи продолжали прибывать из Иллинойса и Индианы по подземным туннелям. С наступлением темноты у входа в подземный бассейн началось сущее столпотворение — спортивные подводные лодки, тримобили, вроде того, какой был у Мэри, обычные машины, приспособленные для передвижения под водой. Все они были наполнены беженцами; некоторые из них едва не задохнулись, ожидая под водой очереди к пропускному шлюзу.

Зал заседаний был слишком мал, чтобы вместить всех. Постоянные жители Усадьбы освободили самое большое помещение — столовую, и убрали переборки, отделявшие ее от зала. Ровно в полночь на кафедру поднялся Лазарь.

— Ну что,— начал он,— давайте-ка устроимся поудобней. Кто там впереди, сядьте, чтобы и задние видели. Я родился в 1912 году, есть кто старше? — Выдержав паузу, он продолжил: — Кого выберем в председатели? Давайте, колитесь.

Последовало три предложения, но третий из выдвинутых, не дожидаясь четвертой кандидатуры, поднялся:

— Аксель Джонсон, от имени Семьи Джонсонов. Прошу снять мою кандидатуру и остальным предлагаю сделать то же самое. Лазарь вчера отлично справился с этим делом и рассеял

туман, в котором мы чуть не заплутали, так пусть он ведет собрание и сегодня. Времени политесы разводить у нас нет.

Остальные кандидаты тоже взяли самоотвод, а других никто не выдвигал. Тогда Лазарь сказал:

— Хорошо. Прежде, чем начнем прения, я бы предложил послушать Старшего Поверенного. Возражений нет? Итак, Зак, что у тебя? Из наших — сцапали кого?

Заккур Барстоу был известен всем, поэтому сразу ответил:

— От имени Поверенных. Наш доклад еще не совсем готов, однако сведений об аресте кого-либо из родичей пока не поступало. Из девяти тысяч двухсот восьмидесяти пяти родичей, которые жили открыто, девять тысяч сто шесть уже сообщили, что находятся в безопасности. Это было десять минут назад. Они находятся либо в других Семейных Усадьбах, либо в домах родичей, не известных властям, либо в прочих безопасных местах. Предупреждение Мэри Сперлинг оказалось удивительно эффективным, если учесть то исключительно короткое время, которое прошло с момента его передачи до момента введения чрезвычайного положения. Однако мы все еще находимся в неведении относительно участи ста семидесяти девяти человек. Надеюсь, в ближайшее время они дадут о себе знать — во всяком случае, большинство. Многие из них, скорее всего, просто не имеют возможности с нами связаться.

— Зак, давай ближе к делу,— потребовал Лазарь.— Каковы шансы, что все они доберутся до укрытий безо всяких яких?

— Совершенно никаких.

— Это как же?

— Уже известно, что трое из них, под своими официальными именами, находятся в пассажирских кораблях, совершающих рейс на Луну. Те, о которых мы ничего не знаем, вероятно, тоже в сходной ситуации.

— Вопрос! — с места вскочил небольшого роста, взъерошенный человек и ткнул пальцем в сторону Старшего Поверенного.— Всем ли родичам, которым сейчас грозит арест, была сделана гипнотическая блокада?

— Нет. Но ведь...

— Я желаю знать, по чьей вине!

— Заткнись! — взревел Лазарь.— Ты нарушаешь порядок ведения! И мы здесь не для того, чтобы выяснять, кто в чем виноват! Давай дальше, Зак.

— Хорошо. Однако частичный ответ на поставленный вопрос я могу дать. Всем известно, что предложение хранить наши тайны при помощи гипноблокады было провалено на Совете, проголосовавшем за смягчение «Маскарада». И помнится, брат, задавший этот вопрос, приложил руку к провалу данного предложения.

— Неправда! И я настаиваю на...

— Закрой пасть! — Лазарь метнул яростный взгляд на возмутителя спокойствия, затем, приглядевшись к нему повнимательнее, добавил: — Браток, да ты же — явное свидетельство тому, что фонду надо было заниматься не долголетием, а селекцией! — Лазарь оглядел зал.— Высказаться сможет каждый. Но только в порядке очереди, установленной председателем. И если этот парень еще раз сунется, я вобью его зубы ему же в глотку! Как, я верно веду собрание?

По залу прошелестел шепот, как одобряющий, так и негодующий, но возражений не последовало. Заккур Барстоу продолжал:

— Следуя совету Ральфа Шульца, Поверенные в течение последних трех месяцев пытались сделать так, чтобы все заявившие о своем существовании родичи подверглись гипноблокаде, и почти преуспели в этом...

Он остановился.

— Давай, Зак, не тяни,— буркнул Лазарь.— Мы в безопасности? Или нет?

— Нет. По крайней мере двое из тех, кого наверняка арестуют, гипноблокаде не подвергались.

Лазарь пожал плечами.

— Печально. Все, ребята, играм нашим конец. Один кубик сыворотки правды сведет весь наш «Маскарад» на нет. Это в корне меняет ситуацию — во всяком случае, изменит ее через пару часов. Что будем делать?

В рубке управления трансконтинентальной ракеты «Валлаби», совершавшей рейс в южное полушарие, вдруг ожил телеком

и — щелк! — выбросил лист бумаги с сообщением. Второй пилот взял послание, прочел, перечитал еще раз...

— Шкипер, должен вас огорчить.

— Неприятности?

— Читайте сами.

Прочитав сообщение, капитан присвистнул.

— А, черт бы их взял! В жизни никого не арестовывал. Кажется, даже не видал ни разу... С чего же начнем?

— Доверяюсь авторитету командира.

— Ах, так? — с издевкой отозвался капитан.— Ну, раз доверяешься, тогда действуй.

— Что? Да я не то имел в виду! Именно вы уполномочены, как представитель власти! А я пока что вас у коммуникатора подменю.

— Ты меня не понял. Я уполномочен представлять, так что выполняй приказ представителя власти.

— Погоди, Эл! В контракте ничего не...

— Выполняй.

— Есть, сэр.

Второй пилот отправился на корму. Корабль уже вошел в атмосферу и по пологой траектории шел на посадку, так что можно было идти без помех. Про себя второй пилот размышлял, как выглядел бы арест в условиях невесомости. Вероятно, пришлось бы ловить арестуемого сачком для бабочек... Добравшись до кресла с нужным номером, он тронул пассажира за локоть:

— Мое почтение, сэр. В документах ошибка. Могу я попросить ваш билет?

— Отчего же, конечно.

— Вы не против пройти со мной в служебное помещение? Там мы сможем сесть и спокойно во всем разобраться.

— Пожалуйста.

Отведя пассажира в служебную каюту, второй пилот предложил ему сесть, затем спохватился для виду:

— Вот память дырявая... Оставил бумаги в рубке.

Он повернулся и вышел. Как только дверь за ним закрылась, пассажир услышал странный щелчок. Заподозрив неладное, он дернул дверь, но та оказалась заперта.

В Мельбурне за ним явились два проктора. Следуя под их конвоем через космопорт, пассажир выслушал немало насмешливых и недоброжелательных замечаний.

«Наконец-то попался один из этих!» — «Этот-то?! Ей-богу, вовсе не старый с виду».— «Эй, почем нынче обезьяньи семенники?! Да не пялься ты так, Герберт».— «А что?!» — «Да моя бы воля, я б им всем!..»

Его отвели к Главному Проктору, который с формальной любезностью предложил арестованному сесть.

— Что ж, сэр,— сказал Проктор с едва различимым местным акцентом,— если вы не окажете сопротивления и позволите сделать вам всего лишь один укол...

— С какой целью?

— Я уверен, вы, как лояльный гражданин, не станете оказывать сопротивления властям. Вам не будет причинено ни малейшего вреда.

— Это к делу не относится. Я настаиваю на объяснении. В конце концов, я — гражданин Соединенных Штатов.

— Естественно. Однако Федерация имеет в каждом из входящих в нее государств свою юрисдикцию, а в данный момент я действую от имени Федерации. Извольте закатать рукав.

— Я отказываюсь подчиняться и настаиваю на уважении моих гражданских прав.

— Взять его!

Для этого потребовались объединенные усилия четырех человек. Но, едва игла коснулась кожи арестованного, тот внезапно стиснул зубы; лицо его исказилось от боли. Теперь он перестал сопротивляться. Блюстители порядка ждали, когда подействует наркотик. Наконец Проктор аккуратно приподнял веко арестованного и сказал:

— Думаю, готово. Весу в нем не больше ста сорока фунтов, так что должно быстро подействовать. Где там список вопросов?

Помощник передал ему бумагу.

— Гораций Фут, вы меня слышите?

Губы арестованного шевельнулись; казалось, он хотел что-то сказать, но из открытого рта хлынула струя крови.

Проктор взревел и, запрокинув голову арестованного, быстро его осмотрел.

— *Хирурга!* Он язык себе почти что откусил!

Капитан лунного шаттла «Мунбим» вертел в руках только что полученное сообщение.

— Эт-то еще что за фокусы? — ощерился он на второго помощника.— Объясните-ка, мистер!

Второй помощник сосредоточенно разглядывал потолок. Кипя негодованием, капитан, далеко отставив от себя бумагу, принялся читать вслух:

— «...меры предосторожности, гарантирующие неспособность задержанного причинить себе какой-либо вред. Предлагается привести его в бессознательное состояние, не производя при этом действий, способных вызвать подозрения относительно характера ваших намерений».

Капитан отбросил листок.

— Да я им что — надзиратель из Ковентри?! Что они там о себе возомнили?! Указывать *мне,* что я должен делать с пассажирами *моего* корабля?! Да ни за что на свете! Ни один закон не может заставить меня... Или как там насчет законов?

Второй помощник молча смотрел в потолок. Капитан перестал расхаживать по каюте.

— Начхоз! Где начхоз?! Почему его никогда нет на месте?!

— Я здесь, капитан.

— Вовремя, нечего сказать!

— Я все время был здесь, сэр.

— Отставить пререкания! Вот — ознакомьтесь и действуйте.

Передав документ начальнику хозчасти, капитан вышел.

Корабельный механик под надзором начхоза и врача кое-что изменил в системе кондиционирования одной из кают. Под действием небольшой дозы усыпляющего газа два беспокойных пассажира тут же забыли все свои заботы.

— Еще один рапорт, сэр.

— Оставьте на столе,— устало сказал Администратор.

— Советник Борк Вэннинг шлет свои поздравления и просит аудиенции.

— Скажите, что я очень сожалею, однако сейчас слишком занят.

— Но он настаивает на аудиенции, сэр.

— В таком случае,— вызывающе ответил Администратор Форд,— можете сказать ему, что достопочтенный Борк Вэннинг пока что не вправе наводить в этом кабинете свои порядки.

Секретарь не отвечал. Администратор устало коснулся лба кончиками пальцев и продолжал:

— А впрочем, Джерри, ты ему этого не говори. Будь дипломатичен, но ни под каким видом его не впускай.

— Слушаю, сэр.

Оставшись в одиночестве, Администратор взялся за поступивший рапорт, бегло проглядел «шапку», дату и входящий номер:

«Краткий отчет о допросе временно объявленного вне закона гражданина Артура Сперлинга» (полный текст прилагается).

«Во время допроса допрашиваемый находился под воздействием стандартной дозы неоскоп., незадолго до этого получив неустановленную дозу усыпляющего газа. Антидот...»

А, дьявол, да когда у них кончится этот словесный понос? Неужели ни один служащий без этого не может? Администратор, пропустив несколько строк, продолжал читать:

«...подтвердил, что его имя — действительно Артур Сперлинг, он из Семьи Фут, возраст — сто тридцать семь полных лет. (На вид около сорока пяти; медицинское заключение прилагается). Он подтвердил, что состоит в родстве с так называемыми Семьями Говарда; указал, что общая численность Семей — свыше ста тысяч человек. Будучи спрошенным о правильности этого числа (правильный ответ — около десяти тысяч), настаивал на своей правоте».

Эту часть рапорта Администратор перечел дважды, затем пробежал глазами остальное, вычленяя главное.

«...настаивал на том, что столь продолжительный срок его жизни является не более, чем результатом благоприятной наследственности, хотя сообщил, что для сохранения моложавой внешности к нему действительно применялись методы косметического омоложения. В ответ на предложенную версию о том,

что, когда он был младенцем, его родители могли применять к нему методы искусственного воздействия с целью увеличения продолжительности жизни, согласился, что такого варианта исключать нельзя. Будучи настоятельно расспрошен об именах лиц, возможно, занимавшихся такого рода операциями, вернулся к первоначальному заявлению, будто такой методики не существует. При тестировании на произвольные ассоциации назвал имена и даже несколько адресов около двух сотен «родичей», ранее в качестве долгожителей по нашим документам не проходивших — список прилагается. После этого у объекта наступил полный упадок сил и абсолютная апатия, из коей его невозможно было вывести при помощи стимуляторов, отвечающих его физическим возможностям. (См. медицинское заключение.)

Выводы, сделанные на основании приблизительного анализа по методу Келли-Холмса: знаниями об искомом объект не располагает и в оное не верит; не помнит, чтобы искомое применялось когда-либо к нему (очевидно, заблуждается). Следовательно, знаниями о способах воздействия на организм в целях его консервации располагает лишь малая — не более двадцати человек — группа, представитель которой достаточно легко может быть выявлен методом тройного исключения.

Возможность обнаружения группы рассчитана, исходя из двух допущений. Во-первых, топологическое социальное пространство весьма обширно и включено в физическое пространство Западной Федерации. Во-вторых, между выявленными субъектами и группой, которую необходимо найти, существует по меньшей мере одна связующая нить. Первое допущение подтверждается статистическим анализом списка имен «родичей», пока что не объявивших о своем существовании. Тот же анализ свидетельствует, что названная объектом численность Семей соответствует действительности. Предположение же, что группа, обладающая искомым, имеет возможность применять его дистанционно, без контакта с пациентом,— просто абсурд. Предполагаемое время обнаружения — 71±20 часов; к такому выводу пришли специалисты, занятые в данном расследовании. Расчет времени будет...»

Форд хлопнул отчетом о кучу бумаг, громоздившихся на его столе рядом со старомодным пультом. Кретины безмозглые! Не узнать отрицательного результата, когда он перед самым носом — и еще имеют наглость психографами называться!

От внезапно нахлынувших усталости и отчаяния он спрятал лицо в ладонях...

Лазарь постучал по столешнице рукоятью бластера и рявкнул:

— Не мешать оратору! Продолжай,— обратился он к говорившему,— покороче только.

Бертрам Харди кивнул.

— Еще раз повторяю: эти мотыльки-однодневки, что мельтешат вокруг, не обладают ничем, достойным нашего с вами уважения. Потому с ними надо бороться исподтишка, коварно, вероломно, а когда наше положение упрочится, заявить о себе с позиции силы! Больше мы не обязаны заботиться об их благе: охотник убивает жертву без предупреждения. И...

Из задних рядов донесся шум. Лазарь снова постучал по столу и вгляделся в зал, ища нарушителя. Харди упорно продолжал:

— Теперь нам всем ясно, что так называемое человечество раскололось на два лагеря. С одной стороны, *Homo vivens,* то есть мы с вами. С другой — *Homo moriturus*!* Их век прошел, как прошел век динозавров, саблезубых тигров и бизонов. Нам не пристало впредь скрещивать свою живую кровь с их кровью, как не пристало бы, например, жениться на обезьянах. Так давайте же смиримся с ними на время, подсунем им любую ложь, наговорим с три короба о вечной молодости — но лишь затем, чтобы выиграть время; чтобы тогда, когда наши расы — что неизбежно — сойдутся в последней битве, победа оказалась на нашей стороне!

Аплодисментов не последовало, но Лазарь видел, что многие колеблются. Хотя слова Бертрама Харди шли вразрез с привычным для них образом мыслей, слова эти, казалось, были словами самой судьбы. Впрочем, в судьбу Лазарь не верил. Он верил в... впрочем, какая разница? Чего ему очень сейчас хотелось, так это переломать братцу Бертраму руки.

Ева Барстоу попросила слова.

— Если Бертрам действительно имеет в виду то, что он сказал, я лучше буду жить в Ковентри, с асоциалами,— заявила она.— Но как бы то ни было, он внес предложение, и если оно меня не устраивает, я должна предложить что-нибудь свое. Однако я не приму ни одного плана, по которому мы должны будем выжить за счет наших недолговечных собратьев. Скажу больше: теперь мне совершенно ясно, что даже само существование людей-долгожителей — наше с вами существование — убивает дух наших сородичей! Наше долголетие, наши богатейшие возможности заставляют их считать свои лучшие стремления напрасными и скоропреходящими. Любые стремления — кроме борьбы с надвигающейся смертью! Само наше присутствие в этом мире лишает их сил, разрушает все их представления и вселяет в простого человека панический страх перед смертью. Я предлагаю такой план. Мы объявим о своем существовании, расскажем о себе всю правду и потребуем нашей доли планеты. Небольшой уголок, где мы могли бы жить отдельно от всех. Если наши несчастные собратья пожелают обнести его высокой стеной на манер Ковентри... Что ж, может, нам и вправду лучше поменьше с ними общаться.

Шум одобрения заглушил редкие возгласы сомневающихся. Поднялся Ральф Шульц.

— Не подвергая сомнению замысел Евы, хочу предупредить: человечество не пойдет с легкостью на предложенную нами самоизоляцию. До тех пор, пока мы не покинем этой планеты тем или иным способом, люди не смогут о нас забыть. Современные средства связи...

— Значит, надо перебраться на другую планету,— ответила Ева.

— На какую же? — вскричал Бертрам Харди.— Венера? Так я лучше в паровом котле поселюсь! Марс? Голый и бесплодный...

— Мы приспособим его,— настаивала она.

— На это даже нашей жизни не хватит. Нет, дорогая Ева, решительность твоя, конечно, достойна всяких похвал, однако смысла в этом ни на грош. В Солнечной системе для человека годится только одна планета — наша.

Слова эти натолкнули было Лазаря на какую-то мысль, однако она тут же ускользнула. Что-то... что-то такое; он об этом

слышал как будто вчера... или несколько раньше? Это было каким-то образом связано с его первым космическим полетом более ста лет назад... Гром и молния! Эти штучки, которые выкидывает иногда память, с ума могут свести!

И тут его осенило: звездолет! Он ведь почти готов и висит где-то между Землей и Луной!

— Ребята,— протянул он,— прежде чем начать обсуждение переезда на другую планету, надо бы рассмотреть все возможности.

Лазарь выждал, пока на его слова обратят внимание присутствующие.

— Вам когда-нибудь приходило на мысль, что вокруг Солнца собрались еще не *все* планеты?

Тишину нарушил Заккур Барстоу:

— Лазарь, ты серьезно об этом думаешь?

— Еще как!

— Не похоже что-то. Может, тогда объяснишь толком?

— А как же,— Лазарь обвел взглядом зал.— Там, наверху, болтается звездолет; в нем полно места, и построен он специально, чтобы летать к другим звездам. Почему бы не взять его, да не поискать себе подходящий огород?

Бертрам Харди оправился первым:

— Не могу понять: то ли нашего председателя осенило, то ли он над нами издевается, однако, если он говорил всерьез, то я отвечу; мой аргумент против возрождения Марса станет в десять раз убедительнее по сравнению с этой дикостью. Я так понимаю: безнадежные идиоты, действительно собирающиеся в полет, намерены лететь лет этак сто. К тому времени, может быть, внуки их и наткнутся на что-нибудь стоящее. А может, и нет. В любом случае — меня это не интересует. Я не собираюсь провести сотню лет в железной цистерне, да вряд ли и проживу так долго.

— Подожди,— перебил его Лазарь.— Где Энди Либби?

— Здесь,— поднялся тот.

— Счетчик, выйди-ка вперед и скажи: ты не прикладывал лапку к конструированию этих кораблей для полета к Центавру?

— Нет. Ни к этому, ни к первому.

— Тогда все ясно,— обратился Лазарь к собравшимся.— Если Счетчик не занимался корабельным двигателем, то звездолет

не так быстроходен, как мог бы. Счетчик, родной, займись-ка ты этим поскорее. Кажется, решение задачки нам скоро пригодится.

— Но, Лазарь, вы думаете...

— А что, теоретически это невозможно?

— Вы сами знаете, что возможно, однако...

— Тогда займи делом свою башку!

— Э-э... хорошо.

Либби покраснел — щеки его запылали едва ли не ярче рыжей шевелюры.

— Минуту, Лазарь,— сказал Заккур Барстоу,— предложение твое мне нравится, и надо бы его обсудить поподробней, вопреки неудовольствию брата Бертрама. Даже если брату Либби не удастся найти способ увеличить ускорение — а по-моему, так оно и случится: в механике полей я кое-что понимаю. Пусть даже так — столетний срок меня не пугает. С помощью анабиоза* и посменных вахт большинство из нас сможет дожить до конца перелета. Это...

— А с чего это ты так уверен, что нам разрешат воспользоваться кораблем? — не унимался Харди.

— Берт,— холодно сказал Лазарь,— если у тебя язык зачесался, то я на то и председатель, чтобы у меня слова просить. Ты даже не делегат от Семьи, и я тебя предупреждаю в последний раз.

— Как я уже сказал,— продолжал Барстоу,— в том, что звезды будут осваивать именно долгожители, есть своя закономерность. Мистики сказали бы, нам это на роду написано.— Он сделал небольшую паузу.— А насчет звездолета, о котором говорил Лазарь,— может быть, нам его и не отдадут, однако Семьи имеют достаточно денег, и если нам понадобится звездолет, пусть даже не один, мы вполне можем его построить. По-моему, разумнее всего рассчитывать, что нам дадут это сделать — другого варианта у нас, похоже, нет. Возможно, это единственное решение проблемы, не связанное с уничтожением Семей.

Последние слова Барстоу выговорил мягко и медленно, с глубокой печалью в голосе. Собравшихся будто сковало морозом. Большинство из них вовсе не были готовы к такому обороту — и происходящее казалось им чем-то вроде дурного сна. До сих пор им даже не приходило в голову, что возможна ситуация, в которой не удастся найти решение, приемлемое для большинства «не-

долговечников». Заявление Старшего Поверенного о своих опасениях по поводу возможного истребления Семей и допущение того, что на них могут открыть самую настоящую охоту,— напомнило каждому о том, о чем и подумать было страшно!

— Так вот,— прервал Лазарь гнетущую тишину,— прежде, чем подробно обсуждать этот вариант, давайте и другие предложения послушаем. Кто там, давайте, колитесь.

Сквозь толпу пробрался человек и что-то шепнул Заккуру Барстоу. На лице Старшего Поверенного отразилось крайнее удивление. Поднявшись на помост, он подошел к Лазарю и зашептал ему на ухо. Лазарь тоже застыл в изумлении, а Барстоу чуть не бегом направился к выходу.

Лазарь оглядел зал.

— Что ж,— сказал он,— пожалуй, стоит устроить перерыв. Даю вам время обдумать ваши предложения, а заодно оправиться и перекурить.

Он потянулся к сумке.

— Что там стряслось? — спросили из зала.

Лазарь закурил сигарету и глубоко затянулся. Выпустив дым, он ответил:

— Поживем — увидим. Но теперь минимум полдюжины планов из тех, что тут предлагались, отпадают начисто. Ситуация изменилась. Насколько — пока сказать не могу.

— Что это значит?

— Ну-у,— протянул Лазарь,— кажется, с Заком Барстоу только что пожелал говорить сам Администратор Федерации. Он назвал его по имени и связался с Усадьбой по секретному семейному каналу.

— Ка-ак?! Это невозможно!

— Верно, родненький. И все же ребеночек будет.

4

Мчась в центр связи, Заккур Барстоу пытался взять себя в руки. А на другом конце провода старался унять волнение достопочтенный Слэйтон Форд. Сэр Слэйтон Форд не питал на

собственный счет никаких иллюзий — долгая, блестящая карьера, увенчавшаяся многолетним пребыванием на посту Администратора Синедриона и блюстителя Ковенанта Западной Федерации, предоставила ему возможность оценить свои выдающиеся способности и богатейший опыт. Ни одному смертному не удавалось еще переиграть его на переговорах по какому бы то ни было вопросу.

Но сейчас положение было совершенно иным.

Что же это за человек, который прожил уже две человеческих жизни и чей жизненный опыт вчетверо, а то и впятеро больше его собственного? Администратор подумал, что даже собственные его точки зрения с годами обновлялись; он уже не тот зеленый юнец, которым когда-то был. Так каков же этот Заккур Барстоу? Предположительно он — самый способный и влиятельный человек в сообществе, совокупный опыт которого Форд не в силах был и вообразить. Как же ему удастся предугадать мнение этого человека, его оценку обстоятельств, образ мышления, его намерения и возможности?

Только в одном Форд был уверен: он не собирается продавать Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски, а равным образом — и право первородства за чечевичную похлебку долголетия.*

Он внимательно вгляделся в лицо Барстоу, появившееся на экране. Приятное лицо сильного человека. Такого не запугаешь! Человек выглядел молодо — черт возьми, с виду он куда моложе самого Форда! Почему-то Администратор ожидал увидеть на экране сурового и непреклонного старца; обманувшись в своих ожиданиях, он почувствовал, что напряжение спало.

— Вы — гражданин Заккур Барстоу? — тихо спросил Форд.

— Да, господин Администратор.

— Вы — ответственный руководитель Семей Говарда?

— Я всего-навсего поверенный в делах нашего фонда — в настоящее время. Я скорее забочусь о благополучии родичей, нежели руковожу ими.

Это объяснение Форд с ходу отмел.

— Ну, я полагаю, статус ваш сопряжен и с руководством. Ведь нельзя вести переговоры с сотней тысяч человек!

Барстоу ничем не выказал удивления, однако тут же отметил, что количество родичей Администрации известно, и принял данное обстоятельство к сведению. Он уже оправился от потрясения, вызванного тем, что тайна Семейной Усадьбы больше не является тайной и Администратору известен код их закрытой системы связи. А факты эти могли означать только одно: один или несколько родичей были схвачены и принуждены говорить.

Несомненно, властям уже было известно все мало-мальски значительное, а потому блефовать бессмысленно. В то же время выдавать добровольно какую бы то ни было информацию тоже не следовало: наверняка Администрация еще не располагает всей информацией о Семьях.

Барстоу отреагировал почти сразу же:

— Что вы хотели бы обсудить со мной, сэр?

— Политику Администрации по отношению к вашему сообществу. А также ваши и ваших родичей выгоды.

Барстоу пожал плечами.

— Что же тут обсуждать? Действие Ковенанта приостановлено, а вы имеете полномочия поступать с нами, как сочтете нужным, чтобы вырвать у нас сведения, которых на самом деле не существует. Тут уж нам ничего не остается, разве что надеяться на ваше милосердие.

— Да перестаньте бога ради,— раздраженно отмахнулся Администратор.— Зачем ходить вокруг да около? Мы с вами стоим перед лицом проблемы. Вы и я. Давайте же чистосердечно все обсудим и попробуем достичь соглашения. Вы готовы?

— Хотелось бы мне,— протянул Барстоу,— верить в ваше стремление к взаимопониманию... Однако проблема строится на ложной посылке, будто мы — Семьи Говарда — знаем, как продлить человеческую жизнь. Это не так.

— А если я скажу вам, что уже убежден в вашей искренности?

— Э-э... Хотелось бы верить... Как же в таком случае ваша позиция увязывается с вашими действиями? Нас гонят в ловушку, будто крыс!

Форд криво усмехнулся.

— Помните древнюю притчу о богослове, которого спросили, как милосердие Господне сообразуется с постулатом о про-

клятии новорожденных? «Всемогущий,— ответил теолог,— находит нужным назидательности ради вершить напоказ такое, что полностью отвергает в душе своей».

Барстоу неожиданно для самого себя улыбнулся.

— Да, я улавливаю аналогию. Это действительно так?

— Думаю, да.

— Понятно. Надеюсь, вы звоните мне не просто ради того, чтобы извиниться, как в той истории про палача?

— Нет. Надеюсь, что нет. Вы в курсе политических событий? Впрочем, этого от вас должность требует.

Барстоу утвердительно кивнул. Форд продолжал:

— Мое правление было самым длительным за всю историю Ковенанта. Я пережил четыре состава Синедриона. И тем не менее сейчас мое положение так шатко, что я не рискнул даже поставить вопрос о вотуме доверия — во всяком случае, по проблеме Семей Говарда. Без всякого сомнения, меня поддержало бы не подавляющее большинство, как обычно, а как раз наоборот. Если бы я пошел против решения Синедриона и настоял на вотуме доверия, то мигом оказался бы не у дел, а мое место занял бы лидер оппозиции. Понимаете? Мне необходимо оставаться у власти, чтобы решить проблему более-менее гуманно — либо я могу умыть руки и оставить решение проблемы на усмотрение моего преемника.

— Но не станете же вы спрашивать моего совета?

— Нет, нет. Не по этому поводу. Я уже принял решение. Чрезвычайное положение так или иначе было бы введено либо мной, либо мистером Вэннингом — а потому я решил сделать это сам. Вопрос в следующем: поможете вы мне или нет.

Барстоу размышлял, вспоминая политическую карьеру Форда. Ранний период его долгого правления был сущим золотым веком для государства: мудрый и практичный, Форд претворил в жизнь принципы человеческой свободы, облеченные Новаком в текст Ковенанта. То была эпоха доброй воли и прогресса цивилизации, который казался необратимым.

Но, тем не менее, реакция наступила. Причины этому Барстоу понимал не хуже, чем Форд. Стоит только сосредоточиться на чем-либо одном в ущерб всему остальному, и почва для

демагогов, бездельников и честолюбцев всех мастей готова. Сами того не желая, Семьи Говарда вызвали кризис общественной морали и сами же пострадали от него. Все-таки им не следовало давать знать о себе. И то, что никакого секрета вечной молодости на самом деле не существовало, теперь не имело ровно никакого значения. Зло заключалось в том, что слухи об этом секрете разлагающе подействовали на общество.

Судя по всему, Форд прекрасно понимал сложившуюся ситуацию.

— Мы вам поможем,— внезапно объявил Барстоу.

— Отлично. Что вы предлагаете?

Барстоу закусил губу.

— Нет ли возможности отменить это пагубное решение, то есть приостановку действия Ковенанта?

— Поздно.— Форд покачал головой.

— И даже если вы выступите перед всем народом и лично заявите, что никакого...

— Я,— перебил Форд,— вылечу из своего кресла прежде, чем успею договорить. К тому же, мне просто не поверят. И кроме того,— поймите меня правильно — мои личные симпатии в отношении вас и ваших родичей тут ничего не значат. Дело не в вас, а в той раковой опухоли, что укоренилась в нашем обществе. Бороться следует именно с ней. Конечно, я вынужден был это сделать, однако назад дороги нет. Мне следует довести дело до его логического завершения.

Барстоу был мудр по крайней мере в одном отношении: он допускал, что некто может иметь взгляды, противоположные его собственным, и при этом не быть негодяем. Тем не менее он возразил:

— Но мои люди подвергаются преследованиям!

— Ваши люди,— решительно заговорил Форд,— составляют ничтожную долю от одной десятой процента всего населения, а нам следует найти решение, приемлемое для всех. Я связался с вами, чтобы узнать: можете ли вы такое предложить. Можете?

— Я не совсем уверен,— медленно ответил Барстоу.— Допустим, я согласен, вам надлежит и дальше творить это беззаконие. Арестовывать, допрашивать преступными методами... Скорее всего, здесь у меня выбора нет.

— Равно как и у меня,— сдвинул брови Форд.— Но, хоть я и не волен в своих действиях, я приложу все усилия, чтобы все делалось наиболее гуманными способами.

— Благодарю вас. Вы правы, вам бесполезно обращаться к общественности. И все же вы, как Администратор, имеете в своем распоряжении мощные средства информации. Нельзя ли с их помощью организовать кампанию по разъяснению того, что никакого секрета вечной молодости в природе не существует?

— А вы подумайте сами: сработает ли?

— Пожалуй, нет,— вздохнул Барстоу.

— И даже в случае успеха проблема, уверяю вас, не исчезнет! Люди, и в том числе мои ближайшие помощники, твердо уверены в существовании источника вечной молодости, иначе им остается лишь терзаться горькими мыслями о бренности всего сущего. Знаете, что для них будет означать истина?

— Продолжайте.

— Я мирился со смертью лишь потому, что считал ее величайшим демократом, не взирающим на лица. А теперь и у нее появились свои фавориты! Попробуйте хоть на мгновение почувствовать зависть обычного человека — жестокую зависть, скажем, пятидесятилетнего при виде любого из вас! Всего-то полвека: из них двадцать лет на детство и юность, приличным специалистом он стал лишь к тридцати, какого-то успеха добился к сорока, и менее десяти лет действительно что-то значат.— Форд наклонился к экрану; в голосе его зазвучала необыкновенная грусть.— И вот, стоило ему чего-то достичь, приблизиться к заветной цели — и что же получается? Глаза начинают подводить, молодой задор давно прошел, сердце и легкие «уже не те»... Нет, он еще не старик! Однако в груди появляется неприятный холодок. Он знает, что ждет его вскоре. Ох, как он хорошо знает! Раньше это было неизбежным, и всякий был к этому готов. И тут появляетесь вы! — в голосе Форда почувствовалась горечь.— Живой укор его немощи, вы — насмешка над ним в глазах его собственных детей... Он не смеет загадывать вдаль, а вы беззаботно строите планы, которые будут реализованы только через полвека, и даже через сто лет! Неважно, какого совершенства достиг он в жизни — вы догоните его, перегоните, переживете... Его немощь вызывает у вас только жалость — разве удивительна его ненависть к вам?

Барстоу с трудом поднял голову.

— А вот вы, Слэйтон Форд, меня ненавидите?

— Нет. Я не могу позволить себе ненависти к кому бы то ни было. Но, если говорить честно,— внезапно добавил Форд,— если бы этот секрет не был выдумкой, я вытянул бы его из вас. Даже если бы пришлось резать вас на куски.

— Да, понимаю.— Барстоу немного поразмыслил.— Но ведь я и мои родичи почти ничего не можем исправить. Не мы затевали этот эксперимент, все решили за нас... Хотя кое-что предложить мы можем.

— Что же?

Барстоу объяснил. Форд покачал головой:

— Медицински это вполне осуществимо. Несомненно, ваш генетический потенциал — пусть даже наполовину разбавленный — может значительно увеличить продолжительность жизни. Однако, если женщины и согласятся на искусственное оплодотворение, в чем я отнюдь не уверен, для наших мужчин это будет полной психологической гибелью. Последующий взрыв ненависти и отчаяния расколет человечество и уничтожит его. И неважно, что вы исполнены самых благих намерений,— подрыв жизненных устоев человечества не пройдет даром. Людей нельзя разводить, точно животных. Они никогда не согласятся на это.

— Я понимаю,— согласился Барстоу.— Но это все, что мы можем предложить.

— Наверное, мне следовало бы поблагодарить вас, но я не хочу и не стану. Давайте рассуждать с точки зрения практики. Все вы, взятые в отдельности,— уважаемые, симпатичные люди. Но в целом — опаснее зачумленных. И потому вас следует изолировать.

— Мы тоже пришли к такому выводу,— кивнул Барстоу.

Форд, казалось, вздохнул с облегчением.

— Я рад, что вы разумно смотрите на вещи.

— К сожалению, нам больше ничего не остается. Так где же выход? Изолированная колония? Отдаленное место, наподобие Ковентри? Например, Мадагаскар... или мы можем занять

Британские острова, заново заселить их, а по мере снижения радиоактивного фона, продвигаться в глубь Европы?

— Невозможно,— возразил Форд.— Таким образом проблема просто ляжет на плечи моих внуков, а ваше превосходство к тому времени возрастет настолько, что вы сможете победить. Нет, Заккур Барстоу! Вы и ваши родичи должны покинуть эту планету.

Барстоу помрачнел.

— Я знал, что к этому все идет. Куда же нам отправляться?

— В любую точку Солнечной системы.

— Но *куда*? Венера — вовсе не подарок, да нас там и не примут. Венера от Земли ни в чем не зависит — еще с 2020 года. Конечно, согласно конвенции Четырех планет, они принимают иногда иммигрантов, но вряд ли пустят к себе сто тысяч человек, которых Земля посчитала слишком опасными для общества.

— Верно. Лучше вам выбрать другую планету.

— Но какую же? В Солнечной системе больше нет планет, пригодных для человека. А чтобы сделать хотя бы немного пригоднее мало-мальски подходящую, придется затратить громадные деньги, не менее громадные усилия, плюс массу лучшей современной техники.

— Ничего, попытайтесь. Мы будем вам по возможности помогать.

— Не сомневаюсь. Однако, если на то пошло, чем же это лучше земной резервации? Или вы всерьез готовы прекратить космические сообщения?

Форд резко выпрямился.

— Да, я понимаю. Я не сразу уловил суть, но давайте рассмотрим и этот вариант. Почему бы нет? Лучше отказаться от космических полетов, чем доводить дело до открытой войны. К тому же, прецедент уже имел место...

— Да, когда венерианцы стали независимыми. Но все же космические сообщения возобновились, Луна-Сити был отстроен заново, и движение в космосе в десять раз интенсивнее прежнего. Вы в силах остановить этот процесс? В состоянии запустить его так, чтобы в будущем он не смог выйти из-под контроля?

Форд задумался. Конечно же, такое никому не по силам. Но что если наложить запрет на посещение одной планеты, той, куда переселятся долгожители? Поможет ли это? Одно, два, три поколения — какая разница? Древние японцы когда-то пытались поступить подобным образом, но иноземные дьяволы все равно явились*. Культуры невозможно изолировать навсегда; когда же они вступают в контакт — выживает сильнейшая. Закон природы.

Значит, постоянно действующий карантин неосуществим. Если так, то выход только один — и самый нежелательный. Однако Форд был человеком решительным и всегда находил в себе силы делать то, что считал нужным. Он принялся разрабатывать планы, забыв даже о Барстоу на том конце провода. Стоит ему указать местонахождение штаб-квартиры Семей Говарда Главному Проктору, и Усадьба будет захвачена через час-два — в случае если там не имеется каких-нибудь очень уж эффективных оборонительных средств. Но и тогда это всего лишь вопрос времени. От тех, кто будет взят в Усадьбе, можно будет узнать, где находятся остальные, а после обнаружить их и задержать. В случае удачи все долгожители будут арестованы максимум в двое суток.

Пока что он не решил одного: ликвидировать всех или просто стерилизовать. Любой из этих шагов является радикальным решением проблемы; третьего не дано. Что же будет гуманнее?

Форд отлично понимал: карьере его на этом конец. Его с позором выкинут с должности; возможно, даже сошлют в Ковентри. Но все это мало интересовало Администратора. Он был слишком целеустремлен, чтобы ставить личный интерес выше общественного блага.

Барстоу не мог заглянуть в его душу, однако чувствовал, что Форд принял какое-то решение и прикидывал, что за этим может последовать. Похоже, настало время выбросить свой единственный козырь.

— Господин Администратор...

— А? Ох, извините, я задумался.— Форд изобразил смущение, стараясь не выказывать своих истинных чувств. В глубине души он был потрясен, когда вдруг понял, что сидит лицом к лицу

с человеком, которого только что обрек на смерть. Администратор поспешил спрятаться под панцирь формальной вежливости:

— Заккур Барстоу! Благодарю вас за интересную и содержательную беседу. Весьма сожалею...

— Господин Администратор!

— Слушаю вас?

— А что, если мы отправимся за пределы Солнечной системы?

— Что? — Форд моргнул.— Вы серьезно?

Барстоу заторопился. Полусырой план Лазаря Лонга следовало преподнести Администратору в лучшем виде, импровизируя на ходу, преуменьшая препятствия и преувеличивая выгоды.

— Кажется, это подойдет,— наконец сказал Форд.— Конечно, о кое-каких трудностях вы не упомянули: политические тонкости, нехватка времени... И все же это возможно.— Он поднялся.— Возвращайтесь к своим, но пока не говорите им ничего. Я свяжусь с вами позже.

Барстоу не спеша вернулся в зал, обдумывая, что же сказать родичам. Конечно, с него потребуют полного отчета, и, теоретически, он не имеет права умолчать ни о чем, но все же... Барстоу склонялся к сотрудничеству с Администратором — пока есть надежда на благоприятный исход. Приняв решение, он свернул в свой кабинет и послал за Лазарем.

— Ну как? — спросил тот с порога.— До чего договорились?

— И хорошо... И плохо,— отвечал Барстоу.— Послушай...

Он кратко передал содержание беседы.

— Ты не мог бы вернуться в зал и как-нибудь их успокоить?

— Н-ну... Попробую.

— Тогда поторопись.

То, что Лазарь предложил собравшимся, не понравилось никому. Никто не хотел ни расходиться, ни сидеть спокойно.

— Где Заккур? Требуем отчета! Что тень на плетень наводить!

Рев Лазаря утихомирил родичей:

— Да послушайте же, идиоты чертовы! Зак подготовится как следует и все расскажет, нечего его попусту дергать! Он знает, что делает.

В заднем ряду встал человек:

— Я возвращаюсь к себе!

— Давай,— ласково напутствовал его Лазарь.— Передавай там от меня прокторам привет.

Человек с ошарашенным видом опустился в кресло.

— Может, еще кто домой хочет? — осведомился Лазарь.— Вы на меня внимания не обращаете, но пора бы пораскинуть куриными своими мозгами и сообразить: мы объявлены вне закона! От прокторов нас защищает только то, что Зак пудрит мозги Администратору! В общем, как хотите. Совет объявляю закрытым.

— Слушай, Зак,— говорил Лазарь несколько минут спустя,— давай-ка внесем ясность. Значит, Форд своей властью постарается помочь нам пробраться на корабль и сделать ноги. Так?

— Собственно, он вынужден так поступить.

— Х-м-м... То есть ему придется убедить Синедрион, что он хитростью выманивает у нас секрет долголетия... Правильно?

— Над этим я пока не думал. Я...

— Но ведь так?

— Пожалуй, так.

— Ладно. Значит, дело в следующем: хватит ли у него ума, чтобы понять, во что он ввязывается, и сил, чтобы довести дело до конца.

Барстоу припомнил все, что знал о Форде, прибавил впечатления от беседы с ним.

— Да,— решил он.— Форд прекрасно понимает ситуацию и достаточно тверд, чтобы встретить трудности лицом к лицу.

— Хорошо. А как будет с тобой? Ты-то сам потянешь?

В голосе Лазаря сквозило сомнение.

— Я? Что ты хочешь сказать?

— Ты ведь тоже собираешься вести двойную игру, так? Хватит ли у тебя духу не отступить, когда придется туго?

— Не понимаю,— забеспокоился Барстоу.— Я никого не собираюсь обманывать. По крайней мере, никого из родичей.

— Лучше прикинь еще раз,— безжалостно продолжал Лазарь.— Тебе придется сделать так, чтобы все — до единого — участвовали в этом исходе. Ты что, собираешься вбивать эту

идею в каждого отдельно или думаешь, что сто тысяч человек единогласно тебя поддержат? Ерунда! Такую толпу не заставишь даже «Янки-Дудль» просвистеть хором!

— Но у них не будет другого выхода,— возразил Барстоу.— Выбора нет! Либо мы покинем планету, либо нас в конце концов перебьют! Я уверен, Форд и собирался это сделать. И сделает!

— Так почему б тебе не пойти и не сказать им об этом? Зачем было посылать меня?

Барстоу устало провел рукой по глазам.

— Не знаю.

— А вот я знаю,— заявил Лазарь.— У тебя и в пятке ума больше, чем у большинства из них в черепушках! Ты отправил меня дурака перед ними валять, потому что отлично знал: правда тут не годится. Если бы ты предложил им выбирать между бегством и могилой, кто-то ударился бы в панику, кто-то заупрямился, а некоторые — типа дряхлых старушонок, даром что в килтах — отправились бы домой, стали взывать к параграфам Ковенанта и мигом порушили бы все наши планы, не успев даже понять, что власти с ними не в игрушки играют. Так, нет?

Барстоу пожал плечами и невесело засмеялся:

— Так, именно так. Я поступил так не раздумывая, но ты совершенно прав.

— Да нет,— возразил Лазарь,— ты все заранее просчитал. И ты верно придумал, Зак. Твоя пятка меня устраивает, и потому я за тебя. Похоже, вы с Фордом решили оставить с носом население всей планеты! Еще раз тебя спрашиваю: хватит ли тебя на то, чтобы довести дело до конца?

5

Родичи разбились на группы и яростно спорили.

— Никак не пойму,— рассказывала кучке взбудораженных людей резидент-архивариус,— Старший Поверенный никогда не вмешивался в мои дела... А тут — врывается в мой кабинет, следом этот Лазарь... И приказывает мне выйти!

— А что он сказал? — спросил кто-то из слушателей.

— Я спросила: чем могу служить, брат Барстоу? А он ответил: мол, выметайся отсюда, и девчонок своих прихвати. И хоть бы извинился для приличия.

— Есть на что жаловаться,— насмешливо сказал кто-то. Это был Сесил Хендрик из Семьи Джонсон, главный инженер связи.— Лазарь Лонг и меня посетил, и куда меньше церемонился!

— Что же он?

— Ворвался в центр связи и говорит, что хочет, мол, сесть за мой пульт. Заккур, мол, распорядился. Я говорю, что никому, кроме операторов, даже табурета моего не доверю, и вообще — кто он здесь такой? И знаете, что он сделал? Не поверите — бластер на меня наставил!

— Не может быть!

— А вот может. Я вам говорю — это страшный тип! Его бы в психиатрическую... Сплошной ходячий атавизм!

С экрана на Администратора смотрел Лазарь Лонг.

— Все записали?

Форд выключил настольный факс.

— Да, я закончил,— подтвердил он.

— Ладно,— ответил с экрана Лазарь,— я отключаюсь.

Как только экран погас, Форд включил внутреннюю связь:

— Главному Проктору немедленно явиться ко мне!

Глава гражданской безопасности не заставил себя ждать. Раздражение на его лице боролось с уставной дисциплиной. Этот вечер и так был одним из самых неспокойных в его жизни, а тут еще Старик заставляет являться лично. Так на кой черт тогда все эти видеофоны? И на кой черт он, Главный Проктор, вообще пошел на службу в полицию? Назло своему боссу он решил держаться сугубо официально и приветствовал его с подчеркнутой почтительностью:

— Вызывали, сэр?

Форд не обратил на это никакого внимания.

— Да, благодарю вас. Вот.— Он нажал клавишу; из факсимилятора выскочила кассета.— Это — полный список Семей Говарда. Арестовать.

— Есть, сэр.

Глава федеральной полиции повертел в руках кассету, гадая, стоит ли спрашивать, как эти сведения попали к Администратору, ведь пленка явно не проходила через ведомство общественной безопасности. Неужели у Старика имеется собственная разведслужба, о которой он, Главный Проктор, даже не подозревает?!

— Список алфавитный, но разбит по географическому принципу,— продолжал Администратор.— После размножения записи пришлите... нет, принесите оригинал обратно. Допросы с психообработкой можете прекратить. Просто задержите всех и изолируйте. Дальнейшие инструкции — позже.

Главный Проктор решил, что проявлять любопытство в данный момент неуместно.

— Есть, сэр! — ответил он, отсалютовал и вышел.

Форд снова повернулся к столу и вызвал к себе начальников отделов земельных ресурсов и транспортного контроля. Поразмыслив, вызвал и начальника отдела рационального потребления.

А в Семейной Усадьбе заседание Поверенных шло полным ходом; отсутствовал лишь Барстоу.

— Не нравится мне это,— возмущался Эндрю Уэзерэл.— Ну пусть Заккур решил повременить с докладом для Совета, это понятно! Но нам-то он должен сказать! Я был уверен, что он хочет посоветоваться с нами. Филип, как ты это все расцениваешь?

Филип Харди закусил губу.

— Черт его знает. Конечно, Заккур просто так ничего не делает. Но я тоже считаю, что ему следовало бы посоветоваться с нами. Джастин, с тобой он не говорил?

— Нет,— недружелюбно отвечал Джастин Фут.

— Ну, так что же нам делать? Мы ведь не можем притащить его сюда силой и потребовать отчета, если, конечно, не собираемся его снимать. Раз он решил оставить нас в неведении, что поделать.

Они все еще обсуждали эту проблему, когда явились прокторы.

В отличие от них Лазарь происходящему не удивился — ведь он располагал информацией, которой его родичи не имели. Он

приготовился — ради примера остальным — тихо-мирно подчиниться аресту, однако привычка — вторая натура; Лазарь решил оттянуть неизбежное и нырнул в ближайший мужской туалет.

Это был тупик. Вентиляционная шахта... Нет, слишком узка. Размышляя, как поступить дальше, Лазарь полез в сумку за сигаретами и нащупал в ней что-то мягкое. Это оказалась нарукавная повязка, позаимствованная у проктора в Чикаго.

Когда один из прокторов, обыскивавших Усадьбу, заглянул в туалет, то увидел там своего коллегу.

— Здесь никого,— крикнул Лазарь,— я проверил.

— Как ты умудрился оказаться здесь прежде меня, черт возьми?

— С фланга. Туннелем от Стоуни-Айленд, а после по вентиляции.— Лазарь решил, что обычный рядовой «бык» должен поверить в туннель от Стоуни-Айленд.— Сигаретку дать?

— Чего?! Нашел время перекуры устраивать!

— Да ну,— сказал Лазарь,— мой легат, небось, на целую милю отстал.

— Это твой,— огрызнулся проктор,— а мой-то следом идет!

— А-а... Ладно, черт с ним. Мне все равно надо ему кой о чем сообщить.

Лазарь хотел было выйти, но проктор загораживал дверь, удивленно глядя на его килт, вывернутый наизнанку,— голубая подкладка неплохо имитировала форму проктора, но только издали. Проктор повысил голос:

— Как ты, говоришь, тут появился?

— Да так,— ответил Лазарь и со всей силы ткнул проктора под ложечку. Его учитель всегда говорил, что это вернее удара в челюсть, уклониться почти невозможно. Учитель погиб во время дорожных забастовок в 1966-м*, но уроки его продолжали жить.

Надев форменный килт и обвязавшись патронташем с парабомбами, Лазарь почувствовал себя настоящим «быком»; к тому же, новый килт сидел на нем куда лучше. Правый коридор вел в Святилище и заканчивался тупиком, потому он предпочел левый, несмотря на возможность встречи с легатом своего

благодетеля. Коридор привел Лазаря в зал, битком набитый родичами под охраной прокторов. Не обращая внимания на своих, Лазарь тут же отыскал усталого и злого командира.

— Сэр,— доложил он, молодцевато отсалютовав,— там что-то такое, вроде госпиталя. Понадобится пять-шесть десятков носилок.

— Не мешай! Сходи и доложи своему легату, тут и без тебя дел по горло!

Лазарь почти не слышал его: он нашел взглядом Мэри Сперлинг. Увидев его, она отвернулась. Опомнившись, Лазарь ответил:

— Сейчас нет возможности связаться с ним, сэр. Он далеко.

— Тогда иди и вызови отделение первой помощи.

— Есть, сэр.

Лазарь удалился, заложив большие пальцы за пояс килта и слегка щеголяя выправкой. Он почти добрался до выхода из тунеля, когда сзади послышались крики. Вдогонку мчались два проктора.

Притормозив под аркой на перекрестке, Лазарь подпустил прокторов поближе.

— Что там стряслось? — спросил он как ни в чем не бывало.

— Легат...— начал один. Продолжать он не смог: у самых ног его разорвалась парабомба. На лице проктора появилось безмерное удивление, но парализующее излучение быстро погасило эмоции. Его напарник упал рядом.

Прячась за выступом арки, Лазарь досчитал до пятнадцати. Для верности он еще добавил: первый двигатель — пуск! второй двигатель — пуск! третий двигатель — пуск! — и, удостоверившись, что прокторов прихватило надежно, а самому ему опасаться уже нечего, осмотрелся. Бросая бомбу, он не успел укрыться вовремя, ногу слегка покалывало.

Кроме двух неподвижных прокторов, вокруг никого не было. Лазарь двинулся дальше. Может быть, у полиции не было описания его примет, а может, его вообще никто не собирался задерживать. В одном он был уверен: если его кто-то выдал, то только не Мэри Сперлинг!

Чтобы выбраться на свет божий, потребовались еще две парабомбы и две сотни слов вопиющей лжи. Едва Лазарь оказался снаружи и убедился, что слежки нет, повязка и оставшиеся бомбы были отправлены в сумку, а пустой патронташ полетел в кусты. Теперь следовало добраться до Уокигана и посетить магазин готового платья.

Устроившись в примерочной, Лазарь набрал на пульте видеокаталога код килтов. На экране проплывали всевозможные образцы, и ему с трудом удавалось пропускать мимо ушей сладкие рекламные увещевания, пока перед ним не появился килт, ни цветом, ни фасоном не похожий на форменный. Остановив каталог, Лазарь нажал кнопку заказа, задал машине свой размер, взглянул на цену и сунул в щель кредитную карточку. Пока килт подгоняли по его фигуре, он решил перекурить.

Через десять минут Лазарь швырнул килт проктора в утилизатор и вышел наружу. В Уокигане он не бывал уже лет сто, однако довольно скоро нашел средней руки отель, из тех, в которых не задают лишних вопросов, набрал на пульте регистратора стандартный заказ и на семь часов погрузился в глубокий сон.

Позавтракав в номере, Лазарь рассеянно прослушал последние новости. Как-никак, его интересовало, что же произошло с Семьями, однако интерес был в значительной мере отвлеченным: проблемы сородичей отошли на второй план. Он подумал, что не стоило снова связываться с ними — в последнее время у него были отличные документы, и полиции даже в голову бы не пришло...

Тут его внимание привлекла фраза:

— ...включая и Заккура Барстоу, считающегося вождем их племени. Арестованные были доставлены в резервацию в Оклахоме, поблизости от развалин города-дороги Окла — Орлеан, в двадцати пяти милях к югу от Мемориала Харримана. Главный Проктор объявил это место «Малым Ковентри» и приказал всем воздушным транспортным средствам облетать его стороной. В настоящее время Администратор еще не сделал никакого официального заявления, но из достоверного источника в правительственных кругах нам стало известно: массовые аресты были проведены для того, чтобы ускорить расследование, в ходе которого Администрация рассчитывает раскрыть тайну Семей Говарда — методику продления до бесконечности человеческой жизни. По замыслу властей, решительные действия

по задержанию и перевозке всех членов объявленной вне закона группы должны сломить сопротивление ее лидеров, отказавшихся удовлетворить законные требования общественности. Это еще раз напомнит им: гражданские свободы, которыми наделен всякий добропорядочный гражданин, не следует использовать в качестве ширмы, за которой скрыто намерение нанести обществу непоправимый вред. Движимое и недвижимое имущество членов этого сообщества объявлено временно арестованным и поступает в распоряжение министра Народного Хозяйства, в ведомстве которого и будет находиться впредь до...

Лазарь выключил приемник. Вот свинство! Хотя что толку жалеть о том, чего не исправишь. Конечно, его тоже должны были взять, но ему удалось скрыться. Это факт. Если он тоже сдастся властям, родичам от этого не будет ни холодно ни жарко. Кроме того, он ничем не обязан Семьям, ни одной малостью...

Только к лучшему, что взяли всех разом и тут же поместили под стражу. Если бы принялись выкуривать по одному, могло бы случиться что угодно — вплоть до погромов и суда Линча*. Лазарь отлично знал: даже в самом цивилизованном обществе существует неявная склонность к насилию. Потому он и посоветовал Барстоу, во избежание кровопролития, собрать всех вместе: и самому Заку, и Администратору это все равно понадобится, если они действительно хотят претворить в жизнь свой план. Итак, дело уже запахло керосином, а он все еще жив и невредим.

Интересно, что же теперь с Заком? И как он расценивает исчезновение Лазаря? Он попытался представить, что должна думать о нем Мэри Сперлинг. Наверное, она была поражена, когда увидела его в обличье проктора. Лазарю вдруг захотелось разыскать ее и все объяснить. Не то чтобы он слишком близко к сердцу принимал мнение родичей о себе — скоро все они окажутся за много световых лет отсюда. Или будут уничтожены.

Он подсел к видеофону и вызвал почтовое отделение.

— Капитан Аарон Шеффилд,— представился он и назвал свой почтовый индекс.— Последний раз регистрировался на почте Порт-Годдарда. Не будете ли вы так любезны переслать мне мою корреспонденцию,— наклонившись пониже, он назвал код своего отеля.

— Конечно, капитан,— ответил клерк.— Сейчас сделаем.

— Спасибо.

На это дело потребуется часа два, решил Лазарь. Да еще полчаса на доставку, да еще часа полтора на то-се-пятое-десятое. Вполне можно подождать здесь, погони за ним нет. С другой стороны, никакой нужды сидеть в этом Уокигане тоже нет. Как только перешлют почту, надо взять билет и...

И что? Лазарь перебрал целую вереницу возможностей и понял, что в Солнечной системе нет ни одного места, куда бы ему хотелось отправиться.

Это его обеспокоило. Однажды он слышал, что потеря интереса к жизни — показатель переломного момента, решающий этап в борьбе анаболизма с катаболизмом, за которым и наступает старость. Внезапно он позавидовал обычным людям, «недолговечникам». О них, по крайней мере, хоть детишки позаботятся, а среди Семей сыновние чувства не культивировались: сложно поддерживать отношения такого рода в течение ста лет и даже больше. А дружба с «недолговечником» автоматически оказывалась делом мелким и скоропреходящим. Лазарю, например, совершенно не хотелось видеть кого бы то ни было.

Стоп! А тот плантатор на Венере, который знал так много песенок и был таким забавным, когда выпьет? Вот кого можно навестить! Путешествие на Венеру поможет как следует встряхнуться, хоть Лазарь и не питал к этой планете особых симпатий.

И вдруг Лазарь похолодел. Сколько же лет он не видел этого парня?! Неважно. В любом случае, он давным-давно в могиле...

Да, Либби был прав тогда, насчет необходимости нового типа ассоциативных воспоминаний для долгожителей. Остается лишь надеяться, что малыш не станет откладывать это дело в долгий ящик и даст ответ раньше, чем Лазарь. Он думал над этим еще несколько минут и только после этого вспомнил, что вроде бы больше не собирался встречаться с Либби.

Пришла почта, ничего стоящего не содержавшая, что вовсе не удивляло: Лазарь ни от кого не ждал писем. Рекламные кассеты сразу же отправились в утилизатор; только одно послание было удостоено внимания: ремонтная корпорация «Пан-Терра» уведомляла, что ремонт его универсального корабля «Ай-Спай»

завершен и судно, полностью подготовленное к запуску, переведено на стоянку в док. Следуя контракту, компания не касалась навигационного оборудования — не изменил ли капитан своего мнения на этот счет?

Лазарь решил забрать корабль попозже и отправиться на нем в космос — все лучше, чем торчать на унылой Земле.

Оплата счета и поиск машины заняли не больше двадцати минут. Поднявшись в воздух, он направил аппарат к Порт-Годдарду, во избежание проверки держась на самом низком уровне, предназначенном для местных маршрутов. Не то, чтобы он избегал полиции сознательно — вряд ли у них имелись основания разыскивать капитана Шеффилда; просто недоверие к властям вошло в привычку, а Порт-Годдард находился не так уж далеко.

Пролетая над Восточным Канзасом, Лазарь вдруг решил приземлиться. Отыскав городишко настолько крошечный, что в нем, скорее всего, и проктора не было, Лазарь отошел подальше от посадочной площадки и нашел будку видеофона. Некоторое время он размышлял, как бы лучше выйти на главу Федерации. Если просто вызвать Башню Новака и попросить соединить его с Администратором Фордом, его тут же переключат на Департамент Общественной Безопасности и начнут задавать неприятные вопросы — это уж обязательно.

Избежать этого можно только вызвав Департамент Безопасности самому и потом любыми способами добиться разговора с Главным Проктором. А после уж — действовать по обстоятельствам.

— Департамент Общественной Безопасности, вас слушают,— ответили с экрана.— Что вам угодно?

— Мое почтение,— свысока сказал Лазарь.— Говорит капитан Шеффилд. Дай мне Главного.

В голосе его не чувствовалось приказа — повиновение подразумевалось само по себе.

Короткая пауза.

— Какого рода дело?

— Я сказал: говорит капитан Шеффилд.

На сей раз в голосе Лазаря появилось раздражение.

Последовала еще одна пауза.

— Соединяю вас с кабинетом первого заместителя,— неуверенно ответили с экрана. На этот раз экран ожил:

— Слушаю вас,— внимательно разглядывая Лазаря, сказал первый зам.

— Дайте Главного — и поскорей!

— В чем дело?

— Да господи ты боже мой — дайте Главного! Говорит капитан Шеффилд.

Не следует винить первого зама в том, что он связал Лазаря с начальником. За последние сутки он ни на минуту не сомкнул глаз, а событий за это время произошло столько, что он просто не в состоянии был отреагировать правильно на все. Когда на экране появился Главный Проктор, Лазарь заговорил первым:

— Наконец-то! Ни разу еще не приходилось через такие заслоны продираться. Дайте мне Старика, да поживей! По вашей внутренней связи.

— Какого дьявола вам надо? Вы кто такой?

— Слушай, браток,— произнес Лазарь голосом смертельно уставшего человека,— если б не чрезвычайные обстоятельства, я бы ни за что не стал пробиваться сквозь ваш твердолобый департамент. Соедини меня со Стариком. Дело касается Семей Говарда!

Шеф полиции насторожился.

— Докладывайте.

— Знаешь,— устало сказал Лазарь,— я, конечно, понимаю, тебя хлебом не корми, дай Старику через плечо заглянуть. Но сейчас нет времени на проволочки! Если ты не поможешь мне, и я по твоей милости убью два часа, чтобы явиться к Старику лично,— пусть его. Но тогда он захочет знать, отчего так случилось,— и я не я буду, если не узнает. Можешь спорить на свой лучший парадный мундир.

Главный Проктор решил рискнуть и подключить этого настойчивого субъекта к трехсторонней связи. Если Старик не отключит этого шута через три секунды, будет ясно, что Проктор поступил правильно; в противном же случае всегда можно сослаться на ошибочное соединение. Проктор взялся за пульт.

Увидев на экране Лазаря, Администратор Форд был поражен.

— Вы? — воскликнул он.— Но как же... Или Заккур Барстоу...

— Заблокируйте канал! — перебил его Лазарь. Экран перед Главным Проктором потух; звук пропал. Так-так. Стало быть, у Старика все же имеется тайная разведка помимо Департамента... Интере-есно. Учтем.

Лазарь довольно быстро и откровенно рассказал, как ему удалось скрыться, и добавил:

— А ведь мог бы запросто исчезнуть навсегда. Еще и сейчас не поздно. Но прежде я хотел бы знать: ваша договоренность с Заккуром Барстоу еще в силе? Вы предоставите Семьям возможность эмигрировать?

— Да.

— А вы не думали, как перебросить сто тысяч человек на «Нью-Фронтирс», не раскрыв при этом себя? Сами понимаете, на ваших подчиненных полагаться нельзя.

— Понимаю. К сожалению, надежных людей найти нелегко.

— А я — как раз такой человек, какой здесь нужен. Дело в том, что я — единственный находящийся на свободе человек, которому вы оба можете доверять. А теперь слушайте.

Через восемь минут Форд, медленно кивнув головой, сказал:

— Да, пожалуй, получится. Во всяком случае, начинайте подготовку. В Порт-Годдарде вас будет ждать доверенность.

— А вам удастся найти подставное лицо? Я же не могу предъявить доверенность от вашего имени — поднимется много шуму.

— Ну, не следует считать меня глупее, чем я есть. Когда она попадет в ваши руки, то будет самым обычным банковским переводом.

— Извиняюсь. А как связаться с вами в случае надобности?

— Ах, верно. Лучше всего — по этому коду.— Форд медленно продиктовал Лазарю код.— Это — тот самый видео, что у меня на столе. Нет, не стоит записывать — лучше запомните.

— И еще. Как бы мне переговорить с Заккуром Барстоу?

— Через меня. Напрямую с ним можно связаться только через экстрасенса.

— Ладно, все равно я бы не смог повсюду таскать с собой экстрасенса. Я отключаюсь — до скорого!

— Удачи.

Выйдя из будки, Лазарь не спеша направился к машине. В приемах нынешней полиции он разбирался слабо и не мог знать в точности, успел ли Главный Проктор определить, откуда говорят с Администратором. Скорее всего, он уже знает, сам Лазарь на его месте постарался бы. И не исключено, что ближайший проктор уже взял его след, а раз так — пора делать ноги и следов, по возможности, не оставлять.

Он забрался в машину и устремился на запад, оставаясь на местном, неподконтрольном уровне, пока не вошел в тучу, закрывавшую весь западный горизонт. Здесь Лазарь развернулся и направился к Канзас-Сити, стараясь не превышать скорости и держаться так низко, как только позволяли правила воздушного движения. В Канзас-Сити он сдал машину и нанял наземное такси, доставившее его по контролируемой трассе в Джоплин. Там он сел на аэробус из Сент-Луиса, не покупая билета заранее, чтобы проследить за его маршрутом было невозможно, пока все бортовые документы не окажутся на Западном побережье. Уняв тревогу, он всю дорогу размышлял.

Сто тысяч человек, весом по сто пятьдесят — нет, даже сто шестьдесят фунтов каждый. Итого — что-то около восьми тысяч тонн. Пожалуй, «Ай-Спай» мог бы поднять с Земли такой груз, но тогда он станет очень неповоротливым. К тому же люди — весьма непростой груз. Конечно, «Ай-Спай» справится, но тогда они превратятся именно что в «простой груз»...

Значит, нужен другой транспорт.

Конечно, можно купить пассажирский корабль, который сможет доставить родичей на орбиту, по которой вращается «Нью-Фронтирс». Пассажирская служба Четырех Планет с радостью продаст, и недорого: в теперешней ситуации космические компании вынуждены покрывать издержки за счет продажи старых, не пользующихся популярностью кораблей. Но пассажирский корабль тоже не годится: власти тут же заинтересуются, для чего Лазарю такой корабль, и, что самое главное, с управлением он в

одиночку не справится. Согласно новому соглашению о космической безопасности пассажирские корабли управляются исключительно вручную — считается, ни одно автоматическое устройство не заменит человеческий мозг в критической ситуации.

Значит, корабль должен быть грузовиком.

И Лазарь знал, где такой найти. Несмотря на все старания землян перевести Лунные колонии на самообеспечение, Луна-Сити до сих пор импортировал куда больше, чем экспортировал. На Земле такое положение привело бы к необходимости гнать корабли назад порожняком. В космосе же — а особенно на Луне — куда выгодней пустить их на металлолом, чем жечь топливо впустую.

Прибыв в Годдард-Сити, Лазарь отправился на космодром, оплатил счета и принял отремонтированный «Ай-Спай», тут же заполнив требование на вылет к Луне в самое ближайшее время. Взлет ему разрешали лишь через два дня, однако Лазаря это не смутило. Он просто зашел в диспетчерскую и сказал, что прилично заплатит, если сможет взлететь пораньше. Через двадцать минут его известили, что он может отправиться сегодня вечером.

Оставшиеся несколько часов он провел в преодолении различных бюрократических препятствий и добывании бесконечных бумаг, необходимых для полета. Прежде всего он получил наличные по доверенности Форда. Поначалу он собирался использовать часть денег на то, чтобы кой-кого подмазать, но вскоре с удивлением обнаружил, что у него ничего не получается. Два столетия борьбы за выживание научили его давать взятки так же мягко и ненавязчиво, как делают предложение благородной леди. Но тут он совершенно неожиданно смог убедиться, что гражданские добродетели существуют на самом деле. Сотрудники космопорта, похоже, никогда не слыхали о барашке в бумажке и о том, что оформление различных документов, как правило, регулирует принцип: «не подмажешь — не поедешь». Эта неподкупность просто восхищала Лазаря, хоть он и не принадлежал к ценителям человеческих добродетелей — черт возьми, чем целый день заполнять идиотские бланки, куда как лучше посидеть с душой в «Небесных Вратах»!

Он даже согласился на инъекции, хоть мог бы сходить на «Ай-Спай» и принести справку о вакцинации, пройденной им две недели назад по прибытии на Землю.

Но все же, несмотря на все препоны, за двадцать минут до назначенного времени он уже сидел за пультом управления кораблем. Сумка его разбухла от громадного количества официальных бумаг, а желудок, напротив, съежился: за весь день в него попал лишь один-единственный сэндвич. Рассчитав S-траекторию Хохмена для взлета, он ввел данные в автопилот. Все зеленые огоньки на пульте горели — кроме одного, он зажжется, когда Лазарю дадут отсчет. Он ждал и был просто счастлив, как всегда перед стартом.

Тут его осенило. Лазарь потянулся, ослабив нагрудный ремень, достал руководство «Пилоту-околоземнику о возможных опасностях в космосе» и задумался.

Значит, так. «Нью-Фронтирс» стоит на кольцевой орбите с периодом обращения ровно двадцать четыре часа, находясь над меридианом сто шесть градусов западной долготы при нулевом наклоне к земной оси; приблизительное расстояние от центра Земли — двадцать шесть тысяч миль.

А почему бы не слетать туда сейчас — на разведку?

«Ай-Спай», с полными баками и без груза, вполне мог доставить его туда. Конечно, у него разрешение на вылет в Луна-Сити, а не к звездолету, но Луна сейчас почти в том же направлении, такое небольшое отклонение от курса вряд ли будет заметно с Земли. Конечно, после того, как проанализируют запись показаний навигационного оборудования, Лазарю влепят строгий выговор, а может быть, и отберут на время лицензию. Однако он никогда не питал почтения к правилам дорожного движения, а знать о звездолете побольше вовсе нелишне.

Он ввел задачу в компьютер. Зная параметры орбиты, все остальное Лазарь мог проделать с закрытыми глазами: маневры подхода к спутнику любой пилот знает назубок, а уж касательную траекторию к геостационарному спутнику даже стажер наизусть знает. Скормив автопилоту результаты вычислений, Лазарь стал слушать отсчет. Закончив все расчеты за три минуты до взлета, он снова

пристегнулся и расслабился. Ускорение вдавило его в кресло, а перейдя в свободный полет, Лазарь определил свои координаты и вектор направления; удовлетворенный, заблокировал пульт, установил радар на случай встречи с другим кораблем и уснул.

6

Часа через четыре Лазаря разбудил сигнал тревоги. Он выключил радар, но динамик продолжал голосить — при взгляде на экран стало ясно, почему. На траверзе находился гигантский цилиндр «Нью-Фронтирс». Лазарь пошел на сближение, переключившись на ручное управление и не обращая внимания на курсовой компьютер. Не успел он закончить маневр, как засигналило переговорное устройство. Он нажал кнопку автопоиска, и через несколько секунд на экране появилось чье-то лицо.

— Вас вызывает «Нью-Фронтирс». Сообщите данные о вашем судне.

— Частное судно «Ай-Спай», капитан Шеффилд. Передайте поклон вашему командиру и скажите-ка: могу ли я подняться на борт и нанести ему визит?

Гости на «Нью-Фронтирс» оказались кстати. Постройка звездолета была окончена, осталось лишь сдать его приемной комиссии. Бригады собиравших его монтажников уже отбыли на Землю; теперь на борту находились лишь представители фонда Джордана да с полдюжины инженеров, торчавших на корабле еще со времени его закладки. Горстка смертельно надоевших друг другу людей была измучена вынужденным бездельем; они страшно боялись, что на корабле придется задержаться дольше положенного, а значит, позже вернуться к земным удовольствиям. Посетитель же обещал приятное разнообразие.

В шлюзе звездолета Лазаря встретил главный инженер, фактически выполнявший во время строительства обязанности капитана. Представившись, он предложил Лазарю небольшую экскурсию по звездолету. Они проплыли мили бесконечных

коридоров, осмотрели лаборатории, кладовые, библиотеки с сотнями тысяч заполненных кассет, акры гидропонных оранжерей с овощами и растениями, восстанавливающими кислород, а также — удобные, просторные, можно даже сказать, роскошные каюты для экипажа численностью в 10 000 человек.

— Экспедиция на «Авангарде» была слишком малочисленной,— объяснил инженер-капитан.— Социодинамики высчитали, что наш экипаж сможет поддерживать — в основных чертах — современный культурный уровень.

— Слабо верится,— усомнился Лазарь.— Неужели в мире всего десять тысяч профессий?

— Ну конечно же, нет! Но экипаж, предположительно, будет сформирован из представителей всех направлений науки и искусства. А уже в процессе развития колонии, с помощью справочной литературы, можно будет специализироваться в любой области — от бальных танцев до художественного ткачества. Основная идея именно такова. Меня, честно говоря, все это мало касается, однако предмет, несомненно, весьма интересен для специалиста.

— А вы очень хотите поскорее стартовать? — спросил Лазарь.

Инженер был шокирован:

— Я?! Вы что, думаете, я собираюсь лететь в этой штуке? Я, знаете ли, инженер, а не безмозглый идиот!

— Извините.

— Конечно, я ничего не имею против космических полетов, но только тогда, когда они преследуют некую разумную цель. В Луна-Сити я бывал уж и не помню сколько раз, и был еще однажды на Венере. Но не думаете ли вы, что человек, построивший «Мэйфлауэр»*, обязательно должен был плыть на нем в Америку? На мой взгляд, все эти добровольцы не свихнутся в полете только потому, что они от рождения не в своем уме.

Лазарь переменил тему. Они не стали задерживаться ни в двигательном отсеке, ни в бронированном помещении гигантского масс-конвертера, поскольку Лазарь узнал, что там все полностью автоматизировано. Возможность с помощью парастатики обходиться без движущихся частей делала устройство машин

крайне занятным, но не более, а стало быть, это могло подождать. Лазарю не терпелось осмотреть рубку управления — в нейто он и задержался, дотошно вникая во все тонкости, пока радушный хозяин не заскучал.

Наконец Лазарь отвязался от него — не потому, что боялся надоесть, просто полученной информации было достаточно, чтобы рискнуть взяться за управление самому.

До возвращения на свой корабль он успел узнать еще две важные вещи. Во-первых, через девять дней дежурная группа отправлялась на уик-энд на Землю, после чего на корабль должна была прибыть приемная комиссия. Значит, целых три дня на корабле будет разве что дежурный радист. Настаивать на деталях Лазарь, во избежание подозрений, не стал. Охранять звездолет, судя по всему, не собирались — с тем же успехом можно охранять Миссисипи.

А во-вторых, Лазарь разнюхал, как без посторонней помощи попасть в звездолет снаружи — эти сведения он почерпнул из наблюдений за почтовой ракетой.

В Луна-Сити Лазаря тепло приветствовал Джозеф Макфи, представитель «Диана Терминал Корпорейшн», дочернего предприятия «Диана Фрайт Лайнз».

— А, входите, капитан! Присаживайтесь. Что будете пить?

Говоря это, он уже наполнял гостю стакан не облагаемой налогом жидкостью для разбавления красок, продукцией собственного перегонного аппарата.

— Сколько ж это мы с вами не виделись?! Откуда на сей раз в наши палестины? Что новенького в мире?

— Из Годдарда,— приветливо откликнулся Лазарь и выдал анекдот о том, что ответил некий капитан некоей особо важной персоне. Макфи ответил историей о старой деве в невесомости — Лазарь сделал вид, что слышит ее впервые. Разговор перешел на политику, и Макфи тут же изложил Лазарю единственно верное, по его мнению, решение европейского вопроса. Дело заключалось в том, что принципы Ковенанта не должны распространяться на культуры, не достигшие определенного уровня технического развития.

Лазарю на все это было плевать, но он знал, что Макфи не следует торопить. В нужных местах он кивал, поглощал подносимые порции адской смеси и ждал, когда же наступит время переходить к делу.

— Джо, там у твоей компании нет нынче кораблей на продажу?

— Кораблей?! Что я слышу? Да сейчас их просто завались! Такого застоя в делах уже лет десять не было. Так тебе корабль нужен? Могу предложить за умеренную цену!

— Может, и куплю. Смотря что предложишь.

— Да ты только скажи, что тебе надо! Такого спада в торговле еще не бывало — иногда в неделю ни одного кредита не заработаешь!

Макфи сдвинул брови.

— А знаешь, почему? Все эти Семьи Говарда! Никто не хочет выкладывать денежки, пока не будет ясно, чем все кончится! Как же можно строить планы, если неизвестно — на десять лет вперед рассчитывать или на все сто? Попомни мои слова: если власти все-таки вытянут тайну из этих ребят, в капитальных вложениях начнется чудовищный бум! А если нет... Долгосрочные вложения гроша ломаного не будут стоить. Тут начнется: ешь-пей-веселись, жизнь коротка... Такой бардак начнется — куда там Реконструкции.— Он снова нахмурился.— Так что за железяка тебе нужна?

— Не железяка. Мне нужен приличный корабль.

Макфи поднял брови:

— Вот оно как? Так какой же?

— Точно сказать не могу. Может, выкроишь время, и вместе поглядим?

Надев скафандры, они вышли из купола через Северный туннель и отправились на космодром — длинными лунными прыжками. Лазарь приметил два корабля с достаточной грузоподъемностью и вполне просторных. Один — танкер — явно обошелся бы дешевле, но после некоторых подсчетов оказалось, что палубного пространства на сто тысяч пассажиров не хватит. Другой корабль был постарше, с капризными поршневыми приводами, зато рассчитан был на грузы любого характера. Грузоподъемность его даже превышала необходимую, но это и к

лучшему — увеличивалась маневренность, что в критической ситуации могло сыграть решающую роль.

А с двигателями он справится, не такую видали рухлядь!

Лазарь уточнил условия, немного поторговался — не ради экономии, а чтобы не вызвать подозрений слишком быстрым согласием. В конце концов была заключена сложная сделка: Макфи брал себе «Ай-Спай», и Лазарь передавал ему все документы на полное владение кораблем, выкупленным и незаложенным. Расплачивался же Макфи платежным поручительством, не обеспеченным счетом в банке. Затем Лазарь становился законным владельцем грузовика, оплатив его стоимость тем же самым необеспеченным платежным поручительством и добавив некоторую сумму наличными. В свою очередь Макфи получал право заложить «Ай-Спай» в центральном расчетном банке Луна-Сити и использовать полученную ссуду плюс Лазаревы наличные, для того чтобы обеспечить свое собственное поручительство — надо думать, до аудирования своего банковского счета, хотя об этом скользком обстоятельстве Лазарь упоминать не стал.

Это не было взяткой в прямом смысле слова. Просто-напросто Лазарь воспользовался давней мечтой Макфи о собственном корабле и тем, что тот считал «Ай-Спай» одним из идеальных вариантов: на нем всегда можно было отправиться куда-нибудь по делам или на отдых. Итак, Лазарь оценил свой корабль достаточно низко, чтобы Макфи мог купить его; к тому же о сделке, провернутой таким образом, он уж точно не станет распространяться — во всяком случае, пока не обеспечит свое платежное поручение. Чтобы слегка запудрить этому хитрецу мозги и отвести возможные подозрения, он посоветовал Макфи внимательнее следить за торговлей табачными изделиями. В результате Макфи был твердо убежден, что новое загадочное предприятие капитана Шеффилда каким-то образом связано с Венерой — единственным приличным рынком сбыта подобных товаров.

Лазарь мог лететь уже через четыре дня, для чего ему пришлось раскошелиться на солидные премии и сверхурочные, но в результате он стал полноправным владельцем «Сити-оф-Чилликоти». Провожая взглядом огни Луна-Сити, он сократил это название, переименовав корабль в «Чили» — во славу своего

любимого блюда, которого он давненько уже не едал: крупные красные бобы, много едкого молотого перца «чили» и крупно нарезанные куски мяса — настоящего, а не этой синтетической пакости. При одном воспоминании слюнки текут.

Как же мало осталось в жизни удовольствий...

Приблизившись к Земле, он вызвал службу контроля и запросил стоянку на орбите, так как не хотел сажать «Чили»: лишний расход горючего и совершенно лишнее внимание. Можно было выйти на орбиту и без разрешения, но тогда возрастал риск, что в его отсутствие корабль засекут, проверят и отметят, как покинутый. Лучше не полениться и выполнить все формальности.

Выйдя на указанную орбиту, Лазарь стабилизировал корабль, настроил идентификатор на самого себя, проверил, отзовется ли на его сигнал радар и отправился в Порт-Годдард на маленькой шлюпке. На сей раз все необходимые бумаги были с ним. Разрешив опломбировать шлюпку на месте посадки, он миновал таможню и быстро прошел все формальности. Теперь следовало добраться до ближайшего видеофона и связаться с Заком и Фордом — а после, если хватит времени, отыскать место, где готовят настоящий чили. Связываться с Администратором из космоса он не хотел: тут нужна ретрансляция, а оператор станции мгновенно забыл бы про права и свободы абонентов, услышав, что речь идет о Семьях Говарда.

Администратор ответил на вызов сразу же, хотя в его часовом поясе был поздний вечер. Под глазами Форда темнели круги — похоже, он почти не вставал из-за рабочего стола.

— Хай,— сказал Лазарь,— давайте сразу подключим к нам и Зака. У меня есть новости для вас обоих.

— Значит, явились,— хмуро буркнул Форд.— Я уж и не надеялся. Где вас черти носят?

— Я покупал корабль,— ответил Лазарь,— и вы отлично это знаете. Давайте сюда Барстоу.

Форд нахмурился, но повернулся к пульту. Экран разделился пополам; на одной половине возникло лицо Барстоу. Казалось, увидев Лазаря, он удивился, но облегчения не испытал.

— Что стряслось? — быстро спросил Лазарь.— Форд не сказал тебе, чем я занимаюсь?

— Сказал,— ответил Барстоу,— но ведь мы не знали, где ты. Время идет, ты не появляешься. Мы уж решили, что никогда больше тебя не увидим.

— Черт бы вас всех взял,— возмутился Лазарь,— ты прекрасно знаешь, я никогда так не сделаю! В общем, я нашелся, и слушай сюда.— Он рассказал о «Чили» и своем визите на «Нью-Фронтирс».— Значит, так. В эти выходные я приведу «Чили» к вам, мы погрузим всех на борт, отправимся на «Нью-Фронтирс», займем его и стартуем. Господин Администратор, тут требуется ваша помощь. Нужно, чтобы прокторы отвернулись, пока я сажаю корабль и мы в него грузимся. Потом придется как-то проскочить космические патрули. И лучше, чтобы вблизи «Нью-Фронтирс» не оказалось ни одного боевого корабля, который мог бы прийти на выручку: если вахтенный пошлет сигнал бедствия раньше, чем мы сможем ему помешать.

— Я тут совершенно случайно кое-что предусмотрел,— раздраженно сказал Форд.— Я предвидел, что вам понадобится отвлечь охрану, чтобы появился хоть один шанс на успех. Но этот план, в лучшем случае, фантастичен.

— Не так уж он фантастичен,— взвился Лазарь,— если только вы с вашими жутко чрезвычайными полномочиями подсобите.

— Допустим. Однако нам нельзя ждать еще четыре дня.

— Это почему?

— Ситуация этого уже не позволяет.

— И мне тут не лучше,— вклинился Барстоу.

Лазарь перевел взгляд на него:

— Что там у тебя стряслось?

Оказалось, стряслось следующее. Форд и Барстоу решили, что задача, за которую они взялись, не решается. Они затеяли сложный тройной обман, то есть должны были представлять поразному положение для Семей, для публики и для Синедриона. В каждом случае возникали особые и совершенно неодолимые препятствия.

Форд не мог положиться ни на кого: даже самый надежный из его помощников мог быть одержим идеей мифической вечной молодости. Проверить это было невозможно, а в случае не-

удачи вся конспирация пошла бы псу под хвост. Кроме того, Форду постоянно приходилось уверять Синедрион в том, что принятые им меры единственно правильные и наиболее полно отвечают пожеланиям означенного Синедриона.

Помимо этого, существовала настоятельная необходимость в ежедневных публикациях, чтобы убедить граждан в том, что правительство всерьез намерено предоставить им секрет вечной жизни. И с каждым днем сводки должны становиться все подробнее, а ложь в них все изощреннее. Люди начинали понемногу волноваться; налет цивилизованности постепенно улетучивался, общество превращалось в толпу.

Синедрион чувствовал это, и Форду уже дважды приходилось ставить вопрос о доверии. В последний раз его спасли лишь два голоса.

— Следующего голосования мне не выдержать. Надо спешить.

У Барстоу имелись другие, не менее удручающие проблемы. Ему следовало подготовить к исходу сто тысяч человек, значит, без доверенных лиц было не обойтись. И дабы исчезнуть быстро и тихо, они должны понимать, что происходит. Тем не менее, он не решался раскрыть правду раньше времени — среди его доверенных вполне могли оказаться глупцы или упрямцы, а одного идиота вполне достаточно, чтобы провалить все, стоит лишь проболтаться.

Вместо этого ему пришлось искать достойных доверия лидеров, убеждать их и надеяться, что они сумеют убедить остальных. Таких «пастухов» требовалось около тысячи, ради уверенности, что в нужный момент люди последуют за ним. Но число это было весьма велико, и, в строгом соответствии с законом больших чисел, следовало ожидать неприятностей хотя бы в одном случае.

Мало того. Верные люди нужны были еще для одного дела. Совместно с Фордом он разработал план, довольно хлипкий, однако позволяющий выиграть немного времени. Разглашая в минимальных дозах сведения о том, как избавиться от признаков надвигающейся старости, они делали вид, что все это в сумме и даст «тайну вечной молодости». Чтобы этот обман успешно претворился в жизнь, Барстоу нуждался в помощи химиков,

гормонотерапевтов, специалистов по симбиотике и метаболизму, а также многих других умудренных родичей. Их же, в свою очередь, на случай допроса с пристрастием, должны были подготовить самые опытные психотехники. Гипноблокада такого рода гораздо сложнее обычного блока молчания. До сих пор методика работала неплохо, однако избегать противоречий, растущих, как снежный ком, с каждым днем становилось все труднее.

Барстоу больше не в силах был везти этот воз. Большинство родичей, не осведомленных о сути происходящего, все явственнее выходило из повиновения, и куда быстрее, чем граждане Федерации. Они были страшно недовольны происходящим и ждали от власть имущих решительных мер. Освобождение — и немедленно!

В общем, влияние Барстоу на Семьи таяло чуть ли не быстрее, чем власть Форда.

— Поэтому,— заключил Форд,— о четырех днях и речи быть не может. У нас всего двенадцать часов; ну, самое большее, сутки. Синедрион собирается завтра в полдень.

Барстоу нервничал.

— Я не уверен, что смогу за это время всех подготовить! Возможно, возникнут неудовольствия.

— Об этом не беспокойтесь,— рыкнул Форд.

— Почему?

— Потому что те, кто останутся, умрут. Это в лучшем случае.

Барстоу отвел взгляд. Наконец-то было сказано вслух: они затеяли не просто невинное политическое жульничество, но — отчаянную и почти безнадежную попытку избежать массовых убийств; Форд же при этом находится по обе стороны баррикад.

— Ладно,— сказал Лазарь,— раз вы обо всем договорились, давайте действовать. Я посажу «Чили» в...— он припомнил орбитальное положение корабля, прикинул, когда сможет до него добраться и сколько времени уйдет на снижение,— скажем, в двадцать два по Гринвичу. Для верности добавим еще час. Как насчет семнадцати часов завтра по времени Оклахомы? Собственно, это уже сегодня.

Собеседники вздохнули с облегчением.

— Отлично,— сказал Барстоу,— сделаю все, что смогу.

— Ладно,— подытожил Форд.— Если раньше нельзя...— Он на секунду задумался.— Я удалю из зоны всех прокторов и правительственных служащих, так что вы останетесь одни. Как только ворота за ними закроются, можете объяснить людям все, как есть.

— Да. Я сделаю все, что в моих силах.

— Что там у нас еще? — спросил Лазарь.— Да, вот. Зак, лучше бы заранее выбрать место для посадки, а то мой выхлоп поджарит кучу народа.

— А, верно. Заходите с запада, я зажгу стандартный пиросигнал. Идет?

— Идет.

— Ничего подобного,— сказал Форд,— тут нужен приводной сигнал.

— Хрен с ним,— отмахнулся Лазарь,— я могу хоть на макушку статуи Вашингтона сесть.

— Это уж вы в другой раз. Приготовьтесь к погодным сюрпризам.

Приблизившись к точке рандеву, Лазарь послал сигнал. К его великой радости «Чили» отозвался — чиненой-перечиненой аппаратуре Лазарь не доверял ни на грош, а на долгие поиски корабля времени просто не было.

Приблизительно определив направление, он включил тягу, вскоре затормозил и оказался на месте на три минуты раньше намеченного; ввел шлюпку внутрь корабля и направился в рубку. Снижение, вход в стратосферу и облет двух третей земного шара прошли по плану. Часть времени он использовал для смягчения маневров: изношенные двигатели не стоило перегружать без надобности. В тропосфере он пошел на снижение; корпус корабля нагрелся, но пока что температура была терпимой. Только сейчас он понял, что Форд имел в виду под «погодными сюрпризами»: Оклахома и половина Техаса были плотно затянуты тучами. Лазарь удивился, но в то же время остался доволен. Он вспомнил те времена, когда погодой еще не умели управлять. Вообще, жизнь утратила львиную долю своей прелести с тех пор, как стали регулировать погоду. Хорошо бы у погоды их будущей планеты оказался дикий и строптивый нрав!

Вскоре он вошел в тучи. Тут стало не до размышлений. Корабль, несмотря на основательность конструкции, жалобно стонал. А, вот оно что! Наверное, Форд заказал всю эту кашу к началу операции — значит, у интеграторов где-то должна быть область пониженного давления.

В эфире раздавались дикие вопли оператора контроля. Отключив коммуникатор, Лазарь сосредоточился на посадочном радаре и призрачных изображениях на экране, сравнивая данные с показаниями инерционного датчика. Корабль миновал длинноющий шрам, прорезавший поверхность земли — развалины города-дороги Окла-Орлеан. Когда Лазарь был здесь в последний раз, в этом мегалополисе бурлила жизнь. Наверное, из всех механических монстров, сотворенных человеком, этот динозавр был самым большим и нелепым.

Размышления Лазаря прервал вой сигнала — корабль поймал приводной луч.

Лазарь пошел на посадку. Едва опоры заскрежетали о землю, он остановил двигатели. Громадные грузовые люки медленно распахнулись; в трюм ворвались косые струи дождя.

Элеонора Джонсон пригнулась, стараясь преодолеть порывы ветра, и поплотнее укутала полой плаща ребенка, которого несла на руках. Когда разразилась буря, ребенок заплакал; непрестанный плач ужасно действовал ей на нервы. Теперь малыш притих, но от этого ее беспокойство лишь усилилось.

Она и сама плакала, хоть старалась держаться. Такого шторма она не видела за все свои двадцать семь лет; буря казалась ей воплощением всего, что перевернуло ее жизнь, оторвало от родного дома, лишило уютного домашнего очага, чистенькой кухоньки, плиты, на которой она могла готовить, когда захочется и без всякой очереди. Буря была точно грозный лик несчастья, вырвавшего ее из привычной жизни. Ее, как какую-нибудь преступницу, арестовали и, под конвоем двух прокторов, привезли в холодную, глинистую Оклахому.

Да уж не сон ли это? Может ли такое быть на самом деле? Может, она еще не родила своего малыша, а все это — один из дурных снов, как часто бывает при беременности?

Однако дождь был слишком холоден; гром просто оглушал — будь это сном, она непременно проснулась бы. А значит, то, что сказал Старший Поверенный, тоже не может быть сном: она своими глазами видела посадку корабля; яркое пламя, бьющее из дюз, освещало всю округу. Сейчас корабля было почти не видно, но толпа вокруг медленно двигалась вперед — значит, корабль где-то там. Она шла среди последних, и, вероятно, взойдет на борт в последнюю очередь.

Но попасть туда очень нужно: старейшина Заккур Барстоу с глубокой печалью поведал всем, что ожидает тех, кто останется на Земле. Она верила ему, но все же никак не могла смириться с мыслью о том, что на свете существуют закосневшие в ненависти люди, жаждущие крови таких слабых и беспомощных созданий, как она и ее маленький...

Элеонору охватил панический страх. А вдруг на корабле не хватит места для них с малышом? Она еще крепче прижала к себе ребенка и так стиснула его, что он опять заплакал.

Сквозь толпу к ней пробралась одна из женщин:

— Устала? Давай пока я ребенка понесу.

— Нет. Нет, спасибо. Со мной все в порядке.

Сверкнула молния. При ее свете Элеонора узнала женщину — это была старейшина Мэри Сперлинг. Ее негромкий голос привел Элеонору в чувство. Теперь она знала, что делать. Если для нее на корабле не хватит места, она передаст ребенка по рукам, над головами толпы. В этом ей не смогут отказать, неужели же на корабле не найдется места для ее крохи?!

Ее влекло вперед — толпа снова двинулась.

Увидев, что погрузка закончится через несколько минут, Барстоу покинул свой пост у одного из грузовых люков и со всех ног помчался к радиорубке, оскальзываясь на мокрой глине. Форд просил предупредить о готовности к старту — это было необходимым звеном в его плане. С трудом отворив дверь, Барстоу вбежал в рубку, набрал код и нажал кнопку.

Ответили ему сразу же, однако появившееся на экране лицо не было лицом Форда.

— Где Администратор? Мне необходимо с ним переговорить...

И тут Барстоу узнал человека на экране. Лицо его знали почти все — оно принадлежало лидеру оппозиции Борку Вэннингу.

— Вы и говорите с Администратором,— холодно усмехнулся Вэннинг.— С новым Администратором. А кто вы такой? Чего вы хотите?

Барстоу возблагодарил всех нынешних и почивших богов за то, что остался неузнанным, одним ударом прервал связь и вылетел наружу.

Два грузовых люка уже были закрыты; последние беглецы поднимались на борт через два остальных. Барстоу, руганью и проклятьями подгоняя отстающих, забрался в корабль последним и, шатаясь от усталости, кинулся в рубку управления.

— Поднимайте корабль! — крикнул он.— Скорее!

— Чего шумишь? — спросил Лазарь, торопливо закрывая и герметизируя люки. Он включил предупреждающий сигнал, подождал еще десять секунд и запустил двигатели.

Через шесть минут Лазарь, как ни в чем не бывало, сказал:

— Что же, надеюсь, все улеглись. Если нет, значит, кто-то переломал себе кости. Так что ты там говорил?

Барстоу рассказал о том, что вышло из его попытки связаться с Фордом. Лазарь заморгал и просвистел несколько тактов из «Фазана на лугу».

— Да, времени у нас еще меньше, чем я думал. Очень на то похоже.

Он замолчал и сосредоточился на показаниях приборов, одним глазом следя за курсовым компьютером, другим — за кормовым радаром.

7

От управления Лазарь не мог оторваться ни на секунду. Чтобы правильно подойти к «Нью-Фронтирс», требовалось все его мастерство плюс неослабное внимание. Двигатели работали на пределе; корабль выкидывал коленца, которым позавидовал бы жеребенок. И все же Лазарь справлялся. Магнитные якоря легли точно, шлюзы соединились герметичными переборками. По барабанным перепонкам словно щелкнули — давление внутри кораблей уравнялось. Лазарь нырнул в люк на полу, ловко подтянулся на руках к шлюзовой камере и увидел, что с «Нью-Фронтирс» на него смотрит капитан-инженер. Приглядевшись, тот сказал:

— Как, опять вы? Какого дьявола ваша посудина не отвечает на вызовы? Сюда нельзя причаливать без разрешения — здесь частная собственность. Что все это значит?

— Это значит, что вам и вашим парням придется отправиться на Землю чуть раньше. А вот и корабль.

— Что за бред!

— Браток,— сказал Лазарь, в чьей руке вдруг появился бластер,— ты так любезно меня принимал, что не хотелось бы причинять тебе вред. Однако придется, если вы не уберетесь отсюда. И чем скорее, тем лучше.

Инженер не верил своим глазам. За спиной у него собралось несколько его подчиненных, один из них круто развернулся, пытаясь уйти. Лазарь тут же выстрелил ему по ногам, переключив бластер на минимальную мощность. Тот дернулся и затих.

— Придется вам о нем позаботиться,— сказал Лазарь.

Теперь все было решено. По системе внутренней связи инженер созвал своих людей к пассажирскому люку, а Лазарь считал их. Должно быть двадцать девять — это он запомнил во время своего недавнего визита. Он приставил по два человека к каждому из пленных, а сам осмотрел того, в которого стрелял.

— Цел,— наконец констатировал он,— а вы, когда переберетесь на наш кораблик, смажьте ему ноги чем-нибудь от радиации — аптечка в рубке, справа от пульта.

— Да это же пиратство! Вам это так не пройдет!

— Может быть,— согласился Лазарь.— А может, и нет.

Он переключился на высадку беглецов:

— Пошевеливайтесь там! Время не ждет!

«Чили» пустел медленно. Люк был только один; задние вдавливали передних в шлюз, те влетали на борт «Нью-Фронтирс», как пробка из бутылки.

Большинство впервые попали в невесомость, поэтому, оказавшись в просторных коридорах, люди мигом теряли ориентацию. Лазарь старался навести порядок, хватая тех, кто держался поувереннее, и посылая на помощь потерявшим равновесие — их нужно было оттащить подальше от шлюза, чтобы очистить дорогу для многих тысяч оставшихся. Когда помощников набралось около дюжины, из люка показался Заккур Барстоу. Лазарь тут же сцапал его и приставил следить за порядком:

— Делай, что хочешь,— только не давай им тормозить. Я иду на нос, в рубку управления. Увидишь Энди Либби, передай, что он мне нужен.

Из потока людей выбрался человек и подошел к Барстоу:

— Там какой-то корабль хочет приклеиться к нашему. Я в иллюминатор увидел.

— Где? — всполошился Лазарь.

В корабельной терминологии человек был слабоват, но в конце концов Лазарь его понял.

— Я скоро вернусь,— сообщил он Барстоу.— Только следи, чтобы эти не тормозили, а вон те не удрали.

Сунув бластер в кобуру, он сквозь толпу пробился обратно на «Чили».

Третий люк, похоже, и был именно тем, о котором говорил человек. В крышке его имелся забранный бронестеклом иллюминатор. Выглянув в него, Лазарь увидел вместо звезд освещенное пространство. К люку пришвартовался корабль.

Команда его либо еще не пыталась проникнуть на «Чили», *либо не знала, как это сделать. Люк изнутри не запирался* — в этом не было надобности. Он с легкостью открывался в любую сторону, стоило только уравновеситься давлению с обеих сторон — а датчик возле люка именно это равновесие и показывал.

Лазарь был озадачен.

Оставалось только гадать — что это: патрульный корабль, крейсер, или что-нибудь еще. Во всяком случае, появился он совсем некстати. Но почему же они не откроют люк и не войдут? Лазарь боролся с искушением запереть люк, заблокировать все остальные входы, закончить посадку и попытаться улететь.

Но любопытство, унаследованное от предков-обезьян, пересилило — он просто не мог отвернуться от того, чего не понимал. Лазарь решил пойти на компромисс. Задвинув засов, который теперь не давал открыть люк снаружи, он осторожно заглянул в иллюминатор.

Прямо на него смотрел Слэйтон Форд.

Опешив на секунду, Лазарь отодвинул засов и открыл люк, затаясь сбоку и приготовив бластер и нож.

В корабль вошел человек. Убедившись, что это именно Форд, Лазарь захлопнул люк, задвинул засов и направил на нежданного гостя бластер.

— Какого черта? — спросил он.— Что вас сюда принесло? Кто еще с вами? Патруль?

— Я один.

— Что-о?

— Я хочу лететь с вами... если возьмете.

Лазарь молча смотрел на него. Снова припав к иллюминатору, он стал пристально разглядывать все, что попадало в поле зрения. Форд, кажется, не врал: больше с той стороны никого не было. Но Лазаря поразило не это.

У корабля Форда не было шлюза — только простой люк, позволявший разве что перейти на большой корабль. Перед глазами Лазаря была рубка управления. Похоже... да, верно, это — «Джойбот-Юниор», крошечная стратояхта, пригодная лишь для полетов в стратосфере; самое большее — для визитов на спутники, если там есть чем дозаправиться перед возвращением.

Здесь не было подходящего для яхты топлива. Какой-нибудь суперпилот с молниеносной реакцией, пожалуй, смог бы посадить эту игрушку и уцелеть, если бы сумел постепенно снизить скорость, погружаясь в атмосферу и снова из нее выныривая, да притом внимательно следя за температурой обшивки. Лазарь бы, например, не решился. Он обратился к Форду:

— А если не возьмем? Как вы хотели назад возвращаться?

— А я не собирался возвращаться,— ответил Форд.

— Хм-м-м... Ладно, давайте — что там стряслось? Только скорее; времени нет.

Форд сжег за собой все мосты. Несколько часов назад его отстранили от власти, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: как только вся правда всплывет, его ждет пожизненная ссылка в Ковентри, если до того не разорвет на куски разъяренная толпа или не сделает кретином допрос с пристрастием. Бегство Семей было тем перышком, что сломало шею верблюда: Форд больше не в силах был контролировать ситуацию. Синедрион не стал слушать его объяснений. Форд пробовал выдать бурю и удаление прокторов за попытку сломить дух долгожителей, но это выглядело не слишком правдоподобно. Приказ всем патрульным кораблям не приближаться к «Нью-Фронтирс» никто не додумался связать с Семьями, однако явное отсутствие мотива во всех этих распоряжениях было тут же подмечено оппозицией и обращено против него. Его пытались поймать на чем угодно: один из вопросов, заданных ему на заседании, касался суммы, выплаченной из чрезвычайного фонда некоему капитану Аарону Шеффилду; действительно ли эти деньги были потрачены на благо общества?

Лазарь выпучил глаза:

— То есть за мной был хвост?!

— Ну, не совсем. Иначе бы вас здесь не было. Но все же они были достаточно близко. Вероятно, большинство моих людей им помогало.

— Да уж... Но все-таки мы своего добились; жалеть не о чем. Идемте. Как только последний из наших перейдет на звездолет, мы стартуем.

Лазарь направился к шлюзу.

— Значит, мне можно лететь с вами?

Приостановившись, Лазарь повернулся к Форду:

— Ну, а как же?

Вначале он хотел отправить Форда назад с «Чили». Изменить решение его подвигло не чувство признательности, а элементарное уважение. Едва покинув свой кабинет, Форд помчался в Порт-Хаксли, что к северу от Башни Новака, получил разрешение на вылет к спутнику-курорту «Монте-Карло», но вместо этого полетел на «Нью-Фронтирс». Это понравилось Лазарю. Игра ва-

банк требует смелости и твердого характера — качеств, встречающихся не так уж часто. Вперед, без оглядки — и черт с ним, что собаку не выгуливал!

— А как же? — еще раз повторил Лазарь.— Мы с вами — одной крови, Слэйтон.

«Чили» опустел уже больше, чем наполовину, но у шлюза все еще бурлила толпа. Лазарь, торопясь, пробивался на «Нью-Фронтирс», стараясь, однако, не задевать женщин и детей. Форд крепко держался за его пояс. Перейдя на борт звездолета, Лазарь нос к носу столкнулся с Барстоу; тот изумленно вытаращился.

— Да, да,— подтвердил Лазарь,— не обознался. Да не пялься ты так — неудобно. Он летит с нами. Либби где?

— Я здесь.— Либби выбрался из толпы и подобрался к ним с легкостью человека, привычного к невесомости. На запястье его болтался небольшой пакетик.

— Отлично, не пропадай пока. Зак, сколько там еще осталось?

— Черт его знает! Поди сосчитай. Еще на час, наверное.

— Постарайся поскорей. Поставь кого поздоровее у люка — пусть подгоняют. Нам надо закончить быстрее, чем это возможно. Я в рубку; как только все будет готово, сразу меня извести. Энди, Слэйтон, пошли!

— Лазарь...

— Погоди, Энди, в рубке поговорим.

Форда Лазарь прихватил потому, что не знал, как с ним быть,— к тому же его лучше держать подальше от посторонних глаз — до того, как будет изобретена убедительная причина его присутствия. Пока что никто не обратил на него внимания, но едва все утрясется, его немедленно узнают и потребуют объяснений.

От шлюза до рубки было около полумили. Лазарь помнил, что туда ведет движущаяся дорожка, но искать ее времени не было; он просто пошел вперед по первому попавшемуся коридору. Стоило им выбраться из толчеи, скорость заметно возросла, несмотря на то, что Форд, в отличие от своих спутников, к невесомости был непривычен.

Попав в рубку, Лазарь принялся объяснять Либби весьма совершенную, но не совсем обычную систему управления. Либби был

восхищен и тут же стал пробовать ее на холостом ходу. Лазарь обратился к Форду:

— Ну, а ты, Слэйтон? Еще один пилот нам не помешает.

Форд покачал головой:

— Я внимательно слушал, но, кажется, никогда этого не освою. Я ведь пилотировать не умею.

— Что-о? А как же ты здесь оказался?

— Ну, лицензия-то у меня есть, но я уже давно не летал... У меня был собственный пилот; мне самому уже много лет не приходилось рассчитывать траекторию.

Лазарь пристально посмотрел на него:

— А как ты смог выйти в точку рандеву? Даже без лишнего горючего?

— Вот... пришлось.

— Да-а-а! Вот так кошки учатся плавать... Ладно, это тоже метод.

Он обернулся было к Либби, но тут по внутренней связи раздался голос Барстоу:

— Лазарь, готовность пять минут! Предупреждаю!

Лазарь схватил микрофон и ответил:

— Ясно, пять минут! Вот же свинство — даже курс выбрать не успел. Энди, как ты думаешь — может, просто рвануть подальше от Земли, стряхнуть «хвосты», а уж после выбрать курс? Слэйтон, как по-твоему? Наверное, уже был приказ по всему флоту?

— Нет, Лазарь, так не пойдет,— возразил Либби.

— Почему?

— Мы должны взять курс прямо на Солнце!

— На Солнце? Бог с тобой; чего это ради?!

— Я еще у шлюза хотел сказать! Тот межзвездный двигатель, над которым ты просил подумать...

— Энди, у нас ведь его нет!

— Как это нет? Вот! — Либби встряхнул пакетик, привязанный к запястью. Лазарь взял его и развернул.

Тщательно осмотрев сляпанную из пестрого набора деталей и похожую скорее на ребячью самоделку штуковину, громко названную Либби «межзвездным двигателем», Лазарь спросил:

— Это что? Модель?

В набитой сложнейшими приборами рубке самоделка выглядела до смешного нелепой и неуместной.

— Да нет же! Это и есть двигатель.

Лазарь сочувственно взглянул на младшего товарища.

— Родной,— ласково спросил он,— ты по дороге головку не ушиб?

— Да нет же, черт тебя побери! — заорал Либби.— Я здоровее тебя! Это — совершенно новый принцип,— потому нам и следует взять курс на Солнце. Если эта штука будет работать, то лучше всего там, где световое давление повыше.

— А если не будет? — спросил Лазарь.— Тогда что? Станем еще одним пятном на Солнце?

— Да нам само Солнце ни к чему. Просто сейчас вылетим в его сторону, а там у меня уже будет достаточно данных, и я дам нужную траекторию. Надо пролететь мимо Солнца по отлогой гиперболе внутри орбиты Меркурия, как можно ближе к солнечной фотосфере. На какое приближение к Солнцу рассчитан звездолет, я не знаю, поэтому пока не могу провести всех нужных расчетов. Потом будут данные, а времени учесть их нам хватит.

Лазарь еще раз посмотрел на неуклюжую самоделку.

— Энди... Если ты уверен, что с головой твоей полный порядок, давай попробуем. Пристегивайтесь.

Он пристегнулся и сам вызвал Барстоу:

— Зак, что там у тебя?

— Готово!

— Держись!

Лазарь прикрыл пальцем лампочку на левой стороне пульта. Раздался вой сирены. Другой рукой он прикрыл вторую лампочку. Экран перед ним стал будто прозрачным; словно кто-то разом вытряс мешок звезд в черное небо. Форд ахнул.

Лазарь внимательно изучал звездное небо. Полусфера экрана почти на двадцать градусов была затенена краем Земли.

— Энди, нам надо свернуть за угол. Придется наращивать ускорение потихоньку.

Он начал с четверти *g* — вполне достаточно, чтобы дать пассажирам предупредительную встряску,— постепенно довел его до половины, а затем и до единицы. Тень Земли осталась позади.

Внезапно Земля превратилась из черного силуэта в тонкий серебристый полумесяц; из-за края ее появился солнечный диск.

— Счетчик, я хочу оставить ее в тысяче миль, на двух *g*, — напряженно произнес Лазарь.— Дай-ка курсовой вектор.

Либби на миг задумался и тут же выдал нужную информацию. Лазарь опять включил сирену и увеличил ускорение до двух *g*. Очень хотелось дать максимум, но с подобными пассажирами лучше не рисковать. Для некоторых даже два *g* — чересчур, если долго. Значит, любой патрульный корабль, высланный в погоню, может развить куда большую скорость — его тренированный экипаж перенесет перегрузки легко. Впрочем, весь план бегства уже давно держится на чистом везении. Кроме того, у патрульного меньше горючего; он не сможет наращивать скорость слишком долго.

«Нью-Фронтирс» в топливе был не ограничен. Его конвертер тут же превращал в чистую лучевую энергию любое скормленное ему вещество. Годилось что угодно — метеориты, космическая пыль, блуждающие атомы, захваченные силовыми тралами, любые предметы из содержимого корабля: мусор, пыль с палубы, трупы... И каждый грамм вещества превращался в девять сотен миллионов триллионов эргов!

Сверкающий серпик Земли постепенно рос, сползая к левому краю полусферы экрана. Солнце же по-прежнему оставалось в его центре. Минут через двадцать они максимально приблизились к поверхности Земли; серп, к этому времени превратившийся в полукруг, почти ушел из поля зрения. Внезапно ожил коммуникатор:

— «Нью-Фронтирс»! Возвращайтесь на орбиту и гасите скорость! Говорит космическая контрольная служба! «Нью-Фронтирс»!..

Лазарь отключился и жизнерадостно произнес:

— Ничего, как бы им ни хотелось нас изловить, на Солнце они нас не достанут. Энди, путь свободен. Пора курс скорректировать. Сам посчитаешь или как?

— Сам,— ответил Либби. Он уже разобрался в пульте у своего кресла и анализировал непрерывный поток данных, рассчитывая гиперболу для обхода Солнца. Вначале он хотел воспользоваться курсовым компьютером, но тот поверг Либби в недоумение: такой модификации ему еще не попадалось — даже на панели управления отсутствовали подвижные части. Поэтому Энди не стал терять время впустую и прибег к помощи своего феноменального дара, хотя в мозгу Либби тоже не было подвижных частей. Но к этому он привык.

Лазарь решил выяснить, насколько широко они прославились. Включив космическую связь, он услышал все те же резкие, крикливые приказы — только звучали они теперь глуше. Вдруг в эфире возникло его имя — то есть одно из его имен. Похоже, парни, отправленные с «Чили» на Землю, не теряли времени и вызвали патруль. Печально покачав головой, Лазарь поискал частоты, на которых переговаривались патрульные корабли, затем выключил связь: их каналы кодировались.

Так-так. Значит, «капитан Шеффилд лишается лицензии»... Помянув плеть, которой обуха не перешибешь, Лазарь обратился к другому источнику информации. Как дальний радар, так и параграв-детектор показывали несколько кораблей, находящихся довольно близко, но само по себе это еще ничего не значило: возле Земли всегда болтается множество кораблей. Определить, какие из них — просто мирные грузовики, а какие — патрульные крейсера, рвущиеся в бой, с первого взгляда не удалось.

Однако у «Нью-Фронтирс» имелось гораздо больше возможностей для анализа обстановки, чем у обычного корабля. Межзвездный мастодонт нес специальное оборудование, позволявшее справиться с любыми вообразимыми сложностями без посторонней помощи. Полусферический экран позволял видеть и фронт и тыл, а также мог работать, как радар, отмечавший «зайчиком» любое тело, появившееся в поле зрения. Мало того — умная электроника преобразовывала импульсы радара в изображения; интересующий объект можно было рассмотреть во всех подробностях. Лазарь оглядел пульт слева от себя, припомнил все, что ему рассказывали, и нажал несколько кнопок.

Звезды — и даже Солнце — на экране потускнели. Зажглось около дюжины новых огоньков.

Он запросил угловое смещение каждого объекта. Яркие точки превратились в маленькие багряные кометы с розовыми хвостами — все, кроме одной, которая осталась белой и не смещалась. Некоторое время Лазарь изучал полученную картину и, решив, что красные с курсом звездолета не пересекутся, вплотную занялся изучением белой.

Изображение стало фиолетовым, затем сине-зеленым. Лазарь внес кое-какие коррективы, учтя поправку на два *g* собственного ускорения. Белое свечение возобновилось. Удовлетворенный, он проделал то же самое с задним обзором.

— Лазарь!

— Чего?

— Не помешаю, если начну давать коррекцию?

— Ни в коем разе, я просто окрестности осматривал. Если верить этому волшебному фонарю, погоня малость запоздала.

— И бог с ней. Вот тебе данные...

— Слушай, может, сам введешь? Возьми управление, а я схожу пошарю на предмет сэндвичей и кофе. Кстати, тебе принести?

Либби рассеянно кивнул — он уже корректировал курс. Неожиданно подал голос молчавший доселе Форд:

— Давайте я схожу — заодно прогуляюсь.

Он изо всех сил старался быть полезным.

— Э-э, нет. Можешь на неприятности нарваться. Конечно, Зак с народом поработал, но некоторые еще пугают тобой детишек. Я лучше позвоню — пусть кто-нибудь принесет.

— В этом бардаке меня вряд ли узнают,— возразил Форд.— Кроме того, я могу сказать, что послан по важному делу.

Судя по всему, его тяготила праздность.

— Ладно. Если, конечно, ты выдержишь два *g*.

Форд тяжело поднялся с кресла:

— Ничего, ноги держат. С чем сэндвичи сделать?

— Можно с говяжьими консервами — только ведь небось синтетика... В общем, мне сыр с черным хлебом — и горчицы побольше. И галлон кофе. А тебе, Энди?

— Мне? Да что попроще.

Форд, с трудом переставляя ноги, направился к выходу, но в дверях задержался:

— Если еще скажете, где все это искать,— я вернусь совсем скоро.

Лазарь засмеялся.

— Браток, если этот корабль не набит жратвой доверху, мы все совершили ужаснейшую ошибку. Так что поищи там...

Звездолет приближался к Солнцу, и скорость его каждую секунду увеличивалась на шестьдесят четыре фута в секунду. Вперед, вперед — пятнадцать часов удвоенной тяжести. За это время они прошли семнадцать миллионов миль и развили громадную скорость — шестьсот сорок миль в секунду. Язык цифр сух — лучше представьте себе: один удар сердца — и вы переноситесь из Нью-Йорка в Чикаго. Полчаса на стратоплане!

Барстоу переносил нагрузки из рук вон плохо. Пассажиры тщетно пытались уснуть, тяжело дыша и стараясь умоститься так, чтобы смягчить изнуряющую тяжесть. Однако Заккуром Барстоу двигало чувство ответственности; он продолжал ходить, на своей шкуре испытывая судьбу сказочного героя, возившего на спине Морского Старичка. Персональный же Старичок Заккура Барстоу весил сейчас триста пятьдесят фунтов...

Конечно, он никому ничем не мог помочь и все же устало ковылял из отсека в отсек и справлялся о самочувствии. Ничего, ровным счетом ничего нельзя было сделать, чтобы облегчить страдания людей. Они лежали вповалку — мужчины, женщины, дети, сжавшиеся в комочки,— места вытянуть ноги не было.

«Одно хорошо,— устало размышлял Барстоу.— Свалившиеся на нашу голову несчастья заставили их забыть на время обо всем остальном. Сейчас им слишком тяжело. Конечно, позже начнутся споры, стоило ли бежать таким образом, расспросы, почему на борту находится Форд, почему действия Лазаря столь непонятны, а роль самого Барстоу столь противоречива. Но это потом».

«Да,— неохотно признал он,— пропагандистскую кампанию следует начать до того, как все это пойдет в ход. Если же он не успеет — а так, скорее всего, и будет — тогда конец. Именно так».

Он дошел до трапа, стиснул зубы и взобрался на следующую палубу. Пробираясь между лежащими, он едва не наступил на женщину, прижимавшую к себе ребенка, мокрого и перепачканного. Мать, похоже, не спала, и Барстоу хотел было сказать ей, что пора заняться своим чадом, но вовремя сообразил, что ближайшая чистая пеленка находится слишком далеко. Конечно, на соседней палубе могло храниться десять тысяч пеленок, и тем не менее они оставались недосягаемыми.

Он пробрался дальше, так ничего и не сказав, а Элеонора Джонсон даже не заметила старейшины. После глубокого облегчения, нахлынувшего, едва они с ребенком оказались в безопасности на корабле, она ощутила глубокую апатию, вызванную как эмоциональными, так и физическими перегрузками. Когда на них навалилась эта ужасная тяжесть, малыш заплакал, а потом затих — подозрительно затих! С трудом оторвав от пола голову, она приложила ухо к его груди. Убедившись, что сердечко бьется, Элеонора вновь впала в оцепенение.

Через пятнадцать часов, то есть за четыре часа до прохождения орбиты Венеры, Либби выключил двигатели. Теперь скорость корабля увеличивалась лишь за счет нарастающего притяжения Солнца. Невесомость разбудила Лазаря. Взглянув на кресло второго пилота, он спросил:

— Идем по курсу?

— Да.

— Ладно. Я уже в порядке, теперь ты отдохни. А то ты как выжатый лимон.

— Ничего. Я тут посижу и отдохну.

— Ни хрена. Даже когда я корабль вел, ты не спал. А если останешься в кресле, наверняка будешь глазеть на приборы и считать. Слазь-ка! Слэйтон, гони его на фиг.

Смущенно улыбнувшись, Либби вышел. Отсеки, в которые он заглядывал, были набиты плавающими в воздухе пассажирами. В конце концов ему удалось найти свободное место. Либби пристегнулся к скобе в переборке и уснул.

Казалось, невесомость должна была облегчить родичам существование, но этого не случилось. Довольны были лишь те, кто раньше работал в космосе,— то есть ровно один процент от

общего числа людей. Космическая болезнь — как и морская — кажется смешной только тем, на кого не действует. Разве что Данте смог бы описать мучения, выпавшие на долю ста тысяч долгожителей! Конечно, на борту имелись средства от тошноты, однако их еще следовало найти. Были среди беглецов и врачи, но им приходилось не легче, чем остальным. Таким образом, с прекращением ускорения лучше не стало.

Барстоу, помнивший, как происходит адаптация к невесомости, пробирался к рубке в надежде облегчить участь родичей.

— Им очень тяжело,— сказал он Лазарю.— Может, придать кораблю вращение, чтобы люди немного пришли в себя? Это всем здорово помогло бы.

— А заодно снизило маневренность. Уж извини, Зак. Для их жизни гораздо важнее маневренность корабля, чем избавление от тошноты. От космической болезни еще никто не умер — пусть даже не надеются.

Корабль продолжал свой полет, наращивая скорость под действием солнечного притяжения. Немногие, чувствовавшие себя получше, помогали, чем могли, остальным.

Либби спал счастливым, глубоким сном человека, давно привыкшего к невесомости. С момента пленения Семей он практически не спал ни минуты — деятельный ум его был занят расчетами межзвездного двигателя.

Звездолет развернулся, но это не разбудило Либби. Едва разворот завершился и завыла предупреждающая сирена, как он мигом проснулся, сориентировался, расположился у ближней к корме переборки и стал ждать. Тяжесть навалилась почти сразу. На этот раз ускорение было трехкратным. Либби понял, что случилось что-то неладное. В поисках места он отошел от рубки чуть ли не на четверть мили, теперь это расстояние придется преодолевать при тройной нагрузке, и все вверх. С трудом поднявшись на ноги, он отправился в путь, по дороге кляня себя: надо же было идиоту послушать Лазаря и уйти из рубки!

Едва он успел преодолеть небольшую часть расстояния — затратив при этом столько сил, сколько нужно на то, чтобы взобраться на десятый этаж, неся на каждом плече по человеку,—

внезапно наступила невесомость. Остаток пути он проскочил с быстротой молнии и ворвался в рубку:

— Что случилось?

— Пришлось менять курс,— с сожалением ответил Лазарь.

Форд безмолвствовал, но был встревожен.

— Это я понял — для чего? — Либби уже пристегивался к своему креслу, вглядываясь в приборы.

— Красные огни на радаре,— ответил Лазарь, указывая на экран.

— Космофлот,— задумчиво покивал Либби.— На таких траекториях коммерческих не бывает. Они же минное заграждение устанавливают!

— Я так и подумал. Советоваться с тобой, сам понимаешь, времени не было: оторваться надо было наверняка.

— Верно.— Либби забеспокоился.— А я думал, флот нам уже не помешает.

— Это не наши,— сказал Форд.— Они не могут быть нашими — какие бы приказы там без меня ни отдавались. Скорее всего, они с Венеры.

— Пожалуй,— согласился Лазарь.— Скорее всего, твой дружок, ставший Администратором, обратился к венерианам за помощью и получил ее. Дружественный акт межпланетной доброй воли.

Либби почти не слушал. Он считывал показания приборов, обрабатывая их на собственном, природой данном компьютере.

— Лазарь! Не слишком-то хороша твоя новая траектория.

— Да сам знаю,— досадливо отмахнулся Лазарь.— Мы увильнули в единственно возможном направлении — к Солнцу!

— Кажется, слишком близко.

Солнце — звезда не из больших, и температура его не так уж высока. Однако человек вполне может умереть от солнечного удара где-нибудь в тропиках, находящихся за девяносто два миллиона миль от Солнца; даже смотреть на него прямо в течение долгого времени невозможно! А на расстоянии в два с половиной миллиона миль Солнце палит с силой, в тысячу четыреста раз превышающей мощь жгучего потока, низвергающегося

на Долину Смерти, Сахару или Аден. Излучение такой силы уже не назовешь теплом или светом — это смерть, смерть более верная, чем от бластера. Солнце — это водородная бомба естественного происхождения, и «Нью-Фронтирс» неуклонно приближался к гибельной зоне.

Внутри корабля стало жарко. От убийственной радиации пассажиров защищала броня обшивки, однако температура все повышалась. Избавившись от неудобств невесомости, люди страдали от жары, а заодно и от того, что переборки, с их точки зрения, крепились под какими-то совершенно немыслимыми углами: ни сесть ни лечь! Корабль разгонялся, одновременно вращаясь вокруг своей оси, хотя и не был рассчитан на это, а потому «низ» теперь оказался где-то на стыке цилиндра корпуса корабля с плоскостью задней переборки. Но вращение было нужно, чтобы уберечь корабль от перегрева: часть тепла постоянно уходила в пространство с «темной» стороны. Ускорение было не менее необходимо: существовала отчаянная надежда проскочить мимо Солнца как можно быстрее и сразу отойти как можно дальше, чтобы сократить время, проведенное в перигелии, до минимума.

В рубке стояла жара. Даже Лазарь освободился от килта, несмотря на упорное нежелание в чем-либо уподобляться венерианам. К металлическим поверхностям невозможно было прикоснуться. Большой черный круг указывал на экране положение Солнца; датчики, не выдержав перегрева, автоматически отключились.

— Говоришь, до перигелия тридцать семь минут? Нет, Энди, нам этого не выдержать. Да и кораблю, пожалуй, тоже.

— Знаю. Я ведь вовсе не собирался так приближаться к Солнцу.

— Конечно. Наверное, не надо было мне курс менять — авось проскочили бы эти мины...— Плечи Лазаря опустились, затем он вдруг сказал: — Что ж, сынок, похоже, пора испытать эту твою хреновину. Ты же говорил, надо всего один контакт подсоединить?

— Верно; больше у нее и нет. Вот этот проводок следует подключить к любой части массы, предназначенной для перемещения. И я не знаю, заработает ли он. И проверить нельзя...

— А если не сработает, что будет?

— Тут три варианта,— спокойно ответил Либби.— Во-первых, не будет ничего.

— И мы поджаримся.

— Во-вторых, и мы, и корабль можем прекратить существование, как материальные объекты.

— Значит, опять же, погибнем, только не мучаясь.

— Пожалуй, да. Хотя я не знаю, какого рода смерть нам уготована в этом случае. А в-третьих, если мои расчеты верны, мы начнем удаляться от Солнца со скоростью чуть ниже световой.

Лазарь бросил взгляд на самоделку, стряхнул ладонью капли пота с плеч...

— Ч-черт, все жарче и жарче. Давай, подключай. Будем надеяться на лучшее.

Энди законтачил устройство.

— Давай-давай,— рявкнул Лазарь,— жми кнопку, врубай рубильник — запускай!

— Он уже работает,— сказал Либби.— Посмотри на Солнце.

— Ух ты!

Огромный черный круг на экране быстро уменьшался — вдвое... вчетверо...

— Работает...— прошептал Лазарь.— Слэйтон, гляди! Работает! Работает — или я бабуин с красной задницей!

— Да, я так и знал,— скромно сказал Либби.— Должно было.

— Хм-м-м... Для меня это не было настолько очевидным. И с какой скоростью мы теперь идем?

— Относительно чего?

— Ну... Хотя бы — Солнца.

— Еще не успел вычислить, но, кажется, близко к световой. Превысить ее, сам понимаешь, мы не могли.

— А, кстати, почему? Если на теории внимания не обращать...

— Мы все еще видим,— Либби указал на экран.

— Да, верно... Эй, а ведь не должны! Как же с эффектом Допплера?*

Либби на секунду растерялся, затем улыбнулся.

— Мы именно его и наблюдаем. Если смотреть на Солнце, мы видим короткие волны, растянутые до видимой длины. Если

смотреть вперед — что-то вроде радиоволновых колебаний, сжатых до видимого диапазона.

— А между?

— Лазарь, отвяжись! Ты и сам можешь посчитать относительные векторы!

— Нет уж,— твердо сказал Лазарь.— Это твоя забота. А я буду сидеть рядышком и тихо балдеть от восторга. Верно, Слэйтон?

— Да. В самом деле...

Либби вежливо улыбнулся.

— Кстати, подачу топлива к главному двигателю можно прекратить.

Включив сирену, он заглушил двигатель.

— А теперь можно вообще вернуться в первобытное состояние.

Он отсоединил свое устройство.

— Погоди,— запротестовал Лазарь,— мы даже из орбиты Меркурия еще не вышли! Зачем же тормозить?

— А мы и не будем тормозить. Скорость мы набрали — теперь мы ее сохраним.

Лазарь с изумленным видом схватился за голову.

— Вообще-то ты прав — первый закон динамики... Но с этой твоей штукой я больше ни в чем не уверен. Просто так набрали скорость, никаких тебе энергозатрат... Так, будто ты отпустил инерцию погулять. А вот когда она нагуляется и вернется — не снизится ли эта дармовая скорость до первоначальной?

— Не думаю,— сказал Либби.— Наша скорость вовсе не дармовая — дармовой скорости в природе не существует. Просто ты применяешь антропоморфную логику не к месту. Ты ведь не думаешь, что мы можем мгновенно вернуться к более низкому гравитационному потенциалу, с которого начинали?

— То есть в то место, где ты подключил свой двигатель? Конечно, нет — мы ведь переместились.

— И будем перемещаться дальше. Наш благоприобретенный гравипотенциал не менее реален, чем нынешняя кинетическая энергия. Оба они существуют.

Лазарь был озадачен. Объяснения Либби его не слишком удовлетворили.

— Ладно, Энди, бог с ним. Но откуда мы взяли энергию? Откуда? Еще в школе меня учили почитать государственный флаг, голосовать на выборах и свято верить в закон сохранения энергии. А ты, похоже, посягнул на него. Или как?

— Об этом ты не беспокойся,— отвечал Либби,— так называемый «закон сохранения энергии» был просто рабочей гипотезой, недоказанной и, кстати говоря, недоказуемой, призванной объяснить известные явления. Он работает лишь в рамках старой, динамической концепции устройства мира. А в многообразии, понимаемом как статическая сетка связей, «нарушение» этого «закона» не представляет собой ничего удивительного: это просто разрывная функция, которую надо обнаружить и описать. Именно это я и сделал. Обнаружил разрывность в математической модели той характеристики массы-энергии, которую называют инерцией. И постарался ее применить. Оказалось, что эта модель подобна реальному миру. По правде говоря, в этом и заключалась единственная опасность: до тех пор, пока эмпирически не испытаешь модель, нельзя быть окончательно уверенным в том, что она соответствует действительности.

— Ну да. Пока не откусишь — не распробуешь... И все же — откуда берется энергия? Слэйтон, ты что-нибудь понимаешь?

Форд покачал головой.

— Нет, однако очень хотелось бы. Возможно, мне это недоступно.

— Мне, пожалуй, тоже. Так как же, Энди?

Теперь уже Либби был озадачен.

— Но, Лазарь... Причинность — не более чем абстракция, слабо отражающая реальность. Явление существует — вот и все. А причинность — постулат старой, донаучной философии.

— Я так и знал,— протянул Лазарь,— пора мне, стало быть, к динозаврам...

Либби ничего не ответил.

Черный круг продолжал уменьшаться. Когда он достиг одной шестой наибольшего диаметра, экран вновь засветился — датчики снова заработали: расстояние до Солнца стало достаточно большим.

Лазарь попробовал в уме прикинуть кинетическую энергию корабля. Одна вторая квадрата скорости света — то есть чуть-чуть меньше,— помноженного на массу «Нью-Фронтирс»... Ответ получался вовсе ни в какие ворота не лезущим — хоть эрги считай, хоть яблоки...

8

— Вначале о деле,— вмешался Барстоу.— Я не меньше присутствующих интересуюсь научными аспектами создавшегося положения, однако нам очень многое нужно сделать! Для начала следует упорядочить жизнь на корабле, а потому оставим пока физику с математикой и займемся организационными вопросами.

Он говорил не с Поверенными — на совет собрались его заместители, те, без кого побег не удался бы никогда: Ральф Шульц, Ева Барстоу, Мэри Сперлинг, Джастин Фут, Клайв Джонсон и дюжина других.

Здесь же были и Лазарь с Либби. Слэйтона Форда Лазарь оставил охранять рубку, велев гнать всех в шею и никому не позволять трогать пульт. Занятие сие Лазарь выдумал исключительно ради трудотерапии — настроение экс-Администратора ему совсем не нравилось. Казалось, он целиком ушел в себя — отвечал на вопросы, и только. Это обстоятельство очень тревожило Лазаря.

— Нам необходим руководитель,— продолжал Барстоу,— обладающий самыми широкими полномочиями, правом отдавать приказы и следить за их точным и своевременным выполнением. Он должен будет принимать решения, мобилизовывать людей, распределять обязанности. Одним словом, необходимо наладить жизнь на корабле. Работы будет невпроворот, а потому я предлагаю избрать руководителя путем общего голосования. Однако выборы могут подождать, а вот порядок следует навести незамедлительно. Мы попусту расточаем припасы, а корабль... Видели бы вы уборную, которой я сегодня пытался воспользоваться!

— Заккур...

— Слушаю тебя, Ева?

— Я думаю, это нужно поручить Поверенным. У нас никакой власти нет, мы ведь — просто группа, созданная при чрезвычайных обстоятельствах, чтобы организовать эвакуацию. Теперь же все вошло в норму.

— Гр-р-м! — откашлялся Джастин Фут. Выражение его лица было намеренно строгим.— Я не совсем согласен с сестрой Барстоу. Поверенные не вполне знакомы с ситуацией, сложившейся на корабле. Если же мы начнем вводить их в курс дел, то потеряем много времени, пока они смогут начать работать с полной отдачей. Скажу больше, я сам вхожу в число Поверенных и заявляю: как организованная группа мы юридически неправомочны, поскольку не существуем более в качестве таковой.

— Как это, Джастин? — полюбопытствовал Лазарь.

— А вот как. Поверенные представляли фонд Говарда, органично вплетенный в гражданскую жизнь всего общества. Органом власти фонд не являлся. Единственным назначением Поверенных было посредничество в отношениях Семей с остальными социальными группами. Теперь же отношения эти полностью прерваны, и совет Поверенных *ipso facto** более не существует, превратившись лишь в историческое достояние. Что касается прочего: все старые социальные связи рухнули, и на этом корабле мы представляем собой просто неуправляемый общественный конгломерат. Посему наше настоящее собрание имеет — или не имеет — столько же права взять на себя ответственность за организацию нового общества, сколько любая другая группа людей.

— Джастин! — засмеялся Лазарь.— Давненько не слыхал я такого мастерского трепа! Давай-ка на досуге побеседуем о солипсизме!*

Джастин Фут был уязвлен.

— Очевидно...— начал он.

— Нет-нет, ни слова больше! Ты меня убедил — разубеждать смысла нет. Если дела обстоят именно так, давайте не будем терять времени и займемся выборами начальника. Зак? По-моему, ты — самый подходящий.

Барстоу покачал головой.

— Я знаю свои возможности. Я простой инженер, а не политик. Делами Семей я занимался по-любительски, а теперь нам нужен специалист в области управления.

Видя, что отказывается Барстоу не из вежливости, собравшиеся принялись выдвигать других кандидатов и обсуждать их. В такой большой группе было много специалистов в области политики, а также бывших государственных служащих, занимавших довольно видные посты.

Лазарь безмолвствовал. Четверых кандидатов он знал лично. Наконец он отвел в сторону Еву Барстоу и принялся о чем-то шептаться с ней. Вначале она удивилась, потом задумалась и в конце концов согласно кивнула.

Ева попросила слова.

— Я хочу выдвинуть кандидата,— мягко, как обычно, начала она,— о котором вы, кажется, забыли. Однако по сравнению с остальными этот человек предпочтительнее — в силу характера, образования и опыта работы. На пост гражданского администратора корабля я предлагаю Слэйтона Форда.

Собравшиеся разом затихли, а затем начали говорить одновременно:

— Ева с ума сошла!

— Форд на Земле!

— Нет, он здесь, я видел его!

— Но как же?.. На это Семьи никогда не пойдут!

— Он все равно не из наших!

Ева терпеливо дождалась тишины.

— Я понимаю — предложение мое на первый взгляд просто смешно — и предвижу связанные с этим трудности. Однако подумайте о его положительной стороне! Мы все знаем, у Форда прекрасная репутация, а также, что он представляет собой на деле. Форд — гений управления — это известно каждому. Учтите: разработка принципов жизни на нашем сверхперенаселенном корабле — дело не из легких. Здесь нужен действительно талантливый человек, иначе он не сможет упорядо- чить этот хаос.

Ее слова произвели впечатление. Заслуги Форда на поприще государственной деятельности признавали все. Историки

считали, что ему, а не кому-либо другому, удалось по крайней мере дважды вытащить Западную Федерацию из жесточайших кризисов. Да и смещение Форда с поста Администратора было вызвано не собственными его просчетами — выхода из такой общественной ситуации не было.

— Ева,— начал Заккур Барстоу,— я согласен с тобой и буду только рад, если нами станет руководить Форд. Но как же все остальные? Для наших родичей он олицетворяет все те преследования и страдания, которые им пришлось вынести. Я думаю, эта причина делает избрание невозможным.

— Мне так не кажется,— твердо возразила Ева.— Мы уже выяснили, что нам нужно организовать кампанию по разъяснению истинной сути некоторых событий, происшедших в последнее время. Почему бы в ходе этой кампании не убедить людей в том, что Форд жертвовал собой ради нас? Ведь это правда.

— М-м-м... Да, это правда. Конечно, нельзя сказать, что он пожертвовал собой *единственно* ради нас, но именно его самопожертвование позволило всем нам спастись. Но удастся ли нам убедить родичей принять его кандидатуру, а после — выполнять его распоряжения? Ведь его именем чуть ли не детей пугают! Лично я не уверен... Нам требуется консультация специалиста. Ральф, что ты скажешь по этому поводу?

Ральф Шульц поколебался.

— Справедливость данного допущения не имеет ничего общего с его психодинамическим эффектом. И выражение «правда победит» просто глупо. Из истории человечества этого не следует. Факт, что Форд — жертва, к чисто техническим вопросам, поставленным вами, никакого отношения не имеет.— Он на секунду задумался.— Однако само по себе допущение имеет некоторые сентиментально-драматические аспекты, в силу которых пригодно для пропаганды, несмотря на существующее довольно сильное противодействие. Да, я думаю, это может иметь успех.

— А сколько времени понадобится?

— Та-ак... Социальное пространство, предназначенное для планируемой акции, одновременно «тесное» и «горячее», если пользоваться нашим профессиональным жаргоном. Я мог бы достичь высокого положительного К-фактора при помощи цеп-

ной реакции — если вся затея в целом вообще имеет смысл. Ситуация, строго говоря, беспрецедентная; я не в курсе слухов относительно Форда. Если нужно, я могу заготовить и начать распространять слухи, реабилитирующие его репутацию, а часов через двенадцать забросить информацию о том, что он с нами и с самого начала собирался бежать от людей...

— Я, честно говоря, сильно сомневаюсь в успехе.

— Думаете, ничего не выйдет?

— Не совсем, но...

— Вот видите! Правда об этом известна лишь самому Форду, да еще Господу Богу, а мы, грешные, можем лишь строить предположения. Но динамическая сила данных предположений — дело совсем другое! Заккур, стоит слухам дойти до вас в третий или четвертый раз, вы сами начнете им верить.

Психометрист замолчал и уставился в потолок, еще раз советуясь со своей интуицией, до блеска отшлифованной за сотню лет изучения человека.

— Да, должно подействовать. Если вы согласны, ровно через сутки можете делать публичное объявление.

— Лично я согласен! — заявил кто-то.

Через несколько минут Барстоу послал Лазаря за Фордом. Лазарь не стал объяснять, зачем потребовалось его присутствие, и Форд вошел в каюту, будто в зал суда. Он был уверен, что ничего хорошего ему ждать не приходится; поведение его выдавало полное отсутствие всякой надежды; смотрел он печально.

Лазарь уже успел привыкнуть к тоске в его глазах за те долгие часы, что провел с Фордом в рубке. Такое выражение Лазарю случалось видеть не раз: то был взгляд приговоренного к смерти, затравленного человека, которому нечего больше терять, взгляд зверя, пойманного в капкан и уставшего вырываться, взгляд этот нес в себе безысходную муку и уверенность в том, что конец близок.

Тоска Форда все усиливалась, и это озадачивало Лазаря. Все пассажиры корабля подвергались одной и той же опасности, и Администратор рисковал не больше других. Кроме того, сознание опасности обычно оживляет, а не угнетает. Почему же у него это так?

В конце концов Лазарь пришел к выводу, что тоска его — следствие состояния, предшествующего самоубийству. Но отчего? Лазарь долго размышлял над этим во время своих вахт и, в конце концов, сумел, к своему удовольствию, разобраться в логике переживаний Форда. Там, на Земле, решил Лазарь, Форд был важной персоной среди своих собратьев-недолговечников, и сознание своей избранности заслоняло от него все те эмоции, которые двигали человечеством, посчитавшим себя вдруг обездоленным. Теперь же он оказался мотыльком-однодневкой среди Мафусаилов.

У него нет ни опыта старших, ни честолюбия младших. Он чувствовал себя мельче всех — одним словом, обойденным. Имея на то основания или нет, он ощущал себя ни на что не годным, пенсионером, которого содержат исключительно из милости.

А для человека его склада, человека, привыкшего к активной деятельности, такое было просто немыслимо. Именно сила характера вкупе с гордостью толкали Форда к отчаянию.

Войдя в каюту, Форд тут же отыскал глазами Заккура Барстоу.

— Вы посылали за мной, сэр?

— Да, господин Администратор.

Барстоу кратко изложил ситуацию и меру ответственности, которую они собирались возложить на Форда.

— Вас никто не заставляет,— закончил он,— но если вы согласитесь, мы будем очень рады. Вы согласны?

Тоска в глазах Форда сменилась изумлением; у Лазаря отлегло от сердца.

— Вы не шутите? — медленно спросил Форд.— Вы действительно...

— Ну конечно же.

Форд ответил не сразу. Вначале он попросил позволения сесть. Для него нашли место. Тяжело опустившись в кресло, он закрыл лицо руками. Никто не произнес ни слова. Наконец он поднял голову и твердо сказал:

— Если вы этого хотите, я сделаю все, что в моих силах.

Кроме гражданского администратора требовался еще и капитан. До сих пор таковым фактически был Лазарь, но как только

ко Барстоу предложил ему официально занять эту должность, он принялся отнекиваться.

— Нет-нет-нет! Я сюда не гожусь. Лучше уж в шашки побалуюсь. Вот Либби — дело другое! Серьезный, рассудительный, бывший офицер космофлота — в самый раз.

Под многочисленными взглядами Либби покраснел.

— Да ладно вам,— запротестовал он.— Конечно, мне приходилось иногда командовать, но я никогда этого не любил. Я по натуре подчиненный, а не начальник, а потому не чувствую себя в состоянии командовать кораблем.

— И все-таки на сей раз тебе не отвертеться,— сказал Лазарь.— Именно ты изобрел эту штуку для быстрого хода; больше в ней никто не разбирается. Похоже, ты сам себе задал работенку!

— Но это же совсем не одно и то же,— взмолился Либби.— Лучше я буду просто астронавигатором, это по мне. Но только пусть кто-нибудь руководит!

Зато Слэйтон Форд порадовал Лазаря, взявшись за дело решительно и всерьез. Смертельно измученный человек превратился в прежнего опытного руководителя.

— Командор Либби, то, что вы о себе думаете, здесь никакой роли не играет: каждый должен делать то, на что способен. Я согласился руководить общественной и гражданской жизнью, поскольку обучен этому. Но вот командовать кораблем учили вас, а не меня. Вы не имеете права отказаться.

Либби покраснел еще сильнее и, запинаясь, сказал:

— Я бы и не отказывался, если бы был единственным таким на борту. Но у нас тут сотни космонавтов, из которых несколько дюжин наверняка превосходят меня в опыте. Если поискать, подходящий человек обязательно найдется...

— Лазарь, как ты думаешь? — спросил Форд.

— Ну-у... Кое в чем Энди прав. Капитан либо вложит в корабль душу, либо нет. Так уж водится. Если Либби считает, что командира из него не выйдет, лучше, наверное, еще кого поискать.

У Джастина Фута была с собой кассета с реестром всех родичей, однако экрана, позволившего бы ее просмотреть, в каюте не оказалось. Все же присутствующие назвали по памяти

множество имен и в конце концов остановились на кандидатуре Руфуса Кинга по прозвищу «Свирепый».

Либби разъяснил новому командиру различные тонкости, возникающие в связи с применением его двигателя.

— Предел досягаемости для звездолета определяется пучком парабол с осями, перпендикулярными курсу. Это — в предположении, что ускорение, получаемое посредством обычных двигателей, будет все время прикладываться так, что абсолютная величина настоящей нашей скорости — чуть меньше световой — останется постоянной. Для этого нужно, чтобы во время маневра корабль все время слегка разворачивался. Это не так уж трудно, поскольку разница величин нашего нынешнего и маневрового векторов велика. Грубо говоря, это можно представить, как ускорение под прямым углом к курсу.

— Да-да, я понимаю,— перебил его Кинг,— но почему вы уверены, что суммарные векторы всегда должны быть равны настоящему?

— Почему же, в их подгонке необходимости нет, если капитан считает иначе,— озадаченно ответил Либби,— но прикладывать маневровое ускорение так, что оно сделает конечную скорость корабля меньше настоящей,— значит просто задерживать нас в полете, ничем не расширив досягаемую область. В результате полетное время увеличится до поколений и даже до столетий, если конечный...

— Да-да, мистер, понятно. Не надо учить меня основам баллистики. И все же, почему вы отвергаете второй путь? Почему бы не увеличить скорость корабля? Разве я не могу разгонять его строго по настоящему курсу?

Либби встревожился.

— Но, капитан, такое решение фактически будет являться попыткой превысить скорость света, а это считается невозможным.

— Вот об этом я и говорю. Считается. А я всегда хотел проверить, насколько это верно! Похоже, возможность теперь есть.

Либби колебался. Чувство долга в нем боролось с соблазном.

— Если бы наш корабль был исследовательским, капитан, я бы с удовольствием провел эксперимент. Я не могу в полной

мере представить себе последствия преодоления светового барьера. Возможно, мы будем полностью отрезаны от электромагнитного спектра по отношению к прочим материальным телам. Как же мы будем определяться?

Беспокойство Либби было не напрасным. Пускаясь в теоретические рассуждения, он не забывал, что они и сейчас ведут корабль лишь благодаря электронике. Для невооруженного глаза полушарие позади было абсолютно черным — даже самое коротковолновое излучение было раздопплерено до длин волн, недоступных глазу. Звезды впереди были еще заметны, но их видимый свет, спрессованный невообразимой скоростью, был задран в высокие частоты. Радиообъекты в темных пылевых облаках сияли, как звезды первой величины; звезды радиоспектром победнее едва различались. Знакомые созвездия исказились до неузнаваемости. Царство эффекта Допплера было подтверждено спектральным анализом; фраунгоферовы линии* не просто сместились в фиолетовую зону — они выпали из нее за пределы диапазона УФ спектрографа, и непривычные бленды длинноволновых зон спектра заняли их место.

— Да... Понятно,— ответил Кинг.— Но все же мне охота попробовать, и я не я буду, если не рискну. Только, само собой, никому ни слова. Подготовьте мне сведения о траекториях к звездам класса *G**, находящимся в пределах этой вашей премудрой «поверхности». Рассчитайте для ближайших, для начала, скажем, в радиусе десяти светолет.

— Да, сэр. Я уже сделал это. Среди них нет звезд класса *G*.

— Вот как... Пустовато здесь, однако. Что же делать?

— Тау Кита находится в пределах досягаемости, и до нее одиннадцать светолет.

— Она, кажется, *G-5?* Не слишком хороший выбор.

— Верно. Но есть еще звезда класса Солнца, *G-2*, номер по каталогу *ZD-9817*. Правда, она раза в два дальше.

Капитан Кинг задумчиво закусил костяшку указательного пальца.

— Наверное, придется предоставить решение этого дела старшим. Какой мы получим выигрыш в субъективном времени?

— Не знаю, сэр.

— Так рассчитайте! Или дайте мне цифры, я сам рассчитаю. В математике мне, конечно, с вами не равняться, но, по-моему, с этим любой кадет справится. Уравнения довольно простые.

— Это так, сэр. Но у меня нет данных для подстановки в уравнения — ведь мы пока что не можем измерить скорость корабля. Фиолетовое смещение использовать невозможно — новые линии нам неизвестны. Боюсь, придется подождать, пока мы не пролетим подальше и не получим приличную базовую дистанцию для прямых измерений.

— Знаете,— вздохнул Кинг,— я порой жалею, что взялся за это дело. Как вы сами полагаете — долго еще лететь?

— Долго, сэр. Годы.

— Ну, делать нечего. Видал я корабли и похуже. Значит, годы... В шахматы играете?

— Да, сэр.

Либби умолчал о том, что давно бросил шахматы за неимением достойных партнеров.

— Похоже, вдоволь наиграться успеем. E-2 — e-4.

— Конь — f-6.

— О, начало нестандартное! Ход за мной. Похоже, надо бы пойти и предложить им *G-2*, черт с ним, что лететь дольше... Да еще надо бы предупредить Форда, что пора устраивать какие-нибудь соревнования и прочие развлечения, не то скоро люди почувствуют себя, как в могиле.

— Да, сэр. Прошу прощения, я не упомянул еще о времени на торможение. Оно займет почти год субъективного времени при торможении в один *g*, пока мы не вернемся к обычным скоростям.

— Что? Но ведь с новым ускорителем мы будем тормозить столько же, сколько разгонялись.

Либби покачал головой.

— Извините, сэр. Торможение с помощью моего двигателя не зависит от предыдущего курса и скорости. Если вы вдруг потеряете инерцию поблизости от звезды, ее световое давление отшвырнет вас, будто пробку, попавшую под струю воды. Прежний импульс просто исчезнет вместе с инерционной массой.

— Ну, что ж,— согласился Кинг,— тогда будем маневрировать, придерживаясь вашей схемы. Пока что мне вас не переспорить — я все еще кое-чего не понимаю в вашем устройстве.

— Лично я,— серьезно проговорил Либби,— пока что не понимаю в моем устройстве почти ничего.

За пределы орбиты Земли корабль вышел через десять минут после подключения нового двигателя. Пока они с Лазарем обсуждали путешествие с околосветовой скоростью с точки зрения астрофизики, корабль миновал орбиту Марса, что заняло менее четверти часа. Орбита Юпитера была еще далеко в то время, когда Барстоу созвал совещание, но на сбор всех участников ушло не меньше часа, и когда Барстоу попросил тишины, корабль на миллиард миль удалился от орбиты Сатурна. Они начали набирать скорость менее полутора часов назад.

«Кварталы» становились все длинней. До Урана они долетели, не успев завершить дебаты, а до Нептуна — когда Форд соглашался занять пост администратора. Будучи назначен капитаном, Кинг в сопровождении Лазаря успел обойти весь корабль и уже советовался с Либби, когда «Нью-Фронтирс» пересекал орбиту Плутона, отстоявшую от Солнца на четыре миллиарда миль. С того момента как солнечный свет выбросил его в пространство, прошло меньше шести часов.

Они еще не выбрались с окраин Солнечной системы, хотя ничто не преграждало больше дорогу к звездам. Здесь, где Солнце все еще считалось властелином, но разве что — считалось, однообразие пространства могли нарушить лишь ледяные кометы да призраки мифических трансплутоновых планет. А до ближайших звезд многие световые годы... «Нью-Фронтирс» несся сквозь тьму, холод и призрачное сияние звезд со скоростью чуть меньше световой.

Прочь отсюда, прочь — в бездну пространства, где мир не искривлен гравитационными помехами. Каждый день, каждый месяц, каждый год все надежнее разлучал беглецов с человечеством.

ЧАСТЬ II

1

Корабль, такой одинокий в черной бездне, продолжал свой путь, и каждый новый световой год почти не отличался от предыдущего. Внутри же наладилось некое подобие привычной жизни.

«Нью-Фронтирс» имел почти цилиндрическую форму. Когда он не находился в режиме ускорения, то вращался вокруг продольной оси, создавая эффект псевдогравитации, максимально проявляющийся у внешней обшивки. Каюты, расположенные там, были жилыми, а внутренние, в которых гравитация значительно ослабевала, служили кладовыми и прочими подсобными помещениями. Пространство, находящееся между первыми и вторыми, было отведено под мастерские и гидропонные фермы. Рубка, конвертер и основные двигатели располагались вдоль главной оси корабля.

От обычной конструкция его отличалась прежде всего гигантскими размерами. По сути это был целый город, рассчитанный на население в двадцать тысяч человек,— предполагалось, что к моменту прибытия на Проксиму Центавра экипаж увеличится вдвое.

Но, несмотря на громадную величину корабля, для ста тысяч человек он все-таки был тесноват.

Родичи мирились с этим, пока не завершили подготовку к массовому анабиозу. Комнаты отдыха на нижних уровнях переоборудовали в кладовые — ведь спящему необходима лишь одна сотая пространства, потребного бодрствующему,— и, наконец, корабль стал достаточно просторен для тех, кто не пожелал

ложиться в морозильные камеры. Вначале желающих было немного: долгожители очень боялись смерти именно оттого, что потенциально могли прожить необычайно долго,— и многим из них анабиоз живо напоминал вечный сон. Но мало-помалу дискомфорт, доставляемый теснотой, угнетающее, бесконечное однообразие изменили их настроения, и анабиозные камеры обрели должную популярность. Вскоре они едва успевали удовлетворить всех желающих.

Бодрствующие же занимались самым насущным: обслуживанием техники, гидропонных ферм и вспомогательного оборудования, а главное, ухаживали за спящими. Биомеханики вывели сложные эмпирические формулы, описывавшие разрушение тела в анабиозе, и разработали методики его предотвращения. Эти методики учитывали самые разные факторы — ускорение, температуру, метаболический возраст, массу тела, пол. Благодаря использованию внутренних помещений с пониженной гравитацией перегрузки при ускорении, а значит и потенциальные пролежни и синяки, сводились до минимума. Но все приходилось делать вручную: переворачивать, массировать, контролировать содержание сахара в крови и сердечную деятельность, тестировать, проводить процедуры, предотвращающие переход замедленных процессов в организме в необратимые. На корабле имелось лишь несколько анабиозных камер, а аппаратура для контроля состояния отсутствовала совсем. Забота о десятках тысяч спящих легла на плечи их бодрствующих родичей.

Элеонора Джонсон встретилась со своей подругой Нэнси Уэзерэл в столовой № 9, называемой постоянными посетителями «клубом». Те, кто ее избегал, именовали столовую № 9 менее лестно. Большинство завсегдатаев были молоды и шумливы, единственным из старших, часто ее посещавшим, был Лазарь. Его шум не раздражал, даже доставлял удовольствие.

Элеонора прямо спикировала на свою подругу и чмокнула ее в затылок.

— Нэнси! Проснулась! Вот здорово!

Нэнси отстранилась:

— Привет, привет. Осторожно, кофе мой не разлей.

— Как? Ты не рада?

— Ну, конечно, рада. Но не забывай — я-то виделась с тобой только вчера. К тому же, я еще не проснулась как следует.

— Давно тебя разбудили?

— Часа два. Как твой малыш?

— Замечательно! — Элеонора просияла.— Ты его не узнаешь: растет как на дрожжах, меня скоро обгонит. И все больше похож на своего отца.

Нэнси сменила тему. О погибшем муже Элеоноры друзья старались не упоминать.

— Ну, а ты чем тут без меня занималась? По-прежнему, с детьми?

— Да... То есть нет. Я веду группу, в которой мой Хьюберт. Он недавно в школу пошел!

— А почему бы тебе не пропустить часть всей этой канители? Если ты все время будешь бодрствовать — скоро состаришься...

— Нет,— запротестовала Элеонора,— как же я лягу спать, пока Хьюберт не станет самостоятельным?

— Да не бери ты в голову! Половина спящих — женщины, имеющие детей,— и я их ничуть не осуждаю. Да что там — а я? Для меня полет длится всего каких-то семь месяцев. До остального времени мне и дела нет никакого.

— Нет,— твердо отвечала Элеонора,— спасибо. Может, тебя такое устраивает, однако у меня на этот счет свое мнение.

Неподалеку расправлялся с синтетическим бифштексом Лазарь.

— Она боится пропустить что-нибудь интересное,— сказал он.— Я ее понимаю — я и сам этого боюсь.

Нэнси отступила.

— Ну, так заведи еще ребенка. Освободишься от скучных обязанностей.

— Для этого нужны по меньшей мере двое,— заметила Элеонора.

— Так в чем проблемы? Вот хотя бы Лазарь — чем не отец?

Элеонора с трудом сдержала улыбку. Лазарь покраснел.

— Кстати,— безразличным тоном сказала она,— я ему предлагала, но...

Нэнси фыркнула прямо в чашку с кофе и окинула обоих быстрым взглядом.

— Простите. Я не знала.

— Ничего,— отозвалась Элеонора,— просто я — одна из его внучек в четвертом колене.

— Но...— Нэнси боролась с искушением нарушить правило невмешательства в чужие дела.— Но это ведь даже кровосмешением не считалось бы! Или мне лучше не лезть, куда не просят?

— Да, наверное,— согласилась Элеонора.

Смущенно поерзав, Лазарь сказал:

— Рискую прослыть старомодным, однако должен заметить, свои принципы я приобрел еще в молодости. Не знаю, что там с генетикой, но я чувствовал бы себя ужасно неловко, если б женился на собственной правнучке.

— Ну, вы и в самом деле старомодны,— удивилась Нэнси.— Может, просто стесняетесь? Так и подмывает предложить вам себя и посмотреть, что получится!

Лазарь с изумлением посмотрел на нее.

— Так попробуй. Тебя ждет приятный сюрприз.

Нэнси холодно смерила его взглядом.

— М-м-м...— задумчиво протянула она. Лазарь старался не отводить взгляда, но в конце концов не выдержал и опустил глаза.

— Извините, милые,— суетливо сказал он,— мне пора.

Элеонора ласково коснулась его руки.

— Не уходите, Лазарь. Нэнси — кошка, и ничего с этим не может поделать. Лучше расскажите о плане высадки.

— Чего-о? А куда это мы собираемся высаживаться? И когда? — удивилась Нэнси.

Желая поддержать свою репутацию знатока, Лазарь начал рассказ.

Звезда класса *G-2*, то есть солнечного, к которой они взяли курс несколько лет назад, теперь находилась на расстоянии около светогода, а точнее — в семи световых месяцах. При помощи параинтерферометрических методов исследования уже можно было сказать, что она имеет свою планетную систему.

Через месяц, когда до звезды останется половина светового года, корабль прекратит вращение и затратит на торможение

целый год, чтобы приблизиться к ней с обычной межпланетной скоростью. Тогда планеты будут исследованы и, возможно, найдется такая, которая окажется пригодной для жизни. Поиск будет простым и быстрым, так как им подходят лишь планеты, отражающие свет, вроде Венеры или Земли. Далекие от светила, типа Нептуна или Плутона, никакой ценности не представляют, а раскаленные, как Меркурий,— тем более.

Если планеты земного типа в системе не окажется, придется снова приблизиться к звезде, чтобы использовать ее световое давление для продолжения поисков. Только с выбором курса на сей раз торопиться не придется: погони за ними не будет.

«Нью-Фронтирс», объяснил Лазарь, не будет садиться на поверхность планеты — корабль так велик, что его раздавит собственный вес. Если подходящее место найдется, корабль ляжет на околопланетную орбиту, а на поверхность отправятся шлюпки с исследовательскими группами.

Сохранив, таким образом, свое реноме, Лазарь направился в лабораторию, где родичи продолжали исследования в области геронтологии и обмена веществ; он надеялся встретить там Мэри Сперлинг. После колкостей Нэнси Уэзерэл он особенно нуждался в дружеском обществе. Если уж жениться заново, то, пожалуй, Мэри подходит ему больше всех остальных. Конечно, всерьез он о женитьбе не думал: он чувствовал, что их брак выглядел бы смехотворно, отдавал бы лавандой и древними кружевами...

Мэри Сперлинг, не решившись лечь в анабиоз, заглушила страх смерти активной деятельностью: добровольно пошла в лаборантки и стала принимать активное участие в исследованиях продолжительности жизни. Биологического образования она не получила, зато имела ловкие руки и светлую голову, и за время полета сделалась отличной ассистенткой доктора Говарда Харди, руководителя исследований.

Лазарь застал ее за работой с бессмертной тканью куриного сердца, ласково именуемой сотрудниками лаборатории «миссис Орлик». «Миссис Орлик» была старше всех родичей, за исключением разве что Лазаря — этот растущий кусок натуральной плоти Семьи получили от института Рокфеллера еще в двадцатом столетии. Уже тогда ткань росла и развивалась, и

предшественникам доктора Харди удавалось поддерживать ее жизнедеятельность на протяжении двух с лишним веков благодаря методике Кэррела-Линдберга-О'Шога. Итак, «миссис Орлик» процветала и по сей день.

Говард Харди настоял на том, чтобы взять ткань и аппаратуру, поддерживавшую ее жизнь, с собой в резервацию, а после — на «Чили». «Миссис Орлик» отлично приспособилась и к условиям «Нью-Фронтирс» и сейчас весила около шестидесяти фунтов — слепая, глухая, безмозглая, однако живая.

Мэри немного подрезала ее.

— Привет, Лазарь. Не подходи пока: контейнер открыт.

Лазарь издали наблюдал за ее работой.

— Мэри, а почему эта дурацкая штука до сих пор не сдохла?

— Ты неверно поставил вопрос,— ответила Мэри.— Спроси лучше: с чего бы это ей подыхать? И что мешает ей жить вечно?

— Вот сдохла бы она к чертям собачьим,— раздался позади голос доктора Харди,— тогда бы мигом была решена задача!

— Еще неизвестно,— мигом отозвалась Мэри.— Тут все дело в железах, которых у «миссис Орлик» нет.

— Ишь ты! Вам-то откуда знать?

— Женская интуиция. Откуда *вам* знать, что у нее есть, а чего нет?

— Верно. Вот поэтому у меня — огромное преимущество перед вами и вашей интуицией.

— Может быть, может быть,— лукаво ответила Мэри,— однако вы не забывайте: я знала вас еще до того, как вы научились пользоваться горшком.

— Типичная женская логика! Дорогая моя! Этот кусок мяса кудахтал и откладывал яйца, когда никого из нас и на свете не было, тем не менее он вообще ничего не знает! — Он с ненавистью уставился на предмет спора.— Знаешь, Лазарь, я с удовольствием обменял бы эту гадость на пару карпов — самца и самку.

— А зачем обязательно карпов?

— Похоже, карпы никогда не умирают. Их ловят, едят, они могут подохнуть с голоду или от какой-нибудь заразы, но от старости, насколько я знаю, никогда.

— Почему же?

— Именно это я и хотел выяснить перед тем, как мы отправились на этот идиотский пикник. Кишечная флора у них не совсем обычная — возможно, она как-то влияет... Но, сдается мне, суть в том, что они никогда не перестают расти.

Мэри что-то пробормотала себе под нос. Харди саркастически спросил:

— Что вы там опять бурчите? Снова ваша интуиция?

— Я только сказала, что амебы тоже не умирают. Вы же сами всегда говорите: современная амеба жила и пятьдесят миллионов лет назад. Но амебы не растут до бесконечности, и никакой кишечной флоры не имеют!

— Кишка тонка! — сказал Лазарь.

— Очень остроумно. То, что я сказала,— сущая правда. Они не умирают — просто делятся и живут дальше.

— Не знаю, как насчет кишок,— нетерпеливо вмешался Харди,— а некая структурная аналогия может быть. Но как я буду работать без подопытных животных? Да, кстати! Лазарь, очень хорошо, что ты зашел. Я хочу попросить тебя об одном одолжении.

— Давай, пока я добрый.

— Ты сам представляешь интереснейший случай. Наверное, ты знаешь, что не подходишь ни под одну из наших теорий и опровергаешь их безжалостно. Такое тело просто грех отправлять в конвертер! Не буду от тебя скрывать: мне бы очень хотелось посмотреть, что у тебя внутри.

Лазарь фыркнул:

— Я полностью в твоем распоряжении! Только тебе придется завещать меня своему преемнику — сам ты вряд ли доживешь. А хочешь — поспорим, что никому никогда не придется посмотреть, что у меня внутри?!

Подходящая планета в системе нашлась — молодая, зеленая, очень похожая на Землю. Да и вся планетная система напоминала Солнечную: небольшие землеподобные планеты неподалеку от звезды, а на периферии — огромные, под стать Юпитеру, гиганты.

Астрономы никогда не могли дать толкового объяснения устройству Солнечной системы. Они метались между теориями ее происхождения, которые рушились одна за другой, и

«надежными» математическими доказательствами того, что такая система вовсе никогда бы не могла возникнуть. И вот сейчас родичи воочию видели пример того, как явление, с первого взгляда парадоксальное, оказывается общепринятой нормой.

Результаты прямого наблюдения с небольшой высоты вдохновляли и огорчали одновременно: на планете была разумная жизнь. Цивилизация.

Там были города — даже из космоса различались громадные сооружения странного вида и непонятного назначения.

Беглецам, возможно, пришлось бы продолжить свои скитания, однако аборигены, похоже, не заселили всей планеты. Раз так — на ее обширных континентах, может быть, найдется уголок для небольшой колонии. Если, конечно, их согласятся принять.

— Честно говоря,— признался капитан Кинг,— я ничего подобного не ожидал. Ну, может, еще первобытные дикари, разные хищные звери. Но я почему-то всегда был убежден, что цивилизованными могут быть только люди. Придется соблюдать крайнюю осторожность!

Кинг сформировал отряд разведчиков с Лазарем во главе. В его практической сметке и стремлении выжить капитан уже убедился. Кинг хотел возглавить отряд лично, но понятие о долге руководителя заставило его отказаться от этой мысли. Зато Слэйтона Форда никто не стал удерживать на борту. Его — да еще Ральфа Шульца — Лазарь назначил своими заместителями. С отрядом отправились специалисты разных областей: эколог, биохимик, геолог, стереограф, несколько психологов и социологов, один из которых был признанным авторитетом по структурной коммуникационной теории Маккелви. Его задачей был поиск возможностей для контакта.

Но никакого оружия.

В этом Кинг отказал им наотрез.

— Предприятие, конечно, рискованное,— объяснил он Лазарю,— но любое применение силы — пусть даже в целях самообороны — неминуемо вызовет враждебность со стороны туземцев. Этого допустить нельзя! Не забывайте: вы послы, а не солдаты.

Лазарь сходил в свою каюту и, вернувшись, отдал Кингу бластер. О том, что в набедренной кобуре под килтом имеется другой, он не счел нужным упоминать.

Кинг уже собирался отдать приказ к погрузке, но тут появилась Дженис Шмидт — заведующая яслями для детей с врожденными уродствами. Пробравшись к шлюпке, она заявила, что ей необходимо переговорить с капитаном.

Только профессиональная сиделка и могла в такой момент добиться внимания капитана: непоколебимость Кинга разбилась о ее настойчивость.

— Так что же все это значит? — хмуро спросил он ее.

— Капитан, я должна поговорить с вами об одном из моих подопечных.

— Ваше поведение возмутительно! Ступайте в мой кабинет и подождите, а для начала обсудите свою проблему с главным врачом.

Она подбоченилась:

— Нет, сейчас! Это — разведотряд, верно? Я должна кое-что сообщить прежде, чем он высадится на планету.

Кинг хотел было что-то сказать, но передумал.

— Постарайтесь короче.

Дженис не собиралась говорить долго. Она лишь хотела сообщить, что Ханс Уэзерэл — один из ее подопечных,— молодой человек лет девяноста, благодаря гиперактивности щитовидной железы совсем юный с виду, слабоумен, однако не идиот, всегда апатичный по причине нервно-мышечной недостаточности, настолько слабый, что не может даже есть самостоятельно, обладает повышенной телепатической чувствительностью. Он заявил, что знает об этой планете все. О ней ему рассказали его друзья, которые там живут и ждут его к себе в гости.

Высадка десанта была отложена до тех пор, пока Кинг с Лазарем не проверят полученную информацию. Судя по всему, Ханс ничего необычного в случившемся не находил. То немногое из его рассказа, что поддавалось проверке, имеющимся данным не противоречило, но он никак не мог понять, чего от него хотят, когда просят описать «друзей» поподробнее.

— Да просто люди! — отвечал он, удивляясь непроходимой тупости собеседников.— Такие, как дома были. Хорошие. На работу ходят, в школу, в церковь. У них дети, они развлекаются. Они вам понравятся, правда!

Определенно он мог сказать одно: его ждут друзья, а значит, он тоже должен лететь.

Так Лазарю, против собственной воли, пришлось включить в отряд Ханса Уэзерэла, его носилки и Дженис Шмидт в придачу.

Вернувшись из экспедиции, Лазарь имел долгий конфиденциальный разговор с Кингом, а доклады специалистов тем временем тщательно анализировались и сопоставлялись.

— Совсем как Земля, капитан, даже тоска берет. И одновременно так от нее отличается, что с ума можно сойти! Все равно, что глянуть в зеркало и увидеть отражение без носа и с тремя глазами. Неприятно, знаете ли...

— А туземцы?

— Сейчас, сейчас. Сначала мы быстро осмотрели светлую сторону, чтобы сориентироваться в обстановке, и ничего такого нового не заметили. Потом я направил шлюпку вниз — куда Ханс указал — на пустырь недалеко от центра одного ихнего города. Сам я никогда бы в таком месте садиться не стал — лучше бы для начала оглядеться, да глаз никому не мозолить. Но вы сами велели делать, как он скажет.

— Действовать по своему усмотрению вам тоже никто не запрещал,— заметил Кинг.

— Так-то оно так... В общем, мы сели, и пока техники брали почву и воздух на анализ, возле шлюпки целая толпа собралась! Такие... Впрочем, стереографии вы уже видели.

— Да. Поразительно похожи на человека!

— Какого дьявола, похожи! Взаправдашние люди. Хоть и не земляне, конечно. Ох, не нравится мне это.

Кинг не спорил. На снимках были запечатлены двуногие существа, семи-восьми футов росту, двусторонне симметричные, явно обладающие внутренним скелетом, с ярко выраженной головой и самыми обычными глазами. Как раз глаза и были самой притягательной, почти человеческой чертой: огромные, глубокие, трагичные, примерно такие бывают у сенбернаров.

Остальные же черты их лиц не отличались привлекательностью. Взглянув на беззубые, неправильной формы рты с раздвоенной верхней губой, Кинг отвернулся, подумав, что ему придется очень уж долго привыкать к этим тварям, прежде чем он сможет чувствовать к ним хоть малейшую симпатию.

— Продолжайте.

— Мы открыли люк, я вышел вначале один. В руках у меня ничего не было, я старался выглядеть как можно дружелюбнее. Трое туземцев вышли вперед — то есть, скорее, бросились — однако ко мне интереса не проявили, будто ждали кого-то другого. Тогда я приказал вынести Ханса. Капитан, вы бы видели — они над ним захлопотали, как над братом родным! Даже больше, это было что-то вроде триумфального возвращения короля! С остальными они вежливо обходились, конечно, но Хансу явно отдавали предпочтение.

Лазарь поколебался.

— Капитан... Вы в переселение душ верите?

— Не то чтобы... Но достаточно спокойно к этой байке отношусь. Однажды мне довелось прочесть отчет комиссии Фроулинга.

— Да мне бы и в голову это не пришло, но как иначе объяснить прием, который они Хансу устроили?

— Да на кой черт его объяснять. Давайте дальше. Как по-вашему, сможем мы здесь высадиться и поселиться?

— Ну, тут и сомневаться нечего,— ответил Лазарь.— Ханс ведь на самом деле может с ними общаться — телепатически. Так вот, он сказал: боги позволили нам тут остаться, и туземцы вовсю готовятся нас принять.

— Как?!

— Вот так. Ждут, мол, с нетерпением.

— Отлично.

— Думаете?

Только тут Кинг заметил тревогу на лице Лазаря.

— Но вы ведь привезли доклад, благоприятный во всех отношениях,— отчего же теперь кукситесь?

— Черт его знает. И все же я предпочел бы незаселенную планету. Знаете, капитан, дешево — да гнило...

2

Джокайра — или, как выговаривали некоторые, жахейра — предоставили колонистам целый город.

Такая поразительная щедрость — а также неодолимое единодушное желание родичей почувствовать землю под ногами и свежий ветерок на лице — значительно ускорили высадку. Вначале на это мероприятие отвели около года, а спящих собирались разбудить лишь тогда, когда появится возможность их пристроить, но на поверку вышло, что единственным сдерживающим фактором оказался малый тоннаж шлюпок. Перевозить на планету можно было всех: для размещения ста тысяч человек условия были налицо.

Город джокайра, отданный колонистам, конечно же, не предназначался для проживания людей — обитатели планеты сильно отличались от землян, а стало быть, их жизненные потребности и культурные запросы — тоже. Однако любой город прежде всего должен обеспечивать насущные нужды: крышу над головой, гигиену и связь. Разумные существа, обитающие в различных условиях, способны решить проблемы совместного проживания множеством способов. А что касается теплокровных, дышащих кислородом и гуманоидных созданий, то творения их рук, пусть даже самые экзотические с виду, должны быть в конечном счете пригодными для людей.

Кое в чем город выглядел гораздо причудливее, чем любая сюрреалистическая картина, однако даже на родной Земле люди жили и в иглу, и в травяных шалашах, и даже в автоматизированных ледяных пещерах Антарктиды. Поэтому колонисты поселились в городе джокайра с радостью и тут же принялись перестраивать его для собственных нужд.

За работу взялись с энтузиазмом, хотя дел предстояло много. «Крышу над головой» представляли здания, похожие на пещеры, которые независимо от прямого их назначения можно было использовать для сна, отдыха, хранения припасов и организации производства. Были здесь и настоящие подземелья — при строительстве джокайра основательно углублялись в землю. Что ж, в

некоторых обстоятельствах люди довольно быстро уподоблялись троглодитам — и не только в Антарктике, но даже в Нью-Йорке.

С питьевой водой проблем не было — в городе имелся водопровод. Сложнее обстояли дела с гигиеной — единая система канализации отсутствовала. Джокайра водой не мылись, у них были иные гигиенические запросы. А потому было решено приступить к оборудованию временного аналога корабельной канализации с учетом местных условий. Самые скромные запросы можно было обеспечить при помощи стоков, но мечты о ванне оставались мечтами до тех пор, пока мощности водоснабжения и канализации не вырастут раз в десять. Впрочем, ванна предметом первой необходимости и не являлась.

Однако все эти хлопоты были отодвинуты на второй план проблемой установки гидропонных ферм — ведь спящих не следовало выводить из анабиоза, пока не будет налажено бесперебойное снабжение пищей. Те, кому не терпелось устроить все как можно скорей, предлагали снять всю гидропонику с «Нью-Фронтирс», переправить на планету, собрать и наладить там, питаясь пока запасами консервированных продуктов. Кто поосторожнее, настаивали на переброске лишь одной фермы и производстве пищи на корабле, упирая на то, что неизвестный грибок или вирус может поразить земные культуры — и тогда голод будет неизбежен.

Осмотрительное меньшинство, возглавляемое Фордом, Барстоу и Кингом, в конце концов одержало победу. Одну из корабельных ферм отключили, осушили и, разобрав на части, загрузили в шлюпки.

Но до поверхности планеты так эта ферма и не добралась. Местные сельскохозяйственные культуры оказались вполне пригодными для людей — джокайра буквально навязывали их гостям. Тогда было принято решение: выращивать земные растения на местной почве, чтобы разнообразить стол родичей. Прирожденные фермеры, джокайра взяли это дело в свои руки — нужды в продуктах они никогда не знали и, похоже, рады были оказать гостям услугу.

Как только продовольственные проблемы были решены, Форд перевел свой штаб в город. Кинг остался на корабле. По

мере расширения возможностей, спящих размораживали и переправляли на планету — рабочих рук не хватало. Дел был непочатый край, даже при ориентации на минимум удобств.

Две культуры совершенно не походили друг на друга. Джокайра всегда были готовы помочь, однако работы, проводимые колонистами, нередко приводили их в изумление. Например, туземцы, похоже, не знали потребности в уединении — внутри их построек почти не было перегородок — устойчивость сооружения обеспечивали колонны либо опоры. Они недоумевали: для чего так упорно разбивать прекрасные, просторные помещения на тесные клетушки и коридоры? Мысль об интимности некоторых сторон жизни была для них совершенно чужда.

Возможно — этого так и не удалось установить, поскольку общение оставалось лишь поверхностным,— туземцы решили, что уединение имеет для людей религиозное значение. Для строительства стен они выделили колонистам какой-то тонкий листовой материал — только инструменты землян для него не годились и пришлось использовать местные. Материал обладал свойствами, которые довели земных инженеров чуть ли не до истерики: он не поддавался ничему — даже реакции, разрушавшие фторопласт, используемый в строительстве ядерных реакторов, оказались бессильными. Алмазные пилы, высокие и низкие температуры ничуть не вредили ему; он абсолютно не пропускал света, звука и радиолучей. Сопротивление материала не поддавалось измерению — его просто невозможно было разрушить. Но инструменты джокайра — даже в руках людей — пилили его, гнули, сваривали.

Земным инженерам пришлось привыкать к таким ситуациям. По уровню развития технологии джокайра были цивилизованы не меньше землян, но они шли вперед другим путем.

Глубокие различия культур заключались не в одной технологии. Мышление джокайра, система ценностей, общественная структура и строение языка были совершенно непонятны колонистам.

Оливер Джонсон, семантик, отвечавший за налаживание контактов с аборигенами, нашел, что задача сильно упрощается благодаря Хансу Уэзерэлу.

— Конечно,— объяснял он Форду с Лазарем,— Ханс не законченный идиот, но все же и не гений, поэтому запас слов, полученный с его помощью, весьма ограничен. Он далеко не все может понять, однако основной словарик, от которого можно оттолкнуться, у меня уже есть.

— А разве этого словаря не хватит? — спросил Форд.— Я слышал, восьмисот слов хватает, чтобы выразить любую мысль.

— Доля правы в этом есть,— согласился Джонсон,— этого достаточно, чтобы объясниться в любой ситуации. Я отобрал примерно семьсот понятий — служебных и вспомогательных слов, чтобы на их основе смоделировать приемлемое для нас подобие языка. Но вот анализ смысловых тонкостей и оттенков придется отложить, так как их культуры мы почти не понимаем. Говорить на абстрактные темы с бедным словарем почти невозможно.

— Хрен с ними,— заявил Лазарь,— семи сотен слов мне за глаза хватит. Я не собираюсь им в любви объясняться или высокую поэзию разводить.

Утверждение, похоже, не было голословным. За две недели многие колонисты освоили бэйзик-джок и довольно бойко объяснялись с туземцами. Еще в школах они приобрели определенные мнемонические и семантические навыки, и поэтому небольшой разговорный словарь освоили очень быстро, так как имели возможность часто общаться с туземцами. Конечно, и тут не обошлось без скандальчика: некоторые твердолобые тупицы считали, что это «дикарям» следует учить английский.

Джокайра же английским не интересовались. Это и неудивительно: к чему миллионам туземцев язык немногочисленной группы землян? К тому же «заячья губа» не позволяла им произносить верно звуки «м», «б» и «п» — а люди воспроизводили местные гортанные, свистящие, зубные звуки и щелчки с легкостью.

Лазарь был вынужден изменить свое отношение к джокайра. Со временем, когда колонисты привыкли к их внешности, они не могли не проникнуться к аборигенам симпатией. Такие гостеприимные, щедрые, дружелюбные; так стремятся во всем угодить! Лазарь особенно привязался к джокайра по имени Криил Сарлоо, бывшему вроде посредника между туземцами и колонистами. Среди своих соотечественников он занимал положение,

приблизительно передаваемое сразу четырьмя словами: «отец-учитель-наставник-вождь». Однажды он пригласил Лазаря в гости в город джокайра, расположенный недалеко от колонии.

— Мои люди будут рады видеть тебя и чуять запах твоей шкуры,— сказал он.— Это будет к счастью, и боги будут довольны.

Похоже, Сарлоо без богов шагу ступить не мог. Но Лазарю до этого дела не было — к чужим верованиям он относился с равнодушной терпимостью.

— Я приду, Сарлоо, старина,— ответил он.— Я тоже буду рад.

Сарлоо усадил гостя в обычный для здешних мест экипаж — похожую на глубокую тарелку повозку без колес. Она бесшумно и быстро летела невысоко над землей, иногда касаясь ее и скользя по траве. Лазарь сжался на ее дне, а Сарлоо все прибавлял скорость, пока встречный ветер не вышиб слезу из глаз Лазаря.

— Сарлоо! — стараясь перекричать свист рассекаемого воздуха, крикнул он.— А как эта штука работает? Энергия откуда?

— Боги вдыхают в нее...— Сарлоо употребил слово, отсутствующее в словаре,— и она не может не сменить места.

Лазарь начал интересоваться подробностями, но вскоре оставил расспросы: в ответах Сарлоо было что-то знакомое, и теперь он понял, что именно. Однажды ему довелось вот таким образом объяснять венерианскому «водяному» устройство дизельного двигателя старенького вездехода. Лазарь вовсе не собирался ничего скрывать, но ответы волей-неволей выходили туманными из-за ограниченного запаса знакомых обоим слов.

И все же — безвыходных положений не бывает.

— Сарлоо, я хочу взглянуть на изображения того, что у нее внутри,— настойчиво сказал Лазарь, указывая на машину.— У вас такие имеются?

— Изображения есть,— согласился Сарлоо.— Они в храме. Ты не должен входить в храм.

Его огромные глазищи печально взирали на Лазаря. Тот почти физически ощутил: джокайра безмерно жалеет его, обделенного милостью богов. Лазарь поспешил сменить тему.

Но венерианские воспоминания напомнили ему еще об одной загадке. Водяные никогда не видели неба, плотно затянутого непроницаемым облачным слоем Венеры, и не верили в

астрономию. Прибытие людей вынудило их пересмотреть свою концепцию мироздания, однако новая не была ближе к истине. Интересно бы, подумал Лазарь, выяснить, что думают местные о пришельцах из космоса. Похоже, они не слишком удивились появлению людей. Или это ему только кажется?

— Сарлоо, а ты знаешь, откуда прибыл я и мои братья?

— Я знаю,— ответил Сарлоо.— Вы пришли от далекого солнца. Оно очень далеко. Пройдет много лет, пока свет пролетит столько.

Лазарь был поражен.

— Кто тебе сказал?

— Нам сказали боги. И твой брат Либби.

Лазарь готов был биться об заклад, что боги об этом даже не заикались, пока Либби не объяснил все Криилу Сарлоо, но держал свое мнение при себе. Он хотел спросить, удивился ли Сарлоо их прибытию, но обнаружил, что не знает ни одного местного слова, означавшего удивление. Он соображал, в какую бы форму облечь свою мысль, но тут Сарлоо заговорил:

— Отцы наших отцов тоже умели летать в небе — до прихода богов. Боги, в мудрости своей, велели больше не летать.

Еще одна ложь, подумал Лазарь; черта с два они когда-нибудь покидали планету, никаких признаков этого обнаружить не удалось.

В тот вечер в доме Сарлоо Лазарю пришлось пройти через, как он понял, процедуру развлечения почетного гостя. Сарлоо усадил его на корточки рядом со своим местом на возвышении в центре просторного зала, служившего клану Криила чем-то наподобие кают-компании, и он целых два часа слушал вой, вероятно являвшийся образчиком местного вокального искусства. Лазарь стойко претерпел предложенное развлечение, но про себя решил: если разом прищемить хвосты полусотне кошек, и то выйдет куда благозвучнее.

Он вспомнил, как Либби настаивал на предположении, что этот хоровой вой, столь популярный у джокайра, действительно является пением, и люди даже смогут получать от него удовольствие, если выучат местный звукоряд.

Лазарь в этом очень сомневался, однако вынужден был признать, что Либби понимал джокайра лучше всех родичей.

Либби находил, что они прекрасные, очень тонкие математики; по крайней мере, они ничуть не уступали в этом искусстве ему. Колонистам и арифметика джокайра казалась непостижимой. Любое число, большое или малое, для туземцев было индивидуальной сущностью и воспринималось само по себе, а не в качестве совокупности других чисел. Поэтому они использовали любые удобные для них позиционные и степенные обозначения с любыми основаниями — рациональными, иррациональными, переменными, и даже при отсутствии основания.

Просто счастье, что Либби мог выступать в роли математического переводчика между джокайра и Семьями! Иначе им никогда не удалось бы почерпнуть у туземцев столько новых технических знаний.

Интересно, думал Лазарь, почему джокайра ни капли не интересуются земными технологиями пришельцев?

Наконец вой прекратился, и Лазарь оставил размышления. Принесли угощение; семейство Криил взялось за еду с суетливым энтузиазмом, сопутствовавшим всем их занятиям. Достоинства им не хватает, подумал Лазарь. Перед Криилом Сарлоо была поставлена огромная чаша, до краев наполненная какой-то бесформенной массой. Тут же вокруг нее столпилось около дюжины Криилов, которые принялись черпать еду руками, не обращая на вождя никакого внимания. Сарлоо, разогнав их подзатыльниками, запустил в чашу руку, выгреб горсть массы, скатал ее в шарик и протянул Лазарю.

Брезгливостью Лазарь не отличался, и все же ему пришлось напомнить себе: во-первых, пища джокайра для людей безвредна, а во-вторых, если он откажется от угощения, то уже никогда не узнает о туземцах ничего интересного.

Он откусил большой кусок. Бывает хуже. Это было скорее безвкусно и вязко, без какого-либо определенного запаха. Приятного мало, но есть можно. Решив во что бы то ни стало поддержать достоинство человеческой расы, Лазарь мрачно принялся жевать, пообещав себе роскошный обед, как только вернется домой. Но вдруг почувствовал, что следующий кусок обязательно вывернет его наизнанку, что с точки зрения дипломатии не

совсем полезно. И тут он понял, как быть. Запустив руку в чашу, он набрал солидную пригоршню содержимого, скатал шарик и протянул его Сарлоо.

Да, мысль оказалась блестящей и своевременной. До самого конца пиршества Лазарь непрестанно кормил Сарлоо. Прожорливости хозяина оставалось только удивляться.

После еды последовал тихий час. Лазарь тоже улегся со всем семейством. Спали все там же, где и ели, сгрудившись на полу, будто куча опавших листьев или щенки в корзине. К удивлению своему, Лазарь спал очень крепко и не проснулся до тех пор, пока на лицо его не упали лучи искусственного солнца, зажегшегося под потолком и возвестившего о том, что снаружи светает. Сарлоо еще спал и храпел совсем по-человечески. Один из малышей джокайра доверчиво прикорнул рядом, пристроив головенку на животе вождя.

За спиной Лазаря раздался шорох; кто-то коснулся его бедра. Осторожно обернувшись, он увидел, что другой малыш — по земным меркам, лет шести — вытащил из кобуры его бластер и теперь с любопытством заглядывает в ствол.

Быстро, но аккуратно Лазарь отнял у малыша смертоносную игрушку. Ребенок расстался с ней весьма неохотно. Осмотрев бластер, Лазарь с облегчением убедился, что предохранитель опущен, и убрал оружие в кобуру. Малыш явно собрался зареветь.

— Чш-ш-ш,— прошептал Лазарь,— а то разбудишь своего старика. Поди-ка сюда.

Взяв малыша на руки, он принялся баюкать его. Джокайренныш прижался к Лазарю и, закрыв глаза, засопел.

Лазарь оглядел спящего малыша.

— Симпатичный,— добродушно проворчал он.— Я вполне мог бы к тебе привязаться, только вот пахнете вы...

Некоторые эпизоды в межрасовых отношениях были бы даже забавны, если бы не таили в себе потенциальную опасность — как, например, в случае с Хьюбертом, сыном Элеоноры Джонсон. Этот незадачливый карапуз отличался слишком уж большим любопытством. Однажды он подошел посмотреть, как двое техников — человек и джокайра — устанавливают на земное оборудование

местный источник энергии. Ребенок позабавил туземца, и тот, в порыве дружелюбия, подхватил малыша на руки.

Хьюберт поднял рев, и его мать, всегда находившаяся неподалеку от сына, бросилась на выручку. Намерения у нее были самые кровожадные, но, к счастью, сил и навыков не хватило: великан-туземец остался цел и невредим. Однако ситуация сложилась не из приятных.

Администратору Форду и Оливеру Джонсону пришлось потратить много сил, чтобы объяснить опешившим джокайра суть случившегося. Хорошо, что туземцы скорее огорчились, чем возроптали.

Позже Форд вызвал Элеонору Джонсон к себе.

— Ваша непроходимая тупость поставила под удар всю колонию.

— Но я...

— Ма-алчать! Если бы вы не избаловали мальчишку донельзя, он вел бы себя прилично. А если бы вы не были глупы, как пробка, то не давали бы воли рукам. Ваш сын сегодня же начнет посещать занятия, а вы прекратите держать его у своей юбки! И зарубите себе на носу: если я еще раз замечу с вашей стороны хоть малейшие признаки враждебности к туземцам, вы в принудительном порядке отправитесь в анабиоз на несколько лет! А теперь — вон отсюда!

Почти таким же образом Форду пришлось обойтись и с Дженис Шмидт. Интерес, проявленный джокайра к Хансу Уэзерэлу, вскоре распространился и на остальных телепатов. Аборигены впадали в настоящий экстаз, видя существо, способное общаться с ними непосредственно. Криил Сарлоо объявил Форду, что очень желал бы поместить телепатов отдельно от других дефективных в здании бывшего храма, где джокайра смогли бы ухаживать за ними. Просьба очень походила на требование.

Дженис Шмидт весьма неохотно поддалась на уговоры Форда пойти джокайра навстречу. Необходимость удовлетворить их просьбу Форд объяснял тем, что земляне многим обязаны аборигенам. И вскоре местные сиделки, под ревнивым надзором Дженис, смогли приступить к своим обязанностям.

Однако оказалось, что у телепатов, умственное развитие которых хоть немного превосходило полуидиотизм Ханса Уэзерэла, присутствие джокайра вызывает острые и тяжелые психозы.

Форду пришлось расхлебывать и это, но негодование Дженис Шмидт было значительно разумнее и мощнее, чем у Элеоноры Джонсон. Чтобы сохранить мир, Форд вынужден был пригрозить Дженис полным отстранением от должности. Криил Сарлоо, глубоко огорченный и потрясенный, пошел на компромисс, заключавшийся в том, что джокайра взялись ухаживать лишь за полными кретинами, а присмотр за телепатами с более высоким уровнем развития продолжали осуществлять люди.

Но самые большие трудности были связаны с... фамилиями.

Любой джокайра имел имя и фамилию, причем фамилий, как и в Семьях, было немного. Фамилия туземца, кроме клановой принадлежности, обозначала и храм, который он посещал.

Однажды Криил Сарлоо заговорил с Фордом на эту тему.

— О Верховный Отец Чужестранных Братьев наших,— объявил он.— Настало время тебе и детям твоим принять фамилии.

Естественно, говорил Сарлоо на своем родном языке, поэтому в переводе на английский смысл некоторых понятий неизбежно искажался.

Но Форд уже привык к подобного рода трудностям.

— Сарлоо, друг мой, я слышал твои слова, но смысл их мне непонятен. Говори более полно, прошу тебя.

Сарлоо начал заново:

— Иноплеменный брат мой! Времена года приходят и уходят, теперь же настала пора созревания. Боги сказали нам, что вы, иноплеменные братья наши, уже достигли такой зрелости, что должны выбрать себе племя и храм. И я пришел к тебе, чтобы договориться о церемониях, во время которых каждый сможет выбрать себе фамилию. Это я говорю тебе от имени богов. Но осмелюсь и от себя сказать: я буду счастлив, если ты, брат мой Форд, остановишь свой выбор на храме Криила!

Некоторое время Форд молчал, вникая в смысл его слов.

— Я счастлив, что ты предлагаешь мне свою фамилию, брат Сарлоо. Но у меня и моего народа есть собственные фамилии.

Чмокнув губами, Сарлоо отверг этот довод:

— Их теперешние фамилии — просто слова и ничего более. Теперь им пора выбрать себе настоящие, указующие определенный храм и имя бога, коему надлежит поклоняться. Ведь дети растут и становятся взрослыми!

Форд решил, что без советчика здесь не обойтись.

— И это нужно сделать немедленно?

— Еще не сегодня, но как можно раньше. Боги терпеливы.

Форд созвонился с Заккуром Барстоу, Оливером Джонсоном, Лазарем Лонгом и Ральфом Шульцем и передал им содержание беседы. Прокрутив запись несколько раз, Джонсон хотел как можно лучше вникнуть в суть сказанного, подготовил разные варианты перевода, но от этого дело яснее не стало.

— Похоже,— высказался Лазарь,— либо принимай нашу веру, либо выметайся.

— Верно,— согласился Заккур Барстоу,— пожалуй, здесь все ясно. Что ж, по-моему, стоит согласиться. Из наших лишь немногие имеют какие-либо религиозные предрассудки, которые помешали бы им участвовать в местных культовых действах.

— Вероятно, вы правы,— согласился Форд.— Например, я вовсе не против ради мира с ними прибавить к своему имени фамилию Криил и поклоняться их богу.— Он сдвинул брови.— Но я бы не хотел спокойно смотреть, как их культура поглощает нашу.

— На этот счет не беспокойтесь,— заверил Ральф Шульц.— Неважно, что мы станем делать ради того, чтобы их ублажить. Культурная ассимиляция в любом случае исключена: мы совершенно не похожи на них; я только теперь начинаю понимать, насколько различия между нами глубоки.

— Вот именно,— сказал Лазарь,— *насколько*.

Форд повернулся к нему:

— Что вы этим хотите сказать? Вас что-то тревожит?

— Да ничего... Только вот я что-то никогда не разделял общего энтузиазма насчет этой планеты.

В конце концов договорились, что обряд посвящения пройдет вначале кто-нибудь один и расскажет о нем остальным. Лазарь настаивал на своей кандидатуре, ссылаясь на право старшего.

Ральф Шульц возражал: это его обязанность; но Форду удалось переспорить всех. Он заявил, что, как руководитель, отвечающий за всех, должен пойти сам.

Лазарь проводил его до входа в храм, предназначенный для церемонии. Форд был без одежды, как и всякий джокайра, Лазарь же оставался в килте, поскольку обряд не допускал присутствия посторонних. Многие колонисты, за долгие годы полета соскучившиеся по солнцу, предпочитали ходить нагишом там, где позволяли приличия, а джокайра практически вовсе не носили одежды, но Лазарь всегда был одет — отнюдь не в силу своих моральных принципов: бластер на голом человеке выглядел бы более чем странно.

Криил Сарлоо приветствовал гостей и повел Форда в храм. Лазарь крикнул вслед:

— Не вешай нос, браток! — и принялся ждать. Выкурил сигарету, прошелся взад-вперед. Лазарь понятия не имел, сколько времени уйдет на процедуру, и неопределенность усугубляла томительность ожидания: казалось, каждая минута тянется по меньшей мере полчаса.

Наконец двери распахнулись; из храма повалили туземцы. Они были чем-то сильно озабочены и при виде Лазаря отворачивали в сторону. Вскоре вход был свободен, и на пороге появился человек. Пулей вылетев из храма, он бросился бежать не разбирая дороги.

Это был Форд.

Не останавливаясь, он миновал Лазаря, слепо устремившись вперед, но через несколько шагов споткнулся и упал. Лазарь поспешил к нему.

Форд не пытался встать. Он лежал ничком; плечи его содрогались в неудержимых рыданиях. Лазарь, присев на корточки, тряхнул его:

— Слэйтон! Что стряслось? Что с тобой?

Форд поднял голову, взглянул на Лазаря мокрыми, полными ужаса глазами и на миг перестал рыдать. Говорить он не мог, но Лазаря, похоже, узнал — протянув руку, Форд прижался к нему и зарыдал пуще прежнего.

Рывком высвободившись, Лазарь отвесил Форду крепкую пощечину.

— А ну, прекрати! Выкладывай, что там стряслось?

Голова Форда мотнулась под ударом. Он прекратил плач, но все еще не в силах был говорить. Взгляд его был мутен. Вдруг на него упала чья-то тень. Оборачиваясь, Лазарь выхватил бластер. В нескольких футах от них стоял Криил Сарлоо, не делая попыток приблизиться. Удерживал его не бластер в руке Лазаря — бластеров он до этого никогда не видел.

— Ты?! — сказал Лазарь.— Чтоб вас... Что вы с ним сделали?

Сообразив, что туземец его не понимает, Лазарь перешел на местный язык:

— Что случилось с братом моим, Фордом?

— Возьми его,— выговорил Сарлоо дрожащими губами.— Плохо. Очень, очень плохо.

— Это ты мне говоришь?! — буркнул Лазарь, не удосужившись перевести это на язык джокайра.

3

Совет был экстренно созван в том же составе, за исключением председателя. Лазарь рассказал о происшедшем. Шульц доложил о состоянии Форда:

— Пока что медики не нашли никаких видимых причин его болезни. С уверенностью можно сказать, у администратора неизвестно чем вызванный острый психоз. В контакт с ним вступить до сих пор не удалось.

— А вообще-то он что-нибудь говорил? — спросил Барстоу.

— Несколько слов — и то самых простых. Еда, питье. Любая попытка выяснить, что же его настолько потрясло, вызывает мгновенный приступ истерики.

— И диагноза поставить невозможно?

— Что ж, если вы хотите узнать мое мнение, то, попросту говоря, он до смерти напуган. Но,— добавил Шульц,— я никогда не видел ничего подобного, хотя не раз имел дело с синдромом страха.

— А вот мне доводилось такое видеть,— неожиданно сказал Лазарь.

— Где? При каких обстоятельствах?

— Лет двести назад,— начал Лазарь,— когда я был еще маленьким, я поймал взрослого койота и запер в загоне. Я думал, что смогу его выдрессировать, как охотничью собаку. Но ничего из этого не вышло. И вот сейчас Форд ведет себя точь-в-точь как тот койот.

Наступило тягостное молчание. Тишину нарушил Шульц:

— Я не совсем понял, что вы хотите сказать. В чем же сходство?

— Да, в общем-то,— протянул Лазарь,— я только предполагаю... Что там стряслось, наверняка может сказать только сам Слэйтон, если в силах будет говорить. Я так думаю, мы все здорово обмишурились насчет этих джокайра. Мы посчитали их людьми только оттого, что они с виду похожи на нас и так же цивилизованны. А на самом деле они вовсе никакие не люди. Они — *домашние животные*. Нет, погодите,— добавил он,— я знаю, о чем вы думаете. На этой планете и люди есть, верно. Настоящие. Они живут в храмах, и джокайра зовут их богами. И это действительно боги!

Никто не перебивал Лазаря, и он продолжал:

— Конечно, вы сомневаетесь. Поймите: не собираюсь я вам тут метафизику разводить, просто говорю, что пришло в голову. Я уверен в одном: в храмах кто-то живет, и этот кто-то настолько могуществен, что его можно назвать богом. И кем бы эти твари ни были, именно они на этой планете главная раса, то есть люди. Все остальные — и мы, и джокайра — для них просто скоты бессмысленные, ручные или дикие. Мы ошиблись, посчитав местную религию за предрассудок, это совсем не так.

— И ты думаешь,— медленно произнес Барстоу,— именно здесь ключ к разгадке случившегося с Фордом?

— Верно. Он встретился с одним таким по имени Криил и сошел с ума.

— Судя по всему,— подытожил Шульц,— согласно вашей гипотезе, всякий человек от встречи с «богами» должен сойти с ума?

— Не совсем,— ответил Лазарь.— Больше всего я боюсь *не* сойти с ума от такой встречи.

В тот же день джокайра прекратили общаться с землянами. Это было к лучшему: над колонией и без того навис страх — страх перед неизвестностью, которая не имеет лица, неизвестностью, которая страшнее смерти, неизвестностью, сама встреча с которой может превратить человека в безвольное и бессмысленное животное. Никто больше не видел в туземцах отзывчивых и безобидных друзей. Они стали казаться марионетками, приманкой, закинутой незримыми, могущественными существами, обитающими в храмах.

Голосования не потребовалось. С единодушием толпы, стремящейся прочь из горящего дома, все колонисты захотели покинуть ужасную планету, и чем скорее, тем лучше. Командование принял Заккур Барстоу.

— Свяжитесь с Кингом! Пусть немедленно высылает все шлюпки, и постараемся убраться отсюда поскорее! — Он обеспокоенно запустил пятерню в волосы.— Сколько человек — максимум — может взять шлюпка? И сколько времени займет эвакуация?

Лазарь что-то пробормотал себе под нос.

— Что?

— Я говорю, не во времени дело. А вот — дадут ли нам эвакуироваться? Похоже, этим, что в храмах, новая скотинка позарез нужна! Мы то есть.

Лазарь был нужен, чтобы пилотировать шлюпку, но гораздо важнее — руководить толпой. Заккур Барстоу предложил ему собрать небольшую группу безопасности, но Лазарь, взглянув за его плечо, воскликнул:

— Ух ты! Гляди, Зак! Кажись, все! Приплыли...

Обернувшись, Заккур Барстоу увидел Криила Сарлоо, с величавым достоинством приближающегося к ним через зал. Ему никто не препятствовал — и скоро Барстоу понял, почему. Он пошел было навстречу, чтобы приветствовать гостя, но обнаружил, что не может подойти к нему ближе, чем на десять футов. Никакой видимой преграды не было — однако подойти он не мог.

— Приветствую тебя, несчастный брат мой,— начал Сарлоо.

— Привет и тебе, Криил Сарлоо.

— Боги сказали. Твой народ никогда не будет принят. Ты и твои братья должны уйти.

Лазарь облегченно перевел дух.

— Мы уходим, Криил Сарлоо,— печально ответил Барстоу.

— Боги требуют этого. Пусть ко мне подойдет брат твой Либби.

Заккур послал за Либби и вновь обратился к Сарлоо, однако джокайра безмолвствовал. Казалось, он никого не замечает вокруг. Оставалось только ждать.

Появился Либби. Сарлоо завел с ним долгий разговор. И Лазарь, и Барстоу стояли рядом и могли видеть, как шевелятся губы говорящих, но ничего не слышали. Лазарь считал, что обстоятельства — удручающие. Лопни мои глаза, думал он, я и сам такой трюк несколькими способами мог бы проделать — если бы оборудование было. Только, похоже, ни один из этих способов тут не использован, да и оборудования не видать.

Разговор закончился, и Сарлоо удалился, не прощаясь. Обернувшись к остальным, Либби заговорил, теперь его голос был слышен:

— Сарлоо сказал,— начал он, недоумевающе подняв брови,— что мы должны отправиться на планету, расположенную... э-э... не менее, чем в тридцати двух световых годах отсюда. Так решили боги.

Он прикусил губу.

— Ладно,— сказал Лазарь,— не время рассуждать. Хорошо, что вообще отпускают. Я так думаю, они бы запросто могли стереть нас в порошок. Вот взлетим, тогда и будем выбирать направление.

— И я того же мнения. Однако меня смущает то, что нам назначено точное время отлета: через три часа.

— Да это же невозможно! — воскликнул Барстоу.— Невероятно! Шлюпок не хватит.

Лазарь промолчал. Теперь он предпочитал не иметь собственного мнения.

* * *

Заккур изменил свое мнение очень скоро, тогда как Лазарь под давлением обстоятельств — приобрел. Сгоняя своих собратьев на поле, где шла погрузка, он вдруг почувствовал, что отрывается от земли. Он принялся бороться с неведомой силой; ноги и руки его не встречали никакого сопротивления, но земля по-прежнему удалялась. Закрыв глаза, Лазарь сосчитал до десяти и открыл их снова. Теперь он парил примерно в двух милях над землей.

Внизу, клубясь над городом, будто стая летучих мышей, взмывали в воздух бесчисленные темные точки. Некоторые из них, приблизившись, оказались людьми, землянами, его родичами.

Линия горизонта стиралась, планета постепенно становилась круглой, небо темнело, однако дыханию ничто не мешало, а кровеносные сосуды и не думали лопаться.

У люков «Нью-Фронтирс» уже висели целые гроздья людей, похожие на пчел, роящихся вокруг матки. Ступив на борт, Лазарь, наконец, смог перевести дух. Что ж, для начала неплохо.

Либби, едва унялась дрожь в коленях, разыскал капитана Кинга и передал ему слова Сарлоо. Кинг колебался.

— Черт его знает. Вы знаете о туземцах больше, чем я,— я ведь с ними и не общался. Но, между нами, мистер: как они ухитрились вернуть людей на корабль? В голове не укладывается. Это — самый замечательный взлет из тех, что мне доводилось видеть.

— Могу добавить, сэр: ощущения при этом тоже были весьма удивительными,— без улыбки признался Либби.— Лично я бы лучше прыгнул на лыжах с трамплина. Хорошо, что по вашему распоряжению люки были открыты.

— Люки,— буркнул Кинг,— были открыты без моего распоряжения.

Они пошли в рубку, намереваясь поскорее убраться подальше от планеты, с которой были изгнаны. Курс и направление решили выбрать позже.

— Да! Та планета, о которой говорил ваш Сарлоо,— спросил Кинг,— она принадлежит к системе звезды класса *G*?

— Да,— ответил Либби.— Землеподобная планета у звезды класса Солнца. У меня есть координаты, можно заглянуть в каталог. Однако о ней лучше всего забыть. Слишком далеко.

— Что ж...

Кинг включил обзорный экран. Несколько секунд ни один из них не мог вымолвить ни слова. Без каких-либо распоряжений Кинга, без прикосновения чьих-либо рук к пульту управления, «Нью-Фронтирс» лег на курс, заданный неведомым штурманом, и, словно по собственной воле, устремился в открытый космос.

— Я не могу сказать ничего толком,— несколько часов спустя говорил Либби Кингу, Заккуру Барстоу и Лазарю.— Пока мы не миновали световой барьер, я еще мог бы как-то определиться: к примеру, наш курс позволял предположить, что мы летим к той звезде, о которой, по воле богов, сообщил нам Криил Сарлоо. Но ускорение все нарастало, и звезд больше не было видно. Так что никакой возможности уточнить курс и наше положение в пространстве у меня нет.

— Подожди, Энди,— сказал Лазарь,— ты хоть примерно...

— Ну, если — если! — наш курс не изменился, мы, скорее всего, направляемся в район звезды *РК-3722,* о которой говорил Криил Сарлоо.

— А-а...— Лазарь обратился к Кингу.— Затормозить пробовали?

— Да,— кратко ответил Кинг.— Пульт не реагирует.

— Ага. Энди! Когда мы прибудем на место?

Либби беспомощно пожал плечами:

— Мне не хватает данных. Как я буду определять время, если не от чего отталкиваться?

Пространство и время, единые и нераздельные. После того как все разошлись, Либби долго еще размышлял над решением проблемы. Во всяком случае, пространство — а значит, и время — внутри корабля полностью находились в его распоряжении. Часы на борту тикали или жужжали, то есть шли, а люди периодически испытывали голод и утоляли его; уставали и отдыхали. Радиоактивные элементы распадались, физико-химические

процессы стремились к состоянию большей энтропии, и, наконец, собственное его сознание вело отсчет субъективного времени.

Однако люди, если верить глазам и приборам,— потеряли возможность ориентироваться по звездам, а значит потеряли и связь с остальной вселенной. Но какой вселенной? Никакой вселенной не было. Она исчезла. Движутся ли они? И что означает «движение» там, где нет объектов, мимо которых следует двигаться? Впрочем, эффект псевдопритяжения, вызванный вращением корабля, существовал.

Относительно чего мы вращаемся? — размышлял Либби. Что, если пространство обладает собственной структурой, этакой чистой, абсолютной, безотносительной структурой, наподобие давным-давно разоблаченного и благополучно забытого эфира, который так и не был обнаружен в ходе классических опытов Майкельсона-Морли, на основании чего была отвергнута сама мысль о возможности его существования, а следовательно, и существования скоростей, превышающих скорость света. А что, если корабль действительно превысил скорость света? А может, он, скорее, стал подобием гроба с призраками на борту, несущегося в никуда сквозь безвременье?

Под лопаткой Либби зачесалось. Он почесался и почувствовал, что левая нога его затекла, а сам он проголодался. Если я и умер, решил он, то смерть ничем не отличается от жизни.

Несколько успокоившись, он вышел из рубки и направился в столовую, обдумывая по дороге проблемы построения новой математики, которая бы позволила объяснить все эти диковинные явления. Над тем, как же гипотетическим богам удалось перебросить Семьи на корабль, Либби не задумывался. Вряд ли стоит надеяться когда-нибудь заполучить точные данные; самое большее, добросовестный, стремящийся к истине исследователь мог лишь констатировать факт и отметить, что он пока необъясним. Факт, безусловно, имел место: ведь сам он совсем недавно находился на поверхности планеты, а Шульц с помощниками до сих пор пичкают успокаивающим тех, кто был слишком уж потрясен этим вознесением на небеса.

Объяснить происшедшее Либби не мог и, за отсутствием исходных данных, не хотел даже пробовать. Чего ему действительно хотелось, так это разобраться со всей совокупностью мировых линий, с основной задачей физики поля.

Не считая пристрастия к математике, Либби был вполне обычным человеком и любил шумную атмосферу столовой № 9, хотя и по иным, нежели Лазарь, причинам: в компании тех, кто моложе, он чувствовал себя свободнее. Из всех же старших ему легче всего было общаться с Лазарем.

В «клубе» он узнал, что еда из-за предотлетной суматохи еще не готова, однако здесь был Лазарь и множество других знакомых. Либби решил посидеть с ними. Нэнси Уэзерэл, подвинувшись, освободила для него место:

— Вот кого я хотела бы видеть! От Лазаря, похоже, толку не добьешься. Куда же мы все-таки летим? И когда будем на месте?

Либби, как мог, разъяснил обстановку. Нэнси сморщила носик:

— Интересные дела! Похоже, бедной маленькой Нэнси опять придется крутиться, как белке в колесе!

— Почему же?

— Вам когда-нибудь приходилось ухаживать за спящими? Наверняка нет! Надоедает жутко! Постоянно их поворачивай, сгибай руки, разгибай ноги, разминай шеи, закрывай резервуар — и так без конца! Чтоб мне принять обет безбрачия — вот так уже осточертели все эти тела!

— От сумы да от тюрьмы...— вставил Лазарь.

— Не ваше дело, старый вы мошенник!

Элеонора Джонсон прервала их пикировку:

— А вот я рада снова быть на корабле! Эти джокайра — такие склизкие, бр-р-р!

— Предрассудки, Элеонора,— пожала плечами Нэнси.— Вообще-то они на свой манер ничего. Конечно, на нас не похожи, так ведь и собаки на нас не похожи. Не будешь же ты из-за этого плохо относиться к собакам.

— Да, именно,— печально сказал Лазарь.— Именно собаки.

— Что?

— То есть не в прямом, конечно, смысле собаки: и внешне не похожи, да, кроме того, развиты не слабее нас, кое в чем даже превосходят. Но все равно, они совсем как собаки. А те, кого они называют богами,— хозяева. Нас они приручить не смогли — вот и выгнали ко всем чертям.

Либби вспомнил о необъяснимом телекинезе, сеанс которого провели джокайра или их хозяева.

— Интересно,— сказал он,— что было бы, если б им удалось нас приручить? Наверное, нас научили бы многим интересным вещам.

— Выкинь из головы,— отрезал Лазарь.— Не пристало человеку быть чьей-либо собственностью.

— А что же ему пристало?

— Человек должен всегда и всюду оставаться человеком и быть на высоте! — Лазарь встал.— Ладно, мне пора.

Либби тоже хотел уйти, но его задержала Нэнси.

— Подожди. Я хочу тебя кое о чем спросить. Сейчас какой год, если по-земному?

Либби задумался. Наконец выдавил:

— Даже не знаю, что ответить. Это все равно, что вопрос: на какой высоте верх?

— Наверное, я не так спросила,— согласилась Нэнси.— Я в физике слабо разбираюсь, но помню: время — понятие относительное, а одновременность — термин, имеющий смысл только по отношению к точкам, расположенным достаточно близко друг к другу и в одной системе отсчета. Но все равно — я хотела бы кое-что узнать. Мы летели гораздо быстрее и улетели гораздо дальше, чем когда бы то ни было, так? А наши часы? Может, они замедлили ход или еще что-нибудь такое?

Либби был огорошен, как любой представитель точных наук, когда непосвященный пытается говорить о его профессии не на языке математики.

— Ты имеешь в виду сокращение Лоренца-Фицджеральда?* Уж извини, но всякий, кто говорит о нем словами, говорит чепуху.

— Но почему? — спросила Нэнси.

— Потому... Да потому, что словами его не объяснить. Формулы, использованные для описания явления, в данном случае

условно именуемого «сокращением», заведомо учитывают, что наблюдатель сам становится частью явления, тогда как обычный язык содержит в себе предпосылку, что мы в состоянии наблюдать это явление со стороны, а такую возможность математика отвергает. Любой наблюдатель является частью целого — как бы ему ни хотелось обратного.

— И все же? Допустим, нам прямо сейчас удалось бы увидеть Землю?

— Ну вот,— огорчился Либби,— я попробовал объяснить тебе хоть что-то словами и этим все еще больше запутал. Измерить время в прямом смысле этого слова невозможно, если два события разобщены в континууме. Измерить можно лишь интервал.

— А тогда что такое интервал? Столько-то пространства плюс столько-то времени?

— Да нет же! Интервал — это... Одним словом, интервал. Я могу дать формулы, его описывающие, но словами интервал не определить. Вот ты сама сможешь записать словами партитуру симфонического оркестра?!

— Нет. Конечно, это, вероятно, и можно сделать, но времени потребуется в тысячу раз больше.

— К тому же, музыканты все равно ничего не поймут, пока не взглянут на нотную запись. Именно это я и имел в виду, говоря, что слова не годятся. Однажды я уже имел дело с такими трудностями: меня попросили описать словами действие моего межзвездного двигателя и объяснить: почему, хоть он и работает за счет исчезновения инерции, для нас, внутри корабля, инерция не исчезает. Словами тут ничего не объяснить. Инерция — не просто слово такое, это — математическое понятие, используемое при математическом описании определенных явлений. Мне просто нечего было ответить!

Нэнси слегка растерялась, но продолжала настаивать:

— И все равно! Мой вопрос имеет смысл, пусть даже я его неправильно сформулировала. И нечего от меня отмахиваться! Вот, допустим, мы повернули назад и полетели к Земле тем же самым путем и, значит, удвоили корабельное время, так? Какой год будет на Земле, когда мы туда прилетим?

— Там будет... Сейчас.

Мозг Либби почти машинально принялся решать невероятно сложную задачу соотношения ускорений, интервалов, перемещений. Согретый внутренним сиянием математического озарения, он уже почти получил ответ, но вдруг вся задача рассыпалась в прах. Либби внезапно осознал: решений бесконечное множество и все они одинаково верны.

Это казалось невероятным. В реальной жизни, в отличие от фантастического мира математики, такая ситуация была бы абсурдной. Ответ на вопрос Нэнси должен существовать только один!

Возможно ли, что фундамент стройного здания теории относительности на самом деле совершенно абсурден? Или дело в том, что повторить весь путь в противоположном направлении физически невозможно?

— Над этим придется подумать,— сказал Либби и исчез прежде, чем Нэнси успела его задержать.

Однако раздумья ничуть не приблизили Либби к решению. Причиной тому был отнюдь не сбой в его математическом даре: он знал, что может составить матописание *любого* набора фактов. Вся трудность заключалась именно в недостатке данных. До тех пор, пока кто-нибудь не проделает межзвездный полет с околосветовой скоростью и не вернется в точку старта, математика бессильна.

Тут Либби поймал себя на том, что вспоминает свою родину — плато Озарк*. Интересно, по-прежнему ли холмы зеленеют и меж деревьев осенью стелется дым? Тут он вспомнил, что в рамках известных ему правил эти вопросы смысла не имеют. Его охватил приступ ностальгии. Последний раз он ощущал тоску по родине, когда отправился в первый свой дальний перелет, на службе в Космическом строительном.

Сомнение, неуверенность, чувство невосполнимой потери распространились по всему кораблю. На первом этапе путешествия Семьи были преисполнены надежд, как первые поселенцы, пересекающие прерии в своих фургонах, теперь же они мчались в никуда. Весь смысл прожитого дня сводился к тому, что завтра наступит следующий. Долгая жизнь потеряла всякую значимость и превратилась в тяжкое бремя.

* * *

Айра Говард, чье состояние легло в основу фонда его собственного имени, родился в 1825-м и умер от старости в 1873 году. Он продавал провизию золотоискателям в Сан-Франциско, занимался оптовыми поставками для армии в Гражданскую и малопомалу скопил приличную сумму.

И все это время отчаянно боялся смерти. Он нанял лучших врачей, чтобы продлить жизнь, и все же процессы старения застигли его в том возрасте, когда мужчина находится еще в расцвете лет. Медицина оказалась бессильной, но тем не менее его завещание гласило: деньги должны пойти на дело продления человеческой жизни. Распорядители фонда не смогли придумать ничего лучше, как, во исполнение его последней воли, приступить к поискам людей, наследственно предрасположенных к долголетию, и поощрять таковых к бракам между собой. Этот метод предвосхитил приемы Бербанка*. Знали ли распорядители о проясняющих многое работах монаха Грегора Менделя*, осталось неизвестным.

Увидев вошедшего в комнату Лазаря, Мэри Сперлинг отложила книгу. Тот повертел ее в руках:

— Что это, сестренка? Экклезиаст?! Вот уж не считал тебя набожной.

Он принялся читать вслух:

— «А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не все ли пойдет в одно место?» Что и говорить, книга не из веселых. Мэри, неужели тут нет чего повеселее? Вот, к примеру...— Он пробежал глазами по строчкам.— «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда». Или... Да, трудновато здесь что-нибудь не слишком мрачное отыскать! А, вот: «И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность — суета». Вот это уже по-нашему! Ни за что не хотел бы снова стать молодым, даже если б еще и приплатили!

— А я бы согласилась.

— Мэри, да что с тобой такое?! Сидишь, читаешь самую мрачную из всех книг Библии. Сплошные смерти да погребения. С чего бы?

— Лазарь, я старею,— она устало прикрыла глаза рукой.— О чем же еще думать?

— Это ты-то стареешь? Да ты свеженькая, как маргаритка!

Мэри подняла на него взгляд. Она знала, Лазарь лжет — ведь даже зеркало явственно отражало и седину в ее волосах, и дряблую кожу. Каждой клеточкой своей она чувствовала приближение старости. Но все же Лазарь был гораздо старше ее, а ведь — она знала это, благодаря работе в исследовательской лаборатории — он давно уже прожил отпущенный срок. Когда он родился, программа фонда насчитывала лишь три поколения, и линии, неустойчивые генетически, еще не были полностью выбракованы. Разве что произошло какое-нибудь совершенно немыслимое сочетание генов.

Но все же Лазарь стоял перед ней во плоти и полном здравии!

— Лазарь,— спросила Мэри,— а сколько ты намерен прожить?

— Я-то? Интересный вопрос. Вспоминается мне один тип, которого я как-то спрашивал насчет моей жизни. Ты никогда не слыхала про доктора Хьюго Пинеро?*

— Пинеро... Ах, да! Шарлатан Пинеро...

— Мэри, не был он шарлатаном. Он действительно мог предсказать точное время смерти каждого человека, без всяких яких.

— Но ведь... Ладно, не стану тебя перебивать. Что он тебе ответил?

— Погоди. Я хочу, чтобы ты убедилась: он не жульничал. Предсказания его сбывались минута в минуту, и не умри он, все страховые компании разорились бы к едрене-бабушке. Тебя тогда еще не было на свете, но я-то сам лично с этой историей знаком! Пинеро меня обследовал, и результат его, похоже, сбил с толку. Тогда он повторил исследование по новой, а потом просто вернул мне деньги обратно.

— Но что же он сказал?

— Я ни слова от него не смог добиться. Он просто стоял и глядел — то на меня, то на свою машину, а потом нахмурился и выставил меня вон. Так что не могу на твой вопрос ответить с определенностью.

— А как ты сам думаешь? Неужели ты надеешься жить вечно?

— Да нет, Мэри,— ответил Лазарь,— просто не собираюсь умирать, не думаю об этом, и все.

Они помолчали. Наконец Мэри сказала:

— Знаешь, я тоже не хочу умирать. Но какой смысл в нашем долголетии? Боюсь, что с возрастом мы не делаемся мудрее. Может, наша пора давно пришла, а мы все еще тянем резину, сидим в яслях, вместо того чтобы отправляться дальше? Может, мы после смерти возродимся опять?

— А фиг его знает,— сказал Лазарь.— И вряд ли это когда-нибудь точно выяснят. Однако — черт меня побери, если я вижу во всех этих тревогах хоть какой-то смысл! Так что не ломай голову. Я предлагаю вот что: живи, пока живется, и старайся узнать как можно больше. Может, мудрость и понимание припасены для нас в следующем рождении, а может, у нас их вовсе никогда не будет. Так, или этак — но я люблю жизнь и вполне ею доволен. Так что ты не терзайся понапрасну, сестренка! Какой в этом толк — все равно иного нам не дано.

На корабле понемногу установился тот же монотонный распорядок, что и при первом перелете. Большинство родичей легли в анабиоз, оставшиеся бодрствовать присматривали за ними, работали на фермах, следили за порядком на борту. На этот раз в анабиоз был уложен и Форд: холодный сон считался лучшим средством лечения тяжелых функциональных психозов.

Перелет занял семнадцать месяцев и три дня бортового времени.

Экипаж пребывал в вынужденном безделье. За несколько часов до достижения конечной цели на обзорном экране вдруг появились звезды, а корабль сбросил скорость до межпланетной. Никто не заметил торможения: какие бы неведомые силы ни управляли полетом, им были полностью подвластны любые массы. «Нью-Фронтирс» приблизился к симпатичной зеленой планете, примерно в ста миллионах миль от звезды, и вскоре Либби доложил капитану Кингу, что корабль находится на стационарной орбите.

Кинг осторожно взялся за управление, будто умершее с момента старта, на сей раз корабль подчинился. Таинственный пилот оставил их.

Либби, впрочем, решил, что никакие аллегории здесь не к месту. Полет их, несомненно, был запланирован, но вовсе не обязательно было кому-то или чему-то сопровождать корабль. Либби полагал, что боги джокайра представляют себе мироздание в виде совокупности предопределенных явлений, а значит, с их точки зрения, этот полет был фактом еще до появления землян. Однако словами, как всегда, трудно было что-нибудь объяснить. Грубо говоря, по его теории космической кривой им выделили одну из мировых линий, выводящую из обычного пространства, а затем снова вводящую в него. Добравшись до конца кривой, корабль вернулся в нормальное пространство, и приборы вновь заработали.

Он хотел было объяснить все это Лазарю и капитану, но те мало что поняли. К тому же с доказательствами у него было негусто, да и времени, чтобы облечь свои взгляды в стройную математическую систему, недостаточно, а стало быть, теория не могла удовлетворить ни слушателей, ни самого Либби.

Ни Лазарю, ни капитану не удалось выкроить минутку на обдумывание услышанного. На экране внутренней связи появился Барстоу:

— Капитан! Не могли бы вы подойти к седьмому кормовому люку? У нас гости!

Барстоу несколько преувеличил, гость был один. Он походил на мальчишку в маскарадном костюме кролика. Фигура его, с точки зрения Лазаря, была больше схожа с человеческой, нежели фигуры джокайра, однако он, судя по всему, не принадлежал к млекопитающим. Был он ни гол, ни одет — детское тельце покрывала нежная, золотистая шерстка. Яркие глазки светились разумом и глядели весело. Но Кинг был слишком изумлен, чтоб вникать в подробности. В мозгу его зазвучал голос или, вернее, возникла мысль:

— ...итак, руководитель здесь — вы. Добро пожаловать в наш мир. Мы ждали вас. Нас предупредили о вашем приходе.

Направленная телепатия.

Цивилизация, настолько развитая, доверчивая, дружелюбная, что позволяет себе такую роскошь — делиться мыслями! Да и не

только мыслями. Эти существа так доброжелательны и щедры, что предлагают пристанище на собственной планете! И посланник явился специально для этого!

Кингу все происходящее живо напомнило радушие джокайра; он напряженно думал, пытаясь угадать, в чем тут дело на этот раз.

Но посланец, похоже, читал его мысли:

— ...загляни в наши души... мы не держим на вас зла... мы, подобно вам, любим жизнь, пребывающую в вас...

— Спасибо,— громким, официальным голосом ответил Кинг.— Нам следует посоветоваться.

Он повернулся было к Барстоу, но, бросив взгляд назад, увидел, что посланец исчез.

— Лазарь! Куда он делся?

— А-а? Я-то откуда знаю?

— Да ты же прямо перед люком стоишь!

— Я приборы проверял. Если им верить, снаружи никто не причаливал. Я еще удивился, думал — сломались... Как же он к нам пробрался? И на чем прилетел?

— Но куда он ушел?

— Только не мимо меня.

— Заккур! Он ведь пришел через этот люк, так?

— Не знаю...

— Но вышел-то наверняка через него?

— Не-а,— сказал Лазарь.— *Этот люк не открывался* — все пломбы на месте.

Кинг осмотрел пломбы.

— Но не мог же он сквозь...

— Не смотри так на меня,— сказал Лазарь,— я ни капли не суеверен. Куда пропадает изображение, когда экран выключают?

И он удалился, напевая про себя какую-то песенку; Кинг никак не мог ее вспомнить. А слова, которые Лазарь не стал петь вслух, звучали так:

Прошлым вечером на крышу
Прогуляться гномик вышел...

4

В нежданном радушии хозяев подвоха, как будто, не было. Сами себя эти существа не называли никак, потому что не имели разговорного языка, и люди прозвали малышей Малым Народцем*. И Малый Народец, действительно, был рад гостям и помогал им, чем только мог. Туземцам без труда удалось убедить землян в своих добрых намерениях, ведь препятствий в общении, как в предыдущем случае, не было. И даже самые сокровенные мысли Малого Народца стали достоянием людей, но человеческие мысли «гномики» читали только те, что были обращены непосредственно к ним. Казалось, они либо не хотят, либо не могут воспринимать то, что предназначено не для них, а потому телепатическая связь подчинялась контролю не хуже обыкновенной речи. Между собой земляне общались по-прежнему — им телепатические способности не передались.

Эта планета еще больше, чем джокайрианская, была похожа на Землю. Чуть больше по размеру, но гравитация здесь была слабее, видимо удельная плотность ядра была невысока. Это косвенно подтверждалось полным отсутствием в местной культуре металлов.

Ось планеты была перпендикулярна плоскости орбиты, а не наклонена, подобно земной. Сама орбита была почти круговой, и афелий отличался от перигелия меньше, чем на один процент, а значит, не было смены времен года.

Не имела планета и такого громадного, тяжелого спутника, как Луна, который мог бы вызывать приливы и нарушать изостатический баланс поверхности. Холмы здесь были пологи, ветры — мягки, моря — спокойны. Надежды Лазаря на дикий, необузданный нрав стихий не оправдались: погоды здесь, пожалуй, вовсе никакой не было. Имелся лишь климат — причем такой, как в Калифорнии, вернее, в существовании которого пытались убедить все прочее человечество калифорнийцы.

А вот на планете Малого Народца такой климат и вправду был.

«Гномики» указали людям место высадки: широкий песчаный пляж, полого спускающийся к морю. За кромкой невысокого

берега начинались луга, тянувшиеся, миля за милей, до самого горизонта. Однообразный пейзаж перемежался лишь купами деревьев да кустарником. Вся местность дышала нарочитой аккуратностью, наводившей на мысль о специально разбитом парке, хоть следов явного разумного вмешательства и не было.

Именно здесь, как объяснил посланник первому разведотряду, им и предстояло жить.

«Гномики» неизменно оказывались там, где требовалась помощь, и при этом не стремились, подобно джокайра, быть полезными во всем. Они скорее напоминали старых друзей, всегда готовых протянуть руку помощи. «Гномик», сопровождавший первый отряд, огорошил Лазаря и Барстоу упоминанием о встрече с ними на корабле. Мех его был темно-лиловым, и Барстоу решил, что здесь либо недоразумение, либо «гномики» могут менять окраску. Лазарь, тот не сказал вслух ничего.

Барстоу спросил проводника, что думает Малый Народец о строительстве зданий — этот вопрос его очень волновал: ведь нигде не было видно никаких построек. Казалось, туземцы живут под землей, а в данном случае Барстоу хотел избежать действий, которые могли быть негативно восприняты местным правительством. Он говорил вслух, обращаясь к проводнику, чтобы тот наверняка воспринял адресованную ему мысль.

В ответе «гномика» чувствовалось удивление:

— ...чего вам должно нарушать прекрасный вид?.. для каких целей формировать строения?

— Для многих целей,— объяснил Барстоу.— Для того, чтобы укрываться от непогоды днем, для того, чтобы спать по ночам, для того, чтобы выращивать злаки и разводить скот и затем готовить из них пищу.— Он хотел объяснить, что такое гидропонная ферма, склад, кухня и прочее, но понадеялся на телепатическое восприятие собеседника.— А также для многого другого: лабораторий, мастерских, для тех аппаратов, с помощью которых мы связываемся друг с другом, то есть, другими словами, чтобы жить в этих зданиях!

— ...не сердитесь...— пришел ответ,— ...я так мало знаком с вашими обычаями... но скажите... неужели вам больше нравится спать вот в таких?..— Он указал на космические шлюпки,

возвышавшиеся над низким берегом. Мысль, использованная им для определения шлюпок, была эмоциональна. Лазарь тут же представил себе какое-то мертвое, удушающе-тесное пространство, что-то вроде тесной, вонючей будки видеофона или тюремной камеры, куда его однажды посадили.

— Таков наш обычай.

Наклонившись, «гномик» коснулся травы:

— ...разве плохо спать на этом?..

Лазарь мысленно согласился с ним. Земля была покрыта мягким, упругим ковром из нежной, ровной, густой травы. Сняв сандалии, он дал ступням окунуться в ее прохладу. Какой там газон — это настоящий ковер, решил Лазарь.

— ...что же до пищи...— продолжал «гномик»,— ...для чего трудиться, если добрая земля дает все сама?.. идемте...

Он провел землян через луг к купе невысоких деревьев, склоненных к журчащему ручью. «Листья» на них оказались непривычной формы плодами, размером с ладонь человека и в дюйм толщиной. Сорвав один, «гномик» принялся его с удовольствием есть.

Лазарь тоже сорвал плод и внимательно его рассмотрел. Он легко крошился, совсем как песочный бисквит, а внутри была маслянисто-желтая мякоть, рассыпчатая и одновременно упругая. Плод издавал сильный, приятный запах, напоминающий манговый.

— Лазарь, не ешь! — предупредил Барстоу.— Он еще не исследован.

— ...это гармонично вашему телу...

Лазарь еще раз понюхал плод.

— Зак, я его на себе испытаю.

— Что ж,— Барстоу пожал плечами.— Я предупреждал... Вольному воля.

Лазарь откусил. Вкус был удивительно нежным, а мякоть — достаточно упругой, чтобы задать работу зубам. Проглоченный кусок без проблем улегся в желудке.

Остальным Барстоу запретил пробовать плоды, пока не будет окончательной уверенности, что с Лазарем все благополучно. Самоотверженный экспериментатор немедленно воспользовался

привилегированным положением и поел всласть, решив, что так хорошо он не закусывал уже много лет.

— ...расскажите мне, чем вы обычно питаетесь?..— поинтересовался их маленький друг. Барстоу принялся объяснять, но его перебила следующая мысль:

— ...пусть все... об этом думают...

На какое-то время он умолк, а затем пришла еще одна мысль:

— ...вполне достаточно... мои жены об этом позаботятся...

Лазарь не был уверен, что в виду имелись именно жены, но, во всяком случае, понятие подразумевало некие родственные связи. Двуполы «гномики» или нет — до сих пор не было выяснено.

В эту ночь Лазарь спал под открытым небом. Умиротворяющий свет звезд изгонял из него остатки корабельной клаустрофобии. Отсюда найти знакомые созвездия было нелегко, однако ему показалось, что он видит холодно-голубую Вегу и оранжевый зрачок Антареса. Только Млечный путь оставался неизменным и пересекал небосвод такой же величественной аркой. Лазарь знал, что Солнца отсюда не видно — по крайней мере, невооруженным глазом,— даже если знать, в какой стороне искать; его абсолютная звездная величина мала, а расстояние до него — многие светогоды. Надо бы, сонно подумал он, настропалить Энди — пусть посчитает координаты, а потом поглядим на Солнце в телескоп — однако тут же заснул, не успев даже подумать, для чего, собственно, ему это нужно.

Раз уж на первых порах можно было обойтись без укрытий от непогоды и помещений для сна, Семьи переправились на планету в кратчайшие сроки. До оборудования колонии люди расположились на траве, будто во время пикника. Поначалу стол их ограничивался продуктами, привезенными с корабля, однако Лазарь после своих экспериментов с местными продуктами был в полном здравии, и колонисты постепенно полностью перешли на местную пищу, изредка разнообразя меню земными деликатесами.

Вскоре после выгрузки Лазарь, прогуливаясь неподалеку от лагеря, встретил одного из «гномиков». Туземец приветствовал его. Как и прочие «гномики», он говорил с оттенком доверительности, будто старый знакомый. Приведя Лазаря к роще чуть

в стороне от лагеря, он предложил отведать плоды, росшие на деревьях.

Лазарь не был голоден, однако решил не отказываться. Сорвав плод и надкусив его, он чуть не подавился. Картофельное пюре с томатным соусом!

— ...мы правильно уловили?..— услышал он мысленный вопрос.

— Да-а...— восхитился Лазарь.— Не знаю, что вы имели в виду, но вышло здорово!

В мозгу его удовлетворенно прозвучало:

— ...попробуй с другого дерева...

Осторожно, однако охотно Лазарь последовал совету. Запах плода напоминал свежий ржаной хлеб со сливочным маслом, но к нему примешивался привкус мороженого. Он не удивился, когда плод третьего дерева оказался жареным мясом с грибами.

— ...мы, в основном, пользовались твоими мыслями...— пояснил провожатый.— ...они были гораздо сильнее, чем мысли твоих жен...

Лазарь не стал растолковывать, что не женат. «Гномик» добавил:

— ...не было времени воплощать цвет и форму, бывшие в твоих мыслях. Это важно для вас?..

Лазарь поспешил заверить, что это вовсе ни к чему.

Вернувшись в лагерь, он рассказал о своей прогулке, а после долго убеждал родичей, что не валяет дурака.

Одним из тех, кому сказочная жизнь в стране пошла на пользу, был Слэйтон Форд. Он вышел из анабиоза вполне оправившимся от пережитого потрясения, остался лишь один болезненный симптом: он никак не мог вспомнить, что же произошло с ним в храме джокайра. Ральф Шульц счел это нормальной реакцией здорового организма на перегрузку и признал пациента полностью излеченным.

Теперь Форд казался куда моложе и счастливей, чем до болезни. Он не стал претендовать на официальные должности — да и осталось их, по чести сказать, немного. Семьи пребывали в анархической умиротворенности и пользовались всем, что в изобилии предоставила им великолепная планета, однако, обращаясь

к Форду, по-прежнему прибавляли к его имени уважительный титул и относились к нему, как к одному из старейшин. С ним часто советовались, к его мнению прислушивались так же, как к мнению Заккура Барстоу, Лазаря или капитана Кинга. Возрасту родичи не придавали большого значения — между близкими друзьями могла быть и столетняя разница в возрасте. В течение долгих лет они наблюдали Администратора в работе и ныне все так же признавали его за старшего, хоть большинству родичей он годился в сыновья.

Бесконечный пикник затянулся на недели, затем — на месяцы. После долгого, монотонного корабельного затворничества, где сон чередовался с работой, никто не смог устоять перед возможностью беззаботного отдыха — ничто не мешало здесь наслаждаться долгожданным покоем. Пищи было вдоволь, и доставалась она без труда, ее даже не нужно было готовить. В ручьях была прохладная и чистая вода, а что касается одежды, ее имелось сколько угодно, однако потребность в ней оказалась скорее эстетического, чем утилитарного плана: райский климат делал одежду ради защиты от непогоды совершенно бесполезной. Ею пользовались только те, кто упорно не желал расставаться с привычкой носить костюм. Прочим же вполне хватало браслетов, ожерелий и цветов в волосах — тем более что перед купанием в море не нужно было ничего этого снимать.

Лазарь по-прежнему носил килт.

Уровень культуры и степень развития Малого Народца трудно было оценить сразу, их образ жизни вызывал у людей недоумение. Из-за отсутствия внешних признаков высокого развития технологии: высотных зданий, механических транспортных средств, крупных энергостанций — их легко можно было счесть детьми природы, без забот живущих средь райских кущ.

Однако над водой видна лишь осьмушка всего айсберга.

Их знания в области физики были гораздо обширнее, чем знания людей. «Гномики» с вежливым интересом осмотрели шлюпки, то и дело сбивая своих провожатых с толку вопросами, почему то или это сделано так, а не этак. Предлагаемые ими решения были куда проще и оригинальнее.

Малый Народец прекрасно разбирался в машинах и механизмах, хотя сам ими не пользовался. Понятно, для связи «гномикам» не нужна была электроника, для передвижения тоже (хотя причина этого вначале была землянам не ясна). Вообще их потребность в технике практически сводилась к нулю. А если они никак не могли обойтись без какого-либо устройства, то легко изобретали его, претворяли идею в жизнь, использовали устройство по назначению и тут же уничтожали, действуя с поразительной оперативностью и согласованностью.

Но самым удивительным была их биология. «Гномики» манипулировали формами жизни совсем по-хозяйски. Им ничего не стоило вывести растения с плодами, дублирующими не только вкусовые, но и питательные свойства земной пищи, и все это в считанные дни. И решение такой задачи было для них делом самым заурядным. Это давалось им легче, чем земным цветоводам выведение цветов новой формы и расцветки. Методы работы Малого Народца коренным образом отличались от методов земных селекционеров. Если кто-нибудь спрашивал, как они это проделывают — а такие вопросы задавались не раз,— они говорили, что просто думают, каким растение должно стать. Что бы они ни подразумевали под этим, результат был налицо: взяв молодой росток, не прикасаясь к нему, не воздействуя на него каким-либо доступным человеческому глазу способом, за несколько часов они превращали его в цветущее, взрослое дерево, причем растение получалось совсем не таким, каким было вначале. И потомство этого растения сохраняло новые свойства...

Однако самое разительное отличие состояло вовсе не в уровне научных достижений. Отличие это было принципиальным. «Гномики» не были индивидуумами.

Ни один туземец не являлся носителем отдельной индивидуальности. Их индивиды состояли из нескольких тел. У них были коллективные «души». Основное звено общества представляли телепатически единые группы со множеством членов: количество тел и интеллектов, составляющих индивидуальность, никогда не было меньше тридцати, а порой доходило до девяноста и более.

Колонисты начали понимать то, что казалось необъяснимым, только уяснив себе реальное положение дел в жизнеустройстве Малого Народца. Имелись все основания думать, что туземцы, в свою очередь, находили землян весьма странными и непонятными. Они ведь наверняка считали, что все остальные носители разума устроены так же, как и они сами. Внезапное осознание своей несхожести с людьми повергло их в ужас — на несколько дней «гномики» оставили колонистов.

А после в лагерь пришел посланец, пожелавший встретиться с Заккуром Барстоу.

— ...мы сожалеем о том, что избегали вас... мы поторопились, приняв ваше горе за ненормальность... мы хотим помочь вам... мы предлагаем научить вас быть, как мы...

Барстоу не знал, что ответить на такое щедрое предложение.

— Мы благодарны вам за желание помочь,— сказал он.— Но то, какие мы есть, не беда наша, а образ жизни. Наши пути — это наши пути, и, я думаю, других нам никогда не постичь.

Мысль, пришедшая в ответ, была печальной:

— ...мы уже помогли многим обитателям земли и неба избавиться от их вечной борьбы... но если вы не хотите помощи, мы не станем навязывать ее.

Посланник удалился, оставив Заккура Барстоу в глубокой задумчивости. Кто знает, размышлял он, может, не стоило так торопиться с ответом, не посоветовавшись с остальными старейшинами? Ведь, например, телепатия — не из тех вещей, которыми можно пренебрегать. Быть может, Малый Народец смог бы обучить людей читать мысли, не теряя при этом своей человеческой индивидуальности. Но то, что он знал о телепатах из числа своих родичей, оставляло мало надежд на это. Среди них не было ни одного умственно полноценного, а многие были законченными идиотами, следовательно, овладение телепатией не было безобидным для людей делом. Так что с решением торопиться не стоит.

Это стало девизом колонистов: «куда торопиться?» Трудностей больше не существовало, круг необходимых дел сузился, а неотложные дела исчезли полностью. Солнце приятно пригревало, дни сменяли друг друга спокойно и размеренно. Благодаря

своему наследственному долголетию, родичи всегда имели склонность загадывать на будущее, теперь же они загадывали на вечность. Время утратило свое значение. Даже исследования продолжительности жизни, безостановочно ведущиеся в течение всей истории Семей, постепенно заглохли. Гордон Харди забросил свои эксперименты ради значительно более плодотворного занятия: он старался вызнать у Малого Народца, что ему известно о природе жизни. Овладение этими новыми сведениями оказалось делом нелегким, Харди тратил многие часы на то, чтобы осмыслить узнанное. Он и сам уже не замечал, что все больше времени тратит на размышления, и все меньше активно работает.

То, что он узнал, дало ему новую пищу для мучительных раздумий: «гномики» в некотором роде победили смерть.

Поскольку каждое «я» существовало во множестве тел, смерть одного тела не влекла за собой смерти всего «я». Воспоминания, опыт, накопленный телом, с его смертью не исчезали. Физические потери возмещались путем приема в группу новых членов, а коллективное «я» оставалось бессмертным — если, конечно, не уничтожить разом все составляющие его тела. Стало быть, существование личности у Малого Народца было непрерывным и фактически вечным.

До «свадьбы» или вступления в сообщество старших молодежь располагала самыми первыми, инстинктивными навыками разумного поведения и, похоже, не осознавала себя вовсе. В отношении умственной деятельности старшие ожидали от нее не больше, чем люди — от зародыша в материнской утробе. И на попечении каждого коллективного «я» всегда находилось множество таких несмышленышей, за которыми присматривали, как за беспомощными младенцами или новорожденными щенками; хотя по земным меркам они зачастую были не менее зрелыми, чем старшие.

Лазарю райская жизнь надоела раньше, чем большинству его собратьев.

— Нет, так больше нельзя,— сказал он однажды валявшемуся рядом на траве Либби.

— Тебя что-то беспокоит?

— Да, в общем-то, ничего...

Лазарь приставил свой нож к локтевому сгибу, крутанул его другой рукой и проследил, как он воткнется в мягкий дерн.

— Только вот — очень уж все это напоминает хороший зоопарк. И будущее у нас такое же, как у зоопарковых зверей.— Горестно крякнув, он добавил: — Какой-то, понимаешь, остров Гдетотам!*

— Так что же конкретно тебя беспокоит?

— Говорят же — ничего... Это-то и странно. Если честно, вот ты ничего подозрительного в этом пастбище не находишь?

— У нас дома, в горах, как считают? — застенчиво улыбнулся Либби.— Если дождик не каплет, так и крыша не течет, а коли дождь, то уж ничего не поделаешь. Пока что здесь вполне прилично. Но что тебя так мучает?

— Да вот...— бледно-голубые глаза Лазаря устремились вдаль, на время он прекратил забавляться с ножом.— Однажды, в молодости, занесло меня в южные моря...

— На Гавайи?

— Нет. Гораздо южнее. Понятия не имею, как это место нынче называется. Так вот, тяжеленько мне тогда пришлось, даже секстан продал и вскоре мог за туземца сойти. Я полностью уподобился местным дикарям и был вполне доволен такой жизнью. Но в один прекрасный день попалось мне на глаза зеркало...— Лазарь тяжко вздохнул.— Так я оттуда без памяти бежал и с трудом устроился на шаланду, возившую сырые кожи. Понимаешь, *как* мне хотелось оттуда выбраться?

Либби молчал.

— Вот ты чем все это время занимаешься? — не отставал от него Лазарь.

— Да все тем же — математикой. Хочу разработать принцип межзвездных перелетов, вроде того, каким нас сюда забросили.

— И как? Продвигается? — навострил уши Лазарь.

— Пока что не очень. Ты подожди... А иногда на облака смотрю. Знаешь, почти во всем можно найти удивительные математические соотношения, если только знать, что ищешь. В кругах на воде, в форме женской груди — кстати, изящнейшие функции пятого порядка.

— Чего-о? Ты, верно, хотел сказать «четвертого порядка»?

— Нет, именно пятого. Не забывай о времени. Люблю уравнения пятого порядка,— мечтательно сказал Либби.— И, кстати, в рыбах они тоже наблюдаются...

— Уф-ф-ф! — Лазарь поднялся.— Интересно все это, только не для меня.

— Ты куда?

— Прогуляюсь малость.

Лазарь пошел к северу. Шел он до самого вечера, а с наступлением темноты улегся спать прямо на землю. На рассвете он поднялся и отправился дальше. За первым днем последовал второй, третий. Идти было легко — поход напоминал скорее прогулку по парку. Даже слишком напоминал, решил про себя Лазарь. За один вид вулкана или стоящего водопада он охотно отдал бы целый доллар! И перочинный нож в придачу...

Деревья иногда казались странными с виду, но встречались во множестве, и на вкус их плоды были очень даже ничего. Довольно часто попадались навстречу «гномики», по одному либо группами, спешившие по неведомым своим делам. Лазаря ни разу не потревожили и не расспрашивали, куда он направляется, просто приветствовали, как добрые, старые друзья. Лазарь принялся гадать, встретился ли ему вообще хоть один незнакомый «гномик». Появилось неприятное ощущение слежки.

Постепенно ночи становились холоднее, да и дни тоже. Малый Народец встречался все реже, и однажды, не встретив за день ни одного «гномика», Лазарь остановился. Он провел на этом месте весь следующий день, посвятив его исследованию своего душевного состояния.

Пришлось признать, что никакой серьезной причины для неприязни к планете и ее обитателям нет. Тем не менее он был абсолютно уверен: ему это место не по вкусу. Ни одно известное Лазарю философское учение ничего не разъясняло толком насчет смысла человеческой жизни или того, как нужно жить. Возможно, кому-нибудь нравится греться на солнышке — только не ему; это Лазарь знал точно, хоть и не мог объяснить почему.

Решение, предопределившее участь Семей, сейчас казалось ему неисправимой ошибкой, гораздо достойнее было бы остаться и

отстаивать свои права, даже если бы Семьям суждено было погибнуть. Но вместо этого они пролетели полвселенной, чтобы отыскать себе тихий уголок, а он оказался занят существами, слишком уж превосходящими людей, для того чтобы с ними можно было сосуществовать. К тому же существа так были уверены в своем превосходстве, что даже не истребили незваных гостей, а просто вышвырнули на эту ухоженную поляну для гольфа.

Такие действия сами по себе являются не чем иным, как издевательством! «Нью-Фронтирс» являлся высшим достижением технической мысли человека, а его перенесли через пространство так же легко, как пушинку!

Малый Народец, кажется, не собирался гнать людей с планеты, но по-своему деморализовал их не меньше, чем боги джокайра. Отдельно взятый туземец был равен сознанием младенцу, но коллективный их интеллект оставлял далеко позади лучшие умы человечества, в том числе и Энди. Людям даже не приходилось надеяться достигнуть когда-нибудь такого уровня. Скорее кустарная мастерская выдержит конкуренцию с автоматизированной киберфабрикой. Если люди, будь это осуществимо, и согласятся на подобную ассимиляцию — в чем Лазарь очень сомневался,— то утратят право называться людьми — в чем Лазарь был абсолютно уверен.

Естественно, сам он при любом раскладе предпочел бы остаться человеком. Но он и был человек!

Дни шли, а Лазарь все спорил с самим собой. Его терзали противоречия, не дающие людям покоя с тех пор, когда первая обезьяна осознала себя как личность. Эти противоречия не решались ни с помощью набитого желудка, ни с помощью хитроумных машин. Итог бесконечных размышлений Лазаря ничем не отличался от того, к которому сводились все духовные искания его далеких предков: зачем все это? для чего живет человек? Ответа не было. Росла только подсознательная уверенность: для праздного времяпрепровождения человек не предназначен.

Тревожные раздумья неожиданно прервал один из «гномиков»:

— ...привет тебе, старый друг... твоя жена Кинг желает твоего возвращения и твоего совета...

— Что там стряслось? — спросил Лазарь.

На этот вопрос «гномик» то ли не мог, то ли не хотел отвечать. Затянув потуже пояс, Лазарь двинулся на юг.

— ...идти медленно нет надобности...— раздалось в его голове.

«Гномик» привел Лазаря на поляну за небольшой купой деревьев. Там стояло яйцевидное сооружение высотой около шести футов. Оно было совершенно гладким, если не считать дверцы сбоку. Туземец вошел внутрь, а за ним с трудом протиснулся Лазарь. Дверь закрылась... и почти тут же отворилась вновь. Лазарь обнаружил, что находится на пляже, неподалеку от земной колонии. Ничего себе!

Он поспешил к шлюпке, отведенной Кингом и Барстоу под административный центр.

— Посылали за мной, капитан? Что случилось?

Лицо Кинга было суровым.

— Это касается Мэри Сперлинг.

Лазарь почувствовал холодок меж лопаток.

— Умерла?

— Н... не совсем. Она ушла к Малому Народцу. «Вышла замуж» в одну из групп.

— Что-о?! Быть не может!

Лазарь оказался неправ. Конечно, о смешении людей с «гномиками» и речи быть не могло, но при наличии симпатии и обоюдного желания человеку ничто не мешало присоединиться к одному из коллективных «я», растворив в нем свою индивидуальность.

Мэри Сперлинг, постоянно терзаемая мыслями о неизбежной смерти, нашла выход в бессмертии коллективного «я». Встав перед извечной проблемой жизни и смерти, она не отдала предпочтения ни той ни другой. Она просто потеряла себя, отыскав группу, которая ее приняла.

— Это порождает массу новых проблем,— подытожил Кинг.— Слэйтон, Заккур и я сам решили, что тебе лучше быть рядом.

— Ну конечно... Но где Мэри? — в ужасе воскликнул Лазарь и, не дожидаясь ответа, бросился наружу. Промчавшись через лагерь и не реагируя на попытки остановить его, он наткнулся на одного из туземцев. Остановившись, Лазарь спросил:

— Где Мэри Сперлинг?

— ...я — мэри сперлинг...

— О, Господи... Ты же не можешь ею быть!

— ...я — мэри сперлинг, а мэри сперлинг — я... ты не знаешь меня, Лазарь?.. я тебя знаю...

Лазарь замахал руками:

— Нет! Я хочу видеть ту Мэри Сперлинг, что выглядит по-человечески — как и я сам!

— Идем, если так...— поколебавшись, отвечал «гномик».

Лазарь увидел Мэри в отдалении от лагеря. Ясно было: она избегает остальных землян.

— Мэри!

Она ответила ему мысленно:

— ...жаль видеть тебя в беспокойстве... мэри сперлинг больше нет... теперь она — лишь часть нас...

— Ох, Мэри, брось ты это дело! Не валяй дурака! Ты что, не узнаешь меня?

— ...узнаю... Лазарь, это ты не знаешь меня... не терзай свою душу видом стоящего перед тобой тела... я — не одна из вас... я принадлежу этому миру...

— Мэри,— настаивал он,— ты должна отказаться от этого! Ты должна выйти оттуда!

Она покачала головой — совсем по-человечески, хотя в лице ее ничего человеческого больше не было: оно превратилось в маску, скрывающую под собой нечто совершенно другое.

— ...невозможно... мэри сперлинг нет... говорящий с тобой часть нерасторжимого «я»...

Существо, бывшее когда-то Мэри Сперлинг, повернулось и пошло прочь.

— Мэри! — отчаянно закричал Лазарь. Так плохо ему было только однажды, двести лет назад, в ту ночь, когда умерла его мать. Закрыв лицо руками, Лазарь по-детски безутешно зарыдал.

5

Вернувшись в лагерь, Лазарь увидел, что Кинг с Барстоу ждут его. Кинг заглянул в его глаза:

— Я бы тебе и сам все рассказал, но ты не дождался.

— Ладно, забыли,— коротко ответил Лазарь.— А дальше-то что?

— Лазарь,— сказал Барстоу,— тебе следует увидеть еще кое-что, прежде чем мы приступим к решению этого вопроса.

— Ну ладно. А что именно?

— Идем.

Они привели Лазаря к одной из кают «административной» шлюпки. Вопреки установившимся в лагере обычаям, дверь была на замке. Кинг повернул ключ, и они вошли. Внутри находилась женщина. Увидев их, она тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

— Вот погляди,— кивнул Барстоу. Он указывал на небольшой инкубатор. В инкубаторе лежал ребенок — но подобных детей никто до сих пор не видел. Лазарь изумленно уставился на него, а затем спросил:

— Что за черт...

— Смотри сам. Хочешь, на руки возьми, ему не повредит.

Лазарь поднял ребенка, вначале с брезгливым страхом, который вскоре сменился любопытством. Он не мог понять, что же это такое. Ребенок не мог родиться от человека. На отпрыска «гномиков» он тоже не был похож. Неужели планета, как и предыдущая, служит домом еще одной расе, о существовании которой земляне до сих пор ничего не знают?

Без всяких сомнений, Лазарь держал на руках ребенка, но не человеческого. Ни крошечного детского носика, ни ушных раковин — на их месте находились некие органы, не выступавшие над черепом и защищенные костяными пластинками. На ручках ребенка было слишком много пальчиков, а у запястий — еще по одному пальцу, увенчанному пучком розовых червеобразных отростков. Тельце ребенка тоже было каким-то странным, но Лазарь не мог понять, почему. Сразу в глаза бросалось только то, что ноги оканчивались не ступнями, а беспалыми, роговыми копытцами, и еще поражала взгляд ярко выраженная двуполость. Существо было самым настоящим андрогином.

— Где вы его откопали? — спросил Лазарь, хотя в мозгу его уже зрела ужасная догадка.

— Это Марион Шмидт,— ответил Заккур.— Родилась три дня назад.

— Это... Это как же?..

— А вот так. Похоже, «гномики» умеют проделывать фокусы не только с растениями.

— Так ведь они клялись, что не будут лезть в наши дела!

— Погоди, не торопись их ругать. Мы сами согласились. Поначалу речь шла только о некоторых улучшениях.

— Это называется «улучшения»?! Да на него тошно смотреть!

— Меня тоже выворачивает при одном взгляде на это, но на самом деле он — что-то вроде сверхчеловека. Строение его тела изменено, чтобы служить владельцу наилучшим образом; все, доставшееся в наследство от обезьян, убрано, а органы расположены более рационально. То есть нельзя сказать, что оно не является человеком — это просто... улучшенная модель. Взять хоть дополнительные пальцы у запястий — это же, фактически, две дополнительные руки, только маленькие. А у основания каждой из них маленький глаз. Сам понимаешь, какие тут открываются возможности, к нему нужно только привыкнуть.— Барстоу снова посмотрел на младенца.— И все же, на мой взгляд, существо совершенно омерзительное.

— Оно на чей угодно взгляд ужасно,— Лазаря передернуло.— Модель там, может, и улучшенная, но если оно — человек, то я тогда... уж и не знаю кто!

— В любом случае это существо создает для нас проблемы.

— Еще бы! — Лазарь опять взглянул на предмет беседы.— Значит, возле этих маленьких ручонок еще и пара глаз? Это же ни в какие ворота!..

Барстоу пожал плечами.

— Я не биолог, но, насколько мне известно, каждая клетка тела содержит полный набор хромосом. Думаю, можно вырастить хоть глаз, хоть кость, хоть черт знает что — если только знать, как манипулировать генами. А Малый Народец это знает...

— Но я не желаю, чтобы мной... манипулировали!

— Я тоже.

Лазарь стоял на берегу и разглядывал толпящихся в ожидании собрания людей.

— Я...— начал он, как полагалось, но затем озадаченно смолк.— Погодите-ка! Энди, поди сюда на минутку!

Они пошептались о чем-то. Похоже, слова Либби вызвали у Лазаря досаду, однако он выпрямился и спокойно продолжал:

— Мне по крайней мере двести сорок один год. Есть здесь кто-нибудь старше?

Все это было пустой формальностью. Он знал, что является самым старшим, и прожитые годы давили на него сейчас вдвое сильней.

— Открываю Совет,— объявил Лазарь. Его зычный голос разносился по берегу, усиленный громкоговорителями со шлюпки.— Кого в председатели?

— Продолжай сам! — крикнули из толпы.

— Хорошо. Заккур Барстоу! Вам слово.

Стоявший позади Лазаря техник навел на Барстоу направленный микрофон.

— Заккур Барстоу,— загремели динамики,— от собственного имени. Некоторые из нас полагают, что эта планета, несмотря на все ее достоинства, людям не подходит. Вы знаете, что случилось с Мэри Сперлинг. Вы видели стереоснимки Марион Шмидт. И многое другое — не стану перечислять, чтобы не тратить драгоценное время. Однако если снова отправляться в полет, возникает вопрос: куда? Лазарь Лонг предлагает вернуться на Землю. При этом...

Шум толпы заглушил его слова. Лазарь, урезонивая крикунов, объявил:

— Никто никого никуда силком не тянет! Однако если такое решение примет достаточное количество людей, чтобы оправдать использование звездолета, попробовать можно. Я предлагаю лететь на Землю! Другие склоняются к поискам новой планеты. Надо решить: что же делать? Для начала: кто согласен с тем, что эта планета человеку не подходит?

— Я!!!

Крик был подхвачен множеством голосов. Лазарь попробовал отыскать взглядом первого, но не найдя, крикнул в толпу:

— Выходи, старина! А остальные, заткнитесь пока что!

— Я — Оливер Шмидт, я уже несколько месяцев жду, что кто-нибудь предложит лететь отсюда прочь! Я-то думал, одного меня все это беспокоит. То есть особых причин улетать у меня нет; то, что случилось с Мэри Сперлинг и Марион Шмидт, меня

не пугает. Но здешние края у меня в печенках сидят! И жутко хочется снова увидеть Цинциннати... Нет, если кому-то тут нравится, так за ради бога! А я, дьявол меня дери, хочу сам зарабатывать себе на жизнь, а не жевать черт знает что с деревьев! Если верить нашим генетикам, я еще добрую сотню лет протяну, и не представляю, как не подохну со скуки, ковыряя в носу да валяясь на песочке!

Когда он закончил, на помост пожелали забраться по крайней мере еще с тысячу человек.

— Эй, легче! — заорал Лазарь.— Осади назад! Если всем сразу приспичило, так пусть говорят представители Семей! А пока что дадим слово одному или двум.

Он указал на человека, стоящего поблизости.

— Я много времени не займу,— сказал новый оратор,— так как с Оливером Шмидтом полностью согласен. Только хочу изложить мои собственные причины. Как вы, вообще, можете без нашей Луны? На Земле, бывало, сиживал я теплым летним вечерком, покуривал себе, да глядел на Луну. Черт побери, я и думать не думал, что мне это так нужно! В общем, я не могу без Луны...

Следующий оратор сказал только:

— Случай с Мэри Сперлинг меня сильно встревожил. Не поверите, кошмары по ночам начались! Все время снится, будто со мной произошло то же самое...

Споры затянулись. Кто-то заметил, что если с Земли пришлось бежать, то где уверенность, что их обязательно пустят обратно?

На это ответил сам Лазарь:

— Мы много чему научились у джокайра, еще больше узнали от Малого Народца. О таких знаниях земные ученые и слыхом не слыхали! Так что не с пустыми руками возвращаемся. Вернемся и потребуем соблюдения наших прав. И сил у нас теперь хватит, чтобы их, если что, отстоять!

— Лазарь Лонг...— раздался голос откуда-то из толпы.

— Да,— отозвался Лазарь.— Ты там продолжай пока, продолжай...

— Я слишком стар, чтобы носиться от звезды к звезде. Да и для войны тоже. Что бы ни решили остальные, я остаюсь здесь.

— В таком разе,— ответил Лазарь,— тут нечего и обсуждать.

— Но ведь я имею право высказаться.

— Да, имеешь — уже высказался. Теперь дай другим.

Солнце закатилось, на небе появились звезды, а спор не прекращался. Лазарь понял, что если вовремя не употребить власть, это может длиться до бесконечности.

— Ладно, ладно,— гаркнул он, не обращая внимания на тех, кто просил слова.— Вероятно, вопрос придется передать на рассмотрение Семейного Совета, а теперь предлагаю голосовать. Кто хочет вернуться на Землю, пусть соберутся справа. Кто хочет остаться — слева. А передо мной пусть встанут те, кто хочет искать новую планету! — Отступив назад, он шепнул технику: — Заведи-ка какую-нибудь музыку, чтобы двигались поживей.

Тот понимающе кивнул, и над пляжем зазвучали до боли знакомые и родные звуки «Печального вальса», за ним последовали «Зеленые холмы Земли». Заккур Барстоу обратился к Лазарю:

— Музыку ты специально подобрал?

— Я? — невинно переспросил Лазарь.— Зак, ты же знаешь: я в музыке не разбираюсь.

Но и под музыку распределение шло слишком медленно. Последние такты бессмертной Пятой симфонии замерли задолго до конца голосования.

Слева, демонстрируя желание остаться, собралась примерно десятая часть родичей, в большинстве своем уставшие от жизни старики. Там же оказалось немного никогда не видавших Земли и буквально несколько человек среднего возраста.

В центре группа была совсем невелика — что-то около трехсот человек — в основном мужчины и с десяток молодых женщин, ратовавших за поиски нового мира.

Но подавляющее большинство родичей собралось справа. Взглянув на них, Лазарь увидел на лицах воодушевление, что его немало порадовало. Он боялся, что окажется единственным желающим возвращения.

Он перевел взгляд на центральную группу.

— Вы, похоже, в меньшинстве. Но ничего, вам еще предоставится случай порезвиться.

Постепенно средняя группа стала рассасываться. Одни присоединились к остающимся, другие перешли к отправляющимся на Землю. Когда перераспределение завершилось, Лазарь обратился к группе слева:

— Ладно. Вы теперь можете спокойно продолжать отдых на травке, а нам надо бы еще кое-что обсудить.

Он дал слово Либби. Тот объяснил, что обратный перелет вовсе не будет столь долог и утомителен, как начатый с Земли, он займет даже меньше времени, чем последний прыжок на планету Малого Народца. Общение с туземцами, сказал он, позволило ему устранить все неясности в теории передвижения со сверхсветовой скоростью. Если верить утверждениям «гномиков» — а Либби был склонен им поверить,— любые расстояния могут быть преодолены в процессе, условно названном параускорением. «Пара», потому что оно, с одной стороны, подобно его собственному межзвездному двигателю, действует одновременно на всю массу, не увеличивая при этом силу тяжести, а с другой — воздействует на корабль так, что тот не пересекает пространство, а минует его, двигаясь вне его пределов. Но это уже не вопрос управления кораблем, а вопрос выбора соответствующего потенциального уровня в гиперпространстве с энным количеством измерений, где энплюс-один является...

Лазарь твердо оборвал его:

— Родной, это уж твои проблемы, и мы все тебе полностью доверяем. А нас, понимаешь, в школе таким тонкостям не обучили...

— Но я только хотел бы добавить...

— Знаю, знаю. Но ты уже и так ничего вокруг не замечаешь.

— А когда мы доберемся до Земли? — выкрикнули из толпы.

— Не знаю,— отвечал Либби, вспомнив вопрос, заданный ему когда-то Нэнси Уэзерэл.— Не могу сказать, какой год будет на Земле, но для нас пройдет только три недели.

Приготовления к отлету заняли довольно много времени — в основном потому, что тоннаж шлюпок не позволял перевезти на корабль всех сразу. Не было никаких торжественных проводов и прощаний: остающиеся явно избегали улетающих. Между

двумя группами установились более чем прохладные отношения. Раскол в тот вечер покончил со многими дружескими и даже брачными союзами, породил много горечи и взаимных обид. Пожалуй, приятного в нем было только то, что родители Марион Шмидт тоже решили остаться.

Лазарь руководил отправкой последней шлюпки. Незадолго до старта кто-то тронул его за локоть.

— Прошу прощения,— начал юноша.— Я — Хьюберт Джонсон. Я хочу лететь с вами, но при голосовании побоялся показать это матери. Ух, она ругалась бы! Вы возьмете меня, если я прибегу к отлету?

Лазарь окинул его оценивающим взглядом:

— Вроде бы ты достаточно подрос, чтобы решать самому...

— Вы не понимаете... Я у матери единственный сын, она глаз с меня не спускает! И сейчас вот бежать надо, пока не хватилась... Вы скоро собираетесь...

— Задерживать шлюпку ради тебя я в любом случае не стану. И ради кого другого тоже. Давай, полезай.

— Но...

— Быстренько!

Юноша полез в люк, тревожно оглядываясь на берег. Да, подумал Лазарь, вот и рассуждай тут об эктогенезе.

Едва пристыковавшись к «Нью-Фронтирс», Лазарь отправился к капитану.

— Все? — спросил Кинг.

— Все. Несколько человек передумали, а несколько в последний момент решили лететь. В том числе одна женщина — Элеонора Джонсон. Можно стартовать.

Кинг обратился к Либби:

— Ну что ж, мистер, вперед!

Звезды с экрана исчезли.

Они летели вслепую, держа курс лишь благодаря уникальному таланту Либби. Если тот и сомневался в правильности направления, то счел за лучшее не говорить об этом вслух.

На двадцать третий по корабельному времени день, и на одиннадцатый день параторможения, на экране замерцали звезды.

Небосвод вновь украшали знакомые созвездия: Большая Медведица, громадный Орион, кривобокий Крест, волшебные Плеяды... Прямо по курсу, затмевая своим сиянием Млечный путь, плыл золотой, сверкающий шар — Солнце.

Лазарь — уже во второй раз за прошедший месяц — прослезился.

Корабль не мог просто подойти к Земле, стать на орбиту и приступить к выгрузке — следовало осмотреться, выяснить обстановку, и, кроме того, хотя бы узнать, какой нынче год.

Либби наскоро определил по смещению ближайших звезд, что сейчас... что-то около 3700 года нашей эры. Уточнять дату он отказался, сославшись на отсутствие достаточно точных приборов. Однако стоило им подойти ближе к системе, солнечные часы с девятью стрелками-планетами помогли определиться. С помощью этих девяти стрелок можно было установить точную дату, ведь у каждой из них — свой период обращения. Плутон отмечает свой час в четверть тысячелетия длиной, Юпитер отбивает космические минуты, равные двадцати годам, Меркурий отщелкивает каждую «секунду», то есть девяносто дней. А остальные стрелки скорректировали данные: период обращения Нептуна отличается от периода обращения Плутона таким образом, что они образуют одинаковые фигуры примерно лишь раз в семьсот пятьдесят восемь лет. Показания этих исполинских часов можно высчитать с любой степенью точности, хоть это и не так просто.

Либби начал расчеты, едва на экране показались планеты.

— А, чтоб его... Плутона не найти,— ругнувшись сквозь зубы, пожаловался он Лазарю.— Да и Нептуна, кажется, тоже не разглядим. А внутренние планеты дают только бесконечный ряд приближений. Вот свинство!

— Родной, да не бери ты в голову! Ты можешь сказать хоть что-нибудь определенное? Если нет, так давай я сам посчитаю.

— Зачем же, конечно могу,— капризно протянул Либби,— если это тебя устроит... Однако...

— Кончай «однакать», зануда хренова! Какой на Земле год?

— Ах, это... Так бы сразу и сказал.

Дело обстояло так. Корабельное и земное время расходились трижды. Однако теперь они снова синхронизировались, и

оказалось, что с момента отлета прошло чуть больше семидесяти четырех лет.

Лазарь облегченно вздохнул. Он очень боялся, что за время его отсутствия Земля может измениться до неузнаваемости. Может, там уже снесли ко всем чертям Нью-Йорк или сотворили еще что-нибудь в том же роде.

— Черт возьми, Энди! Нельзя же так людей пугать!

— А-а? — рассеянно ответил Либби. Эта задача больше не представляла для него интереса. Теперь имелся другой лакомый кусочек — разработка матописания двух совершенно противоречивых групп фактов: данных экспериментов Майкельсона-Морли*, с одной стороны, и, с другой — бортжурнала «Нью-Фронтирс». Он с восторгом принялся обдумывать возможные варианты. Интересно, чему должно быть равно минимальное количество параизмерений, необходимое для того, чтобы содержать в себе расширенное многообразие, если использовать систему постулатов, утверждающую... Он наслаждался задачей довольно долго — в субъективном, само собой, времени.

Корабль стал на временную орбиту в полумиллиарде миль от Солнца с радиус-вектором, перпендикулярным плоскости эклиптики. Пристроившись таким манером к блину, именуемому Солнечной системой, и довольно далеко от него, они долго могли оставаться незамеченными. Одну шлюпкук оборудовали новым приводом Либби; на ней к Земле отправилась группа парламентеров.

Лазарь хотел лететь с ними, но капитан твердо возразил против этого. Лазарь пришел в ярость, и Кинг как мог вежливо объяснил отказ:

— Лазарь, это ведь не группа захвата, а дипломатическая миссия.

— Какого дьявола?! Когда надо, я тоже могу быть дипломатом!

— Не сомневаюсь. Но все же лучше послать человека, который не таскает с собой бластера даже в сортир.

Группу возглавил Ральф Шульц — его знание психодинамики могло решить все. Сопровождали его юристы, военные и инженеры. Если Семьям, паче чаяния, придется отстаивать свое право на жизнь с оружием в руках, то знать, с какой технологией и вооружением придется иметь дело, вовсе не лишне.

Однако в первую очередь следовало подготовить почву для мирного решения проблемы. Шульцу поручили представить к рассмотрению план, по которому Семьям будет дано право колонизировать малонаселенную, отсталую Европу. Учитывая период полураспада активных элементов, возможно, что Европа уже освоена — в этом случае Шульц должен искать пути к компромиссу.

И снова томительное ожидание...

Лазарь грыз ногти от нетерпения. Он публично заверял родичей в бесспорном научном превосходстве Семей, позволяющем дать отпор любому врагу, но про себя, как и всякий здравомыслящий человек, понимал, что прибегает к уловкам, сильно отдающим демагогией: одними знаниями войны не выиграть. Невежественные фанатики средневековой Европы подавили более развитых по культуре мусульман. Архимед был зарублен простым солдатом. Рим пал под натиском варваров. Либби — или кто-нибудь еще — может попробовать изобрести на основе имеющихся знаний оружие, которому невозможно противостоять. Но как знать, чего достигли земные ученые за семьдесят пять лет?

Искушенный в военном деле, Кинг беспокоился не только по поводу техники, но и по поводу потенциального воинского состава. В большинстве своем родичи были кем угодно, но только не солдатами, и мысль о том, как превратить людей, помешавшихся на своей индивидуальности, в некое подобие дисциплинированного подразделения, не давала ему спать по ночам.

Своими страхами и сомнениями Лазарь и Кинг не делились ни с кем — даже друг с другом: оба они опасались возникновения паники на борту. Но они не были одиноки в своих тревогах: половина родичей отлично понимала уязвимость и неопределенность своего положения. Молчали лишь потому, что очень хотели вернуться домой. И мысль о возвращении примиряла с возможными опасностями.

— Капитан,— спросил Лазарь Кинга через две недели после отбытия парламентеров,— а ты не задумывался, как земляне отреагируют на появление «Нью-Фронтирс»?

— Ты о чем?

— Ну, корабль мы ведь захватили, а это пиратство.

— И верно,— удивился Кинг.— Черт возьми! Сколько воды утекло. Знаешь, я уже представить себе не могу, что это не мой корабль, что я попал на него в результате бандитского нападения.— Он мрачно улыбнулся.— Интересно, как там теперь, в Ковентри?

— Пайки небось урезали,— сказал Лазарь.— Ладно, затянем потуже пояса и будем стойко переносить лишения. К тому же нас пока еще не поймали.

— А как ты думаешь, Форда тоже притянут к ответу? Тяжеленько ему придется после всего пережитого.

— А по-моему, беспокоиться нам не о чем,— заявил Лазарь.— Хоть мы и взяли этот корабль без спросу, но воспользовались им прямо по назначению: звезды исследовали. А теперь вернем в целости и сохранности — и к тому же гораздо раньше запланированного срока. Вряд ли они могли ожидать от него большего, когда вкладывали денежки в постройку. А значит, придется посмотреть сквозь пальцы на некоторые шалости блудных сыновей и зарезать упитанного тельца в честь их возвращения.

— Твоими бы устами да мед пить...

Парламентеры опоздали на два дня. От них не было никаких известий до тех пор, пока шлюпка не вынырнула из парапространства у самого корабля. Для связи между пространством и парапространством так и не удалось ничего изобрести. Пока шлюпка подходила к шлюзу, Кинг увидел на экране видеофона лицо Ральфа Шульца.

— Алло, капитан! Как только ступлю на борт, тут же представлю рапорт!

— Кратко: как дела?

— Даже не знаю, с чего начать. Но все в порядке, мы можем возвращаться домой!

— Как? Повторите!

— Все в полном порядке! Мы восстановлены в правах, гарантированных Ковенантом. Дело в том, что теперь все люди являются членами Семей!

— Что вы имеете в виду? — спросил Кинг.

— Они добились!

— Чего добились?

— Средства для продления жизни!

— Не болтайте вздора! Никакого средства не было!

— Это у нас не было! Но они-то думали, что есть! И открыли его!

— Объясните,— настаивал Кинг.

— Капитан, давайте подождем возвращения на корабль,— возразил Шульц.— Я же не биолог. Мы привезли с собой представителя властей — вот он пусть все и объяснит.

6

Кинг принял представителя Земли в своей каюте. Он поручил Заккуру Барстоу и Джастину Футу представлять Семьи и пригласил доктора Харди, потому что суть поразительных открытий касалась именно биологии. Присутствовал и Либби — как старший офицер. И Слэйтон Форд оказался в числе приглашенных, хотя формально не занимал никаких должностей со времени болезни. А Лазарь пришел сам, в качестве частного лица, просто потому, что хотел присутствовать на встрече. Его никто не приглашал, но даже капитан испытывал глубокое почтение к общепризнанным правам старейшего.

Ральф Шульц представил собравшимся посла с Земли.

— Капитан Кинг, командир корабля. Капитан, позвольте представить вам Майлса Родни, уполномоченного Синедриона, чрезвычайного посла. Думаю, последнее наиболее отвечает обстановке.

— Нет, вряд ли,— ответил Родни.— Хотя я, пожалуй, до некоторой степени согласен со словом «чрезвычайный». Ситуация не имеет прецедента. Рад нашему знакомству, капитан.

— Рад видеть вас на борту, сэр.

— А это — Заккур Барстоу, представитель Поверенных в делах Семей Говарда, и Джастин Фут, секретарь Поверенных.

— Добрый день.

— Мое почтение, джентльмены.

— Эндрю Джексон Либби, старший астрогатор, доктор Гордон Харди, биолог, возглавляющий исследования в области геронтологии.

— Рад буду оказаться полезным,— несколько официально сказал Харди.

— Мое почтение, сэр. Значит, вы — главный исследователь. Когда-то у вас была возможность принести пользу всему человечеству. Подумайте об этом, сэр, как все могло бы обернуться. Но человечество, к счастью, смогло раскрыть секрет долголетия без помощи Семей Говарда!

Харди был в недоумении:

— Что вы хотите сказать, сэр? Может быть, вы до сих пор пребываете в бесполезном заблуждении относительно наличия у нас некоего мифического секрета долголетия, которым мы не хотим делиться?

Родни пожал плечами и развел руками:

— Ну, ладно... Ведь теперь вам нет нужды ничего скрывать. Мы сами смогли достигнуть тех же результатов.

В разговор вмешался Кинг:

— Минутку. Ральф Шульц! Действительно ли Федерация до сих пор считает, что наше долголетие основано на каком-то «секрете»?! Разве вы не объяснили?..

— Да это же просто смешно! — отмахнулся Шульц.— Об этом и речи не было! Они добились успехов в продлении человеческой жизни, и мы их в этом смысле больше не интересуем. Да, до сего момента считалось, что наше долголетие — результат каких-то манипуляций, а не наследственности, но я постарался рассеять эти заблуждения.

— Судя по словам Майлса Родни, не слишком-то вы старались!

— Ну, верно... Но это просто не нужно! Семьи Говарда со своим долголетием сейчас никого на Земле не интересуют! Интерес общественности и властей в данный момент вызывает факт удачно совершенного нами межзвездного перелета.

— Это так,— согласился Майлс Родни.— Любой государственный служащий, любой гражданин, любая служба новостей, а наипаче, любой ученый системы с нетерпением ждет прибытия «Нью-Фронтирс». Это — величайшая сенсация с момента первой высадки человека на Луну! Вы знамениты, джентльмены! Все вы!

Оттянув в сторону Заккура Барстоу, Лазарь что-то зашептал ему на ухо. Поначалу Барстоу отмахивался, но вскоре глубокомысленно кивнул.

— Капитан!

— Что, Зак?

— Я думаю, следует извиниться перед гостем и выслушать отчет Ральфа Шульца.

— Но почему?

Барстоу обратился к Родни:

— Думаю, после этого мы лучше подготовимся к обсуждению вопросов с вами.

— Вы извините нас, сэр? — обратился Кинг к Родни.

— Шкипер, не бери в голову,— вмешался Лазарь,— Зак-то дело говорит, только уж очень тут политес разводит. Мог бы и сам попросить этого Родни подождать за дверью, пока мы промеж себя все утрясем. Вот ты, Майлс, как ты можешь нам доказать, что все вы — и ты в том числе — можете жить так же долго, как мы?

— Доказать? — Родни был шокирован.— А, собственно, почему вы требуете доказательств? Кто вы такой, сэр?

Ральф Шульц поспешил опередить Лазаря:

— Прошу прощения, я не успел представить всех присутствующих. Майлс Родни, позвольте вам представить: Лазарь Лонг, старейший.

— Очень рад. Что значит «старейший»?

— Это значит старейший, и все тут,— отрезал Лазарь.— Я самый старший из всех нас, а в остальном — лицо частное.

— Старейший из Семей Говарда! Но в таком случае вы старше всех на свете?! Вот это да! Удивительно!

— Не вижу ничего удивительного,— буркнул Лазарь.— Меня это перестало удивлять лет двести назад. Так как с моим вопросом?

— Но я просто поражен! Я... я ребенком себя чувствую, хоть далеко уже не мальчик. В июне мне исполнится сто пять лет.

— Вот если ты сможешь это доказать, я от тебя отвяжусь. На вид тебе лет около сорока. Что скажешь?

— Господи Боже, я вовсе не ожидал, что мне придется подтверждать свой возраст. Может быть, хотите посмотреть мои документы?

— Смеешься, что ли? У меня этих документов сменилось штук пятьдесят, и во всех годы рождения разные. Что еще скажешь?

— Погоди, Лазарь,— вмешался Кинг,— а тебе для чего?

— Мы бежали с Земли, спасая свою шкуру потому, что какие-то идиоты решили, что у нас имеется средство для продления жизни, и хотели вытянуть его из нас любой ценой. Вот теперь они более, чем радушны,— или там притворяются, не знаю... Но странно, что сей голубок, посланник мира, по-прежнему убежден в существовании этого секрета.

— Да, странно...

— А теперь представьте, что они на самом деле так и не добились никакого продления жизни и до сих пор уверены, что нам такой секрет известен. И не хотят ли они тем самым усыпить нашу бдительность, а потом, заманив в ловушку, как следует допросить?

— Что за бред,— фыркнул Родни.— Капитан, я не думаю, что меня пригласили сюда выслушивать подобную чушь!

Лазарь холодно взглянул на него.

— Это и нам в прошлый раз казалось бредом, а вот поди ж ты! Кто на молоке обжегся...

— Помолчите минутку, оба,— приказал Кинг.— Ральф, что скажешь? Тебя не могли обмануть?

Шульц погрузился в раздумья.

— Н-не думаю,— протянул он наконец.— Хотя сказать трудно. Ведь любого из наших в толпе не отличить.

— Но ты же психолог! Ты же должен был почувствовать!

— Да, я всего-навсего психолог, а не ясновидец и не телепат! Я специально не выискивал никаких подвохов.— Он застенчиво улыбнулся.— К тому же тут есть еще одно «но». Я был слишком возбужден возвращением домой, чтобы ждать обмана.

— То есть ты не уверен?

— Ну, эмоционально я совершенно уверен, что Майлс Родни говорит правду...

— Я и говорю правду!

— ...и считаю, что несколько вопросов вполне могут внести в дело ясность. Он утверждает, что ему сто пять лет. Это можно проверить.

— Понятно,— сказал Кинг.— Э-э-э... Приступай, Ральф.

— Хорошо. Вы позволите, мистер Родни?

— Начинайте,— неприязненно буркнул Родни.

— С тех пор как мы покинули Землю, прошло около семидесяти пяти лет. Вам, следовательно, должно было быть около тридцати. Вы помните наш отлет?

— И очень хорошо. Я был клерком в Башне Новака, в офисе Администратора.

На протяжении беседы Слэйтон Форд держался в тени и старался не привлекать внимания. При последних словах Родни он выпрямился в кресле:

— Минутку! Капитан...

— Слушаю вас?

— Наверное, тут я смогу помочь. Вы позволите, мистер Шульц?

Он обратился к земному уполномоченному:

— Скажите, вы меня не узнаете?

Родни озадаченно вгляделся в его лицо, затем удивление сменилось безграничным потрясением:

— Да вы же... вы — Администратор Форд?!

7

— По одному! По одному! — кричал Кинг.— Говорите по очереди! Продолжаем. Слэйтон, тебе слово. Ты знаешь этого человека?

Форд внимательно посмотрел на Родни.

— Этого я сказать не могу...

— Тогда вы,— обратился капитан к Родни,— просто узнали Форда по архивным фотографиям, так?

Похоже, Родни готов был взорваться:

— Нет! Я узнал его лицо! Он очень изменился, но я узнал его. Господин Администратор, вы вспомните! Неужели вы меня не узнаете? Я ведь работал с вами!

— Судя по всему, только в воображении,— сухо отметил Кинг.

Форд покачал головой.

— Нет, капитан. Это еще ни о чем не говорит. Со мной работали около двух с половиной тысяч служащих. Родни вполне мог быть одним из них. Лицо его мне как будто знакомо, но не более, чем большинство лиц в толпе.

— Капитан,— заговорил доктор Харди,— если мне будет позволено задать Майлсу Родни несколько вопросов, я мог бы попробовать определить, правда ли, что причины старения выяснены.

— Я же не биолог,— покачал головой Родни.— Вы всегда сможете поймать меня на неточностях. Капитан Кинг! Прошу предоставить мне возможность как можно скорее возвратиться на Землю. У меня нет ни малейшего желания подвергаться допросу и далее. Позвольте также добавить, что меня ни в коей мере не тревожит судьба вашего экипажа и вас лично. Я прилетел, чтобы помочь, но теперь очень разочарован.

Он поднялся. К нему подошел Слэйтон Форд.

— Мистер Родни! Успокойтесь, прошу вас. Поставьте себя на наше место и будьте терпеливы. Переживи вы столько, сколько мы, и вы стали бы не менее осторожным и подозрительным.

— Господин Администратор,— Родни колебался,— а что вы здесь делаете?

— Долгая история. При случае я могу вам ее рассказать.

— Вы, наверное, тоже член Семей Говарда. Да, так и есть! Это все объясняет.

— Нет,— покачал головой Форд,— вовсе нет. Впрочем, потом я вам объясню. Итак, вы работали со мной. Когда же?

— С 2109 года до вашего исчезновения.

— И чем занимались?

— Во время кризиса 2113-го я был помощником младшего координатора, отдел экономической статистики, контрольная группа.

— Кто был начальником группы?

— Лесли Уолдрон.

— Старикашка Уолдрон, так? Какого цвета были его волосы?

— Э-э... Но ведь Старикашка был лыс, как колено!

— Да, похоже, я промахнулся,— шепнул Лазарь Заккуру Барстоу.

— Погоди,— ответил Барстоу шепотом,— не исключено, что его тщательно готовили. Вдруг они знали, что Форд с нами?

— А что такое «Священная корова»? — продолжал Форд.

— «Свяще...» Шеф, неужели вы знали об этом?

— Ну, моя разведка кое-чего стоила,— сухо отозвался Форд.— «Священную корову» я получал еженедельно.

— А что это? — полюбопытствовал Лазарь.

— Видите ли,— ответил Родни,— в нашем отделе выпускали неофициальный сатирический журнал...

— ...в котором высмеивали своих руководителей,— добавил Форд.— В том числе и меня.— Он приобнял Родни за плечи.— Друзья, теперь нет никаких сомнений. Я действительно работал вместе с этим человеком.

— И все-таки я бы хотел поподробнее узнать о вашей методике продления жизни,— настаивал доктор Харди.

— Да, пожалуй, это всем нам интересно,— подтвердил Кинг. Он взял бокал гостя и снова наполнил его вином.— Будьте добры, сэр, расскажите о ней поподробнее.

— Попробую,— ответил Родни,— хотя доктору придется мне помогать. Процесс состоит из основного и нескольких десятков подсобных, в некоторых из них — особенно касающихся женщин — решаются чисто косметические задачи. В прямом смысле слова все эти процедуры не являются омоложением: наступление старости можно затормозить, но превратить старика в юношу невозможно.

— Это верно,— согласился Харди,— но в чем же заключается суть основного процесса?

— В замене всей массы крови. Я так понимаю: старость — это прежде всего следствие накопления в организме продуктов метаболизма, которые кровь должна выводить. Но в течение жизни она настолько насыщается ими, что не в состоянии выводить их полностью. Верно, доктор?

— Манера изложения странноватая, но все же...

— Я ведь предупреждал, что совсем не разбираюсь в биологии...

— Суть явления такова. Все дело в недостатке осмотического давления — НОД, при котором клетка постепенно перестает очищаться от продуктов распада. Но, должен вам сказать, мистер Родни, я слегка разочарован. В принципе мысль об отсрочке

старения за счет вывода из организма продуктов распада совсем не нова — с помощью техники, обеспечивающей такой процесс, ткань куриного сердца живет у нас уже два с половиной века. А что касается молодой крови, конечно, это подействует. Таким путем я добивался того, что подопытные животные проживали по две жизни...

Разом осекшись, он переменился в лице.

— Слушаю вас, доктор.

Харди прикусил губу.

— Я оставил поиски в этом направлении. Для поддержания жизни и молодости одной особи всегда необходимы несколько молодых доноров. Такие переливания на донорах сказывались крайне неблагоприятно. И с практической точки зрения метод нерационален — на всех доноров все равно не хватит. Значит, у вас долгая жизнь доступна лишь избранным?

— Да нет же, доктор! Я, вероятно, не слишком хорошо объяснял. У нас доноров нет.

— Что?!

— Молодая кровь, которой хватает на всех, производится искусственным путем, этим занимается Служба Общественного Здоровья и Долголетия. Все группы крови в любом количестве!

— Подумать только,— тихо сказал Харди.— Вот в чем дело. Мы были так близки...— Он ненадолго замолчал.— Мы пробовали получить искусственно ткани костного мозга. Следовало довести дело до конца.

— Не переживайте так. Прежде чем добиться каких-либо результатов, мы потратили миллиарды и засадили за работу тысячи специалистов. Я читал, что силы, брошенные на эти исследования, превосходили все силы, затраченные на научный поиск за всю историю человечества, даже по сравнению с атомной энергетикой.— Родни улыбнулся.— Видите ли, им просто необходимы были положительные результаты, дело приобрело политическую окраску.— Родни повернулся к Форду.— А знаете, шеф, когда публика узнала о бегстве Семей Говарда, вашего преемника едва удалось спасти от разъяренной толпы.

Харди еще некоторое время продолжал расспрашивать о подробностях вторичных процессов: о выращивании новых зубов, задержках роста, гормонотерапии и о многом другом — пока

на выручку гостю не пришел Кинг, напомнив, что основная цель визита — обсуждение условий возврата Семей на Землю.

— Мне кажется,— кивнул Родни,— пора переходить к делу. Я полагаю, капитан, большая часть пассажиров находится в состоянии анабиоза?

— Почему бы не сказать просто: в морозилке? — шепнул Лазарь Либби.

— Именно так.

— Следовательно, в этом состоянии они могут пробыть еще некоторое время?

— А почему вы об этом спрашиваете, сэр?

Родни развел руками:

— Власти сейчас в довольно сложной ситуации. Попросту говоря, жилья у нас не хватает, разместить за один день сто тысяч человек физически невозможно.

Капитану снова пришлось призывать присутствующих к порядку. Затем он кивнул Барстоу, который обратился к Родни:

— Я не вижу в этом серьезных трудностей. Какова на сегодняшний день численность населения Северной Америки?

— Около семисот миллионов.

— И вам трудно подыскать место для одной семидесятой процента?! Звучит не слишком убедительно.

— Но вы не понимаете, сэр,— возразил Родни,— рост населения стал одной из основных наших проблем! И в то же время нам приходится осуществлять право на уединение в собственном жилище, будь то квартира или усадьба. Из всех прав оно теперь наиболее ревностно охраняется. Поэтому прежде чем расселять вас, нужно подобрать подходящее место или придумать еще что-нибудь.

— Все ясно,— сказал Лазарь.— Политики не хотят никого беспокоить, чтобы не поднимать шум!

— Нет, я бы так не сказал.

— А может, у вас там всеобщие выборы на носу?

— В общем, да, но связи здесь никакой!

Лазарь фыркнул. Заговорил Джастин Фут:

— На мой взгляд, Администрация подходит к этому вопросу слишком поверхностно. Мы не какие-нибудь бездомные иммигранты! Большинство из нас — домовладельцы. Как вам, может

быть, известно, мы обзаводились каждый в меру своих сил и возможностей недвижимостью. Я уверен, значительная часть построек цела и по сей день.

— Несомненно,— подтвердил Родни,— однако они же заняты.

— Какое нам до этого дело? — пожал плечами Джастин Фут.— Разбираться с теми, кто незаконно захватил наше имущество, это — обязанность правительства. Кстати, это с его позволения наши дома были незаконно захвачены. Лично я постараюсь высадиться одним из первых, добиться ордера на выселение незаконного захватчика в ближайшем суде и вступить во владение своим собственным домом.

— Это не так просто. Можно легко сделать омлет из яиц, но вот яйца из омлета... С точки зрения закона вы уже много лет мертвы, а теперешние владельцы — живые, здравствующие и всеми уважаемые люди.

Джастин Фут поднялся и, широко раскрыв глаза, уставился на правительственного посла. Попалась мышь в мышеловку, подумал Лазарь, глядя на Джастина.

— Значит, «мертвы с точки зрения закона»?! Это какого же закона, сэр?! Это я-то?! Да я всю жизнь был уважаемым всеми адвокатом, никому не причинял зла и честно занимался своим делом! В один прекрасный день меня ни за что ни про что арестовывают, вынуждают бежать с планеты. А теперь спокойно заявляют — и глаз не прячут при этом! — что мое имущество конфисковано, как выморочное, а сам я объявлен мертвым и лишен всех прав! И это вы называете законом? Кстати, Ковенант еще в силе?

— Вы меня не так поняли...

— Я понял вас правильно! Если о правах человека вспоминают только тогда, когда это выгодно, Ковенант не стоит бумаги, на которой написан! Я устрою вам испытание, сэр. И для Семей оно будет значить очень много! Если мне немедленно не возвратят целиком и полностью мою собственность, я подам в суд на всех, кто этому препятствует. Я организую шумный показательный процесс! Я много лет терпел преследования, оскорбление личности и угрозы! Я буду кричать об этом на каждом углу!

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Джастин прав, Майлс,— спокойно заметил Слэйтон Форд.— Правительству лучше изыскать возможности и уладить это дело миром.

Лазарь поймал взгляд Либби и легонько кивнул на дверь. Они незаметно вышли.

— Джастина хватит самое меньшее еще на час,— сказал Лазарь.— Идем, заглянем в «клуб» и малость перекусим.

— Но ты уверен, что там абсолютно нечего делать?

— Расслабься. Если понадобимся капитану, он крикнет.

8

Лазарь умял три сэндвича, двойную порцию мороженого и несколько булочек, Либби удовлетворился гораздо меньшим. Лазарь поел бы еще, однако посетители «клуба» стали наперебой спрашивать его о ходе переговоров.

— Да, отдел снабжения, похоже, так и не пришел в себя,— пожаловался Лазарь, допивая третью чашку кофе,— избаловал их Малый Народец. Энди, ты любишь чили с мясом?

— Конечно!

Лазарь утер рот салфеткой.

— Когда-то в Тихуане был один ресторанчик — там чили делали лучше, чем где бы то ни было! Интересно, он сохранился?

— Тихуана — это где? — спросила Маргарет Уэзерэл.

— Да, Пегги, ты и Земли-то совсем не помнишь, верно? Тихуана — это, милочка, в Южной Калифорнии. Что такое Калифорния, знаешь?

— Думаешь, я географии не учила? Калифорния — это в Лос-Анджелесе.

— Ну да! Там, слева от входа. Впрочем, черт его знает, что они на Земле без нас напридумывали.

Динамики внутренней связи ожили:

— Старшего астрогатора капитан вызывает в рубку!

— О, меня,— сказал Либби и поспешил к выходу.

Вызов повторился, за ним последовало предупреждение:

— Внимание! Всем постам — приготовиться! Всем постам приготовиться к старту!

— Ну вот, началось,— Лазарь встал и, отряхнув килт от крошек, направился вслед за Либби, насвистывая на ходу:

Калифорния, вот и я!
Возвращаюсь в родные края...

Корабль уже стартовал, звезды исчезли. Капитан Кинг вместе с гостем вышел из рубки. Майлс Родни был ошеломлен и явно нуждался в глотке чего-нибудь, да покрепче.

Лазарь и Либби остались в рубке. Делать им пока что было нечего — часа четыре корабль должен был идти в парапространстве, чтобы затем выйти из него неподалеку от Земли. Лазарь закурил.

— Энди, а ты что будешь делать, когда вернемся?

— Не думал пока.

— Тогда давай думай. На Земле-то кое-что изменилось.

— Ну, для начала немножко побуду дома. Плато Озарк вряд ли изменилось слишком сильно.

— Да, холмы там наверняка все те же... Вот люди — те небось изменились.

— Как же?

— Помнишь, я как-то рассказывал, что однажды Семьи мне надоели до чертиков и я лет сто не контачил с ними? А все потому, что они стали слишком скучными, равнодушными и самодовольными. Я их больше не мог выносить. Боюсь, теперь почти все стали такими же. Еще бы, вечно жить собираются. Разные там долгосрочные инвестиции... да не забыть бы калоши — дождь на улице. Ну, всякое такое.

— А вот ты совсем другой.

— Потому, что на жизнь по-другому смотрю! Меня никогда ничто всерьез не побуждало жить вечно. К тому же, как сказал Гордон Харди, я представляю только третье поколение Семей Говарда. Я ведь просто жил себе, поживал, пока живется, и забот никаких не знал, не то, что остальные. Вот хоть этот Майлс Родни — он до смерти перепуган тем, что требуется принимать ответственные решения.

— А я был рад, когда Джастин на него взъелся,— усмехнулся Либби.— Не думал, что Джастина на это хватит.

— А ты никогда не видел, как маленькая собачонка выгоняет здоровенного барбоса со своего двора?

— Думаешь, Джастин чего-нибудь добьется?

— Еще как — особенно если ты поможешь!

— Я?!

— Ведь кроме тебя никто ничего не знает о парадвижении? То есть мне ты кое-что рассказывал...

— Я надиктовал основные принципы на пленку.

— Но пленки Майлсу Родни не отдал. Земле твое изобретение до зарезу нужно, Энди! Ты же сам слышал, этот тип на перенаселенность жаловался. А Ральф говорил, теперь, чтобы иметь ребенка, нужно специальное разрешение от правительства!

— А почему не прямо от Господа Бога?!

— Да не шучу я! Если появится возможность эмигрировать на подходящие планеты, от желающих отбоя не будет! И тут появляешься ты со своим двигателем. Освоение звезд становится реальным — да они просто вынуждены будут нас ублажать!

— Ну, вообще-то изобретение не мое. Двигатель разработали «гномики».

— Ладно, не скромничай. Сейчас оно в твоих руках. И тебе наверняка охота поддержать Джастина, так?

— Естественно!

— Тогда используем парадвигатель, как козырь в игре. Может, я сам с ними поторгуюсь. Однако это уже к делу не относится. Главное, кому-то надо будет провести разведку, перед тем как начнется волна эмиграции. Так давай с тобой за компанию откроем торговлю недвижимостью! Пошарим в нашем уголке Галактики, посмотрим, что там интересного.

Либби почесал нос, обдумывая предложение Лазаря.

— Заманчиво... Наверное, так и сделаем — только вначале домой съездить бы.

— И замечательно! А я тем временем подыщу приличную небольшую яхточку, тонн этак на десять, на нее поставим твой двигатель...

— А деньги где возьмем?

— Деньги будут. Я организую компанию так, чтобы она во время нашего отсутствия функционировала самостоятельно, и еще учредим несколько дочерних, с привлечением других пайщиков. Потом...

— Лазарь, это же просто работа... Я думал, забавно будет.

— Ерунда, практическую сторону я беру на себя. А потом подыщу кого-нибудь, чтобы занимался финансами, вел документацию и все такое. Тут нужен кто-то типа Джастина. Может, его самого и возьмем.

— Раз так, ладно.

— А мы с тобой тем часом будем болтаться по космосу и глазеть на все, на что стоит поглазеть, так что будет вполне... забавно, обещаю!

Довольно долго они сидели молча. Слова были не нужны. Первым заговорил Лазарь:

— Энди...

— Что?

— А ты не хочешь попробовать этот новый фокус с переливанием крови?

— Наверное, попробую когда-нибудь.

— Все никак из головы не идет. Между нами говоря, реакция у меня уже не та, что сотню лет назад. Может, поизносился малость? Знаешь, я ведь и не думал строить планы насчет нашей компании, пока не услыхал об этом продлении жизни. Новые перспективы появились! Я сам не заметил, как начал думать о далеком будущем, а ведь раньше никогда не загадывал дальше, чем на следующую среду.

— Взрослеешь, значит,— усмехнулся Либби.

— Да, пожалуй, пора. Нет, серьезно: я, похоже, взрослею. Последние два с половиной века были, так сказать, моей юностью, я хоть и прожил столько времени, но знаю о самых главных вещах не больше, чем Пегги Уэзерэл. Людям — таким, как ты и я,— всегда было некогда искать ответы на извечные вопросы. Возможности у нас были большие, но всегда нам что-то мешало. Если разобраться, мы и сейчас не ближе обезьян к ответам на них!

— И как же ты предлагаешь взяться за эти вопросы?

— Да откуда мне знать? Спроси меня этак лет через пятьсот.

— Думаешь, тогда что-нибудь изменится?

— По крайней мере, я попробую измениться. Времени мне теперь хватит: помотаюсь по вселенной, пораскопаю кое-какие любопытные штуки. Хотя бы этих богов джокайра...

— Лазарь, да никакие они не боги. Не стоит их так и называть.

— Да, верно. Я думаю, они — просто такие существа, у которых было достаточно времени, чтобы посидеть и поразмышлять о жизни как следует. И однажды, хотя бы через тысячу лет, я зайду прямо в храм этого Криила, погляжу ему в глаза и скажу: привет, пузырь! Чего ты такое знаешь, чего не знаю я?

— Возможно, это не пройдет тебе даром.

— Ну и что? Все равно, когда-нибудь придется помериться силами. Я не желаю мириться с исходом предыдущей схватки! В целой вселенной не должно быть таких, кому человек не мог бы натянуть нос! Такие уж мы есть.

— А если для драки нет никаких причин?

— Может, и так. Может, все это было просто шуткой, только они нас об этом не предупредили.

Поднявшись с кресла, Лазарь потянулся и почесал под мышкой.

— Но знаешь, Энди, что бы там ни было, я тебе так скажу: по крайней мере одна из сидящих в этой рубке обезьян намерена продолжать скакать по деревьям, глазеть вокруг и удивляться тому, что видит,— до тех пор, пока стоят еще на свете деревья!

КОММЕНТАРИИ

К роману «Луна — суровая хозяйка»

Роман «The Moon Is a Harsch Mistress» — образец зрелого творчества Роберта Хайнлайна. Он написан в 1965 г., тогда же появилась журнальная версия. Полная книжная версия опубликована в 1966 г. В 1967 г. роман удостоен премии «Хьюго». Перевод Владимира Ковалевского и Нины Штуцер, приведенный в настоящем издании, считается классическим. Альтернативный перевод принадлежит перу известного петербургского писателя Александра Щербакова («Луна жестко стелет»). В 1994 г. Щербакову за его перевод были присуждены две премии — Российская литературная премия «Странник» и Беляевская премия.

С. 9. *...я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал ИБМ...*— герой романа то ли шутит, то ли в силу оторванности от мира литературы не подозревает о том, что Томас Уотсон, долгое время возглавлявший международную фирму IBM, основанную Г. Холлеритом в 1924 г. и специализировавшуюся на производстве электронного (а позже и компьютерного) оборудования, никогда не писал про Шерлока Холмса, а просто является однофамильцем персонажа А. Конан Дойла.

С.13. *...повесили в Салеме за колдовство... отправили в Ботани-бей...*— В массачусетском городке Салеме состоялся самый громкий в истории США процесс ведьм. Несколько десятков человек погибло в ходе дознания, несколько были казнены по приговору суда. Это случилось в 1692 году, а несколько лет спустя выяснилось, что первопричиной всему был навет группы девочек, недовольных придирками гувернантки... Ботани-бей — залив в Новом Южном Уэльсе, Австралия, куда в январе 1788 г. вошли корабли с первым транспортом каторжников из Англии.

С. 102. *...знать труды классиков — Клаузевица, Гевары, Моргенштерна, Макиавелли...* — Карл Клаузевиц (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (в 1812–1814 годах находился на русской службе). В своей главной работе «О войне» разработал принципы стратегии и тактики, сформулировал тезис о войне как продолжении политики. Эрнесто Че Гевара де ла Серна (1928–1967) — латиноамериканский профессиональный революционер. Родился в Аргентине, с 1956 года участвовал в кубинской революции, после победы которой стал президентом Национального банка Кубы и министром национальной промышленности. В 1965 году вернулся на континент, включился в партизанскую войну в Боливии, где и погиб. Оскар Моргенштерн (1902–1978) — американский математик и экономист, создатель (вместе с Джоном фон Нейманом) теории игр, автор множества трудов по методологии статистического и математического анализа политико-экономических проблем. Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский историк, писатель и политический мыслитель. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства, откуда и пошел термин «макиавеллизм».

С. 124. *...от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду...* — 11,186 и 2,375 км/с — вторая космическая скорость (она же скорость убегания) на Земле и Луне, необходимая для вывода ракет за пределы соответственно земной и лунной гравитации.

С. 162. *...методу, описанному в «Похищенном письме»...* — имеется в виду известный рассказ Э.А. По.

С. 200. *Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие»...* — один из эпизодов американской Войны за независимость. В 1773 году в знак протеста против беспошлинного ввоза в Америку чая из Англии, что подрывало экономику колоний, члены организации «Сыны свободы» проникли на стоявшие в порту английские корабли и сбросили чай в море.

С. 242. *Это Томас Джефферсон...* — Джефферсон Томас (1743–1826) — третий президент США (1801–1809), автор проекта Декларации независимости. Сведения о его рационал-анархизме — целиком на совести профессора де ла Паса.

С. 278. *...парс по происхождению...* — парс — представитель религиозной группы зороастрийцев, переселившихся в Индию в VII– XII веках из Персии. Причиной их переселения послужило завоевание Ирана арабами.

С. 301. *...когда я возлагал венок у моста в другом районе Бостона, Конкорде...* — У моста Конкорд-бридж в 1776 г. произошла стычка между американскими повстанцами и британскими регулярными войсками — первое сражение Войны за независимость.

С. 340. *Это классический маневр «Перл-Харбор» в теории игр...* — Существует версия, согласно которой президент Франклин Д.Рузвельт сознательно игнорировал данные разведки о нападении, готовящемся японцами на Перл-Харбор, чтобы тем самым поставить страну в ситуацию, когда вступление ее в войну окажется неизбежно. Документальных подтверждений такой точки зрения нет.

С. 443. *Слим уговорил Хейзел сменить фамилию на Стоун...* — Хейзел Стоун неоднократно появляется в романах Хайнлайна («Космическое семейство Стоун», «Число Зверя», «Кот, проходивший сквозь стены», «Уплыть за закат»).

К роману «Пасынки Вселенной»

Этот роман Хайнлайна поначалу представлял собой две отдельные повести — «Вселенная» («Universe») и «Здравый смысл» («Common Sense»). Их журнальный вариант появился в 1941 году. В 1963 году автор объединил эти повести в одну книгу под общим заглавием «Orphans of the Sky». Наиболее правильно было бы переводить это название как «Сироты небесные», с явной отсылкой на библейские темы, но с легкой руки Юрия Зараховича, который в 1977 г. осуществил сокращенный перевод романа на русский язык, он стал известен в России как «Пасынки Вселенной». Предлагаемый читателям уточненный перевод сделан переводчиками Александром Митюшкиным и Еленой Беляевой.

С. 449. *Экспедиция к Проксиме Центавра.* — Центавр (*лат.* Centaurus) — это созвездие в Южном полушарии, невидимое, к сожалению, с территории России. В нем находится ближайшая к Солнечной системе звезда — Проксима (от лат. proximus — ближайший) Центавра, красный карлик, отстоящий от Солнца на 4,3 световых года.

...спонсированная Фондом Джордана... — название фонда вызывает сразу несколько ассоциаций. Во-первых, оно может быть связано с увековечиванием имени итальянского философа Джордано Бруно (1548–1600), последователя Коперника, впервые высказавшего мысль о множественности обитаемых миров во Вселенной. Во-вторых, как справедливо заметил А.Балабуха (1993), именно так звучит по-английски название библейской реки Иордан — последнего рубежа перед входом в Землю Обетованную, а ведь создатели фонда тоже думали о достижении новых рубежей — далеких звезд.

С. 460. *...Под вопросом даже изначальное значение слова «мут».*— В английском языке «mut» является первым слогом и слова «мутант» (mutant), и слова «мятежник» (mutineer).

С. 465. *...микроцефал...*— Микроцефалами в медицине называют людей, отличающихся ненормально малой величиной черепа и соответственно головного мозга.

С. 472. *...Джим считал величайшим из людей Алана Квотермейна...*— имеется в виду не реальный человек, а один из героев известного английского писателя Генри Райдера Хаггарда (1856–1925), действующий в ряде романов («Алан Квотермейн», «Копи царя Соломона», «Айша», «Возвращение Айши», «Люди тумана» и др.).

...Джо отдавал пальму первенства Джону Генри — Джон Генри был героем американского «железнодорожного фольклора», широко распространившегося в эпоху строительства трансконтинентальных железных дорог; был наделен невероятной физической силой и носил прозвище «Стальной Человек».

...почти так же им нравился Райслинг, «слепой певец космических дорог»...— жизнь и стихи Райслинга описаны Хайнлайном в замечательном рассказе «Зеленые холмы Земли».

С. 491. *...все-таки — он движется!* — Намек на знаменитую фразу, которую якобы произнес Галилео Галилей (1564–1642) после вынужденного отречения от учения Н. Коперника по приговору суда Святейшей инквизиции в 1633 г.: «А все-таки она вертится!».

С. 495. *Он читал «Собрание стихов» Браунинга...*— Роберт Браунинг (1812–1889), классик английской литературы, поэт.

С. 510. *...корабля «Авангард»*... — наконец-то космический корабль назван по имени (по-английски его название звучит Vanguard). Интересно, что в другом романе Хайнлайна («Время звезд», 1956) также упоминается, что первая космическая экспедиция полетела с земли к Проксиме Центавра на корабле «Авангард», однако судя по тексту это были разные экспедиции. Впрочем, в своих произведениях Хайнлайн описывает события «Истории будущего», укладывающиеся в несколько разных «параллелей времени».

К роману «Дети Мафусаила»

Роман «Methuselah's Children» написан в 1941 году, то есть относится к самому раннему периоду творчества Хайнлайна. В 1958 г. вышла в свет переработанная версия романа, перевод которой и приведен в настоящем томе (помимо данного существуют также переводы П.Киракозова, Я.Войтко, А.Петро-

ва). Поскольку изложенные в романе идеи очень много значили для автора, в своих поздних произведениях 70–80-х годов Хайнлайн вернулся к описанию истории «семей Говарда», особенно мощно эта тема прозвучала у него в самом последнем романе («Уплыть за закат», 1987), обретя психологическую достоверность и философскую глубину. Следует еще сказать, что в романе «Кот, проходящий сквозь стены» (1985) соединились продолжения сюжетных линий романов «Дети Мафусаила» и «Луна — суровая хозяйка».

С. 577. *...достопочтенный Борк Вэннинг...*— этот титул в США используется при обращении к консулам, начальникам управлений министерств, членам Конгресса и мэрам крупных городов.

С. 586. *Вудро Вильсон Смит* — Два первых имени герой романа получил в честь Вудро Томаса Вильсона (1856–1924), 28-го президента США, талантливого законодателя, инициатора вступления США в Первую мировую войну. Его новое имя — Лазарь восходит к Библии. Впрочем, только в этом переводе Лонга зовут Лазарем. Остальные переводчики предпочли латинизированную форму «Лазарус». Лазарус Лонг — это один из любимых персонажей Хайнлайна. Он встречается в таких произведениях, как «Достаточно времени для любви», «Число Зверя», «Кот, который проходил сквозь стены», «Уплыть за закат» (последний роман посвящен описанию истории жизни матери Лазаруса Лонга).

С. 595. *...все проходит...*— слова эти были вырезаны на перстне царя Соломона.

...корабль Второй Экспедиции к Центавру...— Первая экспедиция была, судя по всему, организована фондом Джордана в 2119 году (роман «Пасынки Вселенной»).

С. 613. *...Мафусаил...*— (*древнеевр.*— «муж Господень», либо «муж оружия») библейский персонаж — символ долголетия. Так звали одного из благочестивых патриархов, сына Еноха и деда Ноя, жившего дольше всех людей, а именно 969 лет, и умершего в год Всемирного Потопа (Книга Бытия, гл.5, ст.21–27).

С. 615. *...Эндрю Джексон Либби* — Ранняя юность Либби описана Хайнлайном в рассказе «Неудачник» (1939). Кроме того он присутствует в поздних романах писателя «Число зверя» и «Уплыть за закат».

С. 627. *...Homo vivens и Homo moriturus...*— (*лат.*) человек живущий и человек умирающий (смертный).

С. 630. *...с помощью анабиоза...*— Анабиоз (от греческого «анабиозис» — оживление) — состояние организма, при котором жизненные процессы резко замедляются.

С. 632. *...не собирается продавать Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски, а равным образом — и право первородства за чечевичную похлебку...*— Губернатор колонии Новая Голландия в 1646–1664 годах Питер Стайвезант (1592–1672) приобрел у индейцев племени манхэттен остров, за которым закрепилось это название. Первородство же покупал у своего старшего брата Исава будущий патриарх и родоначальник народа израильского Исаак (Книга Бытия, гл.25, ст.29–34).

С. 639. *...но иноземные дьяволы все равно явились...*— когда корабли под командованием американского коммодора Мэтью Колбрайта Перри (1794–1858) навели на японскую столицу стволы корабельных орудий, они вынудили японские правительство подписать Договор 1854 года, положивший конец более чем двухвековой самоизоляции Японии от внешнего мира и открывший для американских кораблей порты Хакодате и Симода.

С. 645. *...во время дорожных забастовок 1966...*— Упоминаются события новеллы Хайнлайна «Дороги должны катиться».

С. 648. *...и суда Линча...*— Судом Линча именуется акт вынесения приговора без соблюдения законной процедуры и приведение в исполнение этого приговора на месте. Назван по имени Чарлза Линча (ум. 1796) — американского плантатора и мирового судьи, председательствовавшего в Вирджинии на внезаконных судилищах во времена Войны за независимость.

С. 657. *...«Мэйфлауэр»...*— парусник, на котором в 1620 году прибыли в Новую Англию отцы-пилигримы.

С. 684. *...как же с эффектом Допплера...*— Австрийский физик и астроном Кристиан Допплер (1803–1853) первым указал в 1842 году на существование эффекта, которому впоследствии было присвоено его имя. Этот эффект заключается в изменении длины волны или частоты, наблюдаемом при движении источника излучения относительно его приемника: при приближении к источнику длина волны уменьшается, а при удалении возрастает.

С. 688. *ipso facto* —(*лат.*) «в силу самого факта».

...побеседуем о солипсизме...— философское учение, признающее несомненной реальностью только сознающего субъекта и объявляющее все остальное существующим лишь в его сознании.

С. 695. *...фраунгоферовы линии...*— спектральные линии поглощения в спектрах Солнца и звезд, являющиеся результатом рассеяния и поглощения электромагнитного излучения светил (главным образом, верхними слоями их атмосфер, но также и атмосферой Земли). Открыты они были в 1814 году У.Волластоном, а детально исследованы в тот же год немецким физиком Йозефом Фраунгофером (1787–1826).

...к звездам класса...— По интенсивности линий в их спектрах в зависимости от физических условий в атмосферах звезд (температура, давление и др.) все они делятся на спектральные классы, обозначаемые латинскими

буквами: O-B-A-F-G-K-M, причем ряд этот расположен в порядке убывания температуры (от 30 000 до 3000 °К). Звезды спектральных классов O и B — голубые, A и F — белые, G — желтые (к ним относится и наше Солнце), K — оранжевые, M — красные.

С. 729. *Сокращение Лоренца-Фицджеральда* — подразумевает сокращение размеров тел в направлении их движения при скоростях близких к скорости света. Эта идея эта практически одновременно и независимо сформулирована голландским физиком Хендриком Антоном Лоренцом (1853–1928), лауреатом Нобелевской премии 1902 года, и Джорджем Фрэнсисом Фицджеральдом (1851–1901), физиком из Ирландии.

С. 732. *Приемы Бербанка* — Американский селекционер Лютер Бербанк (1849–1926), автор многих сортов плодовых и овощных культур.

...монаха Грегора Менделя...— Австрийский селекционер Грегор Иоганн Мендель (1822–1884), применив статистические методы при анализе результатов своих опытов по гибридизации сортов гороха, Мендель сформулировал законы наследственности, изложенные им в «Опытах над растительными гибридами» (1866). Эта забытая на долгое время работа впоследствии стала основой всей современной генетики.

С. 733. *... про доктора Хьюго Пинеро...*— Имеется в виду герой рассказа Хайнлайна «Линия жизни».

С. 737. *...прозвали малышей Малым Народцем...*— Малым Народцем британская фольклорная традиция называет фейри (слово происходит от старофранцузского *fey* и с легкой руки Шекспира вошло в обиход, заменив английское *elf* — эльф): эльфов, гоблинов, брауни и прочих.

С. 746. *... остров Гдетотам...*— волшебный остров, где обитает Питер Пэн — герой сказочной повести английского писателя Джеймса Мэтью Барри (1860–1937) «Питер Пэн и Венди» (1911).

С. 759. *...экспериментов Майкельсона-Морли...*— Альберт Абрахам Майкельсон (1852–1931) — американский физик, президент Национальной Академии наук (1923–1927), лауреат Нобелевской премии 1907 года. В 1881, 1886–1887 и 1929 годах провел серию опытов по обнаружению так называемого «эфирного ветра» (то есть движения Земли относительно неподвижного эфира). Часть экспериментов проводилась совместно с другим американским физиком, Морли. Опыты показали, что скорость света не зависит от направления движения, и легли в основу теории относительности Альберта Эйнштейна.

Комментарии А. Ермолаева, Н. Ютанова

СОДЕРЖАНИЕ

ЛУНА – СУРОВАЯ ХОЗЯЙКА
Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер 5

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
Перевод Е. Беляевой, А. Митюшкина 445

ДЕТИ МАФУСАИЛА
Перевод Д. Старкова 573

Комментарии 777